

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ

К 25-летию социологического образования в России

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2014

УДК 316
ББК 60.5
С65

С65 IX Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Приоритетные направления развития социологии в XXI веке: К 25-летию социологического образования в России. Сборник материалов. Электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 857 с.

ISBN 978-5-19-011040-1

Сборник составлен из материалов, присланных российскими и иностранными учеными в Оргкомитет IX Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2014». Тексты публикуются в авторской редакции. Материалы цензуре не подвергались; мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов.

Издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, магистрантов и студентов, интересующихся актуальными проблемами и разработками социологической науки.

Подготовка материала к верстке: Ильиных О.В., Букина А., Ипполитова М.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-19-011040-1

Методология концептуального анализа при построении социологического исследования: проблемы и решения

Аверин Ю.П.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Выступление посвящено способам разработки логики и процедур концептуального анализа при теоретическом построении социологического исследования как одному из приоритетных направлений развития социологии. Концептуальный анализ раскрывается как последовательность логически вытекающих друг из друга исследовательских моделей различного уровня конкретности.

Рассматриваются подходы к выбору теории в зависимости от содержания исследуемой социальной проблемы и уровня, на котором анализируется исследуемое явление (макроуровень, микроуровень); то, как меняется понятийный аппарат исследования одного и того же явления в зависимости от выбранной теории. Выбор теории (теорий) определяется исходя из вида исследования: описательное, описательно-объяснительное, объяснительное.

Раскрывается последовательность процедур выбора понятий в рамках выбранной теории. Анализируются проблемы определения простых и сложных понятий для выделения социальной границы исследуемого явления, перехода от сущностности к содержанию понятия для построения концептуальной модели исследования.

На уровне определения понятий анализируется проблема перехода от общих, концептуальных свойств исследуемого явления к конкретным, наблюдаемым свойствам, составляющим содержание модели переменных исследования. Раскрываются критерия определения понятия как переменной исследования и способы выведения гипотез как причинно-следственных связей между переменными.

Обосновывается, что предлагаемое решение проблем концептуального анализа при построении социологического исследования позволяет придать ему

универсальную значимость, интегральный характер, повышает возможность выявления закономерностей функционирования и развития исследуемых явлений, объяснительную и прогностическую силу результатов социологического исследования.

Насилие в образовании: теоретические аспекты проблемы

Аганов П.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Тема насилия – одна из центральных концептуальных и парадигмальных в истории мысли XX в. Две мировые войны потрясли человечество своей жестокостями, деструктивностью, унесших миллионы человеческих жизней. Многочисленные региональные конфликты; террор, рост преступности и криминализация демократических обществ, основанных на морали потребления и конкуренции – современный признак состояния мирового сообщества. Все это способствовало легитимации насилия как в социально-политических практиках и структурах, так и в сознании индивидов и целых социальных групп.

Рассмотрение проблемы насилия невозможно вне системы образования, вне широкого педагогического процесса как управленческого процесса. Образование – важнейший элемент общественной системы, который продуцирует и воспроизводит смыслы, ценности, нормы на которых основано управление. Ценностно-нормативная база насилия закладывается в системе образования, в педагогическом процессе.

Традиция изучения насилия и его роли в социальной практике и культуре довольно широка. Данной проблематикой занимались философы, психологи, юристы-криминологи, социологи – Ч. Ломброзо, Р. Крафт-Эббинг, З. Фрейд, Э. Фромм, Ж. Батай, Ж. Делез, Ф. Гватари, П. Клоссовски, М. Бланшо, Р. Барт, М. Фуко и др.

В процессе образования встречаются два мира, два способа действовать. Происходит приобщение (поглощение) институционализированным образова-

нием личности ученика, студента. Деформация его мира и включение его как очередной составляющей в процесс обучения. И образование, в целом, мыслится как система процедур, направленных на ученика-новичка таким образом, чтобы достичь его вхождения в некоторую реальность, которая в процессе образования формально выступает как «предмет». Здесь насилие представляется фактом нежелательным, но неизбежным. А, следовательно, грамотная организация образовательного процесса предполагает сведение к минимуму, а в перспективе – исключение фактора насилия в образовании.

В процессе социализации человек приобретает определенный социальный опыт. Этот опыт, будучи субъективно усвоенным, становится неотъемлемой частью личности и впоследствии активно воспроизводится. Социализация ребенка происходит как в специальных институтах, так и в неформальных группах. Важнейшими институтами социализации являются семья и школа. Социализация может носить как целенаправленный и регулируемый, так и нерегулируемый, стихийный характер.

Воспитание и образование это формы социализации, которые носят целенаправленный и регулируемый характер. Однако как в семье, так и в школе ребенок усваивает не только те знания и нормы, которые декларируются взрослыми, но и тот сопутствующий, случайный опыт общения, через который ребенок проходит сам или который наблюдает со стороны.

Система образования и воспитания в России, хотя и декларирует гуманистические принципы, на самом деле демонстрирует авторитарный, доминантный подход, что является не чем иным как насилием. Авторитарная система предполагает жесткий контроль над поведением детей, требует беспрекословного подчинения и выполнения указаний учителя, не считается с мнением детей, лишает их права выбора. Эта система, определяет порой невыполнимые учебные нормы и стандарты.

Психологическое насилие над детьми скрытый феномен, который не подлежит обсуждению в обществе, и считается нормальным явлением. Его не замечают взрослые, но очень хорошо чувствуют дети. Насилие присутствует во

всех звеньях институтов социализации – семье, дошкольных учреждениях, школе.

Рассматривая систему образования можно сказать, что насилие проявляется в двух видах – формальной и неформальной. Формальная сторона включает в себя содержание учебных программ и организацию учебного процесса. Неформальная включает межличностные взаимодействия.

Современные учебные программы, направленные на раннее и ускоренное развитие интеллекта в начальных классах приводят к физическим и эмоциональным перегрузкам детей и тоже выступают как инструмент насилия против детей.

Дети, которые не справляются с программой, терпят двойное насилие и в школе, когда их принуждают заниматься тем, что им не под силу и дома, когда их упрекают за плохие оценки и заставляют готовить уроки. Часто совместное приготовление домашних заданий детей с родителями кончается криком со стороны родителей или даже побоями.

Формальный уровень насилия системы образования, т.е. учебные программы и стандарты, влияют на неформальный уровень, т.е. на межличностные отношения детей со своими родителями (наказание за плохую успеваемость). Насилие со стороны родителей в свою очередь является причиной насилия между детьми в школьных группах.

Чувство страха – это основное чувство, которое использует преступник, преследуя свою жертву. Это чувство активно насаждается всей системой воспитания и образования, усваивается детьми в процессе социализации и затем, вырастая, они используют это чувство как средство контроля, способ подчинить другого и обрести власть.

Страх, как рычаг управления поддерживается теми стереотипами общества, которые устанавливают иерархию в отношениях между людьми и задают правила общения между людьми, находящимися на различных ступенях иерархической лестницы. Одно из оснований разделения людей по разным иерархическим уровням – это фактор возраста. Взрослый всегда выше, сильнее, и ребе-

нок должен ему подчиняться. Другой фактор иерархии, согласно социальным стереотипам – это гендерная роль. Мужчина находится на более высокой ступени социальной лестницы, чем женщина и поэтому имеет больше власти. Но первичным в ходе индивидуального развития человека является фактор возраста. Именно на этом этапе личностного развития человек усваивает неравенство в отношениях, критерии распределения по различным ступеням иерархии и способы взаимодействия между людьми, находящимися на различных уровнях. Будучи субъективно усвоенным, этот опыт в дальнейшем активно воспроизводится. Человек согласно полученным критериям относит себя к какому-то уровню и выбирает роль либо имеющего власть, либо подчиняющегося власти.

Если ребенок с детства будет ощущать себя равноправным членом общества, имеющим право на свое мнение, на собственный выбор, он будет относиться также и к остальным людям. Став взрослым, он не будет распределять людей по различным уровням социальной иерархии, по критерию возраста, статуса, расы, половому признаку, тогда можно будет остановить круг воспроизводства насилия, в том числе гендерного. Если мы хотим когда-нибудь жить в мире без насилия, то дети не должны быть рабами и терпеть насилие со стороны взрослых.

Литература:

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 480 с.
2. Госс Ж. Ключевые понятия гуманистической и христианской концепции ненасилия // Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993. С. 19–27.
3. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 287 с.
4. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.
5. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–28.

6. Гелих О.Я. Проблема насилия в менеджменте // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. № 2. С. 183–200.
7. Гелих О.Я. Свобода как ценность и как проблема управления в открытом обществе // Детство и общество: Философские и культурологические аспекты. Материалы Международной конференции «Ребенок в современном мире. Открытое общество и детство». СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 196 с.
8. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 27–37.

Анализ документов как способ изучения политической культуры (региональный аспект)

Алхасов Ш.А., Власова Н.В.

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

В настоящее время политическая культура российского общества является собой культуру внутренне расколотую, в которой преобладают нормы и ценности патриархально-традиционалистского типа, отображающие низкий гражданский статус личности и доминирование государственных форм регулирования жизни над механизмами самоуправления и самоорганизации общества.

В результате ведущее на сегодняшний день положение в политической культуре российского общества завоевали ценности коммунитаризма (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счете – ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни). В то же время по преимуществу персонализированное восприятие власти, а также нравственный характер требований к ее деятельности определяют стремление большинства граждан к поиску харизматического лидера («спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса), непонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью. Причем

явная непопулярность контроля за властями сочетается у людей со слабым уважением законов государства и политических норм.

Таким образом, одна из насущных задач реформирования российского государства и общества – преобразование политической культуры на основе ценностей демократического типа, правовых норм и отношений индивида и власти.

В рамках заявленной проблематики был использован традиционный анализ документов. В качестве последнего выступил «Кодекс профессиональной этики сотрудников Правительства Ульяновской области и исполнительных органов государственной власти Ульяновской области» – официальный документ, размещенный на сайте губернатора и правительства Ульяновской области, утвержденный и подписанный С.И. Морозовым 20 мая 2013 г. По технике проведения традиционного анализа, текст подвергся сплошной нумерации абзацев, их количество составило 97.

Анализ «Кодекса профессиональной этики сотрудников Правительства Ульяновской области и исполнительных органов государственной власти Ульяновской области» (далее «Кодекс») показал, что формально как бы востребован руководитель, относящийся к ригористическому типу политической культуры. Об этом свидетельствуют следующие положения «Кодекса»: «...неукоснительное соблюдение при исполнении должностных обязанностей и требований законодательства...» (6); «...постоянно контролировать свое поведение, чувства и эмоции, не позволяя личным симпатиям или антипатиям, неприязни, недоброму настроению или дружеским чувствам влиять на служебное поведение» (28); «служение государству и общественным интересам» (8); «неподкупность – противостояние проявлению коррупции во всех ее видах...»(9); «...исполнять должностные обязанности в пределах полномочий соответствующего органа государственной власти, добросовестно и на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы органов государственной власти» (17); «...придерживаться делового стиля поведения, основанного на самодисциплине и выражающегося в профессиональной компетентно-

сти, обязательности, аккуратности, точности, внимательности» (19); «сотрудники должны всемерно содействовать формированию позитивного облика органов государственной власти и воздерживаться от поведения, которое могло бы нанести ущерб их репутации или авторитету» (15); «...воспринимать и решать проблемы людей как свои собственные» (18); «не проявлять подобострастия и пренебрежения к людям независимо от их служебного положения и социального статуса» (21); «соблюдать нейтральность, исключаящую возможность влияния на служебную деятельность решений политических партий, иных общественных объединений» (24).

Поскольку Кодекс определяет принципы и наиболее важные правила профессиональной этики сотрудников, то можно говорить о существовании политико-моральных, этических аспектах, в силу которых появляются мотивы для действий. Это та большая часть политическая культура, которая порождает различные инициативы экономической направленности, создающее порыв для твердой и решительной деятельности, т.е. люди принимающие решения должны удовлетворять определенным политико-культурным требованиям.

Демократизировать политико-культурные качества российского общества можно, прежде всего путем реального изменения гражданского статуса личности, создания властных механизмов, передающих властные полномочия при принятии решений законно избранным и надежно контролируемым представителям народа.

Литература:

1. Дергунова Н.В., Волков А.В., Кадничанская М.И., Светушков М.Г., Власова Н.В., Степанова О.В., Галкина Е.П. Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области (коллективная монография). Ульяновск. Издательство УлГУ, 2008. 213 с.

Особенности формирования этнической идентичности в межнациональных семьях

Ананьина В.Т.

На сегодняшний день в Российской Федерации с увеличением миграционных потоков и кризиса национальных отношений исследование проблем межнациональных семей приобретает актуальность. Отметим, что в связи с ростом числа межнациональных семей проблема этнической идентичности, приобретает особое значение на уровне семьи.

В последнее десятилетие понятие этнической идентичности активно исследуется как отечественными, так и западными учеными.

В данной статье мы исходим из социологического подхода к изучению этнической идентичности. Центральным для нас является выявление механизмов самоопределения индивидов в этнических группах.

В данной статье мы понимаем, что этническая идентичность является одним из компонентов социальной идентичности. Как справедливо отмечает И. Феоктистов, «...перед гражданами таких наций не возникает вопрос о принятии множественность, она является неотъемлемой составляющей их существования». Иллюзия выбора «кем быть» заключается в том, что существует возможность избрания между уже имеющимися вариантами, состоящими из элементов, которые могут быть лишь выражены в большей или меньшей степени, в зависимости от ситуации или сферы деятельности¹.

В рамках исследования нам представляется наиболее эффективным инструменталистский подход к анализу этнической идентичности, поскольку он учитывает как объективные условия формирования, так и возможные ситуативные воздействия. Соответственно, мы исходим из следующего понимания этнической идентичности – это процесс осознания и самоотнесения личности со значимой этнической общинностью в результате усвоения этностереотипов; сопоставления характеристик, приписываемых своему народу, и «другому»;

¹Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=210342&p=2> (дата обращения: 01.10.2014).

языка «своего» этноса; представлений о культуре, традициях и вероисповедании своей этнической группы и степени их освоения.

Межнациональная семья рассматривается в широком смысле, как социальный институт, с акцентом на этносоциализацию и этническую идентификацию, результатом чего является формирование установок на этническую толерантность. В узком смысле сущность межнациональной семьи мы видим в идее А.И. Антонова, о наличии триединого отношения супружества-родительства-родства².

Источником для рассмотрения проблемы формирования этнической идентичности послужили результаты социологического исследования, которое проводилось в 2014 г. методом анкетного опроса среди межнациональных семей (объем выборки N=835 чел.). Территориальные рамки нашего исследования охватывают Уральский федеральный округ, в состав которого входят шесть субъектов Российской Федерации, четырех областей и двух автономных округов. Административный центр Уральского федерального округа – г. Екатеринбург. При обработке статистических данных использовался пакет статистических программ SPSS 18.0.

Причины низкой социальной активности граждан в решении местных проблем

Антипов К.А.

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Россия, Пермь*

Социальная активность является важнейшим способом существования саморегулирующихся систем, которые способны контролировать свои действия, направляя их к достижению заранее установленных целей. Местное самоуправление, являющееся такой саморегулирующейся системой, опираясь в своем

²Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 2009. С. 65.

функционировании на интересы местного сообщества в состоянии решать насущные проблемы граждан. На местном уровне легче реализовать общественные инициативы, использовать политические институты для «вхождения» в политику. При современной российской политической системе именно на местном уровне может сохраняться конкуренция, что гораздо меньше представлено на федеральном или региональном уровнях. Реальное становление местного самоуправления как института гражданского общества в любой стране невозможно без активного участия местного сообщества. Однако участие граждан в местном самоуправлении, их самоорганизация на местах, характеризуются как очень нестабильные и слабые. В чем же причины низкой социальной активности граждан в системе местного самоуправления?

Существенной причиной низкой активности населения в решении местных проблем, является большое *социальное расслоение общества*. В реалиях, даже на селе, не говоря о городах, существует две крупных группы граждан: очень богатые и очень бедные. Эти группы, живущие на одной локальной территории практически ничего не объединяет. Первая группа за высокими заборами, с хорошей охраной живет собственной жизнью с европейским уровнем комфорта. Вторая – большая часть местных жителей, живущих на небольшой заработок, пытаюсь вытянуть уровень потребления за счет кредитов, подработок. Прослойка между этими группами – пресловутый «средний класс» пока крайне немногочисленный, а раз так, то между первой и второй группой нет своеобразной «подушки безопасности». Неприятие друг друга носит характер скрытой напряженности. Разница в уровне жизни, перспективах развития, не способствует солидарности между полярными группами. У них не возникает желания объединять свои усилия для решения даже тех проблем, которые носят общий характер. Проживая в одном населенном пункте у них больше различного, чем схожего.

Справедливым является утверждение социологов Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубинина о том, что «можно говорить о растущем разрыве между разными коммуникативными сообществами россиян (центром и периферией страны, бо-

лее и менее образованными, успешными, доходными, между руководителями и рядовыми работниками, молодежью и пожилыми)» [1, с. 71]. Подобный социальный разрыв не дает в полной мере устанавливать связи и взаимодействия на местном уровне, делая солидарность между гражданами очень низкой.

Второй, существенной причиной можно назвать разобщенность, размытость общества. Известный английский социолог З. Бауман отмечал, что современное общество базируется на индивидуализированности и атомизированности людей. Атомизация состоит в том, что общество дробится на отдельных индивидуумов, которые поддерживают между собой минимальный уровень общения, социальные связи также характеризуются слабостью. «Атомизированные индивидуумы», которые порождаются современным обществом, оказываются неспособными к устойчивым социальным связям за пределами семьи, работы. Человек рассчитывает только на свои индивидуальные усилия и достижения, не осознавая того, что отграничивая себя от той или иной социальной общности, он не может решить проблемы общего значения.

Исторический опыт показывает, что для решения многих социальных проблем недостаточно усилий государства или органов власти. Они зачастую концентрируются лишь на крупных вопросах, оставляя внимание вопросы, значимые для рядовых граждан и локальных общностей. Исходя из этого, неизбежна кооперация граждан на местном, локальном уровне, так как они все равно испытывают потребность в коллективном решении бытовых, жилищных и других социальных проблем вопросов, то есть таких, которые непосредственно их касаются и которые индивидуально они решить не в состоянии.

Литература:

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Здоровье в предметном поле социологии³

Антонова Н.Л.

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Здоровье – это ресурс, который индивид может сохранить и преумножить, а может и утратить в силу как объективных, так и субъективных факторов. Здоровье – интегрированный показатель биологических, социально-культурных и экономических процессов в обществе. Социологи исследуют здоровье, чтобы иметь возможность разработать инструменты регулирования отношения к нему индивида, его социальную обусловленность и ценность (Л.М. Дробижева).

Традиционно показателем здоровья выступает система демографических индикаторов: заболеваемость, смертность, продолжительность жизни и др. Сегодня в русле социологии здоровья этот перечень расширяется. Так, в качестве ключевых социологи выделяют совокупность показателей субъективного толка, к числу которых можно отнести самооценку здоровья, место здоровья в структуре ценностей, механизмы заботы о здоровье и пр.

Обращаясь к измерительным процедурам социологического анализа, следует обратить внимание на ряд определений, в которых здоровье и норма выступают тождественными понятиями, причем здоровье является нормой не только с медико-биологических позиций, но и с позиций социальных. Так, Т. Парсонс рассматривает болезнь наряду с преступлением как вид девиации, имеющую некоторые отличия. Болезнь затрудняет эффективное выполнение социальных ролей членам общества. Необходимость оказывать помощь больному также отвлекает членов общества от выполнения собственных функций. Здоровье членов общества, таким образом, это норма социальная, необходимая обществу для его стабильности, успешному функционированию и развитию. Французский исследователь М. Фуко, разделяя идеи Т. Парсонса, считал, что больной не способен работать, но если он помещен в больницу, это становится

³ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-66015 а/У.

для общества двойной нагрузкой.

Большая часть населения находится в «третьем состоянии» (И.И. Брехман), в состоянии неполного здоровья. Абсолютно здоровых людей в обществе практически нет, это скорее идеал, к которому должен стремиться индивид. Относительное здоровье выражено в тезисе «практически здоров», который активно используют в своей практике врачи. Так, например, в справке от врача о состоянии здоровья ребенка указывается «практически здоров» и она может служить основанием для его отдыха в оздоровительном лагере или посещения бассейна.

Разделяя позицию ряда авторов, мы полагаем, что возможен качественно-количественный социологический подход в измерении здоровья, на основе которого можно выстраивать прогнозные сценарии его развития и предлагать профилактические меры.

Таким образом, здоровье в русле социологической концептуализации имеет двуединую природу. С одной стороны, индивид предстает как уникальный биологический организм, приспособленный к окружающей среде; с другой стороны, индивид есть продукт социального развития, это личность, включенная в общности и в группы, в социальное пространство, и выполняющая определенные социальные функции. Здоровье имеет и биологические, и социальные основания, и характеризует состояние индивида как биосоциальной системы/целостности/существа.

Вместе с тем, сегодня поле исследовательского анализа здоровья становится шире. Особое внимание привлечено к изучению функционирования институтов, деятельность которых направлена на сохранение и развитие здоровья (Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков, А.В. Решетников и др.). Мы имеем в виду, прежде всего, институт здравоохранения, целевые установки которого направлены на диагностику, лечение и профилактику различного рода заболеваний. Одной из главных особенностей здравоохранения выступает его ориентация на больных людей, именно им предназначены все медицинские и социальные ресурсы. Вслед за рядом исследователей констатируя ухудшение здоровья насе-

ления, институт здравоохранения в предметно-целевое поле должен включить и ряд новых направлений, связанных с формированием санитарно-гигиенической культуры, норм самосохранительного поведения; стать центральным звеном в процессе взаимодействия личности и социальных институтов (семьи, образования, отдыха и т.п.) в сфере здоровья. Отсюда приоритетной должна стать ориентация на здоровье здоровых людей, профилактика рискованного поведения и формирование культуры здоровьесбережения.

Источником для рассмотрения проблемы формирования этнической идентичности послужили результаты социологического исследования, которое проводилось в 2014 г. методом анкетного опроса среди межнациональных семей (объем выборки N=835 чел.). Территориальные рамки нашего исследования охватывают Уральский федеральный округ, в состав которого входят шесть субъектов Российской Федерации, четырех областей и двух автономных округов. Административный центр Уральского федерального округа – г. Екатеринбург. При обработке статистических данных использовался пакет статистических программ SPSS 18.0.

Безопасность детства как вектор современной социальной политики

Антропова Ю.Ю.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Рассматривается проблема сужения пространства детства в ее взаимосвязи с негативными тенденциями развития современного социума. Выявлено влияние системы ценностей общества постмодерна, информационной культуры, городского ландшафта и пр. на детское поведение и на развитие личности ребенка в целом.

Констатируется: уменьшение возможностей самостоятельного территориального передвижения детей, ведущее к сужению возможностей спонтанного поведения, уменьшению количества социальных интеракций и к снижению интенсивности социального взаимодействия детей в разных социальных обстоя-

тельстввах, приводящее в конечном итоге к нарушению процессов передачи социально-исторического опыта и адаптации в социуме, социальным деструкциям и девиациям.

Фиксируется: снижение роли семьи в воспитании и развитии детей, обеспечении их нравственной и физической безопасности, распространение таких явлений, как социальное сиротство и «скрытое» социальное сиротство. Социальное сиротство является фактором, разрушающим эмоциональные связи ребенка с окружающей социальной средой, с миром взрослых и сверстников, вызывает серьезные вторичные нарушения физического, психического и социального развития, приводит к так называемым депривационным психическим расстройствам. В последние годы на первый план выдвигается проблема психологической изоляции ребенка в семье, где для него не хватает времени, где родители не способны эмоционально с ним сблизиться, где отсутствует эмпатия и безусловное принятие ребенка со стороны взрослых членов семьи, где нарушена связь поколений.

На сегодняшний день специалисты говорят о субклинической депривации подрастающего и последующих поколений, характеризующейся ростом жестокости и правонарушений среди молодежи, ее социальной пассивностью, увеличением количества суицидов, всплеском аффективных, невротических и психических расстройств у детей и подростков, нарушениями в освоении ими социальных ролей и установлении эмоциональных связей.

Отмечается общая тенденция формирования детско-родительских отношений в современных благополучных семьях, заключающаяся в эмоциональном отвержении ребенка. Причем, чем выше образовательный и социальный уровень родителей, тем чаще они применяют методы эмоционального наказания ребенка, которое включает эмоциональное отвержение. Наблюдается уменьшение воспитательных ресурсов родителей, в частности, снижение качества и количества речевого, доверительного общения с ребенком, изменение родительских установок, рост авторитаризма, установление взаимоотношений на принципах превосходства и подчинения, фиксирование внимания на недо-

статках ребенка.

Современные детско-родительские отношения характеризуются как «ненадежные» взаимодействия (термин заимствован из работ М. Эйнсворт и К. Рубина), в которых родители не диалогичны и не сензитивны, не чувствуют ребенка, раздражаются, ведут себя неровно, не любят ребенка, не реагируют на его чувства, потребности, не поддерживают уверенность ребенка в себе и т.д. Процесс воспитания в современной семье носит зачастую дисконтинуальный (прерываемый) характер: проявляемое время от времени расположение к ребенку сменяется «отсутствием интереса» к нему, в результате чего ребенок живет в атмосфере «эмоциональной Антарктиды».

Также приводятся результаты проведенного социологического исследования современного российского мегаполиса, который анализируется с позиции «город, доброжелательный к детям». Констатируется пагубность влияния тенденций развития современных мегаполисов на личность ребенка, а в дальнейшем – на общество в целом. Высокоурбанизированная среда становится фактором, разрушающим эмоциональные связи ребенка с окружающим миром, со взрослыми и сверстниками, вызывает серьезные вторичные нарушения психического и социального развития.

В заключении рассматриваются основные приоритеты развития государственной социальной политики на современном этапе, одним из которых выступает безопасность детства.

Социально-стрессовые расстройства: диагностика и профилактика

Аргунова В.Н., Пеунова С.М.

Вятский государственный гуманитарный университет, Россия, Киров, АНО

«Академия развития Светланы Пеуновой», Россия, Самара

Социальные трансформации последних десятилетий оказали сильнейшее психотравмирующее воздействие на граждан России. Большая часть населения страны фактически переживает хронический стресс. Ситуация информационной и социальной неопределенности повышает нервно-психическое

напряжение населения страны, становится благодатной почвой для развития пограничных расстройств, т.е. патологических реакций на стресс, неврозов, патологических личностных расстройств, психопатии, психосоматических заболеваний, провоцирует формирование алкогольной и наркотической зависимостей.

На уровне общеврачебной практики пограничные психические расстройства составляют 20–30% случаев. 15% населения нуждается в какой-либо форме психотерапевтической помощи, 8% детей нуждаются в психиатрическом вмешательстве, для подростков эта цифра достигает 10%. Смертность от суицидов выходит на первые места в структуре смертности. Серьезные изменения переживает институт брака и семьи, дети из неполных семей составляют подавляющую долю контингента педагогически запущенных.

Причины этого деструктивного процесса разнообразны, но все они являются характерными для нарушения адаптации. У людей возникает спектр эмоциональных, когнитивных и поведенческих нарушений. Эти нарушения не специфичны, полиморфны по проявлениям, они не являются болезненными, с точки зрения клинической психопатологии, но представляют собой донозологический уровень реагирования.

Кандидатом психологических наук С.М. Пеуновой разработана и применяется на практике программа неспецифической профилактики социально-стрессовых расстройств, основанная на принципах интегративной психотерапии. Данная психопрофилактическая программа по форме представляет собой вариант психообразовательного подхода и предполагает обучение практически здоровых людей навыкам рефлексии собственного поведения и способам саморегуляции психического состояния. Методика не предполагает использования суггестивных психотехнических подходов таких, как внушение, гипноз. Цели достигаются путем активного формирования «внутренней картины» здоровья, обучения сознательному контролю собственных мыслей и переживаний, формирования личностной активности в отношении мыслей и чувств, обретения

навыка саморегуляции негативных психоэмоциональных состояний.

Программа психопрофилактики построена в виде школы: обучающего курса, сочетающего в себе комплекс трех организационных форм обучения (массовой, групповой, индивидуальной), в которых усвоение материала происходит по дедуктивному принципу (от общего к частному). На лекционных занятиях происходит формирование позитивных когнитивных карт и конструктов. Лекции построены по принципу саногенного мышления. Слушатели знакомятся с общефилософскими и научными законами, которым подчиняется развитие общества в целом и каждого человека в частности. Здесь также дается информация о правилах культуры питания, закаливания, распорядка дня и так далее.

Затем эти знания усваиваются в форме групповых занятий. Здесь практикуется аутогенная тренировка с элементами самоанализа и медитации. Во время индивидуальных консультаций участники учатся применять полученную информацию, меняя свое отношение к происходящему, приобретая навыки саморегуляции и позитивной саморефлексии. Так в поведенческом аспекте приобретаются новые конструктивные навыки реагирования на обстоятельства личной или общественной жизни.

Для закрепления полученных знаний и навыков слушатели школы выполняют домашние задания в виде упражнений, направленных на развитие способности к рефлексии, самонаблюдению и самоанализу, ведутся дневниковые записи. Усвоение программы проходит в четыре этапа. На первом этапе формируются позитивные представления, доступные для безболезненной интеграции в систему мировоззрения человека. На втором этапе выявляются и осознаются противоречия между субъективной картиной мира и общечеловеческими ценностями. Слушатели обучаются распознавать несоответствия собственных мировоззренческих концептов универсальным и формулировать выявляемые противоречия. На третьем этапе устраняется внутренний конфликт ценностей, происходит изменение иерархии ценностей, закрепление качественно иного миропонимания. На четвертом этапе происходит закрепление сфор-

мированных навыков когнитивного и эмоционального реагирования в жизненных ситуациях.

Данная программа доказала свою эффективность. В течение 18 лет на основе запатентованной методики работает некоммерческая организация «Академия развития Светланы Пеуновой», оказывающая широкий спектр психологических услуг. Отзывы слушателей, подтвержденные медицинской статистикой показывают, что программа способствует устойчивому и долговременному накоплению адаптивного потенциала и развитию качеств зрелой личности, что является эффективной профилактикой социально-стрессовых расстройств.

М. Мита о социологии будущего

Ардельянова Я.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современной социологии существует расхождение в понимании, что такое социология будущего: социологическое прогнозирование и проектирование будущего или же трансформация и появление новых предметных областей в социологии, изменение методов и принципов изучения социальных явлений и процессов.

В истории социологии активные дискуссии на тему предмета социологии будущего начались в 1970–1980 годы. Данная отрасль научного знания была представлена, например, в таких работах как: *The sociology of the future. Theory, cases, and annotated bibliography* (Bell W., Mau J. (eds.) 1971) [1], *Nine these on the future of sociology* (Giddens A., 1987) [2], *On the future of sociological theory* (Abel T., 1981) [3]. В данных работах социология будущего рассматривается в контексте переосмысления предметной и методологической сторон науки.

Среди современных работ по теме социологии будущего стоит отметить такие как *Towards a new sociology of the future* (Adam B., 2004) [4], *The sociology of the future: tracing stories of technology and time* (Cynthia S., 2008) [5]. Но в данном рассмотрении социология будущего мыслится как непосредственно социо-

логические подходы к описанию общества будущего.

Представляется интересным описать подход к пониманию социологии будущего, предложенный профессором Токийского университета М. Мита [6]. Фактически М. Мита рассматривает социологию будущего как будущее социологии.

Согласно М. Мита социология будущего включает в себя две задачи: предвидеть будущее общества и проектировать его. И, соответственно, его теория, состоящая из трех курсов (траекторий) социологии будущего, отвечает данным задачам.

Концепция М. Мита основана на принципах историзма и сравнительного анализа и включает в себя следующие части: логистическая кривая и осевые века в истории (в данном курсе задаются рамки социологии будущего), изменение ментальности в период пост-развития общества, либеральные ассоциации симфонических коммун.

Первые две части учат нас предвидеть будущее общества, а третий курс – проектировать его, создавать основу, рамки свободного общества.

Также в качестве дополнительных компонентов концепции М. Мита, которые составляют теоретическую основу социологию будущего, можно выделить следующие: теория общества гипер-модерна, в которой автор рассматривает динамику, противоречия и будущие возможности информационно-потребительского общества; сравнительную социологию времени и теорию происхождения самости – главных концептов современного общества, как пишет автор.

М. Мита выделяет три стадии в истории, и утверждает, что социология была сосредоточена на описании Второй стадии развития общества (модерна), как противоположности Первой стадии. Социология современности, которая является новой отправной точкой в человеческой истории, теперь стоит на позиции, с которой способна одновременно объективизировать и рассматривать Вторую стадию гигантского и быстрого социального роста как целое. А также современная социология способна предсказывать и предвидеть сущность обще-

ства Третьей стадии пост-развития истории.

М. Мита, использует методологию сравнительного анализа типичных поколенческих установок, которые разделяют люди в современном периоде быстрого развития общества и тех установок, которые люди разделяют в период пост-развития. Таким образом, М. Мита предлагает предсказывать и предвидеть состояние общества будущего.

Литература:

1. The sociology of the future. Theory, cases, and annotated bibliography / Ed. by W. Bell, J. Mau. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1971. P. 329.
2. Giddens A. Nine these on the future of sociology // Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge: Polity Press, 1987. Ch. 2. P. 22–51.
3. Abel T. On the future of sociological theory // Int.Soc.Sei. J. 1981. Vol. XXXm. N 2.
4. Adam B. Towards a new sociology of the future. URL: <http://www.cardiff.ac.uk/socsi/futures/newsociologyofthefuture.pdf>
5. Cynthia S. The sociology of the future: tracing stories of technology and time // Sociology Compass. 2008. Vol. 2. N 6. P. 1878–1895.
6. Mita M. Three treatises in the sociology of future. Paper presented at the ISA Conference, Iokohama. P. 1–70.

Украина на геополитическом распутье истории в XXI веке

Арсеенко А.Г.

*Институт социологии Национальной академии наук Украины, Украина,
Киев*

За время «реформ» Украина превратилась из одной из развитых стран мира в «больного человека» Европы. На пороге XXI в. она оказалась в состоянии экономического и демографического кризисов, братоубийственной войны и утраты способности к воспроизводству государственного суверенитета. В

связи с этим уместно вспомнить, что украинский историк М. Грушевский писал, что если в начале XX в. Украина не обретет государственность, то она «надолго останется источником новых конвульсий» [1, р. 51]. Однако этому пророчеству не суждено было сбыться.

По признанию американского политолога Ш. Гарнетта, в XX в. СССР «стала не источником «новых конвульсий», а одной из индустриальных, аграрных и военных опор Советского государства» [2, р. 3]. В составе СССР она достигла колоссальных успехов. В 1989 г. СССР, примерно равная по территории и населению Франции, в расчете на душу населения производила больше Франции: нефти (включая сжиженный газ) почти вдвое, природного газа – в десять раз, угля – в 12 раз, стали – в 3 раза, железной руды – в 13 раз, тракторов – почти в 6 раз, хлопчатобумажных тканей – в 2 раза, сахарной свеклы – более чем вдвое, картофеля – в 3,5 раза, сахара, рыбы и других морепродуктов – в 1,5 раза [3, с. 474–475]. В то же время на счету СССР были весомые научно-технические достижения. Многие из них до сих пор не превзойдены в мировой практике.

Высокий экономический, культурный, трудовой и научный потенциал Украины вселял надежду на успешное вхождение Украины в глобальную экономику на правах равноправного партнера. Эти иллюзии подогревались ее «доброжелателями» в США, заинтересованными в разоружении нашей страны, обладавшей третьим ядерным потенциалом в мире. В то время США предоставляли ей щедрые валютные подачки, но они быстро прекратились после вывоза тактического ядерного оружия и демонтажа МБР.

С тех пор интересы США были перенаправлены на превращение Украины в «мягкое подбрюшье» России. В дополнение к этому ей была отведена роль сторожевого пса США на «постсоветском» пространстве с целью пресечения интеграционных попыток РФ. Эта задача сформулирована в Резолюции № 120 Конгресса США, принятой Палатой представителей 4 сентября 1996 г. и Сенатом 20 сентября 1996 г. В ней говорится: «Правительству Украины следует продолжить действия в защиту своего суверенитета и суверенитетов других не-

зависимых государств бывшего Советского Союза посредством противодействия появлению любой политической или военной организации, которая могла бы обладать потенциалом способствовать реинтеграции государств бывшего Советского Союза» [4, p.18]. Для реализации этих установок США инспирировали две «цветные» революции и профашистский государственный переворот, ввергший страну в братоубийственную войну.

Проведение «неолиберальных реформ» под эгидой ВБ – МВФ, которые выступают в роли «экономических убийц», не привело ни к созданию социального государства, ни к утверждению социально-ориентированной экономики, ни к повышению эффективности народного хозяйства, ни к появлению эффективного собственника. Зато так называемая «народная приватизация» привела к концентрации 90% национального богатства в руках 100 семей на фоне массового обнищания трудового народа.

Экономика Украины до сих пор не достигла и 70% ВВП УССР. По величине ВВП в 1992 г. Украина занимала 14-е место, в 2013 г. – 42-е место в мире. По размеру ВВП на душу населения по ППС она опустилась ниже многих стран «третьего мира» и в 2013 г. оказалась на 139-м месте в мире. Население страны уменьшилось с 51,9 млн в 1991 г. до 42,9 млн человек по состоянию на июнь 2014 г. За 20 лет «реформирования» экономики была полностью сломана социальная структура общества. Соотношение доходов верхних и нижних 10% населения в Украине составляет 40:1. В результате она заняла 2-е место в мире по неравенству в распределении национального богатства и опередила в этом отношении даже США (4-е место).

Таким образом, в итоге «реформ» в Украине подорваны все несущие опоры (подсистемы) государства (экономическая, демографическая, культурная, социально-структурная и др.) что лишает ее способности к сохранению государства как системы. В этом контексте она вскоре может столкнуться с проблемой развала страны и стать легкой добычей других государств. В конечном итоге, судьба Украины будет зависеть от того, сумеет ли ее народ взять свою судьбу в свои руки и отстоять ее будущее в борьбе с правящей олигархи-

ей и бандеровским фашизмом. В противном случае ей суждено стать источником «новых конвульсий» с непредсказуемыми последствиями.

Литература:

1. Hrushevsky M. The historical evolution of the Ukrainian problem. L., 1915.
2. Garnett S.W. Keystone in the ark: Ukraine in the emerging security environment of Central and Eastern Europe. Washington, DC, 1997.
3. Рассчитано по: Народне господарство Української РСР у 1990 році. Стат. щорічник. К., 1991.
4. The Ukrainian Weekly. 1996. 13 Oct.

Вопросы развития социального потенциала населения (на материалах Республики Крым)

Арсланова С.К.

ГАОУ ВПО «Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт», Россия, Набережные Челны

В июле-августе 2014 г. было проведено социологическое исследование в Республике Крым. Целью исследования является изучение социального потенциала работающего населения Крыма в современных условиях. В процессе формирования выборочной совокупности были выделены следующие единицы анализа, которые представляют типологизированные группы населенных пунктов РТ: города (Симферополь, Саки, Евпатория), сельские районы (Белогорский район, Сакский район).

В ходе опроса важно было охватить разные группы населения. Распределение респондентов по социальному положению: 1) рабочий 25,3%, 2) служащий 36,6%, 3) крестьянин, работник сельского хозяйства 1,6%, 4) интеллигенция (в том числе непроизводственная, ИТР, сотрудник НИИ и КБ) 30,1%, 5) руководитель, предприниматель, коммерсант 4,4%, 6) работающий студент 0,5%, 7) работающий пенсионер 1,6%.

Инструментарий для опроса (анкета) включает два взаимосвязанных

блока, которые направлены на анализ социального потенциала и населения и социального самочувствия жителей Республики Крым. В нашей статье мы остановимся на некоторых аспектах социального потенциала населения в сфере трудовой деятельности.

Для реализации и развития предпринимательской и инновационной составляющей социального потенциала граждан территории, который важен во всех сферах трудовой деятельности, необходимо исследовать потребности работающего населения в обучении, планировать обучение персонала на местах, поддерживать стремление сотрудников к самообучению. Продуманная система управления сотрудниками позволяет задействовать совокупный социальный потенциал на рабочем месте.

Так, по данным нашего исследования большинство (64,0%) опрошенных крымчан трудоспособного возраста не испытывают недостатка знаний при выполнении своих должностных обязанностей. Двумерный анализ результатов анкетирования позволил определить социальные категории, которые испытывают недостаток знаний при выполнении своей работы. Так 42,6% служащих в той или иной мере отметили недостаточность своих знаний для выполнения должностных обязанностей. Это можно пояснить переходом на ведение деятельности по законодательству РФ. В конкретизации ответов респонденты-служащие так и отмечали – наличие потребности в знании законов РФ. Большинство опрошенных крымчан (62,9%) хотели бы повысить свою квалификацию. Уже повышали профессиональную квалификацию за последние 5 лет 62,4%. Примерно столько же, сколько испытывает потребность в повышении квалификации. Из доли тех, кто повышал профессиональную квалификацию, 71,6% были направлены на обучение руководством, 29,3% – нашли курсы повышения квалификации самостоятельно и 0,9% – повышали квалификацию как по собственному желанию, так и по направлению руководителей. Достаточно большая доля опрошенных работающих крымчан оплачивали повышение квалификации самостоятельно – 44,8%. Чуть более половины – 56,0% – получили оплату повышения квалификации от организации. Бесплатные курсы повыше-

ния квалификации посещали 4,3%. Большинство работающих респондентов (71,5%) уверены, что руководство их организаций поддерживает инициативу сотрудников к обучению и сами не раз обращались с предложениями по улучшению своей работы.

Современная модель менеджмента – менеджмента постиндустриальной эпохи – требует изменения самой философии менеджмента – стремление к совершенствованию и инновациям. Потенциал социально-экономических систем зависит от создания таких условий в системах управления, в которых сотрудники могут проявлять инициативу и стремятся к развитию.

Потребность в предпринимательстве, организации собственного дела характеризует предпринимательский подход к ведению любой деятельности. Так 44,6% опрошенных крымчан так или иначе задумывались о собственном бизнесе. В основном двигателем предпринимательского потенциала выступило: желание получать достойную оплату труда (23,3%), решить материальные проблемы (16,7%), потребность выжить в новых экономических условиях (12,9%). Хотят реализовать свои предпринимательские потребности 11,8%. Профессионально реализоваться настроены 7,5%. Стать хозяином своей судьбы в предпринимательской деятельности хотели бы 5,9%. Таким образом, в ходе опроса выявлено, что половина респондентов-крымчан не думали о собственном бизнесе (46,8%), а также 2,2% затрудняются ответить на этот вопрос.

В социологическом аспекте экономический потенциал – это сфера трудовой деятельности человека и групп. Он представлен ресурсом трудовой, производственной активности субъектов. Трудовой потенциал выступает как предпринимательский. Он реализуется как исполнительский и творческий труд, как управление и как хозяйственная деятельность.

**Взаимосвязь потребностей основных субъектов образовательного процесса
в обеспечении качества профессиональной подготовки
выпускников УрФУ**

Артем О.Я.

Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург

Дискуссии о проблемах повышения качества профессионального образования в последнее время приобретают особую значимость. Данные обсуждения свойственны целому ряду субъектов образовательного процесса (работодателям, преподавателям, студентам).

Во-первых, с существующим ускорением темпов обновления научных знаний от специалиста с высшим образованием требуется наличия навыков, отражающих основные тенденции развития конкретной профессии. Качество образования стало определяться «нацеленностью на будущее», т.е. готовностью к пониманию, принятию и быстрому освоению разнообразных инноваций в той сфере трудовой деятельности, где будет работать выпускник вуза. Во-вторых, традиционно студент с помощью преподавателей приобретал на лекциях, семинарах основную сумму профессиональных знаний и навыков. В настоящее время данный опыт работы потерял прежнюю стабильность. На лекциях преподаватель может только обозначить для учащихся направленность поиска тех знаний, которые определяют их становление в качестве специалистов. В-третьих, актуальной проблемой является согласованность у преподавателей вуза, работодателей и самих обучающихся представлений о содержании тех требований, которые предъявляются к современному востребованному специалисту.

Расхождение в ориентациях на содержание и способах получения качественного образования у трех основных субъектов этого процесса ведет к снижению эффективности тех мер его обеспечения, которые в настоящее время предпринимаются многими вузами.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет социологический подход, основанный на изучении результатов социологических исследований российских и зарубежных коллег, которые были посвящены рассмот-

рению вопросов об удовлетворенности и соответствии качества профессионального образования потребностям работодателей, студентов и преподавателей вузов, а также в целом современного производства.

Эмпирическую базу научно-исследовательской работы составляет исследование, в котором автор данной работы принимал активное участие. Сроки проведения исследования были следующие: с 17 февраля по 30 апреля 2014 года. Основной его целью выступало выявление общего и особенного в представлениях работодателей, преподавателей, студентов УрФУ о качестве получаемого образования и определение уровня готовности основных субъектов образовательного процесса к работе по его повышению в современных условиях. В качестве основного метода сбора мнений был выбран формализованный опрос (по анкете) и метод глубинных интервью. Общее количество опрошенных работодателей составило 150 человек, преподавателей 187, студентов 495 из разных институтов УрФУ.

В работе представлены основные результаты мнений исследуемых субъектов о качестве предоставляемого образования в УрФУ, анализируется их взаимосвязь, исследуется соответствие качества образования требованиям современного производства, указаны основные направления работы, рекомендации по повышению качества подготовки студентов к успешной профессиональной деятельности.

В результате полученных мнений студентов было выявлено, что качество образования задается, прежде всего, производством, потребностями работодателей, а не преподавателями и студентами. Учащиеся должны получить знание о том, какого работника требует современное производство, чтобы стать конкурентоспособным специалистом. Около 80% опрошенных считают, что они в той или иной степени соответствуют требованиям работодателей. При этом было выявлено, что опыт сочетания учебы с работой на старших курсах, а также в магистратуре, ведет к тому, что работа побуждает выработать те качества, которые дают возможность достаточно успешно справляться с требованиями работодателей.

Преподаватели отметили, что их главной задачей является выработка у студентов разных видов компетенций, обеспечивающих способность молодых специалистов эффективно применять теоретические знания, практические навыки для разрешения проблемных ситуаций, возникающих при использовании современных технологий и технических систем.

Исследование выявило мнения работодателей о тех требованиях, которые они предъявляют к нынешним выпускникам вузов. Сравнение ответов трех групп опрошенных показало, что мнения преподавателей и студентов совпадают с позициями работодателей в понимании роли умения быстро включаться в новую, непривычную работу (в среднем 70%); способности находить новые решения проблем, возникающих в работе (60%); умения управлять людьми (около 30%).

Результаты комплексного социологического исследования позволили разработать конкретные предложения по повышению качества образовательного процесса на основе согласования представлений о способах решения этой задачи работодателями, преподавателями и студентами. С помощью исследования были получены предложения о возможных формах сотрудничества с УрФУ при подготовке молодых специалистов.

Факторы и особенности восприятия потенциала сотрудничества с РФ в союзнических государствах (на примере восприятий армянской аудитории Facebook)

Атанесян А.В.

*Факультет социологии Ереванского государственного университета, Армения,
Ереван*

Тема нелюбви к России в мире обсуждается чаще, нежели – любви к ней, в частности, в связи с событиями в Украине. И если ближнее зарубежье по-прежнему воспринимается в России как исторически и географически близкое, а дальнее зарубежье – как профессионально знакомое, то является ли подобное знание адекватным изменяющимся реалиям, а также инструментально полез-

ным как минимум для обеспечения собственных безопасностных интересов? В частности, стремление бывших союзников к ассоциации с ЕС на не всегда просчитанных условиях, их отказ от стратегического взаимоотношения с РФ на прежних условиях, утеря стратегического влияния РФ в Грузии и Азербайджане, подобные риски для РФ в Молдове, традиционный антирусский тренд в Украине, перетекший в масштабную и техногенную антироссийскую мобилизацию на уровне элиты и общества – все эти факты свидетельствуют о том, что в РФ особенности и технологии «мягкой силы» далеки от применения как минимум на том уровне, на котором их применяли в СССР и тем более так, как их стратегически применяют США.

Кроме всего прочего, интенсивное общение с экспертами из Армении, Казахстана, Украины, Узбекистана и других постсоветских стран показывает, что по частому мнению коллег, в Российском руководстве уже многие годы не только не знают особенностей их стран, но зачастую напрямую игнорируют их интересами и опасениями, связанными с проведением в этих странах российской политики. Интересно заметить, что даже если российские действия и решения никак не угрожают национальным интересам данных стран, то по форме реализации представляют собой односторонние, стихийные, информационно не сопровождаемые толчки и порывы, основанные на неведомых большинству населения и известных лишь нескольким представителям авторитарных элит причинах, межличностных неформальных договоренностях между ними, на коррупционных связях, компромате и экономических угрозах. Естественно, что подобная политика не может восприниматься адекватно и положительно ни на уровне общества, ни в профессиональном сообществе. В частности, распространено мнение, что Газпром в качестве основного «агента» проведения российской политики используется в качестве совокупной «мягкой» (в минимальных пропорциях) и «жесткой» силы. Подобный подход к проведению российских интересов через газовую трубу является изначально ошибочным и будет приводить к дальнейшим рецидивам точно так же, как это произошло в Украине.

Целый ряд вопросов во взаимоотношениях между Россией и ее традиционными союзниками, в том числе Арменией, зависит от ряда факторов, в том числе от степени открытости и прозрачности принимаемых решений, от представленности этих решений авторитетными в данных обществах. То, через кого в странах-союзниках проводится пророссийская политика, может иметь обратный эффект как с точки зрения имиджа РФ в данном обществе, так и с точки зрения оценки в обществе формата взаимоотношений между странами.

Мы решили прозондировать проблемы и риски, связанные с взаимоотношениями между Арменией и РФ на современном этапе, используя полузакрытый анкетный опрос среди армянских пользователей Facebook⁴. Вопросы анкеты были нацелены на выяснение мнения респондентов относительно роли России в обеспечении безопасности в регионе, их отношения к создаваемым РФ региональным объединениям (таким, как ОДКБ, ТС и ЕвразЭС) в сравнении с западнцентристскими альтернативами. Одним из вопросов было выяснение мнения респондентов относительно того, какие субъекты в Армении (президент, правительство, бизнес элиты, интеллигенция, средний класс, молодежь и т.д.) преимущественно являются проводниками российской политики, и, соответственно, кто поддерживает прозападное направление. В качестве актуального контекста, способного положительно или отрицательно повлиять на отношение к России в Армении, был взят украинский кризис, включая присоединение Россией Крыма (одним из вопросов анкеты было то, как армянские респонденты относятся к присоединению Крыма к РФ).

Опрос не претендует на количественную объемность и представляет собой попытку пилотной оценки ситуации и анализа вероятных рисков, связанных с возможным недопониманием интересов армянского общества в связи с армяно-российскими безопасностными взаимоотношениями. Кроме того,

⁴Анкета была создана и распространена в Facebook-е через функциональную платформу для проведения онлайн-опросов SurveyMonkey Enterprise. Анкета была разослана 19.08.2014 и доступна по адресу <https://ru.surveymonkey.com/s/S9M6Q7K> вплоть до ее закрытия 30.08.2014 числа, когда ответы прекратились. На анкету ответило 255 респондентов.

опрос позволяет прозондировать настроения пользователей соцсетей, что с учетом включенности виртуальной коммуникации в политический дискурс и политические процессы является в определенном смысле полезным.

Ислам в политических и интеграционных процессах глобализации

Ахмедова М.Г.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Вопрос о роли ислама в политических и интеграционных процессах в условиях глобализации представляется важным и сложным для социально-гуманитарного дискурса. В современных мировых процессах наблюдается усиления исламского фактора на международной арене, что не может не вызывать определенную тревогу со стороны Запада и США. Взгляд и отношение к исламу со стороны Запада в основном негативный. Но тревогу вызывает исламский мир на Западе, прежде всего в политическом и экономическом плане. Первую очередь это связано с процессами глобализации, которая затронула абсолютно все стороны жизнедеятельности общества. Хотя процессы глобализации протекают не в интересах всех стран, тем не менее, эти процессы вызывают тревогу, как со стороны противников глобализации, так и со стороны тех, в чьих интересах она протекает.

Исследователи вашингтонского Института мировой экономики в докладе подготовленном к Всемирному экономическому форуму по Ближнему Востоку, отмечают (Маркус Иоланд и Говард Пэк), если этот регион сможет с выгодой использовать «демографические дивиденды», то «ученые мужи будущего будут восхвалять дисциплинированную исламскую этику как залог развития так же страстно, как клеймят ее сегодня в качестве препятствия экономического роста». Такая перспектива не может не вызывать опасение со стороны стратегов тех стран, чье процветание напрямую связано с установлением непаритетных международных отношений.

О важности анализа этих вопросов и прогноза развития событий в будущем говорят многие исследователи. По мнению немецкого исследователя П.

Антеса, вопрос о том, по какому пути пойдет развитие исламского мира «имеет огромное значение и для той части человечества, которая не принадлежит к мусульманской общине, поскольку исламский мир становится важным политическим и экономическим фактором для всего земного шара, во всяком случае для Европы и Америки». К этому можно добавить и то обстоятельство, что со временем все более увеличивающееся число мусульман будет проживать за пределами исламского мира и их жизнь окажется непосредственно связанной с жизнью местного немусульманского населения. Таким образом, и те, кто не является мусульманами, втягиваются в развитие исламского мира, в процесс принятия решений.

Современная глобализация и сопутствующая ей модернизация в очередной раз поставили вопрос о характере дальнейшего пути развития исламского мира и необходимости решения этого вопроса. Некоторые мусульманские страны, например Турция, пытаются решить этот вопрос в русле секуляризации. Другие страны ищут выход в возвращении к исламской истории, первоначальному исламу. Представляется, что вопрос о будущем развитии исламского мира сегодня находится в стадии движения, становления.

Необходимость решения вопроса о будущем исламского мира определяется еще и тем, что расбалансировка сил в глобальной политике, произошедшая с окончанием «холодной войны», привела к образованию однополярного мира. Как уже было сказано, исламский мир становится важным фактором в мировой политике, и его значение как уравнивающего баланс мировых сил элемента глобальной политической системы может оказаться решающим. Это тем более актуально на фоне усилившегося в последнее время давления Запада на остальной мир, в том числе мусульманский. Давление это вызвано, во-первых, отсутствием в мире баланса сил, отсутствием равного Западу контрагента, представленного какой-либо одной политической системой, а также, падением авторитета ООН.

Глобализация, модернизация и, как следствие этих процессов, отток больших масс населения из сельской местности в города способствовал стрем-

лению этих масс сохранить свои корни, не утратить самоидентификацию в условиях новой для них реальности, увеличившаяся миграция мусульман в страны с другими культурами повысила значимость ислама как основы идентичности мусульман, в среде иноверцев религия стала вновь объединяющим фактором в условиях проживания за пределами исламского мира. Глобализационные процессы, способствовала активизации общения между различными цивилизациями, увеличению частоты контактов, а значит, повышению интереса не только к другим, но и к себе, к своим корням для лучшего понимания себя, своей позиции при ведении диалога с остальным миром.

Главной проблемой исламского мира в его дальнейшем продвижении является все еще большой уровень невежества как в области изучения собственно ислама, так и светских наук. Эта же проблема является одной из основных причин появления многочисленных радикальных организаций, выступающих от имени ислама. Осуждение деятельности таких организаций осложняется отсутствием в мусульманском мире «общепризнанной высшей богословской инстанции», которая могла бы закрепить или объявить это решение в качестве общемусульманской нормы.

Устранение незнания должно привести мусульманский мир к более ясному пониманию ислама, развитию науки, повышению уровня благосостояния. Хочется еще раз подчеркнуть в завершении, что ислам не призывает мусульман к изоляции от остального мира, а поощряет заимствование позитивных достижений других цивилизаций.

Наша страна обладает уникальными возможностями соединить в одном государственном органе исламскую и христианскую цивилизацию. Это вынуждает страну к принятию определенных политических форм и стратегий и занятию принципиальной исторической позиции.

Россия как многонациональная и поликонфессиональное государство за долгую историю сосуществования и взаимообогащения различных этнических групп и конфессий прежде всего православных и мусульман накопила богатый опыт, что он может быть полезен миру, который некоторые политики пытаются

загнать в пропасть межцивилизационной войны.

Межкультурная коммуникация как творческий процесс

Бабич И.Н., Корниенко О.Ю.

Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании», Москва, Россия, Факультет глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Идеи, развиваемые П.А. Сорокиным о том, что переходные периоды от одного вида социокультурной реальности к другому сопровождаются всеобщим кризисом общества и культуры, обретают актуальность в условиях глобальных трансформаций и изменений в нашей стране. Следствием отсутствия новых ориентиров, кризиса системы образования, кризиса самоидентификации и кризиса коммуникаций являются попытки переосмысления традиционных научных взглядов, изменения парадигмы познавательной деятельности. Переход от одной системы истины к другой, по мысли классика социологии, означает величайшую революцию в сознании людей [1, с. 292].

С развитием сетевых коммуникаций и появлением принципиально новых форм социальной активности людей возрастает значение ценностных факторов в образовании. Для школьников и студентов современное социальное пространство – это интернет и социальные сети. Найти искомую ссылку, услугу, материал к занятиям для молодого поколения не составляет никаких усилий. Количество информации увеличивается, однако целостной картины мира не создается. Стереотипизация общения обедняет информационную структуру коммуникации. Мир остается кусочками калейдоскопа: исчезают причинно-следственные связи, нет осознания взаимозависимости событий и своей сопричастности им.

Конструирование новой стратегии научного и образовательного сотрудничества, где глобальные коммуникации объединяют преподавателей, студентов, учителей, специализирующихся в различных областях естественнонаучно-

го и гуманитарного знания, осуществляется на основании междисциплинарных подходов. При этом особенно важное значение приобретают диалог и научная коммуникация. «Коммуникация заложена в самой основе наиболее обратимого из процессов, доступных человеческому разуму, – прогрессивного роста знания» [2, с. 245].

Поиск новых подходов к изучению социальной коммуникации реализуется в творческом диалоге общественной организации «Женщины в науке и образовании», руководимой доктором физико-математических наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Г.Ю. Ризниченко, и ученых-исследователей и студентов факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. В совместной деятельности приобретаются практические навыки исследования коммуникативных процессов в обществе в контексте глобализации и роли образовательных структур в модернизации России. Исследователи сосредотачивают свое внимание на следующих аспектах: 1) изучение взаимодействия социальных структур и коммуникативной деятельности их представителей, 2) влияние информационных и коммуникационных технологий на новые механизмы социализации личности в информационном обществе, 3) включение в обучение идей теории самоорганизации с позиций межкультурных коммуникаций для адаптации в динамичном и стремительно меняющемся мире. При создании учебного материала и разработке способов его предъявления методология синергетики позволяет рассмотреть проблему мышления обучаемого как задачу его универсальной творческой самоорганизации и плодотворно решить проблему креативной коммуникации науки и искусства. Креативное начало в поиске информации и ее производстве реализуется в работе с творческими тетрадами, рассматривающими исторический, социокультурный и информационный аспекты становления процессов межкультурной коммуникации. Творческая тетрадь «Креативная коммуникация» объединяет информацию разных курсов: истории, географии, биологии, информатики, литературы, русского и иностранных языков, мировой художественной культуры. Вырабатываются познавательные практики нового типа, направленные на овладение методами толе-

рантной сетевой коммуникации, а также активная позиция неприятия агрессии, ненависти, национализма в киберпространстве. Получение базовых знаний безопасного и этичного поведения в сети способствует развитию коммуникативной активности учащихся. Принятый подход прошел апробацию в школах московского региона.

В результате поддержки высокого уровня познавательных и творческих способностей учащихся формируются личности ноосферного масштаба, ответственные за свое настоящее и будущее мира. Дополняя социологическое знание теоретическими обобщениями нового порядка и конкретной практикой, научное и педагогическое сообщество вносит свой вклад в методику, обуславливающую адекватную передачу и восприятие социально значимой информации в межличностной и массовой коммуникации.

Литература:

1. Питирим С. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Под общ. ред. и с послесл. В.И. Аршинова, Ю.Д. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. Изд.6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Теоретические мосты между изучением интеграции и регионализации

Багаева А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Россия, Москва

Шаги по сближению исследований в области интеграции и регионализации в первую очередь наметились в русле государственно-центричных теорий. Наиболее влиятельная школа в этом направлении рассматривает регионализацию как результат давления извне. Согласно исходным установкам этого

направления, региональные объединения могут возникать для противостояния внешней экономической или политической опасности. В рамках данной школы возникла теория регионализации как альтернативы неолиберальной глобализации. Объединение территориально близких и приблизительно одинаково развитых суверенных государств в региональные организации ведет к тому, что суверенное государство не ослабевает, а становится движущей силой интеграции, так как региональные организации – союзы государств.

Вторая школа в рамках государственно-центричного подхода рассматривает региональную взаимозависимость как естественный процесс, независимый от государственной политики. Исследователи этой школы трактуют регионализацию как процесс, идущий «снизу вверх», а не «сверху вниз». Обращается внимание на естественное взаимопроникновение рынков и установление связей между частными компаниями. Внешние угрозы не играют особой роли, так как причина регионализации лежит не вне, а внутри региона. Государству отводится вторичная роль, так как регионализация оказывается не результатом сознательной политики государств, а естественным процессом.

На практике естественное регионообразование и государственная политика дополняют и взаимно усиливают друг друга. Существуют понятия «регионализация де-юре» и «регионализация де-факто», или же «формальная» и «неформальная» регионализация.

В развитии теорий «когнитивного регионализма» конструктивистская трактовка регионализации опирается на теории национального строительства, предполагающие, что нации существуют не «естественно» и «извечно», а искусственно конструируются в период модернизации. Регионы, в понимании конструктивистов, не являются чем-то «естественным» или «заданным». Региональная идентичность, как и национальная, требует, с одной стороны, представления о некоторой общей культуре, истории, традициях, общем хозяйственном или политическом прошлом. С другой стороны, она нуждается в образе «другого». Так, ЕС по мере углубления интеграции вынужден все больше противопоставлять себя «другим» международным и региональным акторам.

Исследователи, стоящие на позициях конструктивизма, считают, что современная региональная схема начала формироваться лишь в середине XX в. Большинство регионов являются следствием холодной войны. Конструктивизм отходит от государство-центризма, поскольку его сторонники не сводят регионы к лишь объединениям государств. Граница региона может не совпадать с границей государства.

В понимании сторонников конструктивизма регионы, как и нации, являются «воображаемыми сообществами», принадлежность к которым определяется субъективно. Отсюда региональная схема обладает подвижностью, а новые регионы возникают вопреки разделению карты мира на старые региональные пространства. Из этого следует необходимость создания специальной области исследований, посвященных конкретному региону, первыми из которых появились «европейские исследования».

Сближение исследований интеграции и регионализации наблюдается и у представителей культурологической школы, для которых региональная идентичность естественна, потому что регион объединяется в первую очередь общностью культуры, языка, хозяйства и т.д. Данный подход аналогичен примордиализму в теории нации, воспринимающему нацию не как продукт модернизации, а как общность, естественно возникшую значительно раньше. Сторонники данной школы фактически отождествляют регион с «цивилизацией», т.е. с культурно-экономически-политическим единством.

Нельзя не отметить, что идеи сближения региональных исследований с проблематикой интеграции обнаруживаются и на поле теорий панрегионализма, которые можно считать специфической геополитической моделью мира, построенной на основе концепции «больших пространств». Меридиональные панрегионы – глобальные экономические блоки, объединенные единой социально-политической панидеей.

Теория коммуникации понимает интеграцию как сплоченное и безопасное сообщество, исповедующее общие ценности и ведущее к развитию совместной идентичности, акцентирует внимание на контактах между социальными

ми группами и индивидуумом в интеграционном объединении. Смыслом интеграции считается формирование сообщества безопасности, основанного на общих (либерально-демократических) ценностях. Существенное значение придается чувству совместной идентификации.

И интеграция, и регионализация с полным правом могут быть отнесены к многомерным явлениям. Опыт всех успешных проектов региональной интеграции позволяет говорить о наличии в региональном интегрируемом пространстве не просто взглядов на интеграционное развитие, а постоянно идущей дискуссии в экспертном сообществе, средствах массовой информации и общественном мнении о характере, темпах, эффективности институтов интеграционного процесса.

Изучение социологии международных отношений сквозь призму анализа научных произведений

Баженов А.М., Мартынова Т.М.

Тульский государственный университет, Россия, Тула

Социология международных отношений относится к числу сравнительно молодых гуманитарных дисциплин, хотя их истоки можно найти в социально-политической мысли прошлых столетий и даже тысячелетий. При изучении социологии международных отношений студент должен получить тот теоретический багаж, с помощью которого он сможет самостоятельно разбираться в специальной литературе, посвященной вопросам о соотношении стихийности и управляемости международных процессов, о возможностях и методах регулирования политических кризисов, о наличии закономерностей в развитии международных отношений. Кроме того, знакомство с содержанием курса позволит ему составить представление о потенциале участников международных отношений, их целях, средствах, стратегиях. Необходимо взять во внимание и то, что в соответствии с образовательным стандартом третьего поколения эта дисциплина изучается бакалаврами только один семестр.

Для качественного освоения студентами содержания дисциплины, фор-

мирования самостоятельного и творческого подхода к решению нестандартных проблем в их будущей работе мы используем широкий диапазон приемов, способов.

Значительное место на занятиях со студентами отводится обсуждению фрагментов научных работ зарубежных исследователей. Они широко представлены в книге «Теория международных отношений: Хрестоматия», которую подготовил к изданию П.А. Цыганков. Речь идет о произведениях таких авторов, как Э. Карр, Г. Моргентау, К. Уолц, Дж. Най, Р. Кохэн, Дж. Розенау, М. Каплан, А. Уолферс, Дж. Шварценбергер и другие. Эти занятия помогают студенту развивать, углублять и оттачивать навыки самостоятельной работы с источниками, а также учиться ставить и анализировать сложные вопросы по теории международных отношений. Именно здесь прививается вкус к научной деятельности.

Примером такого подхода является анализ фрагмента работы «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» Г. Моргентау. Он считается одним из лидеров политического реализма. Наряду с шестью принципами названного научного направления, которые сформулировал Г. Моргентау, мы обращаем внимание студентов на обоснование ученым целого ряда категорий международных отношений. Речь идет о категориях «интерес», «сила», «политическая власть», «функция дипломатии в мировой политике» и «четыре основных правила дипломатии».

Мы обращаемся и к работам современных западных ученых, которые у нас издаются. Думается, заслуживает особого внимания труд известного американского специалиста в области международных отношений Ф. Фукуямы «Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие». Ученый обстоятельно анализирует такой феномен, как популярность неоконсерватизма в начале XXI века в США. Последователи данного направления, утверждает Ф. Фукуяма, оказывали большое влияние на внешнюю политику администрации президента Дж. Буша-младшего. Здесь мы со студентами отмечаем особенности формирования политических сил в американском обществе,

действия разных групп элиты во внешней политике.

У студентов вызывает повышенный интерес проблема меры ответственности элиты за международный порядок. Ее мы затрагиваем при изучении темы «Глобализация и международный порядок». В контексте этой темы можно проанализировать книгу трех классиков западной социальной мысли – Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», которая была издана Институтом Гайдара на русском языке в 2011 году. Мы обращаем внимание студентов на то, что в этой книге проведен интересный и важный анализ двух типов социального порядка – открытого и закрытого доступа. В российских условиях элиты, конечно, договариваются об исключениях, а не о правилах. Это не договоренность организаций, а договоренность персон, потому что у нас организации, как правило, зависят от своих лидеров. Своеобразной иллюстрацией этого умозаключения является позиция отечественной политической элиты по украинскому конфликту.

В этой связи целесообразно проанализировать работу известного российского ученого Л.Ф. Шевцовой «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом». Думается, эта работа сейчас актуальна с учетом происходящих событий в мировой политике. При обсуждении содержания книги, в первую очередь, внимание студентов привлекается к таким вопросам: какие факторы, по мнению автора, лежат в основе противоречий между Россией и Западом? Каковы реальные угрозы, с которыми Россия столкнулась в последние годы? Каковы причины непоследовательности действий политических лидеров России по отношению к Западу?

Итак, анализ содержания научных произведений при изучении социологии международных отношений позволяет студентам увидеть сложность и противоречивость процессов мировой политики, а также способствует обогащению знаний будущих специалистов.

**Особенности легитимизации представительной власти
в городском округе**

Байков Н.М.

*Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, Россия, Хабаровск*

Впервые за многие годы социологическому обеспечению выборов депутатов в Хабаровскую городскую Думу в единый день голосования было уделено достойное внимание со стороны избирательных штабов кандидатов, что позволило провести масштабные репрезентативные опросы населения⁵. Их результаты были положены в основу стратегии и тактики предвыборной кампании, что и обеспечило победу большинству кандидатов в депутаты представительного органа от партии «Единая Россия».

Однако прогнозируемая по результатам опросов низкая явка избирателей (29–33%) оказалась еще ниже (22%), что обусловило проблему легитимности представительного органа городской власти. Легитимизация власти означает признание или подтверждение законности (легитимности) какого-либо права или полномочия, в том числе права политической власти на принятие политических решений и осуществление политических действий.

Среди возможных факторов и условий, обусловивших слабую легитимность избранной представительной власти города, можно выделить:

– во-первых, по данным опросов в общественном сознании городского электората был выражен явный когнитивный диссонанс: с одной стороны, доминировал позитивный настрой, запрос на стабильность и поступательное развитие, так как «город успешно развивается, видны положительные перемены в большинстве сфер» (45,1%), «положительных и отрицательных перемен в городе примерно поровну» (36,7%). В то же время на понижение электоральной ак-

⁵ Опрошено 3104 человек в возрасте от 18 лет и старше, репрезентирующих избирателей города Хабаровска по 8 избирательным округам. Полевой этап исследования проходил в период с 27 июня по 7 июля 2014 года. Статистическая погрешность не превышает 5%. В исследовании была использована маршрутная (поквартирная) многоступенчатая случайная выборка.

тивности повлияла обеспокоенность каждого второго респондента «ростом цен на товары и услуги» (55,2%), каждого третьего – состоянием ЖКХ (30,0%), жилищными проблемами (30,4%), дороговизной и низким качеством лечения и лекарств (28,0%), алкоголизмом и пьянством (29,9%). До четверти опрошенных жителей выражали озабоченность приездом в город трудовых мигрантов (26,1%), каждый пятый выражал беспокойство низким уровнем жизни (19,9%), коррупцией и произволом чиновников (21,1%), благоустройством улиц, дворов и дорог (22,1%). Эти и другие проблемы подпитывали отчужденность, фрустрацию у значительной части городского электората и его социальную пассивность, которые проявились в демонстративном отказе от участия в голосовании;

– во-вторых, основным мотиватором электорального поведения граждан является их интерес к выборам, но его продемонстрировало менее половины опрошенных избирателей (45,4%). При этом третью часть респондентов (35,8%) выборы депутатов «не очень интересуют», а каждого пятого – «совсем не интересуют» (18,8%). Среди возрастных групп избирателей молодежь в большей степени продемонстрировала отсутствие интереса к выборам;

– в-третьих, значимым фактором в избирательном процессе выступает доверие городского электората к различным общественно-политическим лидерам и политическим партиям. Между тем в общественном сознании сохраняется высокая персонификация российской власти. Так, более половины городского электората выражают доверие Президенту РФ В.В. Путину (58,6%), но лишь каждый четвертый – губернатору края и каждый пятый – градоначальнику. Однако только 7% опрошенных знают своих депутатов и имеют хорошее представление об их деятельности, а статистически незначимая доля (4%) полностью удовлетворены их деятельностью;

– в-четвертых, доминирующей причиной неучастия в предстоящих выборах жители города считают «неверие в то, что мой голос может на что-то повлиять (29,6%)». Другой причиной неявки на выборы горожане отмечают «занятость своими делами» (25,6%). Часть респондентов (17,3%) объясняют свое неуча-

стие в выборах тем, что не видят достойных кандидатов. В этом отражается разочарованность хабаровских избирателей деятельностью органов власти, имеющей собирательный образ в общественном сознании;

– в-пятых, кандидаты в депутаты от всех политических сил оказались не готовы к использованию многих избирательных технологий и организации целенаправленной работы с целевыми группами избирателей. Так, результаты опроса свидетельствуют о крайне низкой оценке избирателями (2–4%) встреч избирателей с кандидатами в депутаты, с представителями политических партий.

В целом на достижение высокого уровня легитимности представительной власти существенное влияние также оказало явное или скрытое доминирование исполнительной власти над представительной, малое представительство среди кандидатов в депутаты лидеров общественного мнения, горожан с высокой узнаваемостью, авторитетом и доверием.

Социальные нормы и ценности в условиях медиатизации общества

Бакланцева А.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

В XXI веке стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение онлайн-пространства, модернизация и персонализация средств коммуникации стали главными предпосылками запуска процесса тотальной медиатизации социального пространства, в котором медиа становится новой средой обитания современного человека. «Медиатизация – это насыщение общественных отношений медиатехнологиями и медиаорганизациями» [2, с. 51]. Однако в данном случае речь идет не о простом наполнении социальной повседневности новыми средствами коммуникаций, а о гораздо более масштабном явлении, влияние которого обнаруживается в трансформациях, как на социальном, так и индивидуальном уровне.

В современной науке существует две полемичные точки зрения на счет определения «медиа». Так, в узком смысле «медиа» – аналог понятия средств массовой информации и коммуникации. В данном случае акцентируется их посредническая (медиаторная) функция. Такой позиции придерживаются, как правило, специалисты в области журналистики, например, А. Мирошниченко [1] и др. Альтернативный подход к пониманию медиа представлен широким кругом научных деятелей (В.В. Савчук, В.П. Коломиец, О.В. Аронсон, С. Жижек, Д. Рашкофф, Л.В. Нургалева и др.). Приведенные авторы сходятся во мнении о том, что медиа – это, прежде всего, современная среда обитания. Так В.В. Савчук, утверждает, что медиа «...становятся онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в самих них отсутствует... но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, т.е. реальностью опыта и сознания» [5, с. 7–39]. Из этого определения логически следует убеждение о том, что медиасреда меняет не только образ жизни человека, но и образ его мысли, что еще раз подтверждает классический тезис М. Маклюэна «the medium is the message» [3].

В тоже время онлайн-медиа, придя на смену традиционным средствам коммуникации, устанавливают свои способы производства, трансляции и потребления контента. Сегодня в качестве главных характеристик онлайн-медиа выделяют: интерактивность, конвергентность и персонализированность, экранно-опосредованную мультимедийность, непрерывность потока информации в медиаканалах. Изменилась и сама практика медиапотребления, которая теперь на фоне насыщения медиатехнологиями и устройствами приобретает все более демонстративный характер и отражается в тезисе 3«А» – anything, anywhere, anytime [4, с. 83–109]. Все это говорит о том, что медиатизация создает и новые условия для бытования социальных норм и ценностей в интернет-пространстве.

Процессы трансформации в глобальной сети в определенной степени затрагивает всю нормативную систему, где наиболее наглядными примерами являются изменения правовых, религиозных, моральных и эстетических норм.

Так, например, пиратство, являясь формой делинквентного поведения в Сети, в Рунете считается абсолютной нормой, чему свидетельствует популярность файловых серверов с нелегальным контентом. Интернет-СМИ, социальные сети, видеохостинги, помимо очевидных достоинств в условиях анонимности, невидимости и отсутствия жесткого контроля могут служить активным полем пропаганды такого девиантного поведения, как промискуитет, парафилия, насилие, жестокость и пр. (девиантные интернет-сообщества, реклама проституции на сайтах знакомств и пр.), деформируя тем самым моральные нормы и ценности. Отдельного рассмотрения требуют религиозные нормы, которые, попав в интернет-среду, подвергаются неизбежной секуляризации (онлайн-часовни, онлайн-исповедь и пр.), теряя свой основной принцип таинства и соборности. Эстетические нормы в условиях гипертрофированной аудиовизуальности претерпевают наиболее серьезные изменения, что объясняется перенасыщением онлайн-пространства любительским (пользовательским) контентом, упразднением профессионализма и поиском новых, порой даже шокирующих путей самореализации творческой элиты.

Таким образом, последствиями цифровой революции помимо очевидного расширения рамок социального взаимодействия, модификации форм и средств коммуникации, становится также качественное видоизменение социальных норм, что отражается на общем процессе соционормативного регулирования в киберпространстве.

Литература:

1. Адаптация медиа с Андреем Мирошниченко. URL: <http://os.colta.ru/media/projects/19888/details/20588/?expand=yes#expand>
2. Коломиец В.П. Медиатизация – социальный тренд // Философия коммуникативного пространства: расширяя галактику. М., 2012.
3. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.

4. Полуэхтова И.А. Медиасреда и медиабизнес в цифровую эпоху // Теория и практика медиарекламных исследований: Сбор. ст. / Под ред. Коломиец В.П. М., 2011.
5. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия: основные проблемы и понятия / Под ред. В.В. Савчука, СПб., 2008.

Проблема продовольственной безопасности как актуальное направление социологических исследований

Бакланцева Л.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Несмотря на то, что продовольственная проблема, стояла перед человеком еще с момента его появления, а первые предпосылки ее научного осмысления можно встретить уже в Книге Бытия, фундаментальные научные труды, посвященные данному вопросу, относятся к XVIII столетию.

Одними из первых исследователей, вплотную подошедших в своих научных изысканиях к рассмотрению проблем голода и продовольственной безопасности, были Адам Смит, Франсуа Кенэ и Томас Мальтус.

В наши дни рост интереса к проблеме продовольственной безопасности пришелся на начало 70-х годов XX века, что связано с закреплением за ней статуса одной из глобальных проблем стоящих перед современным обществом («Пределы роста»).

Основными антагонистическими по отношению друг к другу научными школами, в число интересов которых входит анализ причин возникновения голода и разработка методик борьбы с ним, являются неомальтузианство и корнукопианство.

Идеологи неомальтузианства, «обновленной теории Мальтуса», рассматривают в качестве основной угрозы общества стремительный рост народонаселения, апеллируя к необходимости немедленного снижения его темпов, а также последующей постановки под контроль. Пол Эрлих, в качестве панацеи

от надвигающихся экологической и социальной катастроф, предлагает привести темпы роста населения к нулевым, а затем и отрицательным, добиться которых возможно путем введения налога на многодетность, материального поощрения добровольной стерилизации, популяризации абортов. Джон Холдрен, в своей программе по планированию семьи и народонаселения в целях популяционной стабилизации и гармонизации предлагает такие радикальные решения, как узаконивание запрета на рождения детей в неполных семьях и государственное регламентирование репродукции.

Сторонники теории корнукопианства, «теории рога изобилия», не видят в росте народонаселения угрозы международной продовольственной безопасности и полагают, что технологический прогресс способен загладить все отрицательные последствия перенаселения, обеспечив будущее человечество необходимым количеством продовольственных ресурсов. Джулиан Саймон фундаментализировал данные идеи, разработав теорию «замещающих ресурсов», суть которой состоит в том, что дефицит того или их вида провоцирует поиски субститутов, что в свою очередь приводит к ресурсной неисчерпаемости, и в целом, к неограниченным возможностям экономического роста.

Причины возникновения голода и продовольственной недостаточности также являются предметом научного интереса Лестера Брауна и Эрика Экхольма, которые подобно Адаму Смиту усматривают в качестве основной причины распространения голода неумелое хозяйствование. Лестер Браун в работе «Мир на грани» подчеркивает серьезность геополитических последствий быстрого роста цен на зерно, отмечая, что самая большая угроза для глобальной стабильности – это потенция продовольственного кризиса в бедных странах, способного выйти из под контроля и «снести» цивилизацию. Эрик Экхольм также выражая свои опасения по данному вопросу, полагает, что экономико-экологические ухудшения сельскохозяйственных систем необходимо рассматривать исключительно в контексте всемирной продовольственной безопасности, так как потеря продовольственного потенциала в одной стране имеет непосредственное влияние на уровень мировых продовольственных цен в целом.

Индийский экономист Амартия Сен также солидарен с Адамом Смитом в том, что в большинстве случаев голод провоцирует не фактическая продовольственная недостаточность, а низкое качество государственного администрирования в сфере продовольственного обеспечения населения, и его неспособность обеспечить механизм справедливого ценообразования.

Такие современные ученые, как Алекс де Ваал, Майк Девис и Стивен Деверо, в своих исследованиях мировой продовольственной проблемы пришли к общему мнению о том, что во многих случаях причиной возникновения голода и недоедания являются не стихийные бедствия и неурожаи, а попустительское отношение со стороны властей, не принимающих необходимые меры по предупреждению голода и устранению его негативных последствий.

Что касается теории продовольственной безопасности России, следует отметить таких социологов и экономистов, как: Л. Абалкин, В. Балабанов, С. Богданов, В. Гусаков, Д. Вермель, С. Глазьев, З. Идына, И. Ковалев, И. Обеленцев, А. Шестаков, Л. Чешинский.

Можно говорить о том, что проблема голода и продовольственной безопасности широко репрезентирована в современном научном дискурсе.

В условиях разбалансировки устоявшихся механизмов согласования национальных интересов, попирающих нормы международного права, в том числе основополагающих принципов ВТО самими государствами-основателями, возвращения Запада к политике сдерживания РФ, сегодня особенно высок запрос на отечественные аналитические, прогностические и теоретические разработки в области национальной продовольственной безопасности.

Культура потребления алкогольных напитков: экономико-социальный контекст

Балич Н.Л.

ГНУ «Институт социологии НАН Белоруссии», Белоруссия, Минск

Потребление алкогольных напитков прочно укоренилось в современном

обществе.

Производство и оборот алкогольной продукции занимает одно из ведущих направлений в промышленности и торговле многих стран. Рынок развивается под влиянием отечественных и зарубежных производителей, эффективность продаж зависит от маркетинговых стратегий, которые ориентированы на общество, в том числе и на молодежь, формируют представления о референтных группах и атрибутике принадлежности к ним. Потребляя спиртные напитки (чаще слабоалкогольные), молодые люди так заявляют о себе. Алкогольный маркетинг «подсказывает» путь приобщения к группе и влияет на процесс формирования юношеской идентичности.

В сегментах рынка алкоголя применяется определенная стратегия и тактика работы производителей и представителей торговли с потребителями. Подобная тактика используется на рынке табачной продукции.

Эффективность и увеличение продаж алкогольной продукции и табака фиксируется в динамике экспорта, товарообороте на внутренних рынках Беларуси и России. По данным Министерства по налогам и сборам в топ 10 крупнейших плательщиков налогов в Беларуси в первом полугодии 2014 г. наряду с ОАО «Газпром трансгаз Беларусь», ИООО «Лукойл Белоруссия», вошли фабрики по производству табака: ОАО «Гродненская табачная фабрика “Неман”», ООО «Табак-инвест», производитель ликеро-водочных изделий ОАО «Минск Кристалл» и ЗАО «Минский завод виноградных вин».

Уровень потребления алкоголя в обществе отражает формы взаимодействия социальных институтов (государства, здравоохранения, образования и др.) по предотвращению распространяемости данного явления в обществе (запрет на продажу спиртных напитков несовершеннолетним, предупредительные надписи на продукции и антиреклама, сокращение точек по продаже алкоголя и др.). Именно культура потребления алкогольных напитков обеспечивает взаимодействие на личностном уровне, занимая значимое место в социальной и личной жизни людей. Процесс употребления спиртных напитков – социальное явление, сформированное многолетними традициями и негласными правилами.

Культура потребления включает представления о потребительских ценностях и нормах, регулирующих потребление, санкции общества на нарушение или несоблюдение потребительских норм, устойчивые автоматические потребительские практики (свободные привычки). Объективный и субъективный компоненты включают надиндивидуальную реальность (пространство культурных возможностей, определяющих мотивы потребления) и освоение этих возможностей на уровне индивидов и групп.

На поверхности потребление алкогольных напитков выступает как процесс свободного индивидуального выбора (с точки зрения желаний и способов их удовлетворения). Однако надиндивидуальный характер потребления алкоголя проявляется в форме широко распространенных или доминирующих «питьевых» традиций и обычаев, вкусов в области питания, организации свободного времени. Культура потребления алкоголя разделяется большинством общества (демографическим или социальным) и выступает как господствующая программа потребительского поведения.

Одним из проявлений особенностей культуры потребления является структура и вид алкогольных напитков, потребляемых на одном и том же рынке. В сознании многих людей благодаря рекламе на телевидении и других СМИ укоренилось представление о вине, шампанском и коньяке как о благородных напитках.

Различные культуры формируют социальные нормы и общие установки по отношению к алкоголю, правила и модели потребления алкогольных напитков. Культуры различаются по степени принятия алкоголя и толерантности к специфическому поведению человека под влиянием спиртных напитков. Выделяют «мокрые» культуры, характеризующиеся лояльностью и умеренным потреблением алкоголя по различным поводам и общественным осуждением интенсивного и хронического потребления алкоголя (европейские страны), и «сухие» по отношению к алкоголю культуры, традиционно нетерпимые к употреблению алкоголя в принципе (мусульманские страны).

Современное общество характеризуется усилением кризисов во многих

сферах общества (социальной, экономической, экологической, духовной и др.), что оказывает социально-психологическое воздействие на личность и находит свое выражение в потребности ухода от действительности иллюзорными способами временного преодоления напряженной ситуации. Потребление алкоголя в таких ситуациях выполняет антагонистическую роль, переходит в девиантную форму потребления и становится наркотическим средством. Это может нести угрозу современному обществу, привести к деградации и потери духовных ориентиров молодого поколения.

Социология девиантного поведения вносит профессиональный вклад в решение данной социальной проблемы.

Творческое потребление в постиндустриальном обществе

Барков С.А.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Проблемы в сфере потребления на протяжении многих эпох определяли особенности развития общества. В доиндустриальном обществе потребление крестьянства характеризовалось стандартизацией, вызванной климатическими условиями проживания. Потребление высших классов в то же время было весьма разнообразным. Его важными чертами можно считать глобальность (значительное количество товаров для элиты страны изготавливалось за ее пределами) и возможность концентрироваться на неспешном и требующем усилий восприятии произведений творчества.

В индустриальную эпоху в сфере потребления возникла проблема пролетариата: пролетариат испытывал серьезные трудности в удовлетворении даже первичных потребностей. Решениями проблемы пролетариата стали: 1) социалистическая революция; 2) стандартизация товаров и услуг, осуществлявшаяся в рамках фордистской системы производства и 3) глобализация, обусловившая возможность перекачки финансовых средств и перемещения производства из страны в страну. Первое решение оказалось быстрым, но неокончательным.

Второе решение позволило пролетариату развитых стран удовлетворять первичные потребности путем приобретения однотипных товаров и услуг. Третье решение оказалось особенно удачным в силу разницы валютных курсов и возможности эксплуатировать рабочую силу за рубежом, не вызывая серьезных социально-психологических проблем, свойственных пролетариату развитых стран десятилетия назад.

В постиндустриальном обществе потребление разнообразных нестандартизированных товаров становится решением проблемы среднего класса, сталкивающегося с невозможностью удовлетворить потребность в творчестве (самореализации) на рабочем месте. Потребление становится массовым творчеством современных людей, в рамках этого процесса они могут удовлетворять даже самые высшие свои потребности. Традиционно, когда пирамида А. Маслоу рассматривалась в теории менеджмента, подразумевалось, что удовлетворение потребности в самоактуализации происходит на работе. Но так как такая возможность присутствует только у небольшого количества работников, а в силу демократической идеологии к творчеству начинают стремиться все, необходимо заменить стремление к производственным инновациям стремлением к инновациям потребительским. Если же человек хочет удовлетворить потребность в общении он может это сделать на предприятии, обсуждая производственные и связанные с ними проблемы, а может и в сфере потребления, занимаясь шопингом, обсуждая купленные товары в социальных сетях, просто общаясь с соседями, друзьями, знакомыми и родственниками по поводу приобретенных благ. То же самое происходит и с потребностью в уважении. Традиционно главным средством ее удовлетворения считалось признание производственных успехов человека. Но эти успехи есть не у всех. По определению, они не могут быть у всех: не могут быть все рабочие лучшими в цеху, а все клерки лучшими в банке. Тогда человек опять реализует потребность в уважении в сфере потребления. Это может быть покупка любой оригинальной вещи, которая привлечет к человеку внимание.

Но главное, что предоставляет потребление современную человеку – это

возможность самореализации. Потребление – это творчество в условиях постиндустриального демократического общества. Творческое потребление доступно всем. Всегда можно приобрести что-то оригинальное. Важно просто из всего этого разнообразия выбрать вещи, немного отличающиеся от тех, которыми обладают другие люди. Более того, потребление становится самым демократическим видом творчества ввиду феномена новизны. Если человек уж совсем не может придумать ничего оригинального в сфере своего потребления, он может просто покупать новое и тем самым самореализовываться.

Проповедники постиндустриализма радикально ошиблись с количеством творческой активности на современном производстве. Фордовского рабочего заменил не творец, а клерк. Но этому клерку постоянно внушают, что он должен творить, что у него есть интеллектуальный потенциал, что он рожден для чего-то большего, чего-то более высокого. В этих условиях творческое потребление стало сублимацией нереализованной энергии производственных инноваций. Консюмеризм – это не болезнь, а лекарство, причем, лекарство весьма удачное. Ведь прогресс в разработке все новых и новых товаров и услуг не остановить, тем самым невозможно остановить и потребление новинок.

Постиндустриальное общество невозможно без сильной ориентации населения на потребление самых разнообразных благ. Количество людей, от которых требуется творческая активность на производстве, безусловно, возросло в сравнении с серединой прошлого века. Но таких людей никогда не будет большинство. В этих условиях творческое потребление становится самым демократическим решением проблемы дефицита творчества для той огромной по численности части человечества, для которой уже не актуальна проблема пролетариата, т.е. тех, кто живет в развитых и приближающихся к ним по уровню развития странах.

Социальная мобильность в современном обществе – новые направления теоретических исследований

Барсегян В.М.

Настоящий доклад представляет собой обзор современных направлений и теоретических анализ исследований социальной мобильности.

Американский социолог М. Шеллер, признавая общетеоретическую преемственность в изучении социальной мобильности, отмечает, что в 1990-е годы произошло так называемое «изменение мобильности» («mobilities turn»), так как именно в этот период времени произошло бурное развитие новой методологии и разнообразных методик исследований социальной мобильности [Sheller, 2014, с. 15], вследствие отхода от одностороннего макроструктурного анализа.

Современный этап изучения социальной мобильности вышел далеко за пределы традиционных теорий, методологий и методик исследований социальной мобильности. Пожалуй, наиболее радикальным можно считать теоретическое направление, отстаивающее точку зрения, что «социальное», как предмет социологии, должно определяться не через понятие «общество», а через понятие «социальной мобильности». Таким образом, социальная мобильность должна превратиться в главный предмет социологии.

Данную точку зрения отстаивает, например, известный британский социолог Дж. Урри, указывая на кризис определения «социального» через «общество», предлагает определять «социальное» как «социальную мобильность» [Urry, 2000; Урри, 2012, с. 10], коренным образом изменивший соотношение понятий «общество» и «мобильность».

Развиваемая Дж. Урри мысль об определении социального через понятие социальной мобильности, берет свои корни с начала 90-х годов XX века. Например, М. Эрчер считал, что методологии социальной мобильности формируют эмпирическое «поле» и именно поэтому являются частью «реальной социальной теории» [Archer, 1995; Sheller, 2014].

Представляется, что теоретически перспективным направлением изучения социальной мобильности является аналитическое разграничение, и одно-

временное акцентирование на пространственной мобильности. Классик социальной мобильности П. Сорокин, хоть и отмечал, что мобильность может быть горизонтальной, включая пространственную, однако вплоть до 1970-х годов исследователи не придавали этому явлению большого значения.

Исследование горизонтальной мобильности позволило исследователям ввести новые теоретические определения в сферу изучения социальной мобильности, например, «инфраструктура мобильности», которая включает объекты, позволяющие перемещаться в пространстве: дороги, мосты, информационно-телекоммуникационные сети и т.д. [Archer, 1995].

Теоретически данный подход базируется на работах Б. Латюра, З. Баумана, М. Кастельса и М. Кастельса, которые делали акцент в исследовании перемещений и потоков, вместо статических неподвижных объектов. А Б. Латюр «легализовал» изучение вещей, объектов неживой природы, как социологических категорий [Sheller, 2014].

Обобщая практики горизонтальной мобильности, Шеллер вводит несколько новых терминов в теорию социальной мобильности: система мобильности, инфраструктура мобильности и капитал мобильности [Sheller, 2014].

Неподвижная «инфраструктура мобильности» – это те инфраструктурные объекты, которые упрощают, а иногда и создают возможности перемещений: дороги, вокзалы, кабели, школы танцев (передвижения тела) и т.д. В свою очередь «инфраструктура мобильности» вызывает к жизни также вопросы ограничения, которые могут быть наложены на объекты, способствующие мобильности.

Подвижный «капитал мобильности» – это средства, способствующие перемещению, так называемые факторы перемещений, т.е. на чем перемещаются люди: машины, самолеты, пароходы, кеды, велосипеды, интернет, тело человека (в школе танцев) и т.д.

Все это в совокупности формирует «систему мобильности».

Таким образом, «поворот к мобильности» в большую степень направлен на изучение «инфраструктуры мобильности», «системы мобильности», «пото-

ков мобильности» и способов его регулирования.

Предполагается, что данный методологический плюрализм, отход от изучения исключительно вертикальной социальной мобильности способно открыть для социологов новые, неизведанные предметные области.

Ульрих Бек о влиянии глобализации на систему социального неравенства в современном обществе

Батуренко С.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Процессы глобализации в современном мире приобрели настолько огромное значение, что любое явление или процесс, происходящий в обществе невозможно рассматривать без учета связи с глобализацией. Необходимость изучения комплекса фундаментальных систематических знаний данного процесса способствовали возникновению целого научного направления – социологии глобализации. Проблема социального неравенства как одна из центральных в современной социальной науке точно также не может быть адекватно изучена без учета контекста глобальных изменений. Одним из самых известных теоретиков глобализма является немецкий социолог Ульрих Бек. Прежде всего он известен как автор теории общества риска.

Классические теории социального неравенства, сложившиеся в истории социальной мысли и претерпевшие известные трансформации в течении всего XX века, по мнению некоторых теоретиков глобализма, и в частности по мнению Бека, в силу известных причин не годятся для объяснения современного состояния общества. Опираясь на особое научное направление – методологический космополитизм, в рамках своей космополитической социологии У. Бек создает так называемую критическую теорию социальных неравенств. Социолог замечает, с одной стороны, рост глобального неравенства в современном мире, а с другой, – недостаточное внимание к проблеме со стороны как классических теорий, так и принятого им методологического подхода, отрывающего новые возможности для познания. Ученый одним из первых заметил недостаточность

и острую необходимость учета глобального неравенства наряду с анализом локальных внутренних неравенств, а также определенные сложности подхода. Теория социального неравенства Ульриха Бека представляет собой попытку адекватного отражения очевидных изменений социальной реальности, характеризуемую с точки зрения ученого, как многоаспектный и противоречивый процесс, сопровождаемый индивидуализацией, культурной и информационной универсализацией, дифференциацией и интеграцией.

В соответствии с учетом основных методологических положений, У. Бек выявляет элементы современной системы социальной стратификации, а также особенности взаимного влияния национально-государственного и не тождественного ему глобального неравенства, различаемых автором как «большие» и «малые». Методологический космополитизм как раз предоставляет возможность и необходимость анализа влияния одних типов социальных неравенств на другие, а также позволяет более четко представить последствия процессов глобализации относительно изменения системы социального неравенства.

В отечественной науке критика работ Ульриха Бека встречается не часто, в отличие от обширной критики, существующей в англоязычной литературе. Чаще к критическим замечаниям относятся следующие аспекты: серьезное отличие от классических принципов осуществления научного исследования; недостаточный учет современных законов накопления и движения капитала, а также закономерностей развития потребительского общества; национальная узость эмпирического базиса его концепции, отсутствие последовательного и полного и целостного описания теории социального неравенства. Подобные критические оценки можно принять во внимание лишь частично, поскольку не все из них выглядят логично и доказательно. При этом нужно отметить, что У. Беку удалось выявить определенные универсальные черты перехода от Первого модерна ко Второму в терминах производства и распространения риска, описать их воздействие на систему социального неравенства и тем самым расширить возможности исследования данной проблемы в социологической науке.

Гендерные стереотипы саратовской молодежи

Бегина И.А.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,

Россия, Саратов

Гендерные стереотипы – это естественные или искусственно социально конструируемые категории маскулинности и фемининности, которые подтверждаются различным поведением, распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются субъективными потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость.

Гендерный стереотип – взаимосвязан с социальными ценностями, имеет естественный или искусственный характер происхождения, выстраивает векторы массового или индивидуального сознания на креативность или повседневность, функционально связан с социальными системами и институтами.

Проведенное эмпирическое исследование методом анкетирования среди молодежи г. Саратова в возрасте от 14 до 30 лет в 2013–2014 гг. (квотно-территориальная выборка (N= 200 молодых саратовца) осуществлялась по таким критериям, как возраст, пол и район проживания) с участием автора показало, что налицо противоречие между самооценками молодежи своей независимости от общественного мнения и реальной стереотипизированностью практически каждого третьего молодого саратовца. Уровень стереотипности саратовской молодежи составляет 37,4%. Еще 20,8% пользуются стереотипами ситуативно. Одновременно это показывает бессознательный характер гендерных стереотипов, которые зачастую не осознаются субъектами социального взаимодействия.

Однако самое большое влияние на стереотипизацию молодежи оказывает ее гендерная идентичность. Так каждый третий юноша и каждая четвертая девушка жестко ориентированы на традиционный гендерный стереотип лидерства мужчин в семье. Но вместе с тем, мужчины на этом настаивают на этом почти в 1,5 раза чаще. Женщины в 2 раза чаще ориентированы на менее стерео-

типное паритетное лидерство в семье.

В сознании юношей более жестко фиксируется стереотип о женщине как о хранительнице очага, о ее «правильном» поведении и образе жизни, поэтому отклонение от нормы в виде употребления алкоголя или измены воспринимается в крайней степени отрицательно, агрессивно. Тогда как применительно к мужчинам – это осуждается менее категорично.

Стереотип мужской полигамности больше склонны отвергать юноши, демонстрируя при этом интегративную его функцию. Девушек, в той или иной степени подверженных этому стереотипу практически в 2 раза больше. Но при этом мужчины в 3 раза чаще оставляют за собой право сходить налево без последствий, в то время как для женщины это – табу. А женщины, в свою очередь, высказываясь в целом отрицательно об изменах, все таки считают их характерными скорее для мужчин, чем для себя. Это подтверждает устойчивость гендерного стереотипа двойного стандарта, подчеркивает его нормативный характер социального контроля.

На гендерную стереотипизацию влияет множество факторов: влияние возраста, образования и пола представителей молодого поколения и т.д. Однако самое большое влияние на стереотипизацию молодежи оказывает ее гендерная идентичность. Так каждый третий юноша и каждая четвертая девушка жестко ориентированы на традиционный гендерный стереотип лидерства мужчин в семье. Но вместе с тем, мужчины на этом настаивают на этом почти в 1,5 раза чаще. Женщины в 2 раза чаще ориентированы на менее стереотипное паритетное лидерство в семье.

Анализ показал, что по фактам поведенческих практик стереотипность молодежи проявляется больше, чем в ее представлениях и самооценках, что еще раз подчеркивает бессознательный, рефлексивный характер гендерных стереотипов. В молодежной среде активно присутствуют не только представления, но и практики гендерной стереотипизации по линии маскулинности – фемининности, по традиционности семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом (особенно среди юношей), а также (особенно среди деву-

шек) по различиями в содержании и организации профессионально-трудовой деятельности.

Прочная установка гендерных стереотипов в сознании человека способствует их воспроизводству из поколения в поколение. Индивид в большинстве случаев следует стереотипу, поскольку принимает его как истинное знание, что ограничивает динамику его развития, препятствует инновационной трансформации всех сфер жизнедеятельности социума.

Выбор модели семьи и родительства и репродуктивные установки в поколении родителей и детей

Безрукова О.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,

Санкт-Петербург

В докладе рассматриваются межпоколенные и внутривпоколенные особенности и различия в ценностях и установках родителей и подростков, ориентирующихся на разные модели родительства. Материалы представленного доклада подготовлены по результатам исследования, проведенного при поддержке гранта РГНФ, грант №07-03-00470а «Семейные ценности и репродуктивные установки родителей и детей как факторы будущего демографического развития России» и гранта Темплана СПбГУ на проведение фундаментальных исследований; шифр темы 1038167.2011.

Миграционный потенциал молодежи и ее закрепление в регионе

Березутский Ю.В.

Дальневосточный институт управления – филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Россия, Хабаровск

Миграционный потенциал молодежи выступает важным индикатором, характеризующим социальное самочувствие молодежи, ее возможности для самореализации и саморазвития, наконец, социально-экономическое развитие

территории, на которой она живет. В современных условиях миграционный отток населения с территории Дальнего Востока России самый значительный по своим масштабам среди всех федеральных округов страны, что актуализирует оценку миграционного потенциала дальневосточной молодежи.

Миграционный потенциал молодежи, как социологическая категория, прежде всего, представляет собой желание/нежелание молодежи закрепиться на территории своего проживания. Наряду с этим миграционный потенциал раскрывается посредством таких социологических показателей, как направленность миграционных потоков, причины миграционных настроений, условия закрепления и др.

Анализ результатов социологических исследований, проведенных социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС показал, что динамика доли молодежи, выразившей желание постоянно жить и работать на территории Хабаровском крае с 2005 года не претерпела существенных изменений и составляет около 60% (2005 г. – 63,1%; 2013 г. – 63,7%). В то же время каждый третий молодой человек (2005 г. – 27,2%; 2013 г. – 28,5%) хочет уехать, еще десятая часть – затруднилась ответить.

Динамика желающих постоянно жить и работать на территории края в зависимости от возраста указывает на сокращение доли ответов 17-летних респондентов с 60,6% (2005 г.) до 50,0% (2013 г.). Среди опрошенных 24-лет и 29-лет существенных изменений желания проживать на территории края не выявлено.

Результаты исследования в отношении миграционных направлений молодежи в целом соответствуют дальневосточной специфике: «сельские жители стремятся перебраться в крупные города, жители крупных городов – в центральные регионы страны». Особую озабоченность вызывает желание каждого десятого молодого человека переехать в другую страну.

При этом миграционные намерения 17 летних респондентов в 2013 году были направлены преимущественно в другую страну (27,1%), в гг. Москва и Санкт-Петербург (20,3%). Среди 24-летних и 29-летних доминировало желание

уехать в города и районы центральных регионов России (соответственно 26,8% и 39,0%). Представителей этих возрастных групп в меньшей степени привлекали другие страны, чем 17-летних респондентов.

В поисках «лучшей жизни» человек стремится восполнить то, чего ему не хватало в прошлом или же не хватает в настоящем. Поэтому результаты исследования свидетельствуют о том, что современная молодежь Хабаровского края стремится его покинуть, в первую очередь, в поисках возможностей трудоустройства, возможностей получения высоких заработков. Наряду с предложенными в вопросе вариантами ответа, молодежь в графе «другое» отмечали такие причины, как «экология», «климатические условия», «хочется лучшей жизни», «ограниченные возможности для развития».

Решение обозначенных проблем – задача актуальная и крайне важная, но ее решение носит долговременный характер. В современных условиях достаточно очевидно, что без создания главных основ жизнедеятельности человека (жилье, работа, достойное материальное вознаграждение), удержать молодежь в регионе представляется проблематичным.

Миграционный отток с территории Хабаровского края квалифицированных кадров ведет к ослаблению его научного, творческого и экономического потенциала. С учетом сложившейся демографической ситуации и перспективных задач в области социально-экономического развития страны основные усилия на современном этапе должны быть направлены на постепенную стабилизацию численности населения и формирование предпосылок демографического роста с использованием воспроизводственных и миграционных компонентов. К сожалению эти аспекты до сих пор не находят своего отражения в программных документах по развитию Дальнего Востока России.

Свадебное потребление в Советском Союзе

Беркунцова С.А.

Волгоградский Государственный Университет, Россия, Волгоград

Современная тенденция пышного празднования свадьбы имеет истори-

ческие предпосылки. Свадебный ритуал, согласно А. Геннепу, относится к ритуалам перехода, являющегося демаркационной линией между предыдущим и вновь приобретенным статусом индивида. Все ритуалы перехода (рождение, половое созревание, вступление в брак, смерть), так или иначе, маркируются в социальном пространстве и времени. Свадебная традиция выражает архаичные представления о важности данного ритуала, легитимизируя, таким образом, демонстрационное потребление индивидов.

Современный свадебный ритуал включает в себя как традиционные обрядовые практики, так и ритуалы, сформированные советской гражданственностью. Многие современные практики свадебного потребления были заложены в Советском Союзе, не смотря на то, что официально в стране господствовала идеология коммунизма, свадебное потребление, как характеристика, капиталистического общества существовало. С 60-х гг. XX века в Советском Союзе стала развиваться индустрия свадебных товаров и услуг: свадебное платье для невесты, обручальные кольца, фотограф, аренда автомобилей, ресторана и многое другое. Свадебная индустрия, как правило, развивалась в крупных городах, но новинки свадебной моды проникали и в регионы.

Согласно Я.А. Шаповаловой, в условиях дефицита невозможно было приобрести большинство свадебных предметов, поэтому в ЗАГСе после подачи заявления, будущим молодоженам стали выдаваться специальные талоны, которые давали возможность приобретения товаров в магазинах для новобрачных. Рассмотрим конкретные образцы потребительской культуры существовавшие в период с 60-х гг. XX в и до распада СССР.

Свадебные образы молодоженов

Внешний вид невесты характеризовался минимализмом: скромное свадебное платье, высокая прическа, туфли на невысоком каблучке. Отличительной особенностью свадебного образа невесты было наличие белой фаты, часто ей сопутствовал венок из искусственных белых цветов.

Костюм жениха характеризовался строгостью, обязательным элементом была бутоньерка из белых искусственных цветов.

Свадебный букет невесты

Флористика в Советском Союзе не была так сильно развита, как сейчас, свадебный букет, как правило, составлялся из гладиолусов разных цветов, гвоздик, реже из роз. Букет декорировался зеленой травкой и полиэтиленовой фольгой.

Свадебная фотосессия

Обязательным элементом свадебного потребления в Советском Союзе являлась свадебная фотография. Количество фотографий было небольшим, как правило, коллективная фотография и портрет молодоженов в ЗАГСе. В роли фотографов зачастую выступали родственники и друзья, которые были обладателями фототехники. Одними из популярных мест для фотосессий в советский период было фото у городского памятника или железной дороги.

Свадебный кортеж

Марки машин для свадебного кортежа составляли автомобили отечественного автопрома: «Москвич», «Жигули», «Запорожец», «Волга». Автомобиль для молодоженов украшался куклой наряженной как невеста, другие автомобили украшались лентами, а также дефицитными надувными шариками.

Свадебный декор

Для декора использовались искусственные цветы, так как большое количество живых цветов приобрести было очень сложно. Помещение украшалось цветами из бумаги, фольги, ветками ели. Стены квартиры или столовой занавешивались задорными плакатами со следующего рода надписями: «с милым рай и в шалаше, если милый атташе».

Свадебный банкет

Представители номенклатуры праздновали свадьбу в ресторане, простые рабочие в столовых или у себя дома. Празднование свадьбы в столовой не считалось неприемлемым, в силу того что практики потребления пищи в столовых были распространенным явлением.

Свадебное путешествие

В свадебное путешествие отправлялись не многие молодожены, но тем,

кому это удавалось, ехали на базу отдыха или по бесплатным путевкам на советский курорт.

Широкое распространение свадебного потребления влекло значительные траты. В начале 1980-х гг. средняя стоимость московской свадьбы была 2 600 руб., из них 1 400 руб. давали родители жениха, 1 200 руб. – невесты. Интересно, что подобные расходы рассматривались как норма, возможность выделиться в кругу родственников и друзей: «Мы не хуже <...> тех, других, третьих. <...> Свадьба раз в жизни, надеюсь. Так что можно бы и не то еще устроить» [1].

Как мы можем наблюдать, основы свадебного потребления, заложенные в Советском Союзе, получили большое распространение в настоящее время, сущность основных ритуалов не изменилась, гиперболизировалось лишь демонстративное потребление, расширился список свадебных услуг, появились специальные агентства, специализирующиеся на организации свадебных торжеств. Современной свадебной традицией были заимствованы западные образцы потребительской культуры, такие как выездная регистрация и свадебный распорядитель.

Литература:

1. Шаповалова Я.А. Советская свадебная обрядность в 1950–1980 гг.: Традиции и новации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 354–359.

Роль Православия во внешней политике стран Юго-Восточной Европы

Бовдунова Н.А.

Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Россия, Москва

Несмотря на процессы секуляризации в странах Юго-Восточной Европы, продолжающихся в течение последних двухсот лет, религиозный фактор в течение всего этого времени оказывал влияние на жизнь этих обществ.

Падение социалистических режимов привело к росту религиозных настроений в обществе, к увеличению влияния Церкви на общество с одной стороны, а с другой – к вовлечению стран региона в орбиту современной постхристианской европейской цивилизации, к ориентации на объединенную Европу, ЕС, США, НАТО. Греция же стала членом НАТО и ЕС еще раньше.

При этом большая часть стран региона исторически являются православными и включаются многими исследователями, изучающими цивилизационный фактор в мировой политике, в состав православной цивилизации [6, 10, 11]. Проблематика изучения влияния Православия на внешнюю политику данных государств (как актуального положения дел, так и потенциала) является весьма актуальной. Так, митрополит Илларион (Алфеев) заявил: «ни в практическом, ни в теоретическом ключе невозможно вести разговор о развитии межгосударственных отношений в большинстве регионов земного шара без понимания и оценки роли религиозных идей в формировании мировоззрения народов, населяющих эти регионы» [8]. Поскольку под прицелом изучения находится роль Православия в Юго-Восточной Европе, то приведем данные, иллюстрирующие приверженность населения данной религиозной традиции.

Статистические данные, представленные на The World Factbook, показывают, что большая часть населения Юго-Восточной Европы идентифицирует себя с Православием. Так, судя по данным, датированным 2014 годом, православными себя считают 81,9% населения Румынии, 93,3% населения Молдовы, 84,6% населения Сербии, 59,4% населения Болгарии, 64,7% населения Македонии, 72,1% населения Черногории, 31% населения Боснии и Герцеговины, причем 37% населения Боснии и Герцеговины – сербы, а также в Греции 98% населения – православные [2].

Теме изучения Православия в мировой политике посвящено немного работ. В их числе стоит особо выделить диссертацию Митрофановой «Религиозный фактор в мировой политике: на примере православия» [9], работы отечественных исследователей [4, 6]. Также данной темой занимается французский исследователь Ф.Тюаль [5].

Безусловно, для изучения влияния Православия на политику стран Юго-Восточной Европы необходим теоретико-методологический аппарат. В рамках нашего изучения речь будет идти о теоретическом определении православных ценностей как таковых, отличных от ценностей других религиозных традиций. Необходимо проанализировать отношение Православия к политической традиции, и выяснить, закреплены ли в доктринальных документах стран Юго-Восточной Европы православные представления о политике, ценностные основы Православия.

Также необходимо рассмотреть, как деятельность Церкви как социального института отражается на политике стран региона Юго-Восточной Европы, и как действия Церкви как сообщества верующих, выраженные в деятельности православных неполитических организаций, влияют на внешнюю политику рассматриваемых стран.

Важным аспектом анализа роли Православия в политике региона Юго-Восточной Европы является рассмотрение деятельности международных православных организаций, в том числе Межправительственной Ассамблеи Православия [1, 3, 7].

Изучение данных аспектов поможет раскрыть тему влияния Православия на политику стран Юго-Восточной Европы, и тем самым пополнить копилку академического знания.

Литература:

1. International Orthodox Christian Charities. URL: <http://www.iocc.org/> (дата обращения: 28.10.2014).
2. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html> (дата обращения: 10.04.2014).
3. Всемирное братство православной молодежи. URL: <http://syndesmostemporary.blogspot.ru/> (дата обращения: 28.10.2014).
4. Дугин А.Г. Геополитика православия. URL: <http://blagogon.ru/biblio/485/> (дата обращения: 30.03.2014).

5. Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2011. 583 с. С. 223.
6. Жириновский В.В., Добренъков В.И., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций. М.: Академический проект, 2014. 608 с. С. 273–344.
7. Межпарламентская Ассамблей Православия. URL: <http://eia.org/homegussian> (дата обращения: 28.10.2014).
8. Митрополит Иларион (Алфеев) Религиозный фактор в международных отношениях. URL: <http://hilarion.ru/2013/10/27/5493> (дата обращения: 11.04.2014).
9. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике: на примере православия: дисс.доктора полит.наук. М., 2005.
10. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. Алгоритм, 2002. 496 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. АСТ, Мидгард, 1996. 576 с.

**К вопросу об управлении развитием кадрового потенциала в
контексте модернизации российской пищевой промышленности**

Богданова А.Д.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Россия, Казань*

Необходимость современных предприятий ориентироваться на инновационное развитие связано с происходящими социально-экономическими процессами, где особую роль играет кадровый потенциал, грамотное управление которым способствует развитию потенциала всего предприятия, а также ориентацию его на новую конкурентную ступень, гарантировав стабильный рост.

В настоящее время ключевой задачей видится создание современной системы управления кадровым потенциалом, с учетом не только частных потребностей отдельного предприятия, но и с позиции разработки комплекса мероприятий идущего в фарватере общей стратегии развития промышленности и отвечающей всем принципам нового демократического государства.

Одной из главных отраслей экономики России является пищевая промышленность, производящая пищевые продукты на основе сельскохозяйственного сырья. Пищевая промышленность является составной частью всей промышленности и агропромышленного комплекса. Ее основная социально-значимая функция является обеспечение достаточным количеством высококачественных продуктов питания населения.

Для детального изучения кадровой политики, а так же инновационных методов управления кадровым потенциалом конкретного предприятия пищевой отрасли, автором данной работы был изучен сектор пищевой индустрии, а так же рассмотрены ее отличительные особенности. Это в свою очередь, позволило выделить работников пищевого профиля в отдельную социальную группу.

В данной работе автором предложена методика управления механизмом развития кадрового потенциала не только в конкретно временном срезе, но и в рамках всего жизненного цикла его воспроизводства.

В качестве ключевого аспекта работы следует выделить рассмотрение автором механизма воспроизводства кадрового потенциала как процесса, включающего в себя ряд подпроцессов, таких как: биологическое производство, становление, распределение на рынке труда, обмен и использование. Отдельно отметив их взаимосвязь через комплексную систему «вход – выход», а также их индивидуальное обеспечение ресурсами – как внешними, так и внутренними. В статье выделены новые принципы управления, которые позволяют всецело воздействовать на общий процесс.

Оперируя статистическими данными и проведенным социологическим исследованием, автором данной работы был предложен комплекс рекомендаций по управлению развитием кадрового потенциала пищевой отрасли.

Отношение россиян к платному образованию, как барьер взятия образовательных кредитов.

Большаков Н.В., Зиганурова С.Д.

Национальный исследовательский университет

Рост доли платного образования ставит выпускников школ перед вопросом не только о том, куда пойти учиться или как набрать необходимый проходной балл, но и о том, где взять деньги на оплату образования и сопутствующих с ним расходов. Всплеск популярности потребительского кредитования в последние несколько десятков лет не мог не затронуть и такой важный институт общественной жизни, как образование. С 2007 года в России начался эксперимент по государственной поддержке образовательных кредитов⁶ и на сегодняшний день существует несколько десятков предложений по кредитным образовательным программам, однако спрос на них остается низким, несмотря на достаточно высокий уровень доверия населения банкам и популярность других видов кредитования⁷.

Таким образом, основной целью, которую ставили перед собой авторы данного исследования, было понимание причин относительно низкого спроса на образовательные кредиты. Для того чтобы выявить данные причины авторами было предпринято несколько шагов. На первом этапе был рассмотрен опыт образовательного кредитования в других странах мира. На втором – были проанализированы данные, собранные в ходе Мониторинга Экономики Образования (волна 2011 года) – лонгитюдного количественного исследования, реализуемого Институтом Образования НИУ ВШЭ. И, наконец, было проведено качественное исследование. Данные собирались методом полуструктурированного интервью в несколько этапов (март–май 2013, апрель–май 2014 годов). В выборку (всего 20 человек) попали как студенты, взявшие образовательные кредиты, так и люди, рассматривавшие данную альтернативу, однако, по каким либо причинам отказавшиеся от нее и сделавшие выбор в пользу других (бюджетных) образовательных программ, других вариантов оплаты стоимости обу-

⁶ Данные с сайта министерства образования и науки РФ.

⁷ Андрущак Г.В., Юдкевич М.М. Спрос на образовательные кредиты: насколько востребован такой продукт // Банковский ритейл. 2007. № 2. URL: http://www.reglament.net/bank/retail/2007_2_article.htm (дата обращения: 08.10.2014).

чения и т.д.

Главные выводы, об основных барьерах взятия образовательных кредитов в современной России заключаются в следующем:

1. Существует представление о том, что высшее образование должно быть бесплатным. Данный стереотип, без сомнения, накладывает очень серьезные ограничения на развитие образовательного кредитования в России: взятие образовательного кредита возможно только в определенных ситуациях и не является общепринятым паттерном поведения.

2. Диплом о наличии высшего образования играет особую роль (иное понятие креденциала: высшее образование в России понимается, как наличие диплома, а не как непосредственно знаний), т.е. невозможно переложить теорию человеческого капитала к условиям современной России: для студентов и их родителей получение самого диплома важнее, чем получение непосредственно образования, а обучение в вузе рассматривается как обязательная ступень послешкольного образования.

3. Кредит готовы брать только семьи, осознающие необходимость обучения в престижном вузе. Речь идет именно о накоплении *институционализированного* человеческого капитала в виде диплома престижного вуза. Это не обязательно говорит о том, что абитуриенты, готовые взять кредит, не идут за знаниями, но свидетельствует о желании получить сертификат, аттестат, подтверждающий высокую компетенцию. По данным МЭО, студентов, готовых в случае необходимости взять специализированный кредит на обучение всего 11%. Для тех, кто готов взять специализированный кредит для оплаты обучения, важна именно престижность университета для будущего трудоустройства.

К факторам, негативно сказывающимся на готовности взять образовательный кредит, относится легкость поступления и обучения, подразумевающие под собой некачественное обучение, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что специализированные кредиты берут ориентированные на получение диплома котируемого вуза. Взять обычный кредит на оплату обучения готовы

7%, причем наличие военной кафедры – решающий фактор такой готовности на всей выборке, даже с учетом девушек.

4. Образовательный кредит чаще всего воспринимается, как исключительный случай, т.е. в отличие от стран запада, где, образовательный кредит рассматривается как общепринятый способ оплаты высшего образования, россияне, даже те, кто готов платить за получение высшего образования, выражают скорее негативное отношение к данной практике. Респонденты выражали готовность брать образовательный кредит только в особых случаях:

4.1 В случае специализированного образовательного кредита – целью абитуриентов является престижный вуз (предполагается, что диплом «топового» вуза свидетельствует о более высокой компетенции выпускника, при этом, получение самого образования как человеческого капитала не всегда артикулируется информантами в качестве цели).

4.2 В случае обычного кредита на образование речь идет о необходимости поступления в вуз (например, получение отсрочки от армии, нежелании терять время).

Социологический аспект инвайронментальных проблем

Бондарев В.П.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Следуя за сложившейся международной практикой, проблемы взаимодействия общества с окружающей средой будем называть инвайронментальными. Сравнительно малый интерес социологов к этим проблемам имеет свои внутренние причины. Во многом это связано с тем, что большинство классических социологических теорий сложилось до глобального экологического кризиса. Поэтому проблемы охраны окружающей среды не были столь актуальными, а природные ресурсы рассматривались как «бесконечные» по отношению к потребностям общества. Инвайронментальные проблемы, присутствуя в качестве второстепенных сюжетов, оказались за рамками основных дисциплинарных

трендов. Как следствие, не создается достаточных теоретических и эмпирических оснований исследования для последующих поколений.

Интерес социологов к инвайронментальным проблемам стал проявляться с самого момента приобретения этими проблемами широкого социального и политического звучания в 60-х гг. XX в. Однако, междисциплинарность этих проблем, наряду с тем, что лидерами в этой области оказались специалисты естественно-научного профиля, не позволило социологам в полной мере включиться в исследования рассматриваемых вопросов. На сегодняшний день инвайронментальная проблематика все еще относится к сравнительно маргинальным темам социологического интереса. За рамками социологического мейнстрима оказались проблемы промышленного загрязнения окружающей среды, энергетические и ресурсные пределы роста, экологические риски и безопасность потребителя и т.д. Эти проблемы либо делегируются другим наукам, либо рассматриваются как второстепенные аспекты основных социологических проблем – таких, как урбанизация, социальное неравенство, социальные конфликты, проблемы развития науки и техники и т.д. При этом окружающая среда редко рассматривается в качестве независимой переменной. Так, бурные дебаты в обществе по поводу глобального загрязнения окружающей среды и демографического взрыва 1960-х гг. не имели значимого резонанса в социологическом сообществе. Ключевые работы по инвайронментальным проблемам того времени были написаны специалистами в области естествознания или популяризаторами науки. Это положение вещей имело место до 1970-х гг., когда начали возникать крупные конфликты по вопросам энергетической политики и ядерной энергии, что, в свою очередь, вызвало быстрый рост протестных инвайронментальных движений. Именно к этому периоду обычно привязывается институционализация инвайронментальной социологии.

Однако, для современной инвайронментальной социологии все еще характерен разрыв между теоретическими и эмпирическими исследованиями. С одной стороны, большинство социологов-теоретиков стремятся интегрировать инвайронментальные проблемы в более широкие социологические концепции и

не видят целесообразности в создании особой концепции. Так, А. Шнайберг (Schnaiberg, 1980) предложил концепцию «жерновов производства», где охарактеризовал социальные основы инвайронментальных проблем, опираясь на концепцию К. Маркса о накоплении капитала. С другой стороны, концепция общества риска У. Бека (Beck, 1986), в которой инвайронментальным проблемам отведено центральное место, построена на классических концепциях Ф. Тенниса и М. Вебера. Здесь показаны фундаментальные социальные изменения, к которым привели инвайронментальные проблемы. С другой стороны, социологи-практики добавляют различные инвайронментальные проблемы к уже существующему списку других социальных проблем, не привязывая свои исследования к какой-либо парадигме или теории. Эмпирическое изучение инвайронментальных проблем, как правило, заключается в рассмотрении экологических конфликтов, движений и других форм экологической активности, а также множество процессов институционализации, профессионализации и структуры этих проблем. Кроме того, эмпирические методы используются для изучения отношения населения к инвайронментальным проблемам, освещения в СМИ этих проблем, структуры членства в экологических организациях, а также аспекты охраны экологического образа жизни и потребительские предпочтения.

В такой ситуации следует сконцентрировать внимание на том, чтобы найти соответствия между теоретическими конструкциями и их эмпирическим базисом на основании сквозных тем. Анализ современных инвайронментальных теорий и практик показывает, что большая часть проблем в этой области может быть рассмотрена в связи с шестью основными темами: инвайронментальное сознание и его отражение в общественном мнении; инвайронментальное неравенство; инвайронментальные организации и движения; социальные следствия экологических катастроф; инвайронментальные проблемы урбанизированных территорий; социальные аспекты внедрения инвайронментальных технологий и социологическая поддержка инженерных проектов и природоохранных мероприятий. Как видно из перечисленного списка, проблемное поле

инвайронментальной социологии довольно широкое, и еще предстоит кропотливая работа по выработке единых теоретических подходов и наполнение их эмпирическими данными.

Социальная сфера в информационном обществе: социологический ракурс

Бразевич Д.С.

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Россия, Санкт-Петербург

Социальная сфера в информационном обществе претерпевает целый ряд изменений.

1. Основой социальной структуры информационного общества выступают стили жизни и горизонтальная стратификация. Самоидентификация происходит уже не через производственный статус, а через внепроизводственные характеристики. Идентификация личности в рамках формальных групп ослабевает. Развиваются виртуальные общности.

2. Наибольшее воздействие на развитие культуры общества, уклад жизни людей и стереотипы их поведения в информационном обществе оказывают информационные средства и технологии массового применения – глобальные информационно-телекоммуникационные сети и сетевые телекоммуникационные технологии, новые системы глобального телевидения, интеллектуальные системы и технологии их массового применения непрофессиональными пользователями. При этом, с одной стороны, уровень технической оснащенности в информационном обществе позволяет удовлетворять любые информационные потребности каждого человека. Происходит демассификация цивилизации. Наблюдается огромный скачок объема информации, которой люди обмениваются друг с другом. С другой стороны, центральное значение информации для общественной жизни порождает принципиально новые проблемы, так называемые «информационные издержки», связанные с трудностями восприятия и осмысления больших объемов сложной информации. Создаваемая средствами массовой коммуникации (СМК) виртуальная реальность во многом не совпадает

ет с действительностью.

3. Происходит изменение мышления человека. Во-первых, в мыслительную деятельность «встраиваются» компьютерные технологии, помогая хранить, анализировать и обобщать информацию. Возникает феномен так называемого «компьютерного мышления» или «компьютерного интеллекта». Многие ученые опасаются того, что компьютеризация мышления ведет к разрушению некоторых социальных связей и вытеснению человека из сферы интеллектуальной деятельности. Во-вторых, мышление человека совершенствуется под воздействием интенсификации информационных процессов в связи с необходимостью адекватно ориентироваться в возрастающих потоках информации, в новой информационной среде. Эта среда провоцирует более эффективное использование и развитие человеком собственных когнитивных способностей. Происходит гуманизация объективного процесса компьютеризации общества и киборгизация личности.

4. Образ жизни человечества претерпевает качественные изменения. Прежде всего – физическое возвращение человека к домашнему очагу, обусловленное новыми дистанционными формами занятости, обучения, обслуживания, позволяющими выполнять работу, получать образование и совершать покупки, не выходя из «электронного коттеджа». Преобладающий в информационном обществе сектор информационно-интеллектуальных услуг позволит создать рабочие места в любом доме, оснащенном соответствующей техникой, прежде всего компьютером с выходом в сеть.

5. При серьезном изменении инфосферы человечество вынуждено трансформировать собственное сознание, способы осмысления проблем, обобщения информации, предвидения последствий поступков и действий. Без грамотности и образованности люди в новом обществе экономически обречены. Острыми становятся проблемы обеспечения массовой компьютерной грамотности и несоответствия качества образования в развивающихся странах стремительно возрастающим требованиям информационного общества, причем по прогнозам специалистов этот разрыв в ближайшем будущем будет только уве-

личиваться.

6. Информационное общество вызывает потребности в новом социальном контракте – соглашении, заключаемом между членами общества с целью создания нового общества и регулирования отношений между собой, включая планы относительно управления обществом. Подобный контракт должен отражать основную социальную и экономическую деятельность общества. Поскольку информация и информационная технология становятся стержнем социальной системы, следовательно, социальный контракт должен учитывать различные социальные проблемы, социальную напряженность, возникающую в связи с использованием информации.

7. В информационном обществе формируются новые социальные ценности. Движущей силой индустриального общества была «погоня за приятными физическими ощущениями». В информационном же обществе новые социальные ценности «более связаны с мышлением». Материалистичные ценности прошлой эпохи вытесняются ценностями, ассоциируемыми с получением и владением информацией.

Таким образом, на основе анализа понятий «информатизация» и «социальная сфера» может быть сформулировано определение информатизации социальной сферы: процесс расширенного производства и воспроизводства социальных изменений, происходящих в современном обществе с помощью перспективных информационных технологий, на основе актуализации ресурсных возможностей индивидов (групп) в решении проблем жизнедеятельности.

Социологическая перспектива изучения социальной безопасности

Бразевич С.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,

Санкт-Петербург

Стремительные социальные изменения в современном мире актуализируют проблему безопасности, как на уровне общества, так и на уровне индивидов. Социальная безопасность – активно обсуждаемый феномен общественной

жизни, который рассматривается в предметном поле как гуманитарного, так и технического знания. В качестве методологической основы исследования проблем социальной безопасности современного общества, может выступать системная, интегративная теория. Для этого необходимо: концептуализировать категорию «социальная безопасность» на основании интеграции категорий «личная безопасность», «государственная безопасность», «национальная безопасность», «экономическая безопасность», «информационная безопасность»; установить взаимоотношения данных категорий, определить предметное поле исследования социальной безопасности; охватить весь комплекс угроз, характерных для современного общества, и возможные ответы на них.

Если говорить о западной науке, то данная проблематика («социальная опасность» – «социальная безопасность») является предметом междисциплинарных исследований, давно и успешно развивается исследователями в области социологии, экономики, права и некоторых других областей. В данном контексте актуализируются вопросы социальных рисков (Social Risk) и непосредственно социальной безопасности (Social Security, Social Safety, Public Safety), риск-менеджмента (Social Risk Management) и устойчивого развития (Sustainable Development), а также социальной защиты (Social Protection) и социальной ответственности (Social Responsibility).

Российские социологи в своих работах обращают внимание на исследование проблем социальной безопасности, в частности, через ее восприятие различными категориями населения, и полагают, что социология безопасности должна базироваться на теории безопасного развития социума. Становление и динамика социологии безопасности содержательно раскрываются во взаимодействии феномена безопасности и среды безопасности через социальные механизмы адаптации к происходящим внутренним и внешним изменениям. Специфика становления социологии безопасности в российских условиях определяется тем, что в процессе своего становления она, как новое научное направление, так же как и новый социальный институт, базируется на прежних (старых) институциях безопасности и в процессе своего становления вынуждена

создавать новый код отношений, преодолевая стереотипы прежнего миропонимания. В новых социокультурных условиях для социологии безопасности должны стать приоритетными категории качества жизни, безопасности и благополучия человека, творчества. Многие социологи предпочитают фокусировать внимание на власти, порядке и контроле в контексте безопасности. При этом социальные аспекты социологии безопасности становятся малоузнаваемыми. На протяжении последних четырех десятков лет в западных и отечественных научных дискуссиях политическое и военное определение безопасности соперничает с социокультурным. В последнее десятилетие это привело к тому, что социология безопасности акцентировала внимание на таких ее аспектах, сторонах, как дипломатическая безопасность, военная, государственная, экологическая, информационная и др., академическое изучение сводилось к изучению безопасности лишь в этих сферах. В то же время *социальная* безопасность не находилась в фокусе исследовательского внимания.

Сегодня социальная безопасность становится все более приоритетной среди других видов (типов, форм) безопасности. Все более очевидным становится то, что исследование социальных угроз, их причин необходимы в процессе выработки правильной стратегии и тактики по их предупреждению и устранению. Однако современные теоретические представления о безопасности, в том числе социальной, демонстрируют крайнюю неоднозначность рассматриваемого явления: отождествление с отсутствием опасности, где основой данного понятия выступает этимологическое рассмотрение термина «безопасность»; защищенность от вызовов, рисков, опасностей и угроз – дуализм (опасность – безопасность); безопасность как защищенность и свойство системы. Существование любой системы предполагает ее способность противодействовать, а, следовательно, и защищаться от разрушительного воздействия каких-либо сил. Именно благодаря этому свойству любая система имеет возможность функционировать и развиваться в любых сложных условиях (конфликта, неопределенности, риска); специфическая деятельность по защите от внутренних и внешних угроз и обеспечению необходимых условий существования, либо как результат

деятельности по обеспечению безопасности.

Таким образом, социологическое исследование проблем безопасности не может быть эффективным без детального теоретико-методологического и эмпирического раскрытия социальных показателей и индикаторов социальных рисков и угроз, что и должно стать предметом дальнейших исследований.

Специфика процессного подхода в социологическом наследии Питирима Сорокина

Бубнова М.И.

*Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва*

Любой вид изменений, трансформаций, движений, смены состояний какого-либо объекта или явления можно понимать как процесс. Социальные процессы связаны с постоянными изменениями, в связи с преобразованиями, происходящими в структуре общества, в институтах, в организациях, в культуре, в мышлении субъекта и его социальном поведении. Большинство социальных изменений происходят в процессе совместных действий человека, которые не разрознены, а, мотивированы, однонаправлены, взаимно сопряжены.

Классическое определение социального процесса дал Питирим Сорокин как: «любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или «эволюции», любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик» [1]. Таким образом, социальный процесс является совокупностью однонаправленных и повторяющихся действий, которые можно выделить из множества других.

Социальные изменения представляют собой особый тип процесса. Все процессы что-то меняют, но для классификации процессов необходимо выделить те, под воздействием которых, происходят кардинальные изменения. К примеру, для поддержания функционирования любой социетальной системы нужно, чтобы происходили многие сложные процессы изменений, иначе она

очень скоро перестает существовать.

Одна из форм социального процесса, которой социологи уделяют особое внимание, – это концепция «социальных циклов в развитии». Циклические теории изменений объясняют человеческую историю именно в терминах социальных циклов.

Все виды циклических концепций исторических и социальных перемен П. Сорокин классифицирует как: вечно повторяющиеся идентичные циклы – периодические; линейные или спиральные циклы, стремящиеся к определенной цели – регрессивные; не периодические прогрессивные; циклы и ритмы, которые не идентичны, периодические и не стремятся к определенной цели, не периодические.

В локальном социально-историческом процессе П. Сорокин выделяет два типа изменений:

Первый относится к экономическому падению или подъему системы в целом (экономическое обогащение или обеднение социальных групп).

Второй – к росту или сокращению экономических процессов и стратификации внутри самой организации (изменение экономического профиля группы или увеличение – уменьшение высоты экономической пирамиды).

Из этого Сорокин делает следующие выводы о тенденциях в этих социальных колебаниях: «Все направления – вниз или вверх – могут быть направлениями только в очень относительном смысле. Если их рассматривать с точки зрения более длительного периода, они, скорее всего, являют собой часть более длительного временного цикла. Теория бесконечного прогресса ошибочна, – считает П. Сорокин» [2].

При нормальных условиях колебания происходят в определенных пределах. В нестандартных ситуациях эти пределы могут быть нарушены и тогда: «в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, если экономическое неравенство становится слишком сильным, то верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой – стихийно, импульсивно, ис-

пользуя насильственные методы. П. Сорокин имеет в виду – переход социально-экономического процесса в политический – революционный процесс.

Каковы бы не были причины и условия изменений социальные изменения, есть необратимая перемена целостной социальной системы и любое состояние, в котором пребывает система на той или иной стадии, может возникнуть в будущих социальных процессах, а данное состояние, в свою очередь, уже когда-то случалось в прошлом. Типы изменений социальных процессов многообразны и могут различаться в зависимости от того, какие именно аспекты, фрагменты и изменения системы в них вовлечены.

Очевидно, что для поддержания функционирования любой социетальной системы нужно, чтобы одновременно происходили многие более сложные процессы.

Однородная последовательность социальных явлений, может быть понята как процесс, если: а) она сохраняет идентичность во времени, позволяющую выделить ее из других происходящих процессов; б) предшествующие явления обуславливают наиболее значимые, следующие за ними явления и вызывают соответствующее однородное положение вещей.

Процессный подход предполагает выделение нескольких уровней социального процесса: уровень организации; уровень структурного подразделения организации; уровень команды; уровень рабочего места.

Рациональная организация процесса на всех уровнях – главная цель управленческого процесса, идеал осуществления которого зависит от общественной организации (общества) в целом, построенной на принципах справедливости.

Литература:

1. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 372–392.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политическая литература, 1992. С. 334.

3. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 25.

**Региональная технология оценки социальной эффективности
реализации проектов некоммерческих организаций***

Бурмыкина И.В.

*ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический
университет», Россия, Липецк*

В государственном управлении вопрос оценки эффективности реализации государственных и региональных целевых программ сопровождается рядом теоретико-методологических и технологических трудностей. В частности, важнейшая составляющая эффективности целевых программ – социальная – в большинстве случаев признается практически неизмеримой и не включается в аргументированную количественную оценку. В том числе это касается программ поддержки развития социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО).

Незначительные усилия по оценке результативности целевых программ ориентированы на сбор фактологической и количественной информации позволяют судить лишь о затратно-валовых показателях и не анализируют качество и социальную значимость реализации проектов НКО поддержанных субсидиями из федерального или регионального бюджетов. Как следствие, итоговая результативность проектов НКО определяется суммой затраченных усилий и «освоенных» бюджетных средств, привлеченных добровольцев и проведенных мероприятий, а не произведенным социальным эффектом, меняющим ситуацию с проблемными полями или выбранными целевыми группами к лучшему.

В этой ситуации очевидна необходимость использования социологического подхода, призванного сформулировать системное представление о соци-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта №14-13-48001.

альной эффективности реализации проектов СО НКО для регионального развития.

Разработанная нами социологическая концепция социальной эффективности реализации проектов СО НКО, в своей основе имеет парадигму социологического конструктивизма, где объектом исследования является общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды, органическая синтезирующая целостность человека и общества и деятельностно-активистский подход. В соответствии с этой концепцией, социальная эффективность реализации проектов социально ориентированных некоммерческих организаций представляет собой мнение стейкхолдеров проекта о значимости его вклада в решение той социальной проблемы и развитие той целевой аудитории, для которой был разработан и реализован. В таком случае социальная эффективность реализации проектов СО НКО имеет многомерное институциональное, социально-групповое и субъективно-личностное измерение.

Аналитическая модель оценки социальной эффективности реализации проектов СО НКО, разработанная с использованием квалиметрического подхода легла в основу региональной технологии оценки социальной эффективности реализации проектов СО НКО.

В рамках региональной социальной технологии разработан укрупненный организационно-процедурный ее состав, включающий, во-первых, обоснование критериев социальной эффективности для, как минимум, трех основных групп заинтересованных сторон – целевой группы социального проекта НКО (благополучателей), самой СО НКО (грантополучателя) и органа власти, субсидирующей социальный проект НКО (грантодателя). Во-вторых, механизм социологической диагностики социальной эффективности реализации проектов с точки зрения указанных заинтересованных сторон с использованием комплекса социологических методов. В-третьих, механизм оценки социальной эффективности реализации проектов с использованием комплекса математико-статистических методов. Определена конкретная последовательность действий, необходимая для реализации разработанной социальной технологии в условиях

Липецкой области.

Совершенствование института патронатной семьи в России: мнение специалистов

Бурханова Ф.Б., Третьякова К.В.

Башкирский государственный университет, Россия, Уфа

«Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» и «Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» указывают на приоритет семейного жизнеустройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семейной политике страны. Указ Президента РФ от 28 декабря 2012 г. предусматривает, «в том числе, уточнение порядка приема ребенка в патронатную семью и форм его воспитания». Курс на развитие института профессиональной семьи в июне 2014 г. озвучен заместителем Председателя правительства РФ О.Ю. Голодец.

Институт патронатной семьи уже сегодня может расцениваться, хотя и с оговорками, как профессиональная семья.

В рамках проекта «Научно-методическое обеспечение функционирования патронатной семьи как профессиональной замещающей семьи», (по заданию Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки РФ) проведено комплексное исследование, которое, наряду с другими видами работ, включало в себя анкетирование специалистов учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и органов опеки и попечительства субъектов РФ. Анкетирование проведено в мае-июле 2014 г., с предварительным скринингом субъектов для участия в опросе. Опрос позволяет сделать вывод относительно современного состояния патронатного воспитания.

Принятие ФЗ «Об опеке и попечительстве» от 2008 г., привело к свертыванию практики патронатной формы устройства детей. Ряд субъектов признали свои специальные законы о патронатном воспитании утратившими силу. Еще ряд субъектов (18 из числа опрошенных) не отменяя закон, прекратили переда-

чу детей в патронатные семьи, переведя имевшиеся семьи в категорию приемных семей или сохранив за ними статус патронатных до окончания срока договоров или достижения детьми своего совершеннолетия.

При анкетировании задавался ряд вопросов о совершенствовании института патронатной семьи в России, которые касались дальнейшего развития этой формы устройства, проблем законодательства, целесообразности введения различных ограничений или дополнительных требований для будущих патронатных воспитателей.

Основные предложения, высказанные специалистами субъектов РФ, где в той или иной степени в настоящее время имеется семейный патронат или он был развит в недавнем прошлом:

1) Большинство специалистов (58,8%) высказались за равное развитие семейных и институциональных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Причем сотрудники органов опеки более поддерживают вектор политики государства на развитие только семейных форм устройства (60,6%). Работники учреждения больше выступают за равное развитие обеих форм (80%).

2) Для развития патроната, в первую очередь, необходимо принятие федерального нормативного акта, регулирующего эту форму (43,5%). Кроме того, необходимо увеличение заработной платы воспитателей (43,5%), пособий на ребенка (24,6%), при необходимости, улучшение жилищных условий семей, которые хотят взять на патронатное воспитание ребенка (23,2%). Также, по мнению специалистов, очень важно повышение информированности населения о существовании этой формы устройства детей (33,3%).

3) Большинство опрошенных (68,6%) поддерживает идею введения на всей территории России патронатной семьи как профессиональной замещающей семьи.

4) Наиболее приемлемый вариант заключения договора и распределения ответственности – трехсторонний договор между органами опеки и попечительства, учреждением для детей, оставшихся без попечения родителей, и патро-

натным воспитателем (49,3%).

5) По мнению большинства специалистов (57,5%), при установлении оплаты труда патронатного воспитателя, минимальная зарплата должна устанавливаться на федеральном уровне, а дополнительные доплаты – субъектами. Также большинство респондентов считают, что, в целом, не целесообразно вводить особый порядок получения заключения о возможности гражданина быть профессиональным патронатным воспитателем, отличающийся от порядка для других замещающих семей (54,3%).

6) Не целесообразно введение требования передавать детей на патронатное воспитание только в полные семьи. Об этом высказались более 60% опрошенных специалистов. Лишь 15,9% респондентов поддержали необходимость такого требования.

7) Одобрена идея введения требований к уровню подготовки и квалификации патронатных воспитателей. Такими требованиями должны стать: наличие сертификата о прохождении специальных курсов для патронатных родителей (77,4%) и имеющийся положительный опыт кандидата по воспитанию детей (67,7%).

8) Не целесообразно введение ограничения по возрасту и состоянию здоровья ребенка для передачи его в профессиональную патронатную семью (50,7%), так как это сильно ограничит круг детей для семейного устройства и возможно нарушит права других детей на воспитание в семье.

Социально-экономические последствия рыночного реформирования Украины

Буткалюк В.А.

Институт социологии Национальной академии наук Украины, Украина, Киев

Рыночные реформы, начавшиеся в Украине более 20 лет назад под эгидой ВБ и МВФ, не принесли ее жителям обещанного благополучия и повышения стандартов жизни, а привели к массовому обеднению населения, колоссальному росту неравенства, усилению социальной напряженности и апатии,

другим негативным социальным и экономическим последствиям.

Результаты социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Украины в июле 2014 г. (N=1800), свидетельствуют о тяжелом социально-экономическом положении населения Украины в результате углубления кризисных трендов в украинском обществе.

Согласно оценкам респондентов материального положения своих семей в целом, бедными свои семьи считают 40,1% опрошенных, «средним» материальное положение своих семей оценивают 52,2% респондентов, нищенским – 6,3% респондентов. В то же время суммарная доля назвавших свои семьи богатыми и состоятельными находится в пределах статистической погрешности – 1,3%.

Анализируя материальное состояние своей семьи за предшествующие опросу 2–3 месяца, треть респондентов (36,2%) отметили, что их семьям доходов хватает только на продукты питания. Хватает в целом на жизнь материальных доходов примерно такой же доле респондентов (38,4%). Делать сбережения могут семьи всего 3,8% опрошенных.

Не смотря на крайне низкие стандарты жизни населения Украины на протяжении последних двух десятилетий, материальные показатели значительной доли респондентов продолжают ухудшаться. Оценивая характер изменений материальных условий своих семей за последние 12 месяцев, 27,6% опрошенных указали, что материальные условия жизни их семей за последние 12 месяцев значительно ухудшились и 32,0% – немного ухудшились, 34,9% – остались без изменений. В то же время суммарная доля респондентов, отмечающих значительное и некоторое улучшение этих показателей, равняется 5,2%.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что большая часть населения страны лишена возможности удовлетворения базовых жизненных потребностей. Так, 42,3% опрошенных отметили, что им не хватает работы, которая подходит, необходимой медицинской помощи не хватает почти половине респондентов (47,9%). 41,1% отметили, что им не хватает здоровья. Возможности покупать самые необходимые продукты лишен каждый четвертый респондент

(26,6%), в то же время почти вдвое большая доля опрошенных (43,8%) отметила, что им не хватает возможности питаться в соответствии со своими вкусами. Только 16,9% респондентов имеет возможность полноценно проводить отпуск, не имеет такой возможности втрое большая доля опрошенных (55,3%). 75,9% респондентов заявили, что им не хватает сбережений, которые бы поддержали их благосостояние хотя бы в течение года в случае тяжелой болезни, безработицы, имущественных убытков.

Важным показателем удовлетворенности жизнью является уверенность человека в своем будущем и будущем близких людей. Как свидетельствуют данные опроса, уверенности в собственном будущем не хватает 66,3% опрошенных, и только каждый десятый респондент (11,1%) указал, что ему хватает уверенности в будущем.

Каждый десятый опрошенный (10,5%) в течение последних 12 месяцев был вынужденно безработным, терял работу. 17,1% респондентов отметили, что за последний год хотя бы раз испытывали большие материальные затруднения, когда не было за что купить даже необходимые продукты питания. Каждый четвертый житель страны (26,8%) заявил, что в течение последних 12 месяцев хотя бы раз находился в состоянии потери социального оптимизма, надежды на то, что положение в стране изменится к лучшему.

Одной из характеристик украинского общества является социальная апатия. Большая доля респондентов отметила страхи, связанные с ухудшением экономического положения, как основные. Так, при ответе на вопрос «Как Вы считаете, чего люди сейчас боятся больше всего?» максимальное количество ответов получили следующие варианты: роста цен – 63%, невыплаты зарплат, пенсий и т.д. – 60,8%, безработицы – 60,2%. При ответе на вопрос «Как Вы считаете, в ближайший год наша жизнь более или менее наладится или никакого улучшения не произойдет?», более трети респондентов (39,9%) уверены, что никакого улучшения не будет, 22,3% считают, что жизнь более-менее наладится, 37,6% респондентов затруднились ответить на вопрос.

Проблема снижения уровня и качества жизни, массового обнищания

трудового народа свидетельствует о коллапсе неолиберальной парадигмы развития в Украине, неспособности и нежелании правящей олигархии обеспечить достойные показатели жизни для большинства населения и требует немедленной смены нынешнего курса экономических преобразований в стране на более приемлемую социально-ориентированную модель трансформации и модернизации страны в интересах людей наемного труда.

Семья как социокультурная ценность

Бухнер Н.Ю.

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», Россия, Барнаул

«Семья – ячейка общества», как точно сказал Карл Маркс. Ведь именно в семье закладываются нормы поведения, жизненные ценности с рождения и до самой смерти человека. В настоящее время институт семьи претерпевает значительную трансформацию как в России, так и в других странах. Ценность института семьи падает. В 1913 г. по всей Российской империи на 98,5 млн православных было оформлен 3791 развод (0,0038%). В 2013 году процент разводов в России составил 54,5%. Семья – это форма совместного проживания людей, имеющая в своей основе совместное ведение домашнего хозяйства, наличие кровнородственных отношений. В настоящее время для возникновения семьи не обязательно наличие печати регистрирующего органа или участия церкви. Число семей, не зарегистрированных ни органами власти, ни церковью растет с каждым годом. Термин «семья» в России употребляется по отношению к союзу мужчины и женщины, к родительской паре, к родителю с как минимум одним ребенком.

Семья для человека это с одной стороны, система получения и отдачи любви, понимания, помощи, удовлетворения потребности родительства и интимности и др. С другой стороны, реальное семейное поведение всегда связано с подчинением, ограничением свободы – жены и мужа, детей и родителей, младших и старших поколений. Таким образом, основные проблемы семей ле-

жат в плоскости соотношения индивидуальных и групповых ценностей. Как только индивидуальные ценности начинают доминировать над групповыми ценностями (ценностями семьи) в семье возникают различные трудности.

Дифференциация общества привела к трансформации семейных ценностей в России. Взаимоотношения в семье, оценка семьи на индивидуальном уровне стали отражением потребительского поведения в обществе. Так, среди причин, которые мешают супругам развестись 30% опрошенных отмечают сложности с разделом имущества, 22% – материальную зависимость одного супруга от другого. Тем не менее семья является традиционным институтом воспитания. Эффективность реализации воспитательной функции семьи во многом зависят от ценности семьи для каждого ее члена (супругов и детей).

Результаты исследования 1450 студентов Алтайских вузов (параметры выборочной совокупности: вуз, факультет, курс; единица отбора – группа студентов; квотная выборка) выявили различия в представлениях о ценности семьи у студентов. В целом для всех респондентов присуща стратегия прагматического поведения. На первые места все студенты выдвинули экзистенциальные и физиологические ценности: материальное благополучие, семья, здоровье. На четвертое место студенты технических специальностей (в основном мужского пола) выдвинули жилье, студенты экономических и гуманитарных специальностей – работу, труд. На пятом месте – свобода.

Таким образом «семья» как ценность уступает материальному благополучию. Что же из этого следует? Какой вывод должно сделать современное общество и государство из подобного ранжирования? Мы считаем, что необходимо укреплять институт семьи на государственном уровне. В настоящее время государство оказывает внимание многодетным семьям, семьям с одним родителем, семьям с детьми, находящимся в социально-опасном положении. Налицо «управление по отклонениям». Для семей, не относящихся к вышеперечисленным категориям, которые и должны составлять основу общества существует лишь программа «Материнский капитал», которая действует до 2016 года.

Ценность семьи формируется в обществе. Государственная поддержка

для формирования данной ценности необходима и актуальна для современного российского общества.

Социальные сети: безбарьерная социальная среда инклюзивного общества

Бухтиярова И.Н.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В последние годы проблема социализации людей с ограниченными возможностями широко исследуется в рамках педагогики и социологии, во всем мире все больше внимания уделяется вопросам инклюзивного обучения и интеграции инвалидов в информационное общество. Сегодня каждый десятый житель России имеет ту или иную группу инвалидности. Из-за отсутствия «доступной среды» люди с ограниченными способностями оказываются один на один со своими проблемами, замыкаются в себе, у них падает самооценка, растет неуверенность, происходит социальная изоляция.

Интернет является достаточно гибкой средой, позволяющей стирать грани между обычными людьми и людьми с ослабленным здоровьем, проявлять взаимную толерантность различных социальных групп, а социальная интеграция приобретает новые формы, позволяющие людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) творчески развивать личное информационное пространство, выбирать индивидуальные образовательные маршруты и сотрудничество в открытой информационной среде. Надо отметить, что в целом круг людей с физическими недостатками развития зачастую ожидает от общественного мира порой не столько интеллектуальной, сколько информационной и психологической поддержки. Социальные сети особенно способствуют психологическому сопровождению молодых людей с ОВЗ, направленному на формирование у молодежи адекватного отношения к своим и чужим ошибкам; избавление от чувства стыда и неприятия собственного дефекта; научение само-

уважению; обучение адекватному оцениванию своих возможностей; развитие индивидуальности и уверенности в своих силах.

Роль социальных сетей в повышении информационной культуры и уровня инклюзии инвалидов в России и других странах на сегодняшний момент очень велика. Все чаще встречается их использование в интегрированном образовании, инклюзивном воспитании и профессиональном общении. Расширение круга общения является одним из наиболее значимых этапов социализации, и технологии Web 2.0 помогают лицам с физическими ограничениями подняться над своей болезнью, способствуют повышению эффективности социальной, профессиональной, психологической реабилитации. Помимо тематических социальных сетей, таких, как «Соседи», «Инвалидов нет», LydiX.ru и др., люди с ОВЗ часто используют популярные среди всех ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук и др., общаются в разнообразных форумах и блогах. Например, наиболее распространенные специализированные группы сети «ВКонтакте»: «Инвалиды» – специализированная группа для трудоустройства и знакомства инвалидов, «Инвалиды: работа, обучение, хобби» – группа с информацией об образовательных учреждениях, трудоустройстве инвалидов, хобби и просто интересные ссылки о жизни инвалидов, «Инвалидность не приговор!» – эта группа инвалидов, которые хотят жить как все и не выделяются среди здорового населения.

Но важнейшим аспектом все же остается именно интеграция людей с ОВЗ в социальные сети различных направленностей для полноценных людей. В результате такой интеграции постепенно изменяется социальный подход к пониманию инвалидности, стираются «отношенческие» барьеры, разрушаются стереотипы и предрассудки, реализуется воспитательная функция, формируется нравственная составляющая сетевого сообщества. Конечно, интернет-общение не исключает, не подменяет и не отменяет традиционные виды общения, однако оно специфично по форме, имеет свои цели, приемы и средства.

Благодаря инновациям в ИТ-сфере люди с физическими ограничениями активно включились в освоение информационных компьютерных технологий,

увидев в них средство для своей интеграции в общество, возможность доступа к программам высшего образования (с использованием дистанционных форм работы, с применением интерактивных виртуальных сред с погружением), инновационным технологическим проектам, повышению своего профессионального, образовательного и культурного уровня, стремясь заполнить информационный «вакуум», в котором зачастую они находятся. У всех категорий людей с инвалидностью как у пользователей возникают особенные потребности, реализуемые посредством глобальных сетей: получение информации по вопросам, касающимся жизнедеятельности, консультационная помощь по правовым вопросам, диагностическо-лечебная помощь, информация о новых технических средствах реабилитации. С возникновением новейших сетевых инструментов бизнеса (например, краудсорсинг) открываются дополнительные возможности трудоустройства инвалидов при надомной форме работы, а специализированные интернет-сообщества объединяют работодателей и сотрудников, готовых к сотрудничеству на удаленной основе (фрилансинг и др.). Человек с особыми потребностями в профессиональных обстоятельствах может быть не менее, а даже более успешным, чем остальные.

Не следует забывать, что часто пользователю с ОВЗ необходимы специальные адаптивные технологии для работы с компьютерной техникой – тактильные и аудиодисплеи для незрячих пользователей, мониторы и принтеры Брайля, различные модификации клавиатур, специализированные мыши для людей с нарушениями слуха и речи, специальное программное обеспечение синтеза речи, позволяющее инвалидам по зрению работать в интернете. Информационные компьютерные технологии не стоят на месте, можно сказать, что техническая сторона массового вовлечения людей с физическими недостатками в информационное пространство глобальных сетей – вопрос времени.

На сегодняшний день наиболее важным вопросом сетевого взаимодействия является вопрос смягчения проблем социальной инклюзии, а также продвижение информационных трендов интеграции людей с инвалидностью в сетевое сообщество для комфортного участия их в информационном простран-

стве.

Факторы межэтнической брачности в полиэтническом регионе (на примере Башкирии)

Валеева А.Ф.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Россия, Уфа

Глобализационные процессы, сопровождающиеся трансформацией государственных, культурно-языковых и этнических границ, предопределяют возникновение и усиление противоположных тенденций – социокультурного национализма и взаимных культурных заимствований. Стремление сохранить идентификационные культурные основания выступает своеобразной реакцией на нарастающую унификацию духовной и материальной культуры. Но в то же время длительные межэтнические взаимодействия обусловили высокую степень интеграции. Накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, выступающий в настоящее время фактором относительной межэтнической стабильности.

Существенное влияние на сохранение и развитие национальной культуры и национального самосознания оказывают институты брака и семьи. Они оказывают влияние на воспроизводство населения, на состояние производительных сил, на развитие социальной сферы. Именно в семье осуществляется социализация личности, осуществляются процессы идентификации, включая этническую.

Активные процессы глобализации, миграции, межэтнического взаимодействия способствуют тому, что межэтнические браки и национально-смешанные семьи становятся все более распространенным явлением. В Республике Башкортостан по данным переписи населения 2010 г. каждый четвертый брак является этнически-смешанным.

Важными объективными *детерминантами* заключения этнически-смешанных браков являются демографические показатели этнических групп населения, такие как численность этнической группы, характер ее расселения,

половозрастная структура, тип демографического воспроизводства, миграционная активность.

Городское население (24%) более активно в вопросах заключения браков с представителями иных национальностей по сравнению с жителями села (15,2%). Это связано с тем, что городская среда, аккумулируя представителей разных этносов, способствует размыванию традиционных (в первую очередь этнических) нормативно-ценностных оснований. Высокий уровень социальной мобильности городского населения и отсутствие жесткого социального контроля приводит к снижению значимости фактора этнической принадлежности в сфере заключения смешанных браков.

Аналізу *субъективных* факторов заключения межэтнических браков было посвящено авторское социологическое исследование, организованное в апреле-мае 2013 г. среди городского и сельского населения Республики Башкортостан (метод раздаточного анкетирования, выборка многоступенчатая). Основные гипотезы следования:

- при выборе брачного партнера человек ориентируется на свою этногруппу или группу, близкую в социокультурном отношении;
- основными факторами межэтнической брачности являются уровень образования, конфессиональная принадлежность, возраст, место жительства;
- существует определенное рассогласование в отношении к межэтническим бракам на личностном и групповом уровнях: отношение к абстрактному браку как социальному явлению (групповой уровень) не всегда совпадает с отношением к конкретному возможному браку для себя и своих близких (личностный уровень);
- этническая гетерогамность – фактор, угрожающий браку и семье: несовпадение взглядов супругов на нормативно-ценностную модель семейных отношений, традиций воспитания детей обуславливает конфликты.

Важным фактором вступления в межэтнический брак является уровень образования. Так, респонденты с высшим образованием готовы чаще вступать в брак с людьми разных национальностей: с башкирами и татарами (44%), с

представителями славянских народов (41%), с европейцами и американцами (27%), с представителями Восточной Азии (20%), с представителями других народов Башкортостана (18%).

Межнациональные браки воспроизводят себя сами: выходцы из смешанных семей, в которых сложились благополучные супружеские и детско-родительские отношения, демонстрируют большую толерантность и готовность к вступлению в межнациональный брак. Так, из общего числа опрошенных 40% выросли в национально-смешанной семье. Из них 35% сами состоят в смешанном браке.

Факторами, способствующими созданию межнациональных браков, выступают: длительное историческое проживание народов на одной территории, постоянные многообразные контакты в повседневной жизни, общие условия жизнедеятельности. Значимой является и этнокультурная близость постоянно проживающих в республике этносов: русских, башкир и татар. В частности, 48% горожан и 40% сельчан предпочитают вступать в брачный союз с представителями башкирского и татарского этносов, а также с представителями славянских народов – 38 и 32% соответственно.

Согласно традиционным представлениям, мужчина должен быть добытчиком, кормильцем, а женщина – хозяйкой. 44% опрошенных отрицательно отнеслись к ситуации, когда жена зарабатывает больше мужа. При этом 50% опрошенных выбрали эгалитарную форму семьи, как наиболее устойчивую. Интересно отметить, что среди женщин эгалитарные ценности распространены больше, чем среди мужчин. 74% мужчин стали сторонниками патриархальной семьи.

Анализ межэтнических браков показал, что конфликты в них возникают по нескольким основным причинам, включая выражение любви, взгляды на брак и воспитание детей, если они есть у супругов. В ходе исследования 18% опрошенных отмечают несовпадение представлений о роли мужа и жены в семье. Еще 16% в качестве недостатка подобного союза выделили несовпадение взглядов на воспитание ребенка.

Вместе с тем, существует множество положительных сторон межэтнических браков, прежде всего взаимообогащение культур (36%) и укрепление дружбы между народами (28%).

Кабинетные исследования как метод сбора информации

Васенина И.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Кабинетные методы сбора информации опираются на вторичные источники, сбор и анализ вторичной информации – «Desk Research» и анализ документов. Этот метод сближает работу социолога с работой историка. Кабинетные методы используются и как самостоятельные методы сбора информации, при изучении социальных проблем, динамики общественного мнения по какой-либо проблеме, а в маркетинговых исследованиях для изучения рынка, положения компании на рынке...

Прежде всего, определимся с терминологией, используемой в статье. Под вторичной информацией понимается информация однажды уже где-то, когда-то, кем-то собранная для целей близких, сопоставимых или аналогичных целям, поставленным перед исследователями, и которая может быть использована вновь. В качестве документов рассматриваются отчеты социологических исследований, массивы данных, анкеты, научные и монографические издания, статьи, кино-, видео-, аудио-, фотоматериалы и т. п. В последние годы инструментом распространения информации стала компьютерная сеть, т.е. интернет. Поисковые системы предоставляют возможность быстро найти источники, в которых имеется заданное при поиске слово.

Исследовательская работа начинается с выявления источников по избранной теме. Необходимо привлечение всех без исключения источников, доступных социологу при современном состоянии науки. При обилии источников, особенно массовых, допускается выборочное изучение, с тем, однако, чтобы выборка была достаточно репрезентативна (представительна).

Кабинетное исследование может быть очень сложным. Можно часами искать нужную информацию или данные, которые просто не существует, но, Вы даже не догадываетесь об этом. С другой стороны, вы можете найти именно то, что вам необходимо в течение 10 минут. Для того чтобы провести хорошее кабинетное исследование надо определиться с такими вопросами как: знать что искать и где искать; понимать качество исходного материала; получили ли вы именно ту информацию, которая вам необходима. Коротко рассмотрим каждое из этих положений.

Где искать и что искать. Одна из проблем для профессиональных исследователей – в кажущейся простоте и доступности информации в интернете. Но спросите любого, чтобы найти определенную информацию, задача внезапно оказывается намного сложнее, чем нам казалось на первый взгляд. Как отделить зерна от плевел? И как узнать, когда есть что-то полезное, нужное Вам, а не просто интересное?

Поиск источников данных по изучаемой проблеме в интернете, бесконечное хождение по сайтам, от ссылки к ссылке, может занять у Вас много времени, если вы не знаете, что вы ищете или где искать.

Для современного исследователя важно осознать, что поисковые системы в интернете являются основным средством к поиску информации, поэтому необходимо иметь навыки работы с этими системами. Но помимо этого необходимо знать предметную область или ключевые слова по исследуемой проблеме. Если вы знаете предметную область вы, вероятно, знаете точно, куда смотреть.

Как правило, опытные исследователи имеют преимущества, поскольку они имеют более широкие знания по предметной области, знают, где искать и как искать. Даже там, где Вы имеете доступ к источникам информации, но плохо знаете предметную область, легко пропустить ключевую информацию или перепутать термины, например проникновение на рынок и доля рынка.

Качество исходного материала. В основе всех сборов вторичных данных лежит необходимость понять качество исходных материалов. Это не толь-

ко оценка степени соответствия, но и степени практической применимости результата. Все источники получают информацию по-разному. Это зависит и от авторов, и от задач, решаемых ими, и от заказчиков исследований и др., поэтому надо смириться с тем, что кажущаяся нам истинность приведенных в них результатов исследований, не может быть взята на веру, поскольку мы не можем их верифицировать. Выход здесь один – не полагаться на один источник информации, а искать подтверждение в других источниках.

Важно выяснить, нет ли в анализируемом источнике внутренних противоречий или противоречий с сообщениями других источников, установить их причины. Совпадение данных, фактов в разных источниках, возникших независимо друг от друга, свидетельствует о достоверности; совпадение же во всех деталях предполагает заимствование.

Получение нужной информации. Золотое правило для успешного поиска нужной информации – всегда помнить, что Вы ищете, и на какой вопрос, хотите ответить. Вы можете натолкнуться на огромный массив информации, которая будет интересна, но если эта информация не является значимой в ответе на ваш исследовательский вопрос, она будет лишь отвлекать вас и замедлять работу.

Обычно для сбора сведений об изучении той или иной проблемы, для Вас важно не только найти информацию, но и проанализировать ее, постараться выяснить связь документа с некой внетекстовой реальностью.

Широкое использование вторичного анализа в социологии предопределено: доступность средств передачи, хранения и извлечения информации, доступность методов статистической обработки и вместе с тем ограничение ресурсов на первичный анализ способствуют сегодня развитию кабинетных исследований.

Социология государства: принципы методологии П. Сорокина и современные социальные практики

Васильев В.П.

Значительный вклад П. Сорокина в разработку системы социологического знания, масштабность его исследований логически приводит к необходимости выявления основных черт применяемой им методологии. При этом возникает два направления исследования: собственно, сам метод исследования и логическая соподчиненность того или иного феномена социальной реальности в системе координат научного знания.

Представляется, что с этих позиций следует рассмотреть место и значение государства в системе социологии, его взаимосвязи и взаимодействия с другими элементами системы, дополнив традиционный взгляд на роль и функции государства анализом современных реалий сложной эволюции государства. Наряду с основными принципами метода, применимого ко всей системы знаний у П. Сорокина есть ряд фрагментов, посвященных государству как структуре социальной реальности, которые необходимо артикулировать для определения места государства в социологической системе.

Отметим, что анализ методологии П. Сорокина и полученных на ее основе результатов не дает оснований причислять все ее положения к абсолютной истине. Направления критики его методологии сводятся к приверженности к бихевиоризму, индивидуальной психологии личности, религиозным основаниям социокультурной динамики и в известной степени алармизму, а не беспристрастному анализу.

П. Сорокин называет три главных принципа применяемой им методологии, примененные в работе «Социальная и культурная динамика». Это логико-смысловой, причинно-функциональный и релевантность фактов, используемых для обобщений и доказательств.

Государство П. Сорокин логически вписывал, во-первых, в контекст социально-культурной динамики, во-вторых, в целостную систему социологического знания. В первом значении государство рассматривается через форму правления, ее соответствия формам чувственной культуры, с адекватными ме-

тодами и целями управления. Как и многие авторы П. Сорокин предрекает гибель такого типа государственности и предполагает переход к иной форме власти.

Более практичен и доказателен другой путь включения государства в систему социологии. Классифицирую социологию на теоретическую и практическую П. Сорокин отождествляет практическую социологию с социальной политикой. Поскольку государство в современном мире выступает основным субъектом такой политики, то место его в социологическом знании предопределено. Во-первых, государство должно стать объектом анализа как особый социальный институт, во-вторых его деятельность в области социальной политики должна опираться на научные знания. Между тем представляется, что социальные практики второй половины XX века ставят вопрос о новых компонентах, социокультурной системы знаний. Во-первых, очевидно, что социальная динамика зависит от сути и современных механизмов экономической динамики. И продолжать не придавать этому значения и, наоборот, пытаться «помочь» экономистам не способствует приращению социологического знания. Причины безработицы, нищеты, расслоения, жизненной мотивации по многим аспектам и многое другое лежат в экономической плоскости.

Во-вторых, государство воздействует на общество, сетевые взаимосвязи не только с помощью установления социальных норм. Большинство государств получили в свое распоряжение гигантские финансовые средства, значительную долю которых используют на социальные цели развития. Макро регулирование, его эффективность или деструктивность целого ряда экономических, финансовых процессов временами будоражит общественное сознание, влияет на положение различных слоев стратифицированной пирамиды. Наконец, современное состояние глобализации во многом обусловлено действиями властей не только в политическом, но и экономическом контексте.

Семья и брак в исторической ретроспективе

Вафина З.А.

На протяжении длительного времени происходили существенные изменения в формах семьи и взаимоотношениях внутри нее. Если рассматривать эволюцию семьи в России, то в нашей стране происходили изменения, связанные с разложением патриархальной семьи.

Развитие капитализма в конце XIX – начале XX века, активное вовлечение женщин в общественное производство привели к формированию нового взгляда на семью, брак, материнство и детство. Оказалось, что женщина должна совмещать социальные роли как в семье, так и на оплачиваемом рабочем месте. А вопросы материнства и детства, функции защиты матери и ребенка общественные мыслители стали предлагать перенести с семьи на общество и государство. В этот период вышла работа А. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса» (1909). По мнению Коллонтай, на смену буржуазному браку, когда женщины принуждались к деторождению и супружеским отношениям, придет свободный союз свободных индивидуумов [3].

С приходом советской власти кардинально изменилось отношение к бракам, что отразилось в декретах ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (от 18 декабря 1917 г.), «О расторжении брака» (19 декабря 1917 г.). Были устранены все различия между законнорожденными и внебрачными детьми, единственной признанной формой брака стал гражданский (то есть, заключаемый в государственных органах), а не религиозный (заключаемый в церкви), как раньше. Были легализованы аборт и упрощена процедура развода. В 1926 году фактический, нерегистрируемый брак был практически приравнен (при условии выполнения некоторых требований) к зарегистрированному. К концу 1930-х – началу 1940-х годов либерализация, впрочем, закончилась, развод и аборт стали практически невозможными, появились дети, которым было запрещено иметь законного отца, даже если таковой хотел им быть – у всех внебрачных детей в графе «отец» должен был стоять прочерк.

В послевоенное десятилетие внебрачные рождения распространились в России, что объяснялось значительными потерями среди мужского населения во время войны. Затем их уровень значительно снизился (до 6–11%), но с 1980-х годов начал постепенно повышаться и в конце XX – начале XXI веков составлял 28–30% от всех рождений [2].

Под воздействием индустриализации и урбанизации произошли коренные изменения в институте семьи: распад родственных связей, нуклеаризация семьи. Начало XXI века в большинстве развитых стран характеризуется либерализацией брачно-семейных отношений, замещением внутрисемейных связей другими социальными связями, ростом внебрачных рождений. Социологи фиксируют процесс размывания поведенческих норм, регулирующих выбор супруга, содержание супружеских и родительских ролей. В частности, Т.А. Гурко отмечает, что на сегодня брак и супружество представляют в большей мере эмоциональную, психологическую ценность. В том числе, исследователь отмечает, что в обществе потребления работодатели не заинтересованы в работниках с семейными обязанностями, а рынок услуг нуждается в увеличении числа домохозяйств – потребителей, а не семей. Для определенной части населения профессиональная и личностная самореализация становятся более важными, нежели семья [1].

Таким образом, в ходе произошедших трансформаций института семьи возрастает значимость индивидуальных регуляторов поведения по сравнению с нормативными. Этому процессу в значительной мере способствовало включение женщин во все сферы социальной жизни, возрастание их экономической независимости от мужчин, осознание ими неравноправия в супружеских взаимоотношениях на фоне приверженности мужчин устоявшемуся распределению гендерных ролей в частной сфере, прежде всего в области ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Литература:

1. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М., 2003. С. 10–11.

2. Иванова Е., Михеева А. 1998. Внебрачное материнство в России // Мир России. Социология. Этнология. Т. VII. № 4 (20). С. 167–174.
3. Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909. С. 111–219.

Коррупционные барьеры инновационного развития в западных странах

Верховин В.И.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

В докладе анализируется западная система инфорсмента и ее ограниченные возможности в предотвращении коррупции. Дается анализ и критика некоторых примеров апологетики западного рыночного общества, не способного минимизировать коррупцию на разных уровнях его организации. Приводятся необходимые статистические и фактические аргументы в пользу точки зрения автора.

Ключевые слова: коррупция, западная система инфорсмента, коррупционные скандалы, статистика коррупции в Западных странах.

Современная урбанистика: от Чикагской школы к Лос-Анджелесской

Вершинина И.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Современная урбанистика демонстрирует необычайное многообразие теорий и направлений исследований. Урбанистские исследования предлагают широкий спектр новых идей и подходов и находятся в тесной связи с политическими и экономическими событиями современности. Главным идейным центром современной социологической урбанистики можно назвать Лос-Анджелесскую школу, которая оформилась в начале 1990-х годов.

Исследователи Лос-Анджелесской школы обратили внимание на тот факт, что урбанистские формы и процессы даже в США больше не соответствуют классическим моделям Чикагской школы [3; p. 189]. Они не нашли го-

рода с концентрическими зонами, упорядоченными доминирующим центром. Лос-Анджелес предстал перед ними как полиядерный урбанистский регион, в котором центр слишком слаб для того, чтобы навязывать какой-либо порядок всем его различным частям.

Исследования Лос-Анджелесской школы не только выявили несостоятельность классических схем при анализе современных урбанизационных процессов, но и продемонстрировали, что современная урбанистика не является единой в методологическом плане. В ней присутствуют в равной мере постмарксистские, постструктуралистские, постмодернистские подходы, а также старые социологические схемы, укорененные в теориях постиндустриализма и постфордизма [1; с. 82].

Э. Сойя – наиболее известный представитель Лос-Анджелесской школы на сегодняшний день. По его мнению, современность – это в равной мере лучшее и худшее время для изучения городов, в них множество нового и бросающего вызов, и в то же время в исследованиях как никогда мало согласия относительно того как их изучать и понимать, практически и теоретически [4; р. XII]. Э. Сойя предлагает для описания современных городов термин «постметрополис».

Постметрополис – это результат очередной урбанистической революции, которая привела к переосмыслению идеи пространства, поскольку город и пригороды образовали единую высокоурбанизированную среду, анализ города оказался невозможен без учета того, что находится за его административными границами. По словам Э. Сойи, «Постфордистская реструктуризация экономики, интенсивный процесс глобализации, коммуникационная и информационная революции, детерриториализация и ретерриториализация культур и идентичности, переустройство городских форм и социальных структур совместно с множеством других сил способствуют переходу к постметрополису и значительно меняют наше городское видение, размывая его некогда четкие границы и смыслы, а также создавая новые способы мышления и действия в городской среде» [4; р. 324]. Э. Сойя, используя термин «постметрополис» и противопоставляя

его «позднемодерновому метрополису», оговаривается, что позднемодерновый метрополис не исчез и не оказался чем-то замещенным. Новые процессы урбанизации накладываются на старые и в совокупности предстают во все более сложных сочетаниях. При этом Э. Со́я констатирует утрату социологией ведущих позиций в концептуализации новых процессов урбанизации и постметрополиса.

Изменения, фиксируемые термином «постметрополис» и описываемые современной теоретической урбанистикой, носят повсеместный характер, а не ограничиваются исключительно американскими городами. В выступлении Л. Сикоры на Международном Социологическом конгрессе в 2014 году рассматривался вопрос о применимости методологии Лос-Анджелесской школы для анализа постсоциалистических городов [5, р. 949]. Был сделан вывод о высокой релевантности западных концепций для изучения трансформации постсоциалистических городов в современном мире, поскольку их развитие в данный момент диктуется капиталистической логикой. Российские исследователи в настоящее время также склоняются к тому, что объектом изучения должен быть уже не город, находившийся в центре внимания Чикагской школы, а городская агломерация, или постметрополис, к анализу которой призывают представители Лос-Анджелесской школы [2, с. 19].

Литература:

1. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4.
2. Махрова А., Нефедова Г., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. 2012. № 6 (57).
3. Nicholls W.J. The Los Angeles school: difference, politics, city // International Journal of Urban and Regional Research. 2011. Jan. Vol. 35. N 1.
4. Soja E. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Malden: Blackwell Publishers, 2000.

5. Sykora L. From Chicago to Los Angeles: western concepts and the study of post-socialist cities // XVIII ISA World Congress of Sociology. Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology. Book of Abstracts. Jokohama, 2014.

**Социальные технологии как основа современных идеологий
правлящей элиты**

Викторов А.Ш.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Социальная технология – это технология вмешательства в социальные процессы с целью их изменения, доведения до заданного состояния в соответствии с теми или иными доминирующими групповыми интересами и идеологемами развития общества. Современное общество в условиях глобальных изменений становится парадоксальным и антиномичным, включая в себя несовместимые характеристики.

В понятии «идеология» можно выделить два ее главных модуса (способа существования): цель развития и социальная технология (средство решения проблем).

В первом случае, любая идеология – это своеобразный указатель пути, направленности развития в определенное историческое время.

Начиная с XIX века именно на этой основе был порожден целый ряд идеологием (целевых путей развития): марксизм, анархизм, либерализм, консерватизм, национализм, фашизм, демократизм и др. XX век вошел в историю как время столкновений и реализаций различных идеологием развития. В современных условиях нарастания нестабильности, неустойчивости, различного рода катастроф (социальных, технических, экологических) наблюдается кризис идеологии либерализма и «ренессанс» идеологии социализма и нацизма. Это воспроизводит новые вызовы и требует поиска новых адекватных ответов, напрямую связанных с существующей элитой, которая определяет позитивную или негативную направленность общественного развития.

Идеология является продуктом социально-политической деятельности людей, состоящей из политических теорий, общественно-политических идеалов, ценностей, концепций политического развития и др., а также содержит в себе «суть карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которой создается коллективное сознание».

Известный польский социолог П. Штомпка, рассуждая о проблеме соотношения разных идеологий, пришел к выводу, что она, прежде всего, затрагивает групповые интересы людей. И в зависимости от их различного положения в социальной стратификации, выделяет три типа идеологий: элитарную, эгалитарную и меритократическую, непосредственно связанных с характером мышления (консервативное и либеральное), который свойственен групповым интересам развивающихся (Индия, ЮАР, Китай, Россия) и развитых стран (США, Западная Европа).

Американский психиатр Лайл Росситер, как бы продолжая логику Штомпки, приходит к выводу, что характер либерального мышления предопределен особым видом «психического расстройства», одним из признаков которого является то, что либералы защищают права воображаемых жертв и сражаются с воображаемыми врагами. В этом отношении консерваторы страдают другой формой «психического расстройства» (социальной патологией), которая проявляется в абстрактной защите прав граждан России и в конкретном сражении с реальными врагами, мешающими им удерживать и сохранять свою власть.

Идеологема развивающихся стран – это не плавный переход, а резкие скачки от одной системы ценностей к другой, традиционного уклада к нетрадиционному или информационному. Когда социальная жизнь резко изменяется, то традиционная основа разрушается, а вместо нее создается, точнее, конструируется новая ценностная матрица, не имеющая под собой необходимой информационно-технологической основе. Поэтому решение значимых социальных проблем по-прежнему остается в руках института власти, который ее использует только для своей легитимации. Отсюда на первый план выходит при-

менение разных политтехнологий правящей элиты (высшего класса, господствующей группы) как в развитых, так и развивающихся странах, где они выступают особым инструментом для сокрытия своих подлинных социальных целей в рамках определенного исторического времени.

Поэтому *во втором случае* (социальная технология как средство решения проблем), в современное переходное время трансформируется из идеологии в технологию конструирования некой заданной реальности, изменения и манипулирования общественным сознанием, эффективным способом контроля культурных, информационных, научных знаний, материальных и общественных благ и творческих ресурсов общества.

В широком контексте технология включает в себя конструирование социальных систем, поддержание социального порядка, формирование общественного мнения, т.е. может использоваться как социальная диагностика. Условно технологии по своему целевому характеру применения можно разделить на три вида: мягкие, средние, жесткие.

Согласно «барьеру Питерса», развитие человека и развитие технологий не могут быть разными. В идеале – чем выше уровень технологий, тем выше развитие человека и характер его взаимодействий, благодаря чему должна быть сформирована гуманистическая культура, где человек является целью общественного развития.

Таким образом, социальная технология как основа современных идеологий направлена на сохранение и оправдание существующего правящего класса и включает в себя различные аспекты, где главным является борьба за политическую власть и воздействие на изменение общественного сознания.

Социологическая диагностика российского общества

Волков Ю.Г.

Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону

После распада Советского Союза и образования нового российского

государства социологическому сообществу пришлось действовать в качественно новых условиях. Незаинтересованность властных структур, занятых переделом собственности и закреплением достигнутых политических позиций, социально-политическая и социально-экономическая нестабильность создали эффект реализации социологических исследований. Потенциал социологии понимался в узкопрагматическом политическом смысле. Опросы социологических исследований становились инструментом политической борьбы.

Отрадным фактом являлось повышение статуса социологии как учебной дисциплины и профессиональной подготовки в рамках высшего образования. Наблюдаемый экстенсивный рост российского социологического сообщества убеждал в том, что социологическое знание вошло не только в элитные, но и в массовые социальные практики. Однако, вместе с тем, вынужденная или добровольная работа путем предоставления социологических услуг резко снижала мотивацию в повышении объяснительного и аналитического потенциала социологического знания.

Период становления диагностики социологического анализа, социологической диагностики в российском обществе совпал с проведением долгосрочных исследований, осуществляемых учеными Москвы (коллективы под руководством М.К. Горшкова, Ю.А. Зубок), Свердловска, Ростова на Дону, Санкт-Петербурга. Российская социология не занимается интенсивными футурологическими изысканиями. Следует помнить, что в условиях доминирующей за рубежом социологической контркультуры, социологического постмодерна утрачивается смысл социальной диагностики под видом замещения, социологической деконструкции. Действительно, социологическая мысль в России неинтегрированно связана с центрами власти, верхушкой общества по сравнению с Соединенными Штатами или Западной Европой.

Несмотря на все это, для отечественных социологов приоритетной проблемой выступает то, каким образом обозначить собственную позицию в социологическом поле, выступив с критикой в адрес старой социологии, до сих пор способной придерживаться концептов другой эпохи (единство народа, гар-

мония классов, социалистическое государство). Дело в том, что современный «потребитель» социологического знания ничего не имеет общего с советским человеком, который был ориентирован на социальный оптимизм и интегрированность с коллективными структурами и целями. Можно говорить о том, что осознание безальтернативности открытости социологии обществу осложняется мозаичной социальной структурой, в которой результаты социологического исследования интерпретируются в зависимости от принадлежности к определенной группе интересов и «теряют» универсальное значение.

Российские исследователи отмечают, что характер социальных трансформаций в российском обществе имел и имеет последствием то, что не только ломается прежняя система распределения социальных гарантий и благ, но и возникает социальная поляризация – концентрация богатства и бедности на разных полюсах общественного устройства. Поэтому для социологии важно выработать формулу социального адресата, тех слоев общества, которые рассматривают социологическое знание в качестве ресурса социальной референтности, позиционирования в смысле группы, обладающей высоким интеллектуальным потенциалом и способной вступить в диалог с элитой для того, чтобы выйти из состояния «сварливой немоты».

Молодежная политика России: будет как лучше или как всегда?

Волкова Л.В.

*Российский государственный университет нефти и газа
имени И.М. Губкина, Россия, Москва*

Российские власти готовятся утвердить очередной документ, долженствующий изменить роль молодежи в обществе – «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года».

По словам руководителя Федерального агентства по делам молодежи С. Поспелова, данный документ «позволит сделать шаг в направлении развития молодежной политики в нашей стране». «Это система... основной целью которой является воспитание здорового, ответственного молодого гражданина и

профессионала. В документе большое значение уделяется созданию необходимых условий для социального развития молодежи, обеспечению ее полноценного участия во всех сферах общественной жизни» [1, с. 1].

Предыдущие подобные программы, несмотря на изрядное финансирование, не дали результатов. Молчание об их итогах на всех уровнях власти – лучшее тому подтверждение. Но этот факт игнорируется разработчиками нового документа. Управленческая аксиома, требующая предварительного изучения мотивации и настроений объекта для концентрации усилий на главных проблемах, также тонет в потоке бюрократического и псевдонаучного красноречия.

В документе перечислены многочисленные «вызовы». И программа предполагает борьбу с этими вызовами одновременно на всех направлениях. Как? Как обычно, традиционными бюрократическими методами. Например:

«Задачи по формированию информационного поля...:

– ...производство и размещение в теле- и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержка создания тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, направленных на реализацию целей и задач государственной молодежной политики;

д) выступление в средствах массовой информации руководителей государственных и муниципальных органов, представителей институтов гражданского общества, общественных объединений и религиозных организаций по актуальным вопросам...» [2, с. 16].

Между тем, многие данные, в том числе, социологического исследования, проведенного автором в составе коллектива социологической лаборатории РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина в четырех федеральных округах страны (Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Южном), доказывают неэффективность подобных мер. Отношение молодежи к различным видам СМИ сложное: 40% респондентов не доверяет телевидению и радиостанциям. К прессе как федерального, так и местного уровня, половина относится с недоверием. Скептически молодые люди относятся и к информации из интернета: не доверяют форумам, блогам и социальным сетям 59%, новостным сайтам в интер-

нете 54%. Но наибольшее отторжение у молодежи вызывает социальная реклама: ей не доверяют 62% опрошенных.

Наименьшим авторитетом среди молодежи пользуются политические и общественные деятели: две трети опрошенных (67%) не доверяют исходящей от них информации. Лидерам молодежных организаций выражают недоверие 53% опрошенных, а религиозным наставникам – 48% респондентов.

«Инструменты в области инфраструктурного обеспечения:

а) создание системы государственных и муниципальных услуг в сфере реализации государственной молодежной политики;

б) развитие системы государственных, муниципальных и общественных учреждений в сфере реализации государственной молодежной политики и мероприятий по работе с молодежью» [2, с. 18–19].

Ключевыми проблемами для молодых людей в возрасте от 20 лет являются, по нашим данным, коррупция и произвол чиновников (59%), низкий уровень жизни (51%), безработица (46%). Излишне спрашивать, каким образом названные меры помогут их решить.

Одной из проблем, которую видят авторы «Основ», являются «серьезные эмиграционные настроения у немалой части российской молодежи». Что же мы видим среди приоритетных направлений?

– «поддержка академической мобильности молодежи при получении ею высшего образования... создание условий для повышения образовательной и трудовой миграции молодежи» [2, с. 16].

Между тем, сложившаяся в стране ситуация вызывает почти у трети молодых людей (31%) желание уехать из России. В группах с низким и крайне низким уровнем жизни доля желающих уехать достигает почти половины. Но и среди высоко-обеспеченных к отъезду стремится треть респондентов. Хотят покинуть страну 38% неверующих, 31% православных, 19% мусульман. Из национальностей русские больше других желают уехать из страны. Так что трудно представить лучший способ для борьбы с эмиграционными настроениями, чем оба вышеназванных в обсуждаемом документе. Хотят уехать? Давайте

им это организуем и оплатим.

И не надо задавать глупые вопросы: что общего у всех этих «механизмов» и «мероприятий» с реальными проблемами молодежи? Как она вследствие создания многочисленных систем и учреждений станет здоровой, образованной, патриотичной, толерантной и ринется на военную службу? Ответ очевиден: на эту деятельность, как обычно, будет выделена (и освоена) изрядная сумма из государственного бюджета.

Литература:

1. Сивкова А., Казаков И. Нацбезопасность и нацвопрос пропишут в основах молодежной политики // Известия. 2014. 25 сент. URL: <http://izvestia.ru/news/577122>
2. Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://www.oprf.ru/young/newsitem/26185>

Методологические подходы к исследованию ценностей студенчества

Волосков И.В.

НОУ ВПО Академия гуманитарных и общественных наук, Россия,

Сергиев Посад

Исследование ценностей студенчества становится в последнее актуальной задачей социологии молодежи. Социологическими центрами накоплен объемный исследовательский материал, который пока не оборачивается построением теорий развития системы ценностей студенчества. Делаются гипотезы о том, что система ценностей студенчества колеблется в диапазоне традиционных-либеральных ценностей. Однако встает важный методологический вопрос: как измерить ценности, как разделить традиционные-либеральные? Современная научная традиция часто игнорирует опыт советских исследователей ценностей. Большой вклад в решение методологических вопросов внес Н.И. Лапин. Он предложил классификационную матрицу ценностей, где ядром традиционных определил семью, традицию, основой либеральных (современных) свободу, независимость, инициативу. Большое значение для измерения ценностей

имеет предложенный исследователем иерархический подход, зависящий от оценок общественного мнения значимости тех или иных ценностей. К ценностям ядра отнесены позиции в диапазоне более 60%, полупериферии – 45–60%, к ценностям периферии – менее 45%. Предложенная автором классификация и иерархическая теория опробирована в рамках проекта «Ценности россиян» и перспективна для исследования динамики системы ценностей российского студенчества.

Проблема развития среднего класса в современной России

Восканян Э.С.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Средний класс в современной России носит довольно размытый характер. В ходе исследования, проведенного под руководством М.К. Горшкова, в России было выделено три слоя среднего класса – верхний, по своему положению являющийся переходным к высшему (элитному) классу общества 3,3%; средний (собственно средний класс) 41,5%, и нижний средний класс составил 37,2%. В современной России данный слой – по своему статусу, доходу, уровню и качеству жизни, ценностям – гораздо ближе к бедным, чем к собственно среднему классу.

Так, по состоянию на 2012 года 20–25% населения России и 55–60% населения Москвы можно было отнести к среднему классу». Федоров В. гендиректор ВЦИОМа считает, что у представителей среднего класса «политическая ориентация скорее консервативная, чем модернизаторская». Средний класс не очень активно принимают участие в выборах, люди занимаются другими делами, но при опросах представители этого слоя поддерживали и поддерживают нынешнюю власть.

Средний класс является основой *гражданского общества*, государственной, а также базой для развития рыночной экономики и демократии. В современной России формирование гражданского общества происходит на фоне сложных и противоречивых процессов в обществе.

Медленное становление гражданского общества в современной России обусловлено достаточно пренебрежительным отношением со стороны правящей элиты и сильно укоренившимся в сознании людей элементов авторитаризма. Главным в развитии институтов гражданского общества является - четко структурированное правовое пространство, необходимый минимум демократических прав и свобод, делающих возможным и легитимным самоорганизацию граждан во имя отстаивания своих интересов.

Проблема развития гражданского общества в России все больше напоминает в последние годы своего рода «заклинание» российской политической элиты. Активность и высокая частота обращений к вопросам возникновения и последующего становления в РФ гражданского общества вполне объяснимы и обусловлены актуальностью их теоретических и практических аспектов.

В широком смысле гражданское общество принято трактовать как «негосударственную часть общественно-политической жизни», совокупность общественных институтов, формальных и неформальных структур, непосредственно не включенных в структуры государства, но позволяющих гражданам и их объединениям реализовывать свои интересы и инициативы.

В России концепция гражданского общества была предложена «сверху» и соответственно должна иметь несколько иную модель «внедрения» в структуры постсоветского общества.

Формирование имиджа политического лидера в ходе избирательной кампании

Габибова М.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Политические процессы в России динамично развиваются в последние десятилетия. И все больше внимания уделяются не к аппарату политической власти в целом, а к индивидуумам у власти. С именами политиков связывают те или иные события, происходящие в стране и за рубежом. Все чаще мы наблюда-

даем изменение политической системы, возрождение института общенародных выборов.

Стремясь завоевать власть, политик использует разные способы и методы. Среди которых так же конструирование облика политического лидера в глазах масс. Этот облик есть имидж политического лидера, который формируют при помощи специальных знаний и технологий. Формирование имиджа происходит как стихийно, т.е. неосознанно, так и сознательно, т.е. тщательно отслеживаются особенности восприятия политика, и продумывается новая стратегия и тактика формирования благоприятного образа.

Имидж – многофакторный феномен. Он является таковым, поскольку, с одной стороны, воздействие на человека осуществляется по ряду каналов, а с другой – человек привык оперировать многослойными структурами, каждая из которых может обрабатываться отдельно, и сосуществовать в человеческом восприятии на своей полочке. Имидж политика должен соответствовать духу времени и параметрам ожидания населения.

Стратегический образ, построенный для кандидата в избирательной кампании, может теоретически быть не связанным с реальной картиной личности политика. Все это необходимо для привлечения большего внимания к персоне и последующего влияния на решения при голосовании в пользу данного политика. Именно в связи с этим, имидж политика и выстраивается таким образом, чтобы люди увидели в нем сильного человека.

Первоначальный образ кандидата должен иметь только положительную окраску в сознании избирателей округа. Избиратель должен связать свое благополучие в будущем именно с положительными качествами кандидата.

Формирование имиджа обеспечивается системой технологических приемов, используемых в социальной психологии, рекламе, полиграфии и средствах массовой информации, которые обеспечивают адекватное восприятие формируемого имиджа.

Самым часто используемым средством формирования имиджа политического деятеля является средства массовой информации и коммуникации, по-

скольку они формируют общественного сознания, восприятию и интерпретации важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире в целом.

Предвыборные кампании существуют, в первую очередь для того, чтобы донести до населения политическую программу кандидата. Но так же, через эти кампании оказывается скрытое влияние на людей, на их выбор, на их отношения к политику и его программе. Информационное пространство – основной силовой рычаг воздействия на современное общество. С его помощью, кандидат пытается воздействовать на население и управлять им.

Во время избирательной кампании политик позиционируется как товар на рынке, который покупатель либо выбирает, либо находит аналог. Соответственно, имиджмейкеры, работая над имиджем своего кандидата, составляют «рекламу», где осуществляется представление человека народу.

Основу новой организации предвыборных кампаний составляет маркетинговый подход. Его основными элементами являются: выявление целевой аудитории, изучение общественного мнения; использование полученных данных для разработки и корректировки политического курса; рациональное расходование средств, с целью производства только такой «продукции», которая будет востребована избирателями.

Преимущество данного подхода заключается в оптимизации процесса формирования имиджа, так как основой создания «товара» (кандидата) с заданными характеристиками является комплексное исследование электората. Данный принцип позволяет выработать довольно эффективные стратегии в области выборов, а так же позволяет создать «правильную» политическую рекламу, с целью раскручивания кандидата. Однако маркетинговый подход имеет и негативное влияние на политический процесс. Избиратели при такой организации предвыборных кампаний рассматриваются как объект манипулирования, а сами кандидаты – в качестве сконструированных организаторами кампании имиджей.

Таким образом, мы видим, что формирование имиджа политического лидера осуществляется благодаря информационному пространству с использо-

ванием маркетинговых средств коммуникации и влияния.

Социальные технологии как направление развития социологии

Гавриленко О.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

В настоящее время развитие технологического подхода в практике социального управления связано с расширением масштабов использования социальных технологий и провозглашаемой необходимостью повышения их эффективности. Социальные технологии сегодня – это и динамично развивающаяся отрасль знаний, и выделенная область социальной практики. Социальные технологии как инструмент социального управления способствуют целенаправленному воздействию на социальные системы (институты, организации) и процессы их развития. Актуальным направлением становится разработка и практическое внедрение принципов регулирования социальных взаимодействий и процессов, технологизации (например, в области промышленного производства, массового потребления, образования и т.д.) широкого спектра социальных структур и отношений, а также учет их возможных социальных последствий, многопрофильный контроль над общественными преобразованиями. Социальные технологии как дисциплина (или как тип знания, претендующий на некоторое дисциплинарное оформление) выступают связующим звеном между социологической теорией и социальной практикой, обеспечивая более эффективное воздействие субъектов управления (прежде всего, государственных институтов, крупных корпоративных игроков) на управляемый социальный «объект» (те или иные социальные структуры, процессы, организации, практики и социальные группы).

Проблема разработки и внедрения новых современных социальных технологий стоит сегодня очень остро. При этом сама проблематика социальных технологий только ищет свое место в рамках устоявшейся социологической проблематики. Если говорить о научной институционализации социальных

технологий, то здесь мы видим достаточно много проблем: исследовательских, методологических, организационных и кадровых. Само понятие «социальная технология» имеет неоднозначное толкование (существуют как минимум четыре подхода к определению сущности и специфике социальных технологий: эпистемологический, деятельностный, инструментальный, утилитарный). «Социальная технология» как претензия на научное понятие – это дескриптивный или нормативный термин, способ описание социального мира или инструмент его (пере)упорядочения? Наверное, и то, и другое.

Как правило, основными характеристиками социальных технологий как способов упорядочивания социальных взаимодействий и процессов называют их рационализацию, стандартизацию, функциональную расчлененность и оптимальную координацию действий, воспроизводимость, легитимацию через апелляцию к науке. Технологизация социальных практик – это сложный исторический процесс, вехами которого были, например, рождение социальной медицины как формы социального управления, политическая кодификация национальных языков и административное упорядочивание национальных территорий, введение социального страхования и всеобщего среднего образования, фордистская революция промышленного производства, тейлоризм, современные изощренные маркетинговые стратегии и политические технологии. Самой социологии есть, что сказать об этих процессах (ср. теорию идеальной бюрократии Макса Вебера, концепции дисциплинарного порядка и биовласти Мишеля Фуко или социологию модернизации и государственных техник управления Джеймса Скотта).

Но нельзя не указать на ограниченность технологизации социального мира, что проявляется в ограничении рационализации как технологически организованного проекта (ограничения информации, отказ от работы с альтернативными стратегиями, дефицит времени и т.д.), о чем говорит опыт краха многих модернизационных проектов. Это и не принятие во внимание локальных социальных условий и культурной среды реализации различных социальных проектов; множество побочных эффектов технологизации; проблема стандар-

тизации, которая по определению не работает с различием, стремясь их устранить, порой, буквально в силовой манере. Так как объектом социальных технологий являются люди, мы не можем говорить о полной предсказуемости результата технологизации, потому что невозможно окончательно спрогнозировать поведение людей. Социальные технологии не могут быть в точности воспроизведены в любое время в любом месте в заданных условиях. При этом сам объект применения социальных технологий не является пассивным и результат технологизации будет зависеть от поведения социального объекта. С социологической точки зрения, социальные технологии – это всегда инструмент тех, кто занимает высокие позиции в социальном порядке. Одним из интригующих сюжетов социологического исследования являются различные тактики уклонения тех, кого социальные технологии стремятся преобразовать и переупорядочивать – «оружие слабых», как говорили Мишель Серто и Джеймс Скотт.

Социальный заказ на гуманитарное образование в постсоветской России

Гаврилюк В.В.

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия,

Тюмень

Развитие высшей школы России в последние три десятилетия протекает крайне противоречиво, направленность процессов ее преобразования не всегда очевидна для общества и даже для ее субъектов. Наиболее важные перемены происходят в последнее десятилетие, когда реформирование высшего образования в России пошло по западному образцу. Многие годы, высшее образование в стране строилось в соответствии с культурологической парадигмой, когда основной целью выступала задача трансляции культуры новым поколениям специалистов. Как обучение, так и воспитание в такой парадигме связаны с передачей и усвоением новыми поколениями знаний, умений, навыков, опыта профессиональной деятельности, включая и опыт творческой деятельности. Реформирование образования в постсоветский период сопровождалась

стремлением полностью отказаться не только от идеологических оснований советского образования, но и от его форм и даже содержания. Особенно явно это проявилось в системе социального, гуманитарного образования. При этом достоинства прежней системы образования просто замалчивались или представлялись как ее недостатки. Особенно не повезло исторически сложившемуся типу «советский человек», задача формирования которого относились к стратегическим целям образования. В борьбе мировоззрений в 1990–2000 годы на «советского человека» были списаны «грехи, ошибки и просчеты, которые свойственны человеческой природе вообще» (2, с. 29–30). Категориальное поле проблематики социального заказа как предмет научного дискурса включает в себя понятия «социальный спрос на образование», «престиж профессии», «государственный заказ», «региональный заказ». Социальный заказ в образовании воплощает общественные интересы и общественные проблемы, их можно представить через систему иерархических приоритетов, когда образованию предъявляют конкретные ориентиры подготовки специалистов. Субъектом социального заказа сегодня может выступать не только государство от имени общества, но и само гражданское общество, а также бизнес и отдельная личность. Последнее утверждение характеризует достаточно новое явление в образовательной практике и связано с ростом престижного потребления «образовательных услуг», особенно в сфере гуманитарного образования. И этот спрос менее всего подвержен регулированию со стороны государства. Социальный заказ на развитие социально-гуманитарного знания хорошо прослеживается на примере одной из самых востребованных в развитых странах специальности - социологии. Либеральная постперестроечная интеллигенция широко приветствовала появление социологического образования и возрастание роли социологии в обществе. Однако, противоречивое состояние, как социологии, так и ее преподавания проявилось уже в постсоветский период. Между тем, отмечают ученые Института Социологии РАН, проблемы российской социологии не так просты, как может показаться на первый взгляд. Их корни кроются в низком уровне отечественной социологической культуры, подразумевающей опреде-

ленное дистанцирование институтов гражданского общества от структур власти. (1, с. 23–28). Подготовка профессиональных социологов в настоящее время сопровождается целым рядом негативных тенденций. К ним относятся – растущая специализация, «размывание» профессионального поля социологии, рыночно-прагматическая переориентация образования, искусственная подстройка образовательных программ под интересы рынка, противоречия, связанные с вхождением в Болонский процесс. К ним можно добавить «атомизацию» социологического знания при изложении, отсутствие в нем системности, являющейся атрибутом научной дисциплины, абсолютизацию дескриптивной функции и игнорирование прогностической.

Литература:

1. Горшков М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии. // СОЦИС. 2012. № 3. С. 23–28.
2. Тощенко Ж.К. Новые лики деятельности: имитация // СОЦИС. 2012. № 12. С. 23–36.

Проблемы согласованности функционирования рынка труда и рынка образовательных услуг (на примере Ульяновской области)

Галкина Е.П., Кадничанская М.И.

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

Рыночная экономика предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее образовательному, профессиональному и квалификационному уровню, степени ее социальной мобильности, профессионализму. Особое внимание уделяется его оценке в системе рынка труда и профессионального образования. Обеспечение кадрами отраслей экономики в настоящее время становится одной из важнейших социально-трудовых проблем субъектов Российской Федерации.

Рынок труда как теоретическая конструкция реально существует в виде рынка труда определенной конкретной территории. Это позволяет рассмотреть

его структуру по территориальному признаку [2, с. 87].

Численность экономически активного населения Ульяновской области с 2000 года (676 тыс. человек) по 2012 год (680 тыс. человек) практически не изменяется. Можно отметить небольшое увеличение в 2005 году (693 тыс. человек) и незначительное снижение в 2009 году (677 тыс. человек).

На рынке труда и занятости в Ульяновской области можно выделить пять основных тенденций:

1. Региональная экономика освобождается от неквалифицированных работников.
2. В регионе очень серьезно стоит проблема инвестиций в производство, в создание новых рабочих мест.
3. Усугубляющейся тенденцией ульяновского рынка труда представители кадровых служб называют продолжающийся активный отток из региона перспективных кадров.
4. Говоря о динамике спроса и предложения на ульяновском рынке труда в целом, можно отметить возрастающий спрос на специалистов высокого профессионального уровня.
5. Многие работодатели уклоняются от приема на работу молодых специалистов, женщин с малолетними детьми.

С 2004 года в Ульяновской области функционируют 5 самостоятельных высших учебных заведений. К 2013 году стало на 1 филиал меньше. Больше всего студентов обучалось в 2008–2009 учебном году (53196 человек), меньше всего в 2012–2013 учебном году (45542 человек). Численность студентов средних специальных учебных заведений с 2009 г. начинает падать почти в два раза. [5, с.192].

По результатам социологического исследования, проведенного отделом маркетинга Ульяновского государственного технического университета в 2009 году, ведущие предприятия региона сегодня испытывают недостаток технических специалистов-инженеров, программистов. Тенденция увеличения потребностей ульяновских предприятий в квалифицированных кадрах с высшим обра-

зованием, в особенности инженерно-технического профиля, наметившаяся еще в 2007 году, стала еще более очевидной [4].

По результатам опроса, проведенного в Ульяновском государственном техническом университете в 2013 году, был выстроен рейтинг востребованных качеств молодых специалистов: I ранг – базовые профессиональные знания (71%). II ранг – способность к обучению (50%); трудолюбие (49%); аналитические способности (47%); умение работать в команде (45%); навыки работы с компьютером (44%). III ранг – способность к инновациям и творчеству (33%); общая эрудиция (31%). По сравнению с 2010 годом, работодатели придают большее значение наличию опыта научно-исследовательской работы по специальности и диплому с отличием (рост с 15% до 28–29%).

Между тем общее число трудоустроившихся после выпуска студентов из учебных заведений (в расчет были взяты и выпускники вузов, и выпускники ПУ) превысило отметку в 63%. Самым наибольшим спросом пользуются выпускники технических специальностей: строители, токари, сварщики. Практически стопроцентным спросом пользуются выпускники медицинских специальностей и педагогических вузов. Выпускники специальностей обслуживающей сферы стали одними из самых невостребованных [3].

Результаты социологического исследования «Мотивация трудовой деятельности молодежи в социальном пространстве региона: на примере г. Ульяновска», проведенного в 2013–2014 гг. к.с.н. Е.П. Галкиной, к.с.н. М.И. Кадничанской на базе кафедры социологии и политологии показывают, что профессиональные планы молодых людей очень часто зависят от объективных факторов, к которым в первую очередь относятся социально-экономические. Большинство молодых людей стараются связать свою работу с торговлей (16,7%), со сферой обслуживания (транспорт – 12,2%, связь – 9,6%) и 10,3% – с промышленностью. Это свидетельствует о существующей диспропорции на рынке труда, в результате чего предложения по некоторым специальностям в несколько раз превышают спрос, что приводит к проблеме трудоустройства по специальности после окончания обучения. Результаты исследования показали, что по

специальности работает 29,8% опрошенных респондентов. Не работают по специальности 39,8% респондентов, причем самая распространенная причина этого – «не берут без опыта работы» (20,4%), «нет вакансий» (16,7%), «нет карьерного роста» (14,8%), «не престижно» (12%). Модернизация региона требует внедрения технологий, которые качественно меняют место человека в обществе и содержание производства. Для этого необходим другой тип работника – с высоким уровнем образования и профессионально – квалификационной подготовкой [1, с. 644].

Итак, можно сделать вывод, что в Ульяновской области требуется регулировать спрос и предложение на рынке труда. С этой целью полномочным органам необходимо регулировать объемы и структуру подготовки кадров в учреждениях профессионального образования. Кроме того, следует повышать качество образования и практических навыков будущих специалистов, вырабатывать те личные и профессиональные качества, которые требуются работодателями при приеме на работу. И наконец, содействовать в трудоустройстве молодых специалистов органам власти и компетентным учреждениям.

Литература:

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона. IX Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» в трех частях (23–26 октября 2013 года, г. Вологда). Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. С. 643–650.
2. Клянчина Е.С. Совместные действия вузов и работодателей по трудоустройству выпускников. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Интеллигенция и гражданское общество». Ульяновск: УлГТУ, 2013. 359 с.
3. На кого учиться и кем работать в Ульяновске? URL: http://www.ulmoney.ru/news/business/2013/08/18/biz_4898.html

4. Поступаем в Политех! URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/ul/813/14_02
5. Статистический ежегодник. Ульяновская область, 2010: Стат. сб. Ульяновск, 2010. 396 с.

Вопросы становления организационной культуры в организациях социального обслуживания населения

Гембаренко В.И.

*Министерство социальной защиты населения Московской области,
Россия, Московская область*

Термин «организационная культура» напрямую связан с различными сторонами жизни коллектива. Именно в социальной сфере в целом и в системе социальной защиты населения термин «организационная культура» определяется, прежде всего, объектом управленческого воздействия: это граждане с ограниченными возможностями здоровья и пожилого возраста, семьи с детьми, дезадаптированные категории населения и т.п.

Некоторые доминирующие признаки корпоратизма, такие как: «идеология личного детерминизма», поощрение свободы самовыражения, индивидуализма; обеспечение равных возможностей для всех; конкуренция как наиболее эффективный экономический механизм; непрерывный поиск улучшений и изменений; высокая оценка любой специализации; оценка выполненной работы, а не личности; основа для продвижения члена организации – выполненная работа и личная инициатива; приветствуется делегирование полномочий и осуждается демонстрация власти; основная ориентация – на будущее обеспечить материальный успех личности и общества [2, с. 291]; хорошо работают именно в конкурентной среде, присущей экономической сфере.

Организационная культура – это система материальных и духовных ценностей, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [1, с. 67].

Применительно к системе социальной защиты населения и социального обслуживания целесообразно выделить два этапа: экстенсивный и интенсивный.

На первом этапе формировались структура, определялись миссия и ценности организации, ее принципы и основные алгоритмы деятельности.

На экстенсивном этапе, развития системы социальной защиты и социального обслуживания населения становление организационной структуры проходило в противоборстве креативной и пассивно-выжидательной групп работников. Постепенно сформировался основной императив первого этапа становления организационной культуры в системе социальной защиты населения и социального обслуживания, который можно было определить как *социальный конформизм*. В научной литературе, а чаще в повседневной реальности понятие конформизма носит негативный оттенок и обозначает апатичность, отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, выражающему мнения большинства. В то же время в социологии определяют социальный конформизм как некритическое принятие и следование господствующим мнениям, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам. Все это позволило в случае с системой социальной защиты населения и социального обслуживания сформировать единство в кризисных ситуациях и уменьшить время адаптации человека в коллективе, что в тот период времени было особенно значимо. Основным итогом становления первого (экстенсивного) этапа организационной культуры в системе социальной защиты и социального обслуживания населения стало доминирование креативной части специалистов.

На втором этапе определяющими становятся ценности, как необходимое условие для любого вида взаимодействия. На первый план выходят такие культурные ценности организации как: роль лидерства и подчинения; справедливое распределение материальных и социальных благ (справедливость в оплате труда, мотивация, повышение квалификации).

Наряду с организационной и ценностно-нормативной структурой стала

складываться структура коммуникаций: межличностных, личность – группа, внутригрупповых, межгрупповых. Применительно к системе социальной защиты населения и социального обслуживания можно с уверенностью говорить о том, что за два десятилетия сформировался новый тип организационной культуры – *социальная культура*, которая наряду с культурой торговли, со спекулятивной культурой, административной культурой, инвестиционной культурой и т.д. заняла свое, особое только ей присущее место. Она характеризуется выраженной ориентацией на создание и развитие человеческого потенциала, как клиентов, так и своих сотрудников. Одновременно в системе социальной защиты населения и социального обслуживания ярко проявилась инновационная составляющая, которая впрочем, часто присуща новым видам профессиональной деятельности в период их становления. Поэтому императив второго интенсивного социального этапа организационной культуры можно охарактеризовать как *гуманитарно-апперцепционный*. Апперцепция в данном случае проявилась в синтезе различных видов знаний и профессий (что лишней раз подчеркивает интегративный характер социальной работы) с новым содержанием и знанием, появившимся вместе с новыми социальными технологиями, приемами, методами, а затем и принципами такого нового вида деятельности как социальная работа.

Литература:

1. Спивак В.А. Корпоративная культура. Теория и практика. СПб: Питер, 2001. 375 с.
2. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. М.: Муниципальный мир, 2004. 672 с.

Е.В. Спекторский о зарождении социальных наук в античном мире

Герасимов Н.И.

Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, Россия, Москва

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) является выдающимся философом и историком социальных наук. В.В. Зеньковский высоко оценивал его научную интуицию и талант, он отмечал в нем широту взглядов и умение согласовывать в своем творчестве философский эмпиризм и способность к историческому анализу⁸. Положительную оценку творческим способностям и научной эрудиции Е.В. Спекторского в своем историко-философском труде давал и Н.О. Лосский⁹. На сегодняшний день имя мыслителя встречается уже и в учебной литературе¹⁰. Тем не менее, творчество Е.В. Спекторского мало исследовано. Специалисты по культурной истории и философы, как правило, изучают религиозно-философские сочинения мыслителя, оставляя в стороне его труды по истории социального знания¹¹. Кроме того, массив неизданных рукописей труднодоступен для отечественных исследователей, так как наиболее ценные архивные документы по творчеству Е.В. Спекторского располагаются в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке и в Архиве города Варшава (APW).

В центре социально-исторических исследований мыслителя стоит понятие «социальной физики». По мнению А.Н. Кузнецовой Е.В. Спекторский был единственным исследователем «социальной физики», который посвятил целый комплекс сочинений для разьяснения этого важного для истории социологии

⁸ Зеньковский В.В. Е.В. Спекторский // Русская религиозно-философская мысль XX века / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975 С. 317–321.

⁹ Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 387.

¹⁰ История русской философии: учебник / Под ред. М.А. Маслина. Изд. 2. М.: КДУ, 2008. С. 324.

¹¹ Щученко В.А. Некоторые идеи христианской культурологии Е.В. Спекторского в свете современного общественного развития // Православие в русской культуре. СПб., 1998. С. 6–13; Евгений Васильевич Спекторский: 1875–1951 // Русские философы. Проблема христианства и культуры в истории духовной критики XX века. М., 2002. С. 150–154; Корнилов С.В. Е.В. Спекторский – философ и культуролог // Проблемы русской философии и культуры. Калининград, 2002. С. 96–101.

явления¹². Используя генетический метод в познании происхождения «социальной физики» как идеи, Е.В. Спекторский посвящает свои социально-исторические труды фундаментальной аналитике – он ищет корни общественных наук в античном мире. По мнению мыслителя, «социальная физика» есть результат развития натурфилософского знания, которое эволюционировало благодаря тесной своей связи с философским осмыслением общественной жизни¹³.

Е.В. Спекторский замечает, что понятие «космос» в первоначальном употреблении относилось к области социального¹⁴. В своем смысловом основании он понимался как конкретно наблюдаемые социальные связи. С развитием натурфилософии и оптимизацией общественных отношений понятие космоса стало переноситься на сферу естественного. Небесный свод стал рассматриваться как некоторое подобие окружающей общественной жизни – так произошла социоморфизация естественного. Звездное небо больше не понималось как естественный хаос, напротив, за счет своей удаленности от земли оно приобретало идеальный смысл. Для античного сознания звездное небо было не чем иным, как реализацией общественной мечты¹⁵. Таким образом, можно сказать, что идея социальной утопии является результатом социоморфизации природы, перенесения конкретного общественного порядка в форме абстрактной схемы на сферу естественного. Е.В. Спекторский, подобно М. Фуко¹⁶ считал, что идея управляющего центра мироздания имеет свои корни организации обществен-

¹²Кузнецова А.Н. Идея науки как *mathesis universalis* и «социальная физика» Нового времени. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Курск, 2013.

¹³Спекторский Е.В. Понятие общества в античном мире. Этюды по семантике обществоведения. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1911. С. 9–10.

¹⁴Спекторский Е.В. Очерки по философии общественных наук. Вып. 1. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1909, С. 29.

¹⁵Спекторский Е.В. Очерки по философии общественных наук. Вып. 1. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1909, С. 32.

¹⁶Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, С. 305, 307, 316.

ной политической жизни¹⁷. Таким образом, поиск начала всех начал в космическом порядке являлся следствием практических соображений гражданского сознания. Другими словами, ученые того времени искали способ понимания общественного порядка через изучение социоморфизированного космоса.

Компаративистский подход в исследовании местного самоуправления

Глебова А.Н.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В процессе глобальных социально-общественных трансформаций, актуальным и необходимым условием для развития сравнительной социологии в XXI в., является поиск новых методов и исследовательских подходов. Одним из наиболее перспективных направлений, на наш взгляд, является межстрановая и межрегиональная компаративистика, позволяющая выявить наиболее общие тенденции современной сравнительной социологии. По мнению выдающегося социолога и одновременно теоретика сравнительного анализа Э. Дюркгейма «Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она не перестает быть чисто описательной наукой и стремится объяснять факты»¹⁸.

Компаративистский подход, как совокупность сравнительных методов исследования, в настоящее время находится в стадии широкого обсуждения в рамках отдельных научных направлений сравнительной социологии. Ценность его заключается прежде всего в создании и использовании междисциплинарных методов социальных наук, предоставляющих возможность сравнить и сопоставить малоизвестные друг другу научные концепции и практики жизнедеятель-

¹⁷Спекторский Е.В. Очерки по философии общественных наук. Вып.1. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1909. С. 32–34.

¹⁸ Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 115.

ности, относящиеся к разным стадиям исторического развития, и к разным странам и регионам. Основные существующие научные подходы: системный, социокультурный, эволюционный не позволяют решать определенные исследовательские задачи в условиях постоянно меняющихся социальных систем и обособления научных знаний. Особую значимость компаративистский подход приобрел в эпоху глобализации, когда стала очевидной невозможность создавать универсальные модели и методы воздействия на социальные процессы в странах, имеющих различные социокультурные контексты своего развития.

В контексте социальных и политических преобразований компаративистский подход представляет немаловажный интерес для теоретического осмысления специфики института местного самоуправления. Сравнительное местное самоуправление предоставляет возможность сопоставить формообразующие характеристики национальных и региональных моделей в условиях самобытных традиций местного самоуправления в государствах западного и динамично развивающегося восточного ареала. Сравнительный анализ потенциала местного самоуправления в современных реалиях обеспечивает поиск концептуальной взаимосвязанности и конвергенции социально-политических институтов. Компаративистский подход позволяет не только провести сравнение, толкование на основе определения фундаментальных различий в процессе построения местных органов власти, но и наметить перспективные направления оптимизации их деятельности.

Плодотворность компаративистского исследования местного самоуправления определяется тем, что здесь в полной мере реализуется спонтанное творчество населения, сталкивающегося в разные эпохи и на разных территориях с различными проблемами социального и экономического развития.

Современная реальность свидетельствует, что взаимовлияние и взаимодействие существующих концепций и практик является основой для развития новейших теорий местного самоуправления и поиска основополагающих взаимосвязей между различными подходами для более углубленного исследования. В данном контексте необходимо отметить работы Г. Стокера, теоретика срав-

нительного местного самоуправления. В его рассуждениях содержится важное положение, что центральным объектом сравнительного местного самоуправления были и остаются институты, скорее в «старом» смысле – как формальные организации, которые устанавливают и создают контекст для коллективного принятия решений»¹⁹. Сравнительный анализ позволяет определить перспективы применения и адаптации моделей в социально-политической динамике.

В России важность компаративистской методологии анализа местной власти связана с необходимостью отхода от бытовавшего в 1990-е и начале 2000-х годов некритического копирования заданного опыта, представлявшегося в виде универсальной модели жизни и воплощения на практике «общечеловеческих ценностей». «Обеспечение управляемости и институционального порядка в изменяющихся обществах – центральная тема большинства исследований взаимоотношений центрального правительства и местного самоуправления»²⁰. Поиск новейших подходов в сфере местного управления сопровождается признанием ограничений универсалистской управленческой рациональности в веберовской трактовке и усилением внимания к новым оригинальным решениям, возникающим в самых отдаленных регионах мира.

Этнодемографические процессы в Российской Федерации

Глотов М.Б.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

На территории Российской Федерации оседло проживают более 160 эт-

¹⁹ Stoker G. Comparative local governance // The Oxford handbook of political institutions. Op. cit. P. 495.

²⁰ См.: Page E., Goldsmith M. Central and local government relations: a comparative analysis of West European unitary states. L.: SAGE Publications, 1987; Loughlin M. Legality and locality: the role of law in central-local government relations. Oxford: Oxford University Press, 1996; Carmichael P., Midwinter A.F. regulating local authorities: emerging patterns of central control. Regulating local authorities: emerging patterns of central control. L: Routledge, 2003 и др.

нических общностей. Среди них по языковому признаку различают индоевропейские, балтийские, алтайские, уральские и северокавказские этнические группы. Самая большая этническая группа – это русские (до 80% всего населения России). В 9 из 21 республик русские составляют большинство населения. Некоторые многочисленные народности компактно расселены на своей территории. Например, тувинцы, якуты, кабардинцы, аварцы, калмыки, коми, алтайцы, осетины, лезгины, ингуши, чеченцы составляют от 70 до 90% местного населения. Более высокая концентрация коренного этнического населения характерна для Северного Кавказа, более низкая – для Поволжья. Так, в Республике Татарстан проживает всего 1/3 коренного этноса. В Еврейской автономной области евреи составляют 1,7% местного населения, зато в Москве их 33%, в Санкт-Петербурге – 20%.

Многочисленные диаспоры, проживающие на территории России – это украинцы, белорусы, евреи, поляки, немцы, корейцы, китайцы. В связи с последними событиями на Украине численность украинцев значительно увеличилась за счет беженцев (более 700 тыс. человек). Для представителей Ближнего зарубежья свойственно дисперсное расселение, хотя имеются предпочтительные районы компактного проживания. Например, армяне отдают предпочтение Краснодарскому краю, азербайджанцы – республике Дагестан, казахи – Астраханской и Оренбургской областям. Значительные массивы мигрантов из-за рубежа стремятся поселиться в крупных промышленных центрах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. За последние 15 лет число мусульман в России увеличилось на 40%. К середине XXI века мусульманином может быть каждый четвертый россиянин.

В настоящее время показатель рождаемости среди русских самый низкий в стране. Согласно последним переписям населения, значительный прирост населения вследствие высокой рождаемости произошел у этносов, проживающих на Северном Кавказе. Существенно сократилась численность мордвы и карелов. Большинство евреев, немцев, финнов и поляков эмигрировали на свою историческую родину. Средняя продолжительность жизни русских ниже, чем

средняя продолжительность жизни у других крупных российских этносов. Низкие показатели средней продолжительности жизни, обусловленные «омоложением» смертности, отмечаются у коренных северных этносов.

Для структуры населения России характерна диспропорция полов. Доля мужчин в половой структуре населения Российской Федерации составляет около 45%. Преобладание мужчин характерно для этносов, исповедующих ислам и для мигрантов.

После распада СССР поменялись потоки миграции. Если раньше главный поток переселенцев устремлялся из СССР, то теперь значительно увеличился приток в Российскую Федерацию русскоязычного населения, беженцев и нелегальных иммигрантов из стран Ближнего и Дальнего зарубежья. Только в Москве нелегально проживают более 50 тысяч китайцев, 15 тысяч афганцев, 10 тысяч иракцев. Хотя иммиграция и увеличивает долю трудоспособного населения, однако она приводит к росту безработицы среди коренного населения и к возникновению межэтнических конфликтов.

По данным Всемирного банка, Российская Федерация занимает второе место в мире по количеству въезжающих в страну мигрантов. Как отмечают миграционные службы, в 2013 году в России официально насчитывалось 12 млн. иммигрантов. Около 90% приезжающих в России трудовых мигрантов – мужчины, 10% – женщины; в возрасте 17–29 лет – 74%, старше 30 лет – 26%. Среди российских иммигрантов 24% имеют незаконченное среднее образование, 37% – среднее, 34% – среднее специальное и только 5% – высшее. Владеют русским языком свободно – 34%, говорят по-русски плохо – 52%, не знают русского языка – 14%. Среди трудовых мигрантов 85% мусульман. Основные отрасли, в которых трудятся иммигранты: строительство – 37%, торговля – 30%, промышленность – 10%, транспорт – 7%, сельское хозяйство – 5%. До 20 тыс. рублей в месяц зарабатывают 15% иммигрантов, до 30 тыс. рублей – 74%, свыше 30 тыс. рублей – 11%. С точки зрения экономистов, ежегодно от неуплаты налогов нелегальными мигрантами государственный бюджет России теряет до 1 млрд долл. США. По данным Центробанка РФ, за год переводы денег из

России в страны СНГ составляют более 17 млрд долл. США.

В настоящее время в Санкт-Петербурге проживают 600 тыс. узбеков – это самая многочисленная городская диаспора, 400 тыс. азербайджанцев, 80 тыс. армян, 50 тыс. таджиков, 30 тыс. дагестанцев, 10 тыс. ингушей. Согласно статистическим данным, 60% петербургских мигрантов не имеют профессионального образования, 20% – не могут говорить по-русски, 50% – знают отдельные слова и фразы. В городе действует около 10 крупных этнических организованных преступных группировок, 40% изнасилований совершаются мигрантами.

Прекаризация социально-трудовых отношений и социальная политика государства

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

В последние годы, в условиях глобализации и перманентного экономического кризиса, встал вопрос о новом и не менее важном основании для стратификации современных постиндустриальных экономически развитых обществ, а именно делении общества на основании экономической стабильности/нестабильности, безопасности/небезопасности. Такой подход снискал множество приверженцев в странах ЕС и США. Речь идет о возникновении новой стратификационной группы, которую в странах Западной Европы и США называют «опасным классом» – прекариате. Итак, прекариат – понятие, этимологически связанное с двумя английскими корнями «precarious» (нестабильный) и «proletariat» (пролетариат). Однако оно трактуется гораздо шире, чем нестабильный пролетариат. В прекариат входят группы индивидов, которые независимо от размера их дохода, образования, самоидентификации и других характеристик, не имеют стабильной формальной занятости, т.е. эта группа не имеет стабильного положения на рынке труда, не имеет гарантий занятости. Иными словами, сегодня они имеют место работы и доход, а завтра в них перестанут нуждаться. Причем разброс в размере доходов внутри этой группы пре-

дельно широк – от дохода фрилансера до дохода поденного неквалифицированного рабочего. И тот, и другой не имеют стабильной формальной занятости. Основным критерием отнесения к этой стратификационной группе является принуждение к неформальному характеру занятости со стороны работодателя. Следует отметить, что данная группа не может быть встроена ни в одну из имеющихся социо-структурных систем. Она стоит особняком, но имеет двухсторонние связи с любой стратификационной системой. Внутренняя неоднородность этой группы дает повод для вполне обоснованной критики, однако, отрицать наличие проблемы, по нашему мнению, не стоит. Прекариатом пугают обывателей, преподнося его как «класс отверженных», которому «нечего терять», который очень независим от современных демократических институтов, поэтому способен на бунт беспощадный и кровопролитный.

Согласно Конституции нашей страны (ст. 7), «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Социальная политика – это деятельность государства по созданию и регулированию социально-экономических условий жизни общества с целью повышения благосостояния членов общества, ликвидации негативных последствий функционирования рыночных процессов, обеспечения социальной справедливости и социально-политической стабильности в стране.

Основными объектами социально-экономической политики государства являются рынок труда и занятость, трудовые отношения, оплата труда и доходы населения, система социального обеспечения населения.

Главное назначение социальной политики состоит в полном удовлетворении материальных, культурных и духовных потребностей, формировании всесторонне и гармонично развитых членов общества. Это и есть стратегическая и высшая цель развития любого цивилизованного государства. Социальная политика нашего государства не может сейчас не исходить из того, что трудящиеся России, да и все ее население, не имеют необходимой социальной защищенности. Это относится к следующим направлениям социальной политики:

социальное страхование, социальная защита, политика в области оплаты труда и жилищная политика.

В частности, социальная политика должна быть направлена на решение вопросов, имеющих у прекаризованных слоев населения: работающих на условиях неполной занятости, без оформления трудовых отношений, на основе гражданско-правового договора. Основными проблемами, которые необходимо разрешать являются социальные гарантии (пенсионное обеспечение, социальное страхование, гарантии занятости) прекариев, существование которых не регламентируется в полной мере современным законодательством.

Дети-инвалиды России: реалии и перспективы

Голиков Н.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», Россия, Тюмень

В России только в 2013 году, согласно статистическим отчетам, количество людей, которым присвоена инвалидность той или иной группы, насчитывают 2 млн 800 тыс. человек. Каждый восьмой из всей массы россиян до 65-летнего возраста – представитель этой категории. Этот показатель еще называют уровнем инвалидизации. Прогнозируется, что уже к 2015 году количество инвалидов может перевалить за 15 млн. И эта тенденция с дальнейшим развитием цивилизационных (не всегда природосообразных, экологичных!) процессов будет иметь угрожающее нарастание. Это подтверждается неутешительными прогнозами Федерального научно-практического центра медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов. В 2015 году доля инвалидов среди населения России при неблагоприятных условиях достигнет 15%. Складывающаяся социально-экономическая ситуация в стране уже не вызывает никаких сомнений реальности этого прогноза.

Согласно статистическим данным уровень и качество жизни инвалидов остается намного ниже, чем населения страны в целом. Приблизительно 80%

инвалидов безработны. Несмотря на принятие новых законов и внедрение их в практику управления жизнедеятельностью лиц с ограниченными возможностями, 1/3 инвалидов не имеет профессии, 12–14% не имеет образования, большинству инвалидов недоступны реабилитационные услуги.

По данным Всемирной организации здравоохранения, инвалиды составляют десятую часть населения земного шара, из них 120 млн – дети и подростки. Показатель детской инвалидности в развитых странах составляет 250 случаев на 10 тысяч детей и обнаруживает явную тенденцию к нарастанию. Проблема детской инвалидности – одна из приоритетных сегодня во всем мире и в нашей стране в частности.

В России около 13 млн инвалидов, в числе которых примерно 700 тысяч детей школьного возраста. Из них около 170 тысяч нигде не учатся и только около ста тысяч детей-инвалидов посещают общеобразовательную школу. Происходит ежегодное увеличение численности данной категории граждан. Так по данным Федеральной службы государственной статистики в 2012 году по сравнению с 2005 годом количество впервые признанных инвалидами детей до 18 лет увеличилось на 37,2%. Если рассматривать динамику в разрезе отдельных групп заболеваний, то картина с нарастанием инвалидизации просто ошеломляющая! В докладе мы остановимся на этом более подробно. Число тех, кто нуждается в специальном обучении, ежегодно увеличивается на 3–5 %.

Инвалидность – это не только медицинский диагноз, но и социально-маркирующая категория. Процесс же инвалидизации нами рассматривается как социально-психологический феномен. Чем тяжелее заболевание организма, тем сильнее его влияние на состояние психического и социального, духовно-нравственного здоровья. Основными проблемами детей с ограниченными возможностями здоровья являются: несамостоятельность; затруднение процесса социализации; деформация психологической сферы, тотально препятствующая эффективному социальному функционированию и софункционированию с другими; критический уровень качества жизни, характеризующийся обвалом само-

оценки, отрицательным самоотношением, отсутствием самоуважения, негативизмом ко всему, что его окружает, негативными оценками настоящего и пессимистически беспросветными ожиданиями будущего. Общая черта личности детей-инвалидов заключается в том, что дефект создает отличающееся от нормы, измененное положение человека в социальной среде.

XXI век обозначен веком социальной турбулентности. Социальная турбулентность с проявлениями экономической нестабильности и социальной незащищенности большинства населения России, распадом идеологии, гражданского самосознания, девальвацией общечеловеческих ценностей, отчуждения между поколениями, раннего биологического взросления в сочетании с социально-психологическим инфантилизмом, нарастания агрессивности, кризиса идентичности личности, «гендерного плюрализма», нравственным обнищанием провоцирует возникновение негативного отношения к людям с ограничениями здоровья, сфокусированного на них раздражения. Это свидетельствует о наличии выраженной проблемы – отсутствия толерантности к одной из самых незащищенных категорий граждан России, которая требует безотлагательного решения. Игнорирование проблем инвалидов – показатель духовно-нравственной деформации общества, несостоятельности социальной политики государственной власти. Сегодня повсеместно делаются попытки создания «безбарьерной среды». Безусловно, степень эффективности их различна. Это зависит от множества факторов. Но ведущими остаются осознание проблемы и воля руководителя муниципального образования, отдельного региона.

Управление карьерой молодежи в условиях инновационных преобразований

Голиков И.Н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет» Россия, Тюмень

Позиции России в мировом социально-экономическом пространстве не

столь прочны, как нам этого хотелось. Особую остроту этот факт приобретает в условиях санкционирования России западными странами. Современные аналитики высказывают различные точки зрения по этому поводу. Одни утверждают о достаточно устойчивом положении нашей страны, подтверждая это ростом заработной платы в социальной сфере и сглаженностью кризисных индикаций, которые наблюдаются даже в ведущих странах Европы и Америки. Более того, по их мнению, процесс санкционирования может оказаться фактором в большей степени позитивным, чем стагнирующим отечественное производство. Но при одном условии – принятии правильных, глубоко осмысленных решений, рассчитанных на долгосрочные перспективы, результатом чего должно явиться устойчивое развитие промышленности, сельского хозяйства и превращение нашей страны из ресурсной в интенсивно развивающуюся промышленную, обороноспособную державу. Другие аналитики занимают более жесткую позицию. Они критикуют руководство страны, современных менеджеров за неспособность принимать прогрессивные оптимальные решения, находить и обеспечивать запуск эффективных механизмов реализации задуманного. Отчасти мы разделяем эту позицию. С одной стороны, правительство России планомерно принимает ряд взвешенных решений, основанных на глубочайшем анализе реальной ситуации в аграрно-промышленном и топливно-энергетическом комплексе, социальной сфере, выделяя проблемные зоны и способы их минимизации. Оно осознает значимость происходящих трансформаций в условиях глобализации, пытается задать новый вектор развития российской экономике, науке, образованию. С другой стороны, ожидания соотечественников не всегда оправдываются. Мы наблюдаем явное «пробуксовывание» в реализации принимаемых руководством страны решений. Разработанная стратегия развития не вызывает сомнения в своей полноценности, разумности и прогрессивности. Однако на практике результат далек от ожидаемого и не всегда соответствует замыслу. На наш взгляд, проводники принимаемых правительством решений на местах – региональные топ-менеджеры, менеджеры на производстве не всегда способны выступать в качестве транслятора и эффективного делателя-

модератора, они далеки от соответствия квалификационным требованиям, предъявляемым к современному менеджеру. Следовательно, нужно делать ставку и ориентир на молодежь, организационно, психологически сопровождая ее карьерный рост.

Успех профессиональной деятельности зависит от степени сформированности качественных характеристик личности и компетенций: обладания интуицией, способности предвидения, предвосхищения возможных результатов принимаемых решений, увязывания прошлого с настоящим и будущим; оценением последствий текущих событий; изобретения новых альтернатив и разделения ответственности за них. Современный менеджер должен обладать аналитическими способностями многомерного восприятия информации, извлечения актуального из множества разнообразных источников. Ему должны быть присущи способность рефлексии складывающихся событий, социально-экономических и правовых коллизий, наличие развитого социального интеллекта, чрезвычайно необходимого для процесса наращивания репутационного капитала и расширения пространства социального партнерства; эмоциональный интеллект и способность саморегуляции и регуляции эмоционального фона в коллективе подчиненных.

Обеспечить инновационные преобразования способна творческая, инновационно мыслящая молодежь, готовая к реальной преобразовательной практике, овладения современными технологиями бизнес-проектирования, нахождения и использования ресурсов для своевременной минимизации и устранения потенциально слабых мест.

Необходима «точечная» работа с молодыми кадрами с учетом их индивидуальных особенностей, персональной мотивационной составляющей, профессиональных компетенций и персональных возможностей (состояния здоровья, уровня работоспособности и развития социального интеллекта). Необходимо со студенческой скамьи формировать банк данных инновационно одаренной молодежи с последующей реализацией целостной системы сопровождения профессионального и личностного роста.

Профессиональная культура как социологический феномен

Головин П.Ю., Моор С.М.

*Департамент по спорту и молодежной политике Тюменской области,
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет»,
Россия, Тюмень*

В современном обществе остро стоит проблема самоопределения. Развитие технологий, в конечном счете, приводит к тому, что человеку из года в год становится сложнее определить себя в различных сферах жизни: социальной, экономической, политической, духовной.

К молодому специалисту применяются новые стандарты, согласно которым он обязан обладать высоким уровнем профессионализма, а также определенным набором характеристик, составляющих профессиональную культуру. Культурный компонент определяет уровень развития самого субъекта деятельности, его личностно-деловые качества. В своем единстве понятия «культура» и «профессионализм» отражают многоаспектность и динамичность профессиональной культуры как социального феномена.

Появлению понятия «профессиональная культура» способствовало становление индустриальной социологии и разработка проблематики социологии профессий.

У истоков исследования проблемы профессиональной культуры стояли М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Т. Парсонс, Г. Спенсер. В исследованиях И. Ансоффа, Т. Питерса, Р. Уотермана профессиональная культура анализируется в рамках организационно-управленческой деятельности. В концепциях Ф. Тейлора и А. Файоля профессиональная культура выступает уровнем профессионализма, а образование, специальные познания, администраторские способности, компетентность, интеллектуальные способности являются индикаторами профессиональной культуры.

Как считает Л.Н. Коган, культура – это система, выступающая мерой, способом и результатом формирования реализации сущностных сил человека в

ходе его социальной деятельности. Несмотря на то, что вопросы профессионального самоопределения человека возникли на рубеже зарождения трудовых отношений, а именно с момента разделения труда, в науке данная тема начала формироваться в Новом времени. Понятия профессии, профессионализации труда, образования и личности появились в трудах А. Смита, А. Сен-Симона, Р. Оуэна. После чего профессиональная культура стала рассматриваться в трудах Э. Дюркгейма, К. Маркса, изучивших влияние разделения общественного труда на профессии. Появлению понятия «профессиональная культура» способствовало становление индустриальной социологии. Э. Дюркгейм считал, что профессия – это один из важнейших социальных институтов.

В ранних советских трудах данный вопрос рассматривался в поле культуры труда или социологии труда. Г.Н. Соколова считает, что профессиональная культура рассматривается как компонент культуры труда и характеризует степень овладения человеком «достижениями научно-технического и социального прогресса и полноту реализации данного опыта в трудовой деятельности».

Сущность профессиональной культуры выражается мерой освоения необходимых профессиональных знаний, навыков и умений, профессионального опыта, степенью интеграции профессиональных и социальных качеств личности; способностью применять совокупность наиболее рациональных способов.

В современной науке сложилось представление о том, что профессиональная культура – это системное образование с четкой структурой, связями и функциями. В структуре профессиональной культуры субъекта труда можно выделить два уровня: ядро, составляющее основу профессиональной компетенции личности, и окружающая его оболочка. В основе ядра лежат навыки, умения, знания, а формирование его завершается в результате образования защитной оболочки.

Основная функция ядра – сохранение и передача профессиональной идентичности. Информация, аккумулируемая в ядре, через систему деятельности транслируется от поколения к поколению, и именно благодаря этому происходит трансляция профессиональной идентичности. Но в тоже время, не вся-

кий внешний объективно существующий предмет или процесс субъективируется, становится элементом ядра, прежде всего он должен ему соответствовать.

Как отмечалось выше, ядро профессиональной культуры включает в себя совокупность специальных теоретических знаний и практических умений, связанных с конкретным видом деятельности.

Таким образом, прослеживается взаимосвязь профессиональной культуры с профессиональной деятельностью группы. С одной стороны, профессиональная культура субъекта формируется в результате трудовой деятельности, с другой – профессиональная группа оказывает влияние на формирование его профессиональной культуры.

Следует добавить, что профессиональная культура выступает эффективным механизмом социализации субъекта, посредством приобщения к трудовой деятельности. А.И. Турчанов описал понятие профессионализации, как элемент, объясняющий изменения при освоении человеком профессии на личностном и индивидуальном уровнях. По словам автора, «Процесс профессионализации рассматривается и как состояние, как степень развитости способностей и профессиональных качеств человека, как процесс восхождения человека к вершинам профессионального развития».

Межпоколенная коммуникация сквозь призму теории Дж. Мида

Горбачева Н.Б.

Тольяттинский государственный университет, Россия, Тольятти

Проблему коммуникации все активнее включает в свой дискурс большинство социальных и гуманитарных наук, среди которых предпочтение отдается социологии.

При рассмотрении вопросов, связанных с методологией изучения коммуникационных процессов между поколениями, мы остановимся на символическом интеракционизме, который уделяет большое внимание общению, взаимодействию, осуществляемому при помощи символов. Основная суть данного направления в анализе роли символов и их значений в процессах межличност-

ной коммуникации. Межпоколенная коммуникация понимается как интерпретация поведения людей, которое основывается на символах, несущих социальную информацию.

Символический интеракционизм ставит задачи изучения координации поведения людей и способности человека создавать и использовать символы. Однако последние не могут восприниматься всеми членами группы из-за того, что не говорят абсолютно на одинаковом языке, что приводит к отсутствию взаимопонимания. Необходимо решить задачу коммуникативного характера, в процессе которого партнеры сравнивают смысл употребляемых ими понятий и вырабатывают общую систему значений. Таким образом, теории символического интеракционизма имеют большое значение при исследовании межпоколенной коммуникации.

Согласно символическому интеракционизму коммуникация – это не просто реакция, интеракция или взаимодействие, а субъективная осмысленность и направленность на других. Суть коммуникативного действия рождает социальное действие, которое связано с поведением других людей. Мид полагал, что коммуникативные формы в процессе видоизменения и трансформации влияют на развитие общества. Ученого интересует роль общения в поведении индивида, а также окружающих его людей. Он также считает, что жизненный опыт влияет на характер действия индивида, поскольку определяет реакцию на конкретный символ. Мид полагает, что общество может воздействовать и контролировать умственные процессы индивидов и, соответственно, их поведение, что в свою очередь может сказаться на изменении норм социального взаимодействия.

Процесс взаимодействия людей рассматривается как непрерывный диалог, в котором участники коммуникации наблюдают, осмысливают намерения друг друга и реагируют на них после того, как придадут смысл действию собеседника. С точки зрения Мида, существуют социальные связи, взаимодействия между людьми, которые определяют положение человека в обществе, поэтому, в концепции социолога основным понятием

становится термин «коммуникация». Таким образом, социальная структура упорядочивается в результате межличностного общения. Для Мида важна интерпретация значений, которые воплощаются в символах. Ученый разделяет два типа жестов: значимые и незначимые. Значимые жесты предполагают сознательность, определенность, предсказуемость в действиях коммуницирующих. К незначимым относятся жесты, которые вызывают бессознательную реакцию коммуникатора.

Согласно теории Мида коммуникация позволяет рассматривать различные роли поведения индивидов и межпоколенного взаимодействия. Для того чтобы понять жесты, роль, намерения другого, необходим непрерывный диалог между родителями и детьми. В случае принятия информации с позиции другого в молодом человеке формируется самосознание и, как говорит Мид, чувство самости. Соответственно, при эффективном взаимодействии всех членов социального общества достигается принятие молодым поколением культурных норм, правил поведения, ценностных установок, которыми руководствовались представители старших поколений. В случае конфликта между поколениями, проявляющегося в активном отторжении элементов коммуникации одной или обеими сторонами, происходит дезорганизация социума на макроуровне. Таким образом, личностные качества генетически зависят от коммуникации, так как не только индивид может повлиять на идеологию и психологию общества, но и общество – детерминировать развитие сознания индивида.

Таким образом, символический интеракционизм рассматривает межпоколенную коммуникацию как форму взаимодействия родителей и подростков, которая базируется на определенных символах. Информация для понимания собеседника принимает знаковую систему кодирования. Однако между различными знаковыми формами отсутствует точное соответствие, поэтому при переводе из одной знаковой системы кодирования в другую предполагается интерпретация информации. Результат интерпретации информации родителей и молодежи влияет на уровень их взаимопонимания и характер взаимоотношений.

Литература:

1. Громов И.А., Мзцкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. М.: Издательство «Ольга», 1996. С. 204–207.
2. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2007. С. 197–202.
3. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. Москва, 2002. С. 101–107.

Роль молодой семьи в современном обществе

Горбушина И.А.

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

Семья, по признанию ученых, – одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. Ни одна нация, ни одна культурная общность не обошлась без семьи.

Это система, имеющая определенную структуру, выполняющая целый ряд разнообразных функций, устойчивая система взаимоотношений между людьми в повседневной жизни. В ее позитивном развитии, сохранении, упрочении заинтересованно общество, государство, в прочной, надежной семье нуждается каждый человек независимо от возраста.

В современной науке нет единого определения семьи, хотя попытки сделать это предпринимались великими мыслителями много веков назад. Наиболее часто о семье говорят, как об основной ячейке общества, которая непосредственно участвует в биологическом и социальном воспроизводстве общества. В последние годы все чаще семью называют специфической малой социально-психологической группой, подчеркивая тем самым, что для нее характерна особая система межличностных отношений, которые в большей или меньшей степени управляются законами, нравственными нормами, традициями [1, с. 123–124].

Семья, как необходимый компонент социальной структуры любого

общества, выполняющий многие социальные функции, играет важную роль в общественном развитии.

Через семью сменяются поколения людей, в ней осуществляется продолжение рода, происходит первичная социализация и воспитание детей. Поэтому сейчас огромное внимание уделяется становлению и развитию именно молодой семьи. Ведь от того, как молодые супруги смогут найти общий язык, построить отношения, основанные на любви, уважении, взаимопонимании, от их умения выходить из конфликтных ситуаций, быстро и легко решать свои проблемы и преодолевать стоящие на пути трудности будет зависеть их дальнейшая семейная жизнь и развитие общества в целом.

В категории семей, нуждающихся в особой помощи, на первое место выдвигается молодая семья. Потребовалось немало усилий и времени, чтобы в современном обществе утвердился сам термин «молодая семья». Это не означает, что сформировался какой-то особый тип семьи. Ее проблемы входят составной частью в круг проблем современной семьи. Поэтому отношение к молодой семье определяется той социальной политикой, которая проводится в отношении института семьи в целом. Вместе с тем нельзя не учитывать особого значения и особой функции молодой семьи в жизни общества. Это необходимо видеть и понимать при определении ее инновационного потенциала, стиля жизни и деятельности.

В разделе «Общие положения» постановления Верховного Совета Российской Федерации от 17 сентября 2001 № 675, «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» дано следующее определение молодой семьи: «Молодая семья – это семья в первые 3 года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 35-летнего возраста» [3].

Таким образом, законодательно установленными признаками молодой семьи являются: наличие официально заключенного брачного союза; продолжительность совместной жизни – до 3 лет; граница возраста супругов –

от 18 до 35 лет. Молодую семью отличает от остальных типов семьи то, что в ней основная ось отношений определяется не родством и родительством, а супружескими отношениями, которые доминируют по сравнению со всеми остальными.

Однако для того, чтобы исследовать молодые семьи и их проблемы необходимо включение в совокупность молодых семей и следующие характеристики:

- молодые люди состоят в зарегистрированном браке либо проживают совместно и ведут общее хозяйство (гражданский брак);
- возраст супругов до 35 лет;
- продолжительность совместной жизни – до 3 лет (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности совместной жизни).

Согласно статистике около четверти детей рождаются вне брака. Родители этих детей не состоят в браке, хотя зачастую и проживают совместно, ведут общее хозяйство, то есть являются семьей. Отказ от регистрации брака в фактически сложившихся молодых семьях продиктован целым рядом причин, важнейшей из которых является желание лучше узнать друг друга (так называемые пробные браки). После возникновения беременности или рождения ребенка браки чаще всего регистрируются по инициативе женщины, желающей упрочить свое положение и обеспечить защиту интересов ребенка. Однако также обнаруживается тенденция отказа от регистрации брачных отношений для получения льгот и преимуществ, право на которые приобретает одинокая мать [3, с. 89].

Социально-экономический кризис в стране, слабость государственной политики, которая не способствует укреплению брачно-семейных отношений, приводит к тому, что наибольший процент разводов приходит на семью, прожившую менее 3–5 лет.

Демографический кризис можно наглядно проследить на примере молодой семьи: уменьшение количества заключенных браков, увеличение числа разводов, рост количества одиноких матерей, внебрачной рождаемости, рост

количества несовершеннолетних матерей.

Молодая семья – одна из самых незащищенных групп населения. Высокий процент молодых браков – следствие наступившей беременности или даже рождения ребенка. Среди молодежи «бытует» искаженное представление о браке, семье, сексе. Каждый четвертый молодой человек готов на свободные отношения, без брака, но осуждает свободную сексуальную жизнь.

В ряду приобретенных жизненных ценностей на первое место молодежь относит отношения в семье, удовлетворенность в любви, интимной жизни; ценность брака молодые также определяют наличием детей.

Происходящее в обществе расслоение населения сказывается и на появлении молодых семей. На первый план создании семьи у молодых выступает не любовь, а материальный достаток, что в дальнейшем сказывается на воспитании детей. В семье с большим материальным достатком, проявляется педагогическая слепота со стороны взрослых. В воспитании внуков принимают активное участие состоятельные бабушки и дедушки, в следствии чего идет процесс «разукрупнения» семьи.

Старшее поколение должно помогать и поддерживать молодую семью, а не решать за них семейные проблемы. Не отвергая мудрости, жизненного опыта своих родителей, молодые супруги должны культивировать свои чувства, интересы, уметь преодолевать трудности.

Молодая семья на пороге своего формирования испытывает на первых порах различные трудности: бытовую неустроенность, осложнение с определением детей в детские сады. Решения этих трудностей – задача общества.

Как посчитала госстатистика в Ставропольском крае в 2013-м на каждые 100 браков пришлось 58 разводов. Увеличением числа разводов является следствием их неподготовленности к семейной жизни.

Молодые семьи в структуре общества играют большую и неотъемлемую роль, их судьба неотделима от судьбы общества. Сложившиеся на сегодняшний день социально-экономические проблемы, не могут быть решены без опоры на

молодую семью, без ее активного участия в общественных преобразованиях.

Литература:

1. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. 3-е изд. СПб: Питер, 2008. 220 с. С. 123–125.
2. Шеляг Т.В. Современная семья и социальная работа. М.: МГСУ, 2004. 147 с. С. 89–91.
3. Федеральный закон об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ. 2001.17.09. № 675. URL: www.garant.ru

Инвалид на рынке труда в регионе

Горина Т.И., Кефели В.Б

ФГБУН «Институт социологии РАН», Россия, Москва

Проблеме интеграции инвалидов на рынок труда посвящено значительное количество научных трудов. На сегодняшний день накоплен определенный опыт изучения этой проблемы, однако еще не до конца изученными остаются вопросы системного подхода к решению данного вопроса.

Большую роль в проведении государственной социальной и экономической политики в стране играет Государственная Служба Занятости населения (СЗН), на которую в связи с Указом Президента РФ № 394 от 25.03.1993 г. была возложена ответственность за трудоустройство инвалидов.

СЗН Нижнего Новгорода предоставила Институту социологии РАН результаты исследования «Социальная поддержка инвалидов в Нижегородской области», проводимого с целью изучения проблем трудоустройства инвалидов на рынке труда, вопросов их информированности, юридических аспектах трудоустройства, мотивах трудоустройства, роли и значения Государственной Службы Занятости.

В ходе исследования было опрошено 507 инвалидов, обратившихся в службу занятости населения Нижнего Новгорода и зарегистрированных в качестве безработных.

Как следует из полученных данных, большинство опрошенных (86%) знают, что СЗН помогает людям в поиске работы, поскольку именно за этим они туда и пришли. При этом 73% опрошенных считают, что СЗН только информирует людей о вакансиях на рынке труда. Об остальных услугах знает гораздо меньшее число обратившихся в службу занятости. Половина их (51%) знает о ярмарках вакансий, еще меньшее число (43%) – о возможности принять участие в общественных работах, чуть больше трети – о профориентации (37%) и о профессиональной подготовке и переподготовке (39%). Всего 30% опрошенных знают о работе психологов, обеспечивающих психологическую поддержку оставшихся без работы людей. В соответствии со своей информированностью люди и пользовались перечисленными услугами

Большую роль в сфере занятости инвалидов играют трудовые рекомендации (ИПР), выдаваемые в службах медико-социальной экспертизы, и не всегда подходящие инвалидам, т.к. в них содержатся скорее общие указания предположительной трудовой возможности каждого обратившегося в СЗН. Например, в рамках программы по профессиональной подготовке и переподготовке безработных 27% опрошенных выразили желание обучаться владению компьютером. Однако, как следует из интервью с сотрудниками СЗН, «не всем можно работать на компьютере, хотя работа на нем считается легкой. Мы имеем право выучить их и работе на компьютере, и любой другой профессии, только если у них эти рекомендации прописаны в ИПРи».

Опрос также затронул проблематику трудоустройства инвалидов с точки зрения оценки мер, предпринимаемых государством. Респондентам был предложен список, содержащий набор наиболее обсуждаемых в СМИ программ.

Наиболее важной среди представленных в списке программ заняло проектирование и приспособление рабочих мест, доступных для лиц с различными формами инвалидности (41%). На втором месте находится развитие взаимодействия государства, работодателей и инвалидов (39%). На третьем – изменение отношения общества к проблемам инвалидов (39%). В числе наиболее востребованных направлений оказались создание и развитие системы дистанционного

трудоустройства инвалидов (17%), упрощение системы налогообложения для предприятий, использующих труд инвалидов (17%), организация и поддержка рекламных кампаний, призванных способствовать преодолению негативного отношения и предрассудков к рабочим-инвалидам (16%).

В создавшихся в наше время условиях люди с ограниченными возможностями здоровья часто оказываются беззащитными на рынке труда. В большей части, являясь работниками неквалифицированного и малоквалифицированного труда, имея льготы и право на щадящие условия труда, они не являются востребованной для работодателей рабочей силой. Поэтому реализация инвалидами прав как граждан полностью зависит от степени участия государства и общества в их жизни. Лишь только 12% опрошенных инвалидов рассчитывают в своей борьбе с невзгодами исключительно на свои силы

К сожалению, позитивные изменения в государственной социальной политике пока еще не привели к значительному улучшению уровня жизни инвалидов. Кроме того, отсутствие поддержки общества, предвзятость общественного мнения в отношении инвалидов и слабые побудительные мотивы в достижении лучшей жизни самих инвалидов, приводят к дистанции между целями государственной политики по интеграции инвалидов в общество и реальной картины недостаточного участия инвалидов в различных сферах жизнедеятельности общества. Все это говорит о том, что сегодня все еще существуют серьезные препятствия реализации инвалидами права на труд и благосостояние, и все еще недостаточно рассматриваются механизмы реализации государственной социальной политики инвалидности. В итоге современные противоречия правового государства, гражданского общества и социально ответственного рынка пока еще не способствуют реализации социального гражданства инвалидов.

**Определение нового подхода к оценке эффективности деятельности
Общественной палаты региона: методологический аспект**

Грабельных Т.И.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет», Россия, Иркутск

В связи с принятием нового Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212 – ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в значительной степени возрастает роль Общественных палат регионов в формировании гражданского общества и повышаются требования к эффективности их деятельности. Расширение функций общественного контроля в механизмах принятия решений с необходимостью предусматривает выработку новых подходов к оценке эффективности деятельности общественных структур.

Учитывая традиционные и инновационные подходы в принятии решений, механизмы вовлечения граждан к участию в общественном контроле, а также стратегии участия ведущих субъектов регионального развития в деятельности общественных органов, нами была разработана методология анализа данных – методология «ментальных кодов» в исследовании эффективности деятельности Общественной палаты Иркутской области (2008–2014 гг.), в основу которой был положен «ментально-дифференцированный» подход.

Определению нового подхода к оценке эффективности деятельности Общественной палаты региона способствовали результаты социологических исследований, участниками которых выступили: население; представители органов государственной власти; бизнес структур; главы муниципальных образований; руководители общественных объединений, некоммерческих организаций и другие группы экспертов. В сентябре 2014 г. нами впервые был проведен сравнительный анализ документальной базы Общественной палаты Иркутской области (по заказу).

На первом этапе все документы были дифференцированы и занесены в информационную базу по ключевым позициям: «выдвинутые инициативы/принятые решения (рекомендации, предложения) за указанный период по годам»; «содержание инициативы/решения»; «субъект выдвижения инициативы/принятия решения»; «формат выдвижения/форма разработки решения»;

«субъект реализации решения/инициативы»; «сфера общества»; «сроки реализации»; «характер решения/инициативы (демонстративно-конструктивный с учетом долгосрочной и среднесрочной перспектив/оперативный характер решения»); «коды ментальности населения региона: а) «память» (социальный опыт, традиции, преемственность); б) «инновации» (приверженность новому, новые подходы, взгляды); в) «кризис» (особенности принятия решений в условиях кризиса, отражение кризисных явлений); г) «институционализация общественности» (роль общественности в решении проблем, структура общественности, легитимация общественности)»; «степень реализуемости решения (приняты к сведению; реализованы в полной мере; реализованы не в полной мере; не реализованы; отсутствие сведений о реализации)»; «перспективность решения/инициативы для дальнейшей работы региональной Общественной палаты».

На следующем этапе дифференциация занесенных в базу документов осуществлена по трем укрупненным блокам показателей эффективности реализации выдвинутых и принятых решений (рекомендаций, предложений, инициатив) Общественной палаты Иркутской области в период с 2008 по 2014 гг.: а) содержание решений; б) характер решений по сферам общества»; в) специфика реализации решений по субъекту. При разработке комплекса показателей эффективности учитывался фактор деятельности Общественной палаты региона по созывам.

В ходе исследовательских работ были проведены: а) количественный анализ динамики проведенных мероприятий и принятых документов Общественной палаты Иркутской области за период с 2008 по 2014 гг.; б) количественный анализ основных путей активизации социальной и гражданской активности населения посредством площадок (дискуссионных, экспертных), инициированных Общественной палатой Иркутской области в указанный период; в) анализ количественных показателей принятых и реализованных решений на уровне Общественной палаты Иркутской области; г) контент-анализ по ключевым субъектам реализации принятых решений Общественной палатой региона; д) изучение информационного поля по НКО в процессе принятия решений Об-

щественной палатой Иркутской области; е) изучение информационного поля по НКО по итоговым докладам Общественной палаты Иркутской области; ж) сравнительный анализ ментальных кодов населения региона в процессе принятия решений Общественной палатой Иркутской области, сфер общества в принимаемых решениях Общественной палаты Иркутской области, своевременности и перспективности принимаемых решений Общественной палатой Иркутской области, динамики активности комиссий Общественной палаты Иркутской области и др. Всего анализу было подвергнуто 2268 решений.

Комплексный анализ, проведенный в русле методологии «ментальных кодов», подтвердил необходимость применения нового «ментально-дифференцированного» подхода к оценке эффективности деятельности Общественной палаты региона и позволил оценить его преимущества.

Утопизм в теории международных отношений Китая

Грачиков Е.Н.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В апреле 2005 года появилась небольшая, но очень емкая по содержанию книга известного философа Чжао Тиняна «Система Тянься: философское введение в мировую организацию»,²¹ которая привлекла внимание специалистов как в Китае, так и за рубежом. В своей работе Чжао Тинян переосмысливает и, исходя из реалий сегодняшнего миропорядка, концептуализирует систему «Тянься» – «систему взаимоотношений» стран Восточной Азии, которая существовала в древности и воспринималась странами региона, как мировая.

«Не мир или несостоявшийся мир»

Чжао Тинян начинает свои рассуждения с мысли о том, что наш «пред-

²¹Развитием концепции «Тянься» стала публикация в 2009 г. книги «Исследование плохого мира: политическая философия как первая философия», а в 2013 г. «Точка опоры первой философии».

полагаемый мир – еще не мир, а только часть воображения». Он ставит теоретическую проблему отсутствия единого «мирового политического института» (т.е. мирового правительства) для решения глобальных политических проблем и обосновывает необходимость формулирования мировой философской концепции управления миром. Земной шар еще не стал чьим-либо миром и продолжает существовать в виде хаоса, поскольку нет по-настоящему связанного мирового сообщества, управляемого всеми принимаемым политическим институтом. Политически заброшенный, мир, в котором мы живем, является для нас не более чем географическим понятием. Недостаток политического единства означает, что «всеобщая политическая идентичность» еще не сформирована. Такой мир не возможен до тех пор, пока он не будет организован и управляем всемирным институтом, который будет иметь «глобальную политическую философию».

«Мировая повестка, как точка отсчета для политики»

История создания системы «Тянься» относится к периоду зарождения династии Чжоу, которая в длительной вооруженной борьбе смогла вытеснить династию Шан. Когда победила династия Чжоу, вокруг нее жили около 1000 различных по культуре и этническому составу племен, некоторые из которых, например, Шан насчитывала более миллиона человек, в то время как Чжоу всего около 70 тысяч. Проблема контроля более мощных образований встала перед династией Чжоу в качестве приоритетной и глобальной.

Правители Чжоу, особенно первый из них, выдвинул несколько главных политических идей. Первая. Решение всех проблем мировой политики должны относиться к ведению всеобщей, универсальной системы, а не решаться при помощи силы. Вторая. Всеобщая система политически оправдана, если она представляет собой политический институт, который действует в интересах всех людей и всех народов и способствует общему процветанию всего мира. Третья. Всеобщая система работает, если она продуцирует гармонию между народами и культурами. В соответствии с этими принципами была сформирована универсальная система, в основе которой была концепция объединения

«всех под небесами».

«Древний институциональный проект (объединения) всех под небесами»

Концепция «Тянься» – теоретически открытая система, с возможностью превращения в мировую. Династия Чжоу была единственной, которая воплотила ее на практике. Это, конечно, не означает, что она применима везде и в любое время, поскольку слишком стара для нашего мира. Тем не менее, несколько положений достойны для обсуждения и, возможно, использования в будущем.

Концепция «Тянься» династии Чжоу выглядит следующим образом.

1. Это монархическая система, включающая некоторые элементы аристократии.
2. Это открытая сеть, состоящая из общего мирового правительства и подконтрольных или нижестоящих государств. Количество таких стран зависит от многообразия культур, народов или географических условий.
3. Мировое правительство ответственно за всеобщие институты, законы и мировой порядок.
4. Подконтрольные страны независимы в проведении своей внутренней политики в области экономики, культуры, общественных норм и ценностей.
5. Мировое правительство непосредственно управляет землей, которая называется императорской землей, по площади в два раза превосходящей самое большое подконтрольное государство и в четыре раза – среднего размера. Военная сила, которой располагает мировое правительство больше чем у больших, средних и малых стран в пропорции 6 к 3, 6 к 2 и 6 к 1, соответственно.
6. Важным является политика свободы миграции населения из страны в страну в поисках работы и места жительства.

«Никто и ничто не исключено»

Один из важных принципов «Поднебесной» – включенность всех народов и всех земель. В соответствии с этим принципом, никто не может быть исключен из этой системы или поставлен вне ее, поскольку никто не считается

несовместимым с другими.

Центральная идея «Поднебесной» – это воссоздание мира по подобию семьи, трансформируя мир в дом для всех. В соответствии с принципом о включенности всех людей, создание «мира для всех людей», отвергаемое сейчас, является фундаментальной политической потребностью. Конечно, этот мир еще не существует, но он должен стать нашей целью.

«Главенство мирового института»

В концепции «Поднебесной» говорится о необходимости мирового института (организации). В соответствии с этой концепцией, «государство» должно быть инкорпорировано в «мир», а «региональная политика» – в «мировую политику». В западной политической мысли мир представляется общей политической формой, в которой государство и международные структуры являются составными частями. Мир в целом, а не государство – ключевая проблема философии. Мировой организации, гарантирующей мировой порядок, должно придаваться большее значение.

«Смещение с политики на этику»

Несовместимость существования внутреннего и международного существенно снижает эффективность и потенциал теорий, в центре которых стоит государство. Политическая легитимность универсальной политической системы должна отражать этическую правоту, т.е. быть обоснована в соответствии с критериями справедливости. Поэтому китайские философы всегда настаивали на этических нормах для поддержки политических.

«Стратегия гармонии и конфуцианского совершенствования»

В соответствии с китайскими теориями, гармония – необходимое онтологическое условие для существования и развития различий, обычно определяемых как взаимная зависимость, взаимное совершенствование, в противоположность одинаковости. Гармоничность, как противоположность одинаковости, затрагивает в основном проблему разнообразия, чем единичности. Гармония, как принцип сосуществования, может быть лучше понята через китайскую

метафизику. Как уже отмечалось выше, китайская философия включает в себя больше метафизику отношений, чем онтологию бытия. Проблема бытия, как вещь «сама по себе», – чужда китайской философии, поскольку ничто не может являться вещью, пока оно не определено терминами взаимоотношений с другими вещами. Это означает, что отношения, а не вещи, должны подвергаться исследованию.

Новое прочтение предмета социологии: контуры будущей науки

Гримов О.А.

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

Современный этап развития общества, характеризуемый динамичным ростом структурной сложности и принципиальной нелинейностью траекторий происходящих в нем процессов, пересечением контуров социальных и «несоциальных» систем, множественностью и размытостью социальных структур и образований, актуализирует необходимость выработки адекватных перманентно изменяющемуся предмету методологических программ и конкретных исследовательских инструментов.

На протяжении всей истории существования социологической теории одной из ее главнейших интуиций, базисом и онтологической опорой как науки, являлось утверждение примата социального как некой императивной, принудительной по отношению к индивиду реальности. Однако в современных условиях объективации постнеклассического типа научной рациональности фундаментальные положения классической социологии оказываются пересмотренными и, во многом, утрачивают былой авторитет. Тем не менее, вопреки многочисленным заявлениям постмодернистского толка, мы склонны полагать, что «социальное» как концепт не изжило себя, но перестроилось и расширилось. При этом изменились, а точнее – расширились, его границы. Социология сегодня переживает этап пересмотра своего предмета. Исходя из этого можно высказать предположение, что не социология «является социологией» в силу изучения ею социального, а тот или иной объект (предмет, явление) является

социальным в силу того, что его изучает социология. Несмотря на дискуссионность означенного тезиса, он, на наш взгляд, отражает сущность современной социологии. Поэтому важнейший методологический вопрос социологии сводится к тому, что можно считать социальным? Иначе говоря, что сегодня входит в орбиту социологического дискурса? Несмотря на актуальность оценки социальной жизни (в самом широком смысле слова) как принципиально сложной и неупорядоченной, мы можем ставить свою задачу как нахождение в условиях институциональной (как некоего агрегата) и эпистемической (как объекта научного дискурса) нестабильности социума неких локусов онтологической устойчивости – как определенных опорных точек научного поиска.

Принципиальный переход к расширению концепта «социального» осуществлен, в том числе, представителями акторно-сетевой теории, по мнению которых, в качестве социальных актантов могут выступать уже не только индивиды, социальные группы, общности и т.д., но и материальные объекты, технологии, животные, которые могут так или иначе вступать в определенные сетевые взаимодействия, структурируемые как фактически, так и символически на уровне формируемых социальных смыслов. Значимым основанием пересмотра социологией своего предмета являются также обоюдные эпистемические интервенции социальных, гуманитарных и естественных наук, формирующие в итоге не столько новый предмет, сколько новый способ мышления о нем.

Применительно к социологии, как мы полагаем, этот тезис является наиболее применимым. Изменяется не столько общество (или социальное как предмет социологического изучения), сколько сам способ мышления о социальном, – меняются конструируемые нами границы социального.

В то же время подобные изменения в осмыслении наукой своего предмета являются ответом на объективные вызовы современности, актуализированные в рамках теорий постмодерна: общий кризис науки, конвергенция отраслей научного знания, виртуализация и трансформация социальных структур и отношений, развитие и широкое распространение новейших информационных отношений, задающих новые формы субъект-субъектных отношений и т.д.

Значимым является также определение того, что должно стать магистральным направлением «новой» социологии, возникающей в результате обозначенных выше тенденций. На наш взгляд, социология должна быть обращена к личности в глубинных ее основаниях как социального актора и конструкта одновременно, а также к характеру объективации, достижения и воспроизводства ее жизненных целей, ценностей и смыслов. Постановка этого вопроса требует выработки более мягких качественных методик при сохранении стройности теоретических построений. Данной цели может отвечать синтез различных направлений экзистенциальной, клинической, феноменологической, системной социологии, которые в совокупности будут обращены к изучению таких общечеловеческих экзистенциальных оснований, как жизнь, смерть, свобода, счастье и т.д., в общем контексте пересмотра внутриспредметных конфигураций социологической науки.

Индексирование коррупционного потенциала

Грошев И.Л.

«Тюменский государственный нефтегазовый университет»,

Россия, Тюмень

Коррупция занимает центральное место в проблемном поле современной России, поскольку ее интеграция в социальные сферы общества имеет ярко выраженный системный характер. Как таковая коррупция не может позиционироваться в качестве отклонения от нормы, она представляет собой собственную норму, которая замещает принципы законности, справедливости, порядка, не позволяет экономике развиваться свободно, деформирует общественное и индивидуальное сознание таким образом, что становится невозможным позитивное развитие механизма общественного взаимодействия в интересах большинства населения. Активное противодействие коррупционной деятельности наиболее вероятно при соблюдении двух базовых принципов: 1) приоритетное воздействие на коррупционный потенциал, т.е. формирование условий, при которых коррупция как субъект политической и экономической жизни общества

феномен будет испытывать дефицит притока новых «игроков»; 2) раннее диагностирование «сползание индивида» в сторону противоправного и противозаконного императива (индексирование деформации личности).

Наиболее значимый индекс – это индекс личностной деформации, именно он характеризует устойчивые привычки человека, приобретенные в процессе жизнедеятельности. Другой отличительной чертой выступает значительный, по сравнению с другими видами деформаций, временной период воздействия внешней среды на сознание личности. С первых минут жизни, человек непрерывно усваивает стандарты поведения, которые закрепляются многократным повторением и выполняются на уровне мышечной памяти, без задействования аналитических способностей мозга.

«Средним» признаком наделен индекс нравственной деформации, с одной стороны нравственное воспитание короче по времени воздействию и обладает большей дискретностью, в другой – нравственные нормы пусть незначительно, но трансформируются и, следовательно, не могут представлять устойчивый фундамент, определяющий мировоззрение человека.

Профессиональная деформация с низким признаком, тем не менее, представляет фактологическую основу коррупционных действий. Низкий статус индекса обусловлен пластичностью в тактике и стратегии поведения человека в профессиональной среде.

Нравственная деформация в современном мире ускоряется с возрастанием включенности человека в аксиологический обменный процесс. Активное использование электронных средств коммуникации, практически непрерывный обмен мнениями по любым проблемам современного общества, создает предпосылки для культивирования «двоичной системы» (по аналогии с двоичным кодом программирования) моральных и культурных ценностей. При этом, обладая существенными различиями, они непрерывно взаимодействуют и при слабом самоконтроле, могут замещать друг друга.

Особенность первой системы в том, что интернет сообщество вырабатывает наднациональный и надкультурный информационный стандарт требую-

щий помимо лаконичности, адекватного языка и его формы. Вторая система заставляет индивида вступать в реальное взаимодействие с реальными же людьми – носителями иных ценностей и стандартов. Поэтому под нравственной деформацией следует понимать более широкий круг изменений, как в духовно-нравственном, так и поведенческом аспектах.

С одной стороны индивид сознательно стремится опираться в жизнедеятельности на какие-либо нормы и стандарты (получая при этом противоположные оценки: от «порядочного человека», если поведение и мотивация поняты и приняты окружением, до «асоциальной личности», если либо поступки, либо мотивы неясны (отторгаемы) большинством), с другой – он поступает так, потому что не знаком с иными вариантами.

Принимая во внимание особенности методики расчета коррупционного потенциала, в частности – интегральная зависимость значения от индексов трех видов деформаций личности (личностная, нравственная и профессиональная), отнесение индивида к той или иной зоне может происходить по достижении установленных пороговых значений индексов по одному виду деформации, либо по двум или трем сразу. Коррупционный потенциал рассматривается как составляющая трех видов психосоциальной деформации индивида. При таком подходе появляется возможность оценивать не только величину (де-факто) потенциала, но и фиксировать деформированные области в структуре личности. В частности процесс «роста потенциала» предопределяется личностной, нравственной и профессиональной деформацией.

Наиболее сложным видом деформации следует признать личностную деформацию: во-первых, черты личности, свойства ее характера формируются с момента рождения человека и процесс продолжается всю сознательную жизнь человека; во-вторых, характер – как призма, преломляет действительность, придает своеобразную, присущую только данной личности, интерпретацию обыденных (рутинных) и нетривиальных явлений.

Социальные стандарты как основа формирования человеческого

потенциала

Грошева И.А.

*ГАОУ ВО «Тюменская государственная академия мировой экономики,
управления и права», Россия, Тюмень*

В социальном государстве жизнь граждан регламентируется на основании государственных социальных стандартов, которые являются средством регулирования социальных отношений. Социальные нормативы законодательно закрепляются и гарантируют минимальное удовлетворение базовых потребностей человека с целью реализации социальных прав. Введение государственных минимальных социальных стандартов (ГМСС) позволяет выполнять две основные задачи. С одной стороны, обеспечить физическое выживание человека как организма; с другой стороны, не допустить разрушения социальных связей, стигматизации и увеличить степень социальной интеграции. Институционализация ГМСС осуществляется в рамках сложившегося институционального комплекса конкретной общественной системы. Перечень групп минимальных социальных стандартов был закреплен в некоторых Конвенциях Международной организации труда (МОТ) и Европейской социальной Хартии.

Необходимость предоставить каждому гражданину возможность самостоятельно оплачивать свои расходы, обозначена в качестве одной из целей социальной политики стран Европейского союза. Например, в Германии как такового закона о ГМСС не существует. Однако в этой стране предоставлены гарантии бесплатного начального, среднего и высшего образования. В области медицинского обслуживания государством предусмотрено обязательное медицинское страхование, причем страховые взносы делятся пополам между работником и работодателем, страховка ориентирована в первую очередь на детей. Для наименее обеспеченных слоев населения предусматривается строительство социального жилья с умеренной платой за коммунальные услуги.

Хартия граждан в Великобритании стала основой для 40 хартий различных министерств и ведомств, которые стандартизировали оказание услуг в таких сферах как налогообложение, досуг и образование, сферах труда и соци-

ального обеспечения. Для Великобритании существует свой стандарт бедности – это уровень SB (Supplementary Benefit – Дополнительное пособие)/IS (Income Support – Поддержка доходов). Он увязывается с размером домохозяйств, причем членам этих хозяйств выделяются разные суммы. Медицинская система в части оказания услуг бесплатна, но приходится оплачивать медикаменты. Порог бедности, ниже которого уже нельзя людям давать опускаться, рассчитывается на основе недельной потребительской корзины. В целом следует отметить, что в ходе осуществления международных сопоставлений, как правило, берется несколько показателей: уровни доходов и расходов граждан, потребление населением благ и услуг, показатели накоплений и дифференциации доходов, социально-демографические характеристики населения (структура и качество продуктов питания, сфера образования и культуры и др.).

Специфика российской социальной практики заключается в том, что устанавливается минимальный набор гарантий, которые легитимизируют существование индивида и экономически его поддерживают в обмен на лояльность и готовность выполнения ряда функций. Действия такого рода, к сожалению, имеют своей целью не формирование полноценного человеческого потенциала, а стремление вывести как можно большее количество людей из-под нижней границы социальной нормы, которые не способны самостоятельно обеспечить удовлетворение своих элементарных социальных потребностей. Уровень развития человеческого потенциала определяет объем предоставляемой государством социальной помощи в рамках реализации социальных гарантий. Проблема заключается в методологии определения этого объема через выявление баланса между уровнем, при котором распространяется социальное иждивенчество, и уровнем, когда часть населения уже не может воспроизводить себя в бытовом, социальном и культурном аспектах. В течение одиннадцати лет (с 2003 г.) рассматривается в Государственной Думе законопроект «О минимальных государственных социальных стандартах» (проект № 209727-3). Конвенция Международной организации труда (МОТ) №102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (1952 г.) Россией до сих пор не ратифицирована.

Нарушение ряда принципов конвенций МОТ, включенных в наше законодательство, создает предпосылки экономических потрясений. Имеются в российской социальной практике и другие проблемы, связанные с разработкой стандартов жизни и потребления, угрожающие полноценному развитию населения страны.

Сторонники концепции стигматизации (например, И. Гофман, Г. Беккер) подчеркивают, что изменения в социальных стандартах жизни (как частный случай стандартов потребления) могут привести к полному исключению его из социальной группы, что представляет опасность для полноценного формирования потенциала развития общества. Человеческий потенциал, в свою очередь позволяет оценить деятельность государства как субъекта социального воспроизводства.

Оценка качества предоставляемых услуг НКО (на примере исследования социально ориентированных НКО Алтайского края)

Грошева Д.Н.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

Главным показателем, характеризующим вклад общественно полезной деятельности НКО перед органами государственной власти, является оценка эффективности социально значимых проектов, реализуемых за счет средств федерального, регионального или местного бюджета путем осуществления грантовой поддержки на конкурсной основе.

Оценка эффективности осуществляется непосредственно через определенные критерии в положениях, созданными органами государственной власти. В настоящее время в России существует целый ряд нормативно-правовых документов в сфере социально значимой деятельности. Так, например, Департамент Администрации края по связям с институтами гражданского общества осуществляет оказание информационной поддержки общественным объединениям, реализующим на территории Алтайского края социально значимые проекты. Для наиболее достоверной оценки эффективности необходим комплекс

методов, позволяющих раскрыть в обзоре различные аспекты оценки эффективности. Так на основе анализа нормативно-правовых актов можно воссоздать картину соответствия того или иного проекта, предписанным нормам. На основе анализа документов – отчетов по реализованным проектам устанавливаются календарный план проекта и сроки его выполнения.

Создать комплексное представление с качественной стороны понятия оценка эффективности позволяет экспертный опрос, проводящийся посредством интервью с координатором проекта. Также необходимо учитывать тот факт, что оценка эффективности может быть коммерческой (мгновенной) и, что более ценно, социальной – направленной на долгосрочную перспективу. Так в 2011–2012 гг. в рамках проекта гранта Губернатора Алтайского края в сфере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, «Социальный капитал гражданского общества: состояние и перспективы развития сектора негосударственных некоммерческих организаций в приграничных территориях современной России» был проведен качественный анкетный опрос руководителей НКО Алтайского края. В исследовании 2011–2012 гг. приняли участие 165 некоммерческих организаций Алтайского края.

Для того чтобы установить, какие системы по контролю качества предоставляемых услуг существуют в организации, руководителям НКО был задан соответствующий вопрос и мы получили следующие результаты: в 33% случаев руководители организаций проводят оценку степени удовлетворенности клиентов; в 22% случаев в качестве системы по контролю качества представляются анкеты обратной связи; в 16% случаев проводится оценка на наблюдательном совете; в 12% случаев респонденты отвечали, что ведут журнал жалоб и предложений; а в 10% случаев – журнал учета клиентов; в 9% случаев осуществляется учет пользования услугами организации; в 6% случаев оценкой качества является достижение количественных показателей по госзаказу; в 27% случаев респонденты отвечали, что в их организации нет системы контроля качества. Отсутствие такого важного элемента как контроль создает проблемную ситуацию в управленческой системе. Так, например, согласно системному подходу

Г. Спенсера, организация рассматривается как система взаимосвязанных элементов. Недоработка такого элемента системы, как контроль, может привести к изменению таких частей-функций как: планирование, организация, координация, а также привести к качественному изменению всей управленческой системы.

Координаторам социально значимых проектов задавался вопрос об осуществлении мониторинга деятельности организации. В результате частотного анализа, мы получили следующие данные: 30% респондентов проводят внутренние опросы сотрудников, добровольцев организации; 25% опрошенных осуществляют регулярные опросы клиентов и потребителей услуг организации; 16% руководителей анализируют публикации об НКО, представленные в СМИ; 43% респондентов не проводят мониторинг.

Несмотря на то, что все некоммерческие организации не одинаковы по своей направленности деятельности, у них есть общие системные черты. Отсутствие в организации системы контроля качества предоставляемых услуг создает ситуацию, при которой виды получаемых клиентами услуг, возможно, перестанут соответствовать их реальным потребностям. Данные упущения в построении базовых принципах управления напрямую влияет на эффективность социально-значимых проектов некоммерческих организаций.

Итак, внедрение различных методов по контролю качества, проведение мониторинга деятельности организации, построение направлений и сценариев развития управленческой деятельности, будет способствовать эффективности деятельности некоммерческой организации и оптимизации управленческой системы в целом. Формулирование научно-обоснованных рекомендаций и проведение исследований на данную тему, позволит раскрыть причины несоответствия критериям эффективности, внесет полезный вклад по совершенствованию управленческого процесса и оценки эффективности социально значимых проектов.

молодежи

Грошева Л.И.

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Россия, Тюмень

В настоящее время в российской социальной практике актуализировалась потребность в новых социальных технологиях адаптации молодых людей с делинквентным прошлым. Проблема может быть решена путем вовлечением делинквентной молодежи в бизнес-деятельность и заключена в несколько этапов, имеющих в качестве результата бизнес-субъект, либо бизнес-единицу.

На первом этапе происходит обучение молодого человека определенной профессии, связанной с его наклонностями, либо перспективными направлениями в регионе. Результатами первого этапа программы являются:

- приобретение основных навыков работы;
- формирование понимания и знания о технологии той или иной деятельности;
- наличие опыта работы по конкретной профессии.

На следующем этапе выявляются молодые люди, способные к генерации и первоначальному воплощению идей. В рамках программы дается возможность использовать свои приемы, либо идеи в профессиональной деятельности. У молодого человека появляется возможность стать интрапренером. На текущем этапе человека ориентируют на активную творческую и преобразовательную жизненную позицию. Результатами второго этапа являются:

- определение первоначального уровня ответственности – адаптация к ней молодого человека;
- развитие творческого начала и преобразование делинквентной активности в предпринимательскую;
- формирование понимания способа внедрения и актуализации идей.

Первоначальная коммуникация постепенно может быть переведена в официальное русло, а идейная составляющая, в особенности, если компания состоит из нескольких человек, с помощью патронатных наставников преобразуется в фирменную концепцию. Таким образом, формируется интра-компания,

представляющая подразделение исправительного учреждения, полностью зависимое от его ресурсов, но имеющее название, определенный круг ответственности (качество продукции) и осуществляющее коммуникацию с участием посредника (исправительное учреждение). Если интра-компания не становится по какой-либо причине успешной, то освобождающийся молодой человек получает сертификат об активном участии в бизнес-деятельности наряду с документами об образовании. И таким образом, он становится более конкурентным на рынке труда.

Результатами третьего этапа программы являются:

- формирование понимания движения финансов;
- увеличение уровня ответственности и автономии;
- получение прото-прибыли, как вознаграждения за труд вместо заработной платы на предыдущем этапе;
- формирование базовых деловых связей с гарантом бизнеса (исправительным учреждением) и контрагентами;
- формирование сетей сбыта продукции.

Завершающим этапом программы становится образование отдельного юридического лица. На этом этапе возможно два варианта его образования. Первый вариант – создание предприятия, подконтрольного исправительному учреждению, либо административным органам. Данное предприятие, обладая статусом юридического лица, имеет лишь ограниченную свободу в принятии решений и распределении прибыли. Данная мера актуальна ввиду особенностей осужденных, либо недостаточно окрепшей системы функционирования, либо требующей дополнительной гарантии в отношении сбыта продукции.

Результатом предлагаемых мер по совершенствованию адаптации делинквентных молодых людей предполагается улучшение действующей системы, и внедрении комплекса во всех регионах страны.

Программа по вовлечению делинквентной молодежи в бизнес-активное поле имеет значительный ряд положительных сторон:

- формируется новый тип мышления;

- снижается потребность к рецидиву;
- расширяется кругозор и способ актуализации своих способностей;
- возрастают возможности в отношении успешного трудоустройства;
- создаются рабочие места для освобождаемых молодых людей, как для самих предпринимателей, так и для потенциальных наемных работников;
- формируются бизнес-единицы для налоговой базы отчислений;
- создается сектор производственного, сервисного характера.

Оказание помощи освобождаемым молодым людьми в большей степени актуально для социальной профилактики и реабилитации лиц, утративших социально полезные связи с обществом. Законодательство акцентирует внимание на оказании подобной помощи администрацией исправительных учреждений в момент освобождения лица и на его начальном этапе пребывания на свободе. Однако часто первоначальная помощь не имеет характера будущности и становится неэффективной. Так как выплата пособий является лишь временным способом поддержать молодого человека с его максималистскими потребностями, в то время как бизнес-активность – реальная возможность для них проявить энергию и изобретательность в законной и прибыльной деятельности. От успешной адаптации делинквентных молодых людей зависит стабильность и спокойствие социума, от внедрения новых бизнес-активных молодых людей в экономику – его процветание и стабильное развитие концепций производства и само обеспечения.

Новые социальные характеристики пользователей интернет-сообществ

Гугуева Д.А.

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

Пользователи интернета, выступая каждый сам за себя, формируют виртуальные социальные сообщества, которые могут рассматриваться как «новая

устойчивая форма существования социальных отношений»²². Эти виртуальные социальные сообщества являются организованными социумами.

А.В. Манойло, в своей работе «Объекты и субъекты информационного противоборства» выделяет несколько черт, которые отличают виртуальные социальные сообщества от других сетевых социумов, мы рассмотрим некоторые из них:

- виртуальные социальные сообщества присоединяют к своей структуре и конкурентной борьбе иные, не принадлежащие им материальные и интеллектуальные ресурсы, перенимая структурные элементы других социальных систем;
- в виртуальные социальные сообщества заложены принципы объединения пространственно размытых и разделенных материальных и интеллектуальных ресурсов для достижения собственных целей, благодаря этому они обладают способностью проникать в любые социальные структуры, а в случае их вовлечения в информационный конфликт или войну, такие сообщества способны нанести своему противнику удар изнутри, проникнув в его тылы;
- виртуальное социальное сообщество может быть создано на территории выбранного организатором такого сообщества государства (или группы государств). Причем создается оно из элементов социальной структуры этих государств и других субъектов информационно-психологической деятельности. В случае достижения поставленной цели деятельность в качестве самостоятельного субъекта международной деятельности. В таком случае его структурные элементы возвращаются на свое прежнее место в те социальные системы, из которых они были изъяты. То есть, при необходимости виртуальное социальное сообщество может исчезнуть, раствориться в пространстве социальных структур информационного общества²³.

²² Пенн М. Дж., Залесн К.Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / Пер. с англ. А. Савинова. М.: «АСТ», 2009. С. 125.

²³ Мансуров В.А., Юрченко О.В. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 183–190.

Данный пример демонстрирует использование интернет-пространства, не только в мирных целях, но и для ведения информационных войн между странами, либо между корпорациями внутри страны.

Далее необходимо процитировать американского социолога Дженифера Дж. Приса, на которого в своей монографии ссылается С.В. Бондаренко. Он считает, что онлайн-сообщества включают: «а) *людей* (которые осуществляют социальные взаимодействия с целью удовлетворения потребностей или выполнения специальных ролей, к примеру, роли лидера и т.д.); б) *общие цели* (которые заключаются в удовлетворении общих потребностей, интересов, осуществления информационного обмена или обслуживания, и именно общность целей лежит в основе формирования сообщества); в) *нормы* (включающие ритуалы, правила взаимодействия, руководящие принципы поведения); г) *компьютерные системы* (обеспечивающие поддержку социальных взаимодействий и создающие ощущение близости)»²⁴.

Интернет, как и любое социальное явление, имеет свои положительные и отрицательные моменты, но сегодня, на основе всего вышесказанного, мы можем с полной уверенностью утверждать, что виртуальный мир становится для большей части населения, если и не основным местом пребывания, то действительно ощутимой частью жизни.

Киберпространство населяют реальные пользователи – отдельные личности, но они могут позиционировать себя в нем по-разному, интернет-пространство, позволяет рушить все рамки, которые создает общество, и которые создает себе человек сам, именно в интернете, мы можем высказать все то, что никогда бы не рискнули высказать в реальности, человек в интернете может сам выбрать себе роль и статус – это та возможность изменить свою жизнь, которая доступна только в интернете, конечно, это будет виртуальная жизнь, и се-

²⁴ Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. С. 200.

годня мы сталкиваемся с теми людьми, которые практически полностью оторваны от реальности и живут в виртуальном мире.

В заключение необходимо отметить, что интернет позволяет человеку решить некоторые психологические проблемы, облегчая общение и делая человека более раскрепощенным и свободным в своих суждениях. Но интернет имеет и обратный психологический эффект, который мы сможем наблюдать в недалеком будущем, а именно – современные дети, которые большую часть своего свободного времени тратят на переписку с друзьями по интернету, могут в дальнейшем испытывать трудности при общении в реальной жизни, так как при реальном общении в игру вступают невербальные символы, которые также очень важны и несут определенную смысловую нагрузку. Дети же, привыкнув к письменному общению, не смогут распознавать эмоции человека, в связи с чем столкнутся с непониманием со стороны окружающих.

Культура недоверия: к вопросу о возникновении

Гужавина Т.А.

Институт социально-экономического развития территорий РАН, Россия,

Вологда

Одна из реалий политической жизни современного российского общества состоит в падении уровня доверия к действующим структурам власти любого уровня, начиная с президента и кончая главой сельского поселения. При этом личность политика может либо усугублять ситуацию, либо на какое-то время стабилизировать ее. Падение доверия к абстрактным системам, к числу которых относятся государственные институты, является предметом изучения достаточно давно.

Проблеме доверия посвящено значительное количество исследований и публикаций аналитического плана. Роль доверия чрезвычайно высока, поскольку именно доверие, выступая как совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, в отношении норм и правил, состав-

ляющих фундаментальное содержание жизни, обеспечивает устойчивость и интегрированность общества. Надо отметить, что проблема взаимного доверия, будь то доверие межличностное или институциональное, доверие человека к человеку, доверие между государством и гражданским обществом, доверие граждан к государству или к институтам гражданского общества – это одна из ведущих и значимых проблем современности. Современные исследователи рассматривают различные аспекты данного феномена. Здесь и анализ причин, характеристика типов, уровней, форм, функций, профиля доверия, выявление особенности культуры, порождающей доверие.

На формирование доверия влияет целый комплекс факторов. К их числу можно отнести рост взаимозависимости между собой различных регионов и сообществ, что вызывает необходимость сотрудничества, но и увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности. Современная жизнь наполняется все новыми и более масштабными угрозами и рисками человеческой деятельности, в результате чего расширяются условия для катастрофических ошибок. В современном мире существуют многообразные возможности во всех проявлениях жизни. В итоге, наши решения и действия наших партнеров становятся мало предсказуемыми. В мире появляется все больше закрытых зон, наблюдается рост анонимность тех лиц, от чьих действий зависит наше благосостояние и существование; увеличивается число «чужаков», непривычных людей в нашем окружении. Эти же факторы порождают и «обратную сторону медали» - недоверие, которое остается на данный момент еще слабоизученной проблемой.

Одним из первых феноменов недоверия отметил П. Штомпка. Он рассматривает доверие и недоверие как некий «залог», как уверенность в том, что будущие действия партнеров по взаимодействию могут быть нам или полезны, или вредны. При этом как доверие, так и недоверие он связывает с активными действиями. Доверие и недоверие значимы тем, что позволяют преодолеть ситуацию неопределенности будущего, ситуацию в которой мы не уверены. Опыт социального доверия или недоверия, имеет противоположные последствия и значение. В случае если объект доверия не оправдывает его, то это ведет к де-

структивным последствиям, порождает негативные обобщения и недоверие, более того, может способствовать расширению поля объектов недоверия. При неоправданности недоверия возникает позитивный опыт, который обычно приводит к обобщениям иного характера и возникновению доверия, вере в разумность и справедливость общественного уклада. Однако противоположный опыт не является симметричным. Быстрее возникает недоверие

Социальное недоверие имеет широкую сферу распространения: политика, экономика, право, идеология и т.д. В качестве же объектов недоверия могут выступать как индивиды, так и целые социальные группы, а так же институты.

Влияние на формирование недоверия оказывают определенные культурные факторы, которые позволяют говорить о культуре недоверия. К числу причин, которые способствуют ее формированию, можно отнести нормативный хаос (аномия), радикальные трансформации, секретность осуществляемых проектов, ощущение неизведанности, а так же произвол и безответственность, как госструктур, так и чиновников. К числу факторов препятствующих формированию культуры данного типа мы отнесем нормативную согласованность, стабильность социального порядка, прозрачность социальной организации, чувство понятности и предсказуемости окружающего мира, открытость и подотчетность как институтов, так и других людей.

Подводя итоги отметим, что первичный анализ уровня политического недоверия дает представление об имеющихся резервах в нашем обществе как для укрепления самого общества, так и государства в целом. Преодоление недоверия, разработка и осуществление целенаправленной деятельности со стороны субъектов политики будет способствовать укреплению сферы гражданского общества, укреплению его взаимодействия с государством, формированию практик, позволяющих выстраивать отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Выбор учреждения высшего профессионального образования как элемент построения обучающимися индивидуальной образовательной стратегии

Гуринович Л.А.

Институт социальных наук ФГБОУ

«Иркутский государственный университет», Россия, Иркутск

Необходимость изучения построения индивидуальных образовательных стратегий молодежи в настоящее время определяется как на институциональном, так и на индивидуальном уровне. Как показывают наши исследования, опыт работы образовательного учреждения по привлечению внимания со стороны обучающихся, находящихся на стадии выбора места для дальнейшего обучения, обуславливает проведение анализа образовательных траекторий не только будущих выпускников, но и степень влияния родителей на выбор таковых.

Образовательная траектория молодежи строится под влиянием таких факторов, как сложившееся общественное мнение, мнение родителей, выбор друзей и одноклассников, а также представителей референтных групп, включенности образования как ценности в культурный капитал индивида. Также немаловажную роль играет информационное поле, в котором могут встретиться молодые люди и вузовская общественность.

Модернизация системы высшего профессионального образования привела к дифференциации аудитории выпускников по выбору образовательного учреждения. Как свидетельствуют данные государственного доклада «Молодежь Иркутской области», большинство выпускников намерены продолжать получение образования, нацеливаясь при этом на образовательные учреждения высшего профессионального образования. Поступление в региональные вузы по-прежнему остается в приоритете. В дальнейшем на выбор влияют такие факторы, как имидж вуза, стабильность его развития, наличие бюджетных мест и возможность уменьшения рисков при попадании в рейтинг. Для выяснения планов по выбору образовательного учреждения и получения профессии гуманитарной направленности нами проводится мониторинг воздействия отдельных факторов на выбор образовательного учреждения высшего профессионального образования.

Результаты опроса продемонстрировали, что абитуриенты активно пользуются предоставленной возможностью подачи документов в несколько вузов, не ранжируя при этом учебные заведения: каждый четвертый (27%) из опрошенных абитуриентов подавал документы в Байкальский государственный университет экономики и права, каждый шестой (14%) – в Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет. Также документы подавали и на те специальности факультетов университета, где принимались сходные результаты ЕГЭ, в частности, исторический факультет (4%), факультет филологии и журналистики (5%), Юридический институт (11%).

Согласно полученным данным период принятия решения укладывается в интервал один–два года, и эта тенденция является положительной, в то время, как стратегическое планирование теряет свою значимость. Наибольшее количество респондентов (каждый четвертый в 2010 году и каждый второй в 2012 году) принимают решение о выборе направления и вида образования в течение одного года.

Ранжирование факторов, влияющих на выбор образовательного учреждения, привело к следующим выводам: верхнюю строчку рейтинга занимает «классическое образование». Не менее важным является значение положительного имиджа вуза, о чем говорят результаты опросов как абитуриентов, так и их родителям. Не менее важным при выборе учебного заведения для будущих студентов являются такие факторы, как «наличие бюджетных мест» (25%) и «удобное расположение корпуса» (28%). Таким образом, подтверждается прагматичность молодого поколения, стремящегося к достижению успеха путем проецирования основных ценностей.

Весьма интересным на этом фоне выглядит мнение родителей. Результаты исследования демонстрируют, что для родителей абитуриентов, являющихся одним из основных заказчиков образовательных услуг, важным являются такие факторы, как «наличие бюджетных мест», «наличие мест в общежитии», а также информация, которую получают от сотрудников вуза при реальном либо виртуальном общении.

Таким образом, можно сделать вывод, что при построении образовательных стратегий ожидания абитуриентов, подающих документы с намерением стать студентами вуза, совпадают с мнением родителей только в отношении фундаментальных ценностей образования и отношения к вузу. Мнение о том, что новое поколение молодежи является инфантильным, обучается в том учебном заведении, которое им выбирают родители и оплачивают контракт на получение образовательных услуг, не получает подтверждения.

Инновационная деятельность преподавателей федерального университета: состояние, барьеры, перспективы

Данилов Д. Л.

Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург

Многообразие и полидисциплинарность преподавательской деятельности, особенно в условиях реформирования образования, ставят профессорско-преподавательский состав (далее ППС) в жесткие рамки. Основной гранью этих «рамок» выступает требование: участие в инновационной деятельности.

Таким образом, основной проблемой для вузов сегодня выступает следующая: вузы постепенно «выходят» на уровень инновационного развития, но основные субъекты данных учреждений (в данном случае преподаватели) не в полной мере готовы участвовать в инновационной деятельности.

Во многом, это происходит потому, что преподаватель в своей непосредственной деятельности – скорее индивидуальный творец. В связи с этим ставится вопрос о целесообразности внедрения научно-исследовательских коллективов в деятельность ППС как особых групп, призванных адаптировать сотрудников вуза к новым инновационным требованиям и запросам, повысить готовность (внутреннюю) ППС к осуществлению инновационной деятельности, а также своевременно мобилизовать их индивидуальные потенциалы в русло повышения общего вузовского потенциала.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет социологический подход, потому как ключевыми в работе являются категории: группа,

деятельность, структура потенциала, структура деятельности, что, безусловно, представляет интерес для социологической науки.

Эмпирическую базу научно-исследовательской работы составляет исследование, проведенное автором в ноябре-декабре 2012 г. методом анкетного опроса среди преподавателей Уральского федерального университета (далее УрФУ). Объем выборки: N=125 человек. При обработке эмпирических данных использовался пакет статистических программ SPSS 18.0.

В работе приводятся данные касающиеся методики данного исследования, представлены стандартизированные линейная и путевая исследовательские модели, позволяющие использовать проработанную автором методологию для разработки эмпирического инструментария. Проведен анализ мнений и оценок преподавателей УрФУ об инновационном потенциале вуза.

По результатам проведенного эмпирического исследования было выявлено, что главными мотивами преподавания являются мотивы, связанные с содержанием труда (передача знаний) и с условиями труда (ресурсы). Что касается инновационной деятельности как приоритетной в «преподавательском мнении», то она призвана повысить и максимально эффективно реализовать инновационный потенциал ее исполнителей (преподавателей), который может быть представлен структурно через базовую составляющую – «готовность преподавателей» и надстроенных четырех групп кластеров: профессиональных, коммуникативных, личностных и ценностной ориентации.

Выходом для «вхождения» вуза в разряд инновационно-ориентированных вузов, отвечающих требованиям инновационных вызовов, особенно в период реформирования, является внедрения научно-исследовательских групп, включающих в свой состав как преподавателей кафедр, так и сотрудников компаний, заинтересованных в университетских исследованиях.

Одним из основных факторов, препятствующих полноценному развитию инновационного потенциала вуза, является недостаточный уровень информированности преподавателей на предмет инновационных разработок и

возможностей участия в разных форматах инновационной деятельности.

По мнению 80% опрошенных преподавателей УрФУ, «научно-исследовательские группы/проектные группы» являются наиболее эффективными при реализации инновационной деятельности. При этом, если мы имеем в виду «создание инноваций совместно с инновационными фирмами» – только 6% опрошенных преподавателей имеют данный опыт.

Преподаватели вуза, будучи сотрудниками конкретных его подразделений (кафедр), оценивают инновационную ориентированность только исходя из субъективной оценки инновационного потенциала подразделения (ресурсов подразделения, в том числе преподавательских ресурсов).

Наиболее распространенными видами инновационной деятельности в УрФУ являются: разработка учебно-методических комплексов, публикации, фундаментальные и прикладные исследования.

Низкие показатели вовлеченности преподавателей в принципиально разные формы и форматы инновационной деятельности обусловлены барьерами: «большая учебная нагрузка» и «отсутствие материальной компенсации за инновационную деятельность», причем касательно последнего: данный барьер является преодолемым для старшего поколения преподавателей, расценивающих участие в этой деятельности как «выполнение профессионального долга», и скорее непреодолимым для молодых преподавателей, заинтересованных, в первую очередь, в материальной стороне вопроса.

Таким образом, можно констатировать, что потенциал совместной (групповой) деятельности в вузе используется недостаточно эффективно, хотя она способна разрешить противоречие между общественной потребностью в эффективном управлении и низкой мотивацией персонала использовать возможности коллективного творчества.

Влияние молодежных общественных организаций на развитие социальной активности молодежи Камчатского края

Денисова Т.С.

*Дальневосточный государственный медицинский университет, Россия,
Хабаровск*

Участие в деятельности молодежного объединения связано с проявлением социальной активности личности, механизмом осуществления ее потребностей и интересов и, в то же время, служит источником изменения ценностных ориентаций, формирует определенные стереотипы сознания и поведения. В этом смысле объединение выступает в роли посредника между личностью и обществом: с одной стороны, оно воздействует на социальную реальность в соответствии с интересами молодого человека, с другой – влияет на его социализацию.

Рост количества молодежных объединений, их разнообразие по целям и направлениям деятельности являются признаками конструктивного развития общества, проявлениями социальной самоорганизации молодого поколения.

В целях изучения социальной активности молодежи Камчатского края, а так же влияния молодежных общественных организаций на развитие социальной активности молодежи, автором было проведено социологическое исследование на тему: «Социальная активность учащейся молодежи Камчатского края»²⁵.

Как показывает исследование, молодежь возлагает определенные надежды на общественные молодежные организации и при этом уровень доверия молодежи к ним достаточно высок в сравнении с другими социальными институтами. Именно поэтому молодежь края испытывает достаточно высокую потребность в создании и функционировании различных по своей направленности молодежных общественных организаций.

Информированность молодежи о существовании и функционировании общественных молодежных организаций является важным индикатором деятельности как государственных органов по делам молодежи, так и самих моло-

²⁵ НИР «Социальная активность учащейся молодежи Камчатского края», Денисова Т.С., Агентство по молодежной политике Камчатского края, 2011 г. n=650 (учащиеся СОШ, СУЗ, ВУЗ)

дежных организаций. Необходимо отметить, что молодежь края в большинстве знакома с существованием и деятельностью наиболее крупных молодежных общественных организаций.

В ходе исследования были выявлены двойственные оценки молодежи в отношении источников информации о деятельности молодежных общественных организаций края: с одной стороны, молодежь интересуется деятельностью молодежных организаций (СМИ, друзья, интернет), а с другой – всего 9,7% видят результаты их деятельности.

Среди основных мотивов участия в деятельности молодежных общественных объединений подавляющее большинство респондентов отметили: возможность получить дополнительные навыки, стремление завести новые знакомства, желание помогать другим, возможность интересно проводить свободное время. Можно судить о том, что молодежь рассматривает участие в молодежных общественных организациях не только как досуговую деятельность, но и как общественно-социальную составляющую.

Выявлены позитивно декларируемые установки молодежи на желание и готовность участвовать в общественно-полезной деятельности.

Следует отметить, что у молодежи края есть интерес и потребность к деятельности в общественных молодежных объединениях. Молодежь возлагает на них большие надежды и при определенных условиях участвовали бы в общественной деятельности организаций, однако молодые люди слабо владеют информацией о молодежных общественных объединениях, зачастую не видят результатов их деятельности, не могут оценить степень возможного участия в них. При этом подавляющее большинство респондентов имело опыт участия в общественно-полезной деятельности.

Как правило, участие молодежи в общественно-полезной деятельности обусловлено необходимостью: просьбой со стороны учителя (преподавателя), друзей, одноклассников (однотруппников), положения учебного заведения об участии в той или иной акции. Именно поэтому участие молодых людей в общественной деятельности имеют эпизодический характер.

Развитие социальной активности и включенности молодежи в деятельность общественных организаций обусловлена личными интересами и потребностями молодых людей. В соответствии с ними они определяют то или иное направление деятельности общественных организаций, в котором желали бы принимать участие.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общественные молодежные организации играют определенную роль в жизни молодежи. Однако невысокий уровень информированности молодежи о деятельности общественных организаций, слабое ощущение на себе влияния государственной молодежной политики и другие факторы обуславливают низкий уровень участия молодежи в деятельности общественных молодежных организаций. Поэтому важно проанализировать особенности функционирования самих общественных молодежных организаций, а также систему взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций, учебных заведений и других социальных институтов, занимающихся проблемами молодежи в Камчатском крае.

Государственная политика в сфере образования как механизм воздействия на социальную структуру современного общества

Деханова Н.Г.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Основной вектор развития государства лежит в плоскости развития его социальных функций. И если правовые, экономические, властные функции государства стабилизируются и практически не изменяются, то социальные функции развиваются по нарастающей, более того, становятся доминирующими. В условиях перехода ряда стран, включая Россию, к постиндустриальному этапу развития, государство приходит к иному пониманию необходимости вложений в человеческий капитал. Вертикальную циркуляцию в обществе обеспечивают различные социальные институты. В данной связи, трудно переоценить роль

образования в воспроизводстве социальной структуры общества.

Система высшего образования, как известно, может закреплять социальное неравенство, не являясь своеобразным социальным лифтом для социальных групп для продвижения по социальной лестнице (например, создавая препятствия представителям низкостатусных социальных групп для поступления в вузы вообще или в элитные вузы в частности, и содействовать, таким образом, усилению социального напряжения в обществе). И наоборот, эта система может служить каналом восходящей социальной мобильности.

Между тем, как известно, получение высшего образования всем гражданам в России государством не гарантируется. Современное состояние высшего образования в РФ характеризуется противоречиями между его доступностью и качеством: серьезной проблемой для современной России является доступ именно к качественному высшему образованию. Данная проблема обрела особую актуальность в последние годы в связи со значительным ростом числа высших учебных заведений и числа студентов, прежде всего, за счет развития рынка платных образовательных услуг. Влияние этих процессов на доступность высшего образования не столь однозначно для разных социальных групп.

Общеизвестно, что к социально уязвимым группам населения, требующим поддержки государства для решения задач доступности высшего образования, в мировой практике относят инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц с низкими доходами. Однако современная Россия имеет здесь свою специфику. Как показывают данные статистики и социологические исследования дифференциация возможностей поступления в вузы и успешного обучения в них для жителей сел, малых городов и областных центров, жителей депрессивных регионов и регионов благополучных в экономическом отношении является не менее выраженной, чем для лиц с разным уровнем доходов или физических возможностей. Данная проблема становится особенно острой в условиях расширения платности образовательных услуг, происходящего на фоне низкого уровня жизни большинства населения страны.

Между тем, если понимать образование как общественное благо, то роль

государства как гаранта обеспечения права на образование несомненна.

Таким образом, в целях обеспечения доступности качественного высшего образования государство должно минимизировать влияние социально-экономической дифференциации на вхождение в систему высшего образования и на сам процесс обучения. Система образования должна не воспроизводить социальное неравенство и усиление социальных диспропорций, а, наоборот, сглаживать их, служить «социальным лифтом» для вхождения большинства населения в средний класс. В этих условиях особую значимость приобретает механизм государственного регулирования в данной сфере.

Россия в современном глобальном мире.

Вызовы и их решение²⁶

Дзуцев Х.В.

Северо-Осетинский центр социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, Россия, Владикавказ

Украинский кризис обнажил целый ряд современных проблем России, главными из которых являются:

– региональная разобщенность. Регионы РФ связаны, как правило, с федеральным центром, но не между собой. Эта связь иерархическая и носит прежде всего экономический характер. В культурологическом отношении она малоразвита. Регионы отстаивают перед центром свои финансовые интересы, которые в условиях дотационности подавляющего большинства из них и высокого уровня развития коррупционной составляющей этих отношений являются главным фактором взаимодействия. Перед большинством регионов стоит задача выживания, которая отодвигает на второй план общенациональные интересы госу-

²⁶ Данная аналитическая записка написана по материалам экспертного опроса, проведенного в июле 2014 г. В качестве экспертов выступили социологи, экономисты, государственные чиновники, члены парламента, ученые, преподаватели школ, юристы, журналисты. Объем выборки 15 человек

дарства. Сегодня «национальное» в России означает «чеченское», «русское», «татарское», «уральское» «дагестанское», «московское», «питерское» и т.п., но никак не «российское». Оснований для размежевания между регионами намного больше, чем для их единения. Федеральные округа, основная идея которых укрепление вертикали власти, территориальное разделение не по национальному принципу, на деле способствуют только росту чиновничьего аппарата.

Развивающиеся тенденции отдаления народов России друг от друга формируют сначала безразлично-индивидуалистическое сознание, а затем стремление реализации интересов каждой их разрозненных групп порождает противоречия, противостояние, противоборство.

Игнорирование подобных противоречий в условиях их расшатывания внешними силами привело Украину, Египет, Сирию, Ирак к гражданской войне;

– недостаточно высокий авторитет России в международных политических отношениях, ограничивающий реализацию ее интересов даже в ближайшем геополитическом окружении. Она допустила непосредственно у своих границ развертывание открытого вооруженного конфликта, участниками которого выступают иностранные (неукраинские) солдаты;

– низкая политическая активность РФ в международных отношениях, формировании традиционно российских зон влияния в условиях благоприятной экономической и политической конъюнктуры. Она опоздала, упустила момент, во-первых, подготовки, во-вторых – формирования и развертывания украинского кризиса, в-третьих – момент его локализации и ликвидации его источников.

Решением обозначенных проблем должна стать политика усиления политической, следовательно, экономической мощи Российской Федерации. Нам видится несколько следующих основных направлений этой политики.

Во-первых, количественный и качественный рост численности населения. Для нормального демографического покрытия имеющейся территории России численность ее населения должна составлять около 400 млн человек. Только в этом случае могут быть созданы условия территориальной неприкосновенности

РФ с ее природными ресурсами. Расширение численности населения земного шара идет темпами, существенно превышающими темпы роста населения РФ. В определенный момент потребности в ресурсах народонаселения самых сильных и перенаселенных стран мира вызовут неизбежность передела ее территории.

Кроме того, 400 млн человек – это не только производители, но и потребители, что более важно в условиях рыночной экономики.

Обеспечить естественный прирост населения РФ в необходимых масштабах в короткий срок не представляется возможным. Поэтому остается только вариант качественной миграции – привлечение в страну трудовых ресурсов требуемой квалификации и интеллектуального потенциала. При этом мигранты культурно должны обрести качество «россиянина» – гражданина и патриота.

Нужна миграция из европейской в сибирскую часть страны. Европейская часть перенаселена: до Урала – 70% населения, а от Урала и до Дальнего Востока – 30%. Однако условия жизни в Сибири должны быть настолько привлекательными, чтобы человек добровольно переехал в незнакомое место и обосновался на нем.

Качество населения страны в информационно-технологическом мире во многом определяется уровнем его интеллекта, фактором формирования которого является, прежде всего, система образования (от общего до профессионального). Результаты единых государственных экзаменов 2014 года позволили раскрыть глубину падения уровня образования за 20 реформенных лет. Финансирование дошкольных образовательных учреждений, школ, вузов на уровне «выживания» педагогов привело к неизбежному результату. Снижение планки минимально необходимых для получения аттестата зрелости баллов по математике до 20 из 100 возможных продемонстрировало неспособность соответствующих правительственных структур (в частности, министерств образования и науки, экономического развития) и законодательных органов (Государственной думы, парламентов регионов и др.) выполнять свои функции. Реформа образования привела страну к стратегическому краху, ослаблению государства на

несколько десятилетий. В сложившихся условиях необходимо дать объективную оценку экономическим, культурологическим и политическим потерям от деятельности Министерства образования и науки РФ и его региональных структур.

В правительственных и законодательных органах нужны реальные реформаторы, типа П. Столыпина, А. Косыгина и др. Кроме того, в правительство надо вводить лучших представителей периферии, что позволит усилить доверие к правительству и чувство защищенности народов России.

Во-вторых, политика неоиндустриализации страны, основными целями которой должно стать:

- плановое и прогнозируемое развитие экономики страны;
- экономико-территориальное единение страны за счет рационального разделения труда по ее регионам. Экономические связи – самые сильные из всех существующих, следовательно, экономическая интеграция обеспечит целостность страны наилучшим образом. Требуемое распределение производственных мощностей по регионам может осуществляться как за счет целенаправленного усиления прямых государственных инвестиций, так и через инструменты налогового и кредитного регулирования;
- создание в регионах новейших конкурентоспособных производств, способных решить проблемы дефицита большей части региональных и местных бюджетов, безработицы и бедности населения со всеми вытекающими отсюда проявлениями социально-отклоняющегося поведения;
- индустриализация сельского хозяйства, укрупнение сельскохозяйственных производств, например, в форме аграрно-промышленных комплексов, и оптимизация численности сельского населения на уровне 7–10% от общей численности населения страны. Мелким фермерским хозяйствам в той форме, в которой они существуют в России, не обеспечить продовольственную безопасность даже собственного населения, не говоря об экспорте сельскохозяйственной продукции. Им не доступны техника, достижения современной агрохимии и агротехнологий. Высокие риски сельскохозяйственного производства обу-

славливают высокие цены, следовательно, недоступность кредитных ресурсов. В свое время укрупнение сельских хозяйств в форме колхозов и совхозов было продиктовано именно последними ограничениями сельскохозяйственного производства.

Предлагаемые меры в экономике создадут условия для качественной иммиграции населения и притока инвестиций не только из республик бывшего СССР, но и из дальнего зарубежья.

Основным источником ресурсов для индустриализации должна стать природная рента. Сегодня природная рента присваивается довольно узким кругом людей, а должна существовать справедливая система распределения национального богатства между членами общества. Использование природной ренты в воспроизводственных процессах позволит избежать инфляции. Прямое увеличение заработных плат, социальных выплат ведет лишь к пропорциональному удорожанию товаров и услуг, т.е. инфляции. Инвестиции в производственную сферу позволят увеличить доходы работников, пенсионеров, студентов и др. без раскручивания инфляционной спирали.

В-третьих, приоритет политических интересов России в международных отношениях и усиление деятельности соответствующих государственных структур по реализации этих интересов. В обществе после событий 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии, присоединения в 2014 г. Крыма есть обоснованное ожидание усиления позиций России в мировой политике. Социум готов Вас поддержать, о чем свидетельствует Ваш рейтинг в мае 2014 г. на уровне 85,9%. Однако чувствуются пробелы в работе государственных структур, обеспечивающих реализацию внешней политики России. В общественном мнении безукоризненными являются только фигуры С. Лаврова, Чуркина и С. Шойгу. Деятельность остальных оценивается негативно.

Нормативно-ценностные основания развития экономических процессов как объект социологического анализа

Динисламова С.Р.

Одним из значимых направлений в развитии социологии является разработка подходов к оценке влияния культуры на экономическое поведение. Еще М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» обосновывает влияние ценностей культуры на становление и развитие экономических (капиталистических) отношений. В настоящее время сформировалось несколько подходов к пониманию сути экономической культуры:

– согласно концепции культуры как *социальной памяти* общества экономическая культура представляет совокупность социальных норм и ценностей, выступающих регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития. На наш взгляд, данный подход содержит противоречие между пониманием культуры как социальной памяти (целостного результата) и как регулятора поведения (механизма социального действия);

– согласно концепции культуры как *способа деятельности* экономическая культура – это способ взаимодействия экономического сознания и экономического мышления, регулирует участие индивидов и социальных групп в экономической деятельности и степень их самореализации в различных типах экономического поведения. При этом экономическое сознание отражает сложившиеся экономические отношения и законы развития, а экономическое мышление – степень и характер включения в экономическую деятельность.

Исходя из методологических оснований деятельностного подхода, отметим, что в настоящее время условно можно выделить японскую, американскую и европейскую модели развития экономических процессов. Особое место в функционировании этих систем/моделей занимает культура, ценности и традиции этих стран. Японская экономическая система является ярким примером использования культурных традиций, этики поведения в организации бизнеса. Японцы славятся сдержанностью и скрупулезностью, а особое значение играет высокая контекстуальность, методы управления, что отражается и в экономическом поведении страны. Именно эти качества позволили выстроить прочную

экономическую базу и превратили Японию в одну из развитых стран мира.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то они являются противоположностью Японии, но это не говорит об отсутствии влияния культуры на экономическое поведение. Низкая контекстуальность, открытость – это часть традиций и ценностей, присущих данному обществу. С момента открытия Америки представители разных народов целыми семьями переезжали в Новый Свет, люди были открыты для новых взаимоотношений, что послужило основанием культурных традиций, нашедших отражение как в экономике страны, так и в других сферах жизнедеятельности.

Европейская модель отличается от американской в незначительной степени. Это обусловлено как общими корнями англосаксонской культуры, так и постоянными взаимодействиями. Поэтому можно сказать, что Европа и США – это близкие культуры, и их отношения не затруднены недопониманием (неправильной интерпретации поведения партнера). Одним из главных отличий европейской от американской системы является самостоятельность, которая свидетельствует о долгой истории формирования европейских государств.

Нормативно-ценностные основания и стандарты этих стран в условиях глобализации диктуют современному миру тактику развития экономического поведения (концепция модернизации). Влияние данных экономических систем неоднозначно. Наряду с позитивными последствиями (ускорение темпов экономического развития, рост производительности труда, рационализация поведения) очевиден и ряд проблем, таких как модернизация без развития (поверхностное освоение хозяйственных и культурных образцов), эффект «вымывания», усугубляющий социальное неравенство, а также проблемы зависимости в результате развития международного капиталистического хозяйства.

Новые направления в марксизме: аналитический марксизм

Добринская Д.Е.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Современные теории в рамках марксистской традиции весьма разнообразны и представляют собой самостоятельные направления исследования, которые зачастую противоречат основным положениям традиционного марксизма. Тот факт, что классическая марксистская теория находится в настоящее время в состоянии глубокого интеллектуального кризиса не вызывает сомнений. Исторический материализм, трудовая теория стоимости, теория классов и классовой борьбы, – эти и другие элементы теории Маркса, порождают немало вопросов относительно методологии анализа и интерпретации базовых категорий в условиях развития современных обществ. В стремлении получить адекватные ответы на эти вопросы оформляются различные неомарксистские теории.

Аналитический марксизм, как одно из таких направлений, возникает в 70-е гг. прошлого века в США и Великобритании. Сам термин «аналитический марксизм» впервые был использован в 1986 г. Так называлась книга, представляющая собой сборник статей основных идейных сторонников этого проекта (Дж. Ремера, Ю. Эльстера, Дж.А. Коэна, Э.О. Райта, Р. Бреннер и др.)²⁷.

Аналитические марксисты осуществляют попытку реконструировать традиционную марксистскую теорию, используя обширный инструментарий других наук, в том числе логики, математики, теории игр и т.п.

«Аналитическим» данное направление в рамках современного марксизма является по нескольким ключевым основаниям: приверженность *общепринятым научным нормам* разработки теории и ведения исследований, *систематическая работа с понятийно-категориальным аппаратом*, детальная проработка теоретических рассуждений посредством создания моделей исследуе-

²⁷ Analytical Marxism / Roemer J. (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

мых процессов, а также особое значение анализа *сознательных (интенциональных) действий индивидов*²⁸.

Теоретики аналитического марксизма отрицают существование особого «марксистского метода» исследования²⁹, утверждая, что все социальные науки имеют схожий методологический инструментарий. Такая позиция объясняет их активное применение методов неоклассического экономического анализа при изучении категорий собственности, дохода и класса, а также позволяет проводить эмпирические научные исследования, результаты которых, как полагают аналитические марксисты, будут способствовать новому прочтению традиционной марксистской социальной теории.

Представители аналитического направления в марксизме особое внимание уделяют социальному действию отдельного индивида. Социальные явления объясняются преимущественно с точки зрения индивидуального действия. Это, в свою очередь, требует изучения сознательного действия на основе создания различных моделей поведения рациональных агентов. Таким образом, традиционные марксистские категории объясняются на микроуровне, с применением инструментов теорий рационального выбора, в том числе с помощью построения моделей рационального выбора и теории игр.

Исторический материализм, класс и эксплуатация, являются центральными элементами концепций аналитического марксизма. Теоретики этого направления убеждены в преимуществах социализма перед капиталистическим типом общества, и уверены в эффективном решении проблем отчуждения и неравенства. Цель аналитического марксизма – построение новой теории социализма, которая должна не только описывать и объяснять неэффективность существующих капиталистических отношений. Такая теория должна способствовать преодолению существующих в современном капиталистическом обществе

²⁸ Райт Э.О. Что такое аналитический марксизм? // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 124–125.

²⁹ См., к примеру, работы Ю. Элстера и Дж. Ремера.

противоречий³⁰.

Литература:

1. Райт Э.О. Что такое аналитический марксизм? // Вопросы экономики. 2007. № 9.
2. Analytical Marxism / Roemer J. (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Социальные технологии и перспективы социологии в XX веке

Долгоруков А.М.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В докладе представлены перспективы развития социальных технологий, связанные с возникновением интернета.

Проблемное поле. С возникновением интернета, время от времени, наряду с институционально оформленными значениями и смыслами, в социальных и профессиональных сетях возникают новые неожиданные *семиотические потоки*. Эти семиотические потоки:

- смещают старые и создают новые смыслы;
- создают новые идентичности;
- обесценивают доступ к некоторым источникам информации;
- создают новые социальные неравенства;
- порождают и закрывают возможности.

Сотни тысяч людей выходят каждый день в интернет и совершают рутинные и относительно не обдуманые действия, порождая новые коммуникативные практики. Нет «сложившихся структур», которые можно было бы изучать формализованными методиками. Основная форма «жизни» – *спонтанный гипертекст, представляющий собой подвижную и плохо предска-*

³⁰ Analytical Marxism / Roemer J. (ed.) Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 2.

зуюмую семиосферу без выраженной иерархии.

Явно замедленная реакция российских социологов на быстрые изменения способов и технологий онлайн-репрезентации социальной информации.

Факторы, которые изменят социологию в ближайшее десятилетие:

Трансформация природы социологических данных, способов их сбора, обработки и генерации определит в ближайшее десятилетие изменения в методологии и методах работы социологов. Социологи будут меньше «изучать», но больше «понимать, конструировать и интерпретировать социальность»

Изменяются бизнес-модели. В цепочках создания ценностей все большую роль будут играть услуги по обеспечению навигации в сфере производства знания и новых продуктов. Производство беспилотных автомобилей и новая волна мобильной связи избавят людей от жесткой «привязки» к рабочим местам и учебным аудиториям.

Успехи телекоммуникаций потребуют от социологов понимания того, как сосуществуют друг с другом реальный и виртуальный миры.

Усилится борьба за большую автономию государств над инфраструктурой интернета. Причины: различие ценностных и национальных нормативно-правовых структур.

Видение перспектив социологии. Мощная институционально оформленная индустрия *социосинтеза*, порождающая:

- прогнозирование и дизайн социальных систем в качестве сложным образом взаимодействующих симбиозов (on-line- и ofline-пространств);
- социологические теории с новой онтологией и методологической «свободой» от устаревшего разделения на качественные и количественные методы исследований;
- индустрия суперкомпьютеров и программного обеспечения, специально создаваемых для дизайна социальных систем;
- инвестиции соизмеримые с финансированием космических исследований и разработок.

Социологи «освободятся» от неявной натуралистической абсолютизации

таких категорий, как: «пространство», «время», «социальные структуры».

Появятся новые практики и социальные технологии, позволяющие *понимать и прогнозировать динамику вещей, событий и смыслов*, имеющих место в своеобразном *социальном катамаране* – online- и offline-пространстве.

Мы начнем изучать on-line-пространство скорее внимательно *наблюдая и экспериментируя* (нежели «опрашивая»). И, поскольку, это сетевое сообщество – с помощью сетевых социальных технологий.

В обозначенном тренде «наше решение» сформулированной выше *проблемы* представлено ниже.

Используя достижения семиотики и опыт этнометодологических экспериментов, мы разработаем новую методологию прикладных исследований и экспериментов онлайн-сетей.

На этой основе:

- предложим новые подходы понимания социальных сетей, в основании которых лежат скорее семиотические наблюдения, эксперименты и реальный дизайн социальных сетей, нежели опросы;
- сформулируем и проверим гипотезы в отношении сетевой социальности, понимаемой как саморазвивающийся антропо-социо-культурный сценарий;
- сформулируем новые положения теории социальных сетей, учитывающие особенности онлайн сетей.

В ряде ранее опубликованных статей это направление развития социальных технологий получило название – «*e-Этнометодология*» [1, 2, 3, 4].

Литература:

1. Долгоруков А.М., и др. Predictor Mining: применение методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга // Труды СПИИРАН. 2013. Вып. 3(26).
2. Долгоруков А.М. e-Этнометодология – новая социологическая перспектива? // Материалы Первой Международной научно-практической конфе-

ренции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-12): Сборник статей и тезисов. Москва, 2012.

3. Долгоруков А.М. e-Этнометодология: от «social computing» к «computable sociology» // Социальный компьютеринг. 2013. № 2.

4. Долгоруков А.М. Методы исследований в e-Этнометодологической перспективе // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-13): Сборник статей и тезисов. Москва, 2013.

Особенности формирования потребности в получении российского высшего образования у иностранных студентов УрФУ

Дорожинская Е.С.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Ускоряющиеся темпы технического прогресса и современные процессы глобализации на сегодняшний день касаются не только деловых и коммерческих структур, но и образовательного пространства. В XXI веке страны-участницы Болонского процесса в качестве одной из наиважнейших компонент развития системы высшего образования определяют интернационализацию деятельности вузов. Перед университетами в настоящее время стоит задача повышения их конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг за счет разработки международных программ обучения, реализации кросс-культурных исследований и т.д. Одним из ключевых показателей успешности функционирования вуза на международном образовательном рынке является количество иностранных студентов.

Фундаментальность российского образования создает нашей стране привлекательный имидж на мировом рынке образовательных услуг и традиционно в наши вузы приезжают на обучение студенты из разных стран. Сегодня можно наблюдать рост числа иностранных студентов как в Уральском федеральном университете, так и в России в целом. В 2014 учебном году в Ураль-

ский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина к 4 сентября было зачислено уже 342 иностранных студента, 40 из них приехали из стран дальнего зарубежья. В настоящий момент прием студентов продолжается и к 31 декабря 2014 года показатель должен увеличиться до 620 человек.

Однако наша страна пока проигрывает по доле привлекаемых иностранных студентов на международном рынке образовательных услуг: по состоянию на 2011 г., по данным ОЭСР в России проходили обучение только 4% иностранных студентов.

Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость изучения особенностей процесса формирования потребности у иностранных студентов в российском высшем образовании, а также факторов, которые непосредственно и косвенно оказывают влияние на ее формирование и реализацию. Данная информация позволит разработать действенные маркетинговые механизмы, влияющие на поведение потребителей образовательных услуг, способные помочь вузам при решении их практических задач, преследуя конечную цель - повышение конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг.

В октябре 2013 – мае 2014 года была разработана теоретическая модель процесса формирования потребности в российском высшем образовании у иностранных студентов, базирующаяся на теории детерминации поведения. В сентябре – октябре 2014 года в Уральском федеральном университете было проведено социологическое исследование, объектом которого выступили иностранные студенты. Было опрошено 44 человека методом глубинного интервью. В докладе будут представлены первые итоги проделанной работы, а также концепция развития этого проекта в ближайшие месяцы.

Идентичности в полиэтничном регионе: от конфликтности к солидарности (на примере Волгоградской области)

Дроздова Ю. А.

ФГБОУ ВПО Волгоградский филиал «Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Россия, Волгоград

В современном обществе изучение идентификаций в контексте межнациональных отношений и этнополитических процессов предполагает осмысление и разработку понятий толерантности, солидарности и доверия. Социальная идентичность является одним из механизмов освоения социальной реальности, и новые вызовы, которые возникают во все более взаимосвязанном мире, актуализируют формирование солидарных отношений в государственном и региональном управлении.

Вследствие радикальных изменений, происходящих в стране с 90-х гг. XX века – начале XXI вв., во многих регионах России этнические миграции вместе с позитивностью, которая в научной литературе рассматривается в русле концепций обмена знаниями и опытом [1], сопровождаются появлением и обострением новых противоречий в принимающих обществах. Взаимодействия мигрантов и социальных групп принимающей социальной среды, в которую они пытаются интегрироваться, приобретают проблемный характер.

Для полиэтничного региона, каким является Волгоградская область, где по данным Всероссийской переписи 2010 года проживает более 120 национальностей, актуальной является проблема выявления и изучения миграционных рисков для управления конфликтами в межнациональных отношениях.

По данным опроса, проведенного в 2011 году среди молодежи Волгоградской области (N=800; Волгоградская область, сентябрь 2011 года), каждый третий (34%) респондент оценивает обстановку в сфере межнациональных отношений как благоприятную; треть (32%) участников опроса полагают, что «сложилась сложная, но не опасная обстановка», при этом 9% опрошенных крайне негативно оценивают сложившиеся межнациональные отношения в регионе. 16,6% респондентов на вопрос: «Являлись ли Вы свидетелем, либо непосредственно сталкивались с неуважительным отношением к людям по национальному признаку?» – ответили, что «с данными явлениями часто сталкиваются»

ся», более половины (52,1%) респондентов «изредка сталкивается с проявлениями конфликтов на национальной почве», 15,5% – «практически никогда», 8,7% – «никогда не сталкивались», а 7,1% молодых людей выбрали позицию «затрудняюсь ответить». Следовательно, большая часть молодежи отмечает конфликтный уровень взаимодействия, как на бытовом уровне, так и на региональном.

Перманентная отчужденность представителей различных национальностей (культурная, религиозная и другая), взаимодействующих в регионе, связана с этнической культурой иммигрантов, ростом их количества в регионе, нежеланием местного населения идти на близкий контакт с иммигрантами, а мигрантам аккомодироваться в принимающую социальную среду, выстраивать региональные или территориально-гражданские идентичности. Толерантность при этом можно рассматривать только как первичную форму формирования солидарных связей, когда взаимодействие предполагает принятие различия с другими людьми, готовность признания индивидуальности собственной и других.

Солидарность предполагает регулируемые регулярные социальные взаимодействия, «латентную взаимность» [2, р. 80–81], устойчивость моральных норм, которые можно охарактеризовать как новое качественное состояние общества, отличающееся групповой сплоченностью, единством убеждений и действий, взаимопомощью, наличием общих целей и активностью акторов по их достижению.

Волгоградский регион, имеющий великую героическую историю, является социальной средой, способной консолидировать сообщество, формировать потребности в совместном сотрудничестве, взаимопомощи, территорией значимой, как для принимающего населения, так и мигрантов. Высокий процент идентификации респондентов с региональным сообществом (81,1% респондентов) выявили ответы респондентов на вопросы социологического исследования в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=1000; Волгоградская область, июль – сентябрь 2013 года), что свидетельствует о возможностях региональной иден-

тичности, о ценности локальной, региональной территории и является основой для формирования солидарности.

В российской действительности имеется немалый потенциал и опыт развития солидарных связей в области межнациональных отношений. Освоение ценностей и норм группового толерантного поведения, повышение доверия к субъектам региональной политики, активная позиция и заинтересованность в СМИ в формировании дискурса солидарности, включенность населения в регулярные и регулируемые региональные взаимодействия будут способствовать переходу к солидарным отношениям в полиэтничных регионах.

Литература:

1. Massey D.S., Arango J. Worlds in motion. Understanding international migration at the end of the Millenium. Oxford: Clarendon Press, 1991.
2. Tesch-Römer K. Sicherung der Solidarität der Generationen. Berlin, 2000.

Судьба ненасилия в XXI веке

Дронов В.Т.

*ФГБОУ «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», Россия, Санкт-Петербург*

Существует ряд аргументов в пользу социологического изучения ненасилия. Несмотря на длительную историю этой идеи и несомненную актуальность, ненасилие не является популярной темой социологии. Особую актуальность ненасилие приобретает в условиях обострения отношений между ядерными державами. Современная эпоха значительных, быстрых и комплексных изменений требует социально-инженерных действий ненасильственного характера, в отличие от идеологии революционных трансформаций, гражданских и мировых войн, столь популярных в XX веке. Одним из распространенных предрассудков является идея, что ненасилие тормозит прогресс, поэтому его следует заменить более радикальным воздействием на социальные процессы.

Сложность вопроса еще и в том, что насилие может носить скрытый характер, внешне выступая в формах свободы выбора и партнерства. Еще один интересный факт состоит в узкой трактовке ненасилия как реакции на агрессию, которая предстает врожденным человеческим качеством. В социально-гуманитарной литературе ненасилие трактуется в виде нравственно-этической ценности, что вполне справедливо, но недостаточно. В целом, ненасилие – это одно из наиболее парадоксальных социальных явлений и один из возможных фундаментальных принципов социального взаимодействия.

Ненасилие, по-видимому, не является врожденным инстинктом человека. Идея о возможности ненасилия в обществе появляется на достаточно высоком уровне гуманитарного сознания в виде фундаментальной ценности, скрепляющей определенную мировоззренческую систему. Мы здесь не говорим о частных запретах, например, об отмене смертной казни. Речь идет о базовом принципе идеологического уровня для социума. Вопрос о том, есть ли идеология первостепенной ценности для современного человечества как единого мирового сообщества, остается открытым. Ненасилие в случае перехода из области утопической в идеологическую способно стать руководящим принципом современных обществ. Трагический момент современной истории состоит в отсутствии веры человечества в то, что возможны общества не только с более высокими идеалами, но и с более высокими жизненными принципами.

Научное и практическое решение проблемы ненасилия должно начинаться с ее идеологического распространения и укрепления. Идея ненасилия способна обладать не только парадигмальным, но и метапарадигмальным, и метасоциологическим характером. Вместе с тем, во многих, если не в большинстве, социологических теорий принцип ненасилия не считается необходимым. Ненасилие не рассматривается социологическим майнстримом в виде ценностно-мотивационного ядра социальных практик. В лучшем случае это формальная, но не реальная возможность. Подобная позиция выглядит странной в свете определения человека как социального существа. Социальное мышление исторического времени стоит на позиции иерархического человека и другой столь

же убедительной, хотя и скрытой, а, возможно, и неосознанной, модели, управляющей формированием структуры отношений, не создано.

Вместе с тем, нельзя не признать, что человеческая цивилизация, развиваясь в разных направлениях, идет в общем и целом по пути поиска институциональных и легитимных способов решения задач и проблем ненасилия. Только с учетом такой предпосылки возможен дальнейший гуманитарный прогресс человеческого общества. Сложность рассматриваемой темы состоит в том, что социологию, как науку о реальных обществах, легко обвинить в чудачестве, отсутствии практического и национального интереса. Эти примеры говорят о недостаточном научном познании важнейшей гуманитарной сферы жизни, о ее искажении и использовании в прямо противоположных целях.

В свете сказанного особенно актуальным представляется вопрос о возможности соответствующего стиля социологического мышления, выраженного в виде гуманитарных и социальных действий. Иного пути для превращения ненасилия в практический массовый интерес, кроме как его \ненасилия\ институционализация, не существует. Необходимо социологическое конструирование социальной реальности, в проекте которой обязательным параметром является ненасилие. Очевидно, что на этом пути должен быть преодолен такой важный, особенно для российского социума, предрассудок, как положение о пассивности народа и активности бюрократии, без чего невозможно подлинное доверие между властью и гражданским обществом. Ненасильственные практики в виде помогающего поведения в социальной работе важны, но недостаточны. Необходимо развитие не только технологий ненасилия \переговоры\, но и практики ненасилия как важной составной части прикладной гуманитарологии. Последнее предполагает включение темы ненасилия в учебно-воспитательный и образовательный процесс.

Коммуникации как объект социального управления

Дрючина И.Н.

Академия управления МВД России, Россия, Москва

В современном обществе идет сужение выполняемых государством функций, снижение его роли в прямом, директивном управлении [2]. Поэтому актуальна задача активного вовлечения представителей гражданского общества в процессы выявления проблем и их решения, что можно достигнуть в рамках социального управления. В этом случае «объекты управления» рассматриваются не как пассивные, а как вполне самостоятельные элементы со своими собственными алгоритмами функционирования и развития, которые они реализуют и с которыми необходимо считаться. Эти объекты пробуждают спонтанные, самоорганизующиеся социальные процессы, нуждающиеся в упорядочении, координации и других формах рациональной организации [3]. В итоге идет процесс усложнения взаимодействия между субъектом и объектом, что вынуждает субъект отходить от прямолинейных технологий. Иначе говоря, управление понимается как координация сообществ, члены которых находятся в определенных взаимосвязях как друг с другом, так и с субъектом социального управления. Соответственно система управления должна превратиться в преимущественно децентрализованную систему, дающую простор самоуправлению и самоорганизации ее элементов. Как считает А.В. Тихонов, в этом случае объектом управления становится не человек с его деятельностью и не группа людей, как это утверждается в менеджменте, а сами механизмы регуляции их отношений, действий и взаимодействий [3].

Именно это лежит в основе социального управления, которое предстает не только как информационное воздействие на сознание тех, кем приходится управлять, но создание условий взаимодействия, когда социокультурные регуляторы жизнедеятельности запускает требуемую программу деятельности объекта управления. Социальное управление реализуется в том случае, если орган управления передает управляемой системе определенную информацию, которая служит поводом для достижения желательного решения, через созданную им систему коммуникаций, которая должна быть в определенной мере подконтрольной субъекту управления. В этом случае социальное управление подразумевает, что «объект» не лишается свободы воли, но в процессе выработки ре-

шения принимает основания, позволяющие ему как бы дедуктивно «вывести» решение, сочетающие его интересы и интересы субъекта управления.

Чтобы процесс социального управления стал возможным субъект управления должен «входить» в некое дискурсивное пространство, обладающее связанностью, целостностью и погруженностью в жизнь, что позволяет субъекту управления увидеть себя в знаках и координатах совершающейся (событийной) жизни. Субъект управления является частью системы коммуникаций, которая может быть представлена как сеть каналов или путей, по которым в обществе происходит обмен информацией. В этой системе он должен быть информационным центром, поскольку владение информацией – важный показатель положения социальных акторов в системе коммуникации.

Процесс коммуникативного взаимодействия между различными частями социальной системы призван создать согласованную систему реализации потребностей и учета интересов отдельных личностей, групп, социальных слоев. В системе управления социальная коммуникация становится важнейшей составляющей и необходимым условием ее эффективного функционирования и изменение данной системы на основе открытости, прозрачности, доступности, взаимопонимания и сотрудничества – невозможно без учета трансформаций в сфере социальных коммуникаций. Но, как справедливо считает А.Б. Белоусов, сегодня непринято задумываться о том, что такое управление коммуникацией, равно как и что такое коммуникация вообще [1]. И под вывеской управления социальными коммуникациями оказались связи с общественностью, реклама, социальная психология, политическое консультирование и еще десяток новых видов деятельности [1].

На наш взгляд, обращение к коммуникации как научной категории социологии управления открывает новые возможности социологической интерпретации социального управления. Социальные коммуникации должны стать объектом социального управления. А важнейшей функцией социального управления является изменение информационно-коммуникационного пространства для создания условий активного использования возможности само-

развития и самореализации различных групп населения и структур гражданского общества. При этом внимание необходимо уделить структурированию, функционированию и развитию соответствующей системы социальной коммуникаций, лежащей в основе взаимодействий органов власти и населения.

Литература:

1. Белоусов А.Б. Управление коммуникацией (Критические замечания к теории коммуникации) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2003. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 292–314.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. –328 с.
3. Тихонов А.В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40–45.

Социальный портрет современного рабочего промышленности (на примере крупных промышленных предприятий г.Пенза)

Дубина А.Ш.

Пензенский региональный центр высшей школы (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» (первый казачий университет), Россия, Пенза

В предлагаемой статье описываются основные причины сложного положения российских промышленных рабочих. Опираясь на результаты социологического исследования, проведенного в Пензенском регионе, автором составлен социальный портрет современного рабочего промышленности на примере крупных промышленных предприятий г. Пенза.

К сожалению, вопрос о промышленных рабочих следует отнести к наименее изученным в отечественной социологии. Причина подобного явления заключается в том, что приоритетно анализировался не конкретный феномен

рабочего класса СССР и России, а некоторые аспекты трудовой деятельности, созданные на основе идеологических постулатов. В 1990-е гг. изучение социологами рабочего класса в целом, социокультурного облика трудящихся промышленности оказалось на периферии научных исследований.

На сегодняшний день основной из кадровых проблем в промышленности является пополнение класса рабочих из числа молодежи. Общероссийские социологические исследования касающиеся демографической ситуации в России показывают, что падение рождаемости отразилось на возрастной структуре большинства предприятий страны: на большинстве из них заняты рабочие пенсионного и предпенсионного возраста.

По данным социологических исследований и анализу статистики составлен социальный портрет промышленного рабочего: в подавляющем большинстве это семейные мужчины в возрастной группе от 40 до 50 лет, имеющие средний стаж работы 10–15 лет в одной отрасли, средний уровень квалификации. Эту группу отличает довольно низкий уровень образования, в основном среди промышленных рабочих встречаются выпускники средних профессиональных учебных учреждений. Заявленный уровень личного дохода этой категории рабочих составляет примерно 10 000 руб. Среди основных трудовых ценностей – трудолюбие, порядочность, воля. В основном промышленные рабочие заняты в обрабатывающей или легкой промышленности.

В результате анализа современного состояния промышленных рабочих, автор определил, что эволюция социокультурного облика промышленных рабочих отразила весь ход процессов, происходящих в обществе. Кардинальные изменения в труде и повседневной жизнедеятельности рабочих очень тесно связаны со значительными социально-экономическими преобразованиями в стране. Уровень жизни промышленных рабочих в настоящее время невысок, наблюдается низкая интенсивность инновационной активности, у рабочих промышленности широко развит мотив выживания, в основном используются адаптационные стратегии.

В связи с опасением прихода очередной волны экономического кризиса

находит место страх потери рабочего места и на передний план для промышленных рабочих выступает мотив зарабатывания денег. Получается, что трансформация социально-трудовых отношений вызвала деформацию ценностей рабочих, следствием чего является изменение уровня удовлетворенности трудом и следовательно изменению трудового поведения. Такие изменения послужили снижению уровня занятости в сфере материального производства и повышению уровня занятых в сфере предоставления услуг, что также является мировой тенденцией

Современные социально-экономические условия диктуют необходимость создания современного типа работника, активного и самостоятельного, инновационного, с новым осознанием труда, приемлемым для рыночной обстановки, направленным на снисходительную систему трудовых взаимоотношений, отказ от отсталого типа попечительства. Однако судить о реанимировании экономической сферы еще рано. Для этого необходимо организовать соответствующие благоприятные условия с изменением всех сфер общественной деятельности. Но в целом говорить о положительном изменении в данном экономическом секторе в настоящий момент пока рано. Для кардинальных перемен необходимо реализовать возможности улучшения в экономической, технологической, социально-культурной и других областях общественной жизни, наиболее полно ощутить смысл устройства деятельности мотивации труда в современных реалиях и побороть привычные стандарты минувшего отношения к труду.

Оценивая данные о структуре и численности промышленных рабочих в настоящее время, необходимо отметить, что статистика вакансий говорит о высокой потребности промышленности в рабочей силе.

**Измерение религиозности в медико-социологическом исследовании
через призму «интегрализма» Питирима Сорокина**

Дубоград Е.В.

НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского

Выдающийся исследователь альтруистической любви Питирим Сорокин признавал слабую осведомленность людей о сути той энергии, которую несет в себе созидательный альтруизм, и что современная наука совершенно не интересуется этим феноменом. Констатируя это и пытаясь прояснить причины этого, Сорокин даже указал на Нагорную проповедь Христа, где, по его мнению, эта суть была «идеально сформулирована»³¹.

Классик социологии говорит о необходимости расширения границ методологии познания сложносоставных качественных характеристик, таких как, например, альтруизм и религиозность, за счет включения того, что традиционная наука, обычно, оставляет за рамками своей компетенции. «Интегральное познание означает также, что мы получаем знания о действительности не только от эмпириков-ученых и мыслителей-логиков, но также и от великих религиозных и нравственных лидеров, подобно Будде и Иисусу, Конфуцию и Лао-цзы, а также от великих деятелей искусства, таких как Бетховен и Бах, Гомер и Шекспир, Фидий и Микеланджело»³². Большинство открытий и творческих достижений этих великих людей были сделаны благодаря использованию интегрального способа познания.

В своей книге *«Альтруистическая любовь»* (1950) классик социологии описал использование биографического метода представив и обобщив характеристики более 4,5 тысяч христианских святых. Наряду со святыми, изучались данные о пятистах обычных американцах, которых окружающие считали «хорошими соседями» и в жизненных ориентациях и социальном поведении которых отчетливо просматривалась не только альтруистическая тенденция, но и высокий уровень религиозности.

³¹ Долгов А.Ю. Питирим Сорокин о методах альтруизации личности, общества и культуры // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В. – М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 205–221.

³² Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социс. 1992. № 10. С. 134–139.

Первый очевидный вывод, к которому приходит автор исследования альтруистов, полагающихся в основном на религиозные ценности, – это крепкое здоровье и высокая продолжительность жизни, респондентов, попавших в выборку исследования. Чему не могли воспрепятствовать нередкие антисанитарные условия жизни и достаточно часто практикуемые самоистязания³³. Так же Сорокин отмечает полезное влияние альтруизма на профилактику самоубийств, на воспитание детей в здоровой, во всех смыслах, обстановке.

Истина, полученная интегральным использованием трех каналов познания – разума, интуиции, чувств – является наиболее полной истиной, раскрывающей мир и дающей адекватное представление о нем.

Стремясь соединить наиболее распространенные подходы социологов к изучению религиозности в медико-социологическом исследовании, автором настоящего доклада предложена интегральная модель ее измерения. Суть этой модели заключается во взвешенном учете:

- религиозной самоидентификации респондента;
- религиозности его сознания;
- религиозности его поведения.

Для этого использовалась известная в социологии многомерная шкала «логический квадрат»³⁴. В качестве основного признака выступает степень религиозной самоидентификации респондента, в качестве двух косвенных признаков учитываются религиозность сознания и религиозность поведения.

Основной признак – самоидентификация религиозности – измеряется по пятичленной порядковой шкале самооценки собственной религиозности респондентом.

При определении индикаторов косвенных признаков религиозности и сознания, и поведения важно, чтобы эти признаки были общими для всех религий, традиционных для России.

³³ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 339–340.

³⁴ Скок А.С. Технологические основы военно-социологического исследования. М.: Изд-во «Ассортимент». Центр социальных технологий и маркетинга, 1996. С. 89.

В качестве таких универсальных для всех религиозных конфессий признаков религиозного сознания могут быть:

- уверенность в объективном существовании Бога;
- наличие мотива религиозной веры;
- степень информированности об основных нормах своей религии;
- степень информированности об основных положениях своей религии;
- степень информированности об основных ценностях своей религии.

Общими признаками религиозного поведения являются:

- исполнение (чтение) молитв;
- следование религиозным нормам поведения в повседневной жизни;
- совершение культовых действий в условиях военной службы;
- празднование религиозных праздников;
- соблюдение постов;
- ношение религиозных символов или обладание ими.

Таким образом, предлагаемая интегральная модель измерения религиозности человека является логическим продолжением методологических идей Питирима Сорокина и может быть использована в медико-социологическом исследовании для обнаружения закономерностей во взаимосвязях здоровья и религиозности человека.

Демонстративное потребление как фактор, влияющий на кредитное поведение

Дудина И.М., Смирнова А.Г.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия,

Ярославль

Современное общество характеризуется увеличением объемов потребления во всех сферах жизнедеятельности человека. Как следствие наблюдается изменение потребительского поведения, в частности рост потребительского кредитования. По данным на осень 2013 г., кредитная нагрузка на потребителей в нашей стране достигла рекордного уровня: объем розничных кредитов на ду-

шу населения достиг двух среднемесячных зарплат. Чем обусловлена подобная высокая активность на рынке потребительских кредитов? Отчасти она связана с достаточно низким уровнем дохода россиян, который не позволяет обеспечить удовлетворение базовых потребностей. В свою очередь, сложившееся «общество потребления» диктует необходимость не просто удовлетворять базовые потребности, но поддерживать социальный статус, подтверждать свою идентичность посредством приобретения одежды и аксессуаров определенных торговых марок, автомобилей, недвижимости в тех или иных районах города, организации досуга. Подобные социальные потребности также могут мотивировать кредитное поведение.

Предположение о взаимосвязи кредитного поведения и демонстративного потребления может быть обоснована на основе результатов исследования С. Ли, П. Уэбли и К. Уолкера, в результате которого описаны восемь основных факторов, детерминирующих жизнь «в долг». Среди них: 1) социальное одобрение долгов или, по меньшей мере, терпимое отношение к ним, 2) социальное сравнение, мотивирующее желание жить «не хуже других», 3) неадекватные модели потребительского поведения, 4) отношение к долгам, не вызывающее беспокойства и других негативных эмоций, 5) фатализм, 6) восприятие времени, 7) особенности экономической социализации, 8) неспособность рационально распоряжаться деньгами. Среди перечисленных факторов особый интерес представляют первые три как отражающие специфику экономического поведения в условиях общества потребления. Социальное одобрение долгов стимулирует опережающее потребление, то есть покупки в кредит. Так, по результатам исследования кредитного поведения населения, проведенного Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), 36% россиян согласны с тем, что «кредиты – это замечательная возможность получить понравившуюся вещь». При этом желание сделать покупку и только потом ее оплатить формируется, в том числе и под влиянием результатов социального сравнения, указывающих на «отставание» от значимых других, «несоответствие» статусной позиции. Если в качестве референтной выбирается группа с более высоким уров-

нем дохода, неудовлетворительные результаты социального сравнения могут обусловить выбор моделей потребительского поведения, в том числе демонстративного, вынуждающих жить «в долг». Таким образом, в кредит подчас приобретаются вещи, потребность в которых продиктована социальным окружением, нежели реальной необходимостью и возможностями индивида.

Для проверки гипотезы о том, что потребители кредитов склонны к демонстративному потреблению, было проведено разведывательное исследование с использованием методики О.С. Посыпановой для определения склонности к демонстративному потреблению. В исследовании приняли участие 100 человек. При этом 50 человек положительно относятся к получению кредита и практике кредитования в целом и 50 – негативно относятся к кредитам, никогда их не брали и не хотели бы воспользоваться ими в будущем.

Получены следующие результаты.

У 25% респондентов – потребителей кредитов и у 40% респондентов, никогда не бравших кредит, наблюдается отсутствие демонстративного потребления (критерий U `Манна-Уитни = 0, $p < 0,01$).

У 30% респондентов – потребителей кредитов и у 30% респондентов, никогда не бравших кредит, выявлена умеренная демонстративность в потреблении (демонстративность как средство), предполагающая возможность обратить на себя внимание ($U = 0$, $p < 0,01$). При этом цена и качество товаров позволяет создать свой стиль, который позволяет добиться успеха, сделать карьеру.

У 45% респондентов – потребителей кредитов и у 30% респондентов, никогда не бравших кредит, выявлена сверхдемонстративность в потреблении ($U = 0$, $p < 0,01$). Как подчеркивает О.С. Посыпанова, она выражается в том, что демонстративность рассматривается как цель, как смысл. «Потребитель» не социальная роль, а личностная черта.

Полученные результаты неоднозначны, но позволяют сделать вывод о связи двух переменных. Демонстративность и сверхдемонстративность в потреблении преобладает у респондентов с положительной установкой к

кредитам. Вместе с тем, отмеченные модели поведения свойственны так же респондентам с негативными установками и отсутствием опыта получения кредитов. Можно предположить, что более подробная классификация типов кредитного поведения позволит сделать более обоснованные выводы относительно исследуемой взаимосвязи.

Социологический анализ методов ведения информационной войны

Егорова Ю.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

«Кто владеет информацией, тот владеет миром», – это крылатое выражение весьма точно описывает нашу эпоху. Сильные позиции государства на международной арене сегодня невозможны без развитых разведывательных и контрразведывательных служб, обеспечивающих достоверной информацией органы управления страной, которая является залогом выбора верных политических решений.

Проблема информационной войны является предметом изучения иностранных и отечественных ученых, проблематика актуализирована и в публицистической литературе, средствах массовой информации. Основой данной работы служили труды таких военных классиков, как Сунь-Цзы, К. фон Клаузевица, Б.Г. Лиддел Гарта, научные труды современных иностранных и отечественных специалистов по данной теме: А. Тойнби, Дж. Стейна, А. Даллеса, Г.Г. Поцепцова, А.В. Манойло, И. Панарина, С.П. Расторгуева, В.И. Слипченко, а также обзорные и публицистические статьи и интернет-источники, представляющие собой официальные сайты спецслужб.

В работе сделан упор на анализ методов ведения информационных войн, в связи с этим был произведен анализ истории военных международных конфликтов, анализ особенностей формирования и деятельности специальных служб, а также исследовались методы ведения информационной войны и социальные последствия их применения на примере событий в Южной Осетии в

2008 году, деятельности Джулианна Ассанжа и Эдварда Сноудена.

На основе анализа определений информационной войны, предложенных специалистами в этой области, нами была сформулирована следующая дефиниция: информационная война – это форма борьбы сторон, направленная на достижение информационного превосходства, достигаемого путем воздействия на информацию и информационные системы, структуры управления и психики противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем. Информационное оружие различается по объекту своего воздействия: преимущественно на технические системы (начиная от компьютерных вирусов до высокоточного оружия) или на психику человека (методы манипулирования, явной и скрытой пропаганды).

Развитие науки и техники, появление, массовое распространение доступных новых, более эффективных носителей и средств доставки информации позволило усовершенствовать технологическую основу дезинформирования. Краткий анализ военных конфликтов прежних лет позволил выявить роль дезинформации, заключающейся в достижении преимущества над противником, что приводит к победе (Троянская война, методы Ганнибала и Чингисхана). Дезинформация приводит к опасным последствиям для противника, вплоть от поражения в сражении (на начальном этапе Великой Отечественной войне в результате умелого использования немцами приемов дезинформирования) до поражения в войне (Франция проиграла в войне, спровоцированной Германией, поражение России в Первой Мировой войне), даже до разложения армии (отказ поступать на службу при Петре I, случаи братания в Первой Мировой войне).

Рассмотрев историю появления и деятельности трех крупнейших секретных служб мира Великобритании, США и России, стало ясно, насколько сильно информационное противоборство сегодня, об этом говорит сложность структуры спецслужб (17 служб в США, 3 из которых наиболее важные – АНБ, ЦРУ и РУМО, 5 – в Великобритании, 4 – в России), численность личного состава (по оценкам соответственно: от 80 до 160 тыс. человек, 20 тыс. человек, 153 тыс. человек), бюджет организаций. Достаточно сильные международные позиции

этих государств обусловлены, в том числе и, мощью спецслужб.

Мощные ресурсы средств массовой информации позволяют информационному оружию воздействовать на огромное количество людей, благодаря чему изменяются социальные отношения, актуализируются новые социальные проблемы. Так, в результате юго-осетинского конфликта и информационной войны, произошел разрыв дипломатических отношений России и Грузии, была осуществлена отмена на некоторое время транспортного сообщения, наблюдался рост волнений, как в грузинском, так и в российском обществах, а также рост межнациональной и международной напряженности, демонизации России.

В настоящий момент в мировом сообществе возникли широкие дискуссии по поводу необходимости существования глобальной системы наблюдения. Появление таких фигур как Д. Ассанж и Э. Сноуден в мировой политике вызывает много вопросов об их мотивах деятельности и их происхождении, однако, их деятельность послужила актуализации в СМИ данной проблемы. Уже на сегодняшний момент обеспечение безопасности государства требует нарушений гражданских прав людей на тайну переписки, неприкосновенности частной жизни, получения верной информации. По словам Э. Сноудена, рожденные сегодня дети, возможно, никогда не узнают, что значит приватный момент, когда можно высказать мысль, которая не будет никем записана и проанализирована. Вопрос приватности – действительно серьезная проблема, потому что только приватность позволяет нам свободно решать, кто мы есть, и кем мы хотим быть.

Литература:

1. Stein G.J. Information warfare. Maxwell AFB, 1995.
2. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2003.
3. Панарин И. СМИ, пропаганда и информационные войны. – М.: Litres, 2013.

4. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Refl-buk, 2001.
5. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече. – 2002. Т. 13.

Социология образования и социальная действительность

Ежов С.П.

*Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), Россия, Санкт-Петербург*

Одним из приоритетных направлений развития социологии в России, на наш взгляд, является «социология образования».

Отправной точкой должен стать тезис, выдвинутый еще на первом, классическом этапе становления и развития этого направления (конец XIX – начало XX века Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин) – система образования функционирует только вместе со всей системой.

Выносимые на обсуждение тезисы:

1. Прежде чем вести речь об образовании, следует определиться с моделью общественного устройства в целом. С той моделью, которую мы стремимся создать.

За базовую модель принимаем модель «западного общества», которая имеет две подмодели.

Отличие европейской подмодели общественного устройства от американской заключается в практической реализации помимо идеологий либерализма и консерватизма еще и социалистической идеологии (естественно, с приставкой нео).

В системе образования это отличие проявляется следующим образом: в США значительная доля университетов и колледжей относится к частному сектору. Наиболее престижные университеты, такие как Стэнфордский, Йельский, Гарвардский, Принстонский и др. являются частными. В Европе Хельсинский, Копенгагенский, Стокгольмский и др. государственные. Таким образом, в США ведущие университеты частные, хотя есть и другие. В Европе ведущие универ-

ситеты государственные, хотя есть и частные.

2. Социальная дифференциация российского общества негативно сказалась и на высшей школе, которая имеет пирамидальную структуру.

Элитой здесь, безусловно, являются МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ. Федеральные университеты можно отнести к высшему среднему классу. Национально-исследовательские вузы – это средний средний класс. А все остальное (за редким исключением) – нижний средний класс.

В нижнем среднем классе особенно тяжело приходится техническим вузам. Так, бюджетное финансирование одного из старейших вузов России, Санкт-Петербургского государственного технологического института в 2015 году будет сокращено на 92 млн рублей.

Переход на бакалавриат оказался губительным в первую очередь для технических вузов и их выпускающих кафедр и, следовательно, для научных школ. Секвестированы практически все учебные дисциплины, но особенно блок социально-экономических гуманитарных дисциплин. Так, если в специалитете курс социологии был рассчитан на два семестра, аудиторные занятия составляли 108 часов, курсовая работа и экзамен, то в бакалавриате количество аудиторных часов сократилось вдвое, курсовые работы сняты, а экзамен заменен на недифференцированный зачет.

3. Повсеместное внедрение электронного обучения, дистанционных образовательных программ на практике ведет к вытеснению взаимодействия преподавателя и студента. Утвержденный приказом Минобрнауки России от 9 января 2014 г. «Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» содержит следующий пассаж - «допускается отсутствие аудиторных занятий». А это есть не что иное, как коммуникационный разрыв. Ведь самая совершенная коммуникация – это непосредственное общение лицом к лицу.

Позитивные изменения социальной действительности в системе образования могут заключаться в следующем:

1. Определиться с выбором европейской модели общественного развития с учетом отечественной социокультуры.

2. Реформе общего среднего образования. Качественную систему образования Россия не создаст, если не будет выстроен фундамент – 12 летнее общее среднее образование. С этого надо было начинать.

3. Приравнивание преподавателей и учителей, работающих в бюджетных организациях к государственным служащим (источник финансирования: прогрессивная шкала налогообложения физических лиц и реанимация госмонополии на реализацию алкогольной продукции, действующую в Финляндии со времен Александра III).

4. Отмене бакалавриата и воссоздание специалитета, как минимум, для технических вузов.

Потребность в интеллекте у общества растет. А раз так, отмечал еще П. Сорокин, образование будет носить все более массовый и доступный характер. Это должно стать основным трендом политики социального государства в сфере образования.

Особенности конфессиональной общественной молодежной политики

Елишев С.О.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Конфессиональная общественная молодежная политика (т.е. молодежная политика традиционных для России религиозных конфессий и организаций) в Российской Федерации в настоящее время является одной из образцовых, динамично развивающихся и активно институционализирующихся моделей общественной молодежной политики, оказывающих заметное влияние на процесс социализации, духовно-нравственного воспитания и социального развития современной российской молодежи.

Традиционные конфессии и деноминации придают крайне важное значение осуществлению работы с молодежью, что часто и закономерно приводит: во-первых, к специальному доктринально-теоретическому

осмыслению необходимости выделения молодежной политики, как особого направления деятельности данных организаций; во-вторых, к построению, организации и функционированию многоуровневых систем органов и должностных лиц, специально созданных и ориентированных на осуществление работы с молодежью; в-третьих, к стремлению заново воссоздать эффективно функционирующую, многоуровневую единую централизованную систему образования и воспитания молодежи (включающую в себя системы дошкольного, начального, среднего, высшего, послевузовского, религиозного и светского образования, а также систему организации досуговой деятельности). Большое значение также уделяется проблемам, связанным с подготовкой кадров для осуществления образовательной, воспитательной и молодежной работы; миссионерской деятельностью; деятельностью и функционированием собственных молодежных организаций.

Для целого ряда традиционных религиозных конфессий (организаций ислама, буддизма, иудаизма) и деноминаций крайне важным и злободневным является вопрос подготовки кадров священнослужителей, которая часто осуществляется за рубежом, а не в Российской Федерации, по причине отсутствия у нас соответствующих учебных заведений. В условиях обострения геополитической и международной обстановки, активизации «Большой игры», сопряженной с попытками осуществления в РФ очередной «цветной» революции, данное обстоятельство, конечно же, может быть использовано геополитическими недругами России для формирования подконтрольной им «пятой колонны» и дестабилизации обстановки в российском обществе и государстве.

Необходимость создания эффективно функционирующих систем религиозного образования у всех традиционных религиозных конфессий и деноминаций России, в том числе послевузовского образования (магистратур и аспирантур), одновременно с признанием Всероссийской аттестационной комиссии (ВАК) специальности «теология» и появлением в РФ кандидатов и докторов теологических наук, является крайне важной и насущной задачей,

стоящей перед современным российским обществом и государством. Государство должно оказывать содействие и помощь традиционным религиозным конфессиям и деноминациям в решении обозначенных вопросов, прежде всего, посредством их законодательного и нормативно-правового обеспечения и регулирования. Как, впрочем, и законодательно осуществив институционализацию конфессиональной общественной молодежной политики в целом.

Дальнейшее изучение и институционализация молодежной политики традиционных для России конфессий и деноминаций, как, впрочем, и новообразований, является не только важным теоретико-методологическим аспектом становления молодежной политики в Российской Федерации, но и значимым практическим шагом, направленным на координацию, взаимодействие и сотрудничество ее самых значимых субъектов: государства, конфессий и общественных институтов. Только вместе, соединив усилия, основываясь на единении основополагающих целей, задач и направлений, взаимодействии основных субъектов молодежной политики, возможно добиться нужных результатов.

Диагностика супружеских отношений в контексте выхода на пенсию

Елютина М.Э.

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Россия, Саратов*

Человек, выходящий на пенсию, попадает в ситуацию, когда ему надо осваивать новые роли, нормы и ценности, реализовывать свои интересы в изменившемся контексте. Формируется иное пространство повседневной жизни, в котором востребованы иные человеческие качества и способности, манифестируются притязания иных ценностей на значимость. Нередко человек не может справиться с возникшими трудностями. Повышается уровень стресса, что приводит к конфликтам с окружающими, в том числе и с супругом/ой. В группе риска оказываются супружески пары, где оба супруга вышли на пенсию,

проживают в городе, отдельно от детей. В такой ситуации супруги остаются один на один друг с другом. Сокращение дистанции, расширение зоны контактов и увеличение частоты регулярных обменов между супругами в ситуации выхода на пенсию не означают тотального усиления позитивных контактов между ними, а, напротив, нередко предполагают расширение зоны вопрошания.

С целью диагностики супружеских отношений в ситуации выхода на пенсию было проведено авторское качественное социологическое исследование. Эмпирическая база представлена 28 глубинными интервью с людьми раннепенсионного возраста (55–65 лет, проживающими отдельно от своих родственников и имеющими опыт совместной жизни от 20 и более лет; один или оба супруга относятся к группе неработающих пенсионеров). Опрашивались жители города Саратова.

Как показывают результаты исследования, возникают новые моменты как в прагматике супружеских отношений (для большинства супружеских пар переход к статусу пенсионеров означает усиление необходимости тщательного финансового планирования), так и в эмоциональном фоне отношений и духовных устремлениях супругов. Содержание супружеских отношений может меняться как в позитивную, так и в негативную стороны. На одном полюсе концентрируются вслушивающиеся, понимающие, объединяющие свои усилия супруги, на другом полюсе углубляется водораздел между супругами, их вненаходимость в отношении семьи, вплоть до разрыва супружеских отношений, что конкретизируется следующими положениями.

1. Развод – это всегда событие, в водоворот которого вовлекается большое число людей (разных возрастов, профессий, состоящих в разной степени родства), вынужденных корректировать свои жизненные стратегии, менять жизненные траектории. Помимо общих, характерных для всех возрастных групп причин развода (алкоголизм, насилие, тяжелые заболевания), выделяются особенности, характерные для развода в третьем возрасте («бунт» против старения, когда человек решается «сесть в последний вагон», чтобы

попытаться проехать жизнь по второму кругу; иставание «стабилизаторов» внутрисемейных взаимодействий, «обезболивающее» действие которых долгое время просто не замечают).

2. Супружеские отношения сохраняются, но в повседневной жизни супруги попеременно выступают в роли мишени. В таких семьях столкновения обусловлены не столько антагонистическими реакциями на происходящие изменения, сколько инициируются самими супругами, постоянно «атакующими» друг друга.

3. При сохранении супружеских отношений, супруги ведут автономный друг от друга образ жизни, супружеские отношения приобретают характер «вечной мерзлоты»: супруги не являются ни друзьями, ни врагами, ни близкими, ни чужими. На место взаимопониманию или враждебности приходит индифферентность.

4. Супружеские взаимоотношения эластичные, нет заметных колебаний симпатий и антипатий, действия супругов при столкновениях, носящих в основном локальный характер, направлены не в сторону разрушительного анализа, а в сторону воссоздающего синтеза, укрепляющего жизненные основы; усиливается симбиотичность супругов, у супружеской пожилой пары наблюдается схожесть не только жизненных стратегий, но и привычек, повседневных практик; нередко супруги даже физически становятся похожими.

Супруги пребывают в зоне напряженного (и *со*-пряженного) сознания. По результатам исследования выделяются и анализируются механизмы, поддерживающие это напряжение (созависимости, «атрибутивного искажения», переживания общих утрат, утепления супружеских отношений). Рассматриваются механизмы утепления супружеских отношений: сюжетные конвенции, характеризующие ситуацию установления доминирующих смыслов и способов поведения; ритуалы повседневной жизни (приветствия, речевые стереотипы, обращения, предпочтения в пищевом поведении, ведение книг домашних расходов, подготовка к открытию и закрытию дачного сезона); юмор, самоирония; хобби, коллекционирование, непритязательные домашние

увлечения способствуют разрешению множества мелких проблем, вырывают из оправы обыденности; стратегии распаковки проблем, включающие определенные принципы последовательности обсуждения и предпочитаемой структуры).

Наследие П. Сорокина как основа современных социологических теорий революции

Епархина О.В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.

Ушинского, Россия, Ярославль

В XX в. появляется широкий спектр современных концепций революции: начало социологии революции положено в первой четверти XX в., а вторая половина XX в. характеризуется выходом большого числа работ, посвященных этой тематике: Б. Адамс «Теория социальной революции», Г. Лебон «Психология революции», П. Сорокин «Социология революции», Л. Эдвардс «Естественная история революции», К. Бринтон «Анатомия революции», Дж. Питти «Процесс революции», Х. Арендт «О революции», С. Хантингтон «Политический порядок в меняющихся обществах», Ч. Джонсон «Революция и социальная система» и «Революционное изменение», П. Калверт «Революция», С. Вагнер «Конец революции: новая оценка современных бунтов», М. Риджей «Стратегия политической революции», А. Коэн «Теория революций: введение», М. Хэгопиан «Феномен революции», Т. Скочпол «Государство и социальная революция» и пр.

К числу наиболее интересных и заложивших основу социологического анализа революций работ можно отнести такие труды как «Социология революции» П. Сорокина и «Естественная история революции» Л. Эдвардса, а также исследования К. Бринтона, Ф. Гросса, Ч. Джонсона, Дж. Питти. Они разработали основные методологические постулаты и подходы к социологическому анализу революций, системы индикаторов наличия революционной ситуации и

динамики революционных процессов. Безусловным лидером этой плеяды является П. Сорокин: как правило, именно его работы служат для социологов неким методологическим и методическим эталоном, хотя он использует достаточно смешанную методологическую базу для своего исследования. П. Сорокин не только создает бихевиористское направление в изучении революций, но и носит существенный вклад в психологические (Дж. Дэвис, Т. Гарр), структурные (Т. Скочпол, Б. Мур), политико-правовые (К. Бринтон, Х. Арендт, Ч. Тилли), и пр. направления: все эти течения сплавлены генерализирующим методом – сравнительно-историческим. Общим для всех этих направлений является выделение поведенческого и управленческого аспекта революции как предмета исследования.

Современная западная социология, игнорируя материальные отношения как основу общественных изменений, предлагает структурные теории, объясняющие происходящие радикальные изменения с помощью производных материальных отношений: власти, легитимности, ценностей, мифов и пр. Это приводит к тому, что, применяя эти теории на реальном историческом материале, мы не можем четко определить сам концепт «социальная революция», а также его производные. Классическим примером такой ситуации является работа П. Калверта, Дж. Дэвиса.

Успешнее решается эта проблема в работах Ч. Тилли, описывающего логику революции, и в концепции модернизации Ш. Эйзенштадта, рассматривающего историю как процесс конвергенции и модернизации множества традиционных обществ. Причина революций в его понимании в основном имеет культурно-психологическое происхождение: революция имеет символы и носителей этих символов, влияющих на психику действующих групп. Таким образом, эта теория также имеет ряд недостатков.

Можно сказать, что периодические всплески исследовательского интереса к проблеме революций свидетельствуют как о возобновляющихся попытках разрешить противоречия социологических теорий революции и создать

стройный методологический базис для их изучения, так и воспроизводстве проблемного поля теории революций во все новых и новых социальных аспектах.

Дж. Голдстоун выделял три основных направления исследований: школу естественной истории (Л. Эдвардс, Дж. Питти, К. Бринтон), «общие теории» революции (Дж. Дэвис, Н. Смелзер, Ч. Джонсон, С. Хантингтон, Т. Гарр) и поколение структуралистских моделей (Дж. Пейдж, Ч. Тилли, Т. Скочпол).

Т. Скочпол в своих поздних статьях отмечает, что с момента развития этого научного направления в 70-х гг. можно выделить ряд исследовательских моделей, относящихся в том числе к социологии революций: присоединение общей модели к объяснению исторических фактов; использование концептов для развития основных исторических интерпретаций; анализ регулярных случаев в истории. Т. Скочпол, выступая за диалог с историческим видением общественных процессов, фактически развивает идеи и стратегии, обобщенные П. Сорокиным в его знаменитой работе 1925 года.

Сегодня концепт «социальная революция», становясь все более размытым по содержанию и структуре, усложняет процесс получения теоретического социологического знания в этой сфере. Наследие П. Сорокина, заключающееся в системном, интегрированном подходе к изучению революции как комплексного социального явления, с одной стороны обусловило появление многообразных подходов к революции, сочетающих индивидуальное и групповое, системное и структурное начала (депривационные, структуралистские, детерминистские и пр.), но, с другой стороны, стимулирует к поиску все новых объяснительных схем и моделей в рамках историко-социологического анализа.

Проблема региональной идентификации в современной социологии

Еремина Е.В.

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

Процессы регионализации, характерные практически для всех стран мира, изучаются такими науками как география, социология, история, философия, а конкретное содержание данных процессов зависит от того, какой именно ас-

пект региональной жизни попадает в поле внимания исследователей. Для одних ученых регион – это близлежащие страны, связанные определенными историческими и социокультурными узами, для других – хозяйственно-экономическая общность; для третьих – территориально-административная единица в составе государства.

В России регионы становятся важными субъектами политических отношений и играют все более существенную роль в межгосударственных, в том числе и в геополитических процессах. Процессы глобализации, характерные и для современной России, имеют крайне неравномерный и конкурентный характер, способствуют появлению новых возможностей, но в тоже время и новых проблем, обусловленных сложностями самоидентификации. Самоидентификация проявляется в деятельности социальных групп и институтов, она определяется не только статусом и ролью личности, но и ее индивидуальными особенностями. При этом проблемы идентификации, как правило, становятся особенно актуальными в переломные, сложные периоды в истории страны.

Исследование поведения людей часто заставляет социологов обращаться к понятию идентификации, при этом региональная самоидентификация находится ныне почти вне поля зрения социологов. Область социологии пространства была практически исчерпана в результате игнорирования территориальных факторов. Это привело к тому, что социология пространства развивается не столько благодаря социологам, сколько географам.

Изучая процессы формирования и проявления идентичности, многие социологи предпочитали рассматривать ее этнические, национальные аспекты, не уделяя должного внимания ее региональной составляющей. Региональную идентичность часто понимают как производную от этнической, которая возникает только там, где этнические идентичности пересекаются на какой-либо территории и порождают конфликт территориального характера. Однако у региональной и этнической идентичностей абсолютно разные основания и механизмы развития. Региональная идентичность, в отличие от этнической, проявляется, прежде всего, на уровне региона как «целого», как определенной совокуп-

ности разнородных индивидов, а не просто отдельных индивидов как таковых.

В условиях ослабления национальной идентичности региональная идентичность может составить ей конкуренцию, тем самым, нарушая единство в государственном смысле. В стабильном обществе региональная идентичность не выходит на первый план. Однако в условиях отдаленности от центра и ощущения провинциальности, усиления локальных и региональных составляющих самоотождествления, национальный компонент становился малозаметным а, локальная и региональная идентичности начинают доминировать. На региональном уровне общие особенности стратегии и тактики органов власти проявляются в стремлении к монополизации социально-экономического и политического пространства.

Одной из особенностей современной регионализации в России является то, что объединение регионов достаточно сложно структурировано. Российская Федерация представляется асимметричным образованием, поэтому оценка современных процессов региональной идентификации во многом неоднозначна и противоречива, в том числе и в силу существования в нем разных сторон субъективного восприятия. Региональное развитие всегда характеризуется сменой двух основных противоположных тенденций: с одной стороны, тенденцией укрупнения и слияния регионов и, с другой стороны, тенденцией распада их на части, отделения территории. Обе эти тенденции закономерны и имеют под собой объективные основания. В связи с этим стоит особо подчеркнуть важность проблемы, связанной с влиянием специфики самого размера региона на внешние эффекты региональной идентичности. Часто озвучиваемые в последнее время проекты переструктурирования субъектов федерации слабо учитывают возможность увеличения сепаратистского потенциала регионального сознания, присущего теоретически конструируемым моноэтническим регионам. Поэтому на сегодняшний день важнейшей задачей социологии является выявление тех социальных условий, при котором сепаратистский потенциал регионального сознания может развиваться в ущерб его консолидационному потенциалу.

Особенности восприятия детьми своих взаимоотношений с отдельно проживающим родителем после развода: социологический аспект.

Ермилова А.В., Королик А.И.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Россия, Нижний Новгород.

Развод это кризис, который затрагивает всю семейную систему и тяжело переживается не только супругами, но особенно детьми. Именно для детей развод родителей является трагичным происшествием, сродни утрате близкого человека. Подавляющее большинство детей от старшего дошкольного до подросткового возраста реагируют на него как на один из самых тяжелых стрессов: ухудшается здоровье, появляется агрессивность, апатия, возникают проблемы с учебной, разрушаются социальные контакты. Однако семья играет основополагающую роль в формировании личности ребенка. Для ее полноценного развития, исключения психических отклонений, предупреждения развития фобий, формирования гетеросексуальных навыков, стереотипа полоролевого поведения необходимо общение с родителями обоих полов. После развода треугольная система отношений рушится, что может привести к негативным последствиям в развитии и социализации ребенка. В своей статье А.В. Ермилова и А.И. Королик осуществляют анализ процесса восприятия детьми отношений с отдельно проживающим родителем в условиях развода в семье. Основной исследовательский вопрос был направлен на выявление факторов, усложняющих взаимоотношения с отдельно проживающим родителем, а также выработку комплекса мер по минимизации деформаций воспитательной функции неполной семьи. Предлагается сравнительная характеристика причин, затрудняющих процесс возникновения обратной связи между ребенком и его ушедшим из семьи родителем в двух регионах страны. Авторы опираются на данные, полученные в ходе социологического исследования, проведенного с помощью индивидуального анкетирования в Н. Новгороде и в Иванове, объем выборочной совокупности 200 человек.

Анализируя полученные данные, А.В. Ермилова и А.И. Королик выяв-

ляют уровень материальной обеспеченности и жилищные условия неполных семей, которые, по мнению авторов, могут влиять на характер протекание процесса общения с отдельно проживающим родителем. В частности, исследовательский интерес также направлен на изучение вопроса вовлеченности детей из неполных семей в трудовую деятельность и значимости их вклада в семейный бюджет, на основе чего выявляются категории неполных семей, которые находятся в наиболее трудной жизненной ситуации. Авторы в целом определяют отношение детей к разводу родителей в зависимости от их социально-демографических характеристик и фиксируют негативное отношение к нему, особенно в тех семьях, где уровень материальной обеспеченности данного социального института после развода родителей резко понизился. Кроме того, А.В. Ермилова и А.И. Королик подробно описывают следующие аспекты взаимоотношений с отдельно проживающим родителем: желание детей общаться со вторым родителем и причины отсутствия такого желания, частоту их встреч, виды участия второго родителя в воспитании ребенка (детей). С особой внимательностью исследователи изучили вопрос, связанный с проблемой девиантного поведения отдельно проживающего родителя, что естественно сказывается на детско-родительских отношениях и является причиной запрета общения со вторым родителем со стороны матери/отца. Показано, что отношения между бывшими супругами после развода играют очень важную роль в процессе воспитания детьми своих взаимоотношений с отдельно проживающим родителем, в результате чего авторы выявляют несколько наиболее распространенных типов общения между бывшими супругами. В итоге авторы дают оценку детско-родительским взаимоотношениям, в основе которых лежит влияния объективных и субъективных факторов. Выявлена тенденция изменения отношения к общению с ушедшим из семьи родителем в соответствии с увеличением возраста и пола детей. В статье доказывается, что отдельно проживающий родитель с увеличением стажа разрыва отношений со своей бывшей семьей сокращает количество встреч со своим ребенком, что является негативным последствием сепарации. Подводя итог, авторы указывают на то, что в основе процесса вос-

приятия детьми своих взаимоотношений с отдельно проживающим родителем после развода лежат следующие факторы: во-первых, пол и возраст ребенка; во-вторых, финансово-экономическое положение семьи; в-третьих, характер взаимоотношений между бывшими супругами; в-четвертых, специфика отношений ребенка с совместно и отдельно проживающим родителем; в-пятых, наличие девиантного поведения у родителей (родителя).

Факторы инновационной активности современного промышленного предприятия

Желнина Е.В.

Тольяттинский государственный университет, Россия, Тольятти

В современной науке понятие инновационной активности промышленных предприятий рассматривается в контексте экономической активности. Кроме того, инновационная активность является ключевым элементом в структуре научно-технического прогресса как фактора социально-экономического роста. В результате анализа имеющейся в научной литературе информации и на основе данных проведенных авторских социологических исследований были определены и обоснованы факторы инновационной активности современных промышленных предприятий. Важно определить, что под понятием «фактор инновационной активности» мы понимаем какой-либо феномен, процесс, или явление, оказывающее влияние на проявление, интенсивность, эффективность и результативность инновационной активности промышленного предприятия. Необходимо отметить, что различные ученые акцентируют важность и преобладающее влияние на экономику и инновационное развитие предприятий те или иные факторы в зависимости от предпочитаемых научных интересов.

Рассмотрим каждый из представленных факторов подробно с целью определения его роли в инновационной активности современного промышленного предприятия.

1. Культура. Культура является той средой, в которой зарождаются все происходящие процессы, начиная сугубо индивидуальными и заканчивая глобализационными. Проблематика культуры, как важного элемента социально-

экономического развития, активно разрабатывалась как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, к числу последних можно отнести Т. Парсонса, М. Вебера, П. Бурдьё, М. Адлера, К. Манхейма. Среди отечественных ученых следует отметить Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, С. Франка, Н. Бердяева, а среди современников – Л.Н. Когана, А.С. Капто, А.Л. Маршака, В.Л. Иноземцева. Проанализировав научные подходы указанных исследователей к изучению понятия «культура», можно сформировать несколько ее аспектов (культуры), значимых для нас с точки зрения понимания механизмов инновационной активности: репрезентативный (знаковый), системообразующий, ценностный, социально-психологический, деятельностный и динамический (инновационный).

2. Наука и образование. На наш взгляд, в постиндустриальную эпоху, в условиях информационного общества данный фактор является одним из самых значимых, причем, можно проследить динамику постепенного усиления его воздействия в последнее десятилетие. Важно отметить, что формирующаяся в развитых странах инновационная экономика использует наукоемкие товары и услуги для образования более половины валового внутреннего продукта.

3. Технологии. Достаточно большая группа ученых особо подчеркивает значение новых технологий для интенсификации инновационного развития. Л. Вегер констатировал наступление технологического переворота, который впоследствии способствовал появлению новых производственных отраслей, а также широкому распространению информационных технологий в существующие традиционные экономические отрасли. Подводя промежуточные итоги проведенного ретроспективного анализа, следует отметить, что инновационное развитие промышленных предприятий (которое, кстати говоря, является прямым следствием их инновационной активности) напрямую зависит от уровня освоения ими новых информационно-компьютерных технологий, способствующих оптимизации процессов обмена знаниями, информацией, технологиями и опыта интеллектуальной деятельности.

4. Управление. Богатство и экономическая стабильность государства

обеспечивается трудом его граждан. Но данный тезис имеет и обратное значение: устойчивая позитивная динамика экономики создает благоприятные условия для благополучия граждан данного государства: обеспечение занятости трудоспособного населения, роста доходов и уровня потребления работающего человека и его семьи. Но со второй половины обнаружилась новая тенденция: скорость и эффективность экономического роста работника все в большей степени стали выстраиваться на основе уровня развития самого работника, обусловлены имеющимся у работника человеческим капиталом. Важно отметить, что взаимосвязь категорий «экономический рост» и «развитие человека» проходит в латентной, скрытой форме, чтобы ее обнаружить, необходимо провести тщательный анализ. Но те страны, правительства которых уловили условия, способствующие развитию данного взаимодействия, продиктованного информационно-инновационной революцией, обеспечили благосостояние для своих граждан. Таким образом, можно сделать вывод, что инновационная активность каждого отдельного субъекта экономических отношений очень плотно вплетается в ткань национальной экономики, позволяя нам говорить о национальной инновационной системе. Основа инновационной системы состоит в наличии внутрисистемных характеристик, причем, их состав и количество, а также характер взаимодействия между ними, не имеют принципиального значения.

5. Общественное воспроизводство. Й. Шумпетер рассматривал инновации как условие и суть экономического развития. В итоге анализа теории Й. Шумпетера мы можем представить инновационное развитие как перманентный процесс обновления имеющихся и создания новых товаров и услуг. И именно эти измененные, модернизированные продукты и технологии направлены на обеспечение высокого уровня конкурентоспособности действующих промышленных предприятий.

Арабская весна, ислам и национальное освобождение

Желтов В.В.

Факультет политических наук и социологии, Кемеровский государственный

Победа исламистов на выборах последних двух–трех лет в ряде арабских стран со всей остротой поставила в политическую повестку мусульманского мира вопросы, относящиеся к проблематике теологии освобождения. Это определенным образом напоминает ситуацию, имевшую место в странах арабского мира в начале прошлого века, когда перед ними во весь рост вставала проблема национального освобождения.

Правда, есть весьма существенное различие между ситуациями, разделенными во времени столетием. Суть этого различия заключается в том, что в начале прошлого века силой угнетения являлись страны западного мира. Теперь же, к началу XXI в., угнетение в арабских странах исходило от правителей мусульманских стран, а потому вопрос национального освобождения теперь обретал с неизбежностью и теологическую окраску.

Есть и еще одна сторона проблематики Арабской весны, на что обращают внимание некоторые аналитики. Так, К.Р. Жбейли³⁵ обращает внимание на изменение отношения населения к западным странам. Он, в частности, пишет в одной из своих статей: «Исламистская парадигма всегда была оппозиционной по отношению к Западу. После жеста Буазизи³⁶ Запад утратил свое место в этой парадигме. «Любоненависть» к Западу подошла к концу. Тело Буазизи оказалось идентичным Тунису»³⁷.

Арабская весна как революционное изменение не может быть в полной мере осмыслена и научно интерпретирована без учета отношения сил ислама к революционным преобразованиям общества.

Как справедливо отмечает видный исследователь исламского мира во

³⁵ Жбейли Карим Ричард – психолог и психоаналитик, работающий в настоящее время в Канаде.

³⁶ Молодой араб-тунисец, совершивший акт самосожжения в декабре 2010 г., положивший начало Арабской весне.

³⁷ Karim J. Antropologie du geste de Mohamed Bouazizi // Les Printemps arabes / Sous dir. de Michel Peterson. Montréal, 2011. P. 51.

Франции Матье Гидэр, подлинным источником вдохновения «теологии освобождения» наших дней являются идеи *арабского национализма*, который привел к утверждению политического исламизма.

Но дело не только в этом. Как показывает опыт социально-политического развития ряда стран Северной Африки и Ближнего Востока, за последние три – четыре десятилетия идея национального освобождения не могла не претерпеть радикального изменения. Особенно если учесть, что случилось, в частности то, что с крушением СССР и мировой социалистической системы, по сути, во многом утратила право на существование в арабском мире альтернативная модель политического развития, которая в прежние годы получила наименование «социалистическая ориентация».

Война в Персидском заливе (1991) между многонациональными силами во главе с США с Ираком за восстановление независимости Кувейта представляла собой своеобразное окончание эпохи арабского национализма. К тому же не следует упускать из виду тот факт, что в 1980-е гг. Ирак, можно сказать, играл роль некоего «барьера» на пути распространения Иранской исламской революции. Своеобразным свидетельством этого является кровопролитная ирано-иракская война 1980–1988 гг., которая не выявила ни победителя, ни побежденного. Однако, по мнению аналитиков, эта война готовила грядущий подъем *народного исламизма*.

Как показали события начавшегося столетия в арабских странах, подъем *народного исламизма* осуществлялся по двум направлениям. Во-первых, в арабских странах постепенно нарастало так называемое внутреннее сопротивление авторитарным и тираническим режимам, что сопровождалось усилением влияния исламистских партий, и прежде всего «Братьев-мусульман». А во-вторых, в ряде стран в это же время постепенно нарастало влияние так называемых внешних сил в лице Аль-Каиды и джихадистских тенденций в социальных движениях, которые направляли свои усилия на борьбу с западными странами.

Оба указанных нами направления в становлении народного исламизма образовали в своих конкретных практических выражениях теологию освобождения,

которая получала вполне определенную поддержку в арабских странах среди масс населения. В народном исламе как бы соединились воедино убеждение в том, что «ислам – это решение», что выражается в том числе и в формуле веры *Аллах Акбар*, а также и в том, что политической целью народного движения является *освобождение*. Думается, далеко не случайно в новой теологии освобождения погибшие именуется не иначе, как «мученики», презревшие все утвердившиеся ранее правила и религиозные ограничения.

Эксперты в арабском мире небезосновательно утверждают, что сама логика арабских революций вела к утверждению того, что можно было бы назвать «исламской весной», в рамках которой ценности ислама во многом определили эмоциональный настрой и политическое поведение значительной части населения, и прежде всего молодежи.

Но это был не единственный источник политической активности. Подавляющее большинство тех, кто принял участие в реальном осуществлении революций, руководствовались не только духовными и религиозными убеждениями. Вопреки реальным опасностям, в том числе и для жизни, тысячи и тысячи мусульман выступали с позиций улучшения своей материальной ситуации.

Исламистские партии в ходе «арабской весны» выдвигали два основных лозунга, отражавшие, с одной стороны, *духовную (справедливость)*, а с другой – *материальную (развитие)* ориентацию. Эти лозунги лежат в основе теологии освобождения, которая теперь не ограничивается идеей спасения от материальных принуждений внешнего мира. Она основывается на идее освобождения от страха на пути построения новой жизни. И это радикально изменяет представления исламистов об объективной реальности социального мира и путей его преобразования. На передний план выходит *исламизм социальный и солидарный*. Правда, как отмечает М. Гидэр, если в данный момент религия отвечает народным ожиданиям в вопросах свободы, то это вовсе не означает, что религиозный ответ с обязательностью будет носить освободительное содержание. Многие в реальности зависят от того, как ведется политическая борьба, что лежит в основе отно-

шений власти и народа³⁸.

Арабские революции убедительно продемонстрировали силу и мощь народов, когда они поднимаются на борьбу против диктаторских режимов, когда в одночасье рушатся стены страха. Прав Б. Хадер³⁹, когда говорит, что революции в арабских странах принесли доказательства того, что их борьба характеризуется национальным измерением, а коллективная идентичность является арабской. «То, что сегодня разыгрывается в арабском мире, – утверждает Б. Хадер, – это не только демократия в рамках данного государства, это еще и независимость в рамках всего региона... И как бы далее ни развивались события в странах арабского мира, ясно одно: этот мир более никогда не будет прежним»⁴⁰.

Концептуальный подход к пониманию сущности моды: опыт и перспективы

Жилина А.А., Моор С.М.

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет», Россия, Тюмень

Интерес к способности моды отражать специфику происходящих общественных трансформаций становится основой построения теоретической системы знаний о ней. Феномен моды связан с многообразными общественными отношениями, в связи с чем ее осмысление проявляется в мультидисциплинарном описании совокупности различных научных фактов. В соответствии с динамикой развития общества, формируется теория моды, состоящая из отдельных концепций, которые развивают и дополняют друг друга или составляют альтернативные точки зрения. Исследования моды прослеживаются в работах многих классиков социологии. Развитие постнеклассической науки требует поиска нового подхода.

³⁸ Guidère M. Le printemps islamiste. Démocratie et Charia. P., 2012. P. 36.

³⁹ Хадер Бишара (1944 г. рожд.) – признанный специалист современного арабского мира, проживающий в Бельгии.

⁴⁰ Khader B. Le «printemps arabe»: un premier bilan // Alternatives Sud. 2012. N 4. P. 37–38.

В одном из первых упоминаний о моде, И. Кант показал ее как способ общественной оценки и социальный регулятор, выделил основополагающие аспекты, такие как новизна и формальность, обозначил подражательную природу модного поведения.

По мнению Г. Спенсера, сущность моды составляет социальное подражание высшим, которое может принимать форму почтения или соревнования, и носит скорее точечный характер.

Мода вписывается в теорию подражания Г. Тарда, она связана с возникновением новых идей, которые распространяются лучеобразно путем подражания в геометрической прогрессии. Автор формулирует универсальный закон подражания: оно распространяется от высшего к низшему, действуя изнутри наружу и становится взаимным. Подражания могут быть отдалены в пространстве и времени; новаторские начинания привносят и новые потребности, и новые средства их удовлетворения, что определяет непрерывный процесс изобретений и подражаний.

Г. Зиммель определяет природу моды через механизм подражания, в основе которого лежит свойство одновременно служить социальному выравниванию и индивидуальному различию, что проявляется в следовании модному образцу или отстранении от него. С развитием общества потребность в изменениях постоянно растет, однако моде свойственна «тенденция к сохранению сил», в результате она возвращается к прежним формам, и этот путь можно сравнить с круговоротом.

Как проявление демонстративного потребления в теории Т. Веблена, мода формируется под действием основной движущей силы – социального соперничества. «Принцип новизны» является следствием «закона демонстративного расточительства». В процессе экономического, социального, культурного развития и информационной открытости общества, растет количество модных образцов, ускоряется темп смены модных парадигм.

В. Зомбарт, под модой понимает «каждое изменение вкуса, которое ведет к преобразованию потребностей в течение жизни одного поколения». В

рамках его концепции увеличение темпов распространения моды связано с развитием потребительского общества. Стремление к нововведениям увеличивается с ростом темпов социального взаимодействия, распространения информации и производства.

Согласно теории Г. Блумера механизм моды действует как реакция на потребность в движении к новому будущему от устаревшего прошлого и представляет собой коллективный отбор из множества конкурирующих образцов.

Каждая из представленных концепций отражает социальную сущность моды, описывая механизм и траекторию движения, наиболее выраженные в определенный период. Однако и сегодня они не утратили своей актуальности, и могут предоставить набор определяющих взаимосвязанных характеристик: социальное подражание, престижное потребление, коллективный отбор.

Современная мода представляет собой систему сложных социально-экономических и культурных связей, индустрию производства, распространения и потребления модных форм и значений. Л.И. Ятина считает, что с конца XX века преобладающее направление в описании развития моды как социального феномена становится концепция индустрии моды. В рамках классических теорий представлено, что модные образцы создаются и распространяются, потребляются, демонстрируются референтными группами. В основе концепции индустрии моды, лежит модель, описанная Ж. Бодрийяром, согласно которой процесс их распространения через референтные группы становится виртуальным.

Основополагающая сущность моды – ее инновационный характер, отмечается во всех теоретических подходах; направление движения моды отражает динамику общественного развития. Современная культура развивается нелинейно. Цикличность, свойственная многим социокультурным процессам, ярко представлена и в моде. Историческая преемственность, возвращение к утратившим актуальность модным формам и устремленность в будущее формируют модные циклы, которые пересекаются во времени и пространстве, накладываются друг на друга, но никогда не повторяются.

С нашей точки зрения, одним из плодотворных направлений понимания сущности моды является синергетический подход, в рамках которого возможна интерпретация модных циклов как процессов социальной самоорганизации. Мода может быть показана как социальный процесс, на разных фазах которого действуют различные законы структурных изменений в сложноорганизованной системе. Синергетическое видение позволит объединить междисциплинарный интерес к изучению феномена моды.

Развитие кадрового потенциала медицинской организации: новые возможности в современных условиях

Жилина Т.Н.

Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, Россия, Москва

В программных документах Министерства здравоохранения РФ, в решении задач, поставленных Концепцией развития здравоохранения до 2020 года, подчеркивается необходимость консолидации усилий по разработке и внедрению новых технологий в развитие кадровых ресурсов здравоохранения, повышение эффективности труда в отрасли.

Надежность системы здравоохранения определяется кадровым потенциалом отрасли.

В современных условиях представляются важными вопросы повышения квалификации медицинских работников в процессе их деятельности, создание условий для планомерного роста профессиональных знаний и компетенций, формирование системы управления кадровым потенциалом отрасли с учетом структуры региональной потребности в медицинских кадрах, их оптимального размещения и эффективного использования, повышение престижа медицинской профессии.

Практика показала необходимость создания условий для повышения качества и непрерывности профессионального обучения медицинского персонала: своевременное прохождение сертификационных циклов, внедрение дистан-

ционных и электронных образовательных технологий, обеспечение информационно-образовательными материалами на рабочих местах, внедрение симуляционного обучения.

Вызывает беспокойство неравномерное географическое распределение медицинских кадров. Большинство медицинских работников концентрируется в крупных городах, усиливая дефицит кадров в сельских и отдаленных районах, что усугубляет проблему доступности медицинской помощи для населения. Сельские районы не укомплектованы медицинскими кадрами, недостаточно финансируются.

По данным опроса, проведенным НИИ социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования ГБОУ ВПО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова в январе-феврале 2012 года, заинтересованные программой «Земский доктор» молодые специалисты и выпускники вузов отмечают в первую очередь, как достоинство, иметь возможность получить уникальный профессиональный опыт, как недостаток – профессиональную изолированность и тяжелые условия труда на селе.

По итогам 2012 года программа «Земский доктор» привлекла на село около 8 тысяч молодых специалистов, каждый из них получил компенсационные выплаты в размере 1 млн рублей из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования, что, является недостаточным, чтобы компенсировать сложные социально-бытовые условия жизни в сельской местности и будущие риски, связанные с карьерным ростом и профессиональными навыками.

В период 2011–2013 гг. реализованы мероприятия по созданию Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, на эти цели было выделено 24 млрд рублей.

В результате был запущен ряд сервисов для различных категорий пользователей. В четырех тысячах медицинских организаций внедрен сервис «Запись на прием к врачу в электронном виде», обеспечена возможность ведения элек-

тронной медицинской карты. Электронная медицинская карта – важная составляющая для постановки правильного диагноза, выработки тактики лечения, исключает ведение ненужной документации между врачом и пациентом, существенно облегчает работу медицинского персонала.

Почти три тысячи медицинских организаций имеют возможность обмена медицинскими данными, многие медицинские организации имеют свои сайты. Организована и функционирует национальная электронная медицинская библиотека по 36 медицинским специальностям, содержащая более 3 тыс. полнотекстовых документов и около 600 книг.

В 2013 году планируется поэтапное внедрение в практику электронного рабочего места врача с возможностями дистанционного непрерывного образования, телеконсультаций с коллегами, а также введение в практику сервисов «Личный кабинет пациента», «Электронный больничный», «Электронный рецепт».

Однако серьезной проблемой является отсутствие подготовленного персонала для работы с электронными ресурсами и как следствие сложности, с точки зрения практической реализации.

Таким образом, стратегия развития кадрового потенциала медицинской организации должна включать в себя комплекс мер, направленных на подготовку медицинских работников с использованием современных образовательных технологий, внедрение эффективных мотивационных механизмов, решение социальных вопросов, повышение престижа медицинской профессии.

Теоретические подходы к анализу политической и социально-экономической ситуации в России

Журавлев В.Е.

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Россия,
Москва*

Россия переживает сложный период экономического и политического

развития, столкнувшись с применением экономических санкций со стороны США и ЕС. Однако факты показывают, что проблемы заключаются не только во внешних вызовах, но и в самой социально-экономической системе, сложившейся на сегодня в стране. Так, бюджет-2013 выполнялся при благоприятных внешнеэкономических условиях: цена на нефть марки «Юралс» при запланированном уровне 97 долл. за баррель составила 107,9 долл. за баррель; цена на газ оказалась выше плановой на 6 процентов.

Казалось бы, высокие цены на углеводороды и политическая стабильность создают оптимальные условия для экономического роста и социального развития. Однако темп роста ВВП составил 101,3% по итогам 2013 года и зафиксирован на 2,4% ниже запланированного значения. Экономический рост в 2013 году составил 1,3% при плане в 3,7%. Стоимость минимального набора продуктов питания в среднем по России составила 2871,5 руб. и выросла за 2013 год на 9,9% – на 3,4% выше, чем рост инфляции. Количество субъектов Российской Федерации, консолидированные бюджеты которых исполнены с дефицитом в 2013 году увеличилось за год с 67 до 77. В 28 субъектах Российской Федерации наблюдалось абсолютное снижение доходов. Консолидированный внешний долг России за 2013 год вырос на 92,5 млрд или на 14,5% и на 1 января 2014 года составил 728,9 млрд долл. Он на 43% превышает международные резервы страны. За пять лет государственный долг Российской Федерации вырос в 2,5 раза. Степень износа основных фондов, по данным Росстата, составляет более 47%, а коэффициент обновления основных фондов менее 5%.

Напряженной остается ситуация в социальной сфере, особенно в регионах. По Конституции (п. 1. Ст. 7), Российская Федерация – социальное государство. Но это остается, к сожалению, только декларацией. В России за последние четверть века возникла крайне высокая степень поляризации в доходах среди различных социальных групп населения. Децильный коэффициент социального неравенства, в настоящее время, составляет, примерно, 16. По экспертным оценкам, он еще выше. Оптимальное соотношение данных групп не должно превышать 7. Не менее 10% россиян живут ниже уровня абсолютной бедности.

Приходится констатировать, что Россия, несмотря на наличие серьезных природных и трудовых ресурсов, стала типичным периферийным государством, потерявшим научную и индустриальную базу и превратившуюся в поставщика углеводородного и иного сырья для экономики западных стран. Экономическое преобладание крупных сырьевых корпораций привело к образованию соответствующей политической структуры, которую в общем виде можно охарактеризовать как олигархат компрадорской буржуазии. Политические институты, будучи по форме демократическими, на деле в качестве реальной неформальной практики представляют собой механизм господства олигархических групп. При этом господствующие социальные группы нельзя назвать предпринимательскими. Поведение российской «бизнес-элиты» является псевдорыночным, когда преследуется цель «максимум дохода ценой минимума трудовых затрат». Такие группы соответствуют типу «стяжательского» поведения, которые Торстейн Веблен охарактеризовал как «праздный класс». Этот тип Веблен противопоставляет «производительному» типу поведения, характерному для промышленных групп. Для праздного класса становится характерным принцип демонстративного расточительства.

В стране сложилась парадоксальная ситуация: 1) нет открытой рыночной экономики и возможности вертикальной мобильности посредством предпринимательской деятельности; 2) нет государственного механизма экономического развития и социального патронажа, обеспечивающего стабильность. А есть какой-то странный социальный механизм паразитирования узкой группы лиц за счет хищнической эксплуатации природных ресурсов. Характерной чертой сложившегося порядка стала система круговой поруки, где лояльность важнее всех прочих качеств. В результате, из России уезжает множество людей, хорошо образованных и в расцвете сил. По данным ФМС России, в благополучном 2013 году уехало порядка 27 тыс. человек. Уезжают часто потому, что не могут найти возможности для социальных лифтов в России из-за сложившейся системы бюрократии и коррупции. И как страна в таких условиях будет развиваться, решать геополитические и иные задачи? Существующая социаль-

но-экономическая модель не может быть стабильной и эффективной, и ее необходимо трансформировать самым принципиальным образом. Но такая трансформация не должна проводиться в русле призывов и действий российской оппозиции по «либерализации», которая трактуется российскими политиками и экономистами как снижение государственных социальных обязательств и отказ от политики протекционизма в отношении национального производителя. Это означает дальнейшее свертывание социальных программ и резкую интенсификацию эксплуатации природных ресурсов и населения.

Необходимо выбрать правильное направление системных и структурных реформ российского общества, которое, на наш взгляд, должно сочетать в себе инновационную промышленную политику в экономике, солидарность и справедливость в социальных отношениях, консерватизм как социо-культурное и политическое течение. Такой подход способен консолидировать российское общество, задать необходимый вектор развития страны. Это направление можно охарактеризовать как консервативно-социальное.

Профессионализация муниципальных служащих в условиях транзитивного общества

Забнева Э.И.

ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева», филиал в г. Новокузнецке, Россия, Новокузнецк

Как многомерное явление профессионализация является предметом исследования в философии, экономике, психологии, педагогике, этике, социологии. Причем каждая наука привносит в данное понятие признаки своей предметной области, обогащая и развивая его содержание и объем. Социологической литературой отражены различные концептуальные подходы к анализу профессионализации.

Понятие профессионализации тесно связано с типом общественно-экономической системы [Abbot, 1993; Шабанова, 2006]. Основной характеристикой современного общества является его непрерывное социальное движе-

ние, что заставляет говорить о нем, как о модернизирующемся, трансформирующемся или транзитивном. Ярким примером транзитивного общества является Россия.

Трансформационные явления, происходящие в современном российском обществе, актуализируют проблему профессионализации, определяют содержание и результативность этого процесса. Степень влияния особенно видна, если рассмотреть особенности профессионализации муниципальных служащих.

Появление муниципальных служащих связано с развитием местного самоуправления. Несмотря на то, что история местного самоуправления в России имеет достаточно длительный период, начиная от зарождения и поэтапной эволюции до его современного состояния, конституционно становление системы местного самоуправления было признано двадцать лет назад, поэтому мы можем говорить о муниципальной службе как о достаточно новом виде профессиональной деятельности.

Муниципальная служба возникает в условиях становления гражданского общества в России, она представляет собой институт, имеющий государственно-общественный характер. Из этого вытекают особенности и противоречия процесса профессионализации муниципальных служащих.

Первое противоречие порождается неопределенностью функционально-ролевой позиции местного самоуправления. Сегодня ярко выражено несоответствие между установкой законодательства, рассматривающего принципы самостоятельности как базовый элемент самоуправляемого гражданского общества, и устоявшимся в обществе отношением к органам местного самоуправления как к органам государственной власти низового уровня. Такая полярность приводит к устоявшемуся в обществе олицетворению муниципальных служащих с чиновниками от государства и не пониманию истинной сущности данной профессиональной деятельности.

Достаточно ярко в условиях транзитивного общества прослеживаются изменения в системе социального управления. Изменились, прежде всего, субъектно-объектные отношения процесса управления, гражданин из управляемого

объекта перешел в статус рефлекслирующего субъекта, из «просителя» в статус реализующего свои права клиента, потребителя управленческих услуг. Намечившееся изменение требует соответствующей трансформации организационной культуры и организационного поведения муниципальных служащих, однако мы наблюдаем, как консервативно и бессистемно сегодня происходит процесс реформирования управленческой культуры муниципальных служащих.

Современная действительность требует в отношениях власти и общества перехода от технологии воздействия к технологии взаимодействия, создания условий для привлечения граждан к принятию управленческих решений, но неоправданная закрытость деятельности муниципальных служащих приводит к пассивности населения, отсутствию интереса со стороны граждан к вопросам муниципального развития, и как следствие, к недоверию муниципальным служащим.

В числе причин недоверия и неудовлетворенности деятельностью муниципальных служащих низкий уровень их профессионализма. Тут возникает сразу два противоречия. Одно связано с тем, что квалификационные требования к уровню профессионального образования, стажу муниципальной службы, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, юридически оформлены, однако в обществе, несмотря на достаточное многообразие научных подходов к данному явлению, еще не сложилась модель профессионализма муниципальных служащих. Другое противоречие заключается в том, что муниципальные служащие как социально-профессиональная группа должны соответствовать новым требованиям общества, но при этом отсутствует система формирования профессионализма муниципальных служащих.

И наконец, этическая сторона данного вопроса. Морально-нравственные качества личности муниципального служащего являются профессионально важными в силу особого статуса и миссии данной профессиональной деятельности. Высокий уровень самоконтроля и личной ответственности, понимание своей миссии как служение обществу требуются сегодня муниципальному слу-

жащему. Однако само общество потребления, потерявшее духовность как значимую ценность, негативно влияет на процесс профессионализации муниципальных служащих.

Таким образом, мы можем говорить о том, что муниципальные служащие в процессе профессионализации сталкиваются с рядом объективных условий транзитивного общества, тормозящих их становление как профессиональной группы. Им еще предстоит выделение собственной уникальной области знания и трансформация ее в социальный престиж, формирование идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу.

**Tourism as a factor of migratory processes
in Krasnodar Region of Russian Federation: positive and negative effects**

Завьялова Н.В.

Институт по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, Россия, Ростов-на-Дону

Today traditional understanding of tourism only as a service-producing industry don't respond to the requirements of the contemporary reality so far as tourism can influence on socio-political and economic development of region. It is considered that tourism can impact on regional economic prosperity, increasing incomes of local population, reducing unemployment, and improvement of urban infrastructure. Having so many constructive effects and promising higher standards of life tourism is able to attract more people from other territories, in other words, tourism can be a reason of growth of active migratory processes.

For example, after the Olympic Games of 2014 in Sochi Krasnodar region can be considered not only one of the most popular Russian tourist centers. During the period of the construction of Olympic facilities and Olympic competition this region became a heart of migratory processes in Russia. According to the statistics in Krasnodar region growth of migration exceeds natural population loss in three times

[1]. In other words, in this region tourism is a factor of increasing of migratory processes.

It is appropriated to emphasize that today the development of tourism in Krasnodar region faces several problems of socio-political character due to the fact that tourism as a factor of migratory processes didn't subject to science reflection till now. Indirectly different problems of exploring of tourism are discussed in scientific works on history of tourism (V. Kvartalnov, I. Orlov, E. Iurchikova), economy of tourist industry (A.Alexandrova, V.Bogolubov, M. Zhukova, N.Kabushkin, G.Papiryan, D. Ushakov, V.SHarafutdinov), and sociology of tourism (T.Ivanova, O. Lysikova, M.Otniukova, T. Chernyaeva).

Scientific relevance of the theme of this article consists in scientific discourse, due to the fact that there is not any theories and conceptions analyzing tourism as a factor of migratory processes. So this article gives the opportunity of new vision of this issue from positions of the transdisciplinary approach. The goal of this article is analysis and evaluation of regional migratory processes caused by development of tourism.

Theoretical analysis allowed to come to the conclusion that there are several scientific approaches to research of tourism as a factor of migratory processes of region: geographic, economic, sociological, historical and ethnopsychological approaches are among them. The limitation of these approaches is overcome by transdisciplinary understanding of tourism [2].

Significant role of tourism in the growth of migratory processes in Krasnodar region has been caused by a long development of tourism in the region's territory, which has in turn caused by the following factors – by the unique natural and recreational resources, favorable regional economic factors, the effective federal and regional government policy in the field of tourism [3].

The influence of tourism on migratory processes of Krasnodar region can be constructive and destructive. So, thanks to tourism the policy and economy of Krasnodar region correspond to the international level, the demand for agricultural products increases, the problems of unemployment are solved, the region's infrastructure

changes. But besides favorable effects of tourism's influence tourism can also become a reason of commercialization of culture and interests of different sectors of population, of increasing of proportion of unskilled labor, of growth of number of ethno-political conflicts and conflicts between tourists and local population.

Also today the organization and holding of the Olympic Games had dual impact on the transformation of migratory processes of Krasnodar region. Positive influence of Olympics on the migratory processes of Krasnodar region had short-term effect. Constructive consequences of holding of the Olympics consist of infrastructure's transformation of the Sochi city, creation of additional jobs, and improvement of the status of political elite of Krasnodar region.

From the standpoint of long-term effect these positive consequences of Olympics become a destructive factor of region's migratory processes. So, firstly, the construction of Olympic facilities is in the region in that their further use is not actually possible; secondly, creation of additional jobs won't be rational because of reduction of tourist traffic after the finishing of Olympics; and, lastly, excessive unplanned construction of the city of Sochi will become a reason of serious ecological catastrophe. In other words, all constructive consequences of Winter Olympic Games appear as destructive that certainly suggests that the Olympics-2014 is a destructive factor for migratory system of Krasnodar region.

Thus, today the only correct solution for this problem is an achievement of a balance between region's tourist sphere and its migratory system that can be possible through the harmony of federal and regional interests, through the development of complicated and effective strategy of tourism, through overcoming of ethnic differences, and also through management of policy with recognition of needs of local population against needs of tourists.

Литература:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.

2. Zhukova N., Posukhova O. Tourism as a factor of socio-political development of Krasnodar region. LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
3. Zhukova N. Key factors of development of tourism in Krasnodar region (materials of author's research) // Socio-humanitarian knowledge. 2012. #11.

К вопросу о парадигмальном кластере методологического арсенала современной социологии

В.И. Залунин

Московский психолого-социальный университет, Россия, Москва

Кластерный анализ парадигмального репертуара современной социологии, в смысле необходимой логической взаимосвязи, дополнения и взаимоперехода различных парадигм, определяемых «объективной логикой» самого научного исследования и специфической природой социальных систем, заслуживает пристального внимания.

Всякое исследование исторически и логически, в своем исходном пункте, имеет предметноцентрический характер. Вначале явление рассматривается как таковое, в своей независимости и себестоимости, как совокупность качеств, или свойств. При дальнейшем исследовании обнаруживается, что качества и свойства явления возникают и проявляются лишь в системе внешних и внутренних взаимосвязей, что диктует необходимость перехода к *системному анализу*. *Системный подход*, убедительно продемонстрировавший свои возможности в разных науках, изучен достаточно обстоятельно и может быть резюмирован в ряде принципов, образующих его алгоритм (чего нельзя с уверенностью сказать о других подходах), следование которым является маркером владения им.

Системообразующей основой системы является ее структура, которой система обязана своими неаддитивными качествами и эмерджентным эффектом, из чего вытекает логическая необходимость *структурного подхода*. Структура представляет собой совокупность устойчивых, инвариантных, воспроизводимых в пространстве и времени связей подсистем и элементов си-

стемы, конституируемых ее функциями, определяющими необходимость перехода к *функциональному подходу*. Значимость этих подходов, разработка которых составила целую эпоху в социологии, социальной антропологии, культурологии и лингвистике, трудно переоценить.

С точки зрения неофункционализма и сами структуры представляют собой иерархизированный, взаимосвязанный набор функций, правил (норм) воспроизводства и преобразования системы, откуда вытекает необходимость *нормативного, институционального* подхода в исследовании социальной системы. Институции, как санкционированные обществом или общностью общепринятые, нормативно закрепленные, функциональные модели поведения, или отвечающие фундаментальным потребностям человека и общества воспроизводимые формы совместной деятельности, определяют необходимость *деятельностного (бихевиористского) подхода*. Поскольку же социальные действия и деятельность являются лишь абстрактным моментом взаимодействия, суть которого в обмене деятельностью и результатами деятельности, следующим логическим шагом является использование эвристических возможностей парадигмы *«теории обмена»*. Здесь, однако, следует сделать оговорку. В принципе представление парадигмального кластера в социологии может начинаться с *«деятельностного подхода»*, поскольку социальная деятельность с ее признаками описывает качественные границы (особенности), социальных систем. Поскольку же деятельность не мыслима вне системы, дальше должны следовать, по понятным причинам, *«системный», «структурный», «функциональный», «институциональный» и т.д. подходы*.

Всякая структура есть «снятая» история разрешения ее внешних и внутренних противоречий, их институционализации, перевода из исторической последовательности в структурную одновременность. В нашем контексте это означает необходимость перехода к *«историко-генетическому» и «диалектическому» (для социологии, так же «конфликтологическому») подходам*.

Все изложенные выше подходы укладываются в разряд в основном «объективистски» или «позитивистски» ориентированных. Однако, поскольку

социальные структуры имеют ментальную (ценностно-смысловую) природу, проистекают из интерактивных смыслов и значений, для их постижения необходим *«феноменологический» и «аксиологический» («парадигма понимающей, интерпретативной социологии»)* подходы.

Источником смыслов и значений, как известно, являются общение, интеракция, коммуникация, предполагающие использование в процессе исследования социокультурных систем ресурсов *«интеракционистского» и «коммуникативистского» подходов.*

Социокультурные смыслы и значение могут существовать, сохраняться и передаваться только посредством знаково-символических систем предполагающих, для своего изучения применение принципов и методов *«герменевтического», «нарративного», «деконструктивного» анализа.*

Имеющие ментальную, ценностно-смысловую и нормативную природу социально-культурные системы могут существовать и воспроизводиться при условии, если ценности, нормы, смыслы интернализуются, инкорпорируются субъектом и индивид идентифицирует себя с ними, оплотняет, натурализует, реифицирует их. Социокультурные структуры должны предстать и воспроизвестись на индивидуальном уровне в качестве системы ценностных ориентаций, диспозиций и установок субъекта. Подлинный смысл истории заключается в интраистории, «оседании» ценностно-смысловых структур общества в диспозиционных структурах личности, превращении их во вторую природу человека, фиксируемую и поддерживаемую физиологически соответствующими функциональными образованиями высшей нервной системы – нейродинамическими блоками. Указанные структуры субъекта функционируют часто в априорной, бессознательной, дорефлексивной, мифоподобной форме, апперципируя способности определения субъектом себя, других и ситуаций. В силу этого обстоятельства указанные выше подходы должны быть дополнены *социально антропологическим, этнометодологическим, психоаналитическим и мифоаналитическим (Ж. Дюран) подходами.*

Поскольку порядок социально-культурных систем периодически проходит через состояния кризиса, хаоса, дезорганизации и реорганизации, важным элементом парадигмального кластера социологии является *системно-синергетический подход*.

Предложенная нами парадигматическая и синтагмическая структура парадигмального кластера представляет собой *идеально-типическую конструкцию*, представленную в сознании *трансцендентального субъекта социального познания*. Парадигмальный регистр (репертуар) и способы синтагмической связи парадигм, используемых эмпирическим субъектом социального познания могут варьировать в зависимости от предмета, целей исследования, принадлежности к определенной школе и методологической культуры познающего.

Этническое самосознание как эпистема и аксиологическая компонента этноса

Зарипов А.Я.

*Уфимский государственный авиационный технический университет,
Россия, Уфа*

Изучение современных социальных групп, объединений, общностей на сегодняшний день давно перестало быть уделом отдельных дисциплин и методологий. Социальные организации предстают как сложные системы, с различными структурными уровнями, слоями, подсистемами, но функционирующие как единый организм. Это означает, что их существование подвержено некоей закономерности, в которой можно выделить устойчивое связи, способствующие их постоянному воспроизводству. Для этнических общностей таким элементом выступает этническое самосознание, которое позволяет массам людей идентифицировать себя с определенной общностью.

Могут быть возражения по поводу вышесказанного, но все восприятие понятия и явления зависит от координат ценностей и мировоззрений. Скажем для людей, предпочтения которых отданы традиционным ценностям – это может быть аксиомой, а для тех, кто ориентирован на либеральные ценности – ар-

хаизмом. Но поскольку наш мир не представляет из себя идеальную картину, с одинаковыми ценностными ориентирами, то и отношение к данному феномену различное.

Многомерность феномена этнического самосознания отмечали давно. Это связано с существованием дискурса об этническом самосознании и его значения для общностей, которые объединены в такую общность как этнос. Этническое самосознание в эпоху глобализации, интернационализации, действительно превращается в когнитивный инструмент конструирования идентичности. В условиях, когда маркеры идентичности размыты, невозможно провести демаркационные линии культур, роль этнического самосознания не снижается, а, наоборот, повышается. Об этом свидетельствуют последние события на европейском континенте, где наблюдается «парад суверенитетов» этничности.

Этническое самосознание сохранило свою значимость не только в традиционных обществах, но стало проявляться и в странах либеральной демократии в Европе: плебисцит в Шотландии, попытка его проведения в Каталонии, противостояние валлонцев и фламандцев в Бельгии, этно-территориальные проблемы в Германии, Италия, Франция и т.д. на первый взгляд может показаться, что все эти проблемы носят экономический, политический, территориальный характер. Однако онтологические основы конфликтов на территориях с полиэтничной культурой, языками, традициями, менталитетом, психологией коренятся в архетипах сознания. А одним из таких концептов и выступает этническое самосознание.

Для современной либеральной идеологии, этническое самосознание - архаизм, пережиток прошлого. Но на самом деле, оно стало подсознательной идеологеммой для определенной части населения, архетипом, возрожденным эпохой глобализации. Неслучайно идеи плавильного котла, мультикультурализма не оправдали себя, т.к. не учитывали роль этнического самосознания в жизни личности и общностей. Даже несмотря на то, что в Европе превалирует «национальное», этническое самосознание остается востребованной на эпистемологическом уровне.

В полиэтнических государствах, еще не ставшими единой нацией, роль этнического самосознания слишком очевидна. В них этническое самосознание выступает не только как способ идентификации индивида, но и как возможность реализовать общности собственную культуру, ценности. Именно в традиционных обществах, этническое самосознание превращается в эпистему, основную идею, парадигму, позволяющую самовоспроизводить общность снова и снова в новых поколениях. Этнические коды, символы, концепты передаются от отца к сыну, от матери к дочери, фиксируясь в языке, культуре, традициях, стереотипах, затрагивая при этом внутренний мир индивида. И все это закрепляется в так называемых ценностях, которые социализируют личность, дают ему возможность не только пользоваться данными достижениями, но и приумножать и транслировать дальше.

Этнос, как явление социальной жизни, не может существовать без атрибутики, как и другие явления. Атрибутивность этнического самосознания, как столпа, творящего этнос, давно стала аксиомой. Продолжение споров о значимости этнического самосознания, можно объяснить разными причинами, но главным, на наш взгляд, является отношение оппонентов к данному явлению. Представители малочисленных общностей более трепетно относятся к атрибутам собственной общности, т.к. это на самом деле для них и будущих поколений существование самой общности, приобщенность к ней, возможность репродукции и трансляции ее ценностей становится поистине эпистемой, главной целью и задачей жизни.

Этническое самосознание, ставшее одним из важнейших факторов идентичности в условиях глобализации, есть подтверждение тезиса о его ценности для членов общности. И это не зависит от принадлежности ни к традиционной или либеральной системе ценности. В условиях глобализма произошло осознание самоценности такого явления как этническое самосознание, которое выразилось в процессах «глокализации», или реализации этничности в пределах ограниченных территорий.

Здоровый образ жизни в студенческой среде: привычки, мотивационные установки и ценностные ориентации

Звиревич Ю.И.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Доклад посвящен проблеме формирования здорового образа жизни в студенческой среде. Основное внимание уделяется ценностным ориентациям учащейся молодежи, влияющим на следование правилам здорового образа жизни, вопросам институционального воздействия на формирование здорового образа жизни студентов, в том числе, роли и месту в этом процессе органов федеральной и региональной власти.

В современном обществе достаточно острой является проблема здоровья – его сохранения путем отказа от вредных привычек и соблюдения норм здорового образа жизни. Законодательные и исполнительные органы власти предпринимают активные усилия по повышению уровня здоровья россиян. Целью стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года является создание условий, обеспечивающих возможность для граждан страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, получить доступ к развитой спортивной инфраструктуре, а также повысить конкурентоспособность российского спорта.

На федеральном и региональном уровнях реализуются различные программы по охране и укреплению здоровья населения. Например, с 1 июня 2014 года вступил в силу новый антитабачный закон, в рамках которого, введен запрет на курение в общественных местах. С 1 сентября 2014 года в России вновь введены нормы ГТО. На Среднем Урале реализуется проект региональной комплексной программы «Новое качество жизни уральцев».

Здоровье представляет собой огромную ценность, особенно в современных условиях жизни. Вследствие возникновения социальных запросов на развитие здорового образа жизни, все больше появляется различных фитнес-центров, велнесс-студий, центров йоги и медитативных практик.

Здоровье молодежи является объектом особой заботы, поскольку значительная ее часть относится к незащищенным слоям населения. Вследствие отсутствия жизненного опыта, юноши и девушки как группы, наиболее подверженные риску, мало задумываются о собственном здоровье. По разнообразным причинам, таким как желание выглядеть взрослее, желание доказать что-либо или по причине конформности, многие молодые люди приобретают вредные привычки (курение, употребление алкоголя, наркотиков и др.).

В рамках государственной молодежной политики одним из приоритетных направлений является формирование ценностной установки на здоровый образ жизни. С социологической точки зрения, представляется интересным исследовать студенческую молодежь, потому что на стадии обучения происходит формирование привычек, ценностей и потребностей молодых людей.

Значительное влияние на процесс формирования оказывают социальные институты семьи и образования. Очень важно, чтобы родители могли обеспечить своего ребенка качественным и правильным питанием, развивать его духовно и физически, прививая правила гигиены, обучая планированию режима дня, двигательной активности и т.д.

Большую роль играет система физического воспитания в рамках образовательных учреждений. Рассмотрим на примере Уральского федерального университета спортивную оснащенность. УрФУ имеет широкое разнообразие спортивных сооружений: спортивный комплекс игровых видов спорта (гандбольный/мини-футбольный зал, волейбольный/баскетбольный зал), манеж (легкоатлетическое покрытие, беговые дорожки, прыжковая яма, гандбольная площадка, скалодром, фитнес зал), футбольное поле, баскетбольный зал, зал бокса, теннисный корт, зал борьбы, бассейн, зал пауэрлифтинга и тяжелой атлетики. Как мы видим спортивное оснащение достаточно разнообразное. Также было проведено социологическое исследование на предмет удовлетворенности студентов своей студенческой жизнью. 75% опрошенных отметили, что они в той или иной степени удовлетворены своей студенческой жизнью. Это подтверждает важность спортивного разнообразия в рамках физического воспита-

ния вуза.

Таким образом, на формирование здорового образа жизни влияет множество факторов, помимо личных мотивационных установок студенческой молодежи.

Образ Великой Отечественной войны в сознании российской студенческой молодежи (на примере Республики Татарстан)

Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Алексеев С.А.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань

В настоящее время проблема патриотического воспитания молодежи приобретает особую актуальность. В этой связи представляются важными мероприятия, направленные на формирование уважительного отношения студенческой молодежи к героическому прошлому нашей страны, особенно к Великой Отечественной войне. Такие мероприятия не могут быть эффективными без четкого представления о том, как сегодня студенческая молодежь оценивает это событие. В целях выявления отношения молодежи к Великой Отечественной войне в 2014 году нами был проведен социологический опрос студентов вузов Республики Татарстан по репрезентативной выборке объемом 400 человек. В данной публикации остановимся на некоторых результатах этого исследования.

Исследование показало, что сегодня современная молодежь гордится достижениями великих российских писателей, композиторов, спортсменов, авторитетом России в мире, но первое место среди событий и достижений из истории нашей страны занимает Победа в Великой Отечественной войне.

Представления современной молодежи о Великой Отечественной войне формируется благодаря изучению истории в школе и вузе (83%), телепередачам и документальным фильмам (53%), рассказам ветеранов (47%), художественной литературе и фильмам (40%), сети интернет (36%). Значительно меньше молодежи формирует знания о Великой отечественной войне благодаря публикациям в газетах и журналах (17%), мемуарам и научным публикациям о войне

(12%), современной публицистической литературе (3%).

В тоже время нельзя назвать знания молодежи о Великой Отечественной войне глубокими. Студенческая молодежь слабо разбирается в том, кто был союзником, а кто был противником нашей страны в этой войне. Так, например, лишь 32% опрошенных указали в качестве противника Венгрию, 50% – Италию.

Оценивая союзников по антигитлеровской коалиции, опрошенные считают решающим вклад Великобритании (27%), США (25%), Франции (18%), Китая (14%). Роль же СССР в Победе как решающую сегодня оценивают 79% молодежи. При этом среди высшего руководства СССР наиболее высоко оценивается роль в Победе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина (72%) и Г.К. Жукова (61%). Роль отдельных органов оценивается гораздо ниже. Лишь 28% считают решающей в Победе роль Генерального штаба, 29% – контрразведки, 19% – Государственного Комитета Оборона, 13% – ВКП(б), 19% – НКВД.

Современные средства массовой информации, готовые транслировать любое мнение, в определенной степени дезориентируют современную молодежь. Так, несмотря на то, что 85% опрошенных считают, что СССР в Великой Отечественной войне одержал трудную победу, есть среди опрошенных и те, кто склонен считать эту победу «пирровой» (12%). Есть среди молодежи и те, кто считает, что СССР сам готовился напасть на Германию (10%), что Победа СССР установила сталинский режим на территории Восточной Европы (16%) и даже те, кто считает, что Победа Германии не имела бы однозначно негативных последствий для СССР. Последнее мнение особенно показательно на фоне слабого знания молодежью содержания германского Плана Ост (60%), планируемого к реализации на оккупированной территории.

В условиях дезориентации со стороны СМИ часть молодежи начинает переоценивать для себя Победу, что является тревожным фактом. Так, например, 17% считают, что советские войска должны были бы, освободив свою территорию, остановиться и предоставить право освободить остальную часть Ев-

ропы союзникам. Нет однозначного отношения и к современным событиям, в частности к попыткам представить воевавших в рядах немецкой армии коллаборационистов как борцов за свободу своих стран. Лишь 41% опрошенных выступают против таких попыток. В тоже время при этом 69% опрошенных считает, что наша страна обязательно должна отстаивать интересы наших ветеранов войны, ущемляемых в других странах. В целом лишь 40% опрошенных считает, что пересмотр итогов Второй мировой войны не представляет опасности.

Тем не менее, важно отметить, что для большинства молодежи Победа сохраняет свою высокую значимость. Так, 86% опрошенных считают, что Победа в Великой Отечественной войне имеет прямое отношение к нам, гражданам современной России, как к наследникам дел и судеб наших предков. 87% опрошенных считают, что 9 мая будут отмечать и через 50 лет.

Высокая значимость Победы подтверждается и тем, что 82% опрошенных считают День Победы главным праздником в году, 91% опрошенных считают День Победы важным историческим событием.

Таким образом, социологическое исследование выявило, что наряду с общей оценкой высокой значимости Победы народа нашей страны в Великой Отечественной войне имеются и тревожные факты, связанные с дезориентацией студенческой молодежи, вызванной СМИ, на преодоление которых должны быть направлены специальные мероприятия в рамках воспитательной работы в вузах.

Политическая активность студентов в Гомельской области

Злотников А.А.

УО «Гомельский государственный технический университет им. П.О.

Сухого», Белоруссия, Гомель

Отношение студентов к политике и политической жизни зависит от целого комплекса факторов: от собственных убеждений, включая политические;

от гражданской и патриотической идентичности; от мнения референтных групп; от мнения родителей и т.д. и т.п. Однако в контексте нашего исследования наибольший интерес и значение играет роль высших образовательных учреждений в формировании политического сознания, культуры и политического поведения молодых людей. Полученные данные свидетельствуют о том, что отношение студентов к политике кардинально меняется за время учебы в вузе, что отчетливо прослеживается даже на примере четырех курсов обучения. Снижается удельный вес пассивно-равнодушно и отрицательно настроенных к политике и, наоборот, активизируется степень интереса к политике. Хотя в целом, конечно, можно отметить, что каждый пятый студент (21%) равнодушен к политике. Именно в этой группе молодых людей самый низкий удельный вес: тех, кто считает себя патриотами (52%); тех, кто участвовал в выборах депутатов Парламента в сентябре 2012 года (48%); тех, кто состоит в БРСМ (56%) и тех, кто относит себя к активным членам данной организации – всего 1%. Среди них также всего больше всего людей, у которых современная Беларусь вызывает разочарование – 19% и ниже всего уровень доверия органам власти. В целом же основными формами участия в общественно-политической жизни является членство в БРСМ и других общественных организациях (69%); участие в различных общественных мероприятиях, проводимых как в вузе, так и за его пределами (25%), а также активное участие в организации различных общественных мероприятий. Что свойственно каждому десятому студенту. В тоже время участие в различных протестных акциях, «флэш-мобах», а также обращения в различные инстанции характерно только для 2–3% респондентов.

Среди органов власти по-прежнему самый высокий уровень доверия Президенту Республики Беларусь. Это наибольший позитивный показатель – 63% респондентов, которые полностью или в основном доверяют Президенту. Традиционно наибольшей популярностью Президент пользуется у респондентов в возрастных категориях 50–59 и старше 60 лет. Следует отметить, что достаточно высоким уровнем доверия Президент Республики Беларусь пользуется и у студенческой молодежи Гомельской области.

Если сопоставить уровень доверия Президенту Республики Беларусь с уровнем доверия оппозиции, то следует отметить, что студентов, которые полностью или частично доверяют оппозиции значительно меньше – 22%. При сопоставлении этих данных с мнением молодых людей о роли оппозиции в нашем обществе следует зафиксировать, что примерно треть из респондентов считает, что оппозиция активизирует деятельность органов государственной власти. Вместе с тем это не означает, что все кто так считает, испытывают доверие к оппозиции.

Положение человека в сложном переплетении социальных связей может быть выражено в терминах одобрения/неодобрения по отношению к определенным ценностям или событиям, категориями симпатий/антипатий по отношению к субъектам социального действия, удовлетворенности / разочарования по отношению к собственным ожиданиям, доверия/недоверия по отношению к социальным институтам, органам власти и т.д.

Степень доверия к органам власти является важнейшим элементом *легитимности* власти. Вместе с тем следует учитывать наличие нормального распределения в оценках социальных мнений, в соответствии с которым существует прослойка людей (от 5 до 15%), проявляющих недоверие к существующей власти на любом уровне. Большое значение при анализе уровня доверия/недоверия власти имеет также и учет некоторых исторических социокультурных и ментальных закономерностей.

По данным нашего исследования следует выделить две категории людей: 1) которые либо совсем не доверяют разным органам власти («не доверяю»), либо 2) доверяют минимально («скорее не доверяю»). Данные нашего исследования показывают, что к первой категории студентов относятся от 10 до 12% от всего массива опрошенных. Ко второй – несколько более широкий круг студентов – от 12 до 19% по отношению к отдельным органам власти. Поэтому достаточно корректным способом обобщенной оценки нам представляется интегральный индекс доверия по отношению органам власти и оппозиции, который рассчитывается по следующей формуле: Индекс доверия = («Полностью

доверяю» + «Скорее доверяю») – («Скорее не доверяю» + «Не доверяю»). Данный индекс может изменяться в интервале от 100 до – 100. Как следует из полученных данных самый высокое значение – у индекса доверия Президенту Республики Беларусь (41), примерно на одинаковом, также достаточно значительно уровне – индекс доверия республиканской исполнительной (28) и законодательной власти (33). Схожа степень доверия местным исполнительным органам власти: облисполкому (23) и рай(гор) исполкомам и администрациям районов (25).

«Социология – это и есть демография»

Злотников А.Г.

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Белоруссия, Гомель

Вынесенное в заглавие афористическое положение О. Конта отражает суть социологии. Большинство социологических работ в той или иной степени связано с различными аспектами демографического поведения. И выдающийся социолог XX столетия П.А. Сорокин в своей социальной теории уделял видное место анализу демографических процессов. Их трансформацию он рассматривал через выявление тенденций, характерных для кризисных эпох. Эта связь кризисной эпохи и демографических процессов рассмотрена им, во-первых, на материалах революций («Социология революции», «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»), во-вторых, на генезисе аграрного сектора общественной жизни («Принципы социологии города и села» совместно с К. Циммерманом) и, в-третьих, на динамике социокультурных процессов («Кризис нашего времени», «Социальная динамика»).

Но еще в первых своих работах он уделяет внимание анализу демографического поведения людей. Еще в студенческие годы под влиянием дюркгеймовских идей он опубликовал брошюру с аналогичным названием «Самоубийство». В годы первой мировой войны в статьях «Причины меньшей смертности

современных войн» и «Социальная роль и будущее войны» он анализировал размеры демографических потерь прежних войн. В «Элементарном учебнике общей теории права в связи с учением о государстве» он рассматривает правовые аспекты демографических процессов, отражающих тенденции «освобождения личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства».

Современный социологический подход к демографическим проблемам состоит в анализе демографических процессов с рядом взаимосвязей, разнообразии и многогранности последствий этих взаимосвязей. Их связь выявляется через функционирование прежде всего института брака и семьи, а также с взаимодействием совокупности других социальных институтов. Деятельность этих институтов отражается на содержании, ходе и изменении демографических процессов и их основы – института брака и семьи. В свою очередь демографические процессы, порожденные семейно-брачными отношениями, сказываются на функционировании и развитии большого ряда социальных институтов. Так, развитие высшего образования привело к тому, что будущие матери по сравнению с минувшими эпохами сегодня значительно позже создают семьи и обзаводятся детьми. В свою очередь преобладание в вузах женского контингента приводит к тому, что сегодня почти треть женщин с высшим образованием не могут “найти” супруга с соответствующим уровнем образования. А это в связи с разными социокультурными ценностями супругов сказывается на здоровье института семьи и брака.

Аналогично и взаимодействие демографических процессов и функционирования экономической, политической, духовной и повседневно-бытовой сфер. Это влияние всей гаммы совокупностей социальных сфер вызывает кардинальные изменения в развитии демографических процессов. При этом в ряде случаев их последствия очевидны. Но большинство взаимодействий – не всегда видно. И перед наукой стоит огромнейшая по своей трудоемкости и аналитическим возможностям задача, но прогрессивная по своему эпистемологическому потенциалу – выявить эти взаимосвязи демографических процессов с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями.

Характер и содержание демографических процессов многообразны и разнообразны по своим последствиям. Одни и те же демографические процессы (скажем, один и тот же уровень рождаемости) по-разному оцениваются в различных социально-экономических условиях, различных странах. Неодинаковы и оценки их общественностью. Неоднозначны и последствия мер демографической политики: с одной стороны, они не всегда приносят желаемые результаты для демографического развития, а с другой, вызывают не всегда просчитанные последствия для недемографических – других социальных и/или экономических процессов. Также многие процессы, протекающие в недемографической сфере, сказываются и на демографических процессах, причем, эти последствия для демографического развития в большинстве своем – негативные.

Это выявление многогранных взаимосвязей и последствий этих взаимосвязей нами рассматривается на эквивалентах явных и латентных функций – интраональных и экстраональных факторов. Экстраональность тех или иных социальных процессов проявляется **в** других и **на** других социальных явлениях. Интраональные явления вызывают внутренние последующие, вторичные изменения социальных процессов или самодетерминированные этими социальными явлениями. Анализ экстраональности и интраональности демографических процессов выявляет: а) значительные сложности и неоднозначность современных демографических процессов, изменений в семейных отношениях и ценностях; б) необходимость поиска в изменившихся условиях новых путей проведения активной демографической политики на всех уровнях. Анализ социальных явлений и процессов требует учета их сложной взаимосвязи. Эта взаимосвязь (взаимодействие) внутренне присуща социальной действительности. Естественно, наука отражает эту их многомерную взаимосвязь. С позиций демографического развития это их органическое единство, диалектика, взаимосвязь проявляется и в национальных рамках и в глобальных масштабах.

Взаимодействие внутренних и внешних процессов в демографическом развитии выявляет, что **характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными**

с демографическими процессами. И их роль и значение в силу тенденций взаимосвязи социальных процессов в демографическом развитии неуклонно возрастает.

Демографическая политика сегодня становится в центр пересечения интересов личности и общества, глобальных и повседневных процессов, национальных забот и интересов других государств, экономики и семьи, социальной и биологической природы человека, истории и современности, сегодняшних проблем и перспектив развития, менталитета и псевдоправ человека, финансовых трудностей и романтики отношений, отношений мужчин и женщин, возможностей и обязанностей, счастья и физических мук и терзаний... И маленькая точка в этом пересечении – семья, основа демографического развития, на которую направлены и созидательные и разрушительные силы. Семья в системе человечества, как наша Планета в масштабах Вселенной – маленькая точка, которую необходимо беречь. И это ставит проблемы демографии в число приоритетных направлений развития социологической науки в XX столетии.

Здоровье и труд в социальных исследованиях

Злотникова Л.М.

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Белоруссия, Гомель

В годы реформирования производственно – экономических отношений обострились проблемы социально-демографического состава населения. Смертность длительное время опережает рождаемость. Особую значимость приобрели проблемы здоровья среди подрастающего поколения, прежде всего школьников и студентов. Многие заболевания, которые раньше считались возрастными, все чаще проявляются в детстве. Сильно помолодели сахарный диабет, сердечнососудистая патология и заболевания нервной системы. В соответствии с действующими государственными программами в школах и других учебных заведениях систематически проводится диспансеризация. Результаты профилактических осмотров, к сожалению, остаются в распоряжении медицин-

ских учреждений и находятся за пределами государственной статистики. Осложняется ситуация со здоровьем детей, воспитывающихся в государственных учреждениях, т.е. детских домах, школах интернатах и неполных семьях. Подавляющее большинство воспитанников детских домов имеют по несколько хронических заболеваний. По различным оценочным данным только 25%, заканчивающих среднюю школу относятся к группе условно здоровых. Годы обучения в вузах приводят к тому, что условно здоровых остается не более 3-4%.

Образно говоря, увлекаясь анализом количества рождающихся, преждевременно умерших, проблемы организации трудовой деятельности подрастающего поколения находятся вне поля зрения гуманитарной науки. Формально проводимая диспансеризация не может, на наш взгляд, комплексно изучать, а тем более эффективно решать социально-нравственные вопросы и экономические компоненты трудоспособного здоровья. Если процесс обучения сопровождается огромными потерями человеческого потенциала, значит, существуют неизученные процессы и явления, стимулирующие рост заболеваемости, снижающие уровень трудоспособности и продолжительности жизни. В соответствии с действующими стереотипами процесс обучения, как вся интеллектуальная деятельность не считается трудом.

Закономерное развитие цивилизации привело к тому, что физический труд динамично замещается умственным. До настоящего времени его затраты подсчитываются по принципам физического, т.е. отработанное время, количество в классе, группе, посещений поликлиники и дней пребывания в стационаре. Продолжительность рабочей недели определяется на основе методологии, игнорирующей особенности интеллектуальной деятельности. Переработка названа «ненормированным рабочим днем». Временные затраты потребителей образовательных и медицинских услуг не являются предметом гуманитарных исследований.

Гипотетически можно утверждать, что умственный труд представляет собой наиболее сложный вид жизнедеятельности человека, требующий ум-

ственных, физических, психологических, эмоциональных усилий всех участников. Действующая система организации процесса обучения имеет множество латентных механизмов, влияющих на здоровье и трудоспособность человека. На протяжении существования человеческой цивилизации образование практически было ведущим общественным институтом социализации человека. Именно оно формировало социальную структуру общества, определяло тенденции и механизмы ее изменения. Понижение статуса образования до роли слуги материального производства уже в ближайшей перспективе, окажет негативное воздействие на состояние здоровья человека, повысится удельный вес больного населения. Завышенные требования к производителям социальных услуг все чаще проявляются в грубости и немотивированной жестокости. По утверждению психологов грубость напрямую связана с состоянием психического здоровья. Общество, признавая преподавателей единственными виновниками снижения качества образования и состояния здоровья, закладывает благоприятные условия для снижения трудоспособного здоровья.

Большие эмоциональные нагрузки, продолжительный рабочий день, не заканчивающийся в аудитории, постоянно меняющиеся требования и низкие доходы гипотетически усугубляют состояние здоровья преподавательского корпуса, членов их семей, особенно отрицательно сказываются на подрастающем поколении. Коммерциализация сферы образования влечет за собой рост безработицы среди представителей умственного труда. Нацеленность государства на получение прибыли проявляется в закрытии так называемых малокомплектных школ и лечебных учреждений. Люди, проживающие в небольших населенных пунктах оказались в ситуации дополнительных временных и финансовых затрат на получение образования и медицинской помощи.

Традиционная экономическая теория, заявившая об изучении социальных институтов, к сожалению, по разным причинам потеряла интерес к процессам социализации. Реализуемые государством принципы утилитарного экономического либерализма противоречат сути развития человека. Обозначенные проблемы организации трудовой деятельности, определение ее ценности спо-

собна и может изучать только социология, как единственная интегративная наука.

Иновационные параметры концептуальной модели в системе принципов современного социально-трудового пространства Самарского региона

Иванова Т.Н.

Тольяттинский государственный университет, Россия, Тольятти

Сложность и многогранность феномена социально-трудовой мобильности молодежи обуславливает построение ее структурной модели, которая, основываясь на концептуальном подходе к эмпирическим исследованиям этого феномена, включает в качестве основных элементов социальные, трудовые и динамические компоненты, обеспечивающие социально-трудовую мобильность молодежи в системе региона.

Наличие в Самарском регионе профильных профессиональных учебных заведений различного уровня, центров подготовки и переподготовки кадров, научно-исследовательских институтов и различных предприятий, организаций и учреждений позволяет создать единый производственный научно-образовательный комплекс для подготовки высококвалифицированных кадров.

В рамках создания кластерной образовательной непрерывной профессиональной системы региона по подготовке учебными заведениями необходимо разработать сквозные учебные планы и программы для различных уровней профессиональной подготовки молодежи, с внедрением паритетного финансирования.

Изучение проблем социально-трудовой мобильности молодежи становится особенно важным на современном этапе, который ведет к обострению конкуренции кадров в регионе и требует качественно нового подхода к развитию инновационной экономики Российской Федерации. Основной характеристикой нового подхода должно стать создание методологической базы для развития социально-трудовой мобильности молодежи на всех уровнях государственного регулирования в условиях экономики, основанной на научных зна-

ниях и базирующейся на высокоэффективных инновационных социально-экономических технологиях.

Результаты социологических исследований, а также собственная практика автора показали, что решение проблемы социальной и трудовой мобильности молодежи на различных уровнях малоэффективно без разработки общего методологического подхода к социально-трудовой мобильности в современных условиях общества.

Реализация региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности молодежи позволит повысить социально-экономическую эффективность создания и использования социального и трудового потенциала молодежи, как стратегического ресурса развития социально-экономической системы, обеспечивающей повышение качества жизни населения.

Сущность региональной социально-трудовой системы в рамках предлагаемой концептуальной схемы видится том, что она представляет собой функционально значимую кластерную социально-экономическую систему, имеющую своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование социально-профориентационной среды региона по развитию социально-трудовой мобильности молодежи, включающая интеграцию деятельности взаимосвязанных социально-экономических систем, обеспечивающаяся установлением тесных преемственных связей между структурными и функциональными компонентами региона в соответствии со сформулированными концептуальными положениями.

Исходя из изложенного, выделяются параметры концептуальной модели в системе принципов современного социально-трудового пространства региона.

Прежде всего, это принцип региональной целостности, принцип инновационности, принцип системности, принцип социальных и трудовых ресурсов, принцип технологизации, принцип объективности и причинной обусловленности, принцип консолидации, принцип профессионализации, принцип непрерывной поэтапной работы, Принцип паритетного финансирования в рамках образовательного кластера, принцип интегрирующей кластеризации, программно-

целевой принцип регулирования занятости молодежи, принцип социально-трудовых перемещений.

Таким образом, разработка и осуществление региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности молодежи в Самарском регионе через реализацию образовательного кластера дает возможность оптимизации и совершенствования системы подготовки кадров для предприятий, учреждений и организаций, и решения социально-экономических проблем. Кроме того, включение в кластер крупных регионообразующих предприятий, учреждений и организаций приведет к усилению заинтересованности работодателей в подготовке кадров.

Литература:

1. Байыр-оол М.С. Уникальный опыт вертикальной мобильности // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 141–148.
2. Винислав Ю.Б. Профессиональное образование и экономика: микроуровень интеграционных процессов (фактология, теория, предложения) // Российский экономический журнал. 2005. № 7. С. 55–71.
3. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. Спб.: Питер, 2004. 192с.
4. Казанцев В.И., Светульников М.Г. Социология города. Ульяновск: УлГТУ, 2004. 140с.
5. Козина Г.Ю. Социально-экономическая роль молодежи в развитии региона. Пенза: Пензенский Государственный Педагогический Университет. 2009.
6. Кузнецов П.С. Концепция социальной адаптации. Саратов, 2000.
7. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2-х кн / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 8–10.

8. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.

9. Макарихина Е.А. Формирование нового типа трудовых отношений в условиях модернизации российского общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. С., 2010. 20 с.

10. Мохначев С., Мохначева Е. Удмуртская Республика: кластеризация и ее влияние на региональный рынок труда и профессиональное образование // Человек и труд. 2010. № 5. С. 42–44.

Проблема «избыточного образования» как следствие реформирования системы высшего образования

Иващенко Н.В.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Нашему обществу, по выражению Д.А. Медведева, необходима подготовка «злободневных»⁴¹ профессий, в которых ощущается острая нехватка кадров: инженеров, компьютерщиков. Более того, в настоящее время имеется огромный выбор государственных и негосударственных вузов, в которых ведется подготовка по самым различным специальностям. Но на протяжении не одного десятилетия спрос на экономические и юридические специальности остается одним из самых высоких.

Проблемы, связанные с их переизбытком, давно у всех на слуху. Так, например, уже в 1998 году в газете «Известия» министр общего и профессионального образования А.Н. Тихонов комментировал ситуацию: «Сейчас молодежь хлынула в юриспруденцию, для удовлетворения спроса создаются новые вузы и факультеты. Что, если и на этом направлении случится затопление горе-

⁴¹ Медведев Д.А. Общее количество вузов превосходит все разумные рамки // Российская газета. [on-line]. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/25/vuzi-anons.html> (дата обращения: 2.03.2014).

специалистами? <...> Кстати, переизбыток экономистов и юристов при низком качестве подготовки наблюдается уже сейчас»⁴².

Несмотря на опасения переизбытка рассматриваемых профессий, тенденция выбора юридических и экономических специальностей в вузах с годами только усилилась.

Наиболее востребованными по данным на 2010 год являются профессии врачей; инженеров-механиков, преподавателей в средних школах и учреждениях начального профессионального образования. А потребность в экономистах на четвертом месте. Потребность в юристах оказалась самой низкой. Активнее всего абитуриенты поступают в вузы по направлениям экономика и управление и социальные науки (в которые входят юристы).

По данным государственной статистики *самыми востребованными работниками на рынке труда являются*: специалисты-медики, инженеры-механики различных областей, преподаватели в средней школе. Самый *высокий конкурс* наблюдается на следующие специальности: экономика и управление, социальные науки, сфера обслуживания. Можно сделать вывод о том, что предупреждения о перенасыщенности экономистов и юристов имеют основания. Так как в число самых востребованных специальностей рынком труда не входят юристы и экономисты. Можно сказать, что они являются одними из самых невостребованных направлений. Однако конкурс при поступлении в вузы является самым высоким на данные специальности. Можно говорить об иррациональности такого профессионального выбора.

Сегодня правительство России пытается решить проблему перепроизводства юристов и экономистов и нехватки инженеров.

Проблема перепроизводства юристов и экономистов является «маяком» из числа проблем, связанных с современными реформами высшего образования. В последнее время ученые обеспокоены другой проблемой, связанной с

⁴² Лесков С. Почти все о реформе в сфере образования // Известия (московский выпуск). 1998. 19 июня. С. 22.

несоответствием подготовки специалистов в вузах и потребностями работодателя.

К примеру, на 10000 человек в России в 2012 году приходилось 424 студента⁴³. В России каждый год выпускается около миллиона молодых специалистов.

В 2012 году среди безработных в возрасте 20–24 лет около 20% имели высшее образование.

Это означает, что на рынке труда требуются менее квалифицированные специалисты и ценность высшего образования понижается. Данный феномен получил название «избыточное образование».

Наблюдается и другая особенность: кто менее образован, имеют гораздо больше шансов трудоустроиться, чем те, кто лучше образован. Иначе говоря, существует обратная корреляция между уровнем образования и легкостью трудоустройства.

Предпринимается ряд попыток по работе с бывшими студентами в службах занятости. В частности, выпускникам вузов предлагается пройти переобучение или переподготовку по востребованным на рынке труда специальностям. Последним нововведением является то, что в вузах будет вестись статистика трудоустройства выпускников. Этот показатель будет отражаться в рейтингах вузов. Также предпринимаются попытки сократить число высших учебных заведений, особенно филиалов вузов в регионах России. Эффективность предпринятых мер оценит время.

Реформы российского образования привели к феномену «девальвации дипломов», проявляющемуся в форме несоответствия квалификации выпускников высших учебных заведений сферам их профессиональной самореализации. Избыточность образования, ставшая другим симптомом трансформационных процессов в образовании, также позволяет говорить о расхождении институциональных механизмов образования и трудоустройства и индивидуально-

⁴³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm

личностных стратегий профессиональной адаптации.

Социальная структура Российского общества – методология исследования

Измоденова Н.Н.

Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал, Россия,

Апатиты

1. Ключевой проблемой познания любого общества является изучение его социальной структуры, социальной дифференциации и стратификации.

В современной России изучением социальной структуры и стратификации занимаются как маститые социологи, так и неофиты, так как и элита и плебс хотят знать в каком обществе они живут, какие перспективы, и какие проблемы у них могут быть и почему. Картина мира современного человека включает в себя представления об обществе, основанные на своем повседневном опыте (здравый смысл), различные мнения, эксплицированные в фейсбуке, социальных сетях или Живом журнале (докса), и результаты научных исследований. Предполагается, что результаты социологических исследований и их интерпретации, с которыми знакомят СМИ общественность, обладают, как и любое научное знание, объективностью, достоверностью и имеют практическое значение не только для политических, экономических и культурных элит, но и для различных социально – профессиональных групп стратифицированного «простого народа». Социология пытается дать ответы на вопросы: почему существует неравенство, возможно ли справедливое общество, каковы перспективы для разных социальных агентов в этом глобальном мире? В советскую эпоху траектории жизни были понятны: учеба, профессия, работа, карьера, пенсия. В современном мире «все не так однозначно».

2. «Мы не знаем общества, в котором мы живем». Это суждение до сих пор актуально, несмотря на то, что накоплены базы данных, проводятся многочисленные международные, всероссийские и локальные исследования различных сфер общественной жизни, существует множество публикаций по социальной структуре и стратификации, но в исследованиях Российского общества

используются теории американской и европейской социологии. Поиск среднего класса, которым так активно заняты социологи России, изучение «исключений» или «сетевого общества» (недавний тренд) предполагает выяснение того, что появилось у нас в результате буржуазной революции в конце XX века. Капитализм 2,0 (или «общество потребления», «общество симулякров») с группами «исключенных» и социал-дарвинистскими идеологемами? Или же мы повторяем европейский капитализм XX века (до конца 1980-х гг.) с его теориями классов и стратификации, профсоюзами и социальным государством? Теоретическая база исследования (методология) и методы соответствуют представлениям исследователей о современной экономической, социальной, политической реальности в России. Это попытка доказать, что в России капитализм, такой же как в Америке или Европе, только еще не совсем развитый (теория догоняющей модернизации). Результаты этих исследований в очередной раз доказывают, что эволюция различных общественных систем универсальна (одна «столбовая дорога истории» и разная скорость бегущих по ней социальных агентов), что капитализм – универсальная, развивающаяся, глобальная социально-экономическая и политическая система. Социология как наука тоже универсальна, как и естественные науки, т.е. ее методология, методы и инструменты могут быть использованы для исследования любого общества в любое время.

3. Современная российская социология вовлечена в капитализм (так же как она была вовлечена в социализм), так как лишена социальной критики. Социологи описывают существующую иерархию социальных групп и явно или неявно оправдывают социальное неравенство: критика социализма с его идеей социальной однородности, которую старались обосновать социологи той эпохи; ссылки на М. Вебера с его идеей труда как религиозного призвания и как морального действия; ссылки на идею труда как общего блага, как источника роста общественного богатства; ссылки на личностные характеристики, и их связь социальной позицией в социальном пространстве. Это явное или латентное оправдание социального неравенства способствует возрождению идеологии монархизма и сословного общества (уже есть и возрожденное дворянство, и ку-

печество, и духовенство, и казачество. Есть и холопы). Опора на традиционные ценности, на религиозность и суеверия при существующей системе образования в условиях современного глобального капитализма, как безграничного накопления капитала, который может увеличиваться только в обращении, уже порождает не классовые, а экстерриториальные религиозные и этнические конфликты. Классовая борьба в рамках существующей идеологии рассматривается как дисфункция, вместо нее предлагается сотрудничество и солидарность, т.к. капитализм – это «...материальный прогресс, эффективность и прибыльность в удовлетворении потребностей, тип социальной организации, благоприятствующий осуществлению экономических свобод и совместимый с либеральными политическими режимами» (Болтански Л., Кьяпелло Э., с. 51).

4. Социология призвана не только описывать, понимать и объяснять социальный мир, но и прогнозировать (предсказывать) возможные варианты развития событий на основе выявленных тенденций развития общества. Но для решения этой задачи необходимо быть свободным от ценностных суждений, от идеологического оправдания существующей системы социального неравенства.

Литература:

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

Неустойчивость брачных практик в современном обществе

Ильдарханова Ф.А.

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Россия,

Казань

Несмотря на популяризацию полной семьи, существуют острые проблемы функционирования современной семьи, главным из которых является рост числа разводов, неполных семей, и проблемных детей. В статье даны результаты социологических исследований по выявлению причин разводов и определена региональная специфика причин кризиса семьи.

В настоящее время государством предпринимаются много усилий для поддержки семьи, материнства, детства. И, тем не менее, вызывает озабоченность проблемы кризиса семьи, выраженное большим количеством разводов.

Среди негативных последствий развода являются рост числа неполных семей, одиноких матерей, проблемы социализации детей, семейного неблагополучия, девиаций и пр.

С целью выявления причин распада семей в Республике Татарстан, а также исследования динамики значимости различных причин, ГУ «Научно-исследовательский центр семьи и демографии» Академии наук Республики Татарстан совместно с Управлением ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан провел мониторинг этой проблемы.

Приведем основные результаты социологического исследования 2013 года.

Среди причин разводов респонденты называли: на первом месте неудовлетворенность психологическими отношениями с супругом (-гой) («непонимание между супругами, отсутствие общих интересов») – 38,6%, на втором месте – супружеская неверность, измена (26,7%), третье место – алкоголизм одного из супругов (23,5%), на четвертом месте – «вмешательство родственников в дела семьи» (19,3%), на пятом – материальные сложности (18,5%), на шестом – «стесненные жилищные условия» (11,3%), на седьмом – физическое насилие со стороны одного из супругов (10,9%). Другие причины развода составили 3% и менее. Полученные данные практически с точностью повторяют результаты исследования за 2009 год.

Измена является второй по распространенности причиной разводов. Поэтому важно, что понимают под изменой опрошенные. 28,9% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. 15,9% полагают, что измена начинается «с мысли о том, чтобы изменить», 15,8% – «с влюбленности в другого человека», 14,8% – «если супруг (-га) хотя бы однажды имел (-а) сексуальные отношения с другим партнером».

Мнения мужчин и женщин об основных причинах развода в целом со-

шлись – это непонимание между супругами, отсутствие общих интересов – так считает 35% мужчин и 19,8% женщин, измена: 16,3% мужчин и 16,6% женщин. Однако по поводу распределения остальных причин развода мнения разошлись. На третьем месте у мужчин – вмешательство родственников в дела семьи (15,6%), у женщин – алкоголизм одного из супругов (13%). Важность материального фактора супругов противоположного пола схожая: на материальные сложности указали 11,6% мужчин и 11,5% женщин, на стесненные жилищные условия пожаловались 6,9% мужчин и 7,3% женщин.

Принятые государством программы по укреплению семьи, материнства и детства, улучшили демографическое состояние, сыграли положительную, позитивную роль в укреплении семьи.

Исследование выявило, что факторами, увеличивающими риск распада семьи, являются:

- Развод родителей, что влечет неблагоприятные условия социализации детей в семьях и создает экономические трудности в разведенных семьях.
- Активная трудовая занятость женщины, феминизация.
- Урбанизация, жизнь в мегаполисе.
- Опыт разрыва отношений с предыдущими партнерами (повторный брак увеличивает риск развода на 37%).
- Непродолжительное (от 4 до 12 месяцев) добрачное сожительство (увеличивает риск развода на 14% при проживании только со своим брачным партнером, 65% – с предыдущими партнерами).

Факторы, уменьшающие риск разводов:

- Приверженность духовным ценностям (сильная религиозность уменьшает риск развода на 48%).
- Соблюдение традиционной обрядности (никахлашу, венчание и пр. (уменьшает риск развода на 37%).
- Рождение детей (рождение первого ребенка снижает риск развода на 42%).
- Приобретение совместной жилплощади, в т.ч. по программам ипотеки (уменьшает риск развода на 39%).

– Продолжительный период (25 месяцев и более) «пробного брака».

Результаты исследования показывают, что основными проблемами функционирования современной татарстанской семьи являются вопросы межличностных отношений супругов. Распад семьи – это не только проблема социализации детей, психологической травмы, но и нереализованность репродуктивного потенциала супругов. Поэтому полная семья является определяющим ресурсом стабилизации демографической ситуации.

Виртуальный мир и визуальное воображение действительности в восприятии современного социолога

Исаева Е.Ю.

ФГБОУ «Орловский государственный университет», Россия, Орел

Одним из приоритетных направлений развития социологии в XXI веке является направление визуальной социологии. Современная социальная наука изучает состояние общества, так же как и делала это в XIX веке. Но, в условиях его модернизации и инновации значительная сфера изучения оказывается все поля зрения социологов, что может приводить к неизученности многих проблем. Поэтому, в условиях виртуализации жизни населения необходимо использовать иной подход к изучению социальных явлений и процессов.

Современные средства визуализации формируют множественные миры (например: мир рекламы, мир медиа-пространства, мир Интернета, мир моды и пр.), которые становятся для массового потребителя первоисточниками, обладающими большей значимостью, чем сами товары или услуги. Существенную роль в конструировании миров играет визуальность. Колоссальное воздействие виртуальной сферы на общество способствует возникновению нового измерения. Современность, являясь с одной стороны материальной, политической и экономической по своей ориентации, все больше и больше становится сферой воображаемого, сконструированного, параллельного, симуляционного.

Современность наполнена визуальными образами, она становится все более зрелищной. Окружающая нас общественная жизнь переполнена образа-

ми. В истории образов существуют следующие компоненты:

1. Изобретение фотографии (фотографического негатива).
2. Изобретение копировального аппарата (ксерокса).
3. Изобретение электронного регистрирования, копирования и переноса изображения (прежде всего телевидения, затем компьютера и Интернета).

Таким образом, само распространение существующего многообразия образов размывает границы пространства и времени. Наши городские пространства заполняет визуальная реклама, плакаты, вывески, афиши, билборды, они присутствуют во всех аспектах повседневности.

Наше восприятие окружающих социальных явлений и процессов становится в большей степени опосредованным изображениями. Образы формируют, а иногда (или в большей степени) конструируют наше восприятие мира. Визуальное восприятие занимает лидирующие позиции по сравнению с текстовым восприятием. Массовость изображения приводит к тому, что мы наблюдаем окружающую действительность через наличие образных стереотипов. Как пишет польский исследователь Петр Штомпка в книге «Визуальная социология», в общественной коммуникации в наше время «преобладают сообщения, основанные на техниках, записывающих и воспроизводящих аудиовизуальные аспекты и измерения мира и человеческого поведения. Этот новый тип коммуникации изменяет и закрепляет способы представления человека, его отношений с другими, с миром вещей и миром природы; соединяет звуковые и визуальные измерения, вербальные и невербальные аспекты. Своеобразно реинтегрирует антропологическую ситуацию, подвергает семиотизации ранее не замечаемые пространства, придает им важность».

Печатные средства массовой информации кардинально изменили свой имидж. Печатные издания (газеты, журналы) переполнены цветными картинками, дабы привлечь внимание потенциальных читателей. Появляются новые эстетические формы, стили, дизайн иллюстрированных глянцевого журналов.

Современный социолог ориентирован на анализ социологической фотографии, она в свою очередь, должна выполнять следующие познавательные

функции: информационно-документальную, эвристическую, в определенной степени пояснительную. Но это не значит, что использование в социологии фотографии не может доставлять эстетические ощущения и иметь художественную ценность, а также передавать общественно-пропагандистские или политические послания. Фотографии, ставшие своеобразными символами нашей эпохи, которые мы храним в живой коллективной памяти, объединяют главным образом эти три функции.

В заключении хотелось бы предположить, что стремительное приближение визуальной эпохи выражается в том, что современные способы восприятия смещаются от вербальных (письменных) в сторону образных, визуальных. Данные образы крайне важны в обществе и их необходимо изучать методами визуальной социологии.

**Роль науки – основного института инновационного развития –
как предмет экономической социологии**

Исправникова Н.Р.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Рассматривая актуальную сейчас проблему импортозамещения, предстоит решить важную задачу, связанную с укреплением и развитием собственной науки, позволяющей восстановить непрерывный конвейер создания инновационной продукции по цепочке: фундаментальная наука – прикладная наука – проектные институты – опытные производства – серийные производство.

При этом особое значение приобретает возрождение прикладной науки, имеющей непосредственное отношение к созданию и продвижению новых инновационных продуктов. Уместно напомнить, что в последние два десятилетия отраслевая наука была практически разрушена: в период с 1995–2011 гг. количество научно-исследовательских организаций сократилось с 2284 до 1782, конструкторских организаций – с 548 до 364, проектных организаций с 207 до 38. При этом корпоративный сектор наука развит крайне слабо, поскольку

крупные корпорации международного уровня в средне- и высокотехнологичных отраслях практически отсутствуют.

В последнее время довольно много внимания уделялось формированию малого инновационного бизнеса, когда последний рассматривался как приоритет развития экономики. Для этого создавалась специальная инфраструктура – технико-внедренческие зоны, технопарки, бизнес-инкубаторы. Однако эффективность их деятельности оставалась крайне невысокой, а количество малых инновационных предприятий не превысило 4% от общего числа предприятий.

При этом необходимо иметь в виду, что преувеличенное внимание к малому бизнесу как основе инновационного развития, а в науке опора на лаборатории и группы не позволит решать глобальные задачи технологического обновления промышленности и развития приоритетных прорывных научно-технических направлений. Их решение требует иного формата работы – ориентацию на крупные коллективы исследователей.

Сегодня российское правительство пытается решить эту проблему путем приобщения вузовской науки к решению прикладных задач через программу мегагрантов, которая реализуется в России с 2010 г. Мегагранты предполагают создание новых лабораторий в вузах под руководством российских или зарубежных ученых за счет бюджетных средств (150 млн руб. на проект на три года). По итогам двух конкурсов, проведенных в 2010–2011 гг., в стране создано 77 лабораторий.

В 2012 г. условия финансирования исследовательских лабораторий существенно изменились. В целях усиления ориентированности проектов на прикладное значение, правительство перешло на поддержку этих лабораторий при обязательном условии их софинансирования из внебюджетных средств.

Опираясь на зарубежный опыт, Минобрнауки РФ в декабре 2012 г. озвучило идею реализации проекта «1000 лабораторий», однако пока этот проект находится в процессе проработки. Предстоит еще решить целый ряд экономических, организационных, правовых и кадровых вопросов для того, чтобы эти научные лаборатории смогли решать конкретные прикладные и отраслевые за-

дачи и заработать в нашей стране также эффективно как на Западе.

Для этого недостаточно простое заимствование зарубежного опыта. Необходимо создавать среду, которая бы мотивировала организации к внутренним изменениям работы научных коллективов, а государственные органы управления – к созданию понятных условий функционирования таких структур и более целенаправленному развитию исследовательской инфраструктуры.

Оценивая в целом идею реализации проекта «1000 лабораторий», следует отметить, что она способна лишь точно содействовать развитию прикладных разработок и новых форм организации науки. Судя по объявленному Минобрнауки РФ бюджету, таких лабораторий, который в среднем составит 15 млн. руб. в год, такие структуры будут небольшими – 4–15 сотрудников. Поэтому эти лаборатории не следует отождествлять, например, с опытом создания крупных федеральных лабораторий США, бюджет которых достигает более 2 млрд долл., а количество занятых – свыше 10 тыс. чел.

Возрождение отраслевой и прикладной науки в России можно ожидать лишь тогда, когда в стране появятся крупные высокотехнологичные и промышленные компании, являющиеся основными субъектами, формирующими спрос на инновации. Сегодня же затраты российского бизнеса на научные исследования чрезвычайно малы. Так, например, в 2009 г. весь российский бизнес потратил на ведение НИОКР 800 млн долл., в то время как одна компания «Дженерал Моторс» – 8 млрд долл. (разница в 10 раз).

Для повышения эффективности работы в сфере формирования такого института инновационного развития как наука следует акцентировать внимание на четком распределении функций в этой области между государством, бизнесом и научным сообществом. Необходимо также продолжать поиск новых механизмов их взаимодействия, выстраивание современных и эффективных методов государственного управления и финансирования в сфере науки и инноваций.

Кавеева А.Д.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань

В докладе представлен анализ сети микроблоггинга Twitter как публичной арены для конструирования социальных проблем наиболее популярной частью twitter-сообщества – лидерами мнения. Конструкционистский подход к изучению этой среды становится уместным в условиях, когда возможности интернета, касающиеся гражданского участия и плюрализма, превращают его в среду для символической борьбы с целью навязывания определенного видения тех или иных явлений действительности. Интернет-площадки сегодня приобретают характер публичных арен. Под публичными аренами понимаются институты, на которых происходят обсуждение, отбор, интерпретация, драматизация и представление общественности социальных проблем. К ним относятся законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, СМИ, научные сообщества, кино и др. В интернете функционерами, занимающимися постановкой социальных вопросов, становятся блогеры. В блогосфере существует конкуренция, которая заставляет их находиться в авангарде актуальных проблем.

Сеть микроблоггинга Twitter имеет возможности, позволяющие рассматривать ее в качестве публичной арены: публичный характер сообщений, присутствие профессиональных политиков, вносящих вклад в легитимацию проблемы, взаимопроникновение тем из Twitter на другие публичные арены (например, СМИ) и другие. Таким образом, Twitter может быть рассмотрен в качестве самостоятельной публичной арены с собственными функционерами, повесткой дня и характерной риторикой, используемой для конструирования социальных проблем. Twitter охватывает довольно узкий сегмент населения, наиболее активное ядро которого («лидеры мнения») социально может быть охарактеризовано как средний слой (люди, обеспеченные в экономическом и культурном отношении, жители крупных городов). Лидеры мнения имеют возможность принимать непосредственное участие в формировании повестки дня Twitter в силу своего символического капитала, поэтому имеет смысл изучать именно их риторику.

Исследование риторики лидеров мнения в татарстанском сегменте Twitter позволяет говорить о ее социальной обусловленности. Конструируются проблемы, которые имеют непосредственное отношение к интересам среднего класса. По этой причине их конструкционистская сила довольно ограничена – лидеры мнения несколько далеки от массового «базового слоя» России. Несмотря на это, большинство поднимаемых ими проблем созвучно потребностям широких слоев населения (ЖКХ, детские сады, городская среда). Однако социальная дистанция, существующая между лидерами мнения (представителями среднего слоя) и социально незащищенными группами, объясняет безрезультатность попыток конструирования в Twitter проблем, связанных с «социальным дном» российского общества. Социальная проблема бездомности, которая была поднята в рамках эксперимента в татарстанском Twitter, не получила отклика у аудитории.

Анализ риторики лидеров мнения и используемых ими стратегий проблематизации и депроблематизации показывает, что в татарстанском Twitter производится дискурс открытой социальной критики. Проблема монополизации власти в России является ключевой в Twitter и пронизывает все остальные темы. Она воспринимается остро лидерами мнения как представителями среднего социального слоя, требующими более активного политического участия в своем государстве. Изучение этих процессов, существующих тенденций и настроений имеет значение для понимания состояния становящегося среднего класса в России.

Практики «дисциплинирования» в поле оказания государственных услуг

Кавеев Т.Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань

В настоящем исследовании дается анализ сферы государственных услуг как социального и физического пространства для взаимодействия населения и власти. Разработка и реализация концепции клиентоориентированного государ-

ства остается в российской действительности острой и нерешенной проблемой, частным отражением которой является организация физического пространства территории, где населению предоставляются государственные услуги. Исходным пунктом исследования является постановка проблемы о проникновении символических форм социального пространства в физическое, то есть гипотеза о пространственном превосходстве агента (работников учреждений, оказывающих государственные услуги) над принципалом (населением, которому эти услуги предоставляются). Французский социолог Пьер Бурдьё использует понятие «пространственных прибылей» или «прибылей локализации», связанных с нахождением рядом желаемыми вещами (благами, услугами, оснащением) и агентами, либо вдали от нежелательных. Служащие сферы государственных услуг обладают этими пространственными прибылями, само пространство организовано таким образом, чтобы подчеркнуть их исключительное положение, ограждающее их от потребителей услуг (разделение помещения на зоны для посетителей и сотрудников: кабинки, отдельные кабинеты, застекленные окошки и т.д.). Такое пространственное превосходство, в свою очередь, выполняет «дисциплинирующую» функцию – у населения формируется навязанное представление о роли «подданных» в государственной системе.

Сфера государственных услуг всей своей организацией и функционированием отвечает цели внушить определенное видение государства как структуры, имеющей неограниченную власть над индивидами. Это находит отражение и в организации физического пространства территории, где населению предоставляются услуги.

Анализ физического пространства в учреждениях г. Казани, предоставляющих государственные услуги, подтверждает гипотезу о пространственном превосходстве агента над принципалом, однако существуют и исключения. Формирование обстановки зависит от совокупности различных типов капитала, которыми владеет принципал. Так, в Госавтоинспекции наблюдается авторитарный стиль работы, жесткий контроль (объявление фамилий по громкоговорителю как один из элементов). Приватность и изоляция пространства агента

как практики формирования обстановки характерны для учреждений, осуществляющих налоговые сборы и штрафы за административные правонарушения. Пространство принципала здесь строго ограничено, акцент во взаимодействии двух сторон делается на обязанностях принципала (например, необходимость выплаты штрафа), решающей стороной всегда выступает агент. Символический капитал сотрудника организации, наделенного властью, подчеркивает его униформа. Помещения для персонала зачастую поддерживают стратегию маркирования территории с помощью табличек «Вход только для персонала», «Посторонним вход запрещен», что формирует социальную дистанцию между посетителем и служащим.

Однако существуют и учреждения, представляющие пример схожего стесненного положения как принципала, так и агента: в дискомфортных условиях находятся и сотрудники, и посетители; мыслительная и телесная дисциплинирующие практики, описанные П. Бурдье как свойственные государственному аппарату, здесь проявляются ко всем находящимся в помещении. Прием граждан осуществляется через узкие окошки, находящиеся значительно ниже уровня лица посетителей, вынуждая их становиться в сгорбленное, «просящее» положение. Некомфортабельные условия затрагивают и сотрудников: часть помещения для работы завалена макулатурой и коробками, этаж, отведенный для сотрудников, имеет узкие коридоры со сложенными у стен бумагами.

В целом специфика оказываемых услуг в том или ином учреждении определяет позицию принципала в пространстве изучаемого поля государственных услуг. Его положение всегда менее комфортно в учреждениях, связанных с его обязанностями (налоги и санкции государства), и более комфортно там, где реализуются его права (например, Пенсионный Фонд). Позиция же агента не так сильно коррелирует со спецификой оказываемых в учреждении услуг и в целом всегда более выигрышна по сравнению с положением принципала.

социально-экономического неравенства на рубеже веков

Казакова А.А.

Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова,

Россия, Москва

Сравнительные социально-экономические исследования переживают в последнее время новый всплеск популярности. Это обусловлено объективными процессами глобализации и структурных изменений в мировой экономике, так называемым возвышением Юга и ростом стран БРИКС. С другой стороны, формирование мирового информационного пространства способствует росту взаимосоотнесенности общественного сознания различных обществ и «демонстрационных эффектов», проявляющихся на всех уровнях – от унификации образа жизни и принятия решений о миграции до распространения протестных движений и концептуализации национальных стратегий развития. Мы рассмотрим возможности компаративистики в исследованиях социальной политики по противодействию социально-экономической поляризации, используя наиболее, на наш взгляд, референтную для России группу государств – страны БРИКС.

Следует различать сравнительные исследования, посвященные внутринациональному (распределение доходов между гражданами одной страны), межнациональному (соотношение средних доходов различных стран) и мировому (распределение доходов между жителями всего мира) неравенству. Традиционно востребованы исследования внутривостранового неравенства, широко используемые за пределами научного сообщества при прогнозировании, разработке государственной социальной политики и программ различных политических сил. Показатели межстранового неравенства, при всех различиях в их интерпретации (от неолиберальной доктрины глобализации до «мирсистемной» теории), тоже постоянно присутствуют в общественно-политическом, научном и экспертном дискурсе.

Менее традиционным представляется агрегирование двух этих параметров в показателях «мирового» («глобального») неравенства. Существуют разногласия относительно целесообразности применения столь «искусственной»

модели. В самом деле, при всей масштабности процессов социальной, экономической и политической транснационализации, исследования неравенства в рамках единого глобального общества, т.е. всего человечества, похоже, просто не имеют своего адресата. Основным субъектом социальной политики по-прежнему является национальное государство (хотя его возможности в этом отношении серьезно сокращаются в результате дерегулирования экономических процессов), и даже надгосударственные организации, реализующие принципы международной солидарности и помощи, ресурсно обеспечиваются конкретными странами-участниками.

Однако именно исследования «мирового»/«глобального» неравенства позволяют соотнести динамику относительного экономического роста стран на мировой арене и социальной структуры внутри стран.

Напомним, что формулирование «тезиса БРИКС» было первоначально связано с заметным экономическим рывком этой группы государств, обусловленного либерализацией и использованием «сравнительных преимуществ» их экономик на глобальном рынке. Позднее стали говорить о другой общей для этих стран черте: устойчиво высоком уровне социального неравенства. Притом речь шла как о странах с глубоко укорененной социальной поляризацией (Бразилия, ЮАР), так и о еще недавно высоко эгалитарных обществах (Россия, Китай), переживших рыночные реформы [1].

Совокупное действие двух этих факторов привело к тому, что, несмотря на общепризнанный относительный рост экономик и средних доходов в странах БРИКС (в особенности, в многонаселенных Китае и Индии), уровень мирового неравенства не только не снизился, но даже, по-видимому, несколько возрос в последние два десятилетия [2, 141]. Примечательны в этой связи результаты исследований т.н. «мирового» среднего и высшего класса. В период 1988–2008 гг. 1% мирового населения с наивысшим уровнем дохода стал получать на 60% больше. В его состав, традиционно включавший в основном жителей Западной Европы и США, теперь входят примерно по 1% богатейших бразильцев, россиян и южноафриканцев. Помимо мировой «верхушки», главным бенефици-

арием двух десятилетий глобализации стал средний класс быстроразвивающихся стран: медианные 10% населения Земли (находящиеся между 50 и 60 перцентилем в мировом распределении доходов) теперь включают около 200 миллионов китайцев, 90 миллионов индийцев и примерно 30 миллионов жителей Бразилии. Что же касается мирового «верхнего среднего класса», к которому прежде принадлежали жители бывших восточноевропейских социалистических стран, то его доход относительно других групп стагнировал или даже снизился [3, 14]. Это лишь несколько штрихов, иллюстрирующих продуктивность мало-распространенной пока методологии исследования мирового неравенства. Соотнеся успехи или неудачи отдельных экономик (динамику межстранового неравенства) с социальной дифференциацией обществ (динамикой внутрисканового неравенства), можно сравнить «социальную цену» глобализации в различных регионах Земли.

Этот инструментарий может быть особенно полезен при оценке результатов социальной политики в быстроразвивающихся странах. В последние годы в ряде стран БРИКС были запущены масштабные программы по смягчению поляризации (т. н. «левый поворот» в Бразилии, построение «гармонического общества» в Китае», пятилетки «инклюзивного роста» в Индии). Распространенное убеждение относительно того, что перераспределительное вмешательство государства в экономику вызывают замедление экономического роста, может быть подвергнуто эмпирической проверке в течение нескольких лет.

Литература:

1. Humanity divided: confronting inequality in developing countries. UNDP Report 2014. URL: http://www.undp.org/content/dam/undp/library/Poverty%20Reduction/Inclusive%20development/Humanity%20Divided/HumanityDivided_Full-Report.pdf (дата обращения: 10.10.2014)
2. Milanovic B. Global income inequality. A review // World Economics, 2006. Vol. 7. N 1. URL:

<http://siteresources.worldbank.org/INTDECINEQ/Resources/GlobalIncomeInequality.pdf> (дата обращения: 14.10.2014).

3. Milanovic B. Global income inequality by the numbers: in history and now. An overview // World Bank. Working Paper 6259. Washington, DC: World Bank. http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/11/06/000158349_20121106085546/Rendered/PDF/wps6259.pdf (дата обращения: 14.10.2014).

Риски социальной жизни членов семей с ограниченными возможностями жизнедеятельности (опыт регионального качественного исследования)

Каменева Т.Н., Козай Е.А.

Курский государственный университет, Россия, Курск

В современном мире идет процесс нарастания рискогенности социальной жизни. Социальная среда предстает одновременно и аккумулятором, и производителем рисков. К этому следует добавить стремительность социокультурных трансформаций социума, повышающую уровень нестабильности его состояния. Возрастают риски затруднений адаптации к среде жизни, дезинтеграции привычной сети социальных связей и социальных норм, усиления неподконтрольности социальных практик за пределами непосредственного жизненного пространства, дестабилизации повседневной жизни людей, размывания горизонта социальных ожиданий и ряд других.

В значительной степени данные риски затрагивают семью. Однако если в отношении обычных семей разрабатываются и реализуются разнообразные социальные программы, то семьи, имеющие в своем составе членов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), зачастую оказываются за пределами внимания большинства таких программ. И к вышеуказанным рискам добавляется еще ряд других, среди которых особо следует выделить риск *отчуждения*. И тогда за дело берутся сами члены таких семей, создавая различные общественные организации, отстаивающие права лиц с ОВЗ. Сегодня подобного ро-

да организации накопили некоторый опыт поддержки семей, имеющих в своем составе членов с ОВЗ, и этот опыт требует изучения.

В июле 2014 года на территории Курской области состоялся IV Международный образовательный лагерь «Слета неравнодушных» Курской региональной общественной организацией социальной поддержки и защиты граждан «Смородина». В рамках подготовки и проведения которого сотрудниками научной лаборатории Курского государственного университета было проведено полевое социологическое исследование, посвященное репрезентации социального самочувствия членов семей, имеющих в своем составе лиц с ОВЗ, и выявлению социокультурных рисков для членов этих семей.

Социологическое исследование включало в себя: экспертный опрос специалистов социальной сферы по вопросам обнаружения степени информированности о проблемах семей, имеющих лиц с ОВЗ, а также о тех возможностях, которые открываются перед лицами с ограниченными возможностями здоровья на «Слете неравнодушных»; социологический опрос трех целевых групп: лиц с ОВЗ, членов семей или сопровождающих лиц с ОВЗ, а также волонтеров слета; проведение четырех фокус-групп с лицами с ОВЗ, с членами семей и сопровождающими лиц с ОВЗ, а также с волонтерами – участниками слета.

Задачей проведения одной из фокус-групп стало изучение общественного мнения относительно рисков семьи в новых социокультурных условиях, а также мерах социальной политики по их минимизации. Подавляющее число участников интервью высказались за зарегистрированный брак как максимально соответствующий современной жизни. Хотя при этом треть участников вполне допустила существование и гражданского брака. В качестве причин вступления в брак были названы взаимные чувства, семейные ценности и устои, деторождение и рациональный расчет. Вопрос об оптимальном количестве детей в семье вызвал некоторые затруднения, после чего участники высказали убеждение в том, что решение данного вопроса должно опираться на намерения и возможности самих супругов. Участники считают, что современные СМИ и интернет представляют собой угрозу для современной семьи, так

как с экранов телевидения выплескивается на людей поток негативной информации – убийства, аборт и много другое.

В размышлениях на тему о том, с какими рисками сегодня приходится сталкиваться семье, были обозначены вопросы материального характера (высокий риск бедности), проблемы *хорошего образования детей* (особенно, если дети являются инвалидами, – риск оказаться в зоне эксклюзии), вопросы с жильем и состоянием ЖКХ (риск высокой оплаты жилья и услуг низкого качества), трудоустройством (риск безработицы), а также риск ухудшения здоровья.

Участники интервью указали на необходимость расширения спектра видов государственной поддержки семьи. Это, прежде всего, обеспечение жильем многодетных семей и семей с детьми-инвалидами, повышение пособий на детей, более внимательное (человечное) отношение со стороны органов власти к представителям многодетных семей, вопросы медицинского обслуживания, размер пенсий.

Таким образом, участники фокус-группы, посвященной проблемам семьи, представили довольно широкую палитру проблем, над которыми следует вести работу в рамках реализации семейной политики в России и отдельно взятом регионе – Курской области. При этом они акцентировали внимание на повышении эффективности социальной политики в отношении многодетных семей и семей, имеющих детей-инвалидов.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Курской области (проект «Социокультурные риски семейно-брачных отношений провинциального региона в условиях глобализации системы коммуникаций»), № 13-13-46001

Методы лоббизма в американском Конгрессе

Каневский П.С.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Американская политическая система представляет собой классическую

модель для изучения института лоббизма. Это связано, во-первых, с тем, что Соединенные Штаты прошли долгий путь эволюции взаимоотношений между государством и группами интересов в рамках становления демократических институтов власти. Во-вторых, в США существует определение того, что такое лоббизм и относительно устоявшаяся система нормативных актов, регулирующих лоббистскую деятельность. С другой стороны, несмотря на регламентацию и правовые рамки, до конца структуру лоббизма не раскрывают даже самые подробные аналитические доклады. В последние десятилетия лоббистская деятельность в США стала, с одной стороны, более прозрачной, с другой стороны, рынок лоббизма резко вырос и, следовательно, увеличилось количество неофициальных лоббистов, которые зачастую скрывают свою деятельность. Согласно сенатскому отделу по публичным записям в 2011 в США было зарегистрировано 12 655 лоббистов, что примерно на 2000 превышает показатель 1998 года. При этом, объем рынка лоббизма вырос с 1,44 млрд долл. в 1998 до 3,32 млрд долл. в 2011. По мнению ряда специалистов, это связано с тем, что лоббистские группы значительно усилили свою и без этого высокую степень влияния в американской политической системе. Однако официальные списки лоббистов в Конгрессе являются лишь частью системы.

В целом лоббистов в США делят на несколько категорий: профессиональные лоббисты, зарегистрированные в Конгрессе; профессиональные лоббисты, выполняющие эту работу без регистрации; профессиональные лоббисты, работающие без регистрации, но имеющие официальные представительства, например, отдел по связи с Конгрессом США; профессиональные лоббисты из числа должностных лиц, обладающие большими связями и влиянием; непрофессиональные лоббисты, обладающие связями и влиянием и привлекающиеся к работе эпизодически или по совместительству.

Основными целями лоббистской деятельности в США являются:

- а) изменение налоговой политики;
- б) получение бюджетных ассигнований (то и другое можно обобщенно объединить понятием «влияние на бюджетный процесс», или государственную

фискальную политику»);

в) воздействие на законодательную деятельность в сфере стандартов производимой продукции и регламентации правил ее сбыта;

г) взаимоотношения с регулируемыми органами;

д) поддержка клиента на рынке государственных закупок (на государственных тендерах).

Хотя закон о регулировании лоббистской деятельности от 1995 г. фактически легализовал лоббизм в органах исполнительной власти, методы лоббизма в администрации президента и на уровне исполнительных органов власти отдельных штатов часто отличаются от методов, применяемых на уровне законодательной власти – прежде всего, в Конгрессе. В целом, методы лоббизма в США, пользуясь терминологией, принятой в американской политической науке, можно подразделить на две большие категории: внутренний и внешний лоббизм. Данные категории, в свою очередь, делятся на прямой и непрямой тип лоббирования.

К внутреннему прямому типу относятся представительство через участие в заседаниях комитетов и комиссий Конгресса; предоставление экспертной информации, результатов и исследований. Существует возможность и формализованного представительства через советы при различных комитетах Конгресса. К прямому типу относится также подача петиций и писем конгрессменам, которые регистрируются в специальных реестрах. Дача показаний во время слушаний в Конгрессе также может носить характер прямого лоббизма. Ряд исследователей относит к прямому внутреннему лоббизму и дачу взяток, так как коррупцию тоже можно отнести к методу лоббизма, хотя вопрос разграничения лоббизма и коррупции занимает отдельное место в исследованиях процесса принятия решений. В свою очередь, непрямой внутренний лоббизм включает в себя персональные телефонные звонки, личные визиты с целью изложить свою точку зрения, организацию приемов и вечеринок, пользующихся большой популярностью у членов Конгресса, где в полужоформальной обстановке решается множество вопросов политического характера. Достаточно вспомнить

АІРАС (Американо-израильский комитет по общественным связям), которая каждый год проводит грандиозный съезд с участием большинства членов Конгресса.

Более комплексным и сложным для изучения представляется внешний лоббизм, к которому относятся организация публичных кампаний в поддержку определенного решения или кандидата, финансирование предвыборных кампаний партий или кандидатов. Даже по официальной информации, которую конгрессмены по закону предоставляют контролирующим органам, можно делать определенные выводы. В частности, у каких частных компаний, групп компаний, либо ассоциаций сложились тесные контакты с теми или иными конгрессменами. Например, телекоммуникационная компания АТ&Т предпочитает иметь дело с республиканцами из фракции так называемой «Чайной партии», которые выступают за налоговые послабления для телекоммуникационного и высокотехнологичного секторов экономики. Хотя финансирование избирательных кампаний в США достаточно строго регулируется законом от 1979 г., существует значительное количество юридических нюансов, которые позволяют крупному бизнесу вкладывать значительные суммы в продвижение конкретных конгрессменов. В частности, существует понятие «независимых расходов», которые не ограничены для частных лиц или групп лиц, однако от них требуется сообщать об источниках их доходов. К тому же в США нет четкого определения целей избирательной кампании, что приводит к возникновению так называемых «мягких денег», которые могут расходоваться на «нужды партии», а не отдельных кандидатов. Это вызвано еще и тем, что любой бизнес, профсоюз или частная организация могут вкладывать неограниченные средства в фонды партии, которые часто юридически не связаны с фондами кандидатов, следовательно, источники финансирования кампаний обычно имеют самое различное происхождение, а истинный круг вовлеченных групп интересов определить порой достаточно сложно.

В США существует и другой феномен, который также можно причислить к внешнему методу лоббизма – «вращающиеся двери». «Вращающиеся две-

ри» подразумевают переход конгрессменов и чиновников из органов власти в частные, коммерческие компании, а также консалтинговые и негосударственные организации, занимающиеся вопросами лоббирования. Значительная часть профессиональных лоббистских фирм формируется выходцами из Конгресса (с 1998 г. в среднем 45% конгрессменов уходят в частный сектор), Белого Дома (в среднем 60%) и прочих органов власти. В качестве примера можно привести профессиональный путь Джона Подеста, который начинал с организации собственного бизнеса, затем был главой аппарата Билла Клинтона, после этого перешел в аналитический центр, обеспечивающий информационное сопровождение бизнеса, затем в некоммерческую организацию, потом был координатором донорских взносов в демократическую партию и в итоге стал советником Барака Обамы.

В целом, методы, применяемые для лоббизма интересов в американском Конгрессе и прочих органах власти, можно разделять на сколь угодно количество подвидов, но эволюция американского законодательства в последние десятилетия показывает, что лоббизм становится все более широким явлением в американской политике, который требует все большей конкретизации, общественного и политического контроля.

Поколенческое пространство: понятие и реальность

Карелин М.А.

Саратовский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов

Поколение в настоящее время все чаще фигурирует как основа исследовательских проектов, реализуемых в России. Исследования поколений актуальны как никогда, так как являются основополагающими для самоопределения и жизнеустройства современного социума.

В трудах ученых трактовки понятия «поколение» характеризуются многомерностью и смысловой разнообразностью в зависимости от специфики применения данного понятия. Рассматривая западную традицию изучения поколе-

ний, можно наблюдать следующую особенность. Согласно творчеству Э. Дюркгейма проблематику поколений следует изучать через призму «коллективных представлений», сфокусировавшись на термине «преемственность» [1]. Представители структурно-функционального подхода (А. Редклифф-Браун, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ш. Эйзенштадт) предлагают рассматривать поколение «как функциональную систему позиций, социальных статусов и институциональных ролей индивида» [2]. Позиция немецкого социолога К. Мангейма сводится к наделению поколений рядом характеристик: определенное «положение», «взаимосвязь» в каждом поколении, социально-символическое «единство».

Отечественная традиция изучения поколений также характеризуется богатством и разнообразием трактовок. Здесь следует отметить и первую демографическую классификацию поколений А.П. Рославским-Петровским, и классификацию, основанную на пережитых, значимых исторических событиях (Б.Ц. Урланис, Г.Л. Смирнов, И.Ю. Корж). В работе «Поколения» И.С. Кона говорится, что все имеющиеся определения поколения можно сгруппировать в три группы: демографическую, историко-культурную и «ступень в происхождении от общего предка» [3].

Что касается собирательного определения поколения, то оно представляется нам как социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, сформированная под влиянием одних и тех же исторических событий, обладающая схожими ценностными ориентирами и нормами поведения. Исследовательская возможность данного понятия имеет определенные границы. К таковым, согласно Р. Браунгарту, относятся отсутствие возможности изучения межпоколенческих конфликтов, а так же недостатков внутри социальных институтов. Уместно использовать понятие «поколенческое пространство», как определенную форму консолидации поколенческих групп, имеющих определенные границы возраста, нормо-ценностную и статусно-ролевую идентичность, зависимой от влияния социальных процессов, а следовательно, приводящую к дифференциации человеческого капитала и к формированию субпоколений.

Разработка категории пространства в социологии, (Г. Зиммель, П. Бурдье, А.Ф. Филиппов) позволяет взглянуть по-новому на поколенческую организацию в целом. П. Бурдье определяет социальное пространство как абстрактное образование, состоящее из подпространств или полей, чья структура обусловлена неравномерным распределением различных видов капитала, которые также рассматриваются как средства и цели борьбы в различных полях [4].

Фокусируя внимание на связи пространства и поколений, уместно полагать, что поколение в социальном пространстве соотносимо с «классом для себя» и определяется как «совокупность агентов, занимающих сходную позицию и интерес для выработки сходной практики». Согласно точке зрения Т.В. Водолажской и Н.Л. Кацук структура поколения не является гомогенной и «выработка сходной практики» зависима от территориального аспекта [5]. Поэтому возникает неравномерная поколенческая дифференциация и отклонение поколенческой границы. Данное обстоятельство приводит к выводу, что внутри поколения рационально выделять структурную составляющую – «субпоколение». Таким образом, современная реальность благоприятствует формированию понятия поколенческое пространство.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 191.
2. Шахматова Н.В. Поколенческая организация современного российского общества / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов, 2003. С. 41.
3. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 61.
4. Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. М. СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя. 2007. С. 59.
5. Водолажская Т.В., Кацук Н.Л. Поколения как субъекты социокультурного пространства: постановка проблемы и возможности исследования // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском

обществе: Сб. статей, подготовленных по итогам Пятой межинститутской научно-практической конференции молодых ученых (24 июня 2005 г.). Ин-т социологии НАН Белоруссии. Минск, 2005. С. 32.

Кинематограф как социокультурный институт современного общества

Карелина И.А.

Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

Россия, Саратов

Современные кинематограф является одним из основных поставщиков копируемых ролевых моделей поведения для молодежи. Кино, как синтетический вид искусства последнего столетия, имеет неразрывные связи с многовековой художественной культурой, наследует и транслирует опыт и традиции истории, религии, литературы. Кино позволяет зрителю, независимо от его социального статуса, возраста, образования, гражданства и национальности преодолевать границы государств. Оно дает представление об образе жизни различных народов, ментальности, базовых ценностях и социальных проблемах обществ различных стран. С течением времени и совершенствованием высоких технологий кинематограф стал своеобразным способом освоения социальной действительности, приобрел способность оказывать адаптивное воздействие на зрителей.

Кинематограф обладает всеми основными признаками социального института: имеет свои символические культурные признаки, свойственные различным историческим эпохам; транслирует стандарты поведения в обществе, жизненные стратегии, идеологию; сохраняет для поколений традиции, обычаи, обряды, свойственные народной культуре; выполняет ряд социально значимых функций. Современное киноискусство имеет постоянную связь с обществом, реализует социальный запрос в соответствии с существующим мировоззрением, отражает творческий взгляд автора на окружающий мир, удовлетворяет потребности различных социальных групп и подчиняется вкусам зрителей.

Социологическое исследование кинематографа и кинопредпочтений мо-

лодежи г. Красноярска позволило выделить основные проблемы: социально-демографическую структуру аудитории кинотеатров и ее активность; массовость кино; интересы и предпочтения различных типов кинозрителей; факторы, влияющие на снижение кинопосещаемости и роль телевидения в этом процессе; причины, способствующие и препятствующие посещению кинотеатра и условия кинообслуживания.

Современное телевидение и Интернет составляют значительную конкуренцию кинотеатрам, новые художественные фильмы доступны online в Интернете, имеют хорошее качество. Современный кинозритель достаточно осведомлен о существующих жанрах кино. Предпочтительными являются зарубежные страны-производители кино, более популярными являются современные зарубежные фильмы. Этому способствует и политика кинотеатров, использующих в прокате чаще иностранные фильмы. Однако наблюдается рост популярности российского кино в последнее время. Молодежная киноаудитория объясняет популярность фильмов в большей степени качеством изображения, спецэффектами, в меньшей степени – профессиональностью режиссера, драматургией, главной идеей, особым ракурсом постановки проблемы.

Современный кинематограф активно распространяет ценности страны-производителя фильма. Кинопроизводство и сам фильм как художественное произведение – многогранная система, основа которой – концентрация и монополизация производства фильмов, отражающих общие тенденции развития общества. В таких условиях данный процесс приводит к созданию и внедрению идеологических и художественных стереотипов, к упрощению насаждаемых в массовой культуре ценностей, к ослаблению исторически сложившегося фундамента: национальных установок, обычаев, традиций. Пример Голливуда – прямое свидетельство монополизации кинопроизводства, создания потока фильмов определенной идейной направленности, транслирующей американский образ жизни, ценности массового потребления и образцы поведения. Ценности общества, навязываемые зарубежными фильмами, могут привести к дестабилизации социального равновесия и оказать разрушающее воздействие на

культуру общества. Смещение сюжетов фильмов из мира реальности в вымышленный мир – еще одна тенденция современного кинематографа.

Условия кинообслуживания: уровень предлагаемого сервиса, работа кинотеатров, ценовая политика, качество фильмов в основном удовлетворяют современную молодежь. Предлагаемый репертуар в кинотеатрах не всегда интересен зрителям, при этом предлагаемые кинопрокатом развлекательные фильмы становятся менее популярными. Молодое поколение все больше испытывает потребность в кинолентах, заставляющих думать, размышлять, переживать, что является незначительной положительной тенденцией.

Современное кино выполняет в обществе ряд значимых функций: воспитательную, эвристическую, эстетическую, познавательную, коммуникативную, управления общественными отношениями и социального контроля. Изменение политической и экономической ситуаций в России открыло новые возможности кинематографа в маркетинговых и политических кампаниях.

Кинематограф выступает как один из наиболее эффективных каналов трансляции образа национальной идеи в современном обществе. Российский кинематограф выполняет свою социальную миссию, по своим принципиальным возможностям является мощным средством образного выражения и закрепления культурной идентичности народов России.

Адаптационные стратегии бедного населения в регионе

Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф.

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», Россия, Пенза

Анализ сущности и механизма адаптации бедного населения в современном российском обществе является одной из самых актуальных проблем, так как успешная социально-экономическая адаптация населения является основным показателем материального благосостояния в условиях трансформирующегося российского общества.

Под адаптационной стратегией мы понимаем поведение акторов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами

и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям.

Важнейшим условием преодоления состояния бедности является успешная социальная адаптация населения, т.е. выработка малообеспеченными эффективных моделей социально-экономического поведения, основанных на использовании индивидуальных адаптационных ресурсов.

Основной фактор выбора бедным населением тех или иных адаптационных стратегий объясняется тем, что современное российское население неоднородно и трансформация общества затрагивает интересы различных социальных слоев. Поскольку их интересы не совпадают, неодинаковы возможности, то, соответственно, различны применяемые адаптационные стратегии в улучшении материального положения семьи. Кроме того, успешность выбора адаптационных стратегий в современных условиях связано во многом с формированием соответствующего типа личности (на смену патерналистского типа личности все чаще приходят инициативные, ответственные и самостоятельные субъекты, способные адаптироваться в экономических условиях).

Адаптационные стратегии малообеспеченного населения в российском обществе можно разделить по признаку пассивности и активности. В основе пассивных адаптационных стратегий в современной России лежит опора на собственные ресурсы (накопленное имущество, имеющиеся сбережения, продукция личного подсобного хозяйства) или чужие (помощь родственников/друзей). Для увеличения дохода многие трудоспособные граждане работают на приусадебных участках, выращивают продукты, а потом реализуют товар. Необходимо подчеркнуть, что экономический потенциал личных подсобных хозяйств является основным адаптационным ресурсом сельского населения, а трудовые усилия, затрачиваемые на выращивание продукции, оказываются преобладающими в трудовой деятельности.

Активные адаптационные стратегии бедного населения включают не разовые подработки, а чаще всего регулярную вторичную занятость, совместительство, дополнительную работу. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишаящие себя отпуска и возможности

поддержать здоровье. Таким образом, вторичная занятость является основой формирования активной стратегии для малообеспеченной семьи.

Проведенное авторами социологическое исследование среди бедного населения (n = 412, г. Пенза) показало, что 28,2% респондентов используют разовые и временные подработки, т.е. настроены улучшить свое материальное положение любыми способами и 22,3 % бедного населения предпочитают не предпринимать никаких действий, так как считают, что ничего не могут сделать для улучшения своего материального положения.

Для изменения своего уровня жизни к лучшему 40,5% респондентов обеспечивают себя сельскохозяйственными продуктами. К данной стратегии чаще всего прибегают те, кто ощущает ситуацию как максимально сложную.

Среди бедного населения 3,6 % используют проценты от сбережений, 0,5% респондентов распродают накопленное имущество и 15,5 % респондентов вынуждены занимать деньги. Такая ситуация вполне характерна для бедного населения, так как в принципе адаптационные ресурсы малообеспеченных не велики.

Таким образом, адаптационные возможности определяются адаптационным потенциалом, в качестве которого выступают адаптационные ресурсы бедного населения. Чем шире адаптационный потенциал, тем легче будет протекать процесс адаптации.

Направления развития современной военной социологии в России и за рубежом

Карлова Е.Н.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Россия, Воронеж

Военная социология меняется вместе с той частью социальной реальности, которую изучает: вооруженными силами и формами вооруженных конфликтов, их влиянием на общество в целом и на отдельные социальные группы. Соответственно, существует круг научных проблем, общих для военных социоло-

логов разных стран, и круг специфических проблем, обусловленных национальными историческими, политическими и культурными факторами.

В западной военной социологии в настоящее время активно разрабатывается предложенная Ч. Москосом теория среднего уровня, описывающая переход к армии постмодерна. С конца XX века вооруженные силы все чаще начали сталкиваться с новыми вызовами: малыми войнами, информационными операциями, операциями невоенного типа, конфликтами низкой интенсивности, гибридными войнами, участием во внутривнутриполитических кризисах. Изменившийся характер военных угроз предъявляет новые требования к военной организации и компетенциям военных профессионалов.

Предметная область военно-социологических исследований расширилась, пополнившись изучением новой социальной идентичности современного военнослужащего, сочетающего роли дипломата, военного специалиста, полицейского, командира-лидера, обладающего дипломатическими навыками и кросс-культурной компетентностью, умениями налаживать связи с местным населением, правительством и силами безопасности на территории чужого государства.

Отличительными чертами армии постмодерна является усиление роли военнослужащих женского пола и гражданского персонала в обеспечении военной безопасности. В рамках этого направления военными социологами изучаются мотивация, барьеры военной социализации данных социальных групп, конфликты идентичностей, дискриминационные практики, влияние на эффективность военной организации. Нетрадиционными участниками современных военных операций становятся также частные военные организации, порождая новое явление аутсорсинга военной безопасности. В связи с этим возникают социологические проблемы сохранения корпоративности и профессиональной этики, а также морально-правовые вопросы монополии государства на применение вооруженной силы.

В отечественной академической традиции ряд тем, связанных с новыми военными вызовами, современным состоянием международных отношений,

изучаются преимущественно в рамках политологии. Собственно социологическое осмысление получают чаще всего следующие направления:

- социальное положение военнослужащих, социальная защита, обеспеченность жильем, здравоохранение;
- проблемы военного образования, формирования профессиональных компетенций;
- личность военнослужащего: ценности, идентичность;
- религиозность военнослужащих и межэтнические отношения в армии;
- гендерное неравенство в армии;
- правопорядок и неуставные отношения;
- социологическое осмысление военных реформ и другие.

Принимая во внимание происходящие в настоящее время преобразования в сфере военного строительства, можно предположить, что для отечественной военной социологии приоритетными будут исследования процесса перехода к преимущественно добровольческому комплектованию Вооруженных Сил, процесс формирования мобилизационного людского резерва, особенности подготовки военнослужащих на базе гражданских вузов, социальные аспекты модернизации военно-научного и военно-промышленного комплексов. Востребованными остаются также комплексные работы по военной социологии, которые обобщали бы накопленные различными науками знания и осмысливали их с учетом национальной специфики.

С методологической точки зрения, военная социология остается достаточно консервативной отраслью, в которой доминируют позитивистские установки. Слабо развита традиция использования качественных методов как западными, так и отечественными социологами. Проведение социологических исследований осложняется закрытостью и автономностью военной сферы, когда ученым сложно получить «доступ к полю» даже в родной стране, не говоря о зарубежных армиях. Эти обстоятельства обуславливают также малое количество кросс-культурных, сравнительных исследований.

Военная социология в России продолжает оставаться преимущественно ведомственной научной дисциплиной, исследователи являются, как правило, инсайдерами, то есть военнослужащими или бывшими военнослужащими, что отражается в выборе теоретических, идеологических и методологических оснований исследований. Процессы гуманизации военной службы и повышение уровня открытости Вооруженных Сил дают основания предположить, что в военной социологии появится больше независимых исследователей. Новейшая история военной социологии насчитывает двадцать лет, и в ближайшее время, вероятно, под руководством военнослужащих в запасе или отставке будут формироваться научные школы военной социологии на базе гражданских организаций, что принесет в отрасль независимый взгляд ученых с гражданским профессиональным социологическим образованием.

Роль политической культуры в исследованиях политических процессов стран транзитного типа

Карпова Н.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Представляемый доклад направлен на изложение проблемы политико-культурного влияния на политические процессы в государствах, переживающих периоды транзита. Актуальность обосновывается тем, что в последние два десятилетия как в западной, так отечественной политологии и политической социологии прослеживается устойчивая тенденция в ориентации изучения трансформационных процессов, прежде всего, в формате их культурной детерминированности.

Фактически с середины 1990-х гг. на качественно ином уровне переосмысливаются и получают новую жизнь сформулированные в классических трудах американских ученых Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая идеи о месте политической культуры в механизме функционирования политических систем. К политической культуре начинают активно обращаться как к субстанции, содержащей в себе «качественный» потенциал и принципиальную возможность

для транзита политических систем. Сама история различных государств является свидетельством, что темпы и результаты политических изменений протекают в контексте политико-культурных особенностей и традиций конкретной страны, политического менталитета граждан.

Теоретической основой изучения данных процессов стала концепция Г. Алмонда и С. Вербы о согласованности между политическими структурами и политической культурой как важнейшем аспекте политического развития. Между тем сложность транзитных процессов требует их комплексного рассмотрения на социетальном уровне, а это подразумевает корректировку методологического инструментария. В этом отношении наиболее эффективным представляется использование категории политической культуры в ее интегральной трактовке, разработанной отечественным исследователем Э.Я. Баталовым. Поскольку здесь политическая культура не ограничивается субъективно-психическим содержанием, а включает в свою структуру модели политического поведения и культуру функционирования политических институтов.

Ценность интегрального подхода состоит в том, что в его границах отчетливо выявляются и прослеживаются в динамике взаимодействия между политической культурой, политической системой и гражданским обществом. Расширенная трактовка позволяет не только зафиксировать, как изменяется политическая культура на ориентационном и ценностно-нормативном уровне, но и оценить процессы трансформации форм и моделей политического поведения и участия, характера взаимодействия граждан с институтами гражданского общества и государства. Включение в содержание политической культуры институционального элемента дает возможность раскрытия субъективных основ, определяющих характер изменений в самом механизме политического властвования. Институциональный блок политической культуры закрепляется в принципах государственного устройства и включает в себя «правила игры», в рамках которых в реальности протекает политический процесс. Соответственно влияние политической культуры может просматриваться, например, в методах принятия и осуществления государственных решений, особенностях институ-

циональных взаимодействий в конкретной политической системе, типе электро-
рального процесса и др.

Трехуровневая структура политической культуры позволяет проследить направленность, инерционность или интенсивность политико-культурных изменений на каждом из уровней в отдельности, что имеет особую важность при исследовании политических систем транзитного типа. Так, например, российская практика показывает, что на ментальном уровне изменения в политической культуре гораздо интенсивнее, а институциональный блок в наибольшей степени сохраняет традиционные элементы подданнической культуры. Свидетельством последнего в нашей стране служит политика последних лет на укрепление вертикали власти и создание сильного государства. Однако интерпретационные возможности категории политической культуры этим не ограничиваются.

Методологический потенциал политической культуры в исследовании политических процессов в странах транзита состоит в том, что представляя собой в каждый конкретный момент времени совокупный баланс между элементами традиционными и выработанными под влиянием текущих изменений, политическая культура дает возможность объективно оценить, в какую сторону меняется этот баланс и находится ли он в соответствии с вектором политического развития. Причем, традиционные элементы могут не соответствовать и даже противоречить направлению трансформации, что создает особую сложность и ставит вопросы о генетических возможностях политической культуры и политических изменений. И поскольку исследователи зачастую рассматривают транзит, как процесс демократизации с «неопределенными результатами», то политическая культура в этом контексте становится ключевым инструментом анализа, прогноза и конкретизации этой неопределенности.

Оценка персонала и человеческих ресурсов

Кафидов В.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

В сфере управления персоналом происходят существенные изменения, связанные с формализацией и стандартизацией процессов управления. Внедрение организационных стандартов, системы менеджмента качества предполагают применение формализованной оценки эффективности методов управления персоналом. К этому добавляется и задача управления человеческими ресурсами.

Наряду с модой, которую никто не сбрасывает со счетов, реально существует потребность в оценке эффективности методов подбора и отбора персонала, его обучения, оценки эффективности резерва кадров на выдвижение, оценки эффективности затрат на развитие человеческих ресурсов и формирования человеческого капитала.

При решении перечисленных задач важно определить «что оценивать», «как оценивать» и по какому сценарию, с помощью чего. В первом случае необходимо определить, должны ли оцениваться личные качества работника, или его труд, или результаты труда. Необходимо оценивать эти показатели отдельно или в системе. Показатели должны быть общими для всех групп оцениваемых или дифференцированными (но тогда и не сопоставимыми).

Многие специалисты HR путают понятия трудовые ресурсы, персонал, человеческие ресурсы, не говоря уже о понимании, что такое человеческий капитал. Но об этом я уже писал ранее [1]. А очень было бы полезно понимать и научиться оценивать какой эффект предприятие получает от использования персонала, его рабочей силы, а какой от человеческих ресурсов и человеческого капитала.

Индивидуальные человеческие ресурсы превращаются в индивидуальный капитал при заключении трудового договора только в той части, которая востребована предприятием. Предприятие покупает рабочую силу определенного качества и чтобы получить человеческий капитал необходимо мобилизовать и развить человеческие ресурсы, т.е. ресурсы человека. Поэтому предлагаемые достаточно часто методы расчета эффективности человеческого капитала

неправомерно включают затраты: цена приобретения; восстановительная стоимость; балансовая стоимость. При таком подходе используются и понятия первоначальных и восстановительных издержек. Трудно приживается идея, что наибольший эффект дает не сокращение расходов, а эффективное инвестирование.

При существующих подходах трудно объяснить предпринимателю и менеджеру, что он не использует человеческие ресурсы, а эксплуатирует рабочую силу. Иначе ему нужно вкладывать средства в использование и развитие человеческих ресурсов, превращение их в человеческий капитал. Как объяснить сотруднику кадровой службы предприятия, что, скорее всего он не HR, но может им стать. Это возможно, если персонал в данном контексте не рассматривать как трудовой ресурс, а речь вести о выявлении, развитии или вторичном, более глубоком использовании уже существующего персонала, его человеческого ресурса.

Общепринятым считается, что потребность в персонале определяется соотношением планируемых объемов производства и выработки одного работающего или по числу должностей, требующихся для выполнения требуемых функций и с учетом ожидаемого выбытия. Подробный анализ применяемых методов приводится в статье [2]. Сложнейший вопрос возникает в отношении государственных и муниципальных служащих. Сколько нужно чиновников? Постоянно требуя сокращения управленческого аппарата, никто не определяет количество и объем необходимых функций. Чиновников и работников, обслуживающих население, должно быть ровно столько, сколько нужно для удовлетворения потребностей населения при фиксированных технике и технологиях обслуживания. Причем специалистов очень часто достаточно трудно заменить. На подготовку и адаптацию специалистов требуется значительное время и затраты.

Чаще всего современные исследователи пытаются оценить окупаемость затрат на управление персоналом с помощью показателей ROI. Но вопрос остается открытым: как выделить эффект обучения из множества других эффектов.

Более того, эффект может состоять в поддержании определенного уровня прибыли, в повышении качества продукции или качества обслуживания, которые дадут отложенный во времени результат. Поставленные вопросы требуют своего разрешения, а до того времени специалисты, занимающиеся оценкой эффективности управления персоналом и человеческими ресурсами должны понимать, что нельзя слепо копировать западный опыт и бездумно применять методы, считающиеся популярными.

Литература:

1. Кафидов В.В. Объединение интересов бизнеса и государства в формировании и использовании человеческого капитала // Управление экономическими системами. 2013. № 6 (54).
2. Кафидов В.В. Особенности применения методов оценки персонала // Управление экономическими системами. 2014. № 9 (69).

Образование детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями как фактор для возникновения психологических проблем

Качур А.С.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

В статье раскрывается взаимосвязь образования, как лифта социальной интеграции человека, и развития социально – психологических барьеров личности, в частности одиночества, как второстепенной проблемы на фоне наличия инвалидности, ограничивающей жизнедеятельность.

По данным Федеральной службы государственной статистики на 2011 год в Российской Федерации насчитывалось 71237 впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет. Из общего числа нозологий наибольшее распространение имеют врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (15658 – 22%) психические расстройства и расстройства поведения (14208 – 20%), болезни нервной системы (13241 – 18,6%) и другие [1].

Региональная статистика имеет тенденцию к росту детской инвалидно-

сти, в частности в Алтайском крае на 01.01.2011 численность детей-инвалидов составила 8802 человека (1,9% от общего количества детей) [2].

Существование детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями, подтвержденное статистическими данными, актуализирует значимость решения проблем данной категории лиц, порожденных наличием недуга.

В современном обществе дети-инвалиды и дети с ограниченными возможностями сталкиваются с множеством проблем, препятствующих их полноценной социальной адаптации; среди которых можно отметить социальную изолированность, сложность установления социальных связей и контактов, трудность включения в образовательный процесс, непринятие работодателями и окружением, неприспособленность окружающей среды для беспрепятственного доступа в нее лиц с инвалидностью и многие другие.

Первостепенные проблемы, возникающие в связи с наличием инвалидности, порождают второстепенные, являющиеся более сложными и психологически обусловленными. Основной из таковых является проблема одиночества инвалидов.

Согласно определению из философского словаря одиночество – состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации (изоляции от других людей, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для него общения, недостаточности общения и другое) [3].

Образование один из основных социальных лифтов современного общества, позволяющего человеку быть полноправным членом социума и выполнять свои роли, устанавливать социальные связи. Будучи включенным в образовательный процесс ребенок-инвалид или ребенок с ограниченными возможностями реже сталкивается с такими социально обусловленными явлениями как отсутствие круга общения и близких друзей, социальное отторжение (непринятие группой сверстников), не владение навыками коммуникации, которые могут стать источником ощущения одиночества. Одним из факторов, способствующих одиночеству, является нежелание человека оказаться в такой ситуации

межличностного общения, при которой он подвергается риску получить отказ в установлении нужных для него взаимоотношений, почувствовать смущение и разочарование. Враждебность и пассивность, как возможные причины и одновременно следствия одиночества, часто сопровождают его. Из-за боязни отрицательных результатов проявления инициативы в установлении межличностных контактов человеку становится все труднее преодолевать одиночество, и страх, порожденный прежним неудачным опытом, способствует созданию обстановки, которая еще более усиливает данное чувство.

Следует также отметить, что влияние одиночества на ребенка зависит и от длительности переживания. Наиболее тяжкие последствия имеет хроническое одиночество, именно оно может привести к эмоциональным и поведенческим отклонениям.

Длительный опыт одиночества может также отрицательно влиять на самооценку, делая ее более уязвимой. Последствие одиночества для самооценки личности еще больше усугубляются, если оно связывается с личностными характеристиками и недостатками, как то, например, наличие физического или психического недостатка. Социальные проблемы взрослого человека – это не что иное, как последствия проблем в детстве и подростковом возрасте.

Инклюзивное образование, по нашему мнению, может стать технологией, позволяющей включать детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями в социокультурное пространство с последующим уменьшением риска развития отчужденности, социальной изолированности и чувства одиночества.

Литература:

1. Официальная статистика. Здравоохранение. Инвалидность // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL www.gks.ru
2. Меры социальной поддержки семей с детьми-инвалидами // Официальный сайт Главного управления Алтайского края по социальной защите насе-

ления и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. URL: www.aksp.ru

3. Одиночество // Сборник онлайн словарей. URL: www.onlinedics.ru

Корпоративная культура как фактор мотивации персонала в современных организациях

Климова Л.В.

ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», Россия, Курск

В современных организациях все больше уделяется внимания формированию корпоративной культуры как залога успешности. В организациях появляются программы развития корпоративной культуры, включающие в себя различные мероприятия: от элементарных (например, пошив флагов, написание гимнов и введение униформы) до комплексных, длительных и дорогостоящих исследовательских и внедренческих программ.

Сильная корпоративная культура позволяет наиболее эффективно раскрывать потенциал сотрудников организации, создавая необходимые условия, при которых трудовая отдача коллектива будет максимальной. Однако желание людей тратить все силы на рабочий процесс и применять все свои знания и опыт на благо организации формируется в условиях особой атмосферы внутри коллектива, заданной общей идеей организации, воплощенной в ее корпоративной культуре и формируемой годами. Этим обусловлена тесная связь корпоративной культуры организации и ее задач по мотивации сотрудников к профессиональной деятельности. Учитывая, данный аспект корпоративной культуры, в современных организациях создаются специальные отделы (департаменты), специалисты которых осуществляют деятельность, направленную на интеграцию и мотивацию коллектива посредством элементов корпоративной культуры.

Можно выделить две основные направленности, в соответствии с которыми обозначаются задачи корпоративной культуры. Во-первых, корпоративная культура должна обеспечивать внутреннее единство организации и способ-

ствовать интеграции сотрудников в профессиональную деятельность, в частности, мотивировать их к работе в данной конкретной компании. Во-вторых, корпоративная культура должна способствовать приспособлению организации к условиям внешней социально-экономической среды с целью повышения эффективности ее деятельности.

Наиболее известным мотивационным методом является метод штрафов и премий (наказаний и наград). Со временем он преобразовался в набор санкций административного и экономического характеров. Возрастание роли человеческого фактора в трудовом процессе обусловило появление психологических методов мотивации, согласно которым главными движущими факторами мотивации считают нематериальные бонусы (например, приобретение самоуважения, признания в коллективе и со стороны руководства компании, моральное удовлетворение от выполняемой работы и чувство гордости за свою компанию). Достижение необходимого эффекта от применения психологических методов мотивации возможно только в случае их воздействия в рамках сильной корпоративной культуры.

Основными методами позитивной и негативной мотивации персонала можно считать следующие:

- повышение в должности, карьерный рост;
- увеличение полномочий и доступ к управлению;
- выражение признания со стороны руководства компании и коллектива;
- улучшение условий труда, предоставление различных привилегий;
- вынесение устных благодарностей в присутствии коллег;
- материальное премирование за конкретные заслуги;
- выделение дополнительных льгот и бонусов (путевки, льготные условия кредитования, оплата жилья, транспорта, связи, страхование и т.д.);
- проведение соревнований «Лучший работник», спортивных турниров;
- помещение фотографии лучшего сотрудника в корпоративной газете, в буклете о компании;
- приоритет при планировании графиков работы и отдыха;

- лишение каких-либо привилегий;
- наложение материальных штрафов;
- введение строгого контроля деятельности.

Перечисленные методы, в той или иной комбинации, образуют мотивационную стратегию организации, являющуюся элементом корпоративной культуры. Однако, возможности корпоративной культуры шире, и они позволяют выходить за рамки формальной программы мотивации, учрежденной в компании, делая мотивацию менее очевидной, но не менее действенной. К таким особенностям мотивации персонала при помощи средств корпоративной культуры относятся: а) традиции корпоративного досуга – способствуют сплочению коллектива, налаживанию межличностных отношений среди сотрудников; б) институт наставничества в компании – упрощает интеграцию новых сотрудников в коллективе, помогает им осознать собственную значимость и нужность компании.

Мотивационное воздействие на персонал может быть как прямое, так и косвенное.

Элементы корпоративной культуры будут осуществлять эффективную мотивацию персонала при условии их реализации и ориентации на них всей системы управленческих воздействий. В противном случае персонал организации будут считать ценности корпоративной культуры декларацией и перестают доверять компании, так как декларация принципов, следовать которым на практике в настоящий момент невозможно, ведет к негативному воздействию на мотивацию персонала.

Ограниченность теорий и методов объяснения экономического поведения

Киселева Н.И.

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации», Россия, Москва

Мировая социально-экономическая нестабильность провоцирует ухудшение экономического состояния страны, спад производства, нарушение сло-

жившихся производственных связей, банкротство предприятий, рост безработицы, и в итоге – снижение жизненного уровня и изменение экономического поведения населения во всех отраслях народного хозяйства.

Чем острее социально-экономические вызовы, тем более востребованными становятся объяснения экономического поведения населения, как категории, которая фиксирует состояние экономики и обеспечивает возможность функционирования экономики как целостного социального института.

В система гуманитарных наук сформировала различные подходы к объяснению экономического поведения: социологический, демографический, экономический, исторический, политологический, правовой, психологический и др. Изучая отдельные стороны общественной жизни населения, каждая из социальных наук сформировала свои подходы, часто исключая достижения других наук.

В рамках экономического подхода распространенным видом принято считать потребительное поведение. В рамках его изучения сформировались различные методологические подходы и теории: маржиналистский (от А. Курно, А. Маршалла, до П. Сэмюэлсона и Д. Робинсон); меркантилистский; функциональный (Б. Беккер, Дж. Стиглер); институциональный (Т. Веблен, Д. Коммонс); временной (М. Фридмен, Д. Дюзенберри); психологический (Д. Катон). Абсолютизируя теории потребностей, полезности, блага, рациональности выбора, равновесия, распределения, богатства, конкуренции многие исследователи опираются на описание и прогнозирование поведения через изучение отдельных элементов поведения, игнорируя объективные факторы и их эволюцию формирования.

Главный постулат теории игр – рациональность поведения личности, которая стремится к максимизации (полезности) прибыли. Ограниченность этой теории заключается в массовых фактах нерациональности (иррациональности) поведения, в том числе под воздействием эмоций, чувств и многозадачности.

Правовой подход доказал зависимость поведения от стандартов групп, от социальной ситуации, совпадения, наложения негативных социальных фак-

торов на слабые места. Демографический подход позволяет дифференцировать специфику экономического поведения по гендерным, возрастным и семейным особенностям.

Психологический подход является самым древним, но из всего многообразия отбирают лишь некоторые. Так получило широкое (иногда единственное) объяснение поведения система теорий мотивации. Некоторые авторы считают, что достаточно выявить мотиватор и можно спрогнозировать поведение личности и социальных групп. Однако теория деятельности, теория социального научения, когнитивные теории, теории групповой динамики, психоаналитический и др. остаются вне поля интересов не психологов.

Социологический подход основывается на комплексе теорий и подходов при изучении социального поведения: теория социального действия; теория социальных ролей; концепция бихевиоризма; концепция интеракционизма; теория социального обмена; теория ожиданий; теория социальной аномии и др.

Приобретает все большую популярность теории социальных ролей, но ее ограниченность состоит в том, что статус не детерминирует проявления индивидуальности. Принадлежность к тому или иному статусу предполагает определенные роли, которые формируются нормами, ценностями, правилами, санкциями и др.

Поведение является проявлением деятельности человека и находится в строгой подчиненности от его внутреннего состояния, которое формируется на протяжении всего жизненного опыта и развития человека и общества в целом. Поэтому все чаще социологи справедливо представляют результаты полевых исследований, выполненных качественными методами.

Преимущество биографических методов заключаются в возможности получить хронологию процесса принятия решения, выявить ограничители, изучить когнитивную и эмоциональную составляющие экономического поведения. Отдельной задачей для социолога является усовершенствование методов контент-анализа, которое позволило бы эффективно изучать структуру рассказа, измерять содержание текста надежно и независимо от таких побочных факто-

ров, как например, величина сообщения. Эти вопросы при их, казалось бы «техническом» характере имеют первостепенное значение.

Абсолютно незаслуженно забыты социальные эксперименты, а ведь все фундаментальные теории и законы вышли из них. Тем не менее сегодня только в теоретических работах можно встретить описание социальных экспериментов.

Важнейшей является развитие формирования у исследователя навыков перевода комплекса теоретических конструкторов и методов экономической социологии в методические и инструментальные процедуры конкретного (универсального) эмпирического и прикладного анализа, связанного с изучением различных аспектов экономической жизни Российского общества.

Евалюация и образование: новые социальные стратегии

Кислая А.А.

*Институт социологии, психологии и социальных коммуникаций
Национального педагогического университета им. М. Драгоманова,
Украина, Киев*

Научный термин «эвалюация» появился в конце XX века в социальных науках как метод оценки результативности экспериментальной деятельности на основе получения и анализа эмпирических данных. Международное научное сообщество презентует несколько исследовательских стратегий эвалюации. Эвалюация (Evaluation) – это систематическое оценивание значимости субъекта. Эвалюация это методологическая область, в диапазоне которой проходит оценивание и которая требует способности к управлению. Эвалюация является социальным процессом и социальным действием, социальной интеракцией, взвешенным определением ценности конкретной деятельности или объекта на основании принятой методики. Эвалюация (это систематическое исследование и оценка какого-либо предмета с намерением выявить и дальше развивать его «полезность» и «добротность», т.е. качественность. Эвалюация в образовании является интегративной деятельностью, которая включает все направления

оценочно-аналитической деятельности по определению качества подготовленности студентов и качества образовательных систем на основе статистической образовательной информации. Как результат, это способствует получению положительных изменений и повышения качества обучения. Особенности эвалюации является высокая объективность, информативность и прогнозируемость. Это достигается путем перехода к использованию стандартизированных, образовательных измерений. Использованием оценочных средств и процедур, методов статистической обработки результатов, подходов к интерпретации данных. Эвалюация в образовании рассматривается как целостная контрольно-оценочная и оценочно-аналитическая система, обеспечивающая получение информации о состоянии исследуемых объектов.

Типология эвалюации-research.

Эвалюация бывает внешней и внутренней. Внешняя эвалюация – это мониторинговое исследование и оценка (эвалюация) субъектов высшей школы внешним фактором: Международные аттестационные центры. Обязательной характеристикой систем внешней оценки качества образования является их открытость и прозрачность, доступность результатов заинтересованным лицам и организациям. Внешняя эвалюация оценивает и внутренние маркеры качества образования: программы, инновационные методы преподавания, социальный заказ на рынке труда. Внутренняя эвалюация – это также мониторинговое исследование качества образования внутри одного образовательного учреждения. Оценивается качество учебных программы, эффективность инновационных методов преподавания. Таким образом, эвалюация связана с принципиально положительной установкой на совершенствование. Эмпирические исследования – основа современных концепций обеспечения и развития качества образования. Условие эффективности эвалюации это понимание, что «эвалюатор» не «проверяет», а помогает.

Эвалюационные стратегии.

1. Разработка и применение валидных средств и методов оценки.
2. Планирование оценочных процедур.

3. Организация мониторинговых исследований качества обучения на репрезентативных выборках по результатам независимых контрольно-оценочных процедур.

4. Использование принципов анализа: периодичность, независимость, стандартизация, своевременность, научно обоснованные показатели и критерии оценки, статистически обоснованные интервальные шкалы.

5. Независимый характер оценочных процессов.

6. Сравнительный анализ достижений, принятия обоснованных решений по совершенствованию образовательного процесса.

Эвалюация-gesearch презентуется объединением усилий различных стран в разработке единых подходов к оценке результатов обучения и проведении международных сравнительных исследований, которые дают ценную информацию о состоянии образования, позволяют сравнивать последний с международными стандартами, осуществлять мониторинг качества образования. Независимые экспертные организации производят внешнее оценивание, разработку базы критериев, контрольно-измерительных материалов, процедур оценки, составления рейтингов образовательных учреждений, подготовку экспертов.

Врач и пациент в сельском здравоохранении: основные проблемы и противоречия взаимодействия

Клейменов М.В.

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Россия, Екатеринбург

В условиях периодической реструктуризации и реформирования российской системы здравоохранения индикатором состояния системы медицинского обслуживания в сельских поселениях стало взаимодействие сельчан с медицинскими работниками.

Нас, прежде всего, интересовали типы взаимодействия между врачами и пациентами на селе. Мы взяли за основу концепцию американского философа Роберта Витча, предложившего четыре модели взаимоотношений врача с паци-

ентом: инженерная, патерналистская, коллегиальная и контрактная. В ходе эмпирического исследования мы вышли на противоречие в оценках врачей и пациентов. Коллегиальная модель, основанная на равенстве субъектов взаимодействия, занимает лидирующие позиции в оценках сельских жителей. Врачи оценили отношения с пациентами по патерналистской модели взаимодействия, базирующейся на профессиональном превосходстве медицинских работников над пациентами.

Объяснить такое противоречие можно наличием у сельских врачей опыта работы в советском обществе, когда здравоохранение основывалось на патернализме, доминировании врачей во всех отношениях. Проблема старения медицинских кадров затрагивает не только сельское здравоохранение, но и здравоохранение в целом по России. Опрошенные медицинские работники (все пенсионного возраста, поскольку отсутствуют врачи молодого или зрелого возраста) не принимают курс модернизации российского здравоохранения, высказались о правительственных мерах в сфере медицины крайне негативно.

Результаты исследования продемонстрировали наличие низкой социальной дистанции между сельским врачом и пациентов, чем в городских поселениях. Сельские жители могут обращаться за медицинской помощью к сельским врачам в любое время (в праздничные дни, во время отпуска медработника, ночью).

В последнее время идет расширение врачебных участков, в них встраиваются маленькие деревни, в которых отсутствует медицинское учреждение. Врач-терапевт должен делать осмотры больных на всей территории врачебного участка.

Коммерциализация медицины – важный вопрос для сельских жителей, когда они приезжают получать медицинскую помощь в городские поселения. В селах и деревнях коммерческая медицина как отдельная ветвь здравоохранения отсутствует, зато встроена в государственные медицинские учреждения (покупка лекарственных средств). В городских поселениях же коммерция фактически захватила стоматологические и офтальмологические отрасли здравоохра-

нения, и есть люди, которые не желают обращаться в государственные больницы. Коммерческая медицина базируется на договорных (контрактных) отношениях, что отражено в концепции Р. Витча, но в то же время сельские медицинские работники отказываются принимать тот факт, что они обязаны заключать договор с пациентом или медучреждением, для них многое значит клятва Гиппократова, хотя они, по сути, понимают своих коллег, ушедших из государственного здравоохранения в платное. Сельчане еще находятся под действием мифа о бесплатной медицине, которая уготована в нашей стране. На самом деле, бесплатной медицины никогда не существовало, здравоохранение – это одна из дорогостоящих сфер социального обслуживания, требующая немало финансового вложения из госбюджета или страховых фондов (аналогом могут служить больничные кассы в Израиле) и творческого отношения к потребностям больных граждан.

В сельских поселениях отсутствует высокотехнологичная медицинская помощь, поэтому сельчане должны получать направления от своего лечащего врача или пользоваться платными услугами даже в государственном медицинском учреждении. К тому же реализованная стратегия квотирования в предоставлении «бесплатного» оказания помощи затрудняет доступ сельчанам к высоким технологиям в сфере медицины, тогда люди идут на финансовые жертвы. Необходимо учитывать транспортные проблемы, когда больному человеку еще надо добраться до клиники.

Сельские врачи и пациенты сталкиваются с проблемами, которые до конца не решены. Правительство РФ предпринимает определенные меры (например, нацпроект «Здоровье» и модернизация здравоохранения), но отклик на эти предприятия в среде сельских медработников весьма негативный. Для опрошенных медицинских работников слово «модернизация» ассоциировалось с дополнительной оплатой труда, а не с мерами по улучшению качества и доступности медицинского обслуживания. По нашему мнению, возможно, возраст сельских медработников, их опыт в советском здравоохранении, затрудняют восприятие основных направлений современной модернизации.

Этнический фактор государственного управления в социологическом измерении

Клементьев Д.С.

Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В тезисах сформулирована идея о роли государственного управления в усилении фактора этнической идентичности. В условиях социальных преобразований российского общества, кризиса системы ценностей, этнический фактор имеет особо значительную роль в развитии межнациональных отношений и общества в целом.

Возрастающая роль этнического фактора в государственном управлении требует уточнения ее функций. Этнический фактор – есть составляющая часть государственного управления, отражающий с одной стороны, актуальные проблемы всех аспектов общественного развития, с другой стороны, локализацию этого процесса в этнические формы самоуправления, прежде всего, – в аспекте его «человекомерности».

Особенно важными для всех аспектов государственного управления являются характеристики некоторых принципиальных базовых основ трансформации, которые, в свою очередь, детерминируют большой комплекс проблем жизненных ситуаций представителей различных классов, этнических групп и слоев населения. Именно в этих ситуациях сфокусирована возможность стабильного/нестабильного состояния общества, формирования такой социально-экономической и политической модели, которая была бы управляемой и прогнозируемой. Это невозможно без теоретического и конкретно-социологического анализа современных социальных процессов в социально-экономической жизни России, которые характеризуются качественными изменениями форм собственности. На смену прежде монолитной советской государственной собственности пришло разнообразие ее форм. Так, в 2008 году доминирующей формой собственности стала частная (57,3%), она увеличилась по

сравнению с 2002 годом в 1,2 раза. Затем, по убывающей – государственная и муниципальная (32,1%), смешанная российская (6,3%), смешанная российско-иностранная (4,5%), собственность общественных и религиозных организаций (0,5%)¹.

Вся система государственного управления в межэтнической стратегии ориентированы на то, что ресурсы страны могут стать интегрирующей ценностью и фактором развития российской идентичности. К примеру, в Саха (Якутии), – республике, чрезвычайно богатой ресурсами, по социологическим данным, оздоровление природной среды, экологическая безопасность и наведение порядка в республике поддерживаются абсолютным большинством населения (93–97%) и являются стимулом внеэтической, гражданской солидарности. По данным исследования, в шести российских регионах (Калининградская, Воронежская, Саратовская, Свердловская, Томская области, Приморье) более половины населения этих регионов (58%) «очень гордятся» природными богатствами России (наравне с историей – 58% и литературой и искусством – 66,2%) (1,105).

Из результатов исследований ВЦИОМ 2004–2009 гг., в ходе которых респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям, представляющим собой ценностную палитру современной российской жизни. Среди понятий, вызывающих наиболее позитивные чувства, сегодня лидируют «порядок» (58%), «справедливость» (52%), «стабильность» (49%), «труд» и «свобода» (по 40%). Причем за последние три года заметно актуализировались такие понятия как «стабильность», «труд», «успех», «права человека» и «церковь». Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что россияне мыслят не доктринально, что они рассматривают понятия свободы, материальной обеспеченности, справедливости и порядка не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека.

Тем не менее, в стратегии государственного управления именно усиление этнической идентичности на фоне аморфной общероссийской идентично-

сти является основной угрозой в сфере идентичности на Юге России. В условиях социальных преобразований российского общества, кризиса системы ценностей, этнический фактор имеет особо значительную роль в развитии международных отношений в политическом макрорегионе и общества в целом.

Социологические измерения в сфере массовых установок свидетельствуют о том, что период первичной адаптации, когда все внимание этнических групп было сконцентрировано на решении проблем элементарного выживания, похоже, пройден, и, усилиями взвешенной стратегии государственного управления. В обществе действительно складывается «энергетический» потенциал гражданственности и соучастия. К настоящему периоду немало этнических групп и слоев имеют свои собственные экономические, политические и культурные интересы, которые в состоянии оказывать влияние на положение дел, как в рамках локальных сообществ, так и в стране в целом. Стержень государственного управления заключается в политике консолидации общества – формирование толерантных отношений и гармонизация социально-экономических и социально-политических интересов, ослабление взаимной этнической подозрительности и враждебности.

Социологические данные свидетельствуют отказ от насилия и показывают предотвращение острых политических, этнических, религиозных и иных конфликтов, стремление к решению возникающих проблем на основе диалога, достижение консенсуса по наиболее важным и острым вопросам государственного управления. Укрепление общественной сплоченности во многом зависит от эффективных действий власти в российском центре (и в отдельных этнических группах). Но еще больше – от централизованного государственного управления, способного активизировать жизненную энергию и гражданскую активность россиян, которые уже не раз демонстрировали поразительную способность выходить из самых трудных ситуаций.

Литература:

1. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010.

2. Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения». 2011. № 1.

http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/101/2011_%28101%29_2_Petuhov.pdf

**Анализ ресурсов жизнедеятельности населения
северных территорий: прогностический потенциал социологиче-
ских исследований**

Клюкина Э.С.

*Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал,
Россия, Апатиты*

Анализ ресурсов жизнедеятельности населения российского Крайнего Севера имеет особое значение при изучении комплекса взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем российских северных территорий, требующих внимания со стороны представителей различных отраслей научного знания.

Роль социологической науки в решении социальных, экономических и политических проблем современного Крайнего Севера России заключается в объективном изучении социального пространства северных территорий. Результаты социологических исследований должны составлять информационную базу для выработки и принятия управленческих решений, связанных с решением социально значимых проблем и развитием северных регионов страны.

Российский Крайний Север сегодня является зоной риска по многим объективным показателям; не является исключением и Мурманская область (регион именуется также Кольским Севером – прим. автора). Обобщение опыта проведенных социологических исследований качества жизни, социального самочувствия, миграционных установок северян, а также многих других проблем, позволяет сделать вывод о необходимости более широкого использования полученных результатов при разработке и реализации социальной политики в от-

ношении различных социальных групп северян в целях превенции факторов риска.

Результаты исследований показывают, что в условиях реформирования российского общества северяне оказались более ущемленными по сравнению с жителями других регионов России ввиду ограниченности ресурсов, необходимых для организации их жизнедеятельности. Особую тревогу вызывает тот факт, что углубление социального неравенства способствовало сокращению ресурсов здоровья населения региона, в том числе детского. Так, в результате опросов молодых северян было выявлено, что респонденты очень серьезно оценивают опасность воздействия на здоровье неблагоприятных условий Крайнего Севера (3-е место из 15-ти в рейтинге повседневных опасностей). Возможным объяснением здесь может служить знакомство с вопросами, касающимися риска проживания человека в экстремальных условиях среды обитания. Позиции, отражающие техногенные опасности, – возможность пострадать от «загрязнения среды в результате аварии на промышленном предприятии» и «радиационного воздействия» – находятся в середине ранжированного ряда источников опасности. Объяснением является непосредственная близость крупных промышленных объектов, и, как следствие, риск загрязнения окружающей среды промышленными выбросами, что влечет за собой опасность повреждения здоровья населения.

Осознание факторов риска жизни на Крайнем Севере обуславливает устойчивые миграционные установки и миграционное поведение жителей региона: численность населения Мурманской области ежегодно сокращается. По прогнозам специалистов, тенденции сокращения численности населения региона сохраняются и в ближайшее десятилетие. По данным социологических опросов, в иерархии основных причин, по которым респонденты стремятся покинуть Кольский Север, лидирующие позиции занимают «неблагоприятные климатические условия», «отсутствие перспектив», «экономические проблемы региона», а также «проблемы со здоровьем».

Следует отметить, что на фоне ярко выраженных настроений «уехать» у

представителей более старших возрастных групп, достаточно сильны установки на то, чтобы «остаться», по группе школьников региона. Так, среди учащихся старших классов школ разных типов поселений Мурманской области доля планирующих остаться на Севере после окончания школы составила: в 2010 году – 49,5%, в 2014 – 30,9% от общего числа школьников, принявших участие в опросах. При этом лидирующие позиции в рейтинге жизненных планов юных северян занимают получение высшего и среднего профессионального образования в ведущих учебных заведениях городов Мурманск и Апатиты. Выявленные тенденции требуют серьезного социологического анализа.

Планы учащихся школ продолжить образование на Кольском Севере должны являться информационной основой для формирования молодежной социальной политики, направленной на создание условий для привлечения молодежи, получающей высшее и среднее профессиональное образование в Мурманской области, в ведущие отрасли экономики региона.

В заключении следует подчеркнуть особую значимость проведения сравнительных межрегиональных эмпирических исследований проблем северных территорий России, целью которых является выявление общего и специфического в изучении факторов, оказывающих влияние на жизнедеятельность северян, где последнее – специфическое – обусловлено особенностями экономических, политических, климатогеографических, социокультурных условий жизни в сравниваемых регионах.

Литература:

1. Клюкина Э.С. Природные риски и качество жизни молодежи на Кольском Севере: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2 (Региональный выпуск). С. 179–186.

Информационные войны Америки по отношению к России, Евразии, исламских стран

Кобелева Е.С.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Роль и значение информационных войн в современной мировой политике вряд ли у кого вызывает сомнение. Трудно переоценить значение вклада информационной составляющей в результаты «горяче-холодной» войны, проводимой Соединенными Штатами Америки совместно с зависимыми от них странами с целью подтверждения доминирующего положения «гегемона» в мире. Все значимые политические события, произошедшие за последние десятилетия, сопровождались массивными информационными воздействиями конфликтующих сторон как друг на друга, так и на мировое общество в целом по всем доступным каналам средств массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет). Начиная с вторжения Республики Ирак в Государство Кувейт в 1990 году ни один из международных вооруженных конфликтов (Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Республика Ирак, Исламская Республика Афганистан, Государство Ливия, Сирийская Арабская Республика, а теперь уже и Республика Украина) нельзя отнести к исключениям из этого правила.

В современном мире, стоящем на грани краха, в условиях негласно действующей до настоящего времени однополярной системы взаимодействий США с другими странами стоит задаться вопросом: насколько справедливо и честно действует эта держава?

В статье предпринята попытка рассмотреть на отдельных примерах методы ведения информационной войны Соединенными Штатами Америки самостоятельно, так и посредством стран-сателлитов.

Стоит отметить, что не раз за этим государством замечались грубейшие и оскорбительнейшие «ошибки» и «неточности», которые зачастую не опровергались и не признавались американцами. Координально искажая, тем самым,

доказанные экспертами факты.

В статье рассматриваются методы информационного воздействия, применяемые при насаждении «демократии по-американски» в следующих странах мира: в Социалистической Республике Вьетнам в 1965–1973 годах, в Союзной Республике Югославии (1992–2003 гг.) в 1999 году, в Исламской Республике Афганистан с 2001 года по настоящее время, в Иракской Республике в 2003–2011 годах, в Ливийской Республике в 2011 году, в Сирийской Арабской Республике с 2011 года по настоящее время⁴⁴, в Арабской Республике Египет, и в Тунисской Республике, Йеменской Республике.

Анализируя в общих чертах события последних лет на Украине, хотелось бы одновременно обратить внимание на необходимость предотвращения вмешательства зарубежных «доброжелателей» в принятие решений по вопросам приоритетных направлений развития отечественных отраслей промышленности.

В украинских событиях недавнего прошлого вызывают интерес пути и методы массированного пропагандистского воздействия как на граждан Украины, так и на заинтересованную зарубежную аудиторию. По моему мнению, может представлять большой интерес исследование с целью изучения степени эффективности влияния подобной пропаганды на инвестиционную привлекательность отечественных отраслей для зарубежных инвесторов. Следствием такой привлекательности может быть ускорение или замедление темпов экономического роста России и, как следствие, – возникновение благоприятных или неблагоприятных условий для внедрения новых передовых технологий и перехода большей части отраслей промышленности к производствам из арсенала шестого технологического уклада.

⁴⁴ Аналитический портал о Балтийском регионе. URL: RuBALTIC.Ru

Студенты в социальных сетях: новые формы социального взаимодействия

Ковалевская Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия, Москва*

В современном обществе очень быстро развиваются цифровые технологии, которые теперь могут использовать люди для новых способов общения друг с другом. Сегодня человек сознательно преобразует социальную реальность и с помощью новых технических средств создает новый параллельный виртуальный мир, который для некоторых становится реальным, необходимым, и который уже называют виртуальной реальностью. Можно говорить о многих аспектах виртуальной реальности и нельзя отрицать многих полезных возможностей, которые она предоставляет. Этот виртуальный мир предлагает много разнообразной информации, может воспроизводить ситуации реальности, создавать новые средства развлечения, имитации реальной жизни, в том числе создавать новые формы общения. Создается новый тип взаимодействия людей друг с другом. Все новое быстрее осваивает молодое поколение, в том числе и студенты. Именно поколение молодых создало социальные сети для виртуального общения, они изобрели облегченный язык для sms-переписки. Они проводят значительную часть своего времени в социальных сетях, которые теперь для них стали самым важным источником получения информации и общения друг с другом. Предпочитая виртуальное общение друг с другом, некоторые из них постепенно теряют навыки реального, традиционного общения друг с другом. Особенно популярны социальные сети среди студентов.

Нами было проведено обследование студентов с целью выявления отношения студентов к социальным сетям и виртуальной реальности. Опрашивались студенты гуманитарного профиля.

Общительные студенты, как правило, не ограничиваются одной социальной сетью. 36% респондентов зарегистрированы в двух социальных сетях, 25% студентов – в трех, а по 13% ответивших зарегистрировались в четырех и пяти сетях. Совсем отказаться от общения в социальных сетях не могут 17%

студентов. 21% респондентов уверены, что могут обойтись без социальных сетей, а 62% респондентов ответили, что на отказ от социальных сетей зависит от обстоятельств. Социальную сеть можно сравнить с новой своеобразной организацией общественной жизни, где люди охотно взаимодействуют друг с другом, а, следовательно, можно сказать, создают новую, но весьма своеобразную, виртуальную социальную жизнь, к которой они привыкают и некоторые воспринимают ее очень серьезно, как реальную.

По результатам того же опроса 70% респондентов хотели бы жить в реальном мире, а 12% хотели бы жить в виртуальном мире, еще 23% отчасти тоже хотели бы жить в виртуальном мире.

42% респондентов в социальных сетях обсуждают проблемы только реального мира, 12% – только проблемы виртуального мира, а 33% сказали, что им интересно обсуждать те и другие проблемы, 14% ответили, что их не интересует ни то, ни другое.

Анализ итогов опроса показал, что чаще дают ответы о предпочтении виртуального мира те, кто не удовлетворен эмоциональным общением в социальных сетях. Следует отметить, что только 47% респондентов удовлетворены эмоциональной стороной общения в социальных сетях.

Таким образом, можно сказать, что новые общественные отношения, новые формы социального взаимодействия необходимо исследовать более подробно. Новые технологии формируют новых людей, а они создают другое общество со своими особыми, виртуальными правилами и другими формами социального взаимодействия.

Социокультурные проблемы современного села России: перспективы развития

Ковальчук В.К.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Проводимые политические, экономические и социокультурные преобразования в России в 90-х гг. XX века явились составной частью реформ в аграр-

ном секторе.

В ходе реформ предполагалось создать частный аграрный сектор, а жителей села коллективными или единоличными собственниками земли, и тем самым, повысить эффективность его работы, качество жизни и социально культурный уровень населения.

Однако, несмотря на то, что за годы реформ были созданы институциональные условия для реформирования сельскохозяйственного сектора экономики, неблагоприятная макроэкономическая ситуация в аграрной отрасли и в стране в целом не позволили руководству страны в полной мере реализовать экономические и социокультурные реформы в аграрном секторе.

В сложных процессах складывания рыночных отношений сельское хозяйство, несмотря на растущую многоукладность, оказалось в депрессивном состоянии. К сожалению, в условиях недостаточной государственной поддержки, имеют место многочисленные негативные тенденции: деиндустриализация аграрного сектора, продолжается использование ручного труда и самых примитивных технологий. Жизнь в селе безнадежно отстает от городской по уровню благоустройства быта, по строительству жилья, школ, клубов, детских садов и других социокультурных объектов.

Стареет сельское население, молодежь, получив в городах высшее образование, там и остается. На две трети в сельском хозяйстве сократилось число руководителей, имеющих специальное образование. Происходит дезинтеграция хозяйственных связей, деградация сельскохозяйственных земель, сокращение числа сел и деревень, чрезмерная миграция населения в города.

Сельские жители в процессе реформ оказались перед лицом многочисленных проблем и негативных тенденций, нарушающих устоявшийся, привычный образ жизни, трансформирующих их ценностные ориентации. Сокращаются возможности для их вертикальной мобильности, для творческой самореализации.

В то же время, для всех становится очевидным, что сельское хозяйство по-прежнему является фундаментом экономической системы страны, опреде-

ляющим воспроизводство человеческого капитала за счет обеспечения продовольственной безопасности государства.

Агропромышленный сектор России, в идеале, должен быть способен прокормить более 140 млн человек, и потребность в питании является базовой, от нее невозможно отказаться даже на время.

В этих непростых условиях, главной задачей государственной власти и гражданского общества является решение проблемы продовольственной безопасности, особенно сегодня, в условиях кризиса и западных санкций, когда проблема импортозамещения вышла на первый план.

Государству, в лице центральной, региональной и местных властей необходимо направить значительные ресурсы на поддержку села. Обеспечение повышения качества жизни, восстановления утраченных за годы реформ сельхозугодий, развитие социокультурной сферы жителей села должно стать приоритетными направлениями в решении столько важной проблемы.

Таким образом, социальная политика государства должна быть направлена на решение важнейших задач:

- разработка комплекса мероприятий по строительству жилых помещений и обеспечение населения коммунальными удобствами;
- модернизация сельскохозяйственного производства и организация дополнительных рабочих мест в сельской местности;
- обеспечение жителей сел качественными услугами в области образования, здравоохранения, обеспечения безопасности;
- воспитание молодежи;
- создание условий проживания и трудоустройства молодых семей;
- подготовка высококвалифицированных кадров;
- закрепление молодежи для работы в сельском хозяйстве, привлечение квалифицированных кадров из города;
- развитие бытовой инфраструктуры, организация досуга и отдыха населения;
- необходимость расширения местного самоуправления.

Итак, в настоящее время в социальной структуре села происходят значи-

тельные изменения. Если раньше жители села делились на крестьян и интеллигенцию, то сегодня на селе возникают новые социальные группы; сельские предприниматели, арендаторы, фермеры.

Реформирование сельскохозяйственной инфраструктуры и социокультурной среды в сельских регионах имеет огромное значение для будущего села и всей страны в целом.

Проблематика темы «Арктика» в российских и зарубежных СМИ

Ковригина Т.А.

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия, Тюмень

В последние годы в геополитическом контексте заметно возросла ценность Арктики, являющейся одной из важнейших основ могущества России. С развитием территорий Арктики связано решение задач, имеющих геополитическое значение. Особое внимание к проблемам Арктики стимулирует СМИ к освещению событий, касающихся данного региона.

Исследование выполнено путем мониторинга СМИ и включало русскоязычные и зарубежные медиаресурсы США, Канады, Норвегии и Дании. Период исследования – с 1 января 2014 года по 1 сентября 2014 года.

В арктической тематике были выделены пять значимых тематических сегментов (геополитика и национальная безопасность, добыча сырья, экология и изменение климата, научные исследования, социальная сфера). Были сформированы поисковые запросы и проведено исследование упоминаемости тем в российских и зарубежных СМИ. Мониторинг позволил определить долю внимания, оказываемую каждому из сегментов арктической темы.

Главной темой российских СМИ в контексте Арктики стало наложение санкций на Россию. Речь идет об энергетических планах и попытках компаний реализовать потенциал Арктики.

В рамках освещения геополитической повестки большое внимание уделяется Северному морскому пути. Вопросы национальной безопасности в кон-

тексте борьбы за арктические ресурсы регулярно обсуждались в течение девяти месяцев.

Освоение арктических недр не менее злободневно для российских СМИ, которые проявляют озабоченность желанием Китая, Индии и Индонезии принять участие в освоении арктических месторождений.

Стабильно высоким остается и интерес к вопросам научных исследований. Крупные добывающие компании занимаются организацией исследований, имеющих важное научное значение. Пресса также активно писала о работе Российского центра освоения Арктики на острове Белый.

Освещая события, СМИ активно обсуждали природоохранную повестку. Экологические организации используют вопросы климатических изменений, чтобы обратить еще раз внимание общества, на то, что поиск и разработка полезных ископаемых в Арктике должны быть остановлены.

В части социального аспекта обсуждалось лишь утверждение программы социально-экономического развития Арктической зоны России до 2020 года. Из других тем можно отметить повышенный интерес прессы к разработке «арктического фаст-фуда». Данная тема, подавалась, как не имеющая практической перспективы. Присутствует понимание, что для реализации проектов требуется создание социальной инфраструктуры, однако, информация об этом не часто встречается в прессе.

Многие публикации в иностранной прессе направлены на защиту национальных интересов в регионе и создание образа других стран в негативе.

Например, американские СМИ акцент сделали на то, что таяние льдов является проблемой для военных. По мнению прессы, армия США должна делать все, чтобы подготовиться к последствиям изменения климата.

Внимание общества к арктической тематике привлекли статьи канадских изданий об адаптации работников в арктических регионах, где температура опускается до критических значений зимой.

Социальный интерес в норвежской прессе вызвал тот факт, что все больше людей хотят жить к северу от Полярного круга, сюда переезжают про-

фессионалы, предпочитающие дорогое жилье.

Датские СМИ часто проявляют внимание к усилению позиций России в Арктическом регионе, беспокоясь за безопасность собственных границ.

Таким образом, самыми обсуждаемыми инфоповодами стали:

1. Санкции западных стран по отношению к России, а именно, ее энергетическим проектам в Арктике.
2. Начало бурения компанией «ExxonMobil» совместно с «Роснефтью» скважины «Университетская-1».
3. Акция членов «Greenpeace», блокировавших российский танкер.
4. Военные учения и высадка десанта в Арктике.
5. Решение комиссии ООН о признании участка Охотского моря частью континентального шельфа России.

Подводя итоги исследования, можно обозначить несколько информационных тенденций:

1. Проблемы геополитики, добычи сырья и экологии находятся на трех первых позициях в российских и иностранных изданиях.
2. Российская пресса пишет больше именно о вопросах национальной безопасности (39 %), а зарубежные СМИ озабочены вопросами экологии и геополитики (26% от общего количества публикаций по арктической тематике).
3. Российские СМИ чаще других пишут о перспективах освоения месторождений и выгодах от развития Северного морского пути.
4. Зарубежные издания говорят о России, как о стране, которая выигрывает от изменений климата из-за низких экологических требований.

Сравнение статей позволило увидеть разные аспекты актуальных для региона проблем. По количеству упоминаний арктической темы в СМИ лидирует Россия, затем США, Канада, Норвегия, и Дания.

России принадлежит самый большой сектор Арктики со значительной долей населения, проживающего в регионе. Пресса же пока фокусирует внимание на значении Арктики только как ресурсной базы, обходя стороной социальный аспект развития региона.

Социальная интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья (опыт экспертной оценки)

Когай Е.А.

Курский государственный университет, Россия, Курск

В современной России, как и во всем мире, набирает силу тенденция роста количества детей с ограниченными возможностями (ОВЗ). Пролонгация данной этой тенденции дает неутешительные прогнозы для населения нашей страны – число людей с ограниченными возможностями здоровья будет только возрастать. Соответственно актуализируется задача создания для лиц с ОВЗ создания условий для преодоления ограничений, возникших в их жизни, предоставления им равных со здоровыми людьми возможностей участия в жизни общества.

Насколько удастся это сделать на уровне отдельно взятых регионов? На базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в июле 2014 года было осуществлено полевое исследование в ходе подготовки и проведения IV Международного образовательного лагеря «Слета неравнодушных» Курской региональной общественной организацией социальной поддержки и защиты граждан «Смородина». Участниками этого слета явились семьи, в которых есть лица с ОВЗ.

Одним из методов исследования стал опрос экспертов, нацеленный на воссоздание спектра проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья, на выявление степени информированности экспертов о проблемах лиц с ОВЗ, а также о тех возможностях, которые открываются перед лицами с ограниченными возможностями здоровья на «Слете неравнодушных». Экспертами стали представители различных государственных и негосударственных структур, сталкивающиеся с проблемами лиц с ОВЗ, – представители органов власти г. Курска, руководители учреждений, представители бизнес-сообщества, а также преподаватели, непосредственно работающие с лицами с ОВЗ. Помимо того, к экспертной оценке были привлечены специалисты из Санкт-Петербурга. В дан-

ном исследовании приняли участие 28 экспертов, которые ответили на вопросы в ходе проведения интервью. Все вопросы в экспертном опросе имели открытый характер.

Среди проблем, которые назвали эксперты, самой часто обозначаемой проблемой оказалось создание доступной среды. Как известно, государственная программа «Доступная среда» была запущена в 2011 году и рассчитана до 2015 года, за пять лет российские города должны стать более приспособленными для жизни инвалидов. Но, судя по ответам, которые давали наши эксперты, можно делать вывод, что «Доступная среда» не работает в должной мере в нашем регионе. Ответы были самыми разнообразными: «отсутствие оборудованных мест», «сложно выйти из дома и проехать по улице», «слабо адаптированная среда», «доступная среда не работает», «отсутствие доступной среды», «множественные ограничения в передвижении».

Вторая по популярности проблема, которую назвали нам эксперты, – это помощь со стороны государства. Ряд экспертов отметили, что эта помощь является явно недостаточной. Также шла речь о том, что образование должно быть доступно для всех в равной степени, вне зависимости от состояния здоровья. Было высказано мнение, что в регионе (как, впрочем, и в стране в целом) отсутствует развитая система, где труд людей с ограниченными возможностями был бы востребован не менее, чем других людей. Низкий уровень информированности «здоровой» части общества о жизни и деятельности лиц с ОВЗ – довольно важная проблема. И задача государства и НКО состоит в том, чтобы проинформировать и показать обществу, что они такие же, как и остальные.

Отношение общества к лицам с ОВЗ – еще одна проблема, которую выделили наши эксперты. Был приведен ряд примеров того, что здоровые люди проявляют равнодушие к лицам с ОВЗ, у здоровых людей отсутствует сострадание к таким людям, проявляется неприятие. Также эксперты высказали мысли о том, что людям нужно не бояться лиц с ОВЗ, а воспринимать на равных и проявлять чуткое отношение к ним. Также эксперты затронули такую проблему, как психологические особенности лиц с ОВЗ. Многие чувствуют себя оди-

нокими среди других, отсутствует социализация. Ощущение полноценной жизни наравне со здоровыми людьми, творческая самореализация – довольно острая проблема.

Как посчитали эксперты, лица с ОВЗ хотят чувствовать себя востребованными, они должны чувствовать свою востребованность, реализовывать как свои права, так и обязанности перед обществом (безусловно, в рамках своих ментальных и физических способностей).

Экспертами были также отмечены *финансовые проблемы*, среди которых выделены бедность, сложность приобретения жилья, возможность зарабатывать на достойный образ жизни. Была названа медицинская помощь как проблема: обеспечение бесплатными лекарствами и отсутствие централизованной реабилитации получения медицинской помощи.

В ходе проведения опроса был задан также вопрос о формах диалога органов власти и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Наиболее распространенная форма в нашем регионе – *общение напрямую*. К такому общению можно отнести письма; встречи; открытые приемы (разговоры с губернатором); жалобы; звонки. Вторая по популярности форма диалога – *совместные мероприятия*: конференции; форумы; круглые столы; фестивали; съезды/слеты; собрания; спартакиады. Третья форма – обращение к СМИ, а также обращение в соответствующие НКО.

Наиболее удачной формой диалога, на наш взгляд, можно назвать упомянутое в одном из интервью социальное партнерство. При этом речь идет, по сути, не о разовых контактах, а о постоянном взаимодействии, в выстраивании обратной связи, на основе которой можно постепенно решать острые социальные проблемы, а не накапливать их. Проведение регулярных «Слетов неравнодушных» могло бы способствовать активизации данной формы диалога.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-03-00426а.

Исходные принципы выделения критериев идентификации высшего класса

Козлова Л.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Выявление критериев идентификации и изучение сущностных атрибутов высшего класса является наименее разработанными и одновременно наиболее перспективным направлением социологических исследований, развитие которого способно внести вклад в формирование целостной системы взглядов на проблему классового расслоения, а также в анализ специфики социальной дифференциации современных обществ. Ключевым этапом осмысления качественно-количественных характеристик высшего класса является отбор теоретических подходов и концепций, адекватно и целостно отражающих характеристики и социальные функции анализируемого социального класса, а, следовательно, и формирование исходных принципов анализа критериев выделения данной социальной группы, составляющих его основу.

В настоящее время представляется обоснованным выделение трех исходных принципов анализа высших классов, сводящихся к решению трех базовых вопросов. Первый принцип связан с определением соотношения между понятиями «высший класс» и «элита» и позволяет провести разграничение между теориями, описывающими классовую дифференциацию общества, и элитистскими теоретическими построениями, а также обозначить их возможные точки пересечения. Основываясь на взглядах Г.К. Ашина, целесообразно рассматривать классовую структуру общества как более глубокую по сравнению с дихотомией «элита – масса», и определять элиту как неотъемлемый элемент классовой дифференциации общества, выражающий и реализующий интересы господствующего класса через непосредственное управление различными сферами общества и приобретающий относительную автономию по отношению к данному классу. В свою очередь, понятия «высший класс» и «элита» следует рассматривать как нетождественные, но пересекающиеся категории, понимая последнюю как относительно независимую часть социального

класса, представители которой являются носителями исключительных качеств и обладают определенным функционально-ролевым набором в обществе.

Второй принцип анализа критериев идентификации высшего класса основан на анализе теоретико-методологической базы, заложившей основы изучения высших социальных слоев общества и являющейся фундаментом исследования и современного понимания указанной социальной группы. В качестве исходных теорий, определивших развитие научной мысли по рассматриваемой проблеме, выступают взгляды А. Смита и К. Маркса. Указанные концепции обусловили понятийный аппарат и основы изучения высшего класса в качестве социальной группы, определяющей характеристикой которой выступают обладание капиталом и частной собственностью. Дальнейшее развитие социологической мысли по данной проблематике является продолжением указанных теоретических построений и выделяет в качестве ресурсов, обуславливающих формирование высших слоев общества, отношения собственности на капитал и средства производства, обеспечивающие господствующее положение данной социальной группы в экономической и политической сферах.

Третий принцип отражает степень теоретической и эмпирической разработанности проблемы зарождения и развития российского высшего класса, что позволяет определить степень соответствия понятийного аппарата выбранных теоретических позиций и содержащихся в них критериев идентификации с эмпирическими наблюдаемыми свойствами изучаемого явления.

Проблематика изучения высшего класса слабо представлена в российской исследовательской практике: изучение рассматриваемого социального класса, как правило, затрагивает его отдельные аспекты, либо проводится в рамках сопоставления с другими социальными классами. В рамках отечественных социологических исследований присутствуют две основные тенденции изучения высшего класса, первая из которых состоит в отождествлении данной социальной группы с элитными кругами, что приводит к ее осмыслению в рамках исследований экономической и политической элиты. Вторая тенденция заключается в абсолютизации экономического критерия при выделении социаль-

ных классов российского общества, и сведению анализа высшего класса к изучению уровня дохода и материального благосостояния практически при полном игнорировании его социальных характеристик. Указанные тенденции формируют фрагментированное представление о высшем классе и выражаются в изучении таких социальных групп, как «экономическая элита», «правлящий класс», «бизнес-элита», «капиталисты», «олигархи», «предприниматели».

Обобщая вышеизложенное целесообразно заключить, что к исходным принципам анализа критериев идентификации высшего класса, относятся:

- различие понятий «высший класс» и «элита»;
- признание экономического критерия, прежде всего владение частной собственностью, превалирующим по сравнению с иными характеристиками, детерминирующими классовую дифференциацию общества;
- взаимосвязи высокого уровня материального благосостояния и места в системе властных отношений.

Женщины в российском бизнесе

Колодезникова И.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Важной особенностью современного этапа развития экономики является повышение роли женщин. В этой связи представляется актуальным рассмотрение роли женщин в российском бизнесе.

В России значительная роль женщин в экономике обуславливается, прежде всего, демографическими факторами. На протяжении многих десятилетий отмечается преобладание женского населения в структуре российского общества.

В последние годы и в России наблюдается значительное повышение интереса к развитию предпринимательского потенциала женщин и к женскому бизнесу как со стороны общественных организаций и так и на международном уровне. При этом наряду с значительным прогрессом по-прежнему сохраняются некоторые препятствия для реализации женщинами своего потенциала в

экономике и построения успешной карьеры.

В качестве основных внешних препятствий в построении карьеры необходимо отметить существующие стереотипы в отношении женщин-руководителей, как со стороны подчиненных, так и со стороны бизнес-партнеров, а также отсутствие поддержки со стороны семьи и близкого окружения.

Наиболее важным внутренним фактором, препятствующим реализации в бизнесе, представляется недооценка женщинами своего лидерского потенциала.

При наличии объективных возможностей для построения карьеры значимым барьером для женщин также является неумение правильно позиционировать себя и выигрышно подавать свои идеи.

Возможным решением проблемы может стать организация тренингов и учебных программ специально для женщин и включение их в программы послевузовской подготовки, а также программы бизнес-школ.

В настоящее время женщины активно реализуют себя при ведении бизнеса в интернете. Важность этой сферы бизнеса определяется тем, что потенциал и карьерные возможности женщин здесь могут быть реализованы без значимого давления существующих ограничений. В сети стираются многие ограничения, которые мешают женщинам при ведении традиционного бизнеса (например, фактор скрытой дискриминации по гендерному признаку).

В современной российской экономике имеются все возможности для реализации потенциала женщин и построения ими успешной карьеры. При поддержке государства и общества женщины смогут преодолеть ограничения в карьерном продвижении, а экономика России получит мощный фактор повышения конкурентоспособности на пути инновационного развития.

Концептуальные основы оперативной диагностики институциональных феноменов социума

Коломенская А.С., Крейк А.И., Гарбарина С.В., Сидельникова В.В.

Новосибирский государственный технический университет,

Россия, Новосибирск

В настоящее время возрастает значимость получения качественных данных о состоянии социума на всех его уровнях и во всех его сферах. Причем желательно, чтобы информация была валидна, получена на единой для социологии методологической основе и предоставлена максимально оперативно.

Если относительно валидности информации вопросов не возникает, то относительно оперативности предоставления социологической информации вопрос может быть спорным. Однако, в условиях современности нужда в наличии оперативной информации предельно актуальна. Ведь современная цивилизация живет в режиме «время не ждет».

Что же касается единой социологической основы для обеспечения получения информации о социуме, то такая постановка вопроса, пожалуй, наиболее спорна, так как «попахивает заскорузлым марксизмом». Но практически такая постановка имеет чисто инструментальную природу. Ее суть в том, что обществу желательно иметь соизмеримую информацию о социуме для удобства ее интерпретации и последующей обработки. Это возможно, если информация будет «производиться» с помощью методического инструментария, разработанного на единой методологической основе. Роль такого единого методологического фундамента способен выполнить институциональный подход.

Исходя из изложенных концептуальных положений, авторы предлагают в качестве их практического воплощения методику для оперативной социологической диагностики институциональных феноменов социума, взяв в качестве непосредственной теоретико-методологической основы при ее разработке концепцию институциональной системы социума [2].

Методическое обеспечение разработки методики для социологической

диагностики предполагает:

1. Определение концепции разработки методики.
2. Осуществление операционализации предмета исследования.
3. Определение системы индикаторов, характеризующих исследуемый объект.
4. Определение системы шкалирования для получения количественных значений исследуемого объекта. В данном случае предлагается использовать шкалу отношений. Это единственная шкала, которая имеет нулевую точку, что позволяет проводить количественное сравнение полученных результатов [1].
5. Определение необходимого и достаточного комплекса вопросов «Опросника». Тот факт, что методика предназначается для оперативной диагностики, предопределяет максимальную компактность опросника. При этом предполагаемое количество вопросов равно 7.
6. Определение процедуры проведения исследования, а именно:
 - порядка и процедуры опроса;
 - «весов» ответов респондентов различных категорий (так как компетентность сотрудников по тому или иному вопросу разная, соответственно и «вес» ответов должен быть разным);
 - порядка и процедуры обработки полученных данных.
7. Формирование выводов на основании полученных результатов исследования.

В качестве методической основы для понимания природы и последующего количественного выражения явления адаптивности/дезадаптивности как эмерджентного эффекта, авторы использовали работы С.Д. Хайтуна [3].

В ходе произведения диагностики институциональных феноменов социума необходимо учитывать следующие моменты:

1. Социальным процессам присуща многофакторность явлений в гораздо большей степени, чем природным процессам. Это выражается в неочевидной степени связи различных факторов, так как в социуме они гораздо более разнообразны, нежели в природе. По мнению авторов, более точным будет вы-

разиться следующим образом: феномен социальных явлений объясняется их эмерджентной природой.

2. Так как социальные явления многофакторны, то и их анализ тоже должен быть многофакторным. Если нет никаких количественных данных об этих факторах, которые и определяют поведение объекта исследования, то исследователь выбирает тот вариант получения информации, который ему представляется необходимым, исходя из предмета исследования.

3. В изучении социальных явлений есть большая или меньшая субъективность результатов измерения. Иными словами, существуют трудности разделения результатов, полученных в процессе исследования, определяемые природой объекта исследования и влиянием на этот результат со стороны исследователя. Субъективность проявляется также в «перекосе» количественных методов в сторону социологических методов.

4. При измерении социальных феноменов менее распространено применение математического аппарата. Социальные переменные, распределения которых имеют вид гауссовых, по значениям, негауссовы – неаддитивны, то есть эмердженты. А это означает, что валидно выражать их в количественных значениях является проблемой.

Литература:

1. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика: учебник. М.: Финпресс, 2000. С. 278.
2. Крейк А.И. Концептуальная модель институциональной системы // Социология. 2011. № 3. С. 10–26.
3. Хайтун С.Д. Наукометрия: Состояние и перспективы. М.: Наука, 1983. С. 341–352.

Социальные проблемы стареющего населения в условиях новой культурной среды России

Коновалова Г.М.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Анализ положения стареющего населения свидетельствует о том, что они являются наиболее социально незащищенными категориями населения, нуждающимися в особом внимании и социальной защите со стороны государства.

Первое десятилетие 2000-х годов ознаменовалась в России резким падением средней продолжительности жизни населения: у мужчин – 60 лет; у женщин – 78,7 года. По этому основному показателю состояния качества жизни Россия оказалась на последнем месте в Европе для мужчин и на одном из последних мест для женщин.

Старость, как период жизни людей вбирает в себя многие коренные проблемы как биолого-медицинской сферы, так и вопросы социального и личного быта общества и каждой индивидуальности.

Главная трудность заключается в изменении статуса пожилых людей и максимального продления их независимой и активной жизни в старости, вызванное, прежде всего прекращением или ограничением трудовой деятельности, пересмотром ценностных ориентиров, самого образа жизни и общения, а также возникновение различных затруднений, как в социально-бытовой, так и в психологической адаптации к новым условиям.

Повышенная социальная уязвимость пожилых граждан связана также и с экономическими факторами: небольшими размерами получаемых пенсий, низкой возможностью трудоустройства

Важной социальной проблемой пожилых людей является постепенное разрушение традиционных семейных устоев, что привело к тому, что старшее поколение не занимает почетное главенствующее положение, т.е. существует проблема межпоколенных взаимодействий. Очень часто пожилые люди живут отдельно от семей, и поэтому им бывает не под силу справиться со своими

недомоганиями и одиночеством. Проблема одиночества и суицида пожилых людей сегодня становится острой проблемой. Раньше основная ответственность за пожилых людей лежала на семье, то сейчас ее берут на себя государственные и местные органы, учреждения социальной защиты.

Информационная насыщенность не только изменила мировоззрение стареющего населения, но и создала новые проблемы в процессе жизнедеятельности, которые не были предусмотрены. Именно через новую культурную среду с информационными технологиями зачастую осуществляются угрозы в разных сферах жизнедеятельности стареющего населения. Из-за отсутствия или неумения пользоваться интернетом, мобильным телефоном, воспользоваться электронными формами социального обслуживания (банкоматом, терминалом, электронной банковской картой и современными другими средствами) возникают разного рода проблемы психологического характера: душевные расстройства, неуверенность в себе и др.

Рассматривая данную проблему, следует выделить следующие виды пренебрежительного отношения и насилия в отношении пожилых людей: физическое насилие, сексуальное насилие, медицинское насилие, психологическое (эмоциональное) насилие, экономическое насилие.

Данные исследований показывают, что в отношении пожилых психологическое насилие применяется чаще, чем физическое, и составляет от 46 до 58% случаев насилия, тогда как распространенные формы физического насилия были отмечены в 15–38% случаев.

Таким образом, проблемы людей третьего поколения можно считать всеобщими. Пожилые люди нуждаются в повышенном внимании общества и государства, и представляют собой специфический объект социальной работы. В России около 40% населения являются пожилыми и старыми людьми, и тенденции увеличения части пожилых людей в общей массе населения сохраняются. Становится очевидным, что проблема социальной работы с пожилыми людьми имеет общегосударственное значение.

Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России (на примере Сахалинской области)

Коньков А.Т.

Сахалинский государственный университет, Россия, Южно-Сахалинск

Этническая миграция является важным компонентом развития межнациональных отношений, фактором становления разнообразных форм взаимодействия различных этносов – от межкультурного обмена и культурной интеграции до межнациональной напряженности, конфронтации и масштабных межэтнических конфликтов. Данное обстоятельство требует тщательного анализа тенденций развития межнациональных отношений, выявления актуальных и потенциальных сфер межэтнической напряженности и факторов, ее определяющих.

В настоящее время основную часть мигрантов, прибывающих на российский Дальний Восток в целом и в Сахалинскую область в частности, составляют выходцы из стран и регионов, существенно отличающихся от российского общества в культурном отношении, в уровне социального и экономического развития. Речь, в первую очередь, идет о выходцах из среднеазиатских стран СНГ, а также граждан Китая и КНДР, многие из которых рассматривают российский Дальний Восток в качестве возможного места для постоянного проживания или места приложения своего труда на перспективу в несколько лет.

В условиях, когда массовый приток этнических мигрантов носит характер устойчивой тенденции, велика вероятность развития конфликтных отношений между мигрантами и принимающим обществом. При растущей интенсивности контактов принимающего общества и мигрантов формируются проблемные области противоречий и конфликтов. Напряжение накапливается по линиям этнокультурных различий (язык, религия, нормы поведения), из-за контраста культуры города, преобладающей в России, и культуры деревни, носителем которой выступает большая часть мигрантов. Также велик контраст между современной российской индивидуалистичной культурой и традиционалистской (общинной) культурой, преобладающей среди выходцев из стран Цен-

тральной Азии, Китая, Северной Кореи.

Для преодоления возникающих противоречий и предотвращения серьезных межэтнических конфликтов большое значение будет иметь эффективная интеграция этнических мигрантов и их адаптация в рамках полиэтнической культурной среды. Регулирование миграционных процессов в условиях Дальневосточного региона, испытывающего хронический отток населения и дефицит трудовых ресурсов, должно опираться на ясное понимание того, сколько и каких мигрантов может и желает принять регион и на каких условиях. Решая указанную задачу общество должно стремиться обеспечить условия для эффективной интеграции в него тех мигрантов, которые отвечают предъявляемым к ним требованиям и желают стать постоянными жителями новой для них территории.

Без этого принимающее общество не будет чувствовать себя в безопасности, а мигранты не смогут реализовать свои трудовые и миграционные ожидания. В общем виде интеграция этнических мигрантов не тождественна их обязательной натурализации (хотя не исключает ее) и, по-нашему мнению, включает в себя следующие элементы:

- а) приобретение мигрантами законного правового статуса в Российской Федерации;
- б) аккультурацию, или приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества;
- в) привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

С учетом указанных обстоятельств можно констатировать, что проблема интеграции этнических мигрантов в условиях Сахалинской области связана, главным образом, с необходимостью найти адекватные меры государственного и общественного реагирования в отношении мигрантов из республик Центральной Азии, Закавказья и некоторых других регионов, желающих закрепиться на Сахалине.

Современное положение этнических мигрантов на Сахалине характери-

зудется тем, что по одним аспектам интеграция мигрантов происходит успешно, в то время как другие механизмы интеграции мигрантов практически не действуют.

С точки зрения правового статуса большинство этнических мигрантов законно въезжают в область в рамках безвизового соглашения (граждане республик СНГ), или по официальным приглашениям компаний-работодателей. Основной проблемой является нарушение сроков пребывания граждан стран СНГ в Российской Федерации.

В социально-культурном отношении степень интегрированности в российское общество неодинакова у мигрантов из разных стран и у групп мигрантов, отличающихся сроком проживания в Российской Федерации. Степень включенности мигрантов в социальные связи за пределами собственного этнического сообщества позитивно связана с двумя факторами: а) знанием русского языка и б) длительностью проживания в регионе.

О степени толерантности принимающего общества в отношении мигрантов в условиях Сахалинской области можно судить по отсутствию выраженной межэтнической конфронтации, отсутствию у местного населения опыта насильственных межэтнических конфликтов. В целом население Сахалинской области отличается низкой степенью актуализации этнических предрассудков и национальной нетерпимости. Тем не менее, некоторые группы мигрантов чаще, чем другие группы сталкиваются с проявлениями нетерпимого отношения к себе со стороны представителей других национальностей.

Обобщая, необходимо отметить, что проблема интеграции этнических мигрантов на Сахалине в том виде, как она представлена в настоящее время, становится все более актуальной. По мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области, создаются предпосылки для формирования в поселенческой структуре Сахалинской области этнических кластеров, сформированных по национальному и территориальному принципу. Подобные этнические кластеры формируются как в поселенческой структуре, так и в экономической сфере, где возникают очаги «анклавной экономики» этниче-

ских меньшинств.

Социальные параметры трансформации современной российской культуры

Коркия Э.Д.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Начало XXI века определило новый вектор развития страны.

Трансформации были обусловлены качественными изменениями, прежде всего, культурными. В этом процессе можно выделить несколько направлений, определивших социокультурное развитие страны и формирование новой культуры. Прежде всего, это социально-экономические реалии постсоветского периода, процессы глобализации и информатизации современного общества.

Вместе с тем, значимое влияние на формирование современной российской культуры оказывают процессы трансформации социокультурных ценностей, отражающих национальный характер и традиции и формирующих уникальную инфраструктурную основу общественного сознания – менталитет.

Исследование системы социокультурных ценностей является необходимым условием для моделирования стратегий национальной политики в целом и проектов модернизационного развития в частности, так как именно соответствие этих стратегий и проектов социокультурным ценностям народа, выступающих в обществе как «обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм» [1, с.19], с помощью которых индивиды формируют убеждения, представления, ориентиры на определенные цели, определяют их эффективную реализацию.

Характеризуя динамику трансформации социокультурных ценностей необходимо отметить, что в настоящее время характерные черты национального российского менталитета, социокультурных ценностей особенно ярко проявляются именно в особенностях политического менталитета россиян. Это обусловлено тем, что одним из векторов трансформации национальной культуры является ее политизация. С одной стороны, это общемировая тенденция, харак-

терная черта XX века. Но, в отличие от развитых западных стран, где массовое общественное сознание имело время для усвоения и восприятия новых социокультурных, политических ценностей, отражающих потребности народа на конкретном историческом этапе и данные ценности последовательно осознавались и усваивались в сознании и субъекта и общества, российская историческая действительность, особенно в XX веке, радикально «ломала» взгляды и представления общества. Именно в этих условиях фундаментальные ценностные установки, определяющие черты российского правового менталитета лежали в основе общественного и политического выбора народа, выступая как «защитная реакция» [3, с.80] общества. Социокультурный кризис усилился и под влиянием стремительного внедрения в жизнь россиян информационных технологий. Развитие информационных технологий и, прежде всего, всемирной сети Интернет является одним из неоспоримых факторов, оказывающих значительное влияние на трансформацию социокультурных ценностей россиян. Всемирная «паутина» интернета не только обусловила расширение сферы коммуникационного взаимодействия между людьми разных национальностей, гражданства и т.п., но и усилила слияние социокультурных ценностей разных народов, проникновение в сознание россиян характерных черт западного менталитета. Более того, возникает новый, «виртуальный» мир, со своими законами, всеобщей доступностью информации, правом на свободу самовыражения и своими проблемами. Особенно ярко это проявляется в молодежной среде, с ее свойством «проявлять гибкость в отношении норм, установок и ценностей» [2, с. 29].

Вместе с тем, говоря о современной культуре, вышеобозначенных проблемах и вызовах современности, необходимо выделить аспект, который является доминантным и определяющим. Сегодня, когда российское общество, переживает глубокий культурный и духовный кризис, именно государственная политика в области культуры является модернизационным вектором в поле социокультурного развития.

Литература:

1. Богатырева Т.Г. Факторы культуры и образования в стратегиях развития российского общества. М., 2012.
2. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5.
3. Waters M. Globalization. L.; N.Y.: Routledge, 2000.

Карьерные стратегии выпускников вузов по специальности «Организация работы с молодежью»

Коробейникова А.П.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург*

Рассматривается проблема трудоустройства и профессиональной успешности специалистов по работе с молодежью – выпускников уральских вузов – в ее взаимосвязи с основными тенденциями развития современного общества и направлениями реализации государственной молодежной политики. Выявлена тесная взаимосвязь между развитием инфраструктуры современной молодежной политики, качеством получаемого образования и формированием карьерных стратегий выпускников специальности «Организация работы с молодежью».

Кроме того, анализируется важная тенденция развития молодежной политики, отмечаемая в последние годы, а именно ее органичное встраивание в единую систему государственного и муниципального управления, и подчинение единым правилам функционирования. Что ведет за собой важность в ближайшей перспективе корректировки содержания обучения и необходимость формирования у студентов компетенций, связанных с углубленным изучением особенностей государственного и муниципального управления, государственной гражданской и муниципальной службы.

В настоящее время у выпускников по специальности «Организация работы с молодежью» констатируется низкий престиж выбранной профессии, как с точки зрения заработной платы и социального статуса, так и с позиции отсутствия перспектив профессионального роста, разочарованность в выбранной профессии, приводящие в конечном итоге к тому, что состояние и квалификация кадров, работающих с молодежью, не соответствует масштабам и темпам социальных изменений, нарастанию негативных проявлений в молодежной среде.

В рамках проведенного социологического исследования мнение выпускников уральских вузов по специальности «Организация работы с молодежью» анализируется с позиций осознанности выбора специальности, репутации получаемого диплома, самооценки сформированных профессиональных компетенций, перспектив и мотивации развития профессиональной карьеры, а также выстраивания карьерных стратегий после окончания вуза.

Результаты исследования позволили выявить следующие карьерные стратегии выпускников уральских вузов по специальности «Организация работы с молодежью»: трудоустройство в любой профессиональной сфере с обязательно высокой заработной платой, не связанной с полученным образованием (44% участвующих в опросе); работа по специальности (22% участвующих в опросе); продолжение образования (13% участвующих в опросе); построение карьеры в другой профессиональной сфере, не соответствующей полученному образованию (11% участвующих в опросе); организация собственного бизнеса в сфере, не связанной с полученным образованием (10% участвующих в опросе).

Формируются выводы о важности учета мнения выпускников при проведении профориентационной работы со старшеклассниками при поступлении, при организации обучения и корректировки содержания образовательной программы, выстраивании тесной взаимосвязи с потенциальными работодателями, отвечающими за реализацию государственной молодежной политики на уровне региона и развитие инфраструктуры молодежной политики.

Дается оценка новой, так называемой социализирующей, функции вузов,

закрывающейся, с одной стороны, в помощи студентам сопоставить свои способности, мотиваторы, компетенции, личностные качества с требованиями современного рынка труда в сфере выбранной специальности. А с другой – в формировании у студентов карьерной компетентности, то есть способности четко осознавать собственный карьерный потенциал и в соответствии с ним эффективно выстраивать карьерный путь.

Религиозные предпочтения казахстанцев

Косиченко А.Г.

Институт философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан, Алма-Ата

На октябрь 2014 г. в Казахстане зарегистрированы 18 конфессий, объединяющих 3434 религиозные организации. Более 90% всех верующих в РК относятся к традиционным для страны конфессиям (исламу ханафитского мазхаба – около 70% и православию – около 22%). К новым религиозным объединениям относят себя около 5% верующих.

Респонденты дают неоднозначную оценку роли религии в обществе. Согласно проведенному в 2013 году Институтом философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки РК социологическому исследованию, 52% отмечают положительное влияние религии, в то время как 16% – не видят позитивного воздействия религии на общество. 55,6% позитивно оценивают влияние традиционных религий, тогда как только четверть респондентов (25,1%) отмечают позитивное влияние новых для Казахстана религий. Обращает внимание достаточно большой удельный вес респондентов, затрудняющихся дать оценку влияния религий на жизнь общества – около 24%.

В отношении религиозной самоидентификации населения социологическое исследование показало, что 96–97% респондентов не затрудняются с выбором мировоззренческой идентичности, большинство позиционирует себя в качестве мусульманина или православного христианина. Причисляют себя к верующим, но не живут в соответствии с требованиями религиозного образа

жизни около 55%, атеистически настроена примерно пятая часть взрослого населения, высказывают безразличие по поводу религиозности мировоззрения 5–7%, в процессы религиозной конверсии (перехода из одной веры в другую) вовлечено 7–9%.

Казахстанцы демонстрируют различное отношение к разным конфессиям. Более 58% респондентов отмечают позитивную роль ислама ханафитского мазхаба в Казахстане и более 56% – позитивную роль православия. 39,3% отметили положительную роль католицизма (при этом 37% затруднились с ответом) и 26,6% положительную роль иудаизма (затруднились с ответом – 43%), что говорит о недостаточном знакомстве казахстанцев с этими двумя конфессиями. 11,9% отмечают позитивное значение для РК протестантских течений (затруднились с ответом – 51,6%). 42,2% отметили негативное влияние салафитов, «положительное» и «скорее положительное» – 10,5%, что не мало для Казахстана, (затруднились с ответом на этот вопрос – около 50% респондентов).

Обращает на себя внимание такой факт: верующими себя считают 80% опрошенных, но регулярно посещают богослужения только 8%. Это – средний показатель по СНГ. В принятии ответственных политических решений, в которых надо учитывать количество верующих, из этого количества верующих и следует исходить. С возрастом регулярность посещения богослужений возрастает. Вместе с тем около 80% респондентов в старшей возрастной группе или никогда не посещают богослужений или посещают их крайне редко, среди молодых таких – 90%.

Надо иметь в виду, что религиозное сознание, хотя и отображает состояние религиозной сферы, не является абсолютно точной копией этой сферы. В силу этого, оценка религиозных предпочтений должна быть дополнена другими методами исследования религиозной ситуации в целом.

Религиозное сознание может быть ложным. Зачастую люди позиционируют себя в качестве верующих, имея мало оснований для этого. Так возникает околорелигиозная среда, феномен которой изучен недостаточно. Социологическое исследование ИФПиР, проведенное в 2014 году, зафиксировало, что

«очень редко и редко» посещают богослужения 53% респондентов, считающих себя верующими. Они не исполняют норм веры: редко ходят в мечеть и храм, не подают милостыни, не исповедуются, не причащаются. Для духовной консолидации общества околорелигиозная среда играет негативную роль, так как именно ее представители настаивают на религиозной исключительности только их веры, что, не способствуя формированию веротерпимости в обществе. Мнимо верующие люди, готовы на протест от имени религии в намного большей степени, чем реально верующие, по причине поверхностного знания религии и отсутствия в их сознании сдерживающих религиозных факторов. Они размывают веру, делая религиозные ценности относительными, сообразно своему пониманию веры. Помимо этого, так как практически всегда конфессиональная идентичность людей совпадает с их этнической идентичностью (что концептуально неверно, но на практике – повсеместно), возникающая напряженность в религиозной сфере тотчас же переносится на этническую почву, и наоборот, что повышает потенциал протеста. Питательной средой этого этно-религиозного протеста как раз и является околорелигиозная среда, она же она является предметом проповеднической деятельности радикалов. В силу всех этих причин на феномен мнимой веры надо обратить самое пристальное внимание при разработке механизмов совершенствования государственно-конфессиональных отношений.

К вопросу о трансформации стратегических ориентиров социальной политики

Константинова Л.В.

Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им.

Г.В. Плеханова, Россия, Саратов

Динамизм социально-экономических процессов требует постоянного реформирования социальной сферы, что предполагает постоянные изменения подходов к пониманию сущности, стратегических целей, задач и механизмов

реализации социальной политики. В истории современной России можно фиксировать периодические кардинальные изменения государственной стратегии в сфере социальной политики, моделей социального государства и выделить несколько этапов такой трансформации.

В мировом контексте границы возможностей современных социальных государств проявляются в расширении спектра социальных проблем, оказывающихся сложными к разрешению в рамках традиционных направлений социальной политики. Одновременно усиливающиеся процессы глобализации и региональной интеграции привели к выходу за пределы национальных моделей социального государства, конвергенции форм социальной политики, усилению межстрановой мобильности граждан в сфере социальных услуг, формированию транснациональных социальных обязательств, трансграничных рынков труда, образования и медицинских услуг. Процессы глобализации поставили под вопрос обеспечение возможностей социальной политики в границах национального государства в новых условиях. В тоже время мировой финансово-экономический кризис показал неустойчивость практически всех существовавших в различных странах моделей социальной политики и потребовал их скорейшей модернизации.

В этих условиях сегодня Россия опять оказалась в ситуации стратегического выбора модели социальной политики, который может быть осуществлен с учетом тех тенденций, которые существуют в настоящий период в мировой практике, и тех особенностей, которые характерны для российского общества и детерминированы не только досоветским и советским прошлым, но новейшей историей социальных реформ. Новая модель экономического роста в России, необходимая для преодоления стагнации экономики может быть связана с формированием и реализацией новой модели социальной политики, которая должна быть переориентирована на интересы тех слоев населения, которые способны реализовывать потенциал инновационного развития, и несут в себе заряд самоорганизации – представителей среднего класса, малого и среднего бизнеса. Поэтому современную социальную политику следует интерпретировать как си-

стему действий стратегического характера, направленную на формирование сбалансированной социальной структуры общества, где массовой социальной группой становится средний класс, а также на создание условий для воспроизводства и развития человеческого капитала высокого качества. Кроме того, это сфера деятельности государства, где в наибольшей степени концентрируются усилия по установлению в обществе социальной справедливости, как одной из базовых ценностей и форм социальных отношений, обеспечивающих устойчивость и стабильность социального порядка. А так как основной причиной социальной несправедливости, по оценкам россиян, является коррупция, одним из приоритетных направлений социальной политики становится антикоррупционная политика. При этом новая эффективная социальная политика современного социального государства имеет свои перспективы как политика стимулирующего характера и как полисубъектная политика, где государство является основным, но не единственным субъектом, несущим социальную ответственность и реализующим социальные обязательства в обществе. При этом социальную политику, как совокупность государственно-общественной деятельности, сегодня необходимо рассматривать как сферу важных социальных инноваций. Реализуемая с учетом описанных концептуальных оснований социальная политика в целом рассматривается как консервативная стратегия, ориентированная на последовательные реформационные преобразования, поступательное модернизационное развитие, отрицающая революционные, взрывные механизмы преобразований.

Результаты исследований, проведенных в 2003 и 2011 годах, свидетельствуют о том, что нормативно-ценностные установки большей части населения относительно изменений, происходящих в сфере социальной политики, достаточно консервативны и очень устойчивы, и имеют патерналистскую направленность. В плане долженствования государство позиционируется подавляющей частью наших граждан как основной и фактически единственный субъект социальной политики, на фоне которого оценка потенциала негосударственных субъектов социальной политики выглядит незначительной. Происходящее в

последнее время усиление государственного участия в решении социальных проблем, оказываются комплементарными патерналистским ожиданиям россиян, которые, не смотря на серьезное отклонение стратегических ориентиров государства в сторону максимальной либерализации социальной политики в 1990-е годы, остались неизменными. Установившееся соответствие институциональных и социокультурных параметров в сфере социальной политики в качестве результатов имеет определенную стабилизацию социальной структуры общества и относительное увеличение доли среднего класса в ее составе. Однако проблема заключается в том, что вследствие активно проводимой политики по увеличению заработной платы работникам бюджетной сферы, рекрутирование в средний класс в последнее время происходило в основном из работников госучреждений и бюджетного сектора, в то время как потенциал малого и среднего бизнеса в этом процессе оказывался недостаточным. Таким образом, в России осуществлялось восстановление «старого» среднего класса. «Новый» российский средний класс может быть рекрутирован из представителей малого и среднего бизнеса, представители которого обладают высоким социальным и экономическим потенциалом. Поэтому политика, направленная на стимулирование развития малого и среднего бизнеса, оказывается в центре приоритетов современной социальной политики, так как ориентируется на формирование «нового» среднего класса как основного воспроизводящего класса общества.

Проблема социальной востребованности молодежи⁴⁵

Костенкова А.Ю.

Орловский филиал РАНХиГС, Россия, Орел

Проблемы молодых людей, ищущих себя, свое место в жизни, стали особенно актуальными в середине XX века. Ранее, о чем свидетельствуют исторические исследования, молодежь не выделялась как социальная группа и воспринималась скорее, как некая переходная общность, вот-вот готовая перейти в

⁴⁵ Научный руководитель – Н.П. Старых, кандидат социологических наук, доцент кафедры.

когорту взрослых людей.

Постепенно процесс модернизации, индустриализации общества привел старшее и младшее поколения к критической точке во взаимоотношениях. Молодой человек стал неистово отстаивать свои взгляды на жизнь, требовать должного внимания к своей персоне, искать понимания в диалоге со старшими.

Очевидно, что именно этому поколению предстоит вести сегодняшнюю Россию в будущее. И только от них будет зависеть, какой станет наша страна через десятки лет. Но в каком направлении будет двигаться российская молодежь?

Ученые рассматривают молодежь как явление сложное и многомерное, в соответствие с конкретными историческими периодами. Проводя опросы, социологи стараются учитывать различные стороны жизни молодежи, спрашивая о ее политических взглядах, досуговых интересах, мировоззренческих позициях. Сегодня особенно актуальной является тема социальной востребованности личности, ставшая таковой ввиду стремительного развития современного российского общества.

Под социальной востребованностью мы понимаем такое состояние, в котором какой-либо одушевленный или неодушевленный предмет, явление или процесс являются особенно ценными, актуальными для общества в определенный период времени ввиду наличия ряда факторов, выделяющих их на фоне остальных. По нашему мнению, в контексте проблемы социальной востребованности молодежи наиболее важно изучать круг вопросов, непосредственно связанных с ее жизнедеятельностью, образом мысли, системой ценностей и восприятия окружающего мира.

Учитывая политическую, экономическую и социокультурную обстановку в нашей стране, промежуточный статус молодого поколения как социальной группы сопряжен с несколькими проблемами. Это нестабильное материальное положение, зависимость от старших и – как результат – конфликт отцов и детей, замедление процессов формирования ответственности и размытая система ценностей.

На современном этапе государственная система ЖКХ, образования и трудоустройства, к сожалению, не функционирует настолько стабильно, чтобы обеспечивать молодому поколению высокий уровень социальной востребованности. И хотя политический курс развития нашей страны и сопутствующая ей культурная политика (и ее составной элемент – молодежная культурная политика) поддерживают профессиональный и социальный рост молодых граждан, нельзя сказать, что происходит это равномерно. Наша система трудоустройства плохо взаимодействует с образовательной сферой, нет продуманной системы рабочих мест, а имеющиеся – не всегда оправдывают ожидания молодых специалистов, по итогу, не удовлетворяя их потребности в достойном уровне жизни. Как результат, многие молодые люди вынуждены отказываться от некогда выбранного ими профессионального рода деятельности, находясь в поисках экономически более стабильной сферы развития.

Также эти факторы негативно сказываются на проблеме отцов и детей. Как никогда актуальным является вопрос недвижимости и экономической независимости детей от их родителей. Нельзя не отметить, что с каждым годом увеличивается процент молодых людей, позже вступающих в брак, создающих свою собственную семью. Несмотря на активную государственную политику по вопросам семьи, «ранняя зрелость» молодого поколения настолько сопряжена проблемами профессионального роста и экономической стабильности, что создание новой ячейки общества становится возможным только в более взрослом возрасте. Не секрет, что общественное мнение сегодня в равной мере и одобряет, и осуждает опыт молодых семей, часть которых обретают стабильность в разных сферах жизнедеятельности, другая же вынуждена волочить свое существование, нередко связанное с социальной неустойчивостью и девиациями.

Немаловажной проблемой в контексте социальной востребованности молодежи остается размытая система моральных и нравственных ценностей, которая также спорно воспринимается обществом. С одной стороны, социологи отмечают, что сама шкала ценностей в представлении современного общества

нестабильна. Ее характеризуют «приниженность» идеалов, гедонистическая направленность, амбивалентность (сочетание противоположных оценок) [1]. Из этого можно сделать вывод, что современный молодой человек гораздо меньше обращает внимания на нравственные критерии оценки окружающего мира и самого себя. Хотя, как отмечает социолог В.Е. Семенов, «молодежь обладает еще существенным позитивным духовно-нравственным потенциалом» [2].

По нашему мнению, на современном этапе развития российского общества проблема социальной востребованности молодежи является чрезвычайно актуальной и требует незамедлительного решения. Действенным способом выхода из сложившегося кризиса в самоопределении молодого поколения и его восприятию обществом могут стать социальные технологии, применение которых способствовало бы улучшению сферы труда, культуры общения и социального взаимодействия представителей разных поколений.

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. – 1456 с.: ил.
2. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с., илл.
3. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность: Учебник. – М.: МГУКИ, 2004. – 539 с.
4. Мосалев Б.Г. Ценностно-смысловой мир культуры: словарно-понятийная концептуализация / Под науч. ред. В.З. Дуликова – М., 2011. – 265 с.
5. Шарковская Н.В. Теоретико-методологические основы научного исследования социально-культурной активности личности: Монография. – М., МГУКИ, 2007. – 110 с.

Статьи:

1. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // Социс: социологические исследования. 2003. № 4.

2. Определение возрастных границ молодежи // Сайт «Образ жизни». URL: <http://lifeactivity.ru/opredelenie-vozzrastnyx-granic-molodezhi/>
3. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социс: социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.
4. Семенов В.Е. Ценностные ориентации молодежи // Социс: социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
5. Скутнева С.В. Гендерные аспекты жизненного самоопределения молодежи // Социс: социологические исследования. 2003. № 11.
6. Шклярчук В.Я. Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социс: социологические исследования. 2008. № 10.
7. Сайт Департамента семейной и молодежной политики города Москвы. URL: <http://dsmp.mos.ru/>

Мировая политика: противоречия и опасности глобального развития

Костин А.И.

Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Перспективные тенденции последнего десятилетия определяются совпадением цивилизационного и финансово-экономического кризисов. Анализ происходящих процессов, их причин и возможных последствий показывает взаимосвязь между событиями последнего десятилетия и ослаблением глобального статуса США. Уже с сентября 2008 года коренной перелом в мировой политике был определен двумя симптоматичными событиями: российско-грузинским конфликтом и глобальным экономическим кризисом. Первое из них можно назвать символическим в смысле определяющей черты, за которой начинается новый этап российской внешнеполитической стратегии. В 2014 г. с воссоединением Крыма и Севастополя с Россией завершилась «остаточная постсоветская фаза», за пределами которой открываются качественно новые горизонты.

При анализе глобальной политики важно определить основные тенденции, характер и последствия которых будут иметь судьбоносное значение. В

современных условиях можно зафиксировать несколько основных тенденций, которые будут определять характер мировой политики в период вероятно повторяющихся кризисных процессов.

Первая и самая очевидная тенденция – это снижение роли США и тесно связанный с этим кризис глобального управления. Вторая тенденция заключается в изменении масштаба политических процессов. В частности, в ближайшие годы наиболее востребованными станут региональные интеграционные стратегии. Для подавляющего большинства государств необходимым условием антикризисных действий будет примат решения локальных задач над глобальными усилиями. Третья тенденция состоит в экономизации политического пространства. В отличие от предыдущих трансформаций наступающие изменения имеют ярко выраженные особенности, определяемые макроэкономическим контекстом. Четвертая тенденция связана с изменением статуса наднациональных акторов в современной (поствестфальской) системе международных отношений. Возрастет роль мировых финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Парижский клуб, ВТО, ЕБРР и т.д.). Однако эта тенденция неоднозначна и потенциально конфликтна. С одной стороны, их кредитные механизмы станут более востребованными. С другой – процедуры финансового регулирования и выдачи займов станут менее прозрачными. Наконец, пятая тенденция, это – геополитическая дестабилизация мировой периферии как следствие цивилизационного и экономического кризиса. В перспективе неизбежна новая волна кризиса, которая больше всего ударит по странам третьего мира.

Реализация самой опасной пятой тенденции в условиях экономических неудач приведет к обострению гуманитарных проблем, связанные в первую очередь с распределением богатства, энергии, воды и продовольствия. В этих условиях могут проявиться тенденции решить такие вопросы «силовыми способами». С высокой долей вероятности можно предсказать интенсификацию таких опасностей глобального развития как гонка вооружений, активизация международного терроризма.

Активизацию международного терроризма в значительной степени связывают с усилением роста международной организованной преступности. Международный терроризм следует рассматривать как политический феномен и как категорию анализа. В весьма обширной научной литературе фиксируют несколько близких по содержанию понятий: транснациональный терроризм, международный терроризм и глобальный терроризм. Они обладают рядом общих черт и особенностей феномена политического терроризма в пространственной и временной динамике политического развития социума. Глобальный терроризм как понятие фиксирует особенности терроризма в условиях глобализации и характер его опасности как глобальной проблемы, угрожающей существованию человечества. Международный терроризм есть результат интернационализации террористической деятельности. «Международность» выражается, с одной стороны, в тесном сотрудничестве различных террористических групп и в «растущей претенциозности», масштабности их целей; с другой стороны, она реализуется посредством глобальной информационной сети, поскольку даже сугубо внутривосточный терроризм получает мгновенный отклик в самых отдаленных уголках земного шара. Тем самым он стимулирует преступные действия других террористических групп планеты. Кроме того следует учитывать широкое использование в манипулятивных целях понятия «международный терроризм».

Так, например, в книге воспоминаний последнего начальника внешней разведки КГБ СССР Л.В. Шебаршина подчеркивается, что терроризм столь же стар, как и история человечества. Понятие же «международный терроризм», по его мнению, как и миф о Бен Ладене, рождено в США и задолго до событий 11 сентября. Прикрываясь борьбой с международным терроризмом, как отмечает автор, американцы оккупировали Афганистан, Ирак, будут наводить свой демократический порядок на «Большом Ближнем Востоке». Под этим предлогом США присвоили себе право наносить удары по любой точке земного шара. Однако манипулятивный характер использования понятия «международный терроризм» не устранило обозначаемого им феномена, но осложнило его адекват-

ное восприятие через СМИ населением различных стран и регионов.

Современная историческая форма глобализации политического и правового пространства ведет к размыванию суверенитета большинства стран, росту проницаемости государственных границ для капитала и мирового рынка, разрушению старого мирового экономического, политического, правового порядка без очевидной устойчивой тенденции к формированию нового. В условиях стратегической неопределенности террористическая война становится нелокализованной. Тем самым создается целый комплекс международно-правовых проблем при разрешении конфликтных ситуаций.

Согласно социологического опроса в сентябре 2014 года главными источниками террористической угрозы россияне считают США, исламистов и Украину. Перед демократическими государствами международный терроризм поставил ряд весьма сложных проблем, затрагивающих основы их политического устройства. Транснациональный характер деятельности террористических организаций делает необходимым согласование базовых позиций государств, которые при общей приверженности демократическим принципам реализуют их на практике по-разному. Необходимо решить задачу достижения определенного консенсуса не только между различными государствами, но и между государством и обществом в конкретной стране. На практике основной проблемой является достижение эффективности в борьбе с терроризмом при сохранении существующих достижений в сфере прав и свобод граждан, подотчетности обществу структур государственной власти, включая полицию и спецслужбы, и общественного контроля за ними.

**Совершенствование эффективности организации социальной
политики государства на современном этапе**

Коханова Н.М.

Российский государственный социальный университет,

Россия, Клин

Концепция социальной политики государства зависит от характера со-

циальных проблем в обществе. На современном этапе происходит смена общепринятых парадигм, высокая скоротечность которых определяется уровнем научно-технического прогресса.

Социальная политика должна охватывать все слои общества, уделяя особое внимание социально уязвимым категориям. В их число входят: многодетные матери; выходцы из детских домов; матери одиночки; люди, покинувшие места лишения свободы; инвалиды различных видов и групп и люди, имеющие ограничения по здоровью; пенсионеры; бездомные; люди, имеющие зависимость от алкоголя или наркотиков и другие. Особенностью данной категории является их адаптация в обществе. В отличие от благополучных граждан такие люди имеют ряд особенностей в каждом отдельно взятом случае, но для всех них обобщающей чертой является острая потребность в моральной поддержке, человеческом понимании и общении, специализированной медицинской помощи и возможности реализации в обществе. Последнее является немаловажной потребностью. Она наряду с остальными главным образом влияет как на самочувствие человека, также может нести позитивный экономический эффект для всего государства. В связи с этим одной из задач государства в рамках реализации социальной политики является разработка механизма регулирования и влияния на социально уязвимые категории граждан с целью удовлетворения их потребностей и создания условий, при которых они с минимальными затратами и с максимальными экономическими результатами могли бы реализовываться в рамках общества.

Данный механизм должен учитывать как положительные, так и отрицательные результаты существующих государственных программ как Российской Федерации, так и других стран мира за весь период их развития. Особое внимание необходимо уделить исследованию современных социальных технологий организации тех или других категорий граждан. Они могут быть реализованы различными структурами, такими как некоммерческими организациями, социально ориентированными коммерческими организациями, фондами, общественными организациями и другими структурами на уровне местного само-

управления.

Социальная политика должна учитывать особенности российского государства на современном этапе его развития: общую площадь земель, их фактическое состояние и распределение населения; структуру ВВП и динамику его изменения за последнее столетие и после 2008 года по настоящее время; международную интеграцию и общемировые тенденции развития государств мира. Это позволит определить вектор раскрытия социальной политики в рамках российского государства.

Критериями эффективности социальной политики необходимо рассматривать положительный эффект в денежном эквиваленте, который был получен на каждый вложенный рубль. Данная методика не противоречит классической интерпретации значения эффективности. На практике она должна быть многогранна, т.е. позволять выстраивать модель общества с учетом всех социально уязвимых категорий граждан. Отдельное внимание следует уделять расчету эффекта второго уровня, предполагающей последствия реализуемой социальной политики. В качестве примера такого рода эффективности возможность рассмотреть модель, выявляющую взаимозависимость коммерческого сектора экономики от уровня присутствия социально ориентированных предприятий и организаций. Он заключается в синергии двух различных по своим целям, но схожим по природе видам деятельности: социальное предпринимательство способно выполнить самую сложную, трудно организуемую работу, коммерческие структуры наилучшим образом аккумулируют денежную массу для извлечения максимальной прибыли, но высокий уровень их присутствия дает возможность существовать социальным предприятиям. Таким образом, при слабом развитии социального предпринимательства и отсутствии поддержки со стороны коммерческого сектора, государству необходимо влиять на укрепление одной из двух структур. Коммерческий сектор в настоящих условиях менее мобилен и динамичен, он требует больших затрат. Следовательно, представляется целесообразным поддержка социально ориентированного предпринимательства по средствам изучения, обучения, информационной поддержки, создания и под-

держания позитивного имиджа, поощрения наиболее эффективных деятелей. Перечисленные меры не предполагают непосредственного постоянного субсидирования социально ориентированных предприятий. Это свидетельствует об общепринятом заблуждении, что построение эффективной социальной политики требует высоких финансовых затрат.

**Сравнительная социология зарубежных обществ:
к постановке проблемы**

Кочетков В.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Конец XX – начало XXI века отмечены кардинальными изменениями международных отношений. Под влиянием глобализации рухнул СССР, а вместе с ним биполярная международная система. Традиционная Вестфальская система классических государств-наций, просуществовавшая более 360 лет, претерпевает кризис. Все громче заявляют о себе новые негосударственные акторы международных отношений – транснациональные корпорации, неправительственные организации, террористические сети. Появляются «падающие», «несостоявшиеся» государства и государственноподобные образования. «Импортированные» государства, созданные без учета местных традиций и общественного устройства, представляют собой очаги нестабильности, прибежище бандформирований и террористов. Под предлогом «гуманитарного вмешательства» нарушается суверенитет государств. Все это позволяет говорить о том, что на смену государственно-центричным международным отношениям, которые господствовали в мире с 1648 г., когда был заключен Вестфальский мирный договор, приходит новый мировой порядок. Большинство исследователей полагают, что в его основе будут лежать этнические, гендерные, цивилизационные, культурные и другие социологические факторы, такие, как идентичность, религия и др. Если в биполярном мире международные отношения определялись в основном идеологией, то в современной многополярной системе на ведущие роли выходят социологические факторы, такие, как культура, религия и националь-

ная идентичность. По словам С. Хантингтона, в нарождающемся мире основные мировые конфликты, войны и противостояния будут определяться культурными факторами, такими как религия и цивилизация. Современные международные тенденции – глобализация, развитие информационных технологий – еще более усиливают значимость культурных различий. Соприкасаясь и сталкиваясь с другими народами в ходе увеличивающихся контактов, люди обнаруживают культурные различия. В свою очередь, это приводит к тому, что они обращаются к своим корням и начинают осознавать, сохранять и развивать собственную культуру и идентичность. Поэтому современные процессы глобализации сопровождаются не менее выраженными процессами фрагментации и регионализации.

Все это делает актуальным сравнительное изучение социологических особенностей зарубежных обществ. Особенно важно это для постсоветского пространства, на территории которого политические процессы во многом определяются этническими, религиозными и другими социологическими факторами.

Культурный брендинг Южной Кореи: роль «корейской волны» и традиционной корейской культуры

Кочетова Н.М.

Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград

Сегодня на российском рынке происходит процесс построения нового азиатского бренда – бренда корейского. В продолжение проникновения в Россию товаров японского и китайского производства появляются новые торговые марки, еще не наделенные строго фиксированным образом в сознании потенциальных потребителей. Товары, экспортируемые ранее Южной Кореей, долгое время не обладали четко «корейской» идентичностью. Так, известная лапша быстрого приготовления «Доширак» до сих пор идентифицируется как китайская, а модели автомобилей «Hyundai» – японскими.

Брендинг Южной Кореи представляет собой сложный процесс, который

осуществляется посредством распространения корейской культуры как на глобальном уровне (в основном его распространение происходит через социальные сети и интернет – сервисы), так и на локальном (за счет взаимодействия молодежи с культурными корейскими центрами, представителями корейской молодежи – коре-сарам, иностранными студентами из Южной Кореи и др. локальными факторами, закрепляющими проникновение корейской культуры в российское пространство) «Корейская волна» – это процесс распространения популярной культуры Южной Кореи по всему миру. Под популярной культурой мы понимаем не только массовую поп-культуру Кореи, но и традиционную культуру, которая с каждым годом занимает все большее место в «корейской волне». Если начало построения имиджа Кореи началось с преобразования развлекательной индустрии и роста интереса азиатских стран именно к ней, сегодня правительство Южной Кореи делает все большие шаги для популяризации как можно большего числа сторон корейской культуры, жизни, мировоззрения, традиций и обычаев не только в Азии, но в Европе, Америке, России.

В докладе представлены эмпирические данные – итоги интервьюирования представителей молодежи, интересующихся корейской культурой (как глубинные интервью с молодыми представителями корейской диаспоры, так и формализованные интервью с молодежью, проявляющей интерес к корейской культуре). В процессе работы были выделены элементы культуры, представляющие наибольший интерес среди респондентов; определена роль традиционной культуры в увлечении молодого поколения Кореей среди этнических корейцев и русской молодежи; выявлены социально-демографические характеристики поклонников «корейской волны». Также выдвинуты гипотезы для нового исследования, направленного на выявление социальных факторов функционирования брендов корейских товаров.

Постмодернистское общество и специфика его аномии

Кривошеев В.В.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград

Современный социальный мир, и прежде всего Западный, мир господства постмодерна, пытающийся навязать свои концепции, свое видение ценностей, норм всему человеческому сообществу, выступает как апология аномичности. Более того, эта позиция зримо свидетельствует о проявлении аномии применительно и к теории социума, к его постижению в современном облике. В этом смысле постмодернизм действительно выглядит, говоря словами Р. Парнаса, как антиномичное движение, задавшееся целью разложить западное мышление на части, взяв на вооружение деконструкцию, децентрацию, устранение, разбрасывание, прерывание, расхождение, рассеивание и т.д.

Постмодернистский социум делается парадоксальным, в нем сочетается казалось бы несочетаемое. Происходит постоянное смещение реальности в сторону абсурда, противоречивого искажения, мистификации. Пространством постмодерна становится все: идеи, замыслы, художественные жанры и конкретные произведения. Люди, особенно молодые, не могут не заблудиться в аномичном социуме, в котором аномалия, деформация сознания и действия становятся нормой, повседневностью, в котором чрезвычайно трудно отделить одобряемое, творческое от патологического, убогого. Лидер страны, которая, казалось бы, вполне обоснованно гордится своей демократией, отклонил законопроект, запрещающий пытки заключенных (Дж. Буш-младший). А другой лидер той же страны, лауреат Нобелевской премии мира (Б. Обама), он же верховный главнокомандующий, санкционирует бомбардировку территории зарубежной страны без согласия ее руководства. Уже трудно представить современную жизнь без сообщений о том, что священник-католик обвиняется в педофилии, а певица участвует в хит-параде страны, исполняя песню под чужую фонограмму. В научной статье может оказаться утверждение логика, апеллирующего к такому аргументу: «*общепринятые* правила и нормы». Федеральный чиновник, чья заработная плата существенно меньше доходов бизнесмена

средней руки, строит в районе Рублевского шоссе дачу стоимостью около 10 млн. долларов. Мало кого уже, видимо, смущает, что, как сообщают информационные агентства, в Великобритании готовится аукцион по продаже нижнего белья королевы Виктории.

Постмодернистский мир – это и мир подделок, эрзац-продуктов, мир имитации, репродукции без оригинала, словом, симулякра, говоря языком Ж. Бодрийера. Отсюда потрясающее увлечение все большего числа людей реконструкциями исторических сражений, наблюдениями за ними. Причем наблюдениями чаще всего с помощью электронных устройств. Люди все реже стремятся *смотреть* на событие, все больше хотят *записать* его. Трудно не согласиться с утверждением Ж.Т. Тощенко, что под предлогом и прикрытием лозунгов о глобализации происходит не столько создание чего-то принципиально нового, впитывающего в себя культуру разных стран и народов, сколько американизация этого процесса.

Сказанное позволяет оценить современные социальные процессы как специфичную форму аномии, аномии, которая охватывает все социальное пространство, и прежде всего искажает, негативно модифицирует массовое сознание.

Предупреждение международных конфликтов: экономический аспект

Куваева М.В.

Московский институт инженеров транспорта, Россия, Москва

Увеличение количества локальных и региональных конфликтов, их усложнение и ужесточение создает серьезные угрозы мировому сообществу, связанные с опасностью военных и экологических катастроф, массовыми миграциями населения, дестабилизацией ситуаций в ряде государств. В этих условиях обостряется задача совершенствования механизма предупреждения международных конфликтов.

Традиционными составляющими компонентами механизма упрежде-

ния и разрешения конфликтов являются посредничество, поддержание мира, миротворчество, меры по укреплению доверия и дипломатия, превентивные меры, позволяющие разрешать разногласия, сдерживать споры до стадии наступления насильственного конфликта. В предотвращении конфликтов также активное участие принимают региональные организации, государственные и неправительственные организации. Возможности предупреждения конфликтов расширяются за счет нарастающего присутствия в зонах конфликтов международных, государственных и негосударственных организаций и осуществления разработок рекомендаций по вопросам политики, которые направляются лицам, принимающим решения по вопросам международных конфликтов на соответствующем уровне и в ООН.

Существенным ограничением формирования механизма предупреждения международных конфликтов является неспособность международного сообщества достоверно и точно предсказать, спрогнозировать наступление конфликтов. Данное обстоятельство обусловлено, с одной стороны, сложной динамикой внутренних, этнических и религиозных конфликтов, с другой стороны, нежеланием государств предпринимать действия, связанные с высоким уровнем риска и большими затратами.

При разработке механизма предотвращения международных конфликтов необходимо учитывать, что большинство из них являются внутренними, и это обстоятельство влияет на определение реакции международного сообщества на эти конфликты. Для внутригосударственных конфликтов действительно требуются специфические методы предупреждения и предотвращения, отличные от тех, которые используются в традиционных межгосударственных противостояниях.

Следующим фактором, на котором целесообразно сосредоточить внимание при разработке механизма ограничения международных конфликтов, является многообразие причин наступления последних. Важно проводить различие между структурными причинами, лежащими в основе конфликта, и непосредственными причинами, вызывающими конфликты, которое лежит в основе

структурного и краткосрочного предотвращения конфликтов. К структурным причинам международных конфликтов относятся экономические факторы, связанные, с ограниченностью ресурсов, нищетой, быстрым ростом населения, экономическими лишениями. Соответственно, структурное предотвращение конфликтов должно осуществляться по трем направлениям экономика, потребности населения и управление.

При выявлении возможностей предотвращения международных конфликтов целесообразно обратить внимание на такие экономические инструменты как логистические процессы, связанные с организацией доставки грузов от производителя потребителю на международном уровне. Развитие транспортных сетей, сопровождающееся усилением торговых связей между государствами всего мира, и прогрессирующие процессы глобализации, выводят на первый план международную логистику. Целевым аспектом международной логистики является координация грузоперевозок разнообразных товаров из одного государства в другое, а также оптимизация временных и финансовых затрат на доставку товаров от производителя к потребителю.

Реализация целей международной логистики связана с решением множества задач, затрагивающих вопросы выбора оптимального маршрута движения товара по территории конкретного государства и компании экспедитора, планирования этапов доставки и оптимизации сроков, прохождения таможи, организации хранения грузов и др.

Развитие логистических процессов включает ряд этапов, связанных с формированием международных транспортных коридоров и международных логистических коридоров. Международные логистические коридоры наряду с транспортом включают складское хозяйство, погрузочно-разгрузочные работы. Логистические коридоры являются основой становления международных логистических сетей, усиливающих торговые связи между государствами всего мира.

Становление международных логистических сетей сопряжено с увеличением количества логистических услуг, запрашиваемых на территории одного

или нескольких государств, что приводит к увеличению рабочих мест, расширению возможности получения доходов, снижению безработицы и нищеты. В результате снижается напряженность и потенциальная возможность возникновения международных конфликтов.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что предотвращение международных конфликтов можно успешно осуществлять посредством использования экономических факторов, среди которых особое место в современных условиях занимают международные логистические процессы.

Технологии взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере

Кузина И.Г., Ардальянова А.Ю.

Дальневосточный федеральный университет, Россия, Владивосток

Развитие государственно-религиозного взаимодействия является важным инструментом социальной политики и формирования гражданского общества. По данным социологических исследований, социальную ситуацию, сложившуюся к настоящему моменту в России, как благополучную характеризуют лишь 16% населения. Данный факт свидетельствует о том, что сегодня в условиях модернизации российской экономики социальной сфере уделяется недостаточно внимания, практически отсутствуют механизмы соотнесения групповых интересов, основанных на политических, социальных, духовных, профессиональных предпочтениях населения. Это препятствует формированию полноценного гражданского общества и утверждению современных практик взаимодействия социальных институтов.

Взаимодействие государственных учреждений с институтами гражданского общества является актуальным направлением исследований. Особо остро стоит вопрос технологизации взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере.

Сегодня под социальными технологиями принято понимать систему последовательных действий и совокупность методов и приемов, позволяющих

добиваться результатов в решении социально значимых задач и проблем. Это касается и целенаправленного изменения взаимодействия между людьми, то есть, по сути, социальные технологии – это некий алгоритм использования механизмов, процедур и операций взаимодействия, причем, каждый субъект, участвующий в них, реализует собственную стратегию по отношению к другим участникам и формирует, таким образом, социальную действительность. Под механизмами взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере мы предлагаем понимать разработанную субъектами взаимодействия совокупность правил, способов и документации по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ (проектов, акций), которая встроена в схему функционирования социальной сферы на данной территории, направлена на решение социальных проблем (трудных жизненных ситуаций) с учетом действующих нормативных и правовых актов и воспроизводима в будущем без участия создателей. Определение базируется на определении механизмов межсекторного социального партнерства и, на наш взгляд, раскрывает суть процесса взаимодействия и его конечную цель.

Можно выделить следующие механизмы взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере. Прежде всего, это механизмы общего порядка. Данные механизмы определяют канву процесса взаимодействия, позволяют определить правила, ресурсную и технологическую базу.

Общие механизмы включают в себя целый ряд разновидностей. Так, конкурсные механизмы реализуются тогда, когда организация выигрывает конкурс, организованный по заранее разработанной схеме (для этих целей многие религиозные организации создают общественные и благотворительные организации). Это механизмы социального заказа уровня субъекта РФ, муниципального социального заказа, муниципального социального гранта, муниципального заказа, муниципального гранта, гранта субъекта РФ, тендера, конкурса социальных проектов, конкурса для гражданских инициатив по различным номинациям, конкурса авторских вариативных программ и др.

Социально-технологические механизмы базируются на социальной технологии, выгодно отличающейся по эффективности использования средств и качеству результатов от иных технологий или подходов, применяющихся государственными или муниципальными учреждениями. Сюда попадают хосписы, приемные семьи, подходы к реабилитации алкоголиков и наркоманов и к созданию оздоровительных программ, концепция реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска, система гериатрической реабилитации на дому и т.п.

Организационно-структурные механизмы характеризуются тем, что государственное учреждение совместно с религиозной организацией образует новую организационную структуру, которой делегируется часть функций по решению социально значимых задач через вовлечение граждан и общественных объединений при финансовой поддержке со стороны государства.

Процедурные или переговорные механизмы взаимодействия включают правила сотрудничества государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере, которые формируются в ходе совместного обсуждения и чаще всего оформляются в виде специального соглашения.

Комплексные или комбинированные механизмы — это системы взаимодействия, которые несут в себе черты как минимум любой пары вышеназванных.

Кроме того, имеются механизмы частного порядка, которые процедурно и операционно определяют технологию взаимодействия. К ним можно отнести благотворительные ярмарки, концерты, презентации мероприятий, организацию конференций, семинаров, «круглых столов», проведение благотворительных и акций и пр.

Тщательная проработка механизмов технологического процесса взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций различных конфессий позволяет наметить решение ряда наиболее острых социальных проблем, одновременно способствуя совершенствованию системы социального партнерства в России.

Специфические особенности использования мобильных средств связи слепыми и слабовидящими людьми

Кузнецова С.С.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Современные процессы информатизации с использованием телефонии, радио, интернета, а также традиционных и электронных СМИ охватили все сферы социальной жизни общества. Однако, кроме положительных моментов этого процесса, специалистами прогнозируются и опасные тенденции: усиление влияния средств массовой информации, разрушение частной жизни людей, сложности в адаптации к информационной среде некоторых категорий населения и другие. Представителями одной из таких категорий выступают люди с серьезными нарушениями по зрению и слепые. По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире насчитывается более 39 миллионов тотально слепых людей и около 246 миллионов людей с нарушением по зрению [1]. В России также год от года возрастает количество слепых и слабовидящих граждан. На сегодняшний день, по официальным данным, в стране насчитывается более 275 тысяч таких людей. Однако стоит помнить, что большинство людей, имеющих подобные отклонения не обращаются в общества слепых и, соответственно, не регистрируются в официальной статистике. Одной из ключевых проблем людей с ограниченными возможностями по зрению являются сложности в адаптации и коммуникации с окружающей социальной средой.

Сегодня слепые и слабовидящие люди представляют собой значительную часть населения, которая ограничена в использовании функционала мобильного телефона, а, следовательно, и услуг связи. Проблема рассматриваемой категории людей связана, в первую очередь, с отсутствием на рынке средств связи специальных предложений, адаптированных под их специфические нужды. Однако решение этой проблемы могло бы существенно облегчить адаптацию людей с ограниченными возможностями по зрению к актуальному для них социуму.

Специалистами компании Magram MR проведено эксклюзивное инициативное исследование, направленное на выявление специфики коммуникации слепых и слабовидящих людей посредством сотовой связи. Исследование проводилось в Москве (крупнейший город с высокими доходами населения и развитой социальной сферой) и в Новосибирске (крупный город с высокими доходами и среднеразвитой социальной сферой). Целевую аудиторию представили мужчины и женщины с различной степенью слепоты («слепые» – I группа инвалидности по зрению или IV степень нарушения зрения; «слабовидящие» – II группа инвалидности по зрению или III степень нарушения), являющиеся активными пользователями сотовой связи. Опрос проводился с использованием метода глубинного интервью. Всего специалистами Magram MR было проведено 24 интервью с представителями целевой аудитории (сегментирована).

Исследование позволило описать целевую аудиторию слепых и слабовидящих людей с точки зрения образа жизни и потребностей в услугах связи. Так, современные синтезаторы речи (JAWS) и доступность компьютеров с QWERTY клавиатурой расширили возможности слабовидящих по использованию обычной техники и традиционных информационных сервисов. Сегодня слепые и слабовидящие все чаще получают высшее образование и работают по специальностям, которые требуют активной коммуникации и поиска информации: «Я – практикующий психолог», «Я модеррую представительства футбольного клуба в социальных сетях», «Я – делаю письменные переводы». Молодые и технически продвинутые слабовидящие много времени проводят в интернете и свободно пользуются традиционными сервисами и программами, популярными в среде зрячих людей (Skype, онлайн шоппинг, социальные сети и другие). Кроме того, доступность адаптированных компьютеров приводят к тому, что технология Брайля стремительно теряет популярность: сокращается количество и качество информации, издаваемой на Брайле. Подобная тенденция характерна для всего мира. Что касается мобильной связи, то Брайль используют только абсолютно слепые люди старшей возрастной группы.

Освоив компьютерные технологии, у слепых и слабовидящих людей по-

является естественное желание получать полноценный набор возможностей и от своего мобильного телефона. Таким образом, интернет и мобильные технологии выступают сегодня естественным ключом к адаптации слепых и слабовидящих людей с социальной среде. Однако исследование показало, что люди, теряющие зрение в зрелом возрасте испытывают значительные трудности в адаптации. Они, как правило, сознательно отдаляются от привычной социальной среды (друзей), не стремятся к реадаптации, замыкая свой круг коммуникаций на ближайших родственниках: «Сию дома, жду, когда родители придут, прочитают SMS, которое я получила». Слепые и слабовидящие с детства, хотя и имеют более высокий потенциал к адаптации, выстраивают коммуникативные связи в довольно замкнутых группах, основанных на принципах взаимоподдержки и взаимопомощи. Подобная ситуация закладывается в интернет-сообществах, параолимпийских секциях, поддерживаются активностью в рамках ВОЗ. Внутри подобных групп выделяются внутренние авторитеты, которые консультируют и оказывают помощь остальным членам по тем или иным вопросам. Одной из актуальных тем является «мобильная связь и использование телефонов»: «У нас обществе (ВОС) есть специалист, он нам рассказывает про телефоны, помогает их выбрать». В целом же частота использования мобильной связи слепыми и слабовидящими людьми схожа с использованием людьми с нормальным зрением. Данная категория людей сегодня не испытывает существенных трудностей при удовлетворении своих коммуникативных потребностей посредством мобильной связи. Однако существуют специфические особенности использования различных видов связи разными группами. Так, голосовые функции слепыми и слабовидящими людьми используются довольно активно. Кроме того, специфической потребностью слабовидящих, проживающих в Москве, является голосовая навигация по городу, в том числе звонки, в ходе которых уточняется дорога, передается информация о текущем местоположении. Sms-сообщениями пользуется в основном молодой возрастной сегмент. Они же, как правило, являются активными пользователями мобильного интернета и не уступают в пользовании социальными сетями зрячему населению.

Стоит также отметить, что слепые и слабовидящие, по объективным причинам, довольно редко используют специализированные интернет-приложения. В ходе исследования были выделены специфические закономерности, свойственные пользователям мобильной связи, в зависимости от степени нарушения зрения. Так, незрячие люди (абсолютная слепота) предпочитают использовать кнопочные аппараты с синтезаторами речи. Они, конечно, осведомлены о возможностях современных смартфонов и, тем не менее, считают их менее удобным способом для сотовой связи. Слепые люди не пользуются мобильным интернетом, предпочитая ему компьютер с физической QWERTY-клавиатурой. Однако, мобильный интернет очень популярен среди совершающих длинные поездки в транспорте или живущие в школах-интернатах. Слабовидящие предпочитают смартфоны, активно используют их дополнительные возможности. Эта категория людей в своем поведении не отличается от пользователей с нормальным зрением: не испытывают не типичных проблем и не имеют специфических потребностей.

Таким образом, современные информационные получают все большее распространение в среде слабовидящих и слепых. У молодых и технически продвинутых пользователей сформировался спрос на специфические технические решения, которые позволяют пользоваться современными сервисами связи. Это обуславливает актуальность исследуемой темы и необходимость ее дальнейшей разработки.

Литература:

1. World Health Organization. Visual impairment and blindness www.who.int/mediacentre/factsheets/fs282/en/index.html

Современные сетевые коммуникации и угрозы в интернет-пространстве

Кузнецова К.И.

*ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия,
Ставрополь*

Современные сетевые коммуникации являются составным компонентом социальной структуры общества. Сетевые коммуникации в интернете представляют собой социальную интеракцию акторов социального взаимодействия посредством телекоммуникаций, чатов, видеочатов, форумов, социальных сетей и так далее. Благодаря сетевым коммуникациям оказывается возможным быстрое распространение информации, однако ее получение зависит от потребности в ней.

Интернет заменяет реальное общение на виртуальное, дает возможность изменить свой статус. Но не достаточно на сегодняшний день пользователи осведомлены об опасностях в интернете. Так как пользователи уверены, что Интернет это «свободное пространство, где каждый может делать, что захочет», вытекают разнообразные последствия: от опасности вредоносных программ и вирусов, онлайн-мошенничества, распространения заведомо ложной информации, неэтичной и навязчивой рекламы, похищения персональных данных, до экстремизма, национализма и так далее. Видно, что в интернете достаточно много проблем, поэтому необходимо, чтобы пользователи задумались об опасностях в глобальной сети и повышали свою грамотность в области информационной безопасности.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выделить следующие факторы информационной безопасности в интернете:

1. Нормативно-правовой фактор, представляющий совокупность распоряжений, законов, подзаконных актов об информационной безопасности в сети Интернет.

2. Институциональный фактор, характеризующийся информационным противоборством различных акторов и агентов сетевых коммуникаций в интер-

нете.

3. Интернациональный фактор, включающий совокупность взаимодействия участников процесса коммуникации в интернете на международном уровне, заключающийся в совместном использовании ресурсов глобальной сети (серверов, замкнутых сетей и так далее) для достижения каких-либо целей.

4. Функциональный фактор, представляющий потребности участников процесса сетевых коммуникаций и интеракций в информационной безопасности интернета.

Угрозы информационной безопасности для сетевых коммуникаций заключаются в заражении вирусами, взломами компьютеров, манипулирование конфиденциальной информации в мошеннических целях, распространении заведомо ложной информации.

В соответствии с целью и задачами были исследованы следующие предметные блоки: глобальная Сеть, информационная безопасность, on-line игры, социальные сети.

Пользователи достаточно много проводят времени за компьютером в день – основная масса респондентов указали от четырех часов и выше. При этом респонденты не считают себя интернет-зависимыми. Интернет, по мнению пользователей, – свободное пространство, где каждый может делать, что захочет, т.е. у них нет ограничений в данном виде реальности. Поэтому они часто сталкиваются с различными проблемами в сети. От кибербуллинга (неоднократное умышленное агрессивное поведение, направленное против кого-то с целью унижения его достоинства) до неэтичной и навязчивой рекламы. При этом задавался вопрос о том, занимались ли респонденты чем-либо незаконным. И 10% респондентов ответили положительно на вопрос. Поэтому сетевые коммуникации дают возможность совершать противозаконные действия. Что приводит к увеличению преступности. Угрозы часто подстерегают респондентов, но при этом не все до конца понимают, что такое информационная безопасность.

В основном пользователи, защищают свой компьютер с помощью анти-

вирусной программы. Люди уверены, что именно с помощью данной программы полностью защищены. Но этого не достаточно для полной защиты, необходимы специализированные знания и понимание необходимости в данных знаниях.

Социальный портрет пользователя интернета, который наиболее подвержен угрозам информационной безопасности, состоит из учеников школ, студентов первых курсов и женщин среднего и пожилого возраста. Первые категории пользователей находятся на попечении родителей и до конца не отдают отчета своим действиям. Не зная как себя защитить и правильно вести в сети Интернет (могут заходить на опасные ссылки, вскрывать опасные письма и так далее), более подвержены угрозам из интернета. Женщины не хотят признавать свою некомпетентность в использовании интернета, стараются самостоятельно работать в интернете, достаточно часто по незнанию подвергаются угрозам.

Подводя итог угрозам информационной безопасности в интернете, можно сделать некоторые выводы так же и о портрете пользователя. В основном подвержены угрозе те люди, которые не хотят признавать свою отсталость и безграмотность в сфере компьютерных технологий. И пока они этого не признают, мошенники будут обогащаться за счет них.

Предпринимательство как ресурс экономического роста

Кузнецова И.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Предпринимательство рассматривается экономической наукой в качестве одного из ресурсов развития национальной экономики. Наряду с частной собственностью оно выступает базовым институтом, составляющим основу рыночной экономики. Вопросы развития предпринимательского климата, повышения инвестиционной привлекательности и роста конкурентоспособности экономики являются ключевыми направлениями экономической политики России.

В декабря 2011 г. В.В. Путин поставил перед предпринимательским со-

обществом задачу через пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира и объявил курс на «новую индустриализацию», в результате которой в стране должно появиться 25 млн рабочих мест, а уровень инвестиций в основной капитал – составить до 25% ВВП. В экономику России в ближайшие три года предполагалось вложить 43 трлн руб. Причем не бюджетных средств, а частных инвестиций. Агентством стратегических инициатив по поручению В.В. Путина были разработаны «Дорожные карты» Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в России.

В качестве контрольных показателей успешной реализации «дорожных» карт был выбран рейтинг Doing Business («Ведение бизнеса»), подготавливаемый Всемирным Банком на ежегодной основе.

Целевым ориентиром реализации «дорожных карт» является вхождение Российской Федерации в топ-20 рейтинга Doing Business по комплексу из 10 показателей в 2018 году. В 2012 году Россия вышла на 112-е место в этом рейтинге, за год улучшив свое положение на 8 позиций. В рейтинге Doing Business – 2014 Россия поднялась на 92-е место, войдя в топ-3 стран по числу антибюрократических реформ. В обновленном рейтинге учтены преобразования, проведенные за 12 месяцев по июнь 2013 года. Чтобы занять 20-место в рейтинге России нужно в год подниматься в среднем на 18 пунктов.

Сейчас страна находится в крайне неблагоприятной экономической ситуации: санкции, снижение цен на нефть, падение курса рубля. Не понятно, можно ли в условиях стагнирующей экономики добиться реального улучшения бизнес-климата, который повлечет за собой активное частное инвестирование в производственный сектор. Директор Института экономики Руслан Гринберг в своем интервью газете «**БИЗНЕС Online**» заметил что, экономический рост в стране заканчивается, когда заканчиваются государственные инвестиции. «Надежда на частные инвестиции пока слабенькая. К сожалению, у нас очень

неразвит предпринимательский сектор»⁴⁶. Много лет государственные инвестиции были локомотивом экономического роста, но сейчас в бюджете денег нет, отсюда и стагнация.

Каковы же настроения российского бизнес сообщества? Евразийский институт конкурентоспособности (Eurasia Competitiveness Institute) и консультационная компания Strategy Partners Group по заказу Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства ОПОРА РОССИИ выполнили исследовательский проект «Предпринимательский климат в России. Индекс ОПОРЫ – 2012»⁴⁷. Исследование построено на основе опроса 6000 представителей руководства малого и среднего бизнеса, а также индивидуальных предпринимателей.

Согласно результатам опроса, несмотря на проявление кризисных факторов и наличие многочисленных барьеров для ведения бизнеса, российские малые и средние компании в секторе обрабатывающих производств смотрят в будущее с оптимизмом. Так считают около 65% руководителей компаний. Не довольны бизнес-климатом в своем регионе около 29% руководителей. При этом опрошенные гораздо критичнее комментируют ситуацию с организацией нового бизнеса. 20% предпринимателей считают, что в настоящее время начать новый бизнес «крайне сложно и невозможно», а 42% заявляют, что открытие нового бизнеса «сопряжено со значительными трудностями». Три четверти участников опроса – производственных малых и средних предприятий – дают неплохие оценки нынешнему положению дел в их компаниях.

Основным препятствием для развития производственного бизнеса предприниматели, опрошенные в рамках исследования проведенного «ОПОРА РОССИИ», считают нехватку квалифицированных кадров. Для 37% компаний

⁴⁶ Гринберг Р. Почему нынешний кризис для российской экономики имеет совсем другую природу, чем 6 лет назад // БИЗНЕС Online. 21.10.2014. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/117292/> (дата обращения: 26.10.2014).

⁴⁷ Предпринимательский климат в России. Индекс ОПОРЫ – 2012. URL: <http://www.slideshare.net/valeryaalekseev/index-2012> (дата обращения: 26.10.2014).

эта проблема зачастую так и остается нерешенной, еще 40% компаний отмечают, что при поиске квалифицированных рабочих сталкиваются со значительными трудностями. И лишь пятая часть всех компаний (21% респондентов) находит квалифицированных рабочих легко или преодолев небольшие трудности. С большим отрывом далее среди негативных факторов для бизнеса следует высокий уровень налогов и недоступность финансирования.

Гендерная идентичность и проблемы рождаемости в России

Куракина Л.М., Темникова Д.С.

Филиал ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», Россия, Сызрань, ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет», Россия, Октябрьск

Одной из важнейших проблем в современном российском обществе является низкий уровень рождаемости. Причин снижения рождаемости, угрожающей депопуляцией, множество. Значительная часть этих причин носит общецивилизационный характер и сложно поддается корреляции. Но есть и такие причины, решение которых связано с кризисом женской гендерной идентичности, утратой традиции ценностного отношения к материнству. В рамках нашего исследования (Сызрань, 2012 г.) мы сделали акцент на те аспекты кризиса материнства, которые оказывают влияние на сформированность гендерной идентичности женщин как факторе, определяющем готовность к материнству.

Гендерная идентичность – самоидентификация индивида с тем или иным *гендером*, внутреннее самоощущение в качестве *мужчины* или *женщины*. Как отмечает Н.К. Радина, женская гендерная идентичность включает несколько элементов, в частности: самоощущение женщины себя как представительницы пола, как жены или возлюбленной, как хозяйки дома, как матери и т.д. [7, с.32].

Для определения степени сформированности идентичности девушек как будущих матерей было проведено полуструктурированное интервью в трех группах женщин: 1) незамужних девушек, 2) замужних женщин, имеющих де-

тей, 3) замужних женщин, пока не имеющих детей. Общее число обследованных составило 375 человек. Респонденткам было предложено расставить наиболее значимые социальные роли. Анализ результатов исследования показал, что для незамужних девушек наиболее важными являются роли «жены/возлюбленной», «дочери» и «женщины»; для замужних женщин без детей – роли «жены/возлюбленной», «женщины» и «матери»; для замужних женщин с детьми – роли «матери», «женщины» и «жены/возлюбленной». Таким образом, среди незамужних девушек более важны роли, связанные непосредственно с ее ролью как женщины, тогда как для замужних женщин становится более важной роль матери.

Опрашиваемым было предложено описать образ идеальной женщины. При описании данного образа незамужние девушки в основном использовали определения, связанные с внешним видом женщины («ухоженная» (33,3%), «женственная» (24,2%), «красивая» (21,2%), и лишь незначительное число опрошенных упоминали о наличии такого качества, как любовь к детям (6,1%). Из десяти названных качеств материнство было поставлено ими на предпоследнее (девятое) место. Это позволяет сделать вывод о предельно низком уровне сформированности у незамужних девушек позитивного образа матери.

Что касается замужних женщин без детей, то среди них 41,7% опрошенных отметили, что «идеальная женщина – это мать». Однако и для них это не является самым важным качеством: по степени значимости оно стало третьим, уступив место таким качествам как «умная» (58,3%) и «жена» (41,9%). Тем самым, для замужних женщин, не имеющих детей, преобладающее значение имеет проявление себя как специалиста в профессиональной сфере деятельности.

Даже в группе замужних женщин, имеющих детей, значимость материнства не является первостепенной: только 27,3% упомянули о материнстве как об обязательной составляющей образа идеальной женщины. Данное качество в этой группе женщин также занимает третье место по значимости, уступая таким качествам, как «ухоженная» (40,9%) и «умная» (36,4%).

В ходе исследования интервьюируемым было предложено описать идеальную семью. В итоге об обязательном наличии детей в идеальной семье среди незамужних девушек упомянули 18,2%; среди замужних матерей – 36,4%; среди замужних женщин без детей – 58,3%. Отдельным вопросом женщинам было предложено указать то количество детей, которое они хотели бы иметь. Незамужние девушки в среднем хотят иметь 1,12 детей, значительная доля представительниц данной группы (42,4%) затруднились указать, сколько бы детей они хотели иметь в собственной семье. Что касается замужних матерей, то среднее число детей, которое они хотели бы иметь – 2,11 детей, однако фактически они имеют 1,09 детей.

Таким образом, современные девушки хотя и признают относительную важность роли матери в жизни женщины, однако по степени важности лично для них эта роль не входит в число лидирующих позиций (9-е место из 10 предложенных).

Преодолеть кризисные явления, существующие на данный момент в России, достаточно трудно. Для этого необходимо использовать целый комплекс мер, способствуя заложенному в каждой женщине стремлению к материнству реализоваться в полном объеме. Эти меры не должны ограничиваться государственно-правовой и материальной поддержкой матерей. В первую очередь, они должны быть направлены на *духовно-нравственное* преобразование общества, предполагающее возрождение традиций позитивного отношения к материнству, в том числе и многодетному, характерное для русской традиционной культуры, изучение опыта сознательного материнства, основ гармоничных семейных взаимоотношений.

Социологическое образование за пределами стандартизации

Куропятник А.И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,

Санкт-Петербург

В новых условиях образование совершает трудный переход от тиражи-

рования стандартных контуров высшего образования к конфигурациям эксклюзивного образования, предельно приспособленного к нуждам, карьерным стратегиям, морали и творческому потенциалу индивида, вовлеченного в глобальные потоки модернизации. Раскрепощение компетенций и перевод их значений в междисциплинарное, а не в сугубо социологическое поле на уровне отдельной дисциплины программы, может оказаться действительно полезным для развития привычки учиться по индивидуальным траекториям обучения. Исследование этого перехода представляет исключительный интерес для современной социологии образования.

Развитие корпоративной социальной ответственности в России: проблемы и перспективы

Ларионова А.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Сегодня просто немыслима невозможность распространения бизнеса, потому что нам все сложнее представить альтернативу свободной рыночной экономике. Некоторые компании находятся под социальным давлением. Они подвергаются требованию все большей степени прозрачности для большего раскрытия и изменения в корпоративном управлении, или же в проблемах публичного протеста против различного рода загрязнений окружающей среды, прав потребителей, прав детей, коррупции. Негативные отзывы грозят недоверием акционеров и потребителей, снижением репутации бренда, доверия к работодателю и стабильности производства, и изменению отношений к другим корпоративным активам, как материальных так и не материальных.

Большинство компаний России понимают, что их коммерческая деятельность напрямую оказывает влияние на общество, а прибыльность бизнеса связана с общественными ценностями. Российский бизнес уже встал на путь, по которому он будет идти дальше – путь социальной ответственности. При этом основной движущей силой является отчетность, в рамках которой будет происходить установление важнейших составляющих корпоративной социальной от-

ветственности – цели, видение, ценности.

Чтобы российские компании могли приблизиться к мировому уровню социальной ответственности, нужно сделать очень многое. Первые шаги компании могут выполнить самостоятельно, начав хотя бы с «инвентаризации» своей социальной деятельности. Далее нужно продолжать в направлении внедрения концепции устойчивого развития и социально-экологической ответственности в наиболее удобных формах для компаний, например, включить специальные разделы по социально-экологической деятельности компании в годовые отчеты. При этом важно выстроить формализованный постоянный диалог с гражданским обществом и властью на всех уровнях, который будет носить конкретный характер – это должен быть трехсторонний диалог. Следует отметить, что на региональном и местных уровнях власти (но не во всех регионах) уже происходит подобное взаимное движение, при чем взаимодействие осуществляется в довольно эффективных формах, социальная активность компаний приобретает более скоординированный характер. В пример можно привести следующие формы взаимодействия

Можно сделать следующий прогноз в перспективе на ближайшее 10 лет: обязательное предоставление компаниями корпоративных социальных отчетов не будет закреплено законодательно; наиболее важной задачей для российских компаний станет проработка международных стандартов и превращение их в эффективный инструмент диалога с внешним миром. Далее, уже в более долгосрочной перспективе, можно будет говорить о появлении российской национальной модели реализации социальной ответственности бизнеса и разработке централизованного национального стандарта отчетности в России.

Отчетность по корпоративной социальной ответственности должна внедряться на принципах добровольности, государственной сознательности и социальной ориентированности бизнеса. При этом необходима активная поддержка со стороны государственных органов власти (в первую очередь профильных федеральных министерств), а также исполнительных органов на местах, которые бы способствовали развитию новых форм социального партнер-

ства, проведению регулярных встреч для выработки соответствующих рекомендаций для бизнеса, что постепенно будет превращать эту деятельность в естественный признак респектабельности российского бизнеса. На всех уровнях властных структур следует активно поддерживать корпоративную ответственность бизнеса как комплексную систему, которая стимулирует планомерные социальные инвестиции бизнеса.

Проблемы связи и разрыва преемственности поколений (на примере планирования студентами своей профессионально-трудовой траектории)

Лебедева Л.Г.

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»,

Россия, Самара

В последние десятилетия в российском обществе произошла социальная трансформация в духе либерально-рыночных ориентиров. В наибольшей мере изменения в обществе сказались на более молодых группах населения [1]. Речь, в том числе, и об изменениях вариантов выбора молодежью профессионально-трудовой траектории.

Произошли многие социальные сдвиги, сказавшиеся на связи и преемственности поколений – от некоторых видоизменений вплоть до полных нарушений [2, с. 111].

Один из социологических фактов в новой России – массовая «тяга» молодежи к предпринимательству как важному варианту профессионально-трудового самоопределения, «траектории» в жизни. Об этом свидетельствуют и данные исследования с участием автора [3].

В связи с исследованием предпринимательской активности студентов проанализированы результаты опроса 500 студентов 10 самарских вузов. Численность студентов 10 выбранных вузов составляет 68,8% от общего числа студентов вузов Самарской области. Количество опрашиваемых студентов по каждому вузу – пропорционально численности студентов каждого вуза, что обеспечило репрезентативность выборки [3, с. 61].

В чем же студенты видят самореализацию в перспективе?

Так, работу по специальности выбирают в качестве пути самореализации 46%, предпринимательство по специальности – 32,8% опрошенных студентов. Работу не по специальности выбирают 7,4% и предпринимательство не по специальности – 8,6%. В целом, с предпринимательством, вне зависимости от специальности, хотят связать свою жизнь 41,4% респондентов [3, с. 61].

Общий процент студентов, которые связывают самореализацию с будущей специальностью – 83,12% [3, с. 65].

О работе не по специальности говорят 3,7% и о предпринимательстве не по специальности – 7,4% студентов (в сумме – 11,1%). Иными словами, они решили, что не будут работать и заниматься предпринимательской деятельностью по тем направлениям, знания по которым они получают в вузе [3, с. 66].

В целом, работать по специальности планируют 48,1% студентов и заниматься предпринимательством по специальности хотели бы 40,7% студентов [3, с. 66].

В других исследованиях выявлены подобные явления и тенденции – «в современных условиях профессиональное самоопределение молодежи (выбор профессии, работы) задается не столько индивидуальными факторами (интерес к профессии, индивидуальные склонности, способности, призвание и т.п.), сколько социальными, внешними по отношению к содержанию выбранной профессии» [4, с. 90]. Среди внешних факторов, в том числе – материальные интересы, престиж профессии и т.п. Можно сделать вывод, что в этой ситуации также проявился кризис во взаимоотношениях и преемственности поколений [2, с. 116]. И многие внешние факторы все чаще «играют» против семейных трудовых династий и традиционных профессий.

Исследования показывают – «в молодежном сознании фиксируется приоритет ценностей частной жизни, ориентация на личное благополучие и растущая отчужденность от традиционных социальных институтов, властных структур и дистанцирование от старших поколений» [4, с. 97]. Это говорит о серьезности проблемы нарушений в преемственности поколений.

Однако остаются надежды на новый диалог поколений – молодежь остается приверженной основным общечеловеческим ценностям и все больше ориентируется на собственную активность, инициативность и самостоятельность [2, с. 116].

В проблеме планирования студентами (и реализации в дальнейшем) своей профессионально-трудовой траектории далеко не все однозначно. Создание и развитие благоприятной для предпринимательства социальной среды зависит в большей степени не от самой молодежи (пока она – «молодежь»), а от старших поколений. Соответственно, необходимо наладить новый, по сути, «диалог поколений», в том числе – в русле целей и проблем предпринимательства.

Литература:

1. Магун В.С., Энговатов М.В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 261–327.
2. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 111–116.
3. Отчет о научно-исследовательской работе «Научное обоснование и исследование сформированности и готовности обучающегося к предпринимательской деятельности с учетом региональных процессов» (заключительный). НИР 23-12. ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет». Руководитель темы: д.ф.н., профессор Ургалкин Ю.А. Исполнители темы: доцент Лебедева Л.Г. и др. (На правах рукописи). Самара, 2012. 101 с.
4. Семенова Л.А. Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестн. Ин-та социологии. Научный электронный журнал. 2011. № 2. С. 87–105.

Совершенствование роли институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной миграционной политики

Леденева В.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, Москва*

В России сделано немало, для того, чтобы выстроить эффективную государственную миграционную политику. Однако наряду с этим существует еще огромное количество различных проблем, одной из которых является совершенствование роли институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной миграционной политики. Миграционная политика на национальном уровне – часть внутренней и внешней политики государства, от проводимой государством миграционной политики зависит, станет ли миграция позитивным и стабилизирующим фактором или, напротив, будет фактором обострения социально-экономических проблем общества.

Существует современная точка зрения, что в ряде случаев институциональные государственные структуры утрачивают ведущую роль в процессе интеграции мигрантов, такую роль в социальных и экономических отношениях между принимающей территорией и мигрантами начинают играть не политические и институциональные рамки принимающего общества, а сами мигранты. Например, так происходит при создании мигрантами различных сетевых структур, облегчающих им вхождение в принимающее общество. Это могут быть фирмы по трудоустройству, общественные организации, консультирующие мигрантов по различным вопросам, этнические общины, различные формы трансграничных связей и т.д.

В настоящее время в дискуссиях о миграции в Европе наблюдается смещение акцента от рассмотрения культурных и индивидуальных особенностей мигрантов как определяющих успешность интеграции к роли социальных институтов, воспроизводящих неравные правила игры для разных участников и для разных территорий.

Вопросы интеграции – это дело достаточно дорогостоящее. В России из

бюджета вопросы интеграции не финансируются и надо четко понимать, что только за счет государства эти проблемы решить невозможно. В вопросах реализации миграционной политики большую роль приобретает государственно-частное партнерство, взаимодействие государства и гражданского общества. В ряде случаев институциональные государственные структуры утрачивают ведущую роль в процессе интеграции мигрантов, и главную роль в социальных и экономических отношениях с мигрантами начинают играть не политические и институциональные рамки принимающего общества, а сами мигранты, формирующие новые социальные практики. Характерной чертой современной миграции является широкое развитие неформальных социальных сетей; мобилизация данного ресурса является единственным способом решения проблем для многих мигрантов.

Дiasпора также становится институтом, где аккумулируются сети, наращивается объем, улучшается качество социального капитала. Diasпора позволяет социальным сетям стать видимыми и организованными, определяет способы адаптации мигрантов к условиям принимающего сообщества. Diasпоры сегодня включаются в работу по организации помощи мигрантам по их адаптации в России, в том числе и по открытию бесплатных курсов русского языка.

Немаловажным фактором, влияющим на формирование и реализацию миграционной политики является их профессиональное обучение. Зарубежный опыт показывает, что профессиональные образовательные центры, которые создаются и финансируются государством и работодателями, способствуют повышению уровня образования мигрантов, их квалификации, что в свою очередь способствует повышению адаптационного уровня.

В России сложился определенный опыт обучения мигрантов и членов их семей в профессиональных учреждениях. В большей степени это относится к вузам, однако в учреждениях начального и среднего профессионального образования эта деятельность, хотя и осуществляется, но не всегда нормативно регламентирована и обеспечена учебно-методическими разработками.

Государственное управление, основанное на знаниях, должно ориентироваться на объективные тенденции развития миграции. Стратегический компонент в управлении миграционными процессами в скором будущем может обернуться серьезными проблемами. Такой стратегический компонент, включающий разработку и регулярную коррекцию долго- и среднесрочной стратегий управления миграцией, должен получить свое методическое и институциональное обеспечение на основе экономических и демографических прогнозов. Стратегическим ориентиром миграционной политики должно стать смещение фокуса в сторону квалифицированной миграции. Россия должна готовиться к необходимости введения программ селективной трудовой миграции, направленных на привлечение мигрантов высокой квалификации, уникальных и талантливых специалистов, для обеспечения экономики, в том числе ее инновационных секторов, высококвалифицированными кадрами.

Одним из стратегических направлений миграционной политики страны на современном этапе должно стать совершенствование создания и развития институтов гражданского общества, при этом целесообразно перенести акценты на политику закрепления востребованных мигрантов в стране.

Роль высшего образования в системе ресоциализации осужденных

Леонова Е.Ю.

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет»,

Россия, Тюмень

Рост криминализации российского общества и современные тенденции привели к необходимости реформирования уголовно-исполнительной системы. Актуальность анализа проблемы ресоциализации осужденных обусловлено тем, что сегодня на территории России зарегистрировано 556,8 тыс. преступлений, при этом каждое второе расследуемое преступление в стране совершается ранее судимым лицом. Более 80% осужденных, при поступлении в учреждения уголовно-исполнительной системы, не имеют профессиональных и трудовых навыков, либо утратили их (по данным УФСИН России). Высокий показатель

рецидивной преступности ставит под сомнение эффективность сложившейся системы исполнения уголовных наказаний и результативность ресоциализационной деятельности общественных институтов, призванных способствовать интеграции бывших осужденных в социум.

Разработка целостной и многофункциональной системы ресоциализации осужденных является одной из приоритетных задач современного российского общества. В отечественной образовательной пенитенциарной системе обучение осужденных, получающих высшее образование в исправительном учреждении, реализуется по различным формам и технологиям: Санкт-Петербургский заочный университет осуществляет образовательную деятельность на основе традиционных образовательных технологий; Московский экономико-статистический институт – на основе дистанционных интернет-технологий; Современная гуманитарная академия – на базе дистанционных спутниковых телекоммуникационных технологий обучения. При этом высшее образование для осужденных в России не имеет общепринятых базовых разработанных и утвержденных подходов, общей структуры, тенденций, направлений развития.

Апробация экспериментальной модели по предоставлению услуг высшего образования проходит с 2006 в Тюменском государственном нефтегазовом университете (ТюмГНГУ) и осуществляется кафедрой «Социологии». Особенность эксперимента состоит в том, что в процессе его реализации используется не дистанционная, а традиционная форма обучения осужденных. Важной задачей в организации учебного процесса и профессиональной подготовки являлся отбор и применение таких технологий и методов обучения, которые бы способствовали быстрому и рациональному освоению знаний студентами-осужденными. Социальный эксперимент проводился в несколько этапов. Первый этап (2006–2009 гг.) – выдвижение гипотезы и разработка модели ресоциализации осужденных, базирующейся на традиционных и инновационных образовательных технологиях, методах преодоления негативных социальных последствий, условий пенитенциарной организации жизнедеятельности. Второй этап (2006–2009 гг.) – интервьюирование осуществлялось в начале процесса

обучения осужденных. Данный метод предполагал составление социального портрета респондентов. Третий этап (2010–2011 гг.) – фокус-групповое исследование в процессе получения осужденными высшего образования (среди студентов 3–4 курсов). Позитивные изменения в процессе обучения в себе отметили большинство респондентов, указали на изменения, как в жизненных ценностях, так и своего положения в исправительном учреждении, отметили, что высшее образование дает ряд преимуществ для возможности саморазвития. Большинство опрошенных заявили, что собираются продолжить свое образование после освобождения из мест лишения свободы, что еще раз подтверждает результативность их позитивной личностной трансформации. Четвертый этап (2012–2013 гг.) – обобщение и анализ данных эксперт-опроса позволил выявить критерии ресоциализации личности в результате апробации экспериментальной авторской модели. Пятый этап (2012–2013 гг.) – интервьюирование проводилось среди бывших осужденных, после завершения их процесса обучения. Данные интервью свидетельствуют, что все респонденты, оказавшись на свободе, социально интегрировались в общество, наблюдалась успешная их ресоциализация: практически все выпускники создали семью, некоторые сделали успешную карьеру, имеют перспективные планы на будущее.

Полученные результаты апробированной экспериментальной модели ресоциализации осужденных в условиях образовательного пространства высшей школы на базе пенитенциарного учреждения полностью подтвердили авторскую гипотезу, согласно которой, студенты, обучающиеся в условиях социальной эксклюзии, социально-психологического прессинга и ограничений, в процессе образовательной деятельности сформировали навыки самовоспитания, самоорганизации, как на личностном, так и поведенческом уровнях. Результаты экспериментального исследования дали основание утверждать, что именно получение высшего профессионального образования в условиях исправительного учреждения меняет социальный статус заключенного, осуществляет позитивную трансформацию его личности, что способствует закономерной интеграции осужденного в социум.

Социологическое обеспечение эффективности менеджмента в рекламной деятельности

Ли С.А.

*Уфимский государственный авиационный технический университет, Россия,
Уфа*

Серьезное обострение конкурентной борьбы на региональных рынках рекламы в последние два–три года вызвало насущную потребность формирования методологической и информационной базы для повышения эффективности управления в рекламной деятельности. Основой создания подобной базы могут послужить результаты регулярно проводимых социологических исследований и мониторингов.

Простейшие схемы работы с различными каналами рекламной информации, которые с успехом использовались менеджерами еще три–четыре года назад, в настоящее время не приносят ожидаемого эффекта. Сложившаяся ситуация объясняется рядом объективных обстоятельств: резкое увеличение рекламных изданий, качественный скачок в развитии наружной рекламы. Заметно возрос объем телерекламы, размещаемой как на центральных, так и на местных каналах телевидения, наконец, на рекламном рынке работают сотни агентов и рекламных агентств. В сложившейся ситуации перед менеджерским корпусом предприятий-рекламодателей встала задача перехода на новый качественный уровень работы на рынке рекламных услуг. Эта задача тем более актуальна, что динамичный рост новых для нашего рынка рекламных услуг и форм деятельности настоятельно требует увеличения рекламных бюджетов. В таких условиях рекламные менеджеры многих фирм вынуждены действовать, полагаясь на свою интуицию, указания начальства или уговоры рекламных агентов и агентств. К сожалению, выбирая комплекс тех или иных рекламных мероприятий, менеджеры редко задумываются о методах оценки их эффективности и связи с маркетинговой стратегией фирмы. Зачастую используется немудреный прием копирования западных образцов или попытка реализации определенных

схем из учебных пособий. Особое место в практике провинциальных менеджеров по рекламе занимает подражание конкурентам. Причем это делается без учета реальной ситуации и приводит к нулевым, а то и отрицательным результатам.

Однако даже в условиях недостаточно развитой инфраструктуры информационных услуг разработка эффективной рекламной стратегии вполне по силам рядовому менеджеру средней или малой фирмы. Путь к успеху лежит не столько через разработку оригинальных рекламных акций, сколько через кропотливую работу по сбору информации о состоянии рекламы в определенном секторе рынка, об активности на нем конкурирующих фирм, о социальных и демографических параметрах потребителей. Затем на основе собранных данных можно построить структуру целей и задач рекламной стратегии для реализации ее в конкретных акциях и мероприятиях. Подобный подход позволит не только усилить предполагаемый эффект от рекламной кампании, но и даст возможность его проконтролировать. С другой стороны, это позволит оптимизировать расходы на рекламу, которые составляют у многих фирм немалую часть расходной части их бюджета.

Для иллюстрации и эмпирического обоснования выдвинутых положений можно указать, что автор в течение 12 последних лет в должности социолога участвовал в разработке системы информационно-аналитического обеспечения деятельности дирекции распространения и рекламной службы ООО «Комсомольская правда в Башкортостане». За это время удалось разработать и запустить систему взаимодополняющих различных видов мониторинга от полугодового измерения объемов аудитории «Комсомольской правды» и ее конкурентов в регионе до ежемесячного измерения объемов рекламы в печатных периодических изданиях и еженедельного измерения объемов продаж на конкретных точках реализации. Каждый из данных видов мониторинга опирался на определенные социологические методы исследования. Так, измерение аудитории изданий региона основано на результатах социологических опросов, проводимых известной компанией TNS Gallup media. Измерение объемов рекламы и созда-

ние на ее результатах компьютерной базы данных осуществлялось с помощью методов контент-анализа с применением цифровых технологий. А еженедельный мониторинг продаж проводился в форме анкетного формализованного интервьюирования. Кроме этого активно использовался метод фокус-групп для выявления предпочтений целевой группы читателей и подписчиков «Комсомольской правды». Все указанные виды мониторинга дополнялись анализом их результатов и внедрением в практическую деятельность менеджерского корпуса рекламной службы.

Результатом разработки и внедрения подобной системы мониторингов в последние четыре года явилось повышение объемов рекламы, размещенной в газете «Комсомольская правда» в Башкирии на 67%. А уровень эффективности работы каждого менеджера рекламной службы за это период вырос в 3,6 раза⁴⁸.

Таким образом, предлагаемая концепция социологического обеспечения менеджмента рекламной службы указанного предприятия, подтвердило свою высокую эффективность как методологическая основа управления рекламной деятельностью в современных условиях.

Оценка населением межнациональных отношений в Забайкальском крае

Лига М.Б., Щеткина И.А.

Забайкальский государственный университет, Россия, Чита

В современных условиях одной из проблем развития российского общества стало обострение межнациональных отношений, вызванное как глобальными, так и российскими факторами. Одним из основных факторов, оказывающих влияние на межнациональные отношения в Забайкальском крае, является его историческое развитие и полиэтничность. В то же время, на восприятие межнациональных отношений, их оценку участниками исследования, оказывают влияние конфликты, происходящие на национальной почве в других регионах России, средства массовой информации. Неприязнь жителей края вызывает

⁴⁸ По данным группы мониторинга рекламной службы ООО «Комсомольская правда» в Башкортостане».

скорее не национальность, приехавшего населения, а его образ жизни, который не соответствует нормам, регламентам образа жизни забайкальцев. Межнациональная обстановка в Забайкальском крае стабильна, забайкальцем присущ высокий уровень толерантности.

Распад Советского Союза породил множество проблем, связанных с ростом межнациональных конфликтов. В этих условиях важным становится формирование толерантного сознания представителей разных этносов, укрепление целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, традиций и обычаев, обеспечение межнационального мира и согласия, гармоничных межнациональных (межэтнических) отношений. Решение этих вопросов окажет позитивное воздействие на состояние социальной безопасности субъектов Российской Федерации.

Сегодня особенно значимым становится решением вопросов, связанных с формированием толерантности населения, регионов России, которые не являются самостоятельными национальными территориями. Забайкальский край принадлежит к таким территориям.

Забайкальский край – полиэтничный регион. В этническом составе преобладают русские. Их численность составила 1 062 868 человек. Следующее место в этнической структуре края занимают буряты – 115 606 человек. Третье место по числу проживающих занимают украинцы – 12 033 человек.

Межнациональная безопасность в крае определяется отношением между национальностями, проживающими на территории Забайкалья. По результатам проведенного исследования, можно выделить два кластера. Первый кластер включает в себя респондентов, не испытывающих неприязни, раздражения к другим этносам (60,1%). Второй кластер включает респондентов (23,9%), имеющих неприязнь к другим нациям. Национальный фактор не является важным при личном общении с другими нациями для 38,8%, для 41,4% этот фактор иногда является важным, иногда нет. 89,4% респондентов родным языком называют русский язык. Все это свидетельствует о высоком уровне толерантности населения забайкальцев, что связано с особенностями исторического раз-

вития Забайкалья, его полиэтничностью.

Неприязнь жителей края вызывает скорее не национальность, приехавшего населения, а его образ жизни, который не соответствует нормам, регламентам образа жизни забайкальцев.

Результаты исследования свидетельствуют, что, несмотря на то, что большую часть населения беспокоят межнациональные проблемы, рост межнациональной напряженности, в целом население края в вопросах межнациональных отношений проявляет спокойствие. На состояния беспокойства межнациональными проблемами, скорее всего, оказывают влияние средства массовой информации, теракты, конфликты на национальной почве в других регионах России.

Оценивая отношение жителей Забайкальского края к межнациональным отношениям, следует обратить внимание на тот факт, что оно часто носит ситуативный характер, детерминируется событиями, происходящими на уровне других субъектов РФ. Кроме того, существует достаточно большой процент респондентов, затрудняющихся дать ответ на поставленные в исследовании вопросы. В связи с чем актуализируется необходимость выяснения причин этого явления.

Несмотря на то, что вербальная готовность населения Забайкалья участвовать в конфликтах на межнациональной почве незначительна, необходим постоянный мониторинг протестного потенциала забайкальцев, как необходим мониторинг состояния межнациональных отношений в Забайкальском крае.

Работа выполнена в рамках реализации гранта ФГБОУ «Забайкальский государственный университет» по теме «Реинжиниринг в управлении качеством жизни»; в рамках гранта на предоставление субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям Забайкальского края.

Коммуникативное поле выбора жизненных стратегий

в современном обществе

Липатова М.Е.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

С начала реформ конца 80-х – начала 90-х годов XX века, в нашей стране стал активно вводиться и поддерживаться либеральный порядок, возможность выбора, плюрализм не только мнений, но и убеждений, верований, культур, формы жизни, традиций и т.д. Происходит размывание границ вследствие глобализационных процессов, взаимопроникновение культур, традиций, ценностей и т.д. Начало перестройки всех сфер жизни общества, затронувшее практически все социальные институты продолжается и по сей день, затрагивая все сферы жизнедеятельности.

Следует так же отметить еще один фактор, который оказывает серьезнейшее влияние на развитие общества и проявляется в жизнедеятельности его членов. Это рост показателя нелинейности развития и, наряду с этим, рост неопределенности, неустойчивости общественных систем. Изменения в нашей стране за последние двадцать лет привели к возникновению социальной среды, которая, по мнению ряда ученых, характеризуется социальной неопределенностью. Социальная неопределенность описывает такое состояние общества, или социальной группы, когда происходит деформация всех привычных структур и морально-нравственных устоев в условиях кризисов или социальных реформ⁴⁹. Это ведет к возникновению различных рисков в общественной жизни и в жизни отдельного индивида.

Понятию неопределенности значительное внимание уделялось в экономической науке и математике, а также социологии. Необходимость выбора из нескольких альтернатив при принятии решения предполагает вступление в поле неопределенности, когда невозможно предсказать, спрогнозировать исход, результат данного решения. Неопределенность связана с недостаточностью информации или сложностью прогностического ее использования. Как правило, с ней сталкивается каждый индивид, когда необходимо принять решение и встает вопрос о предугадывании результатов или последствий принятого решения.

⁴⁹ Смакотина Н.Л. Социальная неопределенность // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль. 2003. С. 42.

Жизненные стратегии представляет собой ориентирование человека в отношении своего будущего, постановку целей и выбор адекватных инструментов по их достижению. Это система предполагает реализацию на нескольких уровнях вполне конкретных шагов, каждый из которых подлежит оценке и предположению о его дальнейшей работе в системе. Важным элементом является постановка целей, на которую в значительной степени оказывает ценностная система индивида, а также мнение ближайшего окружения, которое, в свою очередь, может оказывать формирующее влияние на эту систему ценностей.

Процесс принятия решений и осуществления сознательного поведения направлены на изменение будущей ситуации и опираются на умозаключения, полученные из наличной у индивида информации. В каждом из данных процессов возможно присутствие неточностей и ошибок в силу того, что человек никогда не обладает всей полнотой необходимых знаний, и не может точно сказать, к каким последствиям приведут его действия. Помимо этого, сама реализация планов не отличается большой степенью точности. Поэтому устранению неопределенности способствует не только получение большего объема информации, но и возможность провести ее экспертную оценку.

Согласно данным опроса молодежи России, проведенного автором в 2013–2014 гг. молодые люди при определении целей ориентируются на своих близких родственников, друзей и значимых других (50%). Рассчитывают на поддержку родных и близких в решении своих стратегических задач 19,8% респондентов. При этом основная часть опрошенных ставит цели только на ближайшее будущее (38,7%) или на ближайшее и отдаленное будущее (30,6%). Однако оценка успеха в реализации жизненных планов существенно различается – в успехе уверены 21,5, тогда как неуверенность проявляются 46,7%. В качестве основных препятствий реализации жизненных планов были отмечены обстановка в стране (24%) и нехватка знаний (10,4%)

Современное общество вследствие его динамичности в значительной степени характеризует неопределенность, как важнейшая характеристика. Значительное повышение уровня неопределенности ведет к разрушению целесооб-

разного поведения. Однако следует отметить и положительные аспекты существования некоторой неопределенности, неустойчивости и незавершенности ситуации при конструировании жизненных стратегий. Такого рода факторы стимулируют активизацию поисковой активности, работу фантазии, творческого начала и развитие индивида в целом.

Социокультурные модусы здоровьесберегающего поведения православной студенческой молодежи

Лисина О.В.

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Россия, Казань*

В докладе представлен социокультурный анализ здоровьесберегающих практик, эталона здоровья и болезни, особенностей образа жизни студенческой молодежи г. Казани в зависимости от степени реализации религиозных традиций. Мы попытались эксплицировать здоровьесберегающее поведение, витальную компетентность и жизнестойкость в границах пространства социокультурных модусов современного православного студенчества. Социокультурный модус – это «культурно установленные поля самореализации людей как представителей общества и культуры» [1], такие как деятельность, ценностные представления, социальная коммуникация, социализация и др. Совокупность модусов представляет собой систему социокультурного единства с соотношением устойчивого и изменчивого. Каждый социокультурный модус имеет институциональное культурное измерение, легитимные модели поведения определенного времени-пространства и предполагает их освоение.

Здоровьесберегающие практики верующей студенческой молодежи – это результат работы механизма поиска, обнаружения, присвоения смыслов, духовных ориентиров, базирующихся на моральных нормах, ценностях исповедуемой религиозной веры и воспроизведения смысла их содержания в субъективной интерпретации. Социокультурная идентификация в контексте религиозного мировосприятия самодетерминирует здоровьесберегающее поведение ве-

рующих студентов через православный социокультурный эталон здоровья. В случае студенческой молодежи с менее реализованными религиозными традициями и неверующими студентами, выбор здоровьесберегающих практик основывается на субъективном отражении доминирующего, универсального социокультурного эталона и оценке объективных условий социальной среды.

Выявление социокультурной специфики здоровьесберегающих практик и обыденных представлений о здоровье-болезни православных студентов осуществлялось в рамках интегративно-эkleктического подхода, с помощью взаимодополняющих друг друга количественного и качественного исследования. В рамках социокультурного модуса образования применялся количественный метод – анкетирование студентов КНИТУ и КДС; модуса ценностей – качественный метод (полуформализованное интервьюирование); генетического модуса социализации – методика С. Мадди «*Hardiness Survey*», преобразованная Д.А. Леонтьевым в «Тест жизнестойкости».

Анализ качественных данных показал, что социальные представления верующих студентов о здоровье исходят из нескольких детерминирующих признаков и подходов: 1) отсутствие патологий, болезней, недугов (нормоцентрический подход); 2) нормальное, обычное состояние организма, когда здоровье подразумевает совокупность среднестатистических норм поведения (нормоцентрический подход); 3) целостность физического, психологического, социального благополучия (системно-холистический подход); 4) здоровье как ценность (аксиологический подход); 5) ресурс, позволяющий полноценно выполнять социальные функции (инструментальный подход); 6) баланс, гармония внутреннего и внешнего, равновесие организма и среды (адаптационный подход); 7) объяснение проблем со здоровьем объективными причинами, попытка упорядочивания социальных фактов (этнометодологический подход).

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы: – специфика духовного профиля образования и профессиональная направленность влияет на информированность воспитанников в области витальных ценностей, здоровья и способах воспроизводства, развития жизненных сил; –

воспитанники КДС продемонстрировали однозначное преобладание духовно-ценностных смыслов здоровьесберегающего поведения; *студенты* КНИТУ технологической и гуманитарной профессиональной направленности мужского пола исходят из материально-целевых смыслов; – студенты технической специальности КНИТУ чаще всего применяют оздоровительные практики, нацеленные на приумножение ресурсов здоровья, такие как – медицинские, легитимные и реже – нетрадиционные; *здоровьесберегающие практики студентов гуманитарной специальности КНИТУ наиболее разнообразны, к ним относятся* оздоровительные медицинские, легитимные, нетрадиционные практики, духовные практики оздоровления и различные способы самолечения; – здоровьесберегающие практики воспитанников КДС максимально близки к локальному социокультурному эталону: православные, псевдоправославные практики оздоровительной и сохранительной направленности, легитимные;

Таким образом, традиционное духовное воспитание развивает гиперболизированное значение гуманистических и витальных смысложизненных ценностей, нравственно-нормативных ориентиров поведения, способствуя формированию особой формы религиозно-детерминированного здорового образа жизни.

Литература:

1. Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни: методическое пособие по курсу «Культурная антропология». М.: ГАСК, 2002. С. 82.

Институциональный аспект репродуктивного поведения

Литовка В.А.

ФГБОУ ВПО Кубанский государственный технологический университет,

Россия, Краснодар

В статье рассматривается влияние институциональных механизмов на репродуктивное поведение. Среди основных институциональных механизмов, воздействующих на репродуктивное поведение можно выделить, во-первых,

культуру, которая через систему моральных и религиозных норм влияет на репродуктивные установки, предписывает определенные способы контрацепции; во-вторых, государство, через целенаправленную демографическую политику пытается воздействовать на увеличение рождаемости, используя, прежде всего, экономические меры; в-третьих, система здравоохранения, через сеть женских консультаций, родильных домов, поликлиник способствует медикализации репродуктивного поведения человека; в-четвертых экономическая ситуация, проявляющаяся через уровень денежных доходов населения, обеспеченность жильем, статус на рынке труда, профессиональный статус и влияющая на репродуктивные установки.

Важным институциональным регулятором репродуктивного поведения личности, является репродуктивная культура. Репродуктивная культура, являясь частью общечеловеческой культуры, представляет собой сложное и многогранное явление повседневной жизни человека и включает следующие разделы: первый раздел определяет способы и действия людей и называется нормативной репродуктивной культурой; второй раздел – идейная репродуктивная культура. Она охватывает убеждения, взгляды, идеи и определяет характерные способы мышления. Третий раздел – материальная репродуктивная культура. Сюда относятся предметы и инструменты, созданные человеком. Перечисленные выше разделы являются составными частями репродуктивной культуры и в совокупности образуют единое целое.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что репродуктивная культура – это часть общечеловеческой культуры, которая представляет собой совокупность ценностно-нормативного комплекса, регулирующего репродуктивное поведение человека посредством норм, ценностей и санкций, а также комплекса органов и организаций, обеспечивающих их реализацию.

Репродуктивная культура обеспечивает регуляцию общественных отношений, поддерживает существующий социальный порядок, транслирует накопленные знания и опыт от поколения к поколению и выполняет следующие универсальные функции: социокультурной регуляции, социокультурной адапта-

ции, социокультурной коммуникации, информативная функция. На основе проведенного анализа было выявлено, что во всех мировых религиях сознательное применение любых средств контрацепции, направленных на уничтожение эмбриона или препятствующие наступлению беременности всячески порицаются и приравниваются к убийству и являются страшным грехом.

Кроме проблемы массового применения искусственного прерывания беременности, низкого уровня рождаемости и растущего количества заболеваний передающимся половым путем, в современном обществе остро стоит проблема бесплодия. В современном российском обществе физическая невозможность реализовать свое желание родить ребенка проблематизируется окружающими, становится маркером дефектности, патологией не медицинской, а социальной. Сегодня проблема бесплодия может рассматриваться как социальная, социально-психологическая, биологическая и медицинская. Проблема бесплодия породила многочисленные этические споры о способах ее лечения. Современные биомедицинские технологии позволяют успешно бороться с проблемой бесплодия, однако это вмешательство в природу человека, порождает вопрос об этичности их применения. Решение проблемы бесплодия напрямую связано с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). С применением ВРТ под сомнение поставлены фундаментальные этические взгляды, которые также являются базовыми для правового регулирования. Новации в медицине оказались неадекватными традиционным концепциям жизни и смерти. Применение ВРТ для лечения бесплодия входит в противоречие со сложившимися представлениями о «таинстве зачатия», невмешательстве человека в «Божьи дела» и вызывает серьезные споры среди специалистов по теологии, этики, юриспруденции, а также среди ученых и врачей. Таким образом, реализуемая в России концепция демографической политики направленная на увеличение рождаемости, акцентирует внимание на улучшении медицинского обслуживания и социально-экономических условий жизнедеятельности населения. Однако данная макропрограмма не учитывает объективные тенденции в развитии социокультурных механизмов, регулирующих репродуктивное поведение.

Улучшение социально-экономических условий не всегда влияет на личностные смыслы продолжения рода, укрепления ценности материнства, отцовства и детства.

**Социальные измерения университетов:
методология и международный опыт**

Ионов А.А., Губин О.И.

*Институт развития образовательной политики МГУ имени М.В.Ломоносова,
Россия, Москва*

Глобальная конкуренция охватывает все большее число институтов современного общества. Этот процесс затронул национальные системы высшего образования и, конечно, же, высшие учебные заведения.

В связи с этим в начале XXI века в мире наряду с экономическими рейтингами появились глобальные рейтинги университетов. Их создатели поставили перед собой задачу определить степень конкурентоспособности университетов.

В настоящее время наиболее широкое распространение получили три глобальных рейтинга университетов: Всемирный рейтинг университетов Times Higher Education (THE) World Universities Rankings, Рейтинг лучших университетов мира QS World University Rankings, Академический рейтинг университетов мира Academic Ranking of World Universities (ARWU). В этих рейтингах конкурентоспособность университетов определяется по показателям наукометрии, качества образования и интернационализации.

Однако существующие рейтинги не правомерно не отражают социальную функцию университетов. Совокупная миссия университета – это не только центр образования и научных исследований, но и центр культуры, который несет социальную функцию и является институтом развития общества.

Поэтому не случайно, что социальное измерение, служащее, по мнению министров образования стран участниц Болонского процесса, увеличению конкурентоспособности Европы, является важным составляющим элементом Ев-

ропейского пространства высшего образования и необходимым условием для его привлекательности в условиях международного соперничества.

В настоящее время не существует комплексных исследований, которые охватывали бы все необходимые аспекты социального измерения высшего образования. Затрудняет анализ и тот факт, что отсутствуют статистика и согласованные требования к показателям сопоставимости информации о социальных аспектах высшего образования.

Однако поиск адекватных показателей и индикаторов социального измерения высшего образования и университетов осуществляется в разных странах. Особое внимание вопросам социального измерения высшего образования уделяется в странах участниц Болонского процесса, в международном рейтинге, проводимом Институтом образовательной политики в Торонто (Канада), а также в национальном рейтинге одного из ведущих научно-популярных журналов США «Washington Monthly». В новую многомерную международную систему рейтингов университетов U-Multirank, не ослабляя внимание к научно-образовательной деятельности и интернационализации университетов, через опросы студентов включена оценка социальной функции университета.

Вместе с тем методология социального измерения конкуренции университетов может быть использована как для реализации комплексного анализа и оценки деятельности вузов, учитывающей многообразие национальной системы высшего образования и обеспечивающей всестороннюю оценку качества высшего образования в России, так и для продвижения российских вузов в глобальное образовательное пространство. Она может служить инструментом оценки и сравнения вузов между собой, повышения их конкурентоспособности и стратегического развития.

Таким образом, относительно короткая новая история существования глобальных университетских рейтингов показывает, что данный информационно-аналитический инструмент постепенно превращается в один из значимых элементов конкурентной борьбы и образовательной политики.

Трансформация безопасности личности в современных виртуальных социальных средах

Лонцов В.В., Третьякова И.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Современное российское общество под влиянием глобальных процессов и социальных, экономических и политических вызовов переживает сложный период в своем развитии. За последние два десятилетия, в условиях реформирования всех сфер жизнедеятельности личности, произошла ломка устаревших ценностных ориентиров советского периода и формирование новой системы ценностей и новых социальных отношений. Снижение уровня нравственной культуры, проникновение в общественное сознание сомнительных духовных ценностей ведут к негативной тенденции – переходу российского государства в разряд периферийных социокультурных систем.

В этой связи особое значение приобретает объективный анализ реального состояния противоречивых процессов и тенденций духовной жизни российского общества. Наблюдаемые крайне негативные процессы и явления, связанные с кризисом основных институтов социализации личности, с активным насаждением и подменой основ существования гражданского общества стандартами общества потребления, воспитания молодого человека не как гражданина, а как простого потребителя тех или иных товаров и услуг.

Формирование личности в условиях той стадии информационного общества, в которую вступило человечество в конце XX века, требует от индивида свободного владения современными информационно-коммуникационными технологиями. Современные телекоммуникационные технологии создают благоприятные условия для познавательной деятельности, образования, общения, организации досуга. Молодежь использует интернет главным образом для общения (в основном в социальных сетях и других подобных виртуальных сообществах) и поиска информации, которая необходима для образовательного процесса. Владение современными информационными технологиями позволяет приобретать новые знания об окружающем мире, а некоторым также и зарабо-

тывать деньги. Те, кто использует современные информационные технологии, обладает большей социальной мобильностью.

С развитием новых технологий появляются и новые способы взаимодействия между людьми. Настоящее время можно охарактеризовать колоссальным проникновением глобальной Сети в жизнь людей. Без нее немислима жизнь современного человека. По данным ВЦИОМ в качестве целей пользования интернетом респонденты называют в первую очередь поиск необходимой информации – 65%, во вторую – использование социальных сетей (54%), и в третью – использование электронной почты и ведение переписки – 31%. А 82% пользователей интернета имеют хотя бы один аккаунт в социальной сети.

Следует заметить, что, во-первых, согласно статистическим данным, растет не только размер интернет-аудитории, но и регулярность пользования Сетью. Так, квартальный прирост интернет-пользователей, выходящих в Сеть хотя бы раз за месяц, составил 6%, а годовой – 15%, тогда как для суточной аудитории данные показатели составили 9% и 22%. Это свидетельствует об интернет-зависимости людей. Интернет используется не только в случаях необходимости, но и когда можно обойтись и без него. Например, нередки случаи, когда друзья собираются вместе и все сидят с телефонами в интернете. Особенно данная проблема касается подростков.

Во-вторых, общение в интернете характеризуется анонимностью пользователей. Это может привести к таким последствиям, как рост преступности, клевета, кража личной информации и т.д.

В настоящее время коммуникация в социальных сетях оказывает колоссальное влияние на установки и модели поведения людей, и более того, даже сильнее, чем такие традиционные социальные факторы как групповая принадлежность и социальное окружение личности. Следует отметить и отрицательное воздействие современных информационных технологий на процесс социализации молодежи. Одновременно, проведенные исследования говорят о незыблемости базовых ценностей, они остаются доминирующими для молодежной аудитории. На основе анализа ответов респондентов на вопрос о самых

важных жизненных ценностях можно сделать вывод, что главными студента называют такие ценности, как семья, далее любовь и наличие верных друзей, здоровье, образование и высокий уровень культурного развития, и затем уже материальная обеспеченность и карьера. Особо хочется отметить, что молодежь как большая часть аудитории виртуальных социальных сообществ настроена в целом весьма патриотично и верит в грядущее возрождение России. Подавляющее большинство положительно относится к патриотизму, значительная часть молодежи осознает свою значимость в происходящих вокруг России социально-политических процессах и готова в условиях обострения в настоящее время отношений России и западного мира из-за событий на Украине внести свой посильный вклад в возрождение российского общества и государства, в обретение нашей страной полномасштабного суверенитета.

Социологическая теория туризма: от социальных практик к концепции мобильностей

Лысикова О.В.

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., Россия, Саратов*

В понимании туризма как глобальной культурной матрицы с многоуровневыми факторами социального, экономического, политического порядка особую роль сыграла социология. Результативность научных исследований в рамках проблемного поля социологической рефлексии туризма на примере локального российского опыта не успевает за интенсивностью перемен в этой сфере. За последние двадцать лет социальные изменения в практиках российских туристов, их реальные и виртуальные смыслы, символические значения существенно опережают теоретическое осмысление.

Актуальность темы состоит в исследовании социальных условий создания, трансляции и воспроизводства идей, представлений и образцов поведения, реализуемых туристами в своих социальных практиках. В туризме наблюдается плюрализм жизненных стилей, что отражается в эволюционном переходе от

дискурса равенства к ценности инаковости. Реализуясь в настоящем, практики туристов сочетают ретроспективные и прогностические функции, что находит реализацию в обращении к культурному наследию, коллективной памяти, семейным традициям, с одной стороны, и способствует конструированию индивидуальных жизненных стратегий – с другой.

Работа ряда международных форумов сосредоточилась на социокультурной проблематике современного туризма. Одна из сессий XVII Мирового конгресса социологов, состоявшегося в 2010 г. в Гетеборге, носила название «Досуг и туризм: предвестник решения мира и конфликта». Организаторы исходили из посыла, что туризм вносит важный вклад в культурное взаимопонимание посредством наблюдений за жизнью других людей, их достижениями, окружающей средой, что приводит к взаимному уважению. Исследователями были высказаны мнения о том, что большая часть конфликтов является результатом нехватки знания о «другом», а сознательно спланированный туризм позволяет людям испытывать влияние на себе других культур, не оставаясь сторонними наблюдателями. Поэтому сегодня как никогда актуальна проблема воздействия туризма на разрешение конфликтов и мирное созидание. В 2010 г. в рамках научного форума в Палермо состоялась Международная научная конференция на тему: «Кому принадлежит туризм? Исследование туризма в теории и на практике». Внимание участников было сфокусировано на широком спектре проблем: современный мир и понятия туризма и туриста; контекстуализация и межличностное взаимодействие; турист как посредник между культурами и носитель родной культуры; турист как чужестранец, мигрант, теоретик, обычный человек, путешественник; практика и знания современного туриста. Научные дискуссии в рамках состоявшейся в 2010 г. в Лиссабоне Международной научной конференции «Соблазны сходства: туризм и повседневная практика» сконцентрировались на проблемах включенности туристических ситуаций в повседневную практику, создания повседневных пространств через туристскую практику и опыт в урбанистическом контексте.

Именно к социологии мобильности обращено внимание Дж. Урри, осно-

вателя школы мобильности – исследовательской сети «Космобиальность», внесшего заметный вклад в академический туристский дискурс. Им предлагаются три варианта соприсутствия в путешествии: face-to-face; face-the-place; face-the-moment, составляющие символический капитал в туризме. Представляются конструктивными его идеи о повышающих социальный капитал практиках соприсутствия и коллективной этике туристов, что достигается посредством виртуальных путешествий (интернет, телевидение). Дж. Урри рассуждает о равенстве доступа к разным видам мобильности различных социальных групп, резко дифференцированных по социально-демографическим факторам, наличию символического капитала. Анализ того, почему люди путешествуют, и должны ли они путешествовать практикуемыми в настоящее время способами, приводит к выводу о сложном комплексе социальных и культурных практик, включающих традиционные и инновационные технологии, что позволяет реконструировать понятия близости и расстояния, приближенности и удаленности, застоя и движения тела.

Книга Дж. Урри «Мобильности» продолжает авторские размышления, начатые им ранее в работе «Социология за пределами обществ», о «мобильном повороте» в качестве нового способа осмысления социальных, экономических, политических отношений. В работах Дж. Урри научные дефиниции «туризм» и «турист» наполняются метафорическим содержанием и символическими смыслами. Их конструирование служит важным, но не единственным компонентом социологического мышления и воображения.

Современный туризм развивается в условиях разнообразных мобильностей, структурирующих и управляющих социальными практиками путешественников. Важным для туристов является не только возможность увидеть, но лично участвовать в событиях наряду с другими членами туристского сообщества. В рамках социологии мобильности мы находим основания для поступательного развития социологической теории туризма.

Оказание экстренной помощи населению мегаполиса: специфика и про-

блемы (по данным социологического исследования)

Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В.

*ГКБ № 1 имени Н.И. Пирогова, ГБОУ ВПО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Мин-
здравсоцразвития РФ, ОУП ВПО «АТиСО», Россия, Москва*

В данной работе дается медико-экспертная оценка уровня качества оказания экстренной помощи населению мегаполиса по данным проведенного социологического исследования.

В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вся медицинская помощь, в том числе и экстренная, стала рассматриваться как «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». Как любая услуга, медицинская помощь, таким образом, стала предметом сферы рыночных услуг. Потребитель данной услуги, оплачивая ее, имеет право в соответствии с рыночным порядком требовать ее качественного исполнения.

За последние годы наблюдалось бурное развитие коммерческой медицины, чему способствовали и реформы в системе здравоохранения. Однако, как стало известно благодаря СМИ, достоянием общественности все чаще становятся случаи нарушения медицинскими работниками своих должностных обязанностей, что привело к значительному увеличению количества судебных исков по гражданским делам к качеству оказания медицинской помощи. Поэтому сегодня есть все основания считать эту тенденцию большой социально значимой проблемой.

Согласно ФЗ № 323Ю права пациентов четко регламентированы. Иными словами, они находятся в приоритете. А вот что касается врачей, то их права никак не рассмотрены законом, что свидетельствует о правовой незащищенности медицинских работников.

Так как защита не оформлена на государственном уровне, то врачи находят «выход» в таких случаях через медицинскую документацию, которая может свидетельствовать о правильности лечебно-диагностического процесса.

Однако значительное увеличение числа медицинской документации неблагоприятно сказывается на качестве оказания этих услуг.

Авторами было проведено социологическое исследование для выявления оценки качества оказания экстренной медицинской помощи. Для изучения правовой осведомленности врачей было опрошено 80 специалистов врачей травматологов по оказанию экстренной медицинской помощи г. Москвы. Возраст респондентов от 27 до 62 лет, стаж работы от 2 до 40 лет, различных врачебных категорий. Статистическое исследование проводилось с использованием разработанных для этой цели анкет состоящих из 38 вопросов и нескольких вариантов ответов. Среди вопросов анкеты были следующие: наличие конфликтов в практике врачей по оказанию экстренной помощи, причины их возникновения и пути их разрешения; знания врачами нормативных документов, регламентирующих их профессиональную деятельность, наличие потребности в их изучении, о защищенности врачей от судебных исков со стороны пациентов, о правильности ведения медицинской документации. Было получено и обработано более 30 000 ответов.

Для изучения степени удовлетворенности пациентов оказываемой в настоящее время экстренной помощи и определения ориентировочной линии поведения в случае возникновения конфликтной ситуации авторами методом случайной выборки было опрошено 100 пациентов стационара, которым была оказана экстренная травматологическая помощь в возрасте от 18 до 82 лет различных слоев населения с различным уровнем образования. Для этого были специально разработаны анкеты, включающие 25 вопросов. Пациенты были разделены по полу и возрасту. Обработка массива полученных данных осуществлялась с использованием логического метода и статистического анализа. При изучении информации, полученной путем опроса потенциальных пациентов, был использован графический метод анализа, а именно составление диаграмм.

Также был осуществлен опрос так называемых потенциальных пациентов. Выборка была сделана среди молодого населения в возрасте до 30 лет не

случайно, так как травматизм в РФ является важной проблемой именно среди людей молодого возраста. Им были задано 12 вопросов о том как они оценивают состояние сферы медицинских услуг по оказанию экстренной помощи в г. Москва.

Результаты исследования представлены в материалах доклада.

Влияние рекламы на трансформацию социального института семьи

Лязина Ю.А.

Уфимский государственный авиационный технический университет,

Россия, Уфа

Существование и развитие любого общества невозможно без полноценного функционирования социального института семьи. Важнейшими функциями семьи являются репродуктивная и воспитательная. Таковы функции нормальной традиционной семьи – семьи, основанной на официально зарегистрированном, гетеросексуальном браке, с двумя родителями, в которой обязательно имеются дети. В такой семье отец является «главой», духовно и экономически определяющим началом ее развития, а мать – «хранительница очага», основной задачей которой является забота о появляющихся детях и муже и поддержание существующего в семье порядка. Такая семья предполагает единобрачие и родственно-семейный принцип организации жизни. К сожалению, такой тип семьи сейчас, по мнению многих, уходит в прошлое.

Отличительными чертами современных моделей семьи являются следующие: 1) первенство экономических целей индивида; 2) ценности индивидуализма, независимости, личных достижений, «эгоцентризм»; 3) переход к децентрализованным нуклеарным семьям; 4) переход от развода по инициативе мужа к разводу, вызванному межличностной несовместимостью супругов; 5) переход от «закрытой» к «открытой» системе выбора супруга на основе межличностной избирательности молодыми людьми друг друга, независимо от предписаний; 6) переход от культуры многодетности с жестким табу на применение контрацепции и прерывания беременности.

Сегодня кризис семьи и брака зачастую связывается с гендерным конфликтом, под которым имеется в виду противостояние женщин и мужчин в обществе по поводу их социальных ролей и позиций. Само наличие такой борьбы предполагает нарушение восприятия половых ролей в обществе. Биологически любой человек всегда является представителем определенного пола – мужского или женского. Процесс социализации мальчиков и девочек, мужчин и женщин существенно отличается друг от друга и предполагает усвоение ими моделей полоролевого поведения. С точки зрения В.И. Кагана, половая роль – это модель социального поведения, комплекс ожиданий, стереотипов, требований, адресуемых обществом людям мужского или женского пола. Она всегда зависит от особенностей той культуры, в которой человек воспитывается, а изменение традиционных моделей полоролевого поведения в конечном счете неизбежно приводит к разрушению всего уклада общественной жизни.

Наиболее зримо процесс разрушения моделей полоролевого поведения просматривается, на наш взгляд, при анализе результатов исследований психологов, изучающих проблему гендерных образов рекламы.

Реклама сегодня – одно из неотъемлемых явлений современной жизни. Часто в рекламе вторым планом обозначаются те социальные роли, которые должны выполнять мужчины и женщины. Рекламные образы очень сильно упрощены и стереотипизированы, но именно в таком виде они воздействуют на людей, заставляя их не только приобретать товар, но и переносить репрезентируемые рекламой стили полоролевого поведения в реальную жизнь.

И.В. Грошев отмечает, что в последнее время в рекламе образ женщины и мужчины трансформируется в совершенно непривычном для отечественного зрителя ракурсе. Через рекламу стал транслироваться образ женщины более независимой, активной, уходящей от привычной роли жены, матери, демонстрирующей на невербальном уровне высокомерную манеру поведения (при этом в подтексте можно ощутить неприязнь, которую она испытывает по отношению к мужчине). Образ мужчины при этом – инфантильный, беззаботный, безответственный субъект, не отягощенный заботой о ближних, да и в целом мало о чем

задумывающийся.

Согласно М. Фуко, предложение о товарах и услугах составляет «первичный дискурс» рекламы, а представление об обществе, взаимоотношениях в нем – ее «вторичный дискурс». Именно ее вторичный дискурс отсылает зрителя (слушателя) к другим смысловым кодам, другим, не явным, не видимым, но имеющим первостепенное значение иерархиям. В первичном дискурсе может идти речь, например, о том, насколько чисто стирает тот или иной порошок, как прекрасно работает новая кухонная техника какой незабываемый запах у этих духов и т.д. А вторичный дискурс информирует о том, кто стирает (должен стирать) порошком, кто готовит (должен готовить) пищу, кто принимает (должен принимать) решения и как надо себя вести, чтобы преуспеть в жизни. Рекламодатели, предлагая свой товар, одновременно «продают» потребителю и версию социального мира, взаимоотношений в нем. Мы покупаем не конкретный товар, а свое положение в обществе, на работе, в семье, свой образ и имидж.

Так, через рекламу предлагается не только товар, но и определенная система ценностей, образ жизни, не вписывающийся в традиционные полоролевые модели поведения и подспудно разрушающие их, а вместе с ними и всю систему взаимоотношений человека, включая семейные. Если данную тенденцию не остановить, то следует ожидать дальнейший рост личностных и социальных проблем и деструктивный путь общественного развития.

Развитие паллиативной помощи как технологии работы с инкурабельными больными и членами их семей в России

Мазайлова Т.А.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

В России, как и во многих странах, отмечается рост неизлечимых, заболеваний, которые требуют применения технологий по организации и решению социальных и медицинских проблем, с которыми сталкиваются больные и члены их семей в процессе лечения. Важно, чтобы эти технологии повышали каче-

ство жизни больного и членов его семьи, решая социальные и психологические проблемы больного.

Такой технологией является паллиативная помощь, используемая в работе с инкурабельными больными и членами их семей. Она реализуется на разных уровнях медицинской и социальной помощи. Цель технологии – улучшение качества жизни больных и членов их семей, оказавшихся перед лицом угрожающего жизни заболевания. Эта цель достигается путем предупреждения и облегчения страданий благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и купированию боли и других тягостных физических симптомов, а также оказанию социальной, психологической и духовной поддержки. Паллиативная помощь носит интегративный характер, характеризуется многоаспектностью и находится в центре взаимодействия медицины, социальной работы и психологии.

Внедрение паллиативной помощи стало актуальной проблемой как для мирового здравоохранения, так и одной из приоритетных задач развития системы здравоохранения в Российской Федерации. Международные декларации призывают все государства мира принять политические, законодательные и другие меры, необходимые для создания согласованной, последовательной национальной политики по развитию системы паллиативной помощи, а также содействовать международному сотрудничеству между учреждениями, исследовательскими институтами и другими организациями, принимающими активное участие в развитии паллиативной помощи.

В рамках Государственной программы «Развитие здравоохранения» в 2013г., впервые было закреплена целевая установка по развитию этого вида помощи в России как приоритетного, для повышения качества жизни больных, страдающих онкологическими заболеваниями. До этого паллиативная помощь была признана видом медицинской помощи в России в 2011 году, а данное определение закреплено в принятом 21 ноября 2011 г. ФЗ РФ N 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». С принятием нового закона открываются перспективы для развития паллиативной помощи в стране.

Так 21 декабря 2012 г. был принят Приказ Минздравсоцразвития России № 1343 «Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению», регламентирующий деятельность учреждений, оказывающих паллиативную медицинскую помощь.

Урени организации, и оказания паллиативной помощи в России которые должны быть реализованы на практике следующие: паллиативный подход, общая паллиативная помощь и специализированная паллиативная помощь. Паллиативный подход – это применение принципов и методик паллиативной помощи в учреждениях, не специализирующихся на оказании паллиативной помощи. Общая паллиативная помощь оказывается медицинскими работниками и специалистами, которые занимаются лечением пациентов с угрожающими жизни заболеваниями и имеют хорошие навыки и знания основ паллиативной помощи. Специализированная паллиативная помощь должна оказываться службами, основной деятельностью которых является предоставление паллиативной помощи. Деятельность служб специализированной паллиативной требует применения командного подхода, когда в оказании помощи больному участвует несколько специалистов – представителей различных дисциплин. Члены команды должны иметь высокую квалификацию, паллиативная помощь должна быть их основным родом деятельности.

В рамках работы междисциплинарной команды при реализации технологии оказания помощи социальные работники и психологи. После смерти пациента деятельность социального работника направлена на оказание психологической помощи членам семьи умершего с последующей корректировкой их личности. В настоящий момент лишь в некоторых учебных заведениях России осуществляется формирование компетенции специалистов данного профиля по соответствующей технологии. Внедрение технологии паллиативной помощи, несомненно, необходимо, но при этом возникают вопросы, связанные с поиском специалистов, обучением и созданием программ паллиативной помощи, которые бы качественно регламентировали и объединяли усилия специалистов разного направления. Так, в России отсутствуют документы, регламентирую-

щие деятельность социальных работников, психологов в рамках технологии паллиативной помощи. Например, в зарубежных странах деятельность социальных работников регламентируется документами «Стандарты практики социальной работы в учреждениях паллиативной и хосписной помощи, а также разработанная «Белая книга: стандарты и нормы хосписной и паллиативной помощи в Европе», используется в качестве методического основания существующих и новых программ паллиативной помощи на базе хосписов.

Социальный аудит – направление социологии в изучении социально-трудовых отношений

Майорова Л.В.

ФГОУ ВПО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)», Россия, Москва

Большую регулируемую значимость в обществе приобретает такое явление и технология как социальный аудит. В Проекте ФЗ РФ «О социальном аудите в РФ» «социальный аудит — метод регулирования социальных отношений в системе социального партнерства, призванный выявить и определить состояние социальной среды, в том числе: реальные угрозы и потенциальные риски обострения социальных отношений, нарушения правовых норм российского и международного законодательства в сфере социальных отношений, а также несоответствие социальной ситуации международным стандартам и этическим нормам, основные причины возникновения социальных рисков, варианты оптимизации социальных рисков, пути достижения социального консенсуса через принятие согласованных мер по развитию человеческих ресурсов».

Темы социального партнерства, социальной ответственности, социально-трудовой дисциплины, социальной справедливости, социальной стабильности, социальной безопасности общества, социальных рисков возможно рассматривать через социальный аудит, который требует четкой постановки и определения показателей и критериев исследования. Это технология позволяет

стать социальному аудиту – главной инструментом регулирования социально-трудовых отношений. В связи с этим изучение проблем в рамках социального аудита помогает набирать новые знания в области социологического теоретического и эмпирического уровней знания. Так, тема социального аудита активно внедряется в систему независимой оценки качества оказываемых социальных услуг, что позволяет очень серьезно относиться к разработке методологии и инструментария по определению показателей и критериев для их оценки.

Таким образом, социология способствует с помощью социального аудита налаживать взаимоотношения сотрудничества между гражданским обществом, бизнес-сообществом и государственной властью.

Экспертные системы как способ предоставления социологической информации

Макаров С.Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Смоленск

Социологическая информация в настоящее время приобретает особую роль с точки зрения своего определяющего влияния на процесс принятия решений. Информация, полученная в результате социологических исследований, интерпретируется многими областями современного знания: экономика, политология, менеджмент, маркетинг и т.д. Это задает новый импульс в развитии такой области социологии как способы представления результатов исследовательской работы. В данном случае речь идет о прикладном характере использования социологической информации, о механизмах, которые бы позволяли популяризировать социологию, сделать социологию доступным инструментом в повседневной работе.

Одним из таких направлений может являться использование автоматизированных оболочек экспертных систем. Экспертная система – это программа, использующая экспертные знания для обеспечения высокоэффективного реше-

ния задач в некоторой узкой предметной области⁵⁰. Для области социологического знания понятие «экспертные системы» нуждается в уточнении и может быть представлено в следующей редакции – это способ получения и использования знаний об оптимальных каналах социально-управленческих взаимодействий. В данном случае использование сочетания «социально-управленческие взаимодействия» и сама коннотация операционализации обусловлена областью авторских интересов – «социология управления».

Возможность применения экспертных систем в области социального управления связано с типизацией ситуации управленческих взаимодействий (П.: управленческие взаимодействия в организации). Хотя и здесь типичность обстановки носит относительный характер, так как при сохранении стабильности в институциональных признаках сами взаимодействия могут варьировать в зависимости от изменения культурных, целевых, технологических, индивидуальных и других характеристик организационного пространства. Тем не менее, экспертные системы используют осознанную всеми участниками процесса управления типичность для определения сущностных ее признаков и выявления уникального управленческого кода, способствующего оптимизации социальных контактов.

Организационная типичность в поведении людей делает их действия автоматическими. Иными словами, эти действия происходят без участия сознания и зависят от условий, в которых они совершаются, а не от социально-психологических особенностей тех, кто их совершает⁵¹. Именно на этом «знании», его сущностных, социальных особенностях характерных только для данной среды и строят свою работу экспертные системы. Экспертные системы способствуют более полному анализу ситуации, а также позволяют прогнозировать реакцию на те или иные формы управленческих контактов.

В этом случае алгоритмизация управленческой деятельности позволяет

⁵⁰ Johnson P. What kind of expert should a system be? // The Journal of Medicine and Philosophy. 2007. Vol. 8. P. 77.

⁵¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Гарант, 2005. С. 269.

технологизировать работу руководителя. Вариант технологии управления, состоящий из трех стадий: прогнозирование поведения, управление ожиданиями и формирование устойчивых форм поведения⁵², – сложно реализовать, используя исключительно индивидуальный управленческий опыт. Экспертные системы способствуют вовлечению руководителя в многообразный, эмпирически выверенный мир управленческих решений, необходимый для оптимизации организационных взаимодействий.

Таким образом, экспертная система – не только дополнительный ресурс, позволяющий принимать оптимальные для конкретной ситуации решения, но и модель, которая как бы дублирует процесс принятия решения руководителем, следуя с ним в определенной степени параллельными курсами.

Прикладной характер экспертной системы придает ее автоматизированная оболочка, которая позволяет пользователю, не обладающему специальными навыками в области социологии получать необходимые результаты.

Также необходимо, что конструкция экспертной системы должна представлять собой эмпирически выверенный инструментарий, построенный на основе моделирования изучаемых процессов и явлений при помощи методологических принципов социологических исследований. Это даст возможность объективизации информации и позволит экспертной системе стать прикладным инструментом в решении задач, концентрирующихся в области социологии управления.

Методические основы анализа новейших тенденций межпоколенческого взаимодействия

Макеев П.С.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Современная ситуация позволяет говорить о подрастающем поколении как об инновационной составляющей социальных преобразований, где данное

⁵²Чалдини Р. Психология влияния. 4-е изд., перераб. и доп. СПб: Питер, 2009. С. 125.

поколение станет полноценным и гласным, имеющим свое место в межпоколенческом диалоге. Автор данной работы проводит анализ различных подходов к исследованию роли детей в процессах социального воспроизводства и социальных изменений на протяжении почти 70 лет.

Социолог Э.С. Соколова описывает роль детей в диалоге со взрослыми в период с 1920-х годов до настоящего времени. Всплеск социологических исследований наблюдался в 1927 году – к 10-летию революции, когда научный интерес побуждал к тому, чтобы выявить, изменения сознания и духовного мира в том числе подростков и детей. Примерами таких исследований явились, в частности «Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника» и «Деревня». Через выявление облика советского ребенка важно было зафиксировать основные сдвиги в идеологии ребенка СССР. Качественный анализ высказываний детей помог описать процессы в стране. Вот некоторые образцы ответов: «Чтобы не было капиталистов» (м., 13л.), «Убрать всех кулаков и буржуев» (м., 10 л.), «выбить всю буржуазию» (д., 12л.). Данные ответы во многом характеризуют четко программированные поколенческие установки старших по возрасту сверстников и взрослых. Прослеживается тенденция зеркального наследования поколенческой памяти. Важно то, что использованы проективные методики, сравнения полученных данных от детей и от взрослых.

К 1927 году пионерская организация существовала уже 5 лет. Острой проблемой времени стала перезагруженность школьников. Исследование бюджетного времени пионеров дало ответы о том, как обстояли дела в действительности. Через анализ свободного времени и занятия пионеров стало возможным отследить ценностные ориентации поколения и понять идеалы молодых советских граждан. Данное исследование, подвело исследователей к выводам, что именно этой группе детей выпадет решение важнейших исторических задач – строение социализма, создание великой страны – СССР, борьба с внешней средой.

Абсолютно другая ситуация сложилась на пороге XXI века. Дети и подростки в силу своего социального статуса уже не выступают одной из движущих

щих сил общественного развития, соответственно методики по изучению детей и, конечно же, их роли в диалоге со взрослыми, строятся на других методологических основаниях. В исследованиях в период с 1987 по 2005 гг., проведенных под руководством Э.С. Соколовой, С.Б. Цымбаленко, С.Н. Щегловой, легла методика анкетирования при помощи опросника «Откровенный разговор». Было опрошено более 3000 подростков, опросы проводились посредством лонгитюдного метода. Данная методика позволила выявить сложившуюся реальность, исследовать взгляды детей и подростков в динамике, были проанализированы поколенческие настроения 1990-х гг. и выявлены основы нарастающего ценностного кризиса молодежи, подростков и всего общества. Анализ проходил по следующим показателям: «представление подростков о своем будущем положении», «отношение подростков к реформам в стране», «динамика потребности подростков в дополнительных правах», «отношение к общественным организациям» (т.е. проявление своего отношения к институтам гражданского общества, «информационное пространство»). Был выявлен нарастающий протестный потенциал, который дал о себе знать 11 декабря 2010 года, когда движущей силой протеста против властей и меньшинств стали подростки 15–18 лет, те, у кого возникла проблема с формированием собственного поколенческого мирознания, направленного на кардинальные изменения в стране с помощью интеллектуальных и других человеческих ресурсов. Данный метод позволил проследить динамические изменения в структуре поколенческих настроений молодых россиян.

Процессы модернизации и трансформаций всегда лежат в основе любых изменений, в особенности тех, которые касаются детской и подростковой субкультуры. Немецкий социолог П. Бюхнеро описал нарастающий процесс биографизации жизненного времени ребенка и подростка. Согласно его концепции, повседневная жизнь ребенка может быть описана по обнаруживаемой в его культурной деятельности степени модернизации. Ученые попытались выяснить, происходит ли (и если происходит, то как) проникновение в нынешнюю детскую жизнь современной «организации досуга» с ее повышенными требова-

ниями мобильности и квазирыночными социальными отношениями. По итогам качественных исследований группа пришла к выводам, что формируется новая стратегия понимания детско-родительского, и как следствие этого, межпоколенческого диалога. Бюхнер установил несколько форм такого взаимодействия, построенного на авторитете родителей, который в свою очередь делятся на пять качественно разных категорий: дальнейшее руководство; близкое руководство; навязчивое руководство; двойственная модель; строгое руководство. Очевидными становятся выстроенные межпоколенческие отношения «ребенок – взрослые», четко прослеживается характер коммуникации, типы воспитания и набор информации, которые дети получают от своих родителей.

Репродуктивные установки молодежи как фактор сохранения демографической безопасности (на примере исследований в Алтайском крае)

Макимова С.Г., Максимова М.М.

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», Россия, Барнаул,

НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва

Устойчивый процесс депопуляции в Российской Федерации является актуальной проблемой социально-экономического развития. Демографическая ситуация в стране перешла из разряда острейших социальных проблем в экономическое и политическое поле и обозначена термином «демографический кризис». Демографический кризис является серьезной угрозой сохранения национальной безопасности России, в частности, демографической безопасности. Проблема демографической безопасности в России и многих регионах проявляется в снижении рождаемости, повышении смертности, естественной убыли населения, ухудшении соотношения между брачностью и разводимостью и т.д.

На современном этапе наблюдаются очевидные последствия трансформации института семьи, которые в статистике проявляются в падении уровня

рождаемости и увеличения внебрачных рождений, в повышении частоты разводов, вступлений в повторные браки, распространении неофициальных супружеских союзов и т.д. Таким образом, ценностно-нормативные изменения, происходящие на социетальном уровне параллельно с модернизационными процессами, приводят к изменению индивидуальных и групповых социальных установок, связанных с созданием семьи, планированием, рождением и воспитанием детей, взаимодействию между поколениями, и в итоге воздействуют на всю систему демографического воспроизводства.

Кроме того, любые попытки управления демографическими процессами, чаще всего осуществляемые в рамках демографической политики, находят свое непосредственное отражение в изменении общественных мнений и настроений, установок и представлений, а уже затем в непосредственном поведении. Все вышесказанное актуализирует изучение семейных и репродуктивных установок как значимой детерминанты демографической безопасности, являющейся предметом нашего исследования.

Цель исследования: выявление особенностей репродуктивного поведения у городской и сельской молодежи в контексте сохранения демографической безопасности населения Алтайского края. В докладе представлен анализ данных социологического опроса методом анкетирования, населения проживающего на территории Алтайского края ($n=600$), включая молодежь в возрасте 15–29 лет ($N=150$) в 2012-2013 гг. (исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (2012–2014)).

Современная демографическая обстановка в Алтайском крае сложилась на фоне длительных неблагоприятных тенденций развития народонаселения региона более чем за 40 летний период, начиная с середины 1960-х гг. Население Алтайского края в 2013 г. насчитывало 2 млн 398 тыс. человек. Наблюдается сокращение числа жителей региона за последнее пятилетие практически на 40 тыс. человек (с 2 млн 438 тыс. в 2009 г. до 2 млн 398 тыс. человек в 2013 г.),

а с 2005 г. наблюдается уменьшение численности населения региона на 167 тыс. человек (с 2 млн 565 тыс. в 2005 г. до 2 млн 398 тыс. человек в 2013 г.).

Результаты исследования установок репродуктивного поведения молодежи как фактора сохранения демографической безопасности позволили выявить следующие особенности.

В Алтайском крае продолжается тенденция смещения репродуктивных установок в сторону малодетности. Количество бездетных и многодетных семей обуславливает исходные условия, в которых региональным властям приходится осуществлять семейную политику, а также влиять на формирование социальных норм детности, интериоризированных в представлениях респондентов об идеальном количестве детей: Городская молодежь Алтайского края в меньшей степени ориентирована на создание семьи с тремя детьми, тогда как в сельской местности для значительной части населения нормой является трехдетная модель. Установки на малодетность распространены по территории Алтайского края неравномерно, территории, сохраняющие более традиционный уклад жизни, сохраняют более высокие нормы идеальной детности, тогда как в высокоурбанизированных территориях эти нормы стремительно падают.

Разница между идеальным и ожидаемым количеством детей не превышала 0,6–0,7, т.е. наблюдалась высокая согласованность индивидуальных и коллективных норм детности. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии в обществе массовой фрустрации потребностей в детях, с другой – что эти нормы, являясь базовыми ценностными регуляторами рождаемости, нуждаются в изменении, необходимом для обеспечения демографического роста выше уровня простого воспроизводства. Наиболее эффективными региональными программами, стимулирующими воспроизводство населения, рождение второго и последующих детей, являются «Родовые сертификаты» и «Материнский капитал», которые в целом направлены на сохранение демографической безопасности в регионе.

О роли культурного фактора в обеспечении международной безопасности

Малеев А.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Обеспечение международной безопасности является сегодня ключевой политической, военной и экономической проблемой российского общества, а также мира в целом. Чаще всего безопасность изучают в контексте отражения военных угроз и обеспечения «баланса сил» в мире. Также рассматривается безопасность во взаимосвязи с экономикой – продовольственная, финансовая, энергетическая безопасность. Актуализируется также понятие «информационной безопасности». Предлагаем обратить внимание на такую проблему как взаимосвязь культуры и международной безопасности.

Будем исходить из позиций, что общество и государство это социокультурная система. Стабильность и развитие системы возможно только при воспроизводстве ценностей этой системы. Изучение границы системы и среды возможно инструментариями политических и военных наук. Однако когда взор исследователя должен быть обращен во внутреннюю среду для определения ценностей, которые воспроизводятся внутри системы, необходимо использовать социологический инструментарий.

Существуют разные точки зрения исследователей на взаимосвязь культуры и международной безопасности и степень этой взаимосвязи. Рассмотрим эту взаимосвязь и проинтерпретируем ее исходя из современной социальной обстановки.

П. Сорокин считал, что у каждой социокультурной системы есть свой собственный набор ценностей и смыслов, что позволяет провести границу между разными системами. Рассматривал ценности по следующим основаниям: 1) система знаний; 2) менталитет людей; 3) философия и мировоззрение; 4) религия; 5) нравы; 6) искусство; 7) социальные организации и отношения; 8) законы.

Совокупность культурных факторов, по мнению Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, в определенной степени детерминирует политику на государствен-

ном и международном уровнях. Соответственно культура может быть сферой, которая влияет на мировую политику и определяет многие социальные процессы. Однако в современных исследованиях мало внимания уделяется безопасности в области культуры.

Возможно, это происходит по причине широкого толкования термина «культура». Отметим, что ее не стоит сводить только к отдельным традициям, обычаям или искусствам. Культура охватывает большой спектр характеристик, поэтому в большей степени стоит обратить внимание на наработки такого направления науки, как социология повседневности.

Если военное вторжение воспринимается, как акт агрессии то информационное или культурное воздействие часто остается даже незамеченным. Вмешательство в дискурс системы является серьезной угрозой, в какой-то мере это даже есть нарушение суверенитета. В связи с этим набирают популярность такие понятия, как информационная интервенция и культурные войны.

Государства Древнего мира, Средневековья, так называемого домодерна, являлись конструктами исключительно политическими и военными. В рамках одного государства могло жить несколько разных народов со своими культурами, а один народ мог разделяться несколькими государствами. Произошедшие в Европе события актуализировали понятие нация и государство-нация, что в английском практически тождественно в рамках понятия «nation». Границы культурные и географически стали практически совпадать.

Интересна аналогия З. Баумана, который сравнивал государства домодерна с егерями, а модерна – с садовниками. Егерь следит за событиями в лесу, но не вмешивается в них, тогда как садовник занимается культивированием только желаемых растений.

Но концепт национального государства с гомогенной культурой не сложился в полной мере. Процессы глобализации, миграции, компьютеризации приводят к тому, что в рамках одного государства может существовать несколько разных общностей с разным набором кодов и ценностей. Это приводит к таким проблемам, как национализм, сепаратизм, что мы можем воочию

наблюдать на примере Украины, Испании, Великобритании и других государств. Если продолжать оперировать понятийным аппаратом модерна, то необходимо создавать некий общий знаменатель, который все народы и народности в каждом государстве сумеет объединить в общий конструкт «нация». Добившись стабильности в каждой отдельной социокультурной системе – государстве, можно рассчитывать на существенную стабилизацию всей системы международных отношений.

Междисциплинарный взгляд на проблему прекаритета

Мальшеев М.А., Мальшеева Н.С.

*Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва*

Пьер Бурдьё, в своем эссе «Прекаритет везде» определил границы термина «прекариальный». Прекаритет термин, который относится не только к трудовым отношениям, но и к личностной целостности, социальным условиям, восприятию и жизненному пространству субъекта.

Прекаритет – это состояние уязвимости и опасности, состояние неустойчивости. Прекаритет – это социальный симптом, который выходит за рамки условий рынка труда.

Развитие прекаризации ведет к недовольству статусом и отсутствию профессиональной идентификации. По мнению Пьера Бордо, при нестабильной занятости, нет не только будущего, но и истории. Нестабильная занятость – будущее большей части европейских обществ, в богатейших государствах Европы нестабильная и временная работа является «нормой» для сотрудников, нанимаемых в наше время.

Эмиль Дюркгейм, основатель французской социологической школы, уже занимался рассмотрением отдельных вопросов в разрезе различных дисциплин. Почти сто лет спустя, Пьер Бордо заново открыл и привнес на обсуждение рассмотрение вопросов в междисциплинарном разрезе.

Нестабильная занятость не является не социально-политическим, не чи-

сто социологическим явлением. Эта проблема затрагивает социально-политические, образовательные, антропологические, психологические, социопатологические, социологические, этнологические и другие аспекты.

В настоящее время, ни в одной стране мира не было проведено исследование, рассматривающего проблему с этой точки зрения.

Такой междисциплинарный подход требует выяснения целого ряда вопросов:

- новое определение «Что такое работа?»;
- социальная статистика (выработка единых критериев);
- описание возможного сопротивления прекаритету;
- антропология работы;
- статистические данные по рискам, условиям проживания, интервалам занятости;
- социально-политические проблемы: «плавающие», нерегулируемые доходы, медицинское страхование, пенсионное обеспечение.

PR-технологии в системе социальной работы

Малькова И.В.

ФГБОУ ВПО «ПетрГУ» Кольский филиал, Россия, Апатиты

Социальная работа как профессиональная деятельность в настоящий момент предлагает новые подходы, модели, формы и методы работы с клиентами с целью повышения эффективности предоставления услуг социального характера. Одной из базовых технологий в деятельности специалистов социальной сферы являются PR-технологии. А.А. Калмыков рассматривает PR-технологию как совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач субъекта управления в определенное время и в определенном месте [2].

Как отмечает О.А. Вахидова, эффективный PR способствует привлечению клиентов, увеличению количества обслуживаемых граждан и предоставле-

ния услуг, соблюдения принципа доступности социальных услуг всем гражданам. Автор говорит о том, что одним из эффективных средств PR является медийная реклама или реклама в СМИ. По словам О.А. Вахидовой, количество обращений клиентов после размещения рекламных объявлений в СМИ, увеличивается в два раза.

Межличностная коммуникация как технология PR предполагает распространение информации по каналам личного общения, которые делятся на формальные (телефонная служба, консультации специалистов и др.) и неформальные (неконтролируемые). О.А. Вахидова делает акцент на том, что технология информирования через межличностное общение хорошо работает только при условии высокой профессиональной культуры специалиста.

К средствами немедийной рекламы относятся POS-материалы, т.е. мелкая печатная продукция (календари, визитки, буклеты, флайеры, приглашения и т.д.) с корпоративной символикой.

Внутренний PR подразумевает разработку и внедрение фирменного стиля учреждения, который является самым сильным инструментом в формировании имиджа организации. Одним из механизмов внутреннего PR является внутренняя реклама, которая включает информацию о центре внутри учреждения посредством информационных стендов, досок, вывесок, корпоративных СМИ.

Событийный маркетинг предполагает продвижение образа и услуг организации за счет участия в специально-организованных событиях, во время которых достигаются маркетинговые результаты (формируется определенное впечатление об учреждении). Событийный маркетинг реализуется в форме PR-акций и PR-событий.

PR-акции носят разовый характер и формируют имидж организации (день открытых дверей, благотворительные акции).

PR-события могут носить регулярный, традиционный или творческий, и даже праздничный характер. Главная цель – создание события, яркого и запоминающегося мероприятия (выставки, фестивали, концерты, ярмарки, обучаю-

щие и т.д.)

Одной из главных проблем PR-деятельности учреждений социальной сферы является недостаточное финансирование. Выходом может послужить использование малозатратных, но эффективных форм PR, например, межличностная коммуникация, реализация совместных социальных проектов со СМИ, приглашения журналистов для освещения PR-событий, использование фирменного стиля, проведение малозатратных PR-акций (презентации, конференции, круглые столы, благотворительные акции) [1].

На основе работы О.Н. Науменко и Е.А. Науменко реализацию PR-технологий в системе социальной работы можно вести в следующих направлениях: 1) информационно-аналитическое обеспечение управленческих решений, принимаемых непосредственно руководителями. Авторы считают, что реальная оценка эффективности принимаемых решений выносится на основании изучения других мнений и настроений. Например, после публичного обсуждения перспективы внедрения той или иной социальной программы, нормативно-правового акта и др.; 2) проведение социально-психологических и социальных исследований. С одной стороны, проводимая работа поможет выявить актуальные проблемы и потребности населения, с другой – реализуется принцип информирования и взаимодействия между субъектом социальной работы, клиентом (либо потенциальным клиентом) социальной службы и средствами массовой информации [3].

Подводя итог, следует отметить, что PR-технологии в системе социальной работы представляют совокупность форм и методов, направленных на поддержание имиджа социальной организации, информирования населения о деятельности социальных служб и учреждений, и повышение его социальной грамотности, привлечения дополнительных средств для повышения эффективности и качества деятельности специалистов и т.д.

Литература:

1. Вахидова О.А. PR- технологии в практике учреждения социального обслуживания // Социальное обслуживание. 2013. № 10. С. 35–45.

2. Калмыков А.А. Системное описание PR-технологии // Оптимальные коммуникации. 2010. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/02/15/430/>
3. Науменко О.Н. Социально-психологические аспекты применения технологий связей с общественностью в работе регионального органа власти / О.Н. Науменко, Е.А. Науменко // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Психология. 2012. № 6 (265). С. 105–109. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-aspekty-primeneniya-tehnologiy-svyazey-s-obschestvennostyu-v-rabote-regionalnogo-organa-vlasti>

**Отношение студентов социологического факультета МГУ к плагиату
в научных работах (по результатам социологического исследования)**

Малахов Ф.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Группой социологов в конце апреля 2014 года был проведен опрос студентов социологического факультета. Выборку составили студенты пяти курсов, обучающиеся на платной и бесплатной основе, на дневном и вечернем отделении. В общей сложности было опрошено 323 человека.

В первую очередь нас интересовал вопрос, как студенты сами понимают и, соответственно, определяют термин «плагиат». Дело в том, что даже беглый анализ российских работ и материалов различных дискуссий, посвященных разработке данной темы, показывает, что в академическом мире сложилось как минимум несколько подходов к определению «плагиата»⁵³. В одном случае, под «плагиатом» понимается намеренное заимствование части текста у другого автора. Во втором, определение плагиата заимствовано у юристов, что накладывает свой отпечаток. Дело в том, что помимо обращения данного термина в научной практике, он также обозначен и на законодательном уровне, где имеет

⁵³ Плагиат в научных исследованиях в области социальных наук (круглый стол в НИУ ВШЭ) // Вопросы Экономики. 2011. № 5.

свое употребление. Нет ничего нового в том, что некоторые отечественные исследователи активно используют дефиниции (в частности термин «плагиат»), заимствованные из юридического дискурса, правда такое заимствование упускает тот факт, что университеты вырабатывают собственные подходы борьбы с данным явлением. Еще один господствующий подход к определению термина связан с техническим взглядом на проблему, а именно, развитием интернета, который, по мнению ряда исследователей, упрощает доступ к информации и создает хорошие условия для развития «плагиата», поэтому в его определении часто делаются поправки, указывающие на то, что материалы заимствуются из электронных источников⁵⁴. Это, пожалуй, наиболее распространенные подходы к определению термина, которые оформились в отечественном научном дискурсе. Наша же задача понять, какой из них приобрел легитимность среди студентов. Подобное понимание позволит лучше объяснить распространение плагиата в их работах, а также предположить, какие способы борьбы с ним могут быть наиболее действенными. Итогом этой части станут студенческие группы, которые мы выделим по принципу их отношения к «плагиату», и проанализируем их социальные характеристики.

Второй вопрос, который затронут в исследовании, считают ли слушатели университета «плагиат» проблемой, которая требует какого-либо решения. Как указывает Сивак, по мнению Радаева и Чирикова, преподаватели считают, что нечестное поведение студентов, к которым относится и плагиат, органично присуще учащимся, и поэтому временами достаточно терпимо относятся к данному «греху»⁵⁵. Другие исследователи, как было замечено выше, видят в распространении «плагиата» закономерную ступень развития технологий, и в первую очередь интернета и считают, что необходимо введение жестких техни-

⁵⁴ Голунов С.В. Студенческий плагиат как вызов системе высшего образования в России и за рубежом // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 243–257.

⁵⁵ Сивак Е.В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания) // Научные доклады Института институциональных исследований. WP10. Высшая школа экономики. 2006. № 06.

ческих средств, отслеживающих источники заимствования. Мы постараемся выяснить, что думают по поводу распространения плагиата студенты Московского университета, и заинтересованы ли они во введении ограничений, способных сократить плагиат в своих работах и работах своих коллег.

Полученные эмпирические данные показывают, что среди студентов бытуют различные представления о «плагиате» и нет одного доминирующего подхода к его определению. Например, если одни учащиеся считают, что «плагиат» – это «заимствование» или «копирование» материала без указания автора, то другие, наоборот, предполагают, что лишь масштабное (по их оценкам) «заимствование» чужого текста можно считать плагиатом.

Среди студентов нет четкого единого представления, какие практики в академическом мире признаются плагиатом. Низкая информированность и плюрализм восприятия свидетельствует о том, что студенты недополучают соответствующую информацию от преподавателей и академического сообщества в целом. Более того, половина студентов хотела бы больше узнавать о правилах оформлений учебных текстов из дополнительных образовательных курсов.

Свидетельство же о том, что среди трети студентов доминирующим является подход, предполагающий, что плагиат – это лишь копирование чужой информации, заставляет насторожиться. Дело в том, что данное понимание игнорирует представление о плагиате как заимствовании в первую очередь чужих результатов интеллектуального труда.

Другим важным замечанием является, что на развитие понимания о плагиате как важном нарушении морально-этических принципов делается большая ставка в современном академическом мире, при этом такое понимание среди студентов встречается редко. В представлении студентов есть огромная разница в том, где используется плагиат. Различия, которые мы получили между курсовой и дипломной работами, являются яркой иллюстрацией данного принципа (студенты воспринимают плагиат в дипломной работе, как более серьезное нарушение, чем в курсовой).

Безусловно, тревожным знаком является, что у подавляющего большин-

ства учащихся есть знакомые, использующие заказные работы и плагиат. Однако сами студенты чаще всего стыдятся таких практик и считают, что за плагиат стоит наказывать.

Таким образом, плагиат является серьезной проблемой в современном научном мире, и среди студенческой среды сформировался достаточно устойчивое представление, что использование чужих мыслей в научных студенческих работах является незначительным нарушением, но именно со студенческой скамьи начинается научная работа, и именно на этом этапе формирования исследовательской культуры необходимо формировать правильное отношение к научной работе.

Социальная функция университетов в новом коммуникативном пространстве

Мамедов А.К.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Будучи онтологически неосуществленным и неосуществимым до конца, социум являет себя в актуальном состоянии социальных целостностей, в их структурах, которые и представляют собой пространственно-временное поле социальной перспективы как результата прошлого и как потенциала дальнейшего социального изменения. Тем не менее, «незавершенность общества» [1, с. 90] не смущает познающих его субъектов. Социологические науки и концепции, анализирующие социальные процессы и элементы общества, с неизбежностью исходят из «образа» абсолютной онтологии социальных объектов и общества как целостных образований. Иначе мы придем к когнитивному «абсурду» [3, с. 90]. Социальная перспектива в значительной мере определяется всей совокупностью и целостностью актуальных состояний социальных структур. Как писал А. Уайтхед, «в структуре непосредственной настоящей актуальности заложено то, что она будет преодолена будущим» и что «в структуре настоящего запечатлены его взаимоотношения с будущим» [5, с. 89].

В последнее время европейские интеллектуалы все чаще связывают гло-

бальный кризис с кризисом образования, университетов и профессуры как некоей интеллектуальной предтечи. Понятно, что ныне мы «переживаем и проживаем» глобальный кризис, затронувший онтологические и экзистенциальные основы бытия, в частности образование и его перспективы. «Кошмары Гумбольдта», закат «эпохи мандаринов», конец европейских университетов – основная тема европейской интеллектуальной рефлексии.

Вместе с тем наука, социология в частности, не может лишь констатировать кризис, а должна его кризис актуализировать в неких теоретических конструктах с неременной прогностической функцией.

В связи с этим возникает вопрос о судьбе образовательных институтов, университетов в новой реальности и его субстратов, в лице профессуры. Академическое сообщество как некий кластер актуализировался в эпоху просвещенной монархии, где был, по сути, достигнут некий консенсус: взамен на интеллектуальную поддержку и лояльность, они (профессура) получили материальную и поддержку, академическую свободу и право на неутилитарное знание. Появление буржуазии, рабочего класса, новых акторов на политическом олимпе, а главное – изменившаяся социодинамика привела к кризису университетов. Происходит переход «от аристократии духа» к «интеллектуальному снобизму», консервативности и уходу от действительности в умозрительные схемы [4, с. 23]. В какой-то степени, аналогичные процессы мы наблюдаем и в наше время с новыми реалиями, среди которых выделяются:

- углубляющаяся дифференциация знания;
- тотальная информатизация и появление «глобальной деревни»;
- изменение социальной структуры общества (средний класс);
- глобализация и интеллектуальная миграция;
- новые вызовы времени (появление новых сил на мировой арене);
- появление новых акторов в образовательном пространстве;
- новые (латентные) ограничения свободы творчества (введение рыночных механизмов в науку и образование).

Осознание новых, в первую очередь коммуникативных реалий приводит

к поиску современных альтернатив моделей образования. Классические три модели (Наполеона, А. Смита и Гумбольдта), скорее всего не в состоянии адаптироваться к новым реалиям и требуют коренного пересмотра парадигмальных основ образования.

Возникают сетевые образовательные учреждения, ай-ти университеты, меняются в корне образовательные программы (не всегда в лучшую сторону), идут широкие поиски места и миссии новых интеллектуалов.

Литература:

1. Блох Э. Утопия и утопическое мышление // Блох Э. Принцип надежды. М., 1954.
2. Бурдые П. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб., 2002.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университетов. Минск: БГУ, 2005.
5. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.

Социальные патологии в рамках институциональной трансформации системы отечественного здравоохранения

Мамедова О.В.

*ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Россия,
Тверь*

Одним из первых концептуальных подходов, которым руководствовались социальные работники в исследовании социальных проблем конца XIX – начале XX века, был подход социальной патологии, в соответствии с которым социальные проблемы представляют собой препятствия «нормальной» работе социального организма, своего рода болезнь или патологию, при этом истоки социальных проблем усматриваются в изначальной, «врожденной» неспособ-

ности ряда индивидов к «нормальному» поведению. Ключевые понятия этого подхода – «болезнь», «здоровье», «патология» – в большинстве своем заимствованы из медицины [1].

С. Смит, автор книги «Социальная патология», выразил его сущность следующим образом: «Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной» [2].

Социальную патологию в рамках данного доклада следует рассматривать как индикатор кризисного состояния системы отечественного здравоохранения, когда прежние институциональные нормы уже не действуют, или игнорируются, а новые еще четко не установились.

Кризис системы здравоохранения явился причиной институциональной трансформации отрасли. В отечественном здравоохранении советского периода фигурировали две главные институциональные ценности – общедоступность и бесплатность медицинского обслуживания, трактуемые как основные принципы здравоохранения, обеспечиваемые всеми другими институтами. В результате социально-экономических реформ российского общества произошла смена ценностно-нормативного комплекса института здравоохранения. Он фактически перестал выполнять свою главную общественную функцию – предоставление населению бесплатной и качественной медицинской помощи.

Институциональные изменения системы здравоохранения, продиктованные кризисом отрасли, хроническое недофинансирование медицины в 90-х годах, способствовали развитию сектора платных медицинских услуг в государственных и муниципальных лечебных учреждениях. Данный процесс, в свою очередь породил целый комплекс проблем, связанных с вопросами медиализации, трудовых отношений в сфере здравоохранения, этических взаимоотношений между врачом и пациентом, качеством, контролем и условиями предоставления платных медицинских услуг.

Для современной отечественной медицины характерно развитие процесса медикализации, что выражается в повышении уровня зависимости пациентов от медицинских работников. В этом процессе главную роль играют врачи. Выделение большого количества болезней, определяющих физическое состояние человека, увеличивает прибыль представителей медицинских услуг.

Комбинация медикализации и финансовой структуры общества формирует особый стиль поведения, особенности трудовых и этических отношений, ориентированных на коммерциализацию системы здравоохранения. Усиление экономических составляющих взаимодействия врача и пациента в современном российском здравоохранении привело к изменению отношений медицинских работников к различным слоям населения. Подтверждением тому является признание влияния социального статуса пациента и его благосостояния на оказание медицинской помощи.

Проблема качества, является одной из наиболее острых в системе российского здравоохранения и имеет несколько аспектов рассмотрения. Это вопросы стандартизации и контроля качества медицинских услуг, а так же проблемы информированности пациентов о предоставляемых им услугах. В современной отечественной медицине до сих пор не сформирована детальная методика контроля над соответствием качества медицинских услуг.

Таким образом, феномен социальных патологий в рамках институциональной трансформации системы здравоохранения требует комплексного подхода. Процесс становления платной медицины в современном российском здравоохранении сопровождается целым рядом проблем. Социологический анализ этих проблем предполагает изучение организационно-функциональных, правовых, финансово-экономических, нравственных, идеологических и информационно-аналитических аспектов данного процесса.

Литература:

1. Социология: учебное пособие / Под ред. С.А. Ерофеева, Л.Р. Низамовой. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 262–282.

2. Там же.

Геймификация как инструмент управления персоналом современной организации

Маркеева А.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Персонал компании является одним из ведущих ее активов, позволяющих обеспечивать высокие экономические результаты и устойчивость предприятия в условиях динамичной внешней среды. Для обеспечения эффективного применения данного актива компании должны: найти эффективные способы рекрутирования сотрудников; способствовать вовлеченности персонала в деятельность компании; разработать программы мотивации, позволяющие сотрудникам организаций не только демонстрировать высокую производительность труда, но находить баланс между личной жизнью и работой.

В этой связи компанию ищут новые инструменты решения поставленных задач. Одним из них является геймификация. Данный термин в самом широком смысле означает процесс применения игровых методов в неигровых процессах. В данном выступлении будем рассматривать его уже как процесс реализации различных типов игровых стратегий, техник при решении бизнес-задач, связанных с управлением персоналом. Геймификация направлена на формирование уникального опыта наших сотрудников, который придает дополнительный смысл и направление их деятельности, повышает мотивацию и вовлеченность в работу компании. Концепция геймификации основана на эффективном использовании игровых методов или элементов, заимствованных из онлайн игр; опыта реализации программ лояльности и теоретических положений поведенческой экономики [1].

Интерес к применению геймификации обусловлен несколькими факторами: во-первых, специалисты отмечают, что игры – это единственный инструмент, демонстрирующий высокий уровень вовлеченности. При этом согласно

результатам исследований вовлеченность людей в игры не падает с появлением новых информационных технологий. Игра как вид досуга поглощает другие виды досуга и активно внедряется во многие неигровые процессы.

Во-вторых, символизация всех сфер нашей жизни приводит к тому, что для персонала как внутреннего потребителя компании необходимо создавать возможности получения незабываемых впечатлений и уникального опыта. Опыт геймификационных проектов компаний Nike, IBM, Sisco, Microsoft, Google и др., доказывает, что она может стать одним из эффективных инструментов корпоративной культуры, рождающим чувство сопричастности общему делу и обеспечивающим отдельным сотрудникам получение этого опыта.

В-третьих, происходит поколенческий сдвиг, который не может не отразиться на управлении современной организацией. Особенности, связанные с социализацией представителей поколений Y и I, их высокая вовлеченность в новые информационные технологии (прежде всего, социальные медиа), определяют необходимость внедрения новых, понятных этому поколению элементов управления и вовлечения в деятельность.

Основные задачи в управлении персоналом, где актуально применение геймификации:

1) в качестве инструмента рекрутинга. Например, игровые инструменты, применяемые в процессе найма компанией Enter, позволяют не только сокращать затраты при отборе сотрудников, но и обеспечивают лучшее соответствие нанимаемого персонала корпоративному духу организации (проект «Банда»)[2];

2) в качестве инструмента программ адаптации/ преодоления дезадаптации сотрудников. Компания TWiga использует для этих целей внутрикорпоративные театры и творческие конкурсы (например, проект «Обратно в школу»)[6];

3) в качестве инструмента мотивации персонала. Развивать конкуренцию между работниками, повышая экономические результаты и вовлеченность работников, позволяет применение собственных или внешних платформ для

соревнований и турниров между сотрудниками. Например, свыше 1500 российских организаций используют онлайн-сервис Проекта Пряники, не только повышая эффективность бизнеса, но и применяя программы нематериальной мотивации (бейджи, рейтинги, виртуальная валюта) увеличивают уровень лояльности работников, раскрывают их таланты [5]. Ряд игровых элементов, например, «выбери место для работы» повышают уровень удовлетворенности персонала;

4) геймификация в обучении позволяет решить несколько задач: без особых административных усилий вовлечь сотрудников в процесс обучения, способствуют развитию креативности, позволяет сделать обратную связь более эффективной. Например, компания Proplex использовала онлайн-тренажер, похожий на PC игру, что дало возможность продавцам отработать навыки диалога с клиентами и получить за лучшие попытки подарочные сертификаты [3];

5) как инструмента командообразования и развития корпоративной культуры (проведение игр и мастер-классов в офисе, организация ночных квестов и т.д.);

6) как инструмента визуализации успехов и достижений сотрудников (виртуальные доски почета, лайки и комментарии). С помощью геймификации сотрудники постоянно получают подтверждение полезности своих действий не только со стороны руководства, но и коллег.

Подводя итог, геймификация – это эффективный инструмент управления персоналом, однако его потенциал недооценен российским рынком. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования HR-специалистов [4]: только 6% опрошенных знакомы с геймификацией и используют ее инструменты в своей деятельности, 17% респондентов заявили, что слышали что-то об этом, а подавляющее большинство респондентов (77%) ответили, что впервые слышат о таком понятии.

Литература:

1. Зиккерман Г., Линдер Дж. Геймификация в бизнесе как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
2. Портал Live. Me enter. URL: <http://my.enter.ru/docs/DOC-13996>
3. Игровой портал Proplex. URL: www.proplex-game.ru
4. Результаты социологического исследования аналитического центра портала Rabota.ru. URL: http://www.rabota.ru/issledovaniya/rezultaty_oprosov/gejmifikatsija_chno_za_zver_.html
5. Сайт проекта «Пряники». URL: <http://pryaniky.com/ru/Home>
6. Сайт компании Twiga. URL: <http://twiga.ru/>

Актуальное поле обеспечения эффективной защиты трудовых прав

Мартинкевич А.В.

Государственное научное учреждение «Институт социологии НАН Белоруссии», Белоруссия, Минск

Организации, использующие наемный труд, предполагают наличие наемных работников и нанимателя, между которыми возникают трудовые отношения, основанные на трудовом договоре (контракте). По мнению экспертов в области труда, «до тех пор, пока наниматель и наемный работник вступают в трудовые отношения, в которых присутствует статусный «перевес» на стороне нанимателя, будет существовать опасность использования этого неравенства в ущерб правам наемного работника» [3, с. 1]. Вероятность реализации обозначенной опасности увеличивается во много раз в условиях перманентного развития в Белоруссии социально ориентированной рыночной экономики, которая, несмотря на привнесение в механизм рыночного хозяйства социально аспекта, характеризуется противостоянием «труда» и «капитала», а также конкурентной борьбой субъектов механизма рыночного хозяйства. Данные закономерности способны оказать негативное воздействие на степень защищенности наемных работников. Для того, чтобы избежать подобное воздействие, необходимо развивать институт защиты трудовых прав. Развитие данного института возведено

Рекомендацией МОТ от 15 июня 2006 года в ранг задач национальной политики государств-членов [1]. Однако, несмотря на развитие в Белоруссии юрисдикционных видов защиты трудовых прав, неюрисдикционные виды защиты трудовых прав продолжают оставаться в зачаточной стадии разработки как на доктринальном уровне, так и на уровне отраслевого законодательства. Именно неюрисдикционные виды защиты трудовых прав способны нивелировать статусный перевес нанимателя, и, следовательно, существенно повысить эффективность обеспечения защиты трудовых прав наемных работников.

Неюрисдикционным видом защиты трудовых прав выступает самозащита трудовых прав (самоинфорсмент), которая в трудовом законодательстве Белоруссии является пока лишь научным проектом, в то время как в стране-союзнице Белоруссии – Российской Федерации – указанный субинститут трудового права уже обрел статус новеллы.

Учитывая, что научный проект «самозащита трудовых прав» как неюрисдикционный вид защиты трудовых прав строится на инициативах наемного работника, при его разработке представляется необходимым использовать инструменты социологии. Использование данных инструментов позволит выделить следующие важные моменты:

- 1) закономерности в области предпочтений наемных работников в выборе самозащиты трудовых прав среди других видов защиты трудовых прав;
- 2) закономерности в области предпочтений наемных работников в выборе возможных действий в рамках самозащиты трудовых прав;
- 3) расхождение между выбираемыми наемными работниками действиями в рамках самозащиты трудовых прав и их правомочиями.

Полученные в результате социологических исследований данные по изложенным выше аспектам станут основой дальнейшей доктринальной разработки неюрисдикционных видов защиты трудовых прав с выходом на нормотворческую деятельность.

Литература:

1. О трудовом правоотношении: Рекомендация МОТ, №198, от 15 июня 2006 // Эталон-Беларусь. [Электронный ресурс]. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 26.07.1999, № 296-З: в ред. от 30.12.2010 // Эталон-Беларусь. [Электронный ресурс]. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
3. Яковлева А.В. Способы защиты трудовых прав работников (концептуальный аспект): Автореф. ... дис. канд. юр. наук: 12.00.05. М., 2007. 33 с.

Изучение социального неравенства как приоритетного направления российской и зарубежной социологии

Мартыненко Т.С.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Теории социального неравенства всегда занимали значительное место в социологии. Обратившись к истории науки, мы видим, что изучение неравенств является важнейшей, если не основной, составляющей, центральной темой социологических теорий. Как отмечал Ральф Дарендорф, вопрос о социальном неравенстве «с исторической точки зрения был первым вопросом социологической науки»⁵⁶.

Сегодня, в условиях широкомасштабной дискуссии о глобальной социологии как новом проекте науки, проблема социального неравенства несколько не утратила своей практической и теоретической значимости. Под влиянием процесса глобализации, затрагивающего сферу экономики, политики, культуры, широкого распространения информационных технологий неравенства не исчезают. Как пишет Г. Терборн, «они принимают множество форм и оказывают множество эффектов: преждевременная смерть, плохое здоровье, дискриминация, исключение от знаний и основного направления социальной жизни, бедность, безвластие, отсутствие безопасности, лишение возможностей и жизнен-

⁵⁶ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 483.

ных шансов»⁵⁷.

Увеличивающаяся взаимозависимость и взаимосвязь государств, становление глобальных социальных институтов, с одной стороны, и укрепление уже существующих национальных институтов с другой, ставят перед социологами вопрос о состоянии и динамике отношений социального неравенства в глобальном масштабе. Особенностью современных теорий социального неравенства также являются тесная связь с категорией «справедливость», обращение к понятию «сеть», «пересборка» социального. Сильное влияние на современную социологию с точки зрения изучения социальных неравенств оказала феминистская социология, а также дискуссии вокруг понятия «класс». Проблема социального неравенства является не только теоретической, но и практической, требующей разрешения. Изначальная связь социологии с социальной практикой и управлением призывает ее искать пути и способы сокращения неравенств. Все это обязывает социологов к саморефлексии, пересмотру и ревизии понятий, особенно с учетом процесса глобализации.

Особое значение проблема социального неравенства приобретает в условиях российской действительности на фоне растущей поляризации, снижения реальных доходов населения, неравномерного распределения благ. Российской социологии необходимо не только переосмыслить собственные основания: обратиться к методологии, к метатеории, но и активно участвовать в дискуссиях о роли и значении мировой социологии в XXI века.

Отталкиваясь, прежде всего, от проблемы социального неравенства, ведущие зарубежные теоретики, среди которых А. Мартинелли, М. Буравой, Э. Гидденс, Э.О. Райт, Г. Терборн и многие другие, призывают к созданию новой социологии, которая, как отметил М. Буравой, «превращается в реальную утопию, озабоченную судьбой нашей как никогда уязвимой планеты и ее взаимосвязанных сообществ – она призывает нас не только бить тревогу, но и нахо-

⁵⁷ Therborn G. The killing fields of inequality. Cambridge: Polity Press, 2013. P. 1.

доть альтернативы»⁵⁸.

Широкое распространение информации под влиянием процессов глобализации требует активного изучения ранее не осознаваемых обществом неравенств, выходящих за пределы национальных государств. Проблема приобретает глобальный характер. Тем не менее, находящееся в центре внимания исследователей экономическое неравенство не позволяет получить целостного представления о состоянии этих процессов. В связи с этим роль социологии возрастает не только по причине необходимости учитывать и изучать другие виды неравенств, такие как гендерное, расовое, витальное, но и в связи с тем, что именно социология способна осознать причины, истоки и результаты неравенств, не превращая судьбы людей в нагромождение порой бессмысленных или неосмысленных цифр, тем самым предлагая методологическую основу для других наук.

Прошедший в Йокогаме XVIII Конгресс Международной социологической ассоциации еще раз доказал, насколько широки и значимы проблемы социального неравенства для современного мира. От положения женщины в обществе, институтов образования, семьи, политики, права до сферы экологии, досуга, искусства, спорта – все пронизано неравенством. Наука не является исключением, потому одной из задач российской социологии является поиск альтернативы неравному доступу ученых к формированию повестки дня в социологии.

История XX века привела социологов к четкому пониманию того, что социальное неравенство, порой трансформируя свои формы, не исчезло и является проблемой современности, а значит, требует социологического описания и объяснения. А в свою очередь осознание особой значимости социальных наук для социальной практики, особенно в условиях широкого распространения информации и коммуникационных сетей, привело к пониманию того, что, как пи-

⁵⁸ Буравой М. Отвечая на вызовы глобальной социологии – от Гетеборга до Йокогамы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 187–193.

сал Р. Дарендорф, «ответственность социолога не заканчивается с выполнением требований его науки»⁵⁹.

Обратившись к неравенствам внутри науки и, прежде всего, за ее пределами российская социология способна стать реальной действующей силой, призванной служить обществу, которое она изучает. Именно по этим причинам изучение социальных неравенств должно стать приоритетным направлением для российской социологии.

Литература:

1. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 483.
2. Therborn G. The killing fields of inequality. Cambridge: Polity Press, 2013. P. 1.
3. Буравой М. Отвечая на вызовы глобальной социологии – от Гетеборга до Йокогамы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 187–193.

Дисфункциональный социальный капитал автономных профессиональных сообществ

Мартьянова Н.А.

ГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Россия, Санкт-Петербург

Профессиональные объединения имеют довольно древнее происхождение и возникают вместе с появлением ремесла. В Древнем Риме уже с началом Республики, они выступали как один из значимых общественных институтов. В числе основных задач таких объединений (ассоциаций, корпораций, групп, сообществ) помимо профессионального общения коллег и повышения мастерства предполагалось также утверждение этических норм и нравственное самосовершенствование.

⁵⁹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 210.

В социологическом дискурсе образ профессионального объединения нередко вызывает ассоциации с организмом, этническим сообществом или семьей. У Э. Дюркгейма он представлен по образцу идеально защищенного тела, то есть как организм, однородный и гармоничный, полностью очищенный от всех чуждых элементов. Анализируя историческую логику появления, развития и упадка профессиональных корпораций в разные эпохи французский социолог замечает, к примеру, что римские корпорации заменили собой семью в осуществлении нравственной функции. Уклад корпорации как «большой семьи» поддерживался также общими праздниками и религиозными культами, совместным времяпрепровождением, общим кладбищем и даже родственными узами. Таким образом, Э. Дюркгейм прямо называет профессиональную группу наследницей семьи, тем более что первоначально семья сама служила профессиональной группой (например, сельскохозяйственной общиной).

Фердинанд Теннис, в свою очередь, прослеживал прямую параллель профессиональной группы с этническим сообществом и его исторически сложившимися социальными функциями. Самым простым и наивным образом это выражается в кастовом устройстве Индии. Здесь принадлежность к тому или иному профессиональному сословию считается такой же природной необходимостью, как и сам факт рождения, и вхождение в него кажется само собой разумеющимся.

Такой взгляд на профессиональные объединения встречается и поныне, несмотря на все большую индивидуализацию профессионалов и их возрастающее стремление к независимости от любых типов внешних объединений, характерных для эпохи постмодернизма. В современном индивидуализированном обществе также можно говорить о сохранении особых профессиональных сообществ, которые мы будем именовать «автономными».

Под автономным профессиональным сообществом будем понимать такое профессиональное сообщество, которое исторически сложилось и институционально закрепилось как относительно независимое от общественного мнения саморегулируемое объединение профессионалов с определенным этиче-

ским кодексом или строго соблюдаемыми формальными и неформальными нормами. В качестве признаков автономных профессиональных сообществ можем выделить также: длительность и сложность получения официальных подтверждений профессионального мастерства (так называемых *credentials*), закрытость к «входу» и «выходу», исторически обусловленная «цеховая» корпоративная культура, слабая восприимчивость к инновациям, традиционализм. В современном обществе в условиях нетократии такие сообщества сложно выявить в чистом виде, однако к ним, пожалуй, можно отнести те профессиональные сообщества, которые принято считать «закрытыми». К таким сообществам относятся, например, профессиональные сообщества врачей, музыкантов, спортсменов. Чтобы стать профессионалом в области медицины, спорта или музыки необходимо более длительное обучение, кроме того, в данных профессиях особо чувствуется разница между профессионалами и «профанами», что обусловлено объективными факторами.

Иными словами, можно говорить о наличии у таких профессиональных сообществ устойчивого социального капитала, под которым понимается система социальных связей и способов взаимодействия с другими, способность создавать социальные группы, которые помогают человеку решать его жизненно важные задачи. Но данный социальный капитал, наличие которого, безусловно, является важным фактором функционирования и развития сообщества, имеет не только функциональное, но и дисфункциональное значение для профессии и общества в целом.

Функциональное значение социального капитала широко представлено в социологической литературе, в особенности в концепциях Т. Парсонса, Р. Мертон и пр. Р. Мертон определяет функции профессиональных ассоциаций как для индивидуальных практиков (моральная и материальная поддержка, содействие карьерному продвижению), так и для самих профессий (их популяризация в обществе, осуществление нравственного контроля, продвижение научных исследований), и, в конечном счете, для общества (содействие социальной сплоченности).

Однако нам представляется более интересным сосредоточить свое внимание на дисфункциональной составляющей социального капитала профессиональных сообществ.

Методологические особенности исследования современных российских политических партий

Мартьянов Д.С., Невзоров М.В.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, Санкт-Петербург, ГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Россия, Санкт-Петербург

С апреля 2012 года были изменены правила создания политических партий в России, что привело к быстрому росту их числа. Для исследования особенностей развития партийной системы в России на современном этапе нами был инициирован проект по созданию базы данных, в которой собиралась бы количественная и качественная информация, описывающая партии. В целях повышения методологической целостности проекта мы задались двумя вопросами: «насколько политические партии в России являются партиями в полном смысле этого слова?» и «какова роль новых политических партий в российском политическом процессе?».

Социологические работы, посвященные изменению российской партийной системы в целом, так и по феномену новых партий в частности, указывают на три тенденции:

- во-первых, продолжено традиционное направление по изучению развития количественных аспектов партийной системы в рамках компаративистики;
- во-вторых, налицо скепсис в отношении складывающейся партийной системы. Подчеркивается, что партия становится лишь «политическим проектом». Появляются новые дефиниции, которые отражают эту скрытую тенденцию: партии спойлеры, франшизы, виртуальные и т.п. Но в то же время эти понятия пока недостаточно четко концептуализированы (что в свою очередь ведет к проблеме их операционализации);

– в-третьих, политические партии начинают рассматриваться с точки зрения их маркетингового содержания. Рост числа партий привел к проблеме поиска собственной ниши для каждой из них.

Однако вместо рыночной терминологии, основанной на терминах спроса и предложения, мы бы хотели предложить дискурсивное видение проблемы. Одновременно поскольку партия может быть рассмотрена в качестве политического субъекта, концептуальная составляющая проекта может быть осуществлена через политическое действие, а ключевой дефиницией становится «политический актер». В результате исследование предполагает изучение двух сложно переплетенных сфер: дискурсивной сферы и сферы действия политических партий.

Рассмотрение политических партий как политических акторов возвращает нас к важной проблеме, связанной с аморфностью концептуализации партий. Сегодня существуют различные подходы к фиксации того или иного случая как «партии» и одновременно сам феномен существует в процессе постоянной эволюции, не позволяющей четко определить его «раз и навсегда». Именно это противоречие между тем, как феномен воспринимается, и чем он является на самом деле, разрешается посредством категории «актер».

Одна из последних ревизий термина «актер» принадлежит Б. Латуру. Актер, по Б. Латуру, является уникальным событием, совершенно нередуцируемым ни к какому другому. Актер всегда «вносит различие», не может быть заменен другим актором, что радикально отличается от определений актора в структуралистских теориях, где актер необходим для выполнения тех или иных функций и является «местодержателем». Поскольку любая трансформация в структурализме на деле является лишь комбинированием, то сущность актора выявляется именно через действие, которое предполагает «создание различия». Роль ученого в таком случае заключается в принятии логики актора и следовании за ней.

Определенно что партия в российских реалиях, если и является актором, то ее поле возможностей определяется другими актерами, среди которых пер-

вым является государство. Государство вводит критерии, которым актер должен соответствовать, чтобы считаться партией. В России наличие критериев контролируется Министерством Юстиции России. Зарегистрированные министром партии формирует выборку акторов.

Однако, закономерно, что здесь есть некоторое методологическое противоречие: является ли партия, подчиненная «прихоти» государства, в таком случае актером? О.В. Аксенова разделяет понятия актер и агент по критерию принятия решений: решения принимаются актерами, а агент выступает как исполнитель, играющий предписанную роль или реализующий интересы какого-либо субъекта. Агентом является субъект, выполняющий заданную системой функцию. Его действия жестко определены. Принимая во внимание данное противоречие, логичен вопрос: есть ли в условиях российских реалий актеры, отличные от государства, но способные вводить самостоятельные критерии, позволяющие осуществить различие «партия/не партия»?

Задавая вопрос, мы тем самым спрашиваем о существовании акторов, которые бы предшествовали появлению партии и чьи политические интересы она должна отражать. Это соотносится с тем, что в политической социологии есть сложности с разграничением политических партий со смежными категориями, такими как группа интересов или социальное движение.

**От изучения социальных патологий к терапии индивида,
группы и общества**

Масалков И.К.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Сейчас во всем мире и в России, в частности, и можно наблюдать размах эпидемий психосоциального и социо-информационного характера. К примеру, феномен фанатизма, проявляющийся в массовых истерических всплесках поклонения «идолам эстрады, футбола и кино». Вместе с М. Фуко мы и сегодня констатируем примеры патогенных факторов после длительного пребывания в изолированных областях тюремной исправительной системы. Сегодня

социологам приходится сталкиваться и с такими сложными явлениями как социальные исключения, деформация власти, страдание, классовый невроз. Для развития в рамках социологии системы клиент-ориентированной клинической работы встает вопрос о воспитании соответствующего специалиста, его обучения и решении вопроса о необходимости его аттестации и сертификации.

Осознаваемая необходимость терапии социальных патологий дает импульс к развитию в науках о человеке и обществе клинического подхода. Зарождение последнего происходило, прежде всего, в рамках медицины как социального института – области производства как нового знания, так и новых практик. По лаконичному определению К.-Р. Д'Аллона (Claude-Revault d'Allones) *«клиника – это совокупность знаний и профессиональных практик, которые предназначены для познания и лечения субъекта»*. Клиницисты – это, прежде всего, люди, задействованные в поле, занимающиеся практикой.

Сущностные принципы клинического подхода с позиции сегодняшнего дня:

1. Наблюдение и анализ случая как частного, но с конечной целью классификации.
2. Формирование медицинского знания у самой постели больного.
3. Постоянная «триангуляции» теоретической схемы болезни и лечения, ее реальных проявлений и реакций больного на действия врача.

Клиническая социология наследует в определенной мере от клинической медицины, которая определяет себя в равной степени и как искусство, и как наука.

Термины «клинический подход» и «клиническая социология» как особый тип производства знаний и практик их применения замелькали в работах французских, канадских и американских обществоведов в 90-х гг. прошлого века. Подход социолога-клинициста характеризуется двумя важными моментами: прежде всего, в близком общении с носителем определенного вида «страда-

ния»* (нахождением в трудной жизненной ситуации, в близости к «постели больного») и в актуализации «отношения помощи» со стороны социолога. В той степени, в какой клиническая перспектива принимает во внимание роль индивидуальной и/или коллективной психики, она близка к психоанализу и к экзистенциальной феноменологии. Когда социолог-клиницист рассказывает о том, что он, наконец, познал, его аудитория - не только и не столько его коллеги-профессора, сколько та группа, в которой и для которой он работал.

Клинический подход в социологии не является открытием последних лет. Его отдельные элементы мы встречаем уже в работах французов Г. Тарда и Г. Ле-Бона, которые анализировали теневые стороны общества, эмоциональные потоки и «коллективные галлюцинации».

Важным вопросом в современной клинической социологии является определение того уровня социальных общностей, где возможна интервенция – социальная терапия. В этой связи необходимо выделить следующие позиции:

1. Мыслители прошлого пытались лишь давать интерпретацию социальным явлениям того или иного масштаба, непосредственно в них не вмешиваясь.
2. З. Фрейд и К. Левин допускали мысль об участии в преобразованиях, хотя в ограниченных масштабах и в четко определенном направлении воздействия.
3. Э. Дюркгейм, Г. Тард и Г. Ле Бон выступали в защиту интервенции – терапии общества в целом.

Тяжело больное общество постперестроечной России нуждается в качественном диагнозе и терпеливом самоизлечении. Это справедливо и в отношении исследователей-социологов. Врачеватель должен исцелиться сам. На очередных съездах Российского общества социологов и не только его резкой критике подвергается политика предшествующего политического лидера страны, но в отношении действующего высказывается полная лояльность и с особым блеском в глазах президиума ему направляется приветственная реплика. Явный

* Слово «страдание» чаще используется во франкоязычной социологической литературе и режет слух российскому читателю.

пример шизофрении в научном сообществе. Об амбивалентности русских говорил еще Фрейд: «Странные они люди: ночью грешат, днем каются, а потом все с начала».

Литература:

1. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
2. Gaulejac V. de., Roy Sh. Sociologies cliniques. P.: Desclée de Brouwer, 1993.
3. Enriquez E. The clinical approach: genesis and development in western Europe // International Sociology. Vol. 12. About Clinical Sociology. 1997.
4. Savigni R. Approche clinique dans les sciences humains dans le recueil // Approche clinique dans les sciences humains / Sous la redaction de E. Enrikes. Ed. St-Martin, Montreal, 1993.

Роль и предпосылки применения инструментальной концептуализации в социологическом исследовании

Масленников Е.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Динамика формирования идеалов и норм научного исследования связана с углублением понимания особенностей системной организации изучаемых объектов по мере теоретического построения разнообразия типов сложности этой системной организации. Изменяющимся идеалам и нормам исследования должны соответствовать и методы познавательной деятельности для освоения изучаемых объектов. Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы)⁶⁰.

Построение современных физических теорий начинается с формирова-

⁶⁰ Исторические типы научной рациональности // Философия науки и техники. М., 1995. 384 с.

ния математического аппарата, а адекватная теоретическая схема, обеспечивающая его интерпретацию, создается уже после построения этого аппарата⁶¹. На первый план выходит проблема выбора математического аппарата, соответствующего данной исследовательской ситуации. Такую направленность действий рассматривают как обоснование использования выбранного конструкта в данных условиях⁶². Поиск конструктов, адекватных типу сложности системной организации изучаемого объекта, является одной из центральных методологических задач, решение которой создает условия для дальнейшей внутридисциплинарной познавательной деятельности.

Для поиска решения данной задачи по отношению, в частности и к социальным объектам представляет интерес методологический подход, развиваемый в отечественном направлении – концептуальный анализ и концептуальное проектирование⁶³.

Познавательно-технологическое «ноу-хау» этого направления связано с построением понятийных моделей, в основе которых лежат конструкты из структурной математики, а именно, из теории множеств Н. Бурбаки.

Каждое понятия, используемое в проектируемой таким образом концептуальной схеме проходит этап конструктивной теоретической идеализации и становится интерпретацией свойств конструкта «множество». Содержание понятия становится конечным – отражающим (моделирующим) искомый фрагмент реальности и его свойства, а объем понятия указывает границы этой моделируемой реальности.

⁶¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.

⁶² Особенности построения развитых, математизированных теорий в современной науке // Философия науки и техники. М., 1995. 384 с.

⁶³ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней и его применение. Серия «Концептуальный анализ и проектирование». Математический аппарат, М., 2010. 185 с. // Персональный сайт С.П. Никанорова. URL: <http://www.spnikanorov.ru/?to=books> (дата обращения: 27.10.2014); Кононенко А.А., Кучкаров З.А., Никаноров С.И., Никитина Н.К. Технология концептуального проектирования / Под ред. С.П. Никанорова. М., 2004.

Сочетание классических представлений (идущих еще от Аристотеля) о родовых и видовых отношениях между понятиями и разработанными представлениями в теории множеств (о возможных типологических разнообразиях отношений между подмножествами данного множества) делает возможным применение процедуры теоретической конкретизации, больше известной как восхождение от абстрактного к конкретному в познании.

Таким образом, под инструментальной концептуализацией понимается построение сложных понятийных моделей со структурно взаимосвязанными отношениями между их отдельными элементами, в которых единицами рассмотрения выступают связанные понятийные целостности, называемые концептуальными моделями или схемами.

Построение и применение концептуальных моделей актуально как для разработки программы социологического исследования, так и для уточнения теоретических концепций в качестве их структурообразующего каркаса.

Культурсоциология Дж. Александера и русская традиция смысловой социологии

Матвеева Н.Ю.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Труды русских социологов начала XX в., таких как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Новгородцев, С.Л. Франк, заложили отечественную традицию смысловой социологии, требующую дальнейшего развития в современных условиях. Эта традиция лежит в русле понимающей парадигмы в социологии, но имеет свои особенности. Ее концептуальные принципы можно сформулировать следующим образом:

1. Социальная жизнь в своей основе духовна, а не материальна.
2. Социальные явления в своей основе суть смысловые образования, или идеи.
3. Эти идеи, имеющие социальное происхождение, существование и направленность действия, объективны в смысле независимости от индивидуальных сознаний.

4. Идеи социальных явлений подчиняются логическим взаимосвязям. Явления социальной жизни напрямую зависят от логико-смысловых процессов в развитии идей.

5. Различные по своим проявлениям социальные факты могут быть обусловлены идеями, сходными по своему внутреннему характеру, логико-смысловой структуре. Это обуславливает сходство процессов их протекания и социальных последствий.

К сожалению, глубокие идеи русских ученых, разработанные на основе богатого социологического материала, не приобрели форму общепризнанной научной парадигмы. Их развитию помешали объективные обстоятельства российской истории. Однако мировая социологическая мысль на протяжении XX в. переживала интенсивное развитие, совершив ряд интеллектуальных прорывов в области изучения смысловых феноменов общественной жизни. К их числу относятся, кроме понимающей социологии М. Вебера, феноменология, этнометодология, символический интеракционизм, герменевтика, структурализм, разработки К.Г. Юнга в области коллективного бессознательного, цивилизационная концепция С. Хантингтона и другие направления мысли. Особое значение в их ряду занимает культурсоциология Дж. Александера, заявившая о необходимости методологического отделения сферы культуры от социальной структуры в целях понимания роли смыслов социальной жизни в формировании социальной жизни.

Культурсоциология настаивает на методологии «плотного описания» культурных кодов, нарративов и символов, из которых образуются «упорядоченные сплетения социального смысла». Именно так, реконструируя чистый культурный текст, производил сравнительный анализ смыслов апокалиптики и социализма С.Н. Булгаков. Таким образом, методология социологического анализа, предложенная Александером, позволяет по-новому взглянуть на разработки отечественных ученых прошлого века и дает основания для развития их подходов.

Александер, вслед за Э. Дюркеймом, делит социальные смыслы на свя-

щенные (сакральные) и светские (обыденные). Это деление тесно примыкает к категории религиозной веры, разработанной русскими учеными, которые понимали под ней придание сакральных смыслов тем или иным явлениям мира. Так, их анализ показал, что русская интеллигенция XIX – начала XX вв. верила в простой народ, в революцию, в коммунизм, сакрализируя тем самым ряд социальных объектов и идей.

Культурсоциология сосредотачивает внимание на зарождении и развитии социальных процессов сакрализации, что особенно важно в современную эпоху идейной нестабильности. Сакрализация, согласно Александеру, сопровождается делением социальных явлений на две противоположные смысловые области: сферу сакрального добра и сферу сакрального зла. Светские же смыслы не имеют столько резкого дихотомического деления. Например, русская интеллигенция наделяла смыслами «сакрального добра» все, служившее делу революции и свержения монархии, а смыслами «сакрального зла» - все антиреволюционные силы и мнения, даже самые разумные и основательные интеллектуальные позиции, такие как критика в адрес революционной интеллигенции авторов «Вех». В наше время, которое характеризуется обыденным отношением к борьбе революционных лет, мы хорошо понимаем, что как революционеры, так и монархисты могли равно стремиться к социальному добру, понимаемому ими с разных нарративно-смысловых позиций. Мы не судим их до тех пор, пока сами остаемся в зоне светских смыслов и не верим ни в монархию, ни в демократию, ни в коммунизм. Таким образом, глубокое открытие культурсоциологии состоит в том, что социальные смыслы могут приобретать сакральные свойства, делящие мир на сферы добра и зла. Но это деление относительно, оно меняется с изменением веры, смыслов и ценностей.

Русские ученые, анализируя процессы формирования социальных смыслов, видели, что часто эти смыслы вели общество в тупиковые и кризисные ситуации. Они стремились найти критерии для определения истинных смыслов, дающих обществу и личности верные ориентиры, и смыслов ложных, формирующих лишь социальные иллюзии и миражи. Эта задача, верная по своему

существу, не ставится в рамках культурсоциологии и западной понимающей традиции в целом. Несмотря на ее сложность, в отечественной смысловой социологии должны продолжаться поиски ее решения.

Межсекторное социальное партнерство как инновационный механизм социального управления

Медведева Н.В.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

В настоящее время одним из основных элементов устойчивого развития государства, региона, муниципального образования становится интеграция населения в решение социально-экономических проблем. Это во многом обусловлено необходимостью перехода от патерналистской системы управления к партнерской, которая предполагает объединение усилий не только со стороны властных структур, но и бизнеса и гражданских институтов, способных консолидировать свои ресурсы для повышения качества жизни населения, проживающего на той или иной территории.

В связи с этим в последнее время инструментом комплексного развития территории все чаще выступает социальное партнерство, направленное на укрепление демократических основ общества, построение гражданского общества, создание условий для формирования социального государства. В процессе социального партнерства учитываются интересы различных социальных групп, больших объединений людей, представителей местного сообщества, территорий, а также органов местного самоуправления и государственной власти. Таким образом, благодаря синергетическому эффекту, возникающему в результате подобного слияния, возникает новая система взаимоотношений, которую можно назвать «межсекторное социальное партнерство», рассматривающее в качестве субъектов партнерства такие три сектора как власть, бизнес и общество, а в качестве предмета – комплекс социальных проблем.

Однако для того, чтобы подобный эффект был достигнут, необходимо активное участие со стороны всех трех секторов (государства, бизнеса, обще-

ства). В настоящее же время участники данной системы по-разному оценивают потенциал такого сотрудничества. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения.

В частности, результаты опроса, проведенного ФОМ в 2013–2014 гг. и посвященного исследованию условий активизации гражданского участия в малых и средних городах России, свидетельствуют о том, что около половины граждан не довольны деятельностью городских органов власти, но при этом считают, что жители могут повлиять на власти (53% опрошенных). Однако при этом население не принимает участия в общественных организациях (83% опрошенных заявили, что не являются членами таких организаций), в результате чего неинституциональное гражданское участие является пока более распространенным явлением. Кроме того, оценивая потенциал участия граждан в общественно-полезных делах, следует отметить, что третья часть жителей малых и средних городов на вопрос о возможности решения каких-либо городских проблем общественными организациями или самими гражданами отметили, что общественники ни одну из проблем решить не смогут. Возможно, это обусловлено тем, что население не наблюдает конкретных результатов деятельности общественных организаций по решению тех или иных социальных проблем в городе.

По результатам исследований ФОМ 2012–2013 гг., посвященным изучению ресурсов добровольческого движения, недовольство общественников чаще всего вызывает стремление властей регламентировать их деятельность в соответствии с собственной системой правил регистрации членства, отчетности, регламентации деятельности, поэтому возникают «трудности встраивания в институциональную среду, предназначенную для бюджетных учреждений, работающих в высоко регламентированных сферах деятельности», и что свидетельствует о неготовности со стороны государства принимать общественные организации в качестве равноправного партнера для решения общих проблем.

Данные опроса общественного мнения, проведенного ФОМ среди представителей бизнес-сообщества, позволяют сделать выводы о том, что уровень

социальной ответственности бизнеса в России пока еще не высок (55% респондентов оценили ее как низкую; лишь 21% опрошенных полагают, что бизнес должен брать на себя часть социальных расходов местных и региональных властей и 29%, что представители бизнеса должны помогать социально незащищенным слоям).

Именно поэтому в настоящее время одной из главных задач органов власти должно стать освоение и дальнейшее продвижение различных технологий прямой демократии и становления гражданского общества. Партнерский подход позволит создать новые возможности для общественного развития за счет возможностей каждого сектора и новых путей их применения.

Социальная политика градообразующих предприятий в моногородах

Милькина И.В.

Государственный университет управления, Россия, Москва

За последние пять лет проблемы развития моногородов приобретают все большую актуальность в связи с масштабами их распространения на территории России. Комплекс мер государственной поддержки модернизации моногородов реализуется в России с 2009 года. В 2014 году законодательно определен перечень моногородов, куда вошли 313 моногородов (из 62 субъектов РФ), сгруппированных по уровню социально-экономического развития.

Один из факторов, способствующих возникновению кризисной ситуации в области функционирования и развития моногородов связан с усилением глобализации в стране, особенно в сфере экономики, что приводит к тому, что градообразующие предприятия, являющиеся основным экономическим ресурсом моногородов, эффективно работавшие в условиях плановой экономики, становятся неконкурентоспособными на мировом и отечественном рынке вследствие снижения спроса на производимую ими продукцию, износа основных фондов, устаревания технической базы, недостаточной квалификации персонала и др. Что, в свою очередь, приводит к проблемам, возникающим в процессе функционирования основных систем жизнеобеспечения и социальной напряженности в

моногородах.

Вследствие этого, становится актуальной практика эффективного взаимодействия власти и бизнеса. Примером подобного взаимодействия может выступать реализуемая на территории моногородов социальная политика градообразующих предприятий, органично встраиваемая в социальную политику государства, региона, города.

Так, интересен опыт участия ОАО «Северсталь» в развитии социальной сферы моногорода Вологодской области – Череповца. В 1999 г. в целях поддержки предпринимательства мэрией Череповца и ОАО «Северсталь» было учреждено некоммерческое партнерство «Агентство Городского Развития». Это организация инфраструктуры развития бизнеса на муниципальном уровне, чья работа строится на основе механизма государственно-частного партнерства. Соответственно, интересы крупного сектора экономики города представляет ОАО «Северсталь»; общественности и власти – мэрия Череповца. НП «Агентство Городского Развития» реализует комплекс мер, направленных на поддержку социальных предпринимателей: информационно-консультационное сопровождение, развитие и повышение предпринимательских бизнес-компетенций в области социального предпринимательства, пропаганда и популяризация социальных проектов. Так, некоммерческим партнерством поддерживаются социальные проекты, связанные с созданием и функционированием детских досугово-развивающих центров, предоставлением клининговых и социально-бытовых услуг инвалидам и пенсионерам и др.

НП «Агентство Городского Развития» является координатором проекта по развитию социального предпринимательства в Вологодской области в рамках соглашения с Фондом региональных социальных программ «Наше будущее», которое оказывает финансовую поддержку (беспроцентные кредиты до 10 млн руб.) социальных программ. Например, проекты в г. Череповец и Череповецком районе, поддержанные Фондом «Наше будущее»: детский досуговый центр, центр развития детей с ограниченными возможностями (инд.предприниматели); медицинский центр (ОАО «Панацея»), проект по пере-

работке пластиковых отходов (инд.предприниматель) и др.

ОАО «Северсталь» реализует комплекс благотворительных программ в г. Череповец, Череповецком районе и других регионах присутствия: комплексная программа «Дорога к дому» (Вологодская обл.; города Балаково, Воркута, Костомукша, Оленегорск, Великий Устюг, Волгоград), фестиваль для детей с ограниченными возможностями «Шаг навстречу» (города Балаково, Саратов, Энгельс), череповецкое музейное объединение (г. Череповец), хоккейный клуб «Северсталь» (г. Череповец) и др.

Еще один положительный опыт реализации социальной политики в моногородах может быть рассмотрен на примере градообразующего предприятия г. Норильск ОАО «ГМК «Норильский никель». Так, для привлечения молодых специалистов ГМК реализуется программа «Наш дом», суть которой заключается в том, что готовые для проживания квартиры приобретаются на средства ГМК в различных регионах РФ и предоставляются работникам на условиях софинансирования: до половины стоимости квартиры оплачивает ОАО «ГМК «Норильский никель», остальное – работник в течение 5–10 лет. Все это время он должен работать в подразделении компании. Кроме того, компания участвует в благотворительных проектах не только в социальной сфере, но также поддерживает экологические программы: финансирование программ развития заповедников, исследовательских работ по изучению флоры и фауны регионов присутствия и др.

Таким образом, помимо государственных программ поддержки диверсификации и модернизации моногородов, являющихся важным инструментом регулирования экономики, значимая роль отводится компаниям (градообразующим предприятиям), расположенным в моногородах, способных содействовать социальному развитию городов и регионов присутствия, росту благосостояния своих работников и их семей, стабильному развитию территорий.

Общественное мнение как коллективное оценочное суждение и социально-политический институт

Михайлов В.А.

Тверской государственный университет, Россия, Тверь

Природа общественного мнения соответствует специфике социальной реальности: наши представления вплетены в самую реальную жизнь, а, значит, являются не только одним из способов отражения социальной реальности, но и важной формой ее преобразования.

Данный факт нашел свое выражение в существовании двух основных подходов к изучению природы, структуры и функций общественного мнения: 1) гносеологический (общественное мнение как ментальное явление, как коллективное оценочное суждение) и 2) социологический (общественное мнение как социальный институт, регулятор общественных отношений). В первом случае изучаются: специфика субъекта и объекта общественного мнения, форма отражательного процесса, уровень информированности, степень достоверности мнений и проч. (например, до сих пор до конца не ясно, в чем состоит специфика отражательного процесса в форме политической идеологии и политической науки), во втором – место и роль общественного мнения, функции и дисфункции общественного мнения и проч. (например, хорошо бы, наконец, вразумительно прописать, в чем состоят особенности воздействия политической идеологии и политической науки на общественное мнение).

Место, роль и значение общественного мнения в политической жизни мало зависит от предмета (направленности) и степени его истинности или ложности. Главное – характер и степень публичной выраженности, влияние на гражданское общество и государство. В силу этого политическая борьба разворачивается, с одной стороны, за правильное истолкование народной воли, с другой – за навязывание широкой общественности своей точки зрения. В итоге в качестве одной из основных политических технологий становится манипулятивная подмена *изучения* общественного мнения его *изменением*.

В условиях развитой демократии взаимоотношения между государством

и гражданским обществом достаточно четко определены и сбалансированы. Место и роль общественного мнения в социальной структуре общества и политическом процессе жестко фиксируются (оно обретает ясно выраженные и ограниченные законом формы своего выражения и проявления). Уровень и характер демократического устройства того или иного общества проявляется как в *качестве* коллективных оценочных суждений, так и в *количестве* тех людей, которые участвуют в формировании (а не только функционировании) общественного мнения.

В роли коллективного оценочного суждения общественное мнение «дает оценку» фактам, событиям, лицам и вырабатывает отношение к ним. Когда коллективное отношение преобразуется в поведенческие реакции, тогда общественное мнение начинает выступать как важный социальный институт. У общественного мнения как коллективного оценочного суждения и как социально-политического института – *разные* функции: в первом случае – это достижение согласия рациональными средствами (одинаковость суждений с помощью публичного обмена аргументами), во втором случае – это достижение согласия с помощью социально-политического влияния и социального контроля. В обоих случаях можно говорить о формах превращения общественного мнения (оценки) в те или иные феномены социально-политической жизни (поведение), хотя в первом случае на первом месте стоит индивидуальное, а во втором – коллективное мнение.

Общественное мнение является лишь одним из многих и многих социальных институтов, появляющихся и исчезающих в общественной жизни. Естественно, как и все остальные социальные институты, общественное мнение может выступать одновременно и как *цель*, и как *средство* деятельности различных социальных организаций и функционирования социальных институтов. Например, антидемократические режимы используют общественное мнение, в основном, как средство, а продвинутые демократии видят в общественном мнении одну из целей своей деятельности.

Общественное мнение связано тысячами нитей со всеми другими соци-

альными институтами, функционирующими в обществе в данный период времени. При этом статус, а значит, место, роль и значение общественного мнения проявляются как раз набором и характером взаимосвязей общественного мнения с другими социальными институтами.

Должна ли власть прислушиваться к общественному мнению? Брайс, Новгородцев и многие видные представители теории общественного мнения отвечали – и да, и нет: при установлении *целей* общественного развития это делать надо обязательно (в силу влияния общественного мнения как социально-политического института), но при определении *средств* достижения прокламируемых целей это делать вовсе не обязательно (в силу некомпетентности общественного мнения).

Общественное мнение это всегда «разногласица» (распределение) мнений. От имени народа говорят очень многие субъекты политического процесса. При этом каждый орган выражения общественного мнения стремится выдать свои собственные мнения за мнения народа. Рано или поздно государству приходится принимать ту или иную точку зрения и возводить частное во всеобщее. Тем самым государство берет на себя функцию *окончательного* выражения общественного мнения (в виде законов, которым должны подчиняться все и независимо от собственного мнения).

Народ – конституционно единственный источник верховной власти – реально выступает таковым, в лучшем случае, только на референдумах и выборах, а в остальное время в качестве этого источника опосредованно выступает общественное мнение (как одна из форм осуществления непосредственной демократии в эпоху господства опосредованной демократии). Главной для современных демократий является проблема всемерного расширения и защиты достоверных источников информации. Реальная демократия требует «просвещенного» общественного мнения. Не только формирование, но и функционирование (выражение) общественного мнения требует соответствующих *условий* и *каналов*.

Язык и социальная реальность

Могилевич Б.Р.

*ФГОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского», Россия, Саратов*

Соотношение языка и общества, языка и идентичности актуализирует вызовы глобального социума. В языке и посредством языка манифестируются глубокие, разнообразные и противоречивые социальные трансформации современности. Можно с уверенностью утверждать, что язык обладает социальной властью и над социумом и над каждым индивидом в отдельности. Переломные процессы цивилизационного переустройства коррелируют с фундаментальными экзогенными и эндогенными, интравертивными и экстравертивными процессами в языках. Обостряются национально-этнические проблемы, усложняется межкультурная коммуникация. На лицо присутствие двух тенденций: четкое обозначение идентичности и усиление власти языка в глобальном мире; с другой стороны, ослабление и потеря языка и идентичности и, как следствие, обеднение и стагнация всего этноса. Особую важность приобретает поиск социальных технологий в рамках социологии языка теории дискурса, коммуникативистики и эколингвистики. Моделируя социальную семантику, язык функционирует как основной механизм социализации, инкультурации и аккультурации. Наряду с функцией объективации окружающей действительности, язык выполняет еще одну важнейшую функцию – конструирование социальной реальности. Таким образом, язык – это социальная реальность, существующая в любой социокультурной среде. Исследование социальной власти языка в глобальном пространстве невозможно без опоры на методологический базис неклассических социологических теорий этнометодологии, феноменологии, а также социологии знания и социальных коммуникаций.

Социально-политический анализ феномена модернизации России

Мокшин В.К.

Институт социально-гуманитарных и политических наук Северного

(Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск

Говоря об актуальности изучения модернизации России важно отметить, что эта проблема стала основным предметом обсуждения и в политических и научных кругах после известной статьи Д.А. Медведева. Но эта проблема остается одной из ключевых теоретических и методологических проблем, решение которой еще не имеет инструментов социально-политического анализа в современной России. Сегодня, как в государственных структурах, так и в политических партиях, общественных объединениях, присутствуют весьма глубокие сомнения относительно судеб очередной попытки модернизировать страну, которая делала неоднократные попытки преодолевать отставание и вновь сталкивалась с необходимостью модернизации. В последнее время идет напряженный поиск ответов на вопрос, что такое модернизация применительно к XXI веку.

В научной литературе под модернизацией понимают процесс, целью и результатом которого является превращение ранее отставшей страны в социум, который может развиваться на естественной основе, свободно конкурируя с остальными членами международного сообщества и по мере необходимости переходить от одного политического режима к другому. Таким образом, модернизация – это политическое и экономическое условие, устраняющее необходимость своего повторения в будущем и открывающее путь гармоничному развитию.

В этом смысле показателен пример Японии, опирающейся в процессе своей модернизации с опорой на западные технологии, стремилась к возрождению национального духа и традиций. Модернизацию, сопряженную с национально-культурным возрождением трактуют в литературе как «органическую», в отличие от насильственной догоняющей ее формы, не имеющей опоры в национальной культуре и традициях. Вызывает неудовлетворенность расширительное толкование модернизации, в которое включают любые переходные общественные состояния, затрудняет социально-политический анализ качественной стороны модернизации.

Воспринимающие модернизацию как технолого-экономический, а не

гуманитарный, имеющий «человеческое измерение» процесс, авторы делают акцент прежде всего на экономическом, научном и технологическом уровне. Поэтому сущность модернизации по их мнению, заключается в императиве модернизации производства (или путем введения новых технологий или введения новых управленческих и организационных элементов) и в требовании утверждения меритократической системы вознаграждения.

Политическая модернизация предназначена соединить формальную демократию и рыночную экономику с социальной ответственностью, которая бы, в числе прочего, гарантировала социальное согласие. Важно найти в процессе модернизации ключ к поддержанию компромисса между силами эксплуатации во имя прибыли, которые пытаются преодолевать все существующие границы, и принципом социальной и экологической ответственности, который действует как помеха для этих крайне экспансивных сил.

По традиции социологического анализа модернизация с XVIII в. и даже в 1950-х гг. воспринималась как кредо среднего класса. Однако модернизация обеспечила уровень успеха одних, но и выявила уровни незащищенности всех. Фундаментальный вопрос таков: является ли переход от мира организаций индустриального общества к миру связей гражданского общества дальнейшим логическим шагом в процессе модернизации? И если так, каковы его последствия для социального сектора?

Модернизация в различных странах, не способствуя освобождению человека от оков отчуждения, показала, что ее успехи были использованы для наращивания частной прибыли сверх пределов, вообразимых до этого времени. Социальное государство, которое было переходным историческим компромиссом между хищническими силами капиталистического рынка и обязательством социальной ответственности общества за своих членов переживает глубокий кризис.

Модернизация противоречивый процесс, связанный с разрушением социальной сферы. Это касается различных социальных групп общества, когда одна часть населения выигрывает при переходе от домохозяйств к организаци-

ям, а остальная часть населения теряет даже то, что им было гарантировано в эпоху домодернизационных организаций. Небольшое число способных индивидов вылетают из демонтированных организаций в мир сетей, где они поднимаются выше, чем это было возможно для них даже на высшей организационной платформе. Остальные теряют точку опоры и падают ниже первого этажа бывших организаций во все увеличивающийся сектор маргинальных и исключенных индивидов.

Авторы в России имеют пессимистические взгляды. Они считают, что модернизационный потенциал России практически исчерпан. В XX веке слишком много сил нации было истрачено в ненужных мобилизациях, слишком велико разочарование от неудач и слишком дезинтегрированы народ и элиты, чтобы можно было предпринять новую попытку прорыва. И это печально на фоне агрессивной экспансии Запада против России из-за событий на Украине. В какой-то мере эти события создают и благоприятные условия для резкого скачка в экономике и социального развития страны, повышения благосостояния народа. Нужна политическая воля лидеров, элит и народных масс обеспечить прорывы на всех направлениях и из импульсивной сделать модернизацию органичной. Примеры Японии, Южной Кореи в 1950-е годы, Китай являются образцами для России.

Образование в области ИКТ как средство преодоления цифрового неравенства в России

Монахов Д.Н.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Информационные технологии являются одной из основных движущих сил в современном мире. В докладе раскрываются проблемы цифрового неравенства в России и пути и его преодоления; проанализированы результаты социологических исследований по следующим направлениям: 1) компьютеризация и цифровизация всех регионов; 2) подготовка и переподготовка кадров к использованию информационных технологий в социальной, профессиональной

и образовательной деятельности.

Информационный разрыв сегодня – это не отсутствие компьютера, а несформированная потребность и готовность человека быть членом информационного сообщества. Нами понимается понятие «готовность к использованию ИКТ» как интегральное качество личности, состоящее из следующих компонентов: информационного, включающего владение теоретическими знаниями, необходимыми для применения ИКТ в образовательной и профессиональной деятельности; ценностно-мотивационного, отражающего побуждения обучающихся к совершенствованию в области ИКТ; операционного, отражающего развитую готовность к интегрированной деятельности в информационно - коммуникационной среде, возникающее в результате целенаправленной подготовки в вузе.

В январе-октябре 2014 года нами проводилось анкетирование слушателей курсов повышения квалификации, магистров и учителей общеобразовательных школ, то есть тех людей, которые имеют опыт работы в профессии. Итогом стали результаты, подробно описанные в докладе. Они указывают на недостаточную готовность к использованию ИКТ.

В образовательном процессе вуза сами ИКТ становятся средством обучения и формирования готовности их использования студентами. Современные образовательные ИКТ позволяют на практике осуществить переход: от синхронного процесса обучения к асинхронному; от статического представления учебного материала – к динамическому; от однонаправленного представления материала – к интерактивному; от мономедийного представления учебной информации – к мультимедийному. Формирование готовности использовать ИКТ в образовательной, профессиональной и социальной деятельности позволит преодолеть одну из проблем, стоящих на пути к цифровому равенству в России.

Вузовские выпускники России и Казахстана: сравнительный анализ территориально – трудовой мобильности

Монтаев А.Б.

Вузовские выпускники являются самой мобильной частью молодежи и их основной проблемой является трудоустройства. Исходя из этого в 2013–2014 годах было проведено социологическое исследование методом анкетирования, нацеленное на изучение стратегий вузовских выпускников России и Казахстана в сфере занятости (целевая выборочная совокупность составила 500 человек). Анализ в рамках сравнительного подхода показал, что значительная доля Российских выпускников хотели бы переехать в другой город – 48,6%, тогда как солидарных с ними Казахстанских выпускников составляет – 44,7%. Российские выпускники демонстрируют чуть более высокий уровень территориально-трудовой мобильности.

В ходе опроса внимание акцентировалось на готовности выпускников работать на сельской местности в рамках сравнительного анализа. 47,2% выпускников Казахстана готовы сразу после окончания вуза поехать и работать сельской местности. Показатель готовности Российских выпускников работать на сельской местности несколько иной: 24,4% выпускников готовы работать на сельской местности, тогда как 75,7% выпускников выбрали вариант «нет».

При выявлении знания выпускников о программах поддержки молодых специалистов, работающих на селе было обнаружено, что Казахстанские выпускники больше, чем Российские выпускники знают о молодежных программах: соответственно 88,1 и 52,1%. Это говорит о том, что Казахстанские выпускники больше информированы государственными службами по трудоустройству.

При выявлении аргументов работы на селе молодого специалиста было обнаружено, что для Российских выпускников преобладающими причинами является предоставление жилья – 26,6%, доплаты к заработной плате – 23,6%, выплата подъемных – 19,2%. У Казахстанских выпускников рейтинг причин несколько иной: для них тоже очень важно предоставления жилья – 29,9%, возможность карьерного роста – 22,4%, на третьем месте возможность работать по

специальности – 15,4%. Тот факт, что возможность предоставления жилья оказалось значимым как для Российских, так и для Казахских выпускников, свидетельствует о том, что выпускники адекватно понимают важность собственного жилья как стратегического ресурса. Кроме того это свидетельствует о том что профориентированность казахских выпускников в два раза выше, чем у российских. Таким образом, для Российских выпускников работа в селе интересна высоким доходом, а для казахских – важнее карьерный рост и возможность работать по специальности.

При выявлении желания выпускников работать по специальности, выяснилось, что 65,4% выпускников вузов Казахстана желают работать по специальности, тогда как солидарных с ними Российские выпускники – 60,4%. Не определившиеся с выбором работать по специальности среди Российских выпускников составили группу в 13,2%, соответственно Казахские выпускники 5,7%.

Среди причин не желая работать по специальности для Российских выпускников на первом месте является низкая оплата работы по специальности 39,5%. На втором месте – отсутствие интереса к своей специальности – 18,4%. На третьем месте – низкая востребованность специалистов данного профиля – 15,8%. У Казахских выпускников рейтинг причин не работать несколько иной: не хватает практических знаний, нет опыта работы – 30,4%, трудности трудоустройства – 23,9%.

В ходе анализа внимание акцентировалась на желаемую зарплату молодого специалиста только что закончившего вуз. 34,0% российских выпускников сразу после окончания вуза ориентированы на размер заработной платы 21–30 тысяч рублей, тогда как казахские выпускники, ориентированных на подобный уровень заработной платы – 6,7%. При этом значительная доля казахских выпускников 36,2% указывают желаемый размер заработной платы 11–15 тысяч рублей. Таким образом, российские выпускники ориентированы на более высокий уровень заработной платы, чем казахские.

Таким образом, сравнительный анализ стратегии территориально-

трудоустройству, профоринформированность казахстанских выпускников в 2 раза выше, работа в селе интересна карьерным ростом и возможностью работать по специальности, для казахстанских выпускников, больше чем для российских, актуализирована проблема изменения своего семейного статуса и расширение круга друзей для активизации своих сетевых взаимодействий.

Современный спорт в системе социальных коммуникаций

Моченов В.П.

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Россия, Москва

Методологическая переориентация современной социологии от изучения социального действия и взаимодействия (М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.) к анализу социальных коммуникаций (Н. Луман, Ю. Хабермас и др.) открывает новые возможности исследования скрытых механизмов, формирующих современную социокультурную ситуацию. Коммуникативный подход позволяет обратиться к анализу общекультурного контекста, объясняющего динамические процессы в современном обществе.

С точки зрения динамики социокультурных процессов особый интерес для социологов представляет сегодня стремительное движение спорта от периферии культуры к ее центру. Спорт становится важным фактором современного мира. В середине XX века Ортега-и-Гассет сказал, что торжество спорта свидетельствует о победе ценностей молодости над ценностями старости.

Востребованность спорта как генератора культурных смыслов объясняется тектоническим сдвигом в европейской ментальности. Превосходство духа

над телом, утвердившееся со времен Платона и Аристотеля, в XIX веке сменяется реабилитацией телесности, осуществленной в философии жизни Ф. Ницше, в психоанализе З. Фрейда, в экзистенциализме, в марксизме и прагматизме. Существующий сегодня недостаток социологических, культурологических и философских исследований спорта как феномена современной культуры объясняется тем, что многие представители гуманитарного знания продолжают находиться в рамках платоновско-аристотелевской традиции.

Сегодня в десакрализованном и «приземленном» мире постмодерна на первое место выходят ценности внешней успешности, технологичности и прагматизма. Именно эти ценности создаются в современной модели спорта, который представляет собой соперничество в искусственных условиях, по определенным правилам, под контролем независимых судей.

Современный спорт как генератор «ювенильности» меняет вектор современной культуры. Французский философ Мишель Фуко метко выразил эту смену культурных ориентиров во фразе: «В наше время здоровье заменило спасение». Действительно, если в традиционной европейской христианской культуре главной ценностью было спасение души, то сегодня главное – это здоровье и долголетие. Спорт генерирует в обществе ценности молодости, смелости, мужества, силы, прагматизма, умения преодолевать себя, владеть своими эмоциями и концентрировать свою энергию, быть успешным и технологичным. Спорт создает образцы для подрастающего поколения, которые учат молодежь верить в свои силы и быть мужественным в любых жизненных ситуациях.

Помимо генератора культурных образцов вечной молодости спорт сегодня претендует на функцию социального интегратора, способного сплотить общество на базе патриотических настроений и вселить в человека, отдаленного от социума чувство солидарности. Победы на спортивных площадках во всех странах мира вызывают прилив патриотических чувств, выполняют функции сплочения нации. В праздновании спортивных побед принимают участие даже те люди, которые совсем не разбираются в правилах спортивных соревнований. В условиях интенсивной урбанизации, характерной для всех стран мира, чело-

век, постоянно находясь в окружении большого скопления народа, чувствует себя одиноким и ощущает дефицит человеческого общения. В этих условиях трибуны стадиона становятся ареной мощного эмоционального объединения людей.

На наших глазах появляется социальный феномен футбольного болельщика. Во многих странах мира футбольные фанаты втягиваются в политические процессы (Москва – декабрь 2010; Варшава – июнь 2012; Одесса – май 2014; Кельн – октябрь 2014). Футбольные фанаты – это мобильные, хорошо организованные сильные и здоровые молодые люди, склонные к насилию.

В социологическом плане эта проблема требует специальных исследований, поскольку в ней содержится целый комплекс сложных вопросов: каковы социокультурные механизмы сплочения групп болельщиков, каков социальный портрет современного болельщика, в чем кроется причина агрессивного поведения, почему в среду болельщиков проникают сепаратистские, расистские, националистические, этнические, и др. настроения, каковы оптимальные механизмы управления поведением болельщиков и т.д.

Спортивные соревнования являются уникальным средством социализации молодежи. Соперничество как модель противопоставления себя сопернику формирует у человека стремление утвердить себя в широком социальном контексте, доказать себе, что в сообществе людей он принят и его ценят. Сегодня эта модель работает не только в рамках первичной социализации, но и в ситуациях ресоциализации (спорт среди людей с отклонениями в здоровье, спорт для пожилых людей, спорт в местах заключения и т.д.).

В современном мире спорт становится важным фактором глобализации мирового сообщества. Он по своей природе деидеологизирован, доступен, демократичен, денационализирован, лишен конфессиональной принадлежности, апеллирует к вечным общечеловеческим ценностям.

Взаимодействие гражданского общества и публичной власти как социологическая проблема

Мурзина И.А.

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», Россия, Пенза

Российское общество на протяжении последних лет находится в процессе социальных изменений, связанных с системным переходом от одного общественно-экономического устройства общества к другому. В этих условиях перед социологической наукой стоит задача детального анализа тех социоструктурных и институциональных оснований нового социального порядка, от которых зависит целостность общества и воспроизводство в нем социальной солидарности. Данная задача особенно актуальна из-за глубины и масштабности трансформационных процессов, происходящих в посткоммунистический период развития нашей страны. Социальные изменения конца XX – начала XXI в. означают пересмотр самих оснований взаимодействия между различными сферами общественной жизни и, прежде всего, изменение взаимоотношений между обществом и властными институтами. Можно констатировать, что изменение социальной роли государства является одним из важнейших направлений модернизации российского социума.

В условиях развития современного российского общества все чаще поднимается вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества, на первое место ставится необходимость совместной выработки решений по общезначимым социальным проблемам, затрагиваются многие аспекты той сферы, в которой осуществляется диалог.

В соответствии с этим взаимодействие между государством и гражданами должно строиться на базе партнерских отношений, а не на основе государственного патернализма; задачи же государства должны определяться в ходе публичной дискуссии. Между государством, гражданами и обществом в целом должно развиваться сотрудничество и осуществляться разделение ответственности. Государство призвано инициировать процессы решения общественных проблем, выступать в роли посредника и устанавливать рамки ответственности для участников этих процессов.

Для адекватного анализа институциональных механизмов взаимодей-

ствия между гражданским обществом и публичной властью важно решить вопрос о соотношении понятий «гражданское общество» и «гражданская сфера социальной жизни». По нашему мнению, последнее понятие обладает большим объемом. Гражданская сфера – это вся область социальных отношений, находящаяся вне государственного контроля, в то время как гражданское общество представляет собой способ социальной негосударственной самоорганизации граждан, автономную форму социальной солидарности, которая может воспроизводить целостность общества даже в ситуации кризиса или коллапса власти.

Взаимосвязь гражданской сферы и гражданского общества не сводится к простой взаимосвязи целого и части, она носит более сложный характер. С одной стороны, автономия гражданской сферы относительно системы властных организаций в значительной степени обеспечивается за счет существования в рамках этой сферы институтов гражданского общества, организованность которого является важной гарантией от возможного чрезмерного вмешательства власти в функционирование гражданской сферы. С другой стороны, социокультурные предпосылки существования гражданского общества формируются в недрах более широкой гражданской сферы социальной жизни. Это происходит как в процессе осуществления повседневных индивидуальных социальных контактов внутри данной сферы, так и в ходе обычных взаимодействий представителей гражданской сферы с представителями властных институтов, т.е. на микросоциальном уровне взаимодействия. Подчеркнем, что анализ подобных контактов – особенно институционализированных – предполагает использование именно методологического инструментария социологии.

Кроме того, от качества институциональной инфраструктуры, обслуживающей взаимодействие между всей гражданской сферой общественной жизни и властью, в значительной степени зависит становление новой, гражданско-правовой культуры населения. В свою очередь трансформация культурных установок способствует процессам гражданской консолидации людей в деле защиты индивидуальных и групповых интересов, т.е. появлению в рамках гражданской сферы общественной жизни гражданского общества. Но в таком

случае в центре внимания социологов, исследующих процессы самоорганизации социума, должны оказаться те социальные институты, в рамках которых реализуются рутинные социальные контакты между обычными гражданами и системой публичной власти. Одним из таких институтов является институт публичной услуги. Данный социальный институт призван регулировать общественные отношения при посредничестве публичной власти. Он функционирует лишь в правовом обществе и соответствует стандартам данного общества при соблюдении двух условий: если получателем услуги является не общество в целом, а отдельные граждане либо отдельные ассоциации граждан и если оказание услуги не влияет на положение ее получателя в системе конкурентного социального взаимодействия.

Правовая культура российских граждан и рост национализма в российском обществе

Муртазалиев М.М.

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону, Таганрог

Настоящий доклад посвящен очень актуальной для современного российского общества теме, поскольку затрагивает сразу две важнейших проблемы страны – уровень развития правовой культуры российских граждан и рост националистических настроений среди населения России. Распространение националистических настроений является своеобразной реакцией на процессы глобализации, массовой миграции из стран ближнего и дальнего зарубежья, изменения демографического соотношения различных этнических групп в стране.

В сочетании с определенными проблемами в сфере развития правовой культуры в российском обществе это представляет значительную опасность для социального порядка и стабильности современной России, способствуя росту преступности на почве межнациональных отношений, проявлений экстремизма и ксенофобии в российском обществе. Противодействие данным процессам не представляется возможным без формирования научной базы, в том числе и социологического знания о взаимосвязи низкой правовой культуры и роста ксе-

нофобии в российском обществе, чем и объясняется актуальность настоящего доклада.

Целью доклада является определить степень взаимного влияния уровня правовой культуры и распространения национализма в современном российском обществе. Для достижения этой цели автор ставит перед докладом следующие задачи: выявить влияние процессов миграции на рост правового нигилизма в российском обществе, обозначить основные детерминанты правового нигилизма в мигрантской среде, определить влияние правовой культуры мигрантов на рост правового нигилизма в среде коренного населения.

В докладе автор подробно останавливается на освещении вопроса о влиянии особенностей правового поведения отдельных представителей этнических диаспор, мигрантов из иностранных государств, на формирование ответных поведенческих установок коренного населения. Ведь во многих случаях именно низкая правовая культура мигрантов, проявляющаяся в их неуважении к нормам законодательства, образу жизни принимающей страны, детерминирует этническую преступность и становится одной из причин роста национализма среди коренного населения Российской Федерации.

Автор акцентирует внимание на факторах, обуславливающих низкий уровень правовой культуры мигрантов и некоторых этнических диаспор, и влияющих на специфику их правового поведения. К ним он относит особенности национального менталитета и традиционной культуры некоторых этнических групп, диктующие направленность поведенческих установок, в том числе и в направлении соблюдения законности, а также общесоциальные факторы. К последним автор относит, прежде всего, социальный статус мигрантов, их положение в социальной системе российского общества. Автор обращает особое внимание на конфликтогенный потенциал этнических анклавов мигрантов как фактора распространения правового нигилизма в мигрантской среде и провоцирования националистических настроений в среде принимающего общества.

Идентификационные риски как проблема социологического анализа

Муха В.Н.

ФГБОУ ВПО Кубанский государственный технологический университет,

Россия, Краснодар

Все больше внимание социологов привлекают вопросы, связанные с многоликостью природой рисков в обществе. Одним из таких направлений является исследование рисков идентификационных процессов.

В современном обществе риск выступает в качестве одной из черт формирования идентичности, а сам процесс социальной идентификации превращается в проблему. Социальные изменения ведут к появлению идентификационных рисков, т.е. потенциальных угроз существованию индивида и определенной социальной группы, вызываемых созданием или поддержанием социальной идентичности.

Динамичные процессы, протекающие в обществе, затрагивают, прежде всего, институциональный уровень, который через систему социальных институтов влияет на процесс идентификации личности. В качестве основных институциональных механизмов формирования социальной идентичности выступают семья, образование и средства массовой информации. Именно благодаря нормальному функционированию социальных институтов поддерживается совместная кооперативная деятельность людей в группах и организациях. На основе такой интеграции у индивида формируется чувство принадлежности к социальной группе, которое обеспечивает, с одной стороны, подчинение личности существующим нормам, а с другой – групповую защиту, что, в свою очередь, способствует поддержанию стабильности и целостности общества. Нарушение нормального функционирования социальных институтов ведет к нарушению идентификационных процессов.

Можно выделить основные риски, сопровождающие идентификационные процессы российского социума. Такими рисками выступают геополитические риски, обусловленные реструктуризацией мирового социального пространства; риски экономической поляризации; демографические риски; техно-

генные риски. Отдельно следует отметить риски, связанные с неопределенностью идентичности: риски кризиса идентичности и риски делинквентной идентичности.

Социальная идентичность – это многоуровневое образование, включающее этническую, религиозную, региональную, национально-гражданскую, геополитическую и цивилизационную идентичности. Обозначенные уровни тесно взаимосвязаны и представляют собой иерархически структурированную, и в то же время сложно организованную систему и каждый из ее уровней связан с определенными родами рисков.

В рамках реализации проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона» (грант Президента РФ МК-4165.2013.6) проводился социологический опрос населения Краснодарского края (выборка 1000 человек, метод анкетного опроса, 48 полуструктурированных глубинных интервью). Обобщая данные анкетирования и интервью можно выделить следующие риски, связанные с тем или иным уровнем социальной идентичности. Так этническая идентичность и процесс ее становления сопряжены в полиэтническом регионе с риском актуализации этнической принадлежности, что в свою очередь может способствовать росту интолерантных межэтнических установок, усилению уровня бытового национализма и т.п. Риски гражданской идентичности обусловлены тем, что активное участие в общественной и политической жизни не рассматривается как важный атрибут гражданской идентичности.

Региональная идентичность характеризуется ощущением индивида общности с территориальным образованием, значимости проживания на той или иной территории, а также набором характеристик, отличающим жителей его территории. Основными рисками в данном случае будут являться доминирование региональных интересов над общероссийскими, а также чувство своего собственного превосходства как представителя уникальной общности, что может негативно отразиться на взаимодействии с выходцами из других территорий.

Риски, связанные с религиозной определяются тем, что отношение к ре-

лигии опосредует поведенческие модели. Соответственно, разрыв между декларируемой религиозностью и практическим проявлением веры, которое зафиксировало исследование, может свидетельствовать о скрытом кризисе религиозной идентичности. Кроме того, учитывая тенденцию отхода от традиционного понимания религии и исполнения религиозных практик, перехода к индивидуальной религиозности, для которой свойственно вариативное или ситуационное следование религиозным нормам с приоритетом собственных интересов и мнений, появляется вполне реальная угроза активизации различного рода сект.

На других уровнях идентичности наиболее выраженных рисков не наблюдается, что позволяет говорить только о потенциальных угрозах, для реализации которых в данный момент нет необходимых условий.

Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона», поддержанного грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)

Структура занятости сельской молодежи

Муханова М.Н.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Сельское хозяйство является первичным звеном в выполнении продовольственной безопасности программы страны и как база повышения уровня самообеспечения регионов России продуктами питания. Успешное развитие сельского хозяйства во многом зависит от качества человеческого капитала, которое определяется, прежде всего, ролью сельской молодежи, ее инновационным потенциалом. Объект исследования – российская сельская молодежь. Предметом исследования является структура занятости сельской молодежи. Эмпирической базой являются панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2013 гг. [1]. В данном случае используются результаты индивидуальных интервью сельской молодежи с 15 до 30 лет. В 2013 г. в выборочной совокуп-

ности они составляли 1191 человек или 20,9%.

Модальной группой (39%) в структуре занятости сельской молодежи являются работающие на предприятии, в организации, колхозе, совхозе, кооперативе. Большинство из них работают в торговле (20%), образовании и здравоохранении (14%), сельском хозяйстве (12,5%), строительстве (11,2%), транспорте и связи (8,2%), пищевой и легкой промышленности (6,5%). Несмотря на то, что за два десятилетия численность социальной сферы на селе сократилась, молодежь предпочитает работать в школах, медпунктах, предприятиях торговли, бытового обслуживания, досуга, почты и сельском совете. Привлекательность труда работающих в бюджетных организациях состоит в том, что им гарантируется относительно стабильная занятость и денежная оплата труда, которая может быть минимальной.

Изменения, произошедшие в сфере образования в 1990-х годах, привели к широкому доступу получения высшего образования. Быстрый рост числа студентов вузов, колледжей также сказался на структуре занятости молодых селян. В 2013 г. увеличение более чем в четыре раза численности студентов среди сельской молодежи по сравнению с 1994 г. повлекло резкое снижение численности учащихся, обучающихся в профессиональных училищах, которые готовили рабочих высокой квалификации. Это и обусловило то, что численность работающей сельской молодежи с незаконченным средним образованием (7–9 классов) увеличилась с 15,8% в 1994 г. до 20,0% в 2013 г. В отдельные годы (2006 и 2012 гг.) их численность достигала до 28%. Почти половина из них работают неквалифицированными рабочими, остальные – квалифицированными рабочими и в сфере обслуживания.

В структуре занятости сельской молодежи велика доля безработных, находящихся в поиске работы (9%) а также тех безработных, которые не ищут работу и не пытаются куда – либо устроиться (8%). Возможно, кто-то из них находится на подхвате, т.е. люди свободного труда, выполняют работу фрилансера. Другие, возможно, ведут асоциальный образ жизни (тунеядцы, алкоголики и пр.). В целом в структуре безработных более трети (32%) составляет мо-

лодежь.

В 2013 г. по сравнению с 1994 г. доля работающей молодежи увеличилась в профессиональных группах, где требуется соответствующий образовательный уровень. Если проследить внутригрупповое изменение состава профессионалов с высшим образованием, то следует заметить, что отсутствуют среди молодых такие сельскохозяйственные специалисты как: агрономы, ветеринары, зоотехники. Особенно заметный рост среди занятых (почти в три раза) произошел в торговле и сфере обслуживания (с 5,6% до 15,4%), а также увеличилась численность молодых профессионалов со средним специальным образованием. В этой же возрастной категории сократилась доля разнорабочих (неквалифицированные рабочие), видимо из-за банкротства сельхозпредприятий с 22% в 1994 г. до 12,5% в 2013 г. Также снизилась среди молодежи доля квалифицированных промышленных рабочих с 23 до 18% за соответствующий период.

При анализе этих данных следует отметить, что из года в год растет число тех, кто получил аграрное профессиональное образование всех уровней. Но, по мнению экспертов, число и профиль подготовки работников и специалистов, получивших профессиональное образование, не соответствует потребностям работодателей. С одной стороны, наблюдается перепроизводство недостаточно компетентных специалистов в аграрной экономике, с другой – нехватка квалифицированных рабочих кадров. Такой дисбаланс на рынке труда объясняется тем, что работодатели не готовы или не в состоянии (за редким исключением) платить зарплату, отвечающую рыночной стоимости рабочей силы.

Примечание:

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (рук. П.М. Козырева, М.С. Косолапов). Сайт обследования – <http://www.hse.ru/rlms>

Управление социальными практиками в условиях загородного оздоровительно-образовательного центра

Мясников А.Ю.

Автономная некоммерческая организация Детский образовательно-оздоровительный центр «Алые паруса», Россия, Тюмень

Окружающая действительность нового тысячелетия ставит перед человечеством острые проблемы, решение которых зависит не только от правительств, действующей системы законодательства и развитости общества, но и от готовности каждого субъекта деятельности и общения самостоятельно решать затруднительные жизненные ситуации конструктивным способом, в основе которого лежат процессы интеграции и созидания. Способность не просто выживать, а успешно развиваться и быть конкурентоспособным зависит от многих факторов, прежде всего, социальной состоятельности человека, которая формируется с самого его рождения.

Развитие социальной состоятельности подрастающего поколения может происходить стихийно. Однако как для самого субъекта деятельности, так и для общества в целом целесообразнее этот процесс делать системно управляемым. Как показывает практика, современная школа и семья чаще игнорируют формирование социальной состоятельности, эти агенты социализации дистанцируются от этого процесса или делают его излишне заформализованным. Становится очевидной необходимость поиска новых эффективных форм работы с учащейся молодежью и агентов наращивания человеческого капитала (капитал образования + капитал культуры + капитал здоровья, включая его социальный компонент). На наш взгляд, на роль такового вполне могут претендовать учреждения дополнительного образования, загородные оздоровительно-образовательные центры.

В условиях оздоровительно-образовательных центров (детских загородных лагерей) подросток, включаясь в сложное субкультурное пространство, попадает в нетипичные для него условия отдаленности от семьи, привычного окружения, психологического экстрима и неизвестности, ситуацию потенци-

ального социального риска. Подростку предоставляется возможность вырваться из под жесткого контроля школы и опеки семьи, подчас ограничивающих его стремление к саморазвитию. Перед ним, как перед субъектом деятельности и общения, открываются эксклюзивные возможности свободного выбора действий, форм творческой деятельности, способствующих саморазвитию и самореализации личности. Он может включиться в сюжет игровой деятельности и апробацию пока несвойственных для него моделей поведения, стать соавтором и участником разнообразных социальных практик, оптимальным (дозировано, самостоятельно определяя при патронаже взрослого) для себя способом проявить самостоятельность и созидательную активность, овладения остро необходимыми на всех этапах своего жизненного пути навыками социального партнерства.

Проживание возникшей сложной ситуации, нахождение способов самостоятельного ее урегулирования и разрешения, своевременная психологическая поддержка, коллективная рефлексия поступков участников конфликтной ситуации на вечернем огоньке обеспечивают развитие у подростков социального интеллекта, приобщают к культуре разрешения конфликтов ненасильственным способом.

Как показала наша практика, непременным условием реализации концепции качественной социализации, формирования социальной состоятельности и успешности воспитанников в условиях загородного центра является готовность взрослых наставников к взаимодействию с подростками в новом формате взаимоотношений. Разработка и реализация совместных социальных проектов, тактичное, психологически выверенное включение подростков, предоставление широкого поля самореализации, грамотное администрирование (управление) и методическое сопровождение, позволяет объединить интеллектуальные, эмоциональные ресурсы социальных партнеров во благо развития воспитанников. Управление социальными практиками обеспечивается принципом «4 С»: сами планируем, сами готовим, сами проводим и сами анализируем. Инклюзия (включение) подростков в конкретные социальные практики должна

быть осознанной взрослыми, адресной «по назначению», романтической по замыслу, интересной по исполнению, событийной по содержанию и демократичной по характеру «вкручивания».

Формирование образа России в Китае

Назарова О.А.

Институт социологии Российской академии наук, Россия, Москва

Формирование позитивного образа государства является одним из важнейших направлений внешней политики любой страны. Особый интерес для исследователей представляют российско-китайские отношения. История взаимоотношений России и Китая содержала различные эпизоды. Экономическое и политическое сотрудничество сменялось острыми противоречиями, порой переходящими в военные столкновения.

В последнее время взаимоотношения между Россией и Китаем развиваются в формате добрососедства и стратегического партнерства. В то же время отличия в политической, экономической организации двух стран, в культурных особенностях их населения не может не влиять на восприятие китайцами общественных процессов в нашей стране. Поэтому особую актуальность приобретают исследования общественного мнения в Китае, которые позволяют выявить образ России в общественном сознании китайцев. Выявление основополагающих представлений, латентных настроений и оценок в восприятии образа России является крайне полезным в процессе установления и поддержания международных контактов между обеими странами, а также послужит базой для создания новых механизмов формирования позитивного образа России на международной арене.

В отечественной имагологии происходит частое смешение двух понятий «имидж» и «образ». Мы предлагаем под образом страны понимать набор социальных представлений о государстве, характеризующийся стихийностью, ситуативностью и динамичностью, зависящий от культурно-исторического контекста, опосредующий дальнейшее поведение по отношению к этому государству.

На основании авторских исследований, проведенных в 2012 и 2014 гг., а также результатов вторичного анализа данных как отечественных, так и китайских исследований, посвященных образу России в Китае, мы увидели, что у большинства респондентов сформировано позитивное отношение к России. Но сам образ несвободен от недостатков. Перечислим основные из них:

- неоднозначность представлений об экономической и политической роли России в мире;
- неполнота (а иногда и ошибочность) знаний о России (ее истории, классической и современной культуре и т.д.);
- преобладание географической и военно-политической составляющих образа России, но не культурной;
- сохраняющаяся память о некоторых территориальных разногласиях между двумя странами;
- неуверенность в положительном отношении русских к китайцам;
- дистанцированность от России на глубинном уровне;
- разброс в качественных оценках образа, транслируемого по различным каналам в Китае.

Формирование образа России у населения других стран остается в некоторой степени неконтролируемым процессом. Однако в современную эпоху успех государственной политики в значительной степени зависит от умения действовать в информационном поле. На основании результатов авторского исследования можно прийти к выводу, что имиджевая политика России требует значительной коррекции. Направления данной политики должны быть дифференцированы в зависимости от целевой аудитории. В частности, формирование благоприятного имиджа России для китайской – потребует преодоления как исторических стереотипов, так и ряда новых сложившихся тенденций в общественном мнении китайцев о России. В имиджевой политике, ориентированной на Китай, следует использовать историческое наследие СССР (исследование показало уважительное отношение китайцев к СССР) и одновременно успехи современной России в политике, экономике и науке. Необходимо ставить ак-

центры и на богатство русской культуры: классической и современной. Большое значение имеет и преодоление националистических тенденций в российском обществе.

**Водообеспечение – одна из социальных проблем
Республики Калмыкия⁶⁴**

Намруева Л.В.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Россия, Элиста

Одна из основных задач Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. направлена на сохранение сельских поселений во всем многообразии сложившихся форм расселения, а также создание в них минимальных базовых условий социального комфорта, одним из факторов которого является водообеспечение. Территория Республики Калмыкия – самая засушливая в юго-восточной части страны и наименее обеспечена водными ресурсами, так как ее основная часть расположена в аридной зоне. Уровень обеспеченности населения водой составляет всего 1/3 от потребности. Дефицит в питьевой воде в настоящее время является острой социальной проблемой, до 43% населения республики ежегодно испытывают нехватку воды. Фактическое водопотребление в среднем по республике – 94,7 л на человека в сутки, в том числе в райцентрах – 42,1 л, в г. Элисте – 131,6 л. Особенно низкое водопотребление в сельской местности, которое достигает 25 л в сутки, что также гораздо ниже среднероссийского уровня, гигиенический норматив составляет 120–150 л в сутки.

Поэтому от недостатка воды в большей степени страдают сельские жители, которые вынуждены постоянно ее экономить не только для бытовых нужд, но и для приготовления пищи. Отсутствие/недостаток воды сильно ощущим в знойное время, лето в Калмыкии жаркое, очень сухое, практически без

⁶⁴ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект КИГИ РАН № 14-46-0103).

дождей. Абсолютный максимум температуры в жаркие года достигает +40°С...+44°С. И в такую пору у сельских жителей нет возможности принимать спасительный душ, утолять жажду живительной водой, так как она является настоящей драгоценностью. Воду многие сельчане заказывают, это им обходится в 1500 рублей, что для них, имеющих скромные бюджеты, весьма дорого. Емкости в 1,5–2,0 тонны небольшой семье не хватает на месяц, поэтому приходится отказываться от личного подворья, выращивания овощей и фруктовых деревьев, так как это требует дополнительного расхода воды.

Следует отметить, что используемая питьевая вода имеет максимально высокую степень загрязненности по экологическим показателям. Не снижается уровень опасного загрязнения источников централизованного питьевого водоснабжения. По данным Минздрава России, более 70% проб воды в республике не отвечает санитарным нормам по химическим показателям [Капустин 2006: 272], в связи с этим весьма актуализирована проблема обеспечения населения доброкачественной питьевой водой. Источниками централизованного водоснабжения населения республики практически повсеместно являются водные объекты (поверхностные и подземные), качество воды в которых не отвечает требованиям нормативов (СанПиН и СНИП) не только по общей минерализации (используется вода с минерализацией от 1,3 до 1,8 г/л), но и по отдельным ингредиентам. Так, подземные воды месторождения Сладкий Артезиан (бассейн р. Кума), используемого для водоснабжения населенных пунктов в Черноземельском районе, кроме высокой минерализации 1,5 г/л, содержат мышьяк в количестве, превышающем ПДК более чем в три раза. За последние годы существенных позитивных изменений в качестве подаваемой населению питьевой воды не наблюдалось.

Как видим, качество воды в республике не отвечает гигиеническим требованиям, поэтому на фоне употребления некачественной воды увеличилось количество заболеваний мочеполовой системы – выше общероссийского уровня заболеваемости (далее ОРУЗ) на 41,2%, эндокринной системы – на 22,4% (выше ОРУЗ на 29,8%), крови и кроветворных органов – на 27,9% (выше ОРУЗ

на 43,6%), отмечается превышение по ряду инфекционных и паразитарных заболеваний.

По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) среди факторов, определяющих состояние здоровья населения, вода находится на втором месте после бедности, т.е. бесперебойное обеспечение качественной водой остается одним из важнейших показателей не только санитарно-эпидемиологического благополучия, но и качества жизни.

Обеспечение населения Калмыкии питьевой водой в количественном и качественном отношении является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития региона. В целях сохранения водных объектов, экосистем, влияющих на процессы воспроизводства питьевой воды в Республике Калмыкия, Правительство Республики Калмыкия утвердило комплексную программу «Чистая вода» на 2009–2022 гг., которая поступательно реализуется. Осуществляются работы по развитию и техническому совершенствованию систем водоснабжения городов и районов республики, по охране и восстановлению водных объектов, являющихся источниками водоснабжения. К сожалению, по истечению пяти лет реализации данной программы картина с водообеспечением отдаленных сельских поселений не изменилась.

Литература:

1. Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. 324 с.

Социальные представления об этнической идентичности⁶⁵

Неваева Д.А., Возилкина М.Е.

⁶⁵ Выполняется при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

В отечественной и зарубежной этнологии и этнополитологии понятие «этнос» – это одно из самых полифоничных и сложных. На протяжении нескольких десятилетий вырабатываются новые теоретические и методологические подходы, которые вызывают интенсивную научную полемику. Важными вопросами для обсуждения в этих теориях являются ряд методологических проблем: какие признаки являются изначальными для идентификации этноса и его действий, или все выделяемые признаки вторичны и используются, к примеру, государством, для манипуляционных моментов внутри и вне той или иной социальной группы.

В настоящее время примордиалистские, инструменталистские и конструктивистские концепции этноса и этничности в разных исследовательских парадигмах выявляют объективные признаки и черты феномена, их современную манифестацию.

Первый подход, примордиалистский, доминировал долгое время в зарубежной и отечественной литературе. Представители данной концепции (К. Гирц, Р. Гамбино, П. Ван дер Берге и др.) рассматривают этничность как проявление системы объективных характеристик: общность расы, языка, территории, религии, духовной и материальной культуры, исторической судьбы и т.п. Они признают идентичность как изначальную характеристику человечества, т.е. это природное явление. В рамках данного подхода Л.Н. Гумилев разработал самобытную концепцию, согласно которой этнос представляет собой коллектив людей, существующий как энергетическая система, который противопоставляет себя другим таким же коллективам. Примордиалисты признают в этничности сложное сочетание подсознательных, эмоциональных и экспрессивных начал с рационалистическими факторами.

Представители второго подхода (Л. Белл, А. Коэн, К. Янг и др.), инструменталистского, считают, что в основе этничности лежит культурный архетип, на основе которого групповая солидарность рационально конструируется.

Третий подход, конструктивистский, послужил ответом на процессы

глобализации, в результате которых представители этнонационалистов в различных регионах стали пересматривать этнологические теории. Ф. Барт утверждает, что этнос – это не выражение культурного комплекса, а форма организации культурных различий. Конструктивисты исходят из сугубо рационалистического подхода к этносу и этничности. Данный подход высветил ряд важных аспектов межэтнических отношений в России и открыл возможности для знакомства и апробации в российских условиях современных этнополитических методик, стимулируя методологические поиски в отечественной науке. Современное обоснование необходимости объяснения этнической идентичности вызвано тем, что человек нуждается в упорядоченности своей жизни, в подтверждении принадлежности к группе, что в том числе формируется под воздействием социальных представлений.

Социальным представлением С. Московичи обозначает «набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций».

С. Московичи подчеркивает сложную социально-психологическую природу представлений, поэтому для комплексного изучения социальных представлений необходимо использовать социологический и психологический инструментарий. С. Московичи выделил пять функции социальных представлений:

1. Сохранение стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания.
2. Интерпретация реальности.
3. Адаптация новой информации к уже имеющейся системе социальных представлений.
4. Опосредование и регуляция существующих отношений и поведения.
5. Смысловой синтез (по К.А. Абульхановой).

Об этнических представлениях можно говорить как о «словесном портрете или образе чужого народа». На межэтническое восприятие оказывают воздействие менталитет воспринимающего представителя этноса, его историче-

ский опыт, сложившиеся в обществе стереотипы (Е.Ф. Сайфутдиярова). Этнические стереотипы стандартизированы, более или менее абстрактны, эмоционально окрашены (А.П. Миньяр-Белоручева и М.Е. Покровская). Выделяются автостереотипы и гетеростереотипы (экзостереотипы и эндостереотипы) – соответственно представления этноса о своем или другом этносе.

А.А. Потебня считает язык важнейшим фактором этнической идентичности, и «утрата родного языка приводит к потере личностью своей этнической принадлежности». Человек познает мир не сам по себе, а через элементы культуры, запечатленные в языке (А.П. Миньяр-Белоручева и М.Е. Покровская, С.Г. Тер-Минасова).

Таким образом, конструируя современные представления об этничности, можно получить не только «срез» настоящей социальной реальности, но и схемы для действий в будущем.

Международный имидж России в условиях санкций: тенденции трансформации и проблемы укрепления

Невская Т.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Проблему имиджа России нельзя назвать случайной. Это комплекс факторов, определяющих восприятие страны за ее пределами и уходящих корнями в далекую историю. Одним из аспектов возникших сложностей является то, что в западных СМИ образ России транслируется не таким, каким его видят россияне. При этом точка зрения, которую отстаивает Россия, не соответствует тому, как это видится на Западе.

Главная проблема имиджа России за рубежом заключается в том, что он является предметом целенаправленной дискредитации. И связано это исключительно с геополитикой. Образ России, в отличие от образов многих других стран, оказывается зависимым не столько от того, что происходит внутри страны, либо от того, как она позиционирует себя на международной арене, сколько от того, какое место нашей стране пытаются отвести государства, которые в

свое время вели холодную войну с СССР, а после его распада посчитали себя победителями.

«Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили перекрыть весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то ее тут же объявляли никчемной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу, используя при этом весь набор силовых методов и всевозможных санкций.

Санкции – это всегда свидетельство слабости, это свидетельство того, что дипломатические способы оказались неуспешными. Будь то экономические, политические санкции, военные действия – это все признак несостоятельности.

Санкции уже подрывают основы мировой торговли и правила ВТО, принципы незыблемости частной собственности, расшатывают либеральную модель глобализации, основанную на рынке, свободе и конкуренции, – модель, главными бенефициарами которой, как раз и являются страны Запада. Теперь они рискуют потерять доверие, как лидеры глобализации.

Санкции, безусловно, мешают развитию России и подталкивают к самоизоляции в политике, экономике, в культуре, то есть к отсталости. Но мир кардинально изменился. Россия не намерена от него закрываться и выбирать какой-то путь закрытого развития, путь автаркии.

Россия – самодостаточная страна. «Мы будем работать в тех внешнеэкономических условиях, которые сложились, развивать свое производство и технологии, действовать более решительно в проведении преобразований, а внешнее давление, как это было не раз, только консолидирует наше общество, не дает расслабиться, заставляет концентрироваться на основных направлениях раз-

вития»⁶⁶.

«Россия свой выбор сделала, наши приоритеты – дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма»⁶⁷. Все это направлено на создание благоприятного международного имиджа страны.

Роль гносеолого-методологического подхода в период кризисов социологической науки: неокантианская традиция

Немирова Н.В.

СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург

В начале XX века представители русской социологической школы неокантианства поставили своей целью реформирование принципов и методов социального познания. Свою деятельность они начали с пересмотра социологической методологии науки, именно она является учением о системе онтологических предпосылок, принципов, подходов, методов, объясняющих структуру знания, способы его получения и приращения, т.е. методология является способом самосознания любой науки. Вообще характерной особенностью того времени стало увлечение научного сообщества гносеолого-методологическими проблемами, которые особенно остро встают в периоды кризисов научного познания.

Перед социологией как молодой наукой остро стояла проблема поиска своего предмета и методов научного познания. Таким образом, на передний план выступили вопросы, связанные с ее самоопределением.

Русские неокантианцы в своих трудах обосновывали необходимость изучения методологии, выступали с яростной критикой в адрес противников гносеолого-методологического подхода в науке. Для них характерно наделение

⁶⁶ <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁶⁷ См.: Там же.

методологии особой ролью, она выступала как самопознание науки. Главными ее чертами были оздоравливающий самоанализ и просветляющая самокритика.

Отделяя методологию от техники и методики, проводя демаркационные линии между логикой и гносеологией, теорией и методом, русские представители неокантианской школы призывали к разграничению социологической методологии и социальной философии. Вступая в полемику с методологами других школ и направлений, неокантианцы требовали прекратить доминирование социальной философии над молодой социологической наукой, так как именно эта зависимость, по их мнению, являлась первой причиной кризиса общественных наук.

Представители неокантианской школы социологии активно начали разрабатывать общие принципы как всего научного знания, так и специфики познания социологической науки. Социология понималась как наука о духе, то есть психическом, эмоциональном переживании, методом исследования которой является построение обобщающих схем. Хотя неокантианцы и ратовали за понимание социологии как обобщающей науки, в то же время считали неправильным использовать в социологии только обобщающее знание, а в исторических науках только индивидуализирующее. Исследователь, по их мнению, должен уметь искать разумный компромисс, который давал бы ему возможность использовать в своем научном познании преимущества каждого метода. Таким образом, научное знание сможет достигнуть своего идеала, а именно – единого закономерного системного построения.

В основе любого сознательного человеческого действия лежит какая-то цель, в связи с этим процессы духовной жизни должны объясняться не только причинно-следственной связью, как явления и процессы в мире физическом, но и дополнены телеологией – учением о цели или целесообразности. Последнее можно использовать как методологическое построение и в естественнонаучном знании, только исследователь при этом должен помнить, что наука по природе своей каузальна, и чрезмерное использование телеологических приемов грозит ей обращением в метафизику. Использование телеологии является научной

необходимостью только при изучении процессов, происходящих в психическом мире.

Процесс научного познания становится подчиненным не естественной необходимости, а логическому и методологическому долженствованию. Одним из основных орудий научного познания является такая целесообразно созданная форма мышления, как понятие. Выступая с достаточной долей критики в адрес процесса образования понятий, неокантианцы разделяют два направления по работе с понятиями – называние предметов и собственно разработка научного понятия. Любое научное понятие должно быть отграничено той областью применения, для которой оно создается. Для образования надлежащего методически-сознательного образование классов и классовых понятий в области научно-теоретического знания исследователю необходимо придерживаться методологических позиций адекватных научных теорий, то есть тех, в которых высказывание истинно именно относительно того класса объектов, о котором оно высказывается.

Социология как молодая наука, которая еще не выработала правильного механизма образования понятий, не создала научно обоснованных ключевых классовых понятий, имеющая в своей основе множество конкурирующих теорий, должна, по мнению неокантианцев, воспользоваться для решения заданных проблем методологическим принципом – конструированием адекватных теорий. Построение научных понятий идет параллельно с развитием самой науки, поэтому данная проблематика всегда будет актуальна для научного знания.

В заключение необходимо отметить, что представители русской социологической школы неокантианства свое научное творчество посвятили проблемам методологии социального познания и укреплению социологии как самостоятельной дисциплины, имеющей свой предмет, методы и специфику изучаемых явлений. Вопросы, поднятые неокантианцами, актуальны и для сегодняшнего научного знания.

Человек в техносфере – «эстафета интеллекта» взамен идентичности

Немова О.А., Свадьбина Т.В.

НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва, ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Россия,

Нижний Новгород

В статье представлен – с позиций философской антропологии и религиозного вероучения – критический анализ перспектив видоизменения человека в условиях нарастающей техносреды.

Ключевые слова: человек, «техновиды», христианская духовность, идентичность, личность.

«Сдвиг гуманитарной парадигмы», о чем активно ведет дискуссию на протяжении многих лет известный нижегородский философ В.А. Кутырев, отчетливо заметен на рубеже XX–XXI веков. Глобальные социально-экономические и политические изменения являются ярким тому подтверждением, а именно, возрождение и всевозрастающая популярность идей нацизма, расового превосходства в центре современной Европы, широкомасштабное распространение работоторговли в масштабах всего мирового сообщества, и в целом отношения к человеку не как цели мироздания, а как к средству удовлетворения своих, зачастую низменных, узко прагматических потребностей. Во многом это обусловлено бурным ростом научно-технического прогресса (НТП) и, в связи с этим, набирающего с каждым годом все большие обороты технократического мышления и потребительского отношения к жизни.

Оставаться безучастными к полемике в данном контексте считаем для себя неприемлемым, так как убеждены в том, что наука должна не только создавать что-либо для общества, но и предупреждать его о грозящих опасностях тех или иных научных изобретений. Мы также полагаем, что ошибки представителей гуманитарных направлений науки порой обходятся обществу намного дороже, чем представителей естественно-научных направлений. Ярким подтверждением данной мысли может послужить пример возникновения, становления и развития гендерной концепции. Изначально в самом основании выше

обозначенной концепции содержалась методологическая ошибка, которую сами гендеристы не очень-то хотят признавать, а об эмпирическом подтверждении своей неправоты – говорить.

Совершим небольшой экскурс в суть данной теории. По мнению гендеристов человек обладает двумя полами: биологическим (данным от природы) и социальным (приобретенным в процессе социализации). При этом социальный пол, по их мнению, превалирует над биологическим, т.е., в конечном счете, определяющим. А коль скоро это так, рассуждало первое поколение гендеристов, то человеку можно привить любой пол, невзирая на изначальные биологические данные. Родоначальнику гендерной концепции Джону Мани судьба предоставила шанс апробации своего «изобретения» на практике. Данный эпизод из жизни канадского ребенка вошел в историю медицины под названием John/Joan (Джон/Джоан). Однако судьба Девида Реймера, именно так звали первоначально данного ребенка, сложилась крайне трагично. Искусственное изменение биологического пола и насильственное приобщение к несвойственной его природе социальной культуре в итоге довела Девида Реймера до самоубийства. Данный факт долгое время замалчивался, но даже, получив всеобщую огласку, ни чему не научил и ни кого не предостерег. Самоубийственная теория с ценностями ведущими в НИКУДА имеет немало последователей в наше время и по сей день победоносно шагает по странам и континентам, калеча судьбы людей. Гендерная концепция стала научным знаменем борьбы для различных социальных меньшинств с нетрадиционной сексуальной ориентацией с традиционными семейными ценностями, веками создаваемыми и тщательно сохраняемыми предыдущими поколениями людей.

Гендеристика определяет концептуальные направления социально-экономической политики многих развитых стран мира и является в своем роде определенной законодательницей мод на международной арене. Педагог и общественный деятель из Санкт-Петербурга Татьяна Голованова пишет: «Концепция половой свободы в обществе, ее философско-научный подход уже повлияли на политику многих стран. Отсюда стали возможными однополые бра-

ки (Швеция, Англия, Франция), участие детей в гей-парадах (Норвегия), разговоры о правах педофилов (Голландия) и снятии запретов на инцест (Дания). Сейчас Юнеско ставит гендерную тему центральной в своих программах и Россия находится по этому вопросу под наблюдением международных инстанций». Получается, что разрубить гордиев узел тотальной свободы и равенства, при этом сохранить и расширить духовную целостность общества, предстоит именно нашей стране. С принятием же таких «идей равенства» и законов – наша историческая культура и духовная целостность будет окончательно «добита». Данный пример показывает, что сегодня как никогда ранее, назрела необходимость исследования вопросов о месте и роли Человека в техносферном пространстве, а также критической оценки значения и перспектив развития гуманитарной парадигмы в целом.

В XX веке в процессе осуществления научно-технической революции, возникла уверенность, что все проблемы человека и созданной им цивилизации разрешат наука и новая техника. И не удивительно, – ведь в течение века были сделаны миллионы открытий и изобретений, и сменилось несколько поколений техники. Но человеческих проблем от всего этого не убавилось, а количество угроз человеку увеличилось. И самое главное заключается в том, что для рационально организованного производства, для рациональной и высокоточной техники по расчетам рациональной бухгалтерии само содержание человека становится делом все более дорогим, нерациональным. Научно техническая революция, и превращения науки в производительную силу вдруг выявили крайнее несовершенство человека. Речь идет о несовершенстве человека (*Homo sapiens!*) как субъекта производства, о его нетехнологичности, нерациональности. И действительно, человек быстро устает, допускает ошибки, не успевает, не выдерживает, не справляется. Он вообще невыгоден для производства; но организаторы и владельцы средств производства вынуждены терпеть его как потребителя произведенных продуктов. Как члена «общества массового потребления». Отсюда вопрос: не является ли прогресс науки и техники, преодолевающий несовершенство человека, борьбой с ним самим, с его жизнью? В

этом случае технический прогресс является дорогой к небытию, к смерти.

В начале XXI века гуманитарная парадигма не только не укрепила свои позиции, а, наоборот, под давлением НТП находится на грани исчезновения как такового. Тотальная компьютеризация и технизация жизни современного человека стала очередным вызовом времени, ответ на который необходимо дать философам (антропологам и гуманитариям) уже сейчас. Вторжение техники и современных технологий в повседневную жизнь и природу человека резко разделила философов на противников и сторонников результатов подобного «вмешательства». В отечественной науке самыми яркими сторонниками первой точки зрения являются: В.А. Кутырев, С.С. Хоружий, а второй – М.Н. Эпштейн и Г.Л. Тульчинский. Перспектива появления разновидностей Постчеловека (киборгов, мутантов, клонов), фантазии в области «генетического дизайна» свидетельствуют о создании таких существ, которых трудно будет назвать человеком, а в итоге, считает С.С. Хоружий, придется констатировать «эвтаназию» человека.

Представители философской антропологии справедливо отмечают, что в связи с явным онтологическим «размыканием» человека и превращением техносферы в «инобытие» возникает острая необходимость в методологическом, мировоззренческом, парадигмальном переосмыслении сущности происходящих перемен, и прежде всего – на уровне герменевтики, которая, в соответствующих понятиях, категориях, дефинициях, описала бы происходящие процессы. Помогла бы, наконец, ответить на следующие вопросы: «Что происходит с сознанием и с целостной человеческой личностью? Что происходит со сферой эмоций, с эстетическими восприятиями? Со сферой общения, с социальными измерениями существования? Ответом на эти вопросы решается, находимся ли мы еще “на территории Человека”, а антропологический критерий еще позволяет ли разделить ареалы Человека и Постчеловека».

Литература:

1. Голованова Т. Гендерная политика в России: сайт. Санкт-Петербург,

23.11.2013. URL: <http://zoomir.mybb.ru/viewtopic.php?id=1180> (дата обращения: 14.03.2014).

2. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). – Смоленск, 2006. – 301с.
3. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
4. Кутырев В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с.
5. Немова О.А. Бурухина А.Ф. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С.152–173.
6. Немова, О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. 2013. № 3. С. 35–42.
7. Свадьбина Т.В., Немова, О.А. Трэффик: проблемы социокультурной и правовой дезадаптации женщин к условиям рынка // Девиация и делинквенность: социальный контроль: Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. Т. 1 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2006. – С. 134–136.
8. Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Путь за рубеж: воплощенная мечта или трэффик? Учебно-методическое пособие для учащейся молодежи и потенциальных мигранток. – Н. Новгород: НГПУ. 2007. – 79 с.
9. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Пакина Т.А. Современный трафик: причин, разновидности, последствия, профилактика // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 43–48.
10. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
11. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманитарологию // Человек. 2009. № 4. С. 48–57.

кинематографа

Николаева К.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Как заявил президент РФ В.В. Путин: «Только с помощью культуры, только с помощью литературы, музыки, истории можно помочь людям лучше понять друг друга, для того чтобы жить в мире и благополучии».

Вопросы идентичности, в том числе национальной, приобретают особую актуальность в обществах, представляющих большое количество различных образцов для самокатегоризации индивида в силу неоднородности своего состава.

Национальная идентичность, тесно связанная с понятием нации (государства), способна объединить большое количество различных этнических и религиозных групп и является весьма важным элементом для стабильности крупных полиэтнических государств.

Одним из важных элементов конструирования национальной идентичности является культура и искусство. Еще Платон отмечал важную роль искусства (особенно исполнительского) в функционировании и стабильности государственной системы. Одной из основных функций театрального искусства всегда была воспитательная. В средние века театр способствовал распространению и господству христианских идей. Зародившийся в России во времена правления царя Алексея Михайловича, театр, доступный лишь ограниченному привилегированному классу, был долгое время ориентирован лишь на развитие патриотических чувств и посвящен, в основном, ратным подвигам и успехам государя.

В XX веке, с развитием кинематографа появилась возможность демонстрировать определенные поведенческие модели и идеи более широкой аудитории. СССР, США, Германия уделяли огромное внимание вопросам функционирования кино и его соответствия государственным идеям и идеалам.

Прекрасным примером презентации национальной идеи является американский кинематограф. Развивавшийся в рамках жесткой цензуры Кодекса Хей-

са, он после его отмены придерживается идеологических ориентиров в массовом, популярном кино.

Идентификация требует определенного образа, с которым индивид может соотнести себя. Кинематограф позволяет генерировать и распространять такие образы. Кроме того, он способен корректировать уже существующие социальные стереотипы и предлагать новые модели поведения. Подобные свойства делают данный вид искусства важным элементом конструирования национальной.

Доступность и простота восприятия фильмов, ориентированных на массовую аудиторию позволяет распространять содержащиеся в них образы и призывы далеко за пределы государства и нации, для которого они были созданы, привлекая, тем самым, к своим ценностям все новые социальные группы.

**Институционализация системы физического воспитания современных
российских вузов как фактор профилактики социальных
патологий в молодежной среде**

Ницина О.А.

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»,

Россия, Иркутск

В условиях развития современного общества, связанных с процессами модернизации различных социальных структур и систем, переоценкой приоритетов и сменой ценностных ориентиров, особое значение имеет единство физического и духовного развития индивидуума, его гармоничность и успешность. В то же время понятие социальных патологий становится одним из аспектов развития современной молодежи, что является неблагоприятным показателем и требует корректировки и своевременного воздействия со стороны общественных структур. Система физического воспитания в современных российских вузах имеет достаточно низкий уровень для того, чтоб в полной мере обеспечить потребности студентов в развитии качеств, предполагаемых в рамках освоения данной дисциплины.

Так, мы вполне можем наблюдать институциональный кризис системы физического воспитания студенческой молодежи, которая не справляется со своими функциями, тем самым способствуя все большему проявлению социальных патологий и проблемам им присущими. Несомненно, грамотное и эффективное функционирование системы физического воспитания студенческой молодежи является фактором успешного функционирования общества в целом, а решение проблем в данной области способствует гармоничному развитию личности, а соответственно развитию здорового и благополучного социума.

Концепция культурализма Ф. Знанецкого и современность

Новикова Л.В.

ФБГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет» (СПбГТЭУ), Россия, Санкт-Петербург

В концепции гуманистической социологии ведущего польско-американского социолога XX века Ф. Знанецкого (1882–1958) содержится неограниченный потенциал научного анализа современных социальных систем. Веря в сознательное построение людьми своего поведения в обществе, Знанецкий утверждал, что «не может быть позитивной науки об «активных субъектах» или «сознательных агентах» [1; 76]. Только ориентация на изучение ценностного мира прольет свет на понимание человеческих действий и основанных на них социальных общностей.

Социальные правила, как полагал Знанецкий, быстро не меняются, поскольку формирующие их социальные институты закреплены в сознании людей на уровне ценностей [1; 76]. Это предполагает недопустимость волюнтаристского отношения к социальным институтам, их необдуманного уничтожения. Нельзя создавать новые ценности без учета существующих.

Чтобы понять значимость концепции Знанецкого для анализа современности, обратимся к исследованиям современного ученого – профессора социологии Варшавского Университета Э. Халас.

По мнению Халас, Знанецкий высоко ценил достижения естественных

наук, но считал неоправданным смотреть на социальные реалии с позиций натуралиста. Повышающаяся сложность культурных явлений делает такой подход малопродуктивным. Сейчас как никогда актуально, полагал ученый, говорить о социологии как о науке, предметом которой является культура. Ученый не проводил водораздела между понятиями «культура», «общество» и «индивидуальность», как это было представлено работами Парсонса. Культура для него была самым общим понятием. Он писал о символически преобразованной культурной действительности.

Знаецкий не разделял мнения, что разнообразие культур не оставляет места для совместимости. В эпоху преобладания позитивистской доктрины он утверждал, что проблемы культуры и, как он выразился, «проблемы культурного строительства» становятся проблемами центральной важности. Его позиция предвосхитила взгляд постструктуралистов на значимую роль символических представлений в жизни любой общественной системы.

Строительство системы значений, по Знаецкому, – реальное динамическое состояние, которое реализуется в эмпирической культурной действительности через социальные действия людей.

Культура – не простое скопление фактов сознания с их материальным сопровождением и результатами. Она представлена многочисленными системами, большими и малыми, более или менее последовательными, длительными и меняющимися, но обязательно обладающими определенной объективностью и свойственным ей порядком.

Его проект включал социологическое исследование как сотрудничества, так и конфликта, принуждения и убеждения как методов социального воздействия, чтобы найти возможности мирного сотрудничества в глобальном масштабе. Уже в середине XX столетия он видел возникновение основной дилеммы: или мировая правящая империя или динамическая, всемирная федерация функционально взаимозависимых и сотрудничающих обществ. Главной целью развития социологии должен стать поиск условий для творческого развития мировой культуры как необходимой предпосылки для укрепления мирового со-

общества [2; 145–158].

Литература:

1. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. Nałlas E. Culture and power possibilities and responsibilities for the world-society // Polish Sociological Review. 2007. N 158. P. 145–158.

«Второе рождение» социологии в России (середина 50-х – 90-е гг. XX в.)

Новикова С.С.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

После периода официального запрета социологи как «лженауки» (1934–1956 гг.), в середине 50-х годов XX в. советское общество стало более «открытым». Возникла потребность связать главную идеологему власти – исторический материализм, с реальными социальными процессами, повысить эффективность управления ими. Решить эту сложную задачу новой институционализации социологии и не упустить сложившихся благоприятных объективных условий предстояло плеяде советских обществоведов. В каком направлении пойдет процесс новой институционализации социологии, возможно, зависело не только и не столько от объективных причин, но и от субъективного персонального фактора.

Альтернативу марксистско-ленинскому обществоведению, конечно, никто не предлагал. Но методологической дилеммой выступал вопрос: является социология самостоятельной научной дисциплиной или она сугубо прикладная дисциплина, подчиненная принципам марксистской философии. По этой линии произошло принципиальное размежевание ведущих советских обществоведов. В первую группу, отстаивающую теоретическую независимость социологии вошли С.В. Немчинов, Г.В. Осипов, Б.А. Грушин, Ю.П. Левада, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов и др., во-вторую – П.Н. Федосеев, М.Б. Митин, В.Ф. Константинов, М.Н. Руткевич, Л.А. Коган, Г.Н. Волков и др. Как обычно, были ученые,

которые занимали нейтральную позицию, например, А.М. Румянцев. Анализ документов, публикаций, мемуаров по данной проблематике приводит к выводу, что именно в противостоянии этих двух групп ученых определялась сущность институционализации социологии.

До 1972 г. успех был скорее на стороне группы, выступающей за самостоятельную социологию. Затем, после так называемого разгрома Института конкретных социальных исследований, перевес до 1985 г. был на стороне «прикладников». В результате «второе рождение» социологии, которое сопровождалось созданием институтов, кафедр, изданием журналов, многочисленных трудов и реальными научными достижениями, приобрело три существенных изъяна. Во-первых, исторический материализм и критика буржуазной социологии так и остались теоретической базой советской социологии. Во-вторых, тематика научных исследований была ограничена цензурой и нацелена на предвзятую апологетику существующего строя, что резко снижало возможности использования социологического знания на практике. В-третьих, несмотря на расширение международных научных связей, советская социология оставалась изолированной от мировой и, в этом смысле, была обречена на «догоняющий», провинциальный статус.

Эти три фундаментальных изъяна институционализации советской социологии, несмотря на подвижничество многих ученых, привели к тому, что шанс воссоздать социологию как науку был во многом упущен. Не умаляя заслуг советской социологии, следует признать, что она оказалась не готова дать ответы на новые вызовы времени, не сумела войти в систему управления обществом, не смогла стать востребованной управленческим корпусом, что в определенной мере послужило развалу Советского Союза.

Перестройка позволила преодолеть административное «вторжение» в социологическую науку. Большое значение сыграло принятое в июне 1988 г. постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». Был снят «запрет» на развитие теоретической социологии. На общегосударственный уровень был

поднят вопрос о дальнейшем развитии социологии как самостоятельной дисциплины и использовании социологических исследований при решении задач социально-экономического развития страны. В 1988 году Институт социологических исследований был переименован в Институт социологии (ИС АН СССР). Этот акт означал де-факто окончательное признание в России социологии как самостоятельной науки.

Внутри Института работа осуществлялась в двух направлениях: одним руководил Г.В. Осипов, другим – В.А. Ядов. В связи с серьезными расхождениями по теоретически и концептуальным вопросам в 1991 г. Г.В. Осипов выступил инициатором создания параллельного социологического института – Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН. Президиум Академии наук поддержал его инициативу по созданию нового социологического научного учреждения. Процесс внешней и внутренней институционализации социологической науки на этом этапе был завершен.

Не преувеличивая субъективного фактора в институционализации советской социологии, надо признать, что в случае развития социологии как самостоятельной науки, и открытия именно Института социологии, например, на базе Отдела социологических исследований ИФ АН СССР во главе с Г.В.Осиповым, «второе рождение» социологии, ее институционализация в России имели бы качественно иные условия, а призывы начать современную российскую социологию с нуля не пользовались бы поддержкой.

Демографическая ситуация в крупнейших городских агломерациях (на примере Москвы)⁶⁸

Новоселова Е.Н

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

⁶⁸ Работа выполнена при поддержке РГНФ Проект №13-03-00546 «Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы)»

142 миллиона 905 тысяч человек – такова численность населения России по итогам переписи 2010 года. Соотношение городских и сельских жителей в 2010 году 74 к 26% – налицо увеличение значения городских поселений в жизни общества – урбанизация, т.е. более 2/3 россиян горожане, в свою очередь более половины из них проживают в городских агломерациях.

Московская агломерация, насчитывающая по разным оценкам от 15 до 17 миллионов человек, является крупнейшей в России⁶⁹, ее население постоянно увеличивается, сама Москва, также увеличивается за счет своего населения и площади. По данным на 1 января 2014 г. население Москвы составило 12,111 миллиона человек, таким образом, население Москвы с 2001 года увеличилось почти на 2 миллиона человек.

Безусловно, прирост населения обусловлен в первую очередь интенсивными миграционными потоками, «бэби-бум в Москве – скорее миф, чем реальность, реальность другая – в Москве самый высокий возраст матери при рождении первого ребенка – 29 лет»⁷⁰. Тенденцию к откладыванию материнства очень хорошо демонстрирует динамика доли бездетных к определенному возрасту, «по России в целом доля бездетных к 35 годам составляет 14,1% (в Москве – 21%), к 30 годам – 24% (в Москве – 34,1%)»⁷¹.

Деторождение в более поздних возрастах можно назвать одним из основных трендов в демографическом развитии многих городских агломераций, в том числе и московской, «при этом проблема «перманентного откладывания»,

⁶⁹ Фомченков Т. В России может появиться госпрограмма развития городских агломераций // Российская газета. 2014.29.01. URL: www.rg.ru

⁷⁰ Матвеева А. Бездетность становится социально приемлемой. Для стимулирования рождаемости нужны более тонкие меры, чем рост пособий. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0547/gazeta03.php>

⁷¹ Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru>

приводит в итоге к бездетности»⁷².

Одной из причин «постарения рождаемости» можно назвать откладывание вступления в брак, которое у столичных женщин сдвигается все ближе 30 годам⁷³, однако, даже официально заключив брак, более половины семей не торопятся завести детей⁷⁴, и многие собираются остановиться на первом ребенке, а малая, но постепенно увеличивающаяся часть женщин заявляют о намерении вообще не иметь детей.

Семья – первозданная и, казалось бы, нерушимая основа общества, фундамент человечества на все времена, однако, к сожалению, по мере роста и развития городов, она оказывается все менее востребованной. Современный город представляет собой огромный тесный муравейник, в котором люди безлики и одиноки. Город загоняет людей на огромные заводы, в гигантские компании и корпорации, которые обезличивают и отчуждают людей друг от друга и от семьи. Большой город – ориентирован в первую очередь на личность, а семейные ценности часто оказываются далеко за рамками интересов этой личности. «Возникает союз двух сильных: мегаполис и личность, а семья – третий лишний»⁷⁵, и по мере усиления процесса урбанизации эта тенденция лишь усугубляется.

Литература:

⁷² Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru>

⁷³ «Репродуктивное поведение москвичей»: совместное заседание студенческого общества «Демограф» и Лаборатории социально-демографической политики НИУ ВШЭ // Демоскоп Weekly. 2013. 4–17 марта. № 545–546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/student02.php>

⁷⁴ См. об этом: Данные телефонного опроса «Телефом» в январе 2014 г. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11315> (цит. по: Русанова Н.Е., Исупова О.Г. Указ. соч.).

⁷⁵ Шрамко Е. Семья и современный мегаполис. URL: <http://emiz.org.ua/prakticheskaia-psikhologija/semia-i-sovremennyi-megapolis>

1. Фомченков Т. В России может появиться госпрограмма развития городских агломераций // Российская газета. 2014. 29.01. URL: www.rg.ru
2. Матвеева А. Бездетность становится социально приемлемой. Для стимулирования рождаемости нужны более тонкие меры, чем рост пособий. URL: www.demoscope.ru
3. Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru>
4. Овсянникова Т.В. Эпидемиология бесплодного брака // Практическая гинекология / Под ред. В.И. Кулакова, В.Н. Прилепской. М., 2001. С. 366–381.

Роль рефлексии пост-академической науки в профессиональном становлении молодых специалистов

Обрывалина О.А.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Называя современную науку пост-академической, новозеландский физик и науковед Джон Зиман (John Ziman, 1925–2005) исходил из следующего. Длительное время мы могли наблюдать два класса людей, занимающихся приращением научного знания. Первые – это представители «чистой науки», ученые, бескорыстно и самозабвенно искавшие истину. Вторые – это изобретатели, практики, обеспечивавшие развитие широкого спектра технологий производства (от вооружений до лекарственных препаратов). Мотивации и цели их деятельности кардинально отличались. Но ни та, ни другая не требовали решения моральных дилемм. Императивом научно-исследовательской деятельности было получение знания. Практическая деятельность регулировалась соображениями эффективности. Ценностные параметры практик естественным образом интериоризировались субъектами в ходе обучения правилам и приемам профессиональной деятельности.

Сегодня же «академическая» наука и «индустриальная» наука сливаются в одно. Социальные роли ученого (исследователя) и технолога (практика) зача-

стую совмещаются в одном человеке. Три дня в неделю он работает над научным проектом в университете, еще два – решает производственные задачи в своей компании, а в выходные, как пишет Дж. Зиман, молится о спасении души. При этом стремительное развитие технологий ставит новые проблемы (к примеру, клонирование человека, цензура в интернете), ответы на которые еще не выработаны в профессиональных сообществах и в общественном мнении. Как следствие, каждый индивид вынужден решать их самостоятельно.

Готов ли специалист к самостоятельному определению целей и норм научно-практической деятельности? Узкое специализированное школьное и вузовское образование, по мнению Дж. Зимана, не позволяет молодым людям увидеть свою будущую профессиональную карьеру в более широком контексте. В то же время реалии современности актуализируют проблемы поиска социального смысла теоретической и практической научной деятельности, определения ценностных ориентиров акторов, определения и понимания социокультурной природы норм научно-практической деятельности различных профессиональных сообществ. Сложившаяся ситуация, согласно Дж. Зиману, требует раннего ознакомления с этими вопросами будущих специалистов. В частности, в рамках дисциплины «Наука, технологии и общество» («Science, Technology and Society»). Тем самым, обучение методологии научного исследования (которое реализуется в университете) дополняется познанием комплексных взаимосвязей науки, общества и технологий, что способствует развитию социальной ответственности. Базой для подобного учебного курса должна стать метанаука (metascience), охватывающая проблематику философии науки и этики и позволяющая рассматривать социальный и гуманистический аспекты научной (и шире, профессиональной) деятельности.

Литература:

1. Ziman J. Getting scientists to think about what they are doing // Science and Engineering Ethics. 2001. № 7. P. 165–176.

Организационные причины социальных патологий

Обухов В.Е., Малахов Н.Е.

*Уфимский государственный авиационный технический университет,
Россия, Уфа, Башкирский институт развития образования, Россия, Уфа*

Социальная патология – это негативное состояние общества в целом либо его значимых компонент, это отрицательные тенденции развития общества, существенно снижающие способность социума расширенно воспроизводить себя, что чревато в дальнейшем общесоциальной деградацией, а потом и гибелью. Примеры: Российская империя в канун 1917 года, СССР в конце перестройки и пр.

Поэтому проблема профилактики социальной патологии, а потом и ее преодоления представляет собой задачу исключительной практической важности.

Причин возникновения частных социальных патологий много: социальные, экономические, политические, национальные, географические и т.д.). Они, в принципе, поддаются управлению, однако его реализация требует значительных усилий и ресурсов различного рода, что не всегда по силе обществу.

По мнению авторов, одной из важнейших объективных причин возникновения социальных патологий является ухудшающееся качество принятия решений.

Принято считать, что реальная практика принятия решений основана на теории принятия решений, которая успешно разрабатывается наукой уже более трех столетий.

Принято также считать, что эффективность принятия решений растет с течением времени. Это, по-видимому, искреннее заблуждение.

Индикатором снижения качества принимаемых решений «обычных граждан» является, например, «премия Дарвина» (англ. Darwin Awards). Эта виртуальная премия с 1994 года ежегодно присуждается лицам, которые наиболее глупым способом умерли или потеряли способность иметь детей и в ре-

зультате лишили себя возможности внести вклад в генофонд человечества, тем самым улучшив его.

Иначе говоря, эта премия вручается индивидам за «исключение ущербных генов из генофонда человечества».

На уровне более высоком, чем обыденное сознание – политического сознания – наблюдается все более массовая выработка так называемых «дурацких законов», – очевидных законодательных патологий. Так, в штате Огайо (США) женщинам недавно запретили носить лакированную обувь...

На уровне правосознания маркером ухудшения качества решений является (в США) учреждение премии имени Стеллы Либек, (англ. The TRUE Stella Awards), вручаемой с 2004 г. за самые нелепые судебные решения; аналог этой премии появился и в РФ.

Даже на уровне научного сознания ситуация, видимо, ухудшается. Действительно, научная реальность рубежа тысячелетий характеризуется учреждением «Шнобелевских премий» (англ. Ig Nobel Prize), с 1991 года присуждаемых за странные (даже для обыденного мышления) исследования ученых, например, за изучение причин, почему сухие спагетти в большинстве случаев ломаются больше чем на две части, за вывод о том, что икоту можно излечить при помощи ректального массажа, за исследование активности нейрона саранчи во время просмотра ею эпизодов из фильма «Звездные войны» и т.п.

По-видимому, объективной причиной нечастого сознательного применения теории принятия решений является абстрактность любого из ее вариантов, и, вследствие этого, – практическая сложность реального применения.

Автором предлагается предельно простой способ выработки практических решений, доступный даже малообразованному человеку, причем решений, как минимум, хорошего качества – как индивидуальных, так и коллективных – суть которого состоит, во-первых, в осознании неизбежно невысокого качества исходного решения, во-вторых – в оценке числа последовательных вариантов решения, исходя из реальностей ситуации.

В стандартном случае процедура принятия решения выглядит так: в голову лица, принимающего решение, внезапно приходит «озарение» (т.е. первый вариант решения). Качество этого решения – и в силу особенностей самооценки современного человека, и в силу господствующей ныне вере в непогрешимость интуиции, расценивается чаще всего как чрезвычайно высокое. Поэтому выработка решения все чаще завершается на первом же его варианте.

Если же лицо, принимающее решение (что случается все реже), осознает, что исходное решение неизбежно является наиболее «сырым», то далее следует осознанная выработка второго по счету решения, которое является более эффективным, а потом – еще более эффективного третьего и т.д.

Вопрос о том, на каком по счету варианте следует остановиться, определяется практической ситуацией, а именно: оценкой ресурсов, потребных для выработки качественного решения (времени, денег и пр.)

Итак, принятие эффективных решений – как индивидуальных, так и групповых (скажем через мозговой штурм) является, в предлагаемом нами варианте задачей легко разрешимой.

Внедрение такой или подобной технологии принятия эффективных решений (и через ее изучение в курсе социологических дисциплин, и, главным образом, через активную социальную практику) является объективной предпосылкой для заметного снижения уровня разнообразных социальных патологий.

Дилемма и стратегии ее разрешения в сфере ЖКХ

Овчинникова Н.В.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Россия, Ярославль

Проблема состояния ЖКХ в настоящее время является одной из наиболее острых и не может не привлекать внимания. На сегодняшний день одной из актуальных проблем в сфере ЖКХ является выполнение Программы капитального ремонта жилищного фонда. На основании Федерального закона РФ от 25.12.2012 г. №271-ФЗ 28 июня 2013 года Ярославской областной Думой был

принят закон № 32-з «Об отдельных вопросах организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Ярославской области». Анализ основных положений закона позволяет предположить, что в его основе лежит социальная дилемма. Исходя из вышесказанного, нами было проведено социологическое исследование, направленное изучение общественного мнения и стратегий поведения жителей города Ярославля в отношении данного закона. Кроме того, в ходе исследования выявлены установки по отношению к необходимости оплачивать взносы на капитальный ремонт жилья (5 руб. 86 коп. за 1 м²), которые направляются в общий фонд и не обязательно пойдут на оплату ремонта дома плательщика. Проведенное исследование позволило также выявить основные тревоги жителей города, связанные с реализацией данного закона, оценить возможные социальные последствия.

В качестве источника эмпирических данных выступили результаты анкетного опроса жильцов многоквартирных домов, расположенных в шести районах г. Ярославля. Использовалась кластерная выборка, общий объем выборочной совокупности составил 408 человек.

В ходе исследования выяснилось, что жители Ярославля воспринимают новую законодательную инициативу, с одной стороны, как необходимую для решения проблемы ремонта жилого фонда в городе. С другой стороны, она расценивается как несправедливо обязывающая жильцов платить деньги за ремонт из собственных средств, т.е. как ситуацию социальной дилеммы общественного блага.

Полученные результаты позволили описать четыре основных группы респондентов, выбравших одну из четырех стратегий поведения в ситуации социальной дилеммы общественного блага: «конформную» (35,3%), «альтруистическую» (23,8%), «агрессивную» (20,1%), «конкурентную» (2,9%). Названия стратегий заимствованы из исследований по социальным дилеммам. Также можно выделить две группы, которые применяют комбинированные стратегии: «недетерминированная просоциальная» (11%) и «недетерминированная эгоистическая» (6,9%).

Группу «конформных» представляют респонденты, которые отрицательно или скорее отрицательно относятся к закону, но при этом готовы оплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт. Вместе с тем, они считают, что закон несправедливо перекладывает обязанности государства по капитальному ремонту на жильцов (88,2%). По их мнению, он должен либо полностью финансироваться из средств государства (47,2%), либо собственниками, но при участии государства (45,1%).

«Альтруисты» положительно или скорее положительно относятся к закону и готовы платить установленный взнос на капитальный ремонт. Представители данной группы не разделяют мнение, что закон несправедливо обязывает платить за благополучие других жильцов (53,6%), т.е. он позволит оплачивать расходы, которые непосильны для отдельных жильцов (67%). Уровень доверия к государству и исполнителям закона у представителей данной группы выше, чем у остальных респондентов.

Респонденты, выбравшие «агрессивную» стратегию, отрицательно и скорее отрицательно относятся к закону. Среди представителей данной группы больше всех респондентов, которые отметили неготовность платить установленный взнос на капитальный ремонт (20,1%). Они чаще, чем представители других групп отказываются делить бремя расходов на содержание многоквартирных домов с другими жителями города (32,9%). Уровень доверия к исполнителям данного закона достаточно низкий.

Респонденты, выбравшие «конкурентную» стратегию, положительно или скорее положительно относятся к закону. Вместе с тем, они не готовы платить установленный взнос, либо готовы платить, но по более низкому тарифу. Они считают закон своевременным и необходимым, учитывая состояние жилого фонда в городе, – 83,3%. Однако, уровень доверия к лицам, реализующим закон, невысок. 58,3% респондентов полагают, что собранные средства будут направлены не по назначению.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о доминировании у респондентов просоциальных установок, связанных с реализацией закона. Од-

нако низкий уровень доверия к исполнителям закона потенциально может стать поводом для отказа оплачивать установленные взносы, прежде всего, жителями, выбравшими «агрессивную» стратегию. В связи с этим перед исполнителями закона встает задача обеспечить гражданам возможность контроля расходования собранных средств, в том числе посредством информирования о проведенных работах по ремонту жилых домов.

Интегральная теория личности: история и современность

Оганян К.К.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, Санкт-Петербург*

В современных условиях, когда дисфункции в управлении становятся частым явлением в бюрократической системе нашей страны, проявляющиеся в различных нарушениях административно-правового характера, недостаточном внимании к социально-психологическому фактору в управлении, отсутствии гибкости в стиле управления и других аспектах, повышается необходимость в грамотных, высококвалифицированных руководителях, обладающих лидерскими качествами и способных эффективно управлять организацией.

С целью разработки интегральной теории личности нами была сформирована трехкомпонентная модель по формированию лидерских качеств руководителя и показано значение взаимодействия стилей управления, типов организационной культуры и личности руководителя как фактор формирования этих качеств. Результаты данного теоретического анализа, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Трехкомпонентная модель по формированию лидерских качеств руководителей

Тип личности руководителя	Тип организационной культуры	Стиль управления
Гармоничный (по Лазурскому)	Клановая (по Куинну и Камерону)	Команда (организационное управление) (по Блейку и Мутону)
Страстный (по Хеймансу-Ле Сенна)	Адхократическая (по Куинну и Камерону)	Новаторско-аналитический (по Коно)
Новатор, деятель, служитель, игрок, рационалист (по Резнику)	Личностная культура (по Харрисону)	Демократический (по Лайкерту)

Интегральность в трехкомпонентной модели проявляется в том, что личность руководителя рассматривается через: особенности деятельности, выраженной в стиле управления, формирование определенного типа организационной культуры и характеристики типа личности руководителя.

В этом отношении можно проследить продолжение проблематики, идущей от теорий личности представителей различных школ российской социологии середины XIX начала XX вв. Выявим некоторые аспекты, связывающие идеи классиков российской социологии с интегральной теорией личности.

1. Идея интегральной сущности личности развивалась такими российскими социологами как: представителем органической школы – А.И. Строниным и неопозитивистской школы – П.А. Сорокиным.

Анализ личности в рукописи А.И. Стронина «Теория личности» носит междисциплинарный характер. Российский социолог рассматривает личность с точки зрения, социологии, психологии, социальной психологии, социальной педагогики, этики.

Личность, по А.И. Стронину, – это интегральное понятие, характеризующее человека в качестве объекта и субъекта биосоциальных отношений и

объединяющее в нем общечеловеческое, социально-специфическое и индивидуально-неповторимое.

П.А. Сорокин применяет комплексный подход к анализу личности, учитывая социокультурные, социально-психологические факторы ее развития. Личность рассматривается им как интегральная система, включающая в себя:

- поведенческие характеристики, проявляющиеся в особенностях социального взаимодействия;
- деятельность, выражающуюся в творчестве, создании явлений культуры, посредством комплекса рациональных, сверхчувственных, профессиональных и других личностных особенностей;
- духовно-нравственный ресурс, способствующий возрождению общества из кризиса, посредством накопления и увеличения созидательного альтруизма и постоянного морального совершенствования.

2. В целом организационная культура представляет собой достаточно сложную систему, имеющую следующую структуру: ценностно-нормативную, организационную, коммуникационную, социально-психологических отношений и др. Связь с идеями классиков российской социологии выражается в том, что для многих из них ценностно-нормативная основа поведения и деятельности личности являлась одним из важных аспектов ее структуры: неокантианская школа – В.М. Хвостов, П.И. Новгородцев; субъективная школа – П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский; психологическая школа – Н.И. Кареев; проблема взаимозависимости личности и культуры в творчестве легального марксиста – П.Б. Струве.

3. Стиль управления проявляется в специфике деятельности и поведения руководителя. В этой связи можно утверждать, что проблема роли деятельности в развитии личности рассматривалась такими российскими социологами середины XIX века как: представитель психологической школы – Н.И. Кареев анализировал сущность общественной деятельности, ее мотивы, цели и средства.

4. В типе личности руководителя выражаются его определенные пси-

хологические черты, качества, особенности поведения, характера, частично темперамента. Одной из главных тем в истории российской социологии была роль личности в истории, в которой социологи П.Л. Лавров и Н.И. Кареев выделяли определенные качества, особенности личности, способствующей достижению социального прогресса в обществе.

Таким образом, интегральная теория личности представляет собой трехкомпонентную модель по формированию лидерских качеств руководителя и сводится к взаимовлиянию и взаимозависимости этих трех компонентов (стиля управления, типа организационной культуры и типа личности руководителя), необходимых для реализации эффективного управления в современных условиях. Идеи российских социологов середины XIX начала XX вв. получили свое преломление на микроуровне через социально-психологические аспекты управления. Наследие отечественной социологии не утратило своей актуальности для понимания и изучения процессов современного российского общества.

Престиж статуса квалифицированного рабочего промышленного предприятия

Огородникова И.А., Павленко К.В.

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Россия, Омск

В докладе представлены результаты исследования, проведенного в 2013 году на четырех заводах, ССУЗах и ПУ г. Омска. Состоялось 40 интервью с представителями различных уровней заводского управления, квалифицированными рабочими, студентами выпускных курсов технических специальностей. В 16 учебных заведениях было проведено анкетирование, опрошено 585 студентов.

Престиж рассматривался как уважение со стороны общества и как оценка, которую оно дает одной профессии по сравнению с другой. Анализ статуса квалифицированного рабочего проводился по показателям, характеризующим его экономический, культурный (квалификационный) и властный ресурсы. Были описаны преимущества и недостатки, которыми обладает изучаемая статус-

ная позиция. В результате утверждается, что престиж квалифицированного рабочего ниже, чем он того заслуживает по совокупности своих ресурсов.

Уровень заработной платы и качество жизни квалифицированных рабочих оцениваются как средние для омского региона, а высококвалифицированные рабочие могут быть отнесены к слою населения с высоким достатком. Во внутри заводской среде заработная плата рабочего часто бывает выше, чем у некоторых категорий управленцев и инженеров. Но «цена» хорошего заработка высокая: длительное обучение и интенсивный труд. Такая ситуация типична для любой профессии, требующей специальной подготовки, и должна была бы повышать престиж рабочих, ставя их в один ряд со сложными профессиями.

Квалификационный ресурс дает рабочему основание для позитивного самоопределения, и это можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу рабочих профессий. Описанный самими заводчанами образ квалифицированного рабочего позволяет отнести их к самым уважаемым в обществе профессиям. Но квалификация рабочих имеет неоднозначную связь с их положением на рынке труда. Спрос на квалифицированных рабочих стабильный, но рынок оказывается узким, и предложения не конкурируют между собой по уровню заработной платы. Данная ситуация не уникальна для рабочих, во всех профессиях узкая специализация делает работника уязвимым.

Наиболее уязвимым является властный ресурс статуса рабочего. Профессиональный рост рабочего не является в глазах самих рабочих карьерой. Их карьерные амбиции связаны с высшим образованием и последующим переходом на управленческую или инженерную должность, что объясняется не материальными стимулами, а желанием решать более сложные задачи, стремлением увеличить свой властный ресурс. Хуже всего обстоят дела с возможностью рабочего влиять на решения на заводе. Рабочие приобретают самосознание участников рыночных отношений, но не имеют в руках надежных институтов, которые защищали бы их интересы. Однако исполнительский характер труда и ограниченные властные ресурсы характерны и для других профессий, если их представители не занимают руководящие должности. Например, бухгалтеры,

рядовые работники банков, медсестры.

Описание преимуществ и недостатков, которыми обладает статус квалифицированных рабочих, убеждает, что рабочие профессии не уступают другим профессиям, а по ряду позиций находятся в выигрышном положении. Экономическое положение квалифицированного рабочего, статус уникального специалиста должны были бы повысить престиж рабочих профессий. Но в глазах населения он ниже, чем престиж, например, офисных работников. Отметим ряд наиболее важных объективных факторов, объясняющих незаслуженное понижение статуса рабочих.

Во-первых, ситуация, которая сложилась в промышленности в 90-е годы XX – начале XXI веков оценивается как травма, дающая себя знать и по сегодняшний день. Одним из симптомов травмы являются стереотипные представления о промышленных рабочих и заводах.

Во-вторых, система оплаты труда не гарантирует четкой связи квалификации и уровня заработной платы. Уже в таком формальном критерии как разряд эта связь, как выразился один из информантов, «многогранная».

В-третьих, условия, в которых проходит социализация современной молодежи, не способствуют накоплению необходимого для эффективного трудоустройства человеческого капитала: личностных качеств, знаний и умений.

В-четвертых, система профессионального обучения имеет серьезные дефекты, утрачена связь учебных заведений с заводами. Отсутствие такой системы приводит к тому, что разрыв между обучением и работой углубляется и заполняется тем, что можно назвать словом «случайность». Большинство студентов ССУЗов и ПУ имеют очень туманное представление о своем профессиональном будущем.

В-пятых, недостаточное внимание к рабочим со стороны государства и СМИ уводит рабочие профессии на периферию общественного внимания. Заводчане считают государственным делом работу по формированию уважения к рабочим профессиям в обществе. Это касается не только политики СМИ, но и присуждения государственных, ведомственных, региональных знаков отличия.

Этап становления теорий бюрократии

Озеров Н.И.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань

В настоящее время возрастает важность вопросов связанных с повышением эффективности государственного управления. На наш взгляд это актуализирует интерес к концепциям бюрократии. В данной публикации мы остановим свое внимание на этапе становления теорий бюрократии, охватывающем XIX век.

Осознание бюрократии как социального явления было подготовлено работами философов, разработавшими концепции государства и управления им. Здесь, прежде всего, следует упомянуть такого крупного философа, как Г. Гегель, для которого понятие бюрократии было тесно связано с понятием гражданского общества. Из необходимости вмешательства государства в процессы, протекающие в таком обществе, возникала, по Г. Гегелю, и необходимость в чиновниках, которые, в силу обладания специфическими знаниями, необходимыми для функционирования государства, были призваны в своей деятельности воплощать интересы всего общества.

Однако вскоре наметилась и тенденция критического отношения к бюрократии. Наиболее резкой критике подверг бюрократию К. Маркс, рассматривающий бюрократию с точки зрения классового подхода и отмечавший, что в классовом обществе бюрократия начинает вступать в конфликт с реальными целями.

В тоже время для данного периода характерен и поиск путей повышения эффективности работы бюрократического аппарата, нашедший отражение как в законодательной деятельности, так и в теоретических работах. Это связано с тем, что к концу XIX века в развитых странах Запада был в целом закончен процесс формирования национальных бюрократических структур. Среди попыток на законодательном уровне здесь следует отметить, прежде всего, реформу

Норткота-Тревельяна, инициированную премьер-министром Великобритании С. Норткотом и сэром Ч.Э. Тревельяном, имевшим богатый опыт администрирования Ост-Индской компании. В 1854 году ими Парламенту был предложен доклад, в котором обосновывалась необходимость введения гражданской службы, штат которой бы формировался на основе профессиональных компетенций, выявляемых у претендентов на должности по результатам открытых экзаменов, проводимых специальной центральной экзаменационной комиссией. Реформа предполагала разделение чиновников на два класса – административный и технический. Предложения, содержащиеся в докладе, с некоторыми изменениями (введено три класса чиновников – администраторы, исполнители и клерки), были реализованы лишь к 1870 году.

Идеи, положенные в основу реформирования системы административно-управленческого аппарата, оказались востребованы и в других странах. Так, например, президент США У. Грант предпринял попытку внедрения системы экзаменов при отборе на административные должности уже в 1871 году, но она была заблокирована. Возможность реализации подобных реформ в США открыл закон Пендлтона, получивший такое название от имени сенатора от штата Огайо Д.Х. Пендлтона. Этот закон был принят в США в 1883 году и получил название «Закон о государственной службе» и положил начало оформлению этого института в его современном виде. Закон Пендлтона закреплял принцип учета профессиональной квалификации претендентов на должности государственной службы и предусматривал создание постоянной Комиссии гражданской службы США, в компетенцию которой входил отбор кандидатов на замещение федеральных должностей на основе специальных конкурсных экзаменов.

В рамках развития теории бюрократии имеет значение теоретическая разработка административно-государственного управления проведенная В. Вильсоном, в частности его работа «Изучение администрирования» опубликованная в 1887 году. В данной работе В. Вильсон подчеркивает, что цель администрирования как науки состоит в улучшении деятельности правительства, в

уменьшении трудоемкости его деятельности, приведении организации управления в порядок. Деятельность административного аппарата при этом не должна зависеть от смены политического руководства, т.е. административный аппарат должен эффективно претворять в жизнь решения любой группы политиков, получивших власть в стране. При этом, по мнению В. Вильсона, в административно-государственном управлении должны активно использоваться рациональные и действенные методы организации и управления бизнеса.

Таким образом, уже на этапе становления теорий бюрократий в XIX веке были заложены важные тренды для последующего концептуального осмысления – наряду с критическим осмыслением бюрократии были намечены пути повышения эффективности ее функционирования, что получило широкое развитие в последующем.

Трудовая миграция в нарративах жителей Санкт-Петербурга⁷⁶

Окладникова Е.А.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

Еще в первом десятилетии XIX в. европейские социологи пришли к выводу о том, что экономические и социальные принципы функционирования современного общества постоянно усложняются. Одним из факторов, способствующих усложнению отношений в современном российском урбанизированном обществе, стала трудовая миграция. Трудовые мигранты, которые сегодня работают в Санкт-Петербурге – в основном, это выходцы из бывших республик Кавказа и Закавказья, Средней и Центральной Азии, Молдавии.

Исследование. С января 2013 по апрель 2014 гг. нами было осуществлено социологическое исследование среди коренных жителей Санкт-Петербурга. Оно носило мониторинговый характер, открывающий возможно-

⁷⁶ Работа написана по теме гранта РГНФ 2014-2016 «Толерантность в условиях транслокальных идентификаций: социальное и этнокультурное измерения», проект № 14-03 00298.

сти: 1) прогнозировать дальнейшее развитие протестной активности и ее дрейф между формами ее проявления, регионами и типами конфликтов; 2) определять источники потенциальных и реальных угроз, о которых люди рассказывают в устных интервью более охотно и развернуто, чем при заполнении анкет; 3) разработать нетривиальные сценарии формирования толерантных отношений в обществе на основе информации, которая латентно содержится в интервью. Всего было проведено 26 интервью. Респондентами были представители молодежи (21–28 лет, 13 интервью); люди среднего возраста (29–54 лет, 26 интервью); люди пожилого возраста (60 лет и старше, 3 интервью). Программа исследования предполагала изучение нарративов, т.е. устных описаний факторов социального напряжения, возникающего в ситуации внутригосударственного межнационального конфликта (далее-МК) между представителя автохтонного населения Санкт-Петербурга и сообществами, которые в сознании автохтонов идентифицируются как «чужие», «другие», «приезжие», «трудовые мигранты»⁷⁷. Нарративное интервью как перспективная методика качественного исследования позволило расширить горизонты нашего понимания глубинных и латентных причин происходящих общественных процессов, описать механизмы изменений, осознать логику действия основных политических и социальных сил. Рабочей задачей исследования стало выявление показателей, характеризующих переживания угрозы интенсификации современных процессов трудовой миграции в условиях Санкт-Петербурга. Для детального анализа нарративов в качестве индикаторов уровня социального напряжения жителей мегаполиса в связи с угрозой МК нами были отобраны: 1) отношение респондентов к МК; 2) спектр их представлений о конфликтах такого рода; 3) мнение о причинах конфликта; 4) возможность участия респондентов в конфликтах такого рода; 5) отношение респондентов к русской националистической идеологии в контексте их представлений о МК; 6) отношение респондентов к феномену «трудовая ми-

⁷⁷ Примеры такого типа МК: Кондопога (2006); 2) Сагра (2011); 3) Пугачев (2013); Бирюлево (2013).

грация» и др.

Результаты. Исходя из анализа текстов интервью респондентов, удалось заключить, что последствиями ситуации с трудовой миграцией, которую жители Санкт-Петербурга переживают как критическую, могут стать: 1) дальнейший рост националистических настроений; 2) снижение толерантности в отношении представителей трудовой миграции; 3) рост социальной напряженности, включая выступления против коррупции и, связанной с ней, этнической преступности.

Уровень социального напряжения респондентов в связи с усилением процессов трудовой миграции определяется: 1) государственной политикой в области регулирования трудовой миграции, 2) усилением негативного отношения трудовых мигрантов к коренному населению российских мегаполисов, в частности, к жителям Санкт-Петербурга, 3) особенностями практик выстраивания толерантных отношений у жителей мегаполиса с «другими», «чужими», т.е. с трудовым мигрантами; 4) многонациональностью РФ, (что есть историческая данность) как потенциальный, но неизбежный источник МК, 5) недостаточной заботой государства об образовании и культуре, что уже в ближайшем будущем будет иметь серьезные негативные последствия в экономике, политике и социальных отношениях. Респонденты полагали, что все это в итоге может привести к тому, что, если ситуация не изменится, Россия перестанет быть независимой державой.

Особенности государственного учета населения в калмыцких кочевьях

Оконова Л.В.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН,

Россия, Элиста

Изучение истории численности, состава, размещения, миграций населения со временем не теряют своей актуальности. По состоянию источников они принадлежат к числу очевидных неисчерпаемых никогда проблем. Исследова-

ние источников, содержащих сведения о населении, несмотря на иллюзорную простоту и на возможность применения математических методов, относится к числу самых сложных источниковедческих задач с высокой степенью неопределенности конечного результата.

К примеру, полное отсутствие или значительный недостаток данных о численности калмыцкого населения, особенно ощутимый для последней трети XVIII – первой трети XIX в., привели к столь же значительным, иногда огромным несоответствиям количественных показателей в трудах ученых и чиновников этого, да и позднейшего времени. Давление этих расхождений испытывает даже современная научно-историческая литература. Поэтому очень важно установить их происхождение, исследуя особенности государственного учета калмыков-кочевников, целевые установки наблюдателей (столь различные у ученых, занимающихся фрагментарными полевыми наблюдениями, или у чиновников, отвечавших за взимание покибиточного сбора, или у офицеров, наряженных для преследования уходящих из России калмыков, или у попечителей, в число задач которых входило сбережение и умножение калмыцкого народа и т.д.). Внимания заслуживало и давление на последующих наблюдателей трудов тех или иных их предшественников. Эволюционировали и сами методы наблюдения и расчетов: условно-кибиточный метод исчисления постепенно и не сразу и не всюду сменялся семейно-кибиточным; кибиточный учет основной массы населения совмещался с подушным учетом знати. В поле зрения различных исследователей то входили, то выходили из него отдельные группы калмыков, сезонные миграции, отходничество, то входили, то не входили субэтнические данные и т.д. В проведенном исследовании не было цели найти какие-то примиряющие усредненные показатели (известная исследовательница истории Казахстана и Киргизии Н.Е. Бекмаханова доказала полную бесперспективность такого пути) или присоединиться к тому мнению, которое

показалось бы по тем или иным причинам наиболее авторитетным⁷⁸.

Исследователи, писавшие и пишущие о предках калмыков – ойратах и о собственно калмыках, не могли не обратить внимания на методiku учета населения, применявшуюся в кочевом обществе. Они едины во мнении, что изначально учет населения был условным, т.е. он основывался не на подушном, а на покибиточном исчислении. Отсюда, естественно, у них возникал вопрос, сколько условных душ приходилось на одну кибитку: мужчин, женщин, детей, была ли калмыцкая семья моногамной или большой патриархальной семьей. Каждый автор исходил из бытовавшего у кочевников на тот или иной период принципа учета, или опирался на мнение своих предшественников, или высказывал свое авторское суждение, пытаясь его в одних случаях обосновать, в других ограничивался изложением лишь собственного подсчета без каких-либо пояснений. Тем самым в методике подсчета кочевого населения допускался разнобой. Однако бесспорно то, что принцип условности, на котором основывался этот учет, выступал критерием достоверности его как с количественной, так и качественной стороны. Это и определяло до начала 1860-х г. специфику принимавшегося условного исчисления калмыцкого кочевого населения, что сказывалось в итоге и на общем, т.е. его суммарном подсчете. Все это вызывает сомнение в достоверности итоговых данных полученных таким путем.

Л.С. Бурчинова, изучая постановку учета калмыцкого населения Астраханской губернии второй половины XIX в., выяснила следующее: определение российского государственного статуса калмыков во второй четверти XIX в. кардинальным образом повлияло на демографический учет в калмыцких кочевьях Астраханской губернии. Он стал более дифференцированным и коснулся абсолютно всех сословных групп с утверждением их нового разделения на социальные подгруппы. С реализацией в 1836–1848 гг. Положений об управлении

⁷⁸ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1980. С. 35, 45.

калмыцким народом 1834 г. и 1847 г. юридически был узаконен подушный учет нойонов (улусовладельцев и мелкопоместных), зайсангов (аймачных и безаймачных), возглавлявшегося ламой и бакшами хурульного духовенства (гелюнгов, гецулей, манжиков, хурульных учеников), податных калмыков-простолюдинов (окладных и неокладных албаном), и, наконец, «убогих» (калек, больных и т.п.)⁷⁹.

Таким образом, в историографии вопрос об учете калмыцкого кочевого населения накануне и после ликвидации ханства был одним из сложных, который позволяет выявить массу факторов, влиявших на достоверность подсчетов численности населения, общее направление трансформации учета. Исследователи не могли не обратить внимания на принцип условности, на котором основывался этот учет, т.е. им была заведомо известна его недостоверность. Это и отражало специфику особенностей практиковавшегося исчисления калмыцкого кочевого населения, что непосредственно отражалось в итоге и на общем, т.е. его суммарном подсчете и продолжалось до начала 1860-х г.

Бедность и неравенство в современной России. Механизмы ликвидации

Олейник А.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва.*

«Россия – богатая страна бедных людей».

В.В. Путин

Бедность в России явление масштабное и яркое, данная тема актуальна как в СМИ, так и на государственных саммитах. Однако многие считают, что бедность в России – явление постоянное, стандартное и неугасаемое. Но так ли это? Ежедневно мы слышим пропаганду идеалов общества потребления,

⁷⁹ Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. Элиста, 1980. С. 89.

воспеается ценность каждого человека в обществе, социальная защита граждан.

Бедность шагает в ногу со временем, она существует и от этой проблемы сложно уйти. Каждое государство ищет пути выхода из сложившейся ситуации, ведь рост бедности не только сулит государственные проблемы, но и огромные экономические потери.

На сегодняшний день, по мнению института социологии РАН, около 43% населения страны проживает за чертой бедности. Данная тема остается насущной и актуальной как для России, так и для других стран.

Основные задачи:

1. Рассмотреть социально-демографические факторы бедности в современной России.
2. Выявить социальный портрет бедного человека: отношение к политике и власти, участие в политической жизни страны, собственное отношение бедных к механизмам борьбы с бедностью и неравенством на государственном уровне, оценка программ.
3. Рассмотреть механизмы ликвидации бедности и неравенства в России.

Социально-демографические особенности бедности:

1. «Женское лицо» бедности в РФ.
2. «Брак» и «развод» как риск усугубления бедности.
3. Иждивенческая нагрузка.
4. Региональная специфика.

Современное положение бедного человека в обществе и государстве.

Характеристики:

1. Ухудшение качества питания и его малое количество.
2. Недоступность полноценного медицинского обслуживания.
3. Ухудшение жилищных условий.
4. Жизнь в «долг».
5. Проблемы ЖКХ.

Современный бедный – это неудовлетворенный человек практически по

всем базовым категориям!

«Механизмы ликвидации бедности и неравенства в РФ»

1. Правительственная доктрина снижения уровня бедности и неравенства.
2. Программа Министерства Финансов Российской Федерации.
3. Программа снижения бедности к 2015 году.
4. Аналитическая записка организации «Oxfam».

Вывод. В России, к сожалению, прослеживается ухудшение отношения к бедным. Примечательно, что малоимущие россияне стараются скорее приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность. В массовом сознании россиян есть устойчивое представление о том, что именно выступает признаками бедно живущего человека. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Такие представления в сущности обозначают разного рода жизненные лишения. Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Среди бедных растет ощущение того, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми, хотя это ощущение и приходит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для российской национальной культуры в целом.

Положение высококвалифицированных наемных работников в социальной системе российского общества

Орехова И.М.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

1. Высококвалифицированные наемные работники являются реальной составляющей среднего класса. В качестве критериев принадлежности к этому классу обычно выделяются следующие: образование (как минимум среднее

специальное), социально-профессиональный статус (нефизический характер труда), определенный уровень благосостояния и самооценка человеком своего положения в обществе.

Образовательный критерий, безусловно, является наиболее объективным, поскольку может быть подтвержден соответствующими документами. К объективным факторам можно отнести и нефизический характер труда. Субъективными факторами являются уровень благосостояния работников, поскольку в исследованиях он оценивается самим респондентом, и самооценка работником своего положения в обществе. Если оценка материального положения респондентами достаточно объективна, то самооценка ими своего социального положения, как правило, наименее объективна. Например, в исследовании «Социально-пространственная дифференциация российского общества» (Институт социологии, Краснодар 2008) были выделены две образовательные группы работников: с высшим и средним специальным образованием. Большинство респондентов в обеих группах (58,1 и 55,1% соответственно) отнесли себя к среднему классу. В отношении респондентов с высшим образованием с такой оценкой можно согласиться. Достаточно высокое место в социальной иерархии общества им позволяет занять помимо уровня образования, престижность и значимость в обществе их профессии, значительные перспективы карьерного роста. В пользу отнесения себя к среднему классу респондентами со средним специальным образованием говорит лишь их достаточно высокий образовательный уровень. Престижность и значимость своего должностного и профессионального положения они оценивают не высоко, а материальное положение, по видимому, вообще не берут в расчет. В российском обществе в настоящее время нет четкого понимания того, что такое средний класс, даже среди людей с высоким образовательным уровнем. На бытовом уровне, относя себя к среднему слою многие руководствуются мнением, что «средний – значит такой, как большинство других, не лучше, но и не хуже». Респонденты из обеих образовательных групп краснодарского исследования считают, что в наибольшей степени деление людей на различные социальные группы определяют обладание

властью, деньгами, частной собственностью. Образование в этой иерархии занимает одно из последних мест. Поэтому вывод о том, что понятие «средний слой» для них означает «такой, как большинство окружающих» является достаточно обоснованным.

2. Безусловно, сам по себе уровень образования еще не является гарантией достижения определенных социальных или профессиональных целей. В развитии российского рынка труда выделяются два этапа, когда наибольшим спросом пользовались рабочие специальности, и когда высококвалифицированные специалисты вынуждены были «уходить» в рабочие. По своим социальным последствиям для работников эти этапы значительно отличаются друг от друга. На первом этапе (приблизительно 2008–2011 гг.) на рынке труда пользовались спросом специальности, не требующие высокого образования и квалификации. Специалисты, вынужденные заниматься малоквалифицированным трудом, несли большие потери и в социальном отношении. На втором этапе, который продолжается и в настоящее время, экономика испытывает большие кадровые потребности в высококвалифицированных рабочих. Занимающие такие места специалисты, как правило, практически не несут квалификационных и материальных потерь и сохраняют свое высокое социальное положение. В этом случае наблюдается расширение состава среднего класса за счет таких высококвалифицированных рабочих.

3. Остановимся на высококвалифицированных работниках, профессия которых практически не востребована на рынке труда. В настоящее время к такой группе относятся, например, юристы и экономисты широкого профиля. Для них одним из способов трудовой деятельности может быть неполная или временная занятость. Работники с неполным рабочим днем и временные работники имеют те же трудовые права, что и работники с полным рабочим днем и постоянные работники только в том случае, если они заключают с работодателем формальный трудовой договор. На российском рынке труда, однако, преобладает другая тенденция: неполная или временная занятость носит неформальный или полунформальный характер, а формальные трудовые контракты уступают место не-

формальным. В этом случае такие работники независимо от уровня их образования или квалификации лишаются всех экономических и социальных гарантий. Становится неясным и их место в социальной иерархии общества. В последнее время говорят о возникновении в России новой социальной группы – «прекариата». 80% невостребованных юристов и экономистов могут служить базой формирования этой социальной группы, уже признанной в стране на государственном уровне.

Приоритетные направления исследования социальных движений и протестов, социальных конфликтов

Осеев А.А.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

1. Социальные, экономические и политические проблемы современности требуют своего всестороннего социологического исследования. В докладе отмечается, что одним из важнейших направлений, определяющих предметное поле социологических исследований Российской социологии должно стать углубленное исследование социальных движений и протестов, социальных конфликтов.

2. Важнейшими направлениями социологических исследований в области социальных конфликтов являются.

Первое направление. Методологические основы исследования социальных конфликтов. Определение предметного поля конфликтологии.

1. Изучение конфликта как социального явления предполагает не отдельное, как это часто мы наблюдаем, а комплексное применение социально-биологической (Ч. Дарвин, З. Фрейд и др.), классовой (К. Маркс, Ф. Энгельс и др.), социально-психологической (Л. Козер, К. Райт и др.), структурно-функциональной (Т. Парсонс) и диалектико-созидательной (Г. Зиммель, Р. Дарендорф и др.) парадигм. Важны также исследования. 2. Системных характеристик, функций и динамики социального конфликта как целостного социаль-

ного явления: действующие силы конфликта. Стадий развития и индикаторов социальной напряженности в обществе. 3. Типологии и особенностей конфликтов в различных сферах человеческой деятельности: конфликты в организациях, семейные, между руководителем и подчиненными, трудовые, экономические, политические межгосударственные, межэтнические, юридические и пр. 4. Способов предупреждения и урегулирования социальных конфликтов. Стратегий управления конфликтами и их роль в урегулировании конфликтов. Социальных технологий управления конфликтами: организационные способы разрешения конфликтов, посредничество, суд и др. Деловых переговоров как эффективных способов разрешения конфликтов и технологии реализации стратегии сотрудничества. Теоретических оснований реализации переговоров как способа предупреждения конфликтов – социально-психологической парадигмы конфликта.

Второе направление. Социальные аспекты экономических, политических и международных конфликтов и пути их урегулирования.

1. Социальные аспекты социально-трудовых конфликтов. Типы, виды, причины трудовых конфликтов. Забастовка как вид трудового конфликта. Специфика забастовок в современной России.

2. Социальные аспекты экономических конфликтов; особенности социально-экономических конфликтов в современной России. 1. Причины экономических конфликтов: 1) дефицит экономических ресурсов как интегральная причина экономического конфликта, 2) неравномерное, несправедливое распределение дефицитных ресурсов (несправедливая приватизация собственности, средств производства и снижение социальных гарантий граждан и пр.), 3) относительное и абсолютное обнищание, бедность и нищета значительной части населения и др. 2. Социально-психологические механизмы экономических конфликтов. Особенности социально-экономических конфликтов в современной России: механизм перерастания социально-экономических конфликтов в политические. 3. Формы проявления социально-экономических и трудовых конфликтов: появление новых общественно-политических движений

- пенсионеры, автомобилисты, молодежь и др. как формы проявления экономических конфликтов. Их протестные настроения. 4. Способы предупреждения и урегулирования социально-экономических конфликтов: двухсторонние, трехсторонние договоры, система социального партнерства, «мониторинг региональных напряжений и конфликтов» и др. Повышение уровня и качества жизни граждан.

3. Социальные аспекты политических конфликтов. Особенности современных политических конфликтов: публичность, всеобщая значимость, обусловленность властью, идеологический характер мотивации конфликта, институциональная организованность субъектов и др. Типология, объективные и субъективные причины, способы урегулирования политических конфликтов.

4. Социальные аспекты международных конфликтов: особенности международных конфликтов и направления их предупреждения. Особенности международных конфликтов: 1. Факторы, определяющие специфику международных конфликтов. 2. Основания, определяющие виды и специфику международных конфликтов. 3. Специфика территориальных конфликтов. 4. Взаимосвязь межгосударственного конфликта с внутривнутриполитическими конфликтами. 5. Применение военной силы, использование войны как особенность межгосударственного конфликта. 6. Конструирование «жертвы» как способ управляемой конфликтной ситуации в международных конфликтах. Направления предупреждения конфликтов: 1. *Интернационализация жизни* мирового сообщества в хозяйственно-экономической, политической и культурной сферах. 2. Строгое соблюдение всеми сторонами и народами принципов мирного сосуществования и пр. 7. Причины срывов достигнутых договоренностей о прекращении применения конфликтующими сторонами военной силы.

Третье направление. Социологическое обеспечение урегулирования социальных конфликтов. 1. **Социологическое обеспечение диагностики причин конфликтов.** Роль социологических исследований, тестов и профессиограмм (психограмм) в работе с персоналом: в определении причин социально-трудовых и экономических конфликтов на ранней стадии развития соци-

альной напряженности, конфликтов на уровне психологической и личностной несовместимости работников. **2. Модель субъекта переговорного процесса.** Социально-психологический портрет эффективного переговорщика в экономической и политической сфере. Психофизиологические основания агрессии (социально-биологическая парадигма конфликтов). Методы исследования и диагностики уровня эмоциональной устойчивости (неустойчивости) личности по методике Р. Кэттелла.

Религиозная толерантность в России

Пайдулова П.В.

Факультет социальных наук ПСТГУ, Россия, Москва

Важность изучения данного вопроса связана с прояснением самого понятия, которое как некий идеологический конструкт, сформированный и привнесенный западно-европейской культурой, с одной стороны, с трудом приживается в российском обществе, с другой, активно внедряется в массовое сознание, заменяя собой такое понятие, как веротерпимость. С чем связаны эти явления? Какие формы данное явление принимает в российском обществе, которое исконно было и остается православным? Все эти вопросы требуют серьезного изучения, так как от этого зависит то, как в будущем будут формироваться межконфессиональные и межэтнические отношения в России, стране, ставшей одной из главных участниц современного геополитического кризиса.

Под религиозной толерантностью мы понимаем отношения между религиями, регулируемые принципами религиозного плюрализма, отделения государства от церкви, конфессиональной нейтральности государства и функциональной дифференциации, при которой религия встает в один ряд с другими социальными институтами.

Религиозная толерантность, как правило, приходит на смену веротерпимости, при которой отношения между религиями регулируются принципами монополии церкви, поликонфессиональности, государственной церкви.

Именно эта смена произошла в XVII веке в западно-европейских стра-

нах. Неутихающие межконфессиональные конфликты, порожденные образованием протестантизма с его многочисленными ответвлениями, не могли быть урегулированы иным способом, как предоставлением всем церквям равных прав, как отделением государства от всех дел церкви, как лишением церкви права быть надсистемой в обществе. Именно процессы Реформации смогли уничтожить принцип веротерпимости в западно-европейских странах и привести к принципу религиозной толерантности.

Россия же пришла к толерантности несколько иным путем, как в историческом, так и в правовом смысле. Исторически в России отношения между религиями регулировались принципом веротерпимости, который отдавал православия главенствующую роль. Это выражалось в отдавании Православию значительно большего количества прав, которые четко прописывались в документах. Другие религии также присутствовали в России, хотя и обладая гораздо меньшим набором прав.

В 90-х годах XX в. из западно-европейских стран в Россию привносится новая для нас модель религиозного плюрализма, отделения государства от церкви с его конфессиональным нейтралитетом, что в межцерковных отношениях предполагает не что иное, как равенство всех конфессий и религиозную толерантность. Данная модель стала активно внедряться в сознание российского общества.

Эта привнесенность данной модели религиозных отношений, а также историческая неподготовленность российского общества к подобному типу отношений определили то, что существуя на официальном уровне, на уровне документов, выступлений, данная модель не воспроизводится фактически на уровне общественного сознания. В чем это проявляется?

Во-первых, в государственно-церковных отношениях.

При официальном закреплении отделенности Церкви от государства, равенстве прав всех конфессий, фактически РПЦ является наиболее сближенной с государством, строя свои отношения на принципах «социального партнерства» и «социального служения РПЦ». При этом, важно то, что это не модель госу-

дарственной церкви, а новая форма сотрудничества в рамках социального служения, которая совершенно не противоречит принципам и нормам толерантности.

Кроме этого, исключительную значимость православия, с точки зрения сохранения культурной и духовной идентичности страны, констатирует и закон «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г., внося дифференцированную оценку общественной значимости традиционных и нетрадиционных конфессий на территории РФ.

Во-вторых, в общественных отношениях.

На этом уровне мы можем зафиксировать значительно неравное участие и значение различных церквей в общественной жизни. Это проявляется в таких явлениях как торжественность празднования православных праздников, несравнимую с праздниками других религий. Это проявляется во влиянии православия в публичной сфере. Это проявляется также и в количестве граждан, идентифицирующих себя с православием. И хотя эти показатели не относятся прямо к отношениям между церквями, но косвенно они указывают на воспроизведение скорее принципа веротерпимости, при котором доминирует одна Церковь.

В-третьих, в межцерковных отношениях.

Не смотря на доминирующую роль православия в обществе, которая была описана выше, в нашей стране наблюдается относительно спокойная ситуация в межцерковных отношениях, что проявляется в отсутствии межрелигиозных войн и крупных конфликтов на почве религии.

Здоровье социума как основа благополучия семьи и улучшения демографии

Паначев В.Д.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

Значительный этап в изучении общественного здоровья связан с охва-

тившей в 70–80-е гг. Западную Европу и США волной исследований по изучению факторов риска в рамках программ профилактики здоровья. Размах этих исследований во всем мире, когда контингент обследованных колебался от нескольких тысяч до 2 миллионов человек, а продолжительность наблюдений составляла от 2–3 до 20 лет, вызывал доверие к полученным данным. В России также осуществлялись научные программы по оценке параметров здоровья различных возрастных групп населения в ряде городов. Самый неутешительный и многократно подтвержденный вывод из результатов всех медицинских и социологических исследований состоял в том, что никакие профилактические мероприятия не способны были повлиять на уменьшение смертности населения и не могли быть рекомендованы для широкого внедрения среди населения.

Современная наука подходит к изучению проблемы здоровья социума с разных сторон. Если обобщить наиболее распространенные научные взгляды, то можно выделить несколько альтернативных направлений в исследовании этого феномена. Нормоцентрический подход характерен для медицинского дискурса, патоцентрический подход определяет здоровье как «нулевую степень болезни», некую абстракцию, подразумевающую некую умеренную выраженность патологических черт личности, феноменологический и экзистенциальный подходы рассматривают здоровье и болезнь как специфические способы индивидуального бытия в мире, несводимого к каким-либо схемам и объяснительным моделям. Аксиологический подход рассматривает здоровье как основное и необходимое условие актуализации высших возможностей человеческой природы. В основе этого подхода лежат представления о личности, достигающей высших пределов самореализации и подлинной зрелости в разные периоды жизни. При этом здоровье рассматривается как универсальная человеческая ценность и соотносится с основными ценностными ориентациями личности. Доминирование тех или иных ценностей, их переоценка и кризис рассматриваются в качестве факторов, определяющих здоровье индивида или негативно влияющих на него.

О хорошем здоровье чаще сообщают мужчины (35% против 21% среди

женщин). Состояние здоровья людей из семейного круга, судя по опросам его представителей, в определенной мере связано с уровнем материального достатка. За последние три года скорее удовлетворены состоянием здоровья членов семьи и ближайших родственников граждан 41–47%, скорее не удовлетворены – 30–33%, совсем не удовлетворены – 7–12%. Причины, вследствие которых ухудшается состояние здоровья, рассматриваются людьми с разных точек зрения. Склонны винить самих себя 41% населения. Третья часть (34%) ухудшение здоровья российских граждан связывает с низким уровнем жизни; 29% в качестве основной причины выделяют плохую экологическую обстановку, пятая часть (21%) – низкий уровень организации медицинского обслуживания, а 15% – недостаточное внимание к решению проблем здоровья населения со стороны государственных структур. «Отношение к здоровью» является одним из важнейших социологических понятий. Его рассматривают как систему индивидуальных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, наоборот, угрожающими здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего физического и психического состояния. Отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и душевное благополучие. В качестве двух составляющих понятия «отношение к здоровью» выделяют «самосохранительное отношение и поведение» и «саморазрушительное отношение и поведение». Понятие «самосохранительное поведение» в социологии трактуется как действия и отношения, направленные на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла.

Социальное благополучие населения зависит от действия целого ряда факторов. Отвечая на один из вопросов – «Что в настоящее время больше всего осложняет жизнь вашей семьи?», низкие доходы и нехватку денег выделили 69%, плохое здоровье и трудности с лечением – 29%. Другие причины отмечались в меньшем числе случаев (бытовые трудности – 17%, усталость, переутомление – 16% и т.д.). Результаты этого опроса свидетельствуют о том, что плохое здоровье и трудности лечения являются вторым по значимости факто-

ром, осложняющим жизнь членов семьи.

Таким образом, мониторинг здоровья социума, имея долгую историю своего развития в мире, позволяет своевременно наблюдать и оценивать закономерности проявления ценностных ориентаций населения к своему здоровью, к факторам его обуславливающим, а также осуществлять социологический прогноз психофизического состояния популяции на несколько лет вперед, что является фундаментом демографического развития России. Регулярный срез общественного мнения необходим не только для принятия управленческих решений, связанных с распределением государственных средств в системе здравоохранения и социального развития, но и с целью разработки государственной политики по формированию здорового образа жизни среди различных возрастных групп населения. На сегодняшний день качественные показатели жизни людей во многом зависят от создания условий для всестороннего развития личности, формирования у молодежи знаний, умений и навыков в области самосохранительного поведения, создания здоровой семьи.

Взаимосвязь социологии и социальной антропологии на современном этапе развития науки

Панич Н.А.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Социальные науки в значительной степени пересекаются друг с другом, что позволяет утверждать о некоторой степени искусственности этих границ. У социальной антропологии много общего с гуманитарными дисциплинами, прежде всего с социологией, а также философией, историей, литературоведением и др.

Социология исследует и описывает социальную жизнь в современных обществах, сочетая широту охвата с глубиной анализа. Социоантропологическое исследование также может быть полезным в понимании современного мира. Это обусловлено рядом причин.

В настоящее время контакты между группами, имеющими существенные культурные отличия, необычайно усилились. Данное обстоятельство привело к огромному потоку людей, перемещающихся на время из страны в страну, причем бизнесмены, политики, туристы и др. из более экономически развитых стран в менее развитые, а трудовые мигранты – в противоположном направлении. Созданы условия для мгновенной коммуникации, расстояние не является помехой для постоянного контакта, вследствие этого расширяется информационная база. Идет процесс переплетения ранее относительно самостоятельных социокультурных пространств. Стремительно меняется типичный образ жизни людей: мода, музыка, отношение к семье, пищевые предпочтения и др. [2]. На передний план выходит изучение постмодернистских обществ, формируется антропология труда, города, государства, антропология модерна [4, с. 77]. Исследуются смешенные городские культуры, мультикультурализм, культурные меньшинства, этнический бизнес, рэп, хип-хоп и т.д. [1]. Речь уже не идет об анализе структур родства или производстве мифологии. Интерес скорее вызывают социальные сети, отношения, которые складываются в кафе или интернете, небольшие летучие сообщества и т.д. [3]

Как же понять хаотичность, сложность, запутанность современного исторического этапа? Необходимо изучать людей в самых различных обществах, самых разнообразных обстоятельствах, выявляя при этом упорядоченность и находя сходства, и сохраняя критическое отношение к возможности быстрых решений и простых ответов на сложные вопросы [5, с. 24].

Социальная антропология пытается достичь понимания культуры, общества и человечества в целом с помощью детального исследования жизни, дополняя все сравнительным анализом. В этом и заключается основная задача социальной антропологии: показать мир в его многообразии и сложности, с одной стороны, и стремиться быть аналитической и теоретической дисциплиной, с другой.

В начале XX века социальная антропология концентрировала свое внимание исключительно на изучение локальной жизни в традиционных обще-

ствах, а полевые исследования были ее основным, а иногда, и единственным методом.

На современном этапе ситуация с предметным полем социальной антропологии заметно усложнилась, поскольку в область изучения теперь попадают не только типы обществ, но, по утверждению современных социологов, и их методологический репертуар, который стал более разнообразен [5, с. 20]. Отсутствие жесткого понятийного аппарата предопределяет вектор движения социальной антропологии в направлении теории повседневности, в направлении *cultural studies* [6, с. 766].

Социальная антропология отличается от других близких дисциплин, тем, что рассматривает социальную реальность как создаваемую прежде всего отношениями между отдельными лицами и группами. Только после исследования повседневной жизни можно переходить к изучению связей между локально проживаемым миром и явления более обширного масштаба. Так, например, актуальная в современной социологии концепция глобализации с социоантропологической точки зрения не будет иметь смысла, если не изучать реальных людей, в реальной жизни, и их взаимоотношений с окружающим миром.

Одной из главных составляющих социоантропологического исследования является детальная информация о различных формах человеческой жизни и разработка аппарата, позволяющего вычленить сущностные характеристики и провести сравнение. Несмотря на огромные различия, которые документируют ученые-антропологи, само существование этой дисциплины доказывает, что продуктивная коммуникация между различными формами человеческой жизни возможна, поскольку понимание других обществ происходит через сравнение [5, с. 25].

Литература:

1. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

2. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Новое литературное обозрение. М., 2014.
3. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. А. Широкаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
4. Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортодоксии» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 76–94.
5. Эриксен Т.Х. Что такое антропология. М., 2014.
6. Le Dictionnaire des sciences humaines. P., 2013.

Types of moral consciousness

Paramonova S.

Perm national research politechnical university, Russia, Perm

The types of moral consciousness in the examinations were received in the following way: in the process of interrogation of respondents. They choose the model of the destiny of some person, in this or that way identifying himself with him. This method is traditional for the Western-European sociology.

Characteristic of types of moral consciousness. The statics of the types of moral consciousness is researched through the following spheres of life activity in the collectives of the enterprises, mines or educational establishments and outside them: a) the labor moral, b) the moral of the sphere of social-political activity, c) the moral of the family and household relations, d) the moral norms and values in the sphere of culture.

The definition of the types of moral consciousness is carried out by revealing one form of consciousness through another, a more obvious one. A number of test questions were used for this purpose. In this number there are no less than eight questions, defining the motivation of the choice of attitude to the enterprise, the forms of

ownership, the preferred system of moral, the comprehension of freedom, justice, life and labor values, the attitude to the facts of cultural life of the society, the motives of rendering assistance to others etc.

Communitarist keeps a fragile equilibrium between the norms, oriented to active creativity, and the new background expectations of the society. Communitarist answers the challenge of the time of the reforms with an active help in different life and working situations equally to those who ask for help and those who need help. The understanding of justice in among the technical intelligentsia is reduced to the formula – the equality of all at the face of the law. J. Rawls has suggested two principles to perfect relations: the first one is the principle of justice, which demands the priority of freedom. Freedom is considered to be a basic social value. The second one is «the rule of maximum», which has a strong democratic charge. Any benefit of a member of the society, who is in a worse situation than others, should outweigh any loss of the well-off people.

The transitional type of moral consciousness. It constitutes a half among the marginal types in the working groups of the society in the quantitative sense. The characteristics of the transitional type of moral consciousness are largely defined by his place in the social structure of the society. The spirituality in the consciousness of the transitional type creates continually, charged with «duality». He is worried about the tension, which appeared between the individual aspiration and the orientation to others, the tension, originated in the different measurements of his spirit. The universal demonstration of individual mammon by the well-off elite and the public good as the supreme law come to a contradiction in the consciousness and the way of life of the transitional type. His emotional conviction in the aspiration «“to have” instead of “to be”» here are only substantiated by the rationalizations.

Hedonist. The sense of life of hedonist is getting pleasure and enjoyment. The faith dominates in his consciousness. Hedonist gravitates towards family and narrow circle of friends. Though mostly women are drawn to hedonism, however where there is a favorable mode for the men, due to the limitation of the acceptance of women, the share of the hedonists-men becomes bigger, than among the women.

Among hedonists there are mostly healthy women and men. There are more hedonists than pragmatists among the youth. Hedonists help only when they are asked for help. Since hedonist is driven towards the values of traditional society, justice in his understanding is inseparably connected with the moral qualities, which are to predominate in the life of people. It is impossible to be fair, without being humane. His orientations are directed to the trust in the authority.

Pragmatist. The closer to the financial and industrial centers of Russia the community is situated, the higher is the level of pragmatism of the interrogated respondents. In general pragmatists are men. Women have constituted the smallest part. Pragmatist is the bearer of the model of economic rationality of the society. He believes that the principle of historical justice is the equality of all in front of the law. Besides, four components of freedom shape his spirit: to do everything that is not forbidden by the law; the inner subjective freedom; the non-interference of the State into the private life of a person, and also the availability of the money, the mammon, the property.

Conclusion. We have attempted to receive new results in the social-ethical awareness of the reality by the method of implantation of the moral-typological approach to the old trunk of sociological problems.

The moral situation was only sometimes intuitively guessed, but was not revealed at all. Having received the sociological estimation, from the sphere of the chaos it moves into the sphere of the conscious, objectively evaluated knowledge. Whatever critical conclusions would be, they are better, than the ignorance of the social community and the personalities in their moral status. As the investigations have proved, the types of moral consciousness are not a lesser, but a bigger social reality, than the types, revealed by M. Weber, at the beginning of the XX century. The methods of the analysis of the amount of the investments and their return should be worked out. These are the humanitarian technologies, which the society has not mastered yet.

Специфика потребности в трудовых ресурсах коммерческих и некоммерческих организаций

Пашко А.И.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Персонал организации является одним из наиболее сложных объектов управления, поскольку любой человек имеет возможность принимать в той или иной степени самостоятельные решения и критически оценивать предъявляемые к себе требования.

Безусловно, в вопросе соотнесения целей и ценностей организации и каждого отдельного сотрудника важное место занимает процесс адаптации, выполняющий интегрирующую функцию. Организации разрабатывают программы адаптации, способствующие закреплению в них новых сотрудников, проводят различные тренинги на сплочение и т.д.

Однако, при всем разнообразии форм, методов организации адаптационного процесса, адаптационные мероприятия способны лишь в некоторой степени приобщить сотрудников к организационной культуре, миссии, целям. Этот объективный факт повышает требования к процессу подбора персонала, поиску сотрудников, изначально «наиболее подходящих» конкретной организации. Успешным является результативный поиск новых сотрудников, которые в наибольшей степени по своим личностным качествам, мотивации, потребностям, особенностям характера, темпераменту и т.д. будут соответствовать потребностям организации.

Следует отметить, что особенности подбора персонала в коммерческих и некоммерческих организациях определяются целями их деятельности. В соответствии со ст.50 ГК РФ коммерческие организации преследуют в своей деятельности извлечение прибыли в качестве основной цели, некоммерческие – не имеют извлечение прибыли в качестве своей цели и не распределяют полученную прибыль между участниками.

В силу этого специалисты, обладающие одинаковой квалификацией,

могут не соответствовать однотипным должностям в коммерческой и некоммерческой организациях. Незначительные противоречия между потребностями сотрудника, с одной стороны, и требованиями организации – с другой, могут перейти в стадию открытого конфликта, в ходе которого будет нанесен ущерб производственному процессу, что, в конечном счете, негативным образом скажется на организационной эффективности.

В деятельности любой организации этап комплектования кадров является одной из важных функций управления. Суть процесса подбора персонала состоит в том, чтобы с учетом требований к кандидату на имеющуюся вакансию привлечь более или менее подходящих квалифицированных работников для последующей их оценки и приема на работу. Важность и значимость данной работы очевидна. Следует отметить, что в большинстве случаев работника подбирают по интуиции, совету знакомых, по направлению служб занятости, по внешним признакам, используя метод «проб и ошибок». Менеджер зачастую полагает: пусть место лучше пустует, чем будет занято неподходящим работником.

Кадровая политика организации в области подбора кадров, как правило, состоит в определении принципов приема на работу и количества работников, необходимых для качественного выполнения заданных функций.

Качественный аспект процесса набора состоит в том, чтобы найти кандидатов, обладающих необходимой для работы квалификацией. Значимость правильного решения данной проблемы связана с высокой стоимостью кадров (рабочей силы), поэтому необходимо в первую очередь определить, нужен организации данный человек или нет. Намного дороже будет стоить ошибка (например, если через какой-то период времени он заявит о своем уходе).

Определенную помощь в том, чтобы избежать ошибок при подборе кадров, оказывают различные источники информации. Инспектор по кадрам может вести поиск кандидатов, используя для этого резюме соискателей, размещенные в интернете или оставленные на сайте или пришедшие по факсу, почте, электронной почте. Зачастую объявления о вакансиях размещаются в специали-

зированных газетах и журналах. Все работодатели имеют также возможность воспользоваться базой регионального отделения Федеральной службы по труду и занятости. Еще одной возможностью является обращение в кадровое агентство.

Менее разработанным является этап оценки кандидата, еще реже – практически нигде речь не идет о методологии закрепления и профессионального развития персонала.

Таким образом, актуальной проблемой в сфере управления персоналом является отсутствие апробированных методик подбора и закрепления кадров. Методологически очень важно установить соответствие работника занимаемой должности, т.е. четко выделить виды работ и под эти работы подобрать людей, имеющих нужную для качественного выполнения функциональных обязанностей квалификацию. Эта работа будет эффективной только в том случае, если она основана на правильной оценке качеств кандидатов, необходимых для конкретного вида деятельности.

Очевидно, что изучение потребности в трудовых ресурсах организаций, различающихся по целям деятельности, юридическим формам и т.д. дает возможность выявить потенциальных сотрудников на этапе их поиска и подбора, чтобы впоследствии повысить качество персонала организации в целом.

Прогнозирование результатов выборов в США: модель Натаниэля Сильвера

Перепелкина М.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В апреле 2009 года Нейт Сильвер, известный экономист и блоггер [FiveThirtyEight.com] из Мичигана, вошел в список 100 самых влиятельных людей в мире по версии Таймс [Stein].

Известный как спортивный аналитик, Сильвер с 2007 года публикует анализы и статистические данные относительно исхода президентских выборов

в США в 2008 году. Тогда его модель прогнозов оказывается весьма точной – он правильно предсказал кандидата-победителя в 49 из 50 штатов, а так же выборов в Сенат – 35 из 35. На выборах 2012 года Сильвер предсказал победителя во всех 50 штатах и округе Колумбия [Hough].

Очевидно, что статистическая модель Сильвера имеет ряд преимуществ и высокий процент аналитики, согласно которой можно подсчитать результаты фактически любых выборов.

Описывая методологию модели 538 (FiveThirtyEight), Нейт Сильвер отмечает, что абстрактные и философские принципы его работы транслируют передовую практику прикладного статистического моделирования выборного процесса [Silver, 2014 (a)].

Первый принцип гласит: Хорошая модель должна быть вероятностной, а не детерминированной.

Модель 538 производит вероятностные прогнозы, в отличие от жестких и быстро предсказуемых. Именно это является максимально важной и сложной частью моделирования. Предсказания наиболее вероятного результата («демократы выигрывают гонку на 3%») иногда относительно невосприимчивы к изменениям в методологии. При этом важно смоделировать возможную ошибку (погрешность) эмпирически – на основе данных опросов прошлых избирательных компаний [Silver, 2008].

Следует отметить, что прогнозы на основе модели Нейта Сильвера иногда считаются чрезвычайно смелыми, по сравнению с тем, что освещено в СМИ, они достаточно консервативны по сравнению с некоторыми другими моделями прогнозирования [**Pharos Research Group, 2008**].

Согласно второму принципу, хорошая модель должна быть эмпирически обоснованной [Silver, 2014 (a)]. Очевидно, что простая модель удобна, однако, она должна быть в достаточной степени согласована с фактами. Если не учесть какую-либо незначительную статистическую переменную в модели, именно она может оказаться решающей и повлиять на полученные результаты. Так же важно выяснить, имеет ли выбранная модель прочную теоретическую основу,

например, насколько либеральна или консервативна она по отношению к избирателям.

Принцип третий: Хорошая модель должна разумно реагировать на изменения данных.

Модель Сильвера по выборам в Сенат имеет тенденцию давать достаточно устойчивые прогнозы. Однако, необходимо принимать во внимание относительную нестабильность общественного мнения в разное время, что может склонить чашу весов на выборах в одну или другую сторону. Особенно это важно на последнем этапе кампании.

Принцип 4: Хорошая модель должна избегать изменений в своих правилах «на ходу».

Нельзя «подправлять», вносить изменения в прогностическую модель, только потому, что результат не соответствует ожиданиям. И не следует менять алгоритм оценок после начала прогнозирования – это не способствует достоверности полученных результатов [Silver, 2014 (a)].

Общеизвестно, что в ноябре 2014 в США пройдут очередные выборы в Конгресс, исход которых Нейт Сильвер прогнозирует следующим образом: 68,5% вероятность получения большинства республиканцами, 31,5% – демократами. Относительно количества мест в Сенате модель Сильвера такова: 19,8% вероятность получения республиканцами 52, а демократами – 48 мест [Silver, 2014 (b)].

От результатов предстоящих выборов в США зависит не только внутриполитическое противоборство «слонов» и «ослов», но расстановка внешнеполитических приоритетов.

Так, если большинство получают республиканцы, то возможность эскалации конфликта на Украине не вызывает сомнения – Киев может получить вооружение для продолжения борьбы с сепаратистами Донецкой и Луганской народных республик, а в случае победы демократов – многие законопроекты по Украине [H.R.4278, 2014; S.28.28, 2014; H.R.5190, 2014] будут заблокированы.

Литература:

1. Hough A. Nate Silver: politics «geek» hailed for Barack Obama wins US election forecast // The Telegraph. 2012. 8 Nov.
2. H.R.4278 – Ukraine Support Act. 2.04.2014. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/4278/text>
3. Pharos Research Group. URL: <http://www.pharosresearchgroup.com/Home.html>
4. Silver N. In Nation's capital, pandemonium after Obama victory. 2008.
5. Silver N. How the FiveThirtyEight Senate forecast model works. 2014. 17 Sep. 17 (a).
6. Silver N. Senate update: exit to recountland. 2014. 30 Oct. (b).
7. Stein J. The world's most influential people // The Time. 2009. N 100.

Методология П.А. Сорокина в исследовании социальных практик современного российского общества

Петров В.Н.

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

Россия, Краснодар

В 2014 году исполнилось 125 лет со дня рождения Питирима Александровича, знаменитого ученого мирового значения, социолога и социального философа. Альтруизм, мораль и социальная солидарность – явления, исследованиям которых он посвятил значительную часть своей творческой энергии. Обращение П.А. Сорокина к изучению феномена альтруистической любви привело к обоснованию ее как мощного средства повышения общественного иммунитета противостоящего разрушительным влияниям и силам.

На волнах рациональности и альтруистической любви, рассудка и эмоций во взаимодействиях между людьми создается атмосфера доверия и согласия, в которой становится возможным формирование солидарных отношений, как отношений, наполненных эмпатией, стремлениями к сотрудничеству, кооперации и взаимной поддержке. Объективация солидарности находит выра-

жение в интеграции личностей в различного вида и уровня социальные группы. Становится также реальным формирование различного рода структур (институциональной, дифференциальной, стратификационной, этнокультурной, внутри- и межличностной), в совокупности образующих человеческую культуру.

Солидарные отношения на протяжении тысячелетий поддерживали интеграционные процессы, создавая, тем самым, условия для формирования социальных общностей и групп, их воспроизводства и поддержания необходимой устойчивости во всех пространственных проявлениях социальной реальности. Одновременно солидарность подвергалась различным испытаниям на прочность. Изменяющиеся социальные потребности вызывали необходимость в поиске новых функциональных ответов. Природные катаклизмы, социальные конфликты и войны, не уничтожая самой солидарности в конкретно-исторических ситуациях, наносили ей труднозаживающие раны или вели к социальным катастрофам (например, распад империй).

В современном глобальном мире существенно изменяется содержание, формы и функции солидарности: утрачивается исторически определенный контекст, все большее значение приобретают явления виртуальной социальной реальности. Приобретают новое качество известные явления и процессы. Настоящей бедой для современного человечества стал жестокий терроризм и гражданские войны.

Еще одно из глобальных явлений современности - несопоставимые с прежними масштабами миграционная подвижность населения Земли. В качестве следствий такой подвижности, насущной проблемой стало столкновение зачастую существенно различающихся, противоречивых и, порой, жестко конкурирующих между собой этнокультур.

В конце XX – начале XXI вв. иммигрантами в Россию стали вынужденные переселенцы и добровольно возвращающиеся русские из национальных республик бывшего СССР, миллионы этнических армян, азербайджанцев, грузин, получивших российское гражданство или ожидающие его предоставления, миллионы трудовых мигрантов из Молдавии, Украины, Таджикистана и Узбе-

кистана. Военные действия на Украине привели к исходу в Россию сотен тысяч беженцев. Массовая иммиграция создала новую ситуацию в области солидарности российского населения, во многом проблемную, социально напряженную и конфликтную, на изучение которой направлены усилия российского и международного научного сообщества.

Мы исследуем формирующиеся солидарности в ситуациях, когда возникает необходимость присоединиться к уже существующим формам с устоявшимся культурным содержанием. Мы рассматриваем эти ситуации как конструируемые отношения акторов в различной степени толерантных друг другу, что находит свое выражение в различной степени готовности и реальной практике приятия, принятия другого (личности или группы личностей) как партнера по социальному взаимодействию и отношениям.

Эмпирические данные, полученные в наших исследованиях и их анализ позволяют утверждать, что степень толерантности и ее качество находятся под непосредственным воздействием различных состояний и форм этнической идентичности. Для успешной солидаризации этнических мигрантов с принимающим обществом эффективен такой вариант взаимодействия, при котором этнокультурные идентичности конкурируя друг с другом не образуют непримиримых оппозиций.

Социальные технологии как способ оптимизации управления в сфере молодежной политики на региональном уровне

Петрушина О.А.

ГАОУ ВПО ТО «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права», Россия, Тюмень

Опыт социального управления показывает, что социальные технологии являются одними из самых адаптивных инструментов управления в современных условиях. В условиях необходимости активного включения молодежи в реализацию молодежной политики появляется необходимость использования эффективных методов управления и взаимодействия, роль которых могут вы-

полнять социальные технологии.

Региональное измерение государственной молодежной политики является важнейшим инструментом дифференцированного подхода к проблемам российской молодежи. Особенностью региональной молодежной политики на сегодняшний день должно стать сосредоточение не только на решении проблем молодежи в сфере получения образования, трудоустройства, уровня жизни, но и огромное внимание к сфере развития и получения «переносимых навыков» (от англ. transferable skills). Эти навыки позволяют молодому человеку становиться более конкурентоспособным, включают его не в узкоспециализированную социализацию в рамках получаемой специальности (доктор, маркетолог, бурильщик) – они позволяют сформировать навыки построения коммуникации, публичного выступления, организации собственного рабочего, временного, ресурсного пространства, получить основы фандрайзинга, продвижения и «тегирования» себя в социальной среде.

Обеспечить этот эффект позволяет использование социальных технологий, основанных на принципе субъектности, когда субъект управления и объект управления имеют двойственный характер: субъективно-объективный, т.е. одновременно выполняют функции как управляющей, так и управляемой подсистем. При этом как субъект, так и объект управления имеют сложную, многоуровневую структуру, где структура рассматривается как относительно устойчивый способ связи элементов объекта, а элемент – это некоторая часть объекта, будучи связанной с другими частями объекта, образует сам объект. Эту особенность реализации управленческой деятельности в ходе данного исследования определена как ключевая. Этот подход позволяет сформировать механизм прямого взаимодействия с молодежью, обеспечивающий высокую результативность и оперативность в управлении процессами, происходящими в молодежной среде.

В качестве объекта таких взаимоотношений выступают молодежные сообщества – позитивные объединения молодежи, общие цели которых – совместное развитие, формирование своего социального капитала, реализация про-

ектов, улучшающих окружающую среду в широком смысле этого слова. Взаимодействие именно с сообществами позволяет обеспечить тесный контакт с лидерами этих сообществ, вовлечь в деятельность и передать часть полномочий по конкретной предметной области, в которой развивается это сообщество.

В ходе вторичного анализа методических и аналитических материалов, отчетов и экспертного опроса были выделены следующие проблемы в системе управления молодежной политикой:

- недостаточная эффективность региональной молодежной политики определяется рядом обстоятельств, главную роль среди которых играет отсутствие эффективной системы технологий и управления – не учитывается весь спектр молодежных проблем и потому нуждается в оптимизации системы управления;
- идеалы и ценностные ориентации современной молодежи приобретают все более выражено личностно-ориентированный и корпоративно-групповой характер, вступая в противоречие с потребностями общества в приоритетном развитии у социализируемых гражданских и патриотических качеств;
- «мероприятийный подход» необходимо заменить на более результативный механизм реализации молодежной политики – реализацию системно-комплексной программы мер государственных органов и общественных организаций всех уровней с участием в их разработке представителей разных слоев молодежи – в частности, молодежных сообществ.

В работе рассматриваются подходы к категориальным понятиям «социальные технологии», «молодежные сообщества», исследуются особенности управления в сфере молодежной политики на региональном уровне (на примере Тюменской области) и основы технологизации социального пространства. Предпринята попытка сформировать модель системы взаимодействия молодежи и региональных органов молодежной политики на основании применения социальных технологий.

Таким образом, необходимо отметить направленность работы на повышение эффективности управления молодежными сообществами, формирование модели региональной молодежной политики, основанной на продуктивном тес-

ном взаимодействии ее субъекта и объекта. Использование в управленческой практике предложений по совершенствованию системы применения социальных технологий и выстраивания взаимодействия с целевыми группами и рекомендаций автора позволит получить не только экономический, но и социальный эффект.

Глянцевый журнал как фактор актуализации кризиса идентичности молодежи

Пименова О.И.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Молодые читатели глянцевых журналов соединяют в себе противоречивые черты: самоуверенность и эгоизм, высокий уровень социальных притязаний, конкретные прагматические, но при этом идеализированные цели и в целом пассивные позиции в их достижении. В результате, особенности идентификационных процессов в среде читателей глянца определяются их стремлением к конструированию идеальной социально-статусной идентичности, что часто бывает затруднено вследствие отсутствия необходимого для этого ресурсного капитала.

Вообще, в отношении этой группы молодежи зачастую не приходится говорить о реальном социальном самоопределении как содержательной характеристике процесса идентификации. Молодой человек, воспринимающий глянцевые тексты как референтные, стихийно следует стереотипизированным социокультурным образцам и нормативам, социализируется в пространстве «выдуманного мира» без учета возможностей, которыми он реально располагает. Это затрудняет конструирование реальной идентичности и ее сближение с идеальной, желаемой, приводит к потере способности самоопределяться в пределах тех социальных групп, в которые реально включен молодой человек, виртуализации его идентификационного набора, основными характеристиками которого в таком случае становятся фрагментарность, множественность, открытость и

незавершенность.

Эмпирически фиксируемая тенденция показывает, что традиционные объективные параметры социально-статусной идентичности (доход, собственность, власть) теряют свое значение, в случае если речь идет о читателях глянцевого издания, при этом актуальное место занимают квази-объективные и субъективные индикаторы статуса (успех, престиж, досуговые практики и образ жизни). Социально-статусная идентичность в таких условиях становится самоконструируемым образованием, а процесс ее обретения превращается в своего рода игру перед значимыми для молодого человека окружающими («иметь и казаться, а не быть»). Молодой человек, желая приобщиться к выбранной им статусной позиции, включиться в выбранную им социальную группу, делает это посредством символического капитала, который в конечном итоге становится капиталом социальным. Как показывает проведенное нами исследование (анкетный опрос молодежи, 2012 г., N=700), читатели глянцевых журналов примерно в два раза чаще сориентированы на символическое обозначение своей идентичности через образ жизни и визуализацию своей статусной позиции.

Эмпирическое исследование доказало, что глянцевые издания, транслируя и тиражируя определенные социально-статусные предписания, способны опосредованно осуществлять стратификацию своей аудитории и влиять тем самым на конструирование социально-статусной идентичности, формировать социальные позиции акторов, активно участвуя в процессах усвоения социальных ролей и культурных норм общества.

Под манипулятивным влиянием глянцевых журналов их молодые читатели конструируют так называемую неоплаченную или преждевременную идентичность – некое состояние, когда обретение идентичности происходит не в процессе активной сознательной и рефлексивной деятельности самого актора, а под влиянием внешних обстоятельств, по некоторым готовым стандартам и предписанным стереотипам.

Их негативное влияние проявляется в том, что они увеличивают разрыв

между реальной средой и виртуальной, желаемой (между реальной идентичностью и идеальной), усиливая тем самым степень маргинализации молодежи, актуализируя кризис ее идентичности.

Под кризисом идентичности в общем смысле можно понимать некое переходное состояние в процессе самоопределения. Согласно позиции Э. Эриксона, кризис идентичности – это нормальная часть юношеского развития. За счет его преодоления становится возможным развитие идентичности, ее конструирование. Однако кризис идентичности сопровождается социальной дезадаптацией молодого человека, трудностью выбора вектора самоактуализации и основных ориентиров для статусного позиционирования себя в социальном пространстве. В качестве следствия можно наблюдать усиление межпоколенческого и межгруппового разрыва с реальной мы-группой, с ее ценностями и ориентирами, ролевое напряжение, связанное с неадекватной статусно-ролевой подготовкой.

Проблема, таким образом, заключается в том, что влияние на молодежь глянцевого журналов имеет стихийный, нецеленаправленный характер и может иметь непредсказуемые последствия. В условиях всеобщей демократизации и глобализации, в контексте расширения сети СМИ растет плюрализм выбора, что еще больше усложняет характер идентификации молодого человека, у которого появляется возможность чаще менять свои идентичности, экспериментировать с ними, а такая возможность усиливает и учащает кризисы идентичности.

Политическое стимулирование в обществе: понятие, ключевые вопросы прикладного исследования

Плискина А.В.

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

В социологии и смежных научных дисциплинах различают внешнее воздействие на субъект, побуждающее его к определенным поведенческим реакциям, перестройке сознания, к целенаправленному движению в конкретной об-

ласти деятельности, и внутриличностные стимулы, являющиеся индикаторами индивидуальных ценностей.

Мы предлагаем некоторые результаты прикладного исследования меритократической функции политического стимулирования⁸⁰.

Объектом исследования стало политическое стимулирование, а предметом – меритократическая функция политического стимулирования.

Актуальность прикладного исследования политического стимулирования имен-

но в меритократическом аспекте обуславливается тремя доводами:

1. Соединение стратификационно-иерархической дифференциации общества

и резко поляризованного разделения на «верхи» и «низы» слабо отражены в политической социологии. На низовом уровне политики люди нередко остаются «молчаливым большинством», из которых государственная власть при необходимости (федеральная и региональная) начинает отбирать ключевые фигуры для политического стимулирования.

2. Заметно реальное влияние меритократического фактора в отношениях власти и населения.

3. В изучении меритократической тенденции и ее изменений заинтересованы и «верхи», стоящие у руля власти и использующие манипулирование во взаимодействии с субъектами политики, и «низы», у которых появляется возможность войти в политическое пространство, проложить дорогу к мобильности, карьерному росту, занять более высокие статусно-иерархические позиции.

Проблемная ситуация видится в том, что политические стимулы, не

⁸⁰ Исследование проведено в 2011–2013 гг. на кафедре социологических наук Кемеровского государственного университета с участием автора. Науч. рук. д-р соц. наук, проф. Л.Л. Шпак. Выборка для анкетного опроса составила 370 человек в крупных городах Кузбасса: Кемерово и Новокузнецке. Изучены наградные документы КемГУ за 2007–2012 гг., а также опубликованные наградные материалы Администрации Кемеровской области (с использованием методов вторичного анализа, изучения документов).

имеющие меритократического стержня, не оказывают заметного влияния на политическую практику. Рассматриваемая в контексте реальной политической практики меритократическая функция власти (стимулирующая, селективная, регулятивно-правовая и экспертная) остается лишь частично встроенной в систему политического стимулирования, формирующуюся в регионах.

Возникает ситуация, когда «изолированное» и поверхностное, социально не признанное рассмотрение достоинств и притязаний людей на меритократическое взаимодействие с властью оставляет в тени реальные заслуги субъектов и обостряет проблему адекватной их оценки. Поэтому в управленческой и социальной практике сложилось противоречие между востребованностью политического стимулирования и его полузакрытым характером в российском обществе.

Слабо освещенными в научной обществоведческой литературе остаются меритократические тенденции в политическом взаимодействии власти с различными субъектами политики, не анализируются меры и средства воздействия на динамику политического участия, не анализируются принципы политического стимулирования и т.д.

Научное внимание к этой проблеме необходимо для совершенствования взаимоотношений государственной власти и населения. Социологические рекомендации становятся частью решения данной проблемы при достаточном их обосновании.

В прикладном исследовании указанной проблемы ставились три основные задачи: а) выявить принципы, на которых выстроена практика политического стимулирования; б) охарактеризовать меритократическую функцию политического стимулирования и участие власти в ее осуществлении; в) диагностировать отношение населения к награждению и наградному механизму политики.

На наш взгляд, в исследовании удалось подтвердить выдвинутую нами гипотезу о том, что меритократическая функция полнее проявляется при соблюдении принципов политического стимулирования, а соучастие населения в

реализации меритократической функции позволяет через взаимодействие с органами государственной власти совершенствовать политическое стимулирование и использовать наградной меритократический механизм для развития политических отношений в регионе.

В концептуальном осмыслении современных возможностей политического стимулирования мы исходили из наработанных в социологии трактовок стимулирования.

Стимул выступает не как непосредственный повод, а лишь как осязаемый сигнал к изменению или закреплению данного характера действия. Стимулы – это осмысленные побуждения, являющиеся результатом усилий субъектов взаимодействия или следствием соединения воздействий объективных факторов. Стимулирование означает темпоральную выраженность, процессуальную оформленность применения стимулов в отношении объектов стимулирующего воздействия. Политическая и социальная практика убеждают, что стимулирование, помимо темпоральности, обладает признаком регулятивности, оно становится регулятором в управленческом механизме власти. Кроме того, стимулирование обладает обратной силой, с ним связан эффект бумеранга, когда выстроенная и системно встроенная в политику подсистема стимулирования (от социетального уровня до самого низового в общественной организации) может дать сбой, послать сигнал о неблагополучии, недовольстве, непризнании привычных стимулов или темпов их применения, направленности усилий на «точечное» использование стимулов, взятых властью в арсенал.

Развитие современных технологий сотрудничества и тенденции возникновения институциональных кризисов

Плотинский Ю.М.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Стремительное развитие процессов глобализации неизбежно приводит к обострению конкуренции в социально-экономической сфере. Экономика стано-

вится инновационной, поэтому все более востребованы новые знания, новые технологии обучения и обмена знаниями. Парадоксальным образом, обострение конкуренции ведет к появлению новых разнообразных форм сотрудничества между людьми и организациями. В ответ на указанные вызовы современной цивилизации стали активно развиваться новые организационные формы – сети, сообщества, альянсы, виртуальные фирмы и другие виды координации деятельности агентов, занимающие промежуточное положение между рынком и предприятиями.

Новые организационные формы сотрудничества базируются на современных компьютерных технологиях, интернете и современных средствах связи (ИКТ). В среде программистов растет число сторонников политики открытого кода (open source – открытое программное обеспечение). Только на сайте www.SourceForge.net зарегистрировано около 1,9 миллиона программистов, готовых бесплатно участвовать в создании программных продуктов.

За 20 лет развития, политика открытого кода (которую можно рассматривать как социальное движение) существенно изменила корпоративную культуру. В интернете под различными названиями появляется все больше виртуальных сообществ: сети знаний, творческие сети (creative networks), виртуальные институты и лаборатории.

Последние 15 лет активно развиваются новые формы сотрудничества специалистов – сообщества практики (Community of Practice). Под сообществом практики понимается виртуальный, постоянно действующий семинар для специалистов в достаточно узкой области деятельности. Основными задачами сообществ практики (CoP) являются:

- обмен опытом, знаниями, информацией;
- повышение квалификации, коллективное обучение;
- обмен идеями, повышение креативности сотрудников и создание нового знания.

В крупных зарубежных фирмах (British Petroleum, Shell, SAP, Caterpillar и др.) созданы и успешно функционируют тысячи сообществ практики. Они

объединяют десятки инженерно-технических сотрудников или менеджеров данной фирмы, занимающихся близкой проблематикой, но работающих в различных подразделениях фирмы, которые могут располагаться в разных городах и странах. Предполагается, что сотрудники корпорации сотрудничают друг с другом, в рамках сообществ практики, добровольно и бескорыстно.

Последние годы набирает популярность такая форма сотрудничества, как краудсорсинг – решение проблем силами добровольцев, координирующих свою деятельность с помощью информационных технологий. Удобные компьютерные платформы способствуют стремительному распространению краудфандинга – сотрудничество людей, которые добровольно финансируют усилия других людей или организаций. Сбор средств может служить для различных целей – помощь пострадавшим от стихийных бедствий, поддержка политических кампаний, финансирование проектов, создание программного обеспечения и т.д.

За последние 10 лет движение краудсорсинга завоевало широкую популярность за рубежом. С пятилетним запаздыванием крауд-технологии становятся популярными и в России. В октябре 2014 г. в Москве состоялся первый международный форум «Crowd map 2014». В этом же месяце компания Яндекс.Деньги объявила о запуске новых инструментов для сбора денег в Интернете. Проект «Вместе» предназначен, прежде всего, для тех, кто собирает средства на благие цели – благотворительных фондов, некоммерческих организаций и просто для частных лиц. (С аналогичными целями в 2014 году был запущен некоммерческий проект Mail.Ru Group – «Добро»).

Для программистов – сторонников открытого программного обеспечения, широкие перспективы открывают современные мобильные и облачные технологии. Сегодня, через интернет-магазины приложений (App Store, Google Play и др.) распространяется сотни тысяч программных продуктов.

Однако развитие новых форм сотрудничества может привести к негативным последствиям, вызванным обострением конкуренции и соперничества на уровне стран, корпораций и частных лиц.

Основные понятия теории социальной ниши⁸¹

Подлесная М.А.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт социологии РАН, Россия, Москва

Теория социальной ниши активно используется на Западе с конца 1960-х начала 1980-х гг. XX века, и является теоретическим конструктом, продолжающим идеи Чикагской школы в XXI веке. Само понятие ниши было заимствовано из таких инвайроментальных наук, как биология и экологии, и впервые было предложено Хатчинсоном (Hutchinson G.) в 1957 году в связи с попыткой определить место ниши в социальном пространстве. При этом ниша понималась как площадь между предельными значениями x^1 и x^2 социального пространства, которая позволяет видам (сообществам) выживать и размножаться. Значительно позже, данное понятие стало все больше принимать социологическое значение, а сама социальная ниша рассматриваться как организационная форма, которая относится ко всем организациям, входящим в нее и разделяющих общий «план организационного действия для преобразования входов и выходов» (Ханнан и Фримен 1977; также Маккелви 1982). При этом теория социальной ниши получила особое значение при изучении динамики взаимодействий между самими организациями внутри одной ниши, двумя или более социальными нишами, а также между нишей и окружающей ее средой. Отметим, что данная теория использовалась в разные годы при изучении самых разных организационных форм, например, таких, как: рестораны (Hannan & Freeman, 1984), общественные объединения (McPherson, 1983), детские сады (Baum & Singh, 1996), социальные движения (Stern, 1999), пивоваренные заводы (Carroll

⁸¹ Доклад подготовлен в рамках проектов: «Теория социальной ниши в исследовании православной общины за рубежом (на примере русских православных приходов в Берлине, Мюнхене, Штутгарте» (МК-1415.2013.6), проводимого на средства фонда грантовой поддержки молодых ученых Президента РФ в 2013–2014 гг.

& Swaminathan, 2000), и винные заводы (Swaminathan, 2001). Кроме того, нишевая теория была задействована при моделировании взаимодействий, происходящих во время той или иной деятельности (Rotolo & McPherson, 2001), при изучении культурных вкусов и предпочтений (Mark, 1998, 2003), идентичности (Mohr & Guerra-Pearson, 2007), а также концептуальных пространств, которые эти общности и эти ниши замыкают, включая социально-демографическое пространство (McPherson, 1983), рынки труда (Serensen, 2004), космические технологии (Dobrev et al. 2002) и функциональное пространство (Neal, 2006). Одним из исследовательских направлений, активно использующим теорию социальной ниши, стало изучение религиозных общин и общностей, в частности американских религиозных общин как нишевого образования в контексте городской среды (Helen Rose Ebaugh, Jennifer O'Brien and Janet Saltzman Chafetz, 2000).

Данный доклад посвящен описанию основных понятий предлагаемой теории. В качестве одного из первых стоит упомянуть принцип конкурентного исключения Гауссе (1934), также называемый принципом Вольтера-Гауссе, суть которого в том, что два вида организаций, которые требуют одного и того же ресурса, не могут занимать одну нишу в долгосрочной перспективе и рано или поздно их взаимодействие будет вызывать различные формы адаптаций. Это может проявляться в том, что адаптируясь вслед за изменением ресурсов, организации могут изменять свои размеры или положение. В связи с чем говорят о типологии (основная и осознанная) и ширине социальных ниш. Отметим, что данные понятия послужили толчком к развитию таких теоретических разработок внутри нишевого подхода, как теория ширины ниши Левинсона (1968), теория физической подготовки Левина (1968), теория разделения ресурсов (Кэрролл, 1985). Вслед за этим возникает необходимость в изучении того, каковы способы пополнения социальных ниш в зависимости от окружающей среды и кто их потенциальные члены, что находим в работах Макферсона (1983, 1992) и в его социально-демографической теории ниши. Еще одними из основных понятий теории социальной ниши являются поверхность эксплуатации и так

называемые «долины», которые свидетельствуют о том, что ниши занимают такие области пространства Блау, которые, с одной стороны, могут чрезвычайно эксплуатироваться, с другой, эксплуатироваться совсем в незначительной степени. Отсюда возникает то, что мы говорим об адаптивных сдвигах ниши, то есть тех реакциях социальной ниши, которые происходят в соответствии с занимаемой областью так называемой поверхности эксплуатации: ниши сдвигаются от областей с чрезмерной эксплуатацией и сдвигаются к неэксплуатируемым областям пространства Блау. Кроме того, ниши стараются занять неэксплуатируемые области, т.к. это позволяет им расширять свои границы, а ниши, окруженные областями с чрезмерной эксплуатацией, напротив, стремятся к их сокращению. И, наконец, ниша сдвигается не всегда стратегически или намеренно. Поэтому не все организации целенаправленно адаптированы к конкурентному давлению, иногда они даже не знают о нем, что свидетельствует о конкурентном исключение.

В заключение данного доклада предполагается уделить внимание современным исследованиям, синтезирующим различные идеи теории социальной ниши, в частности тех, которые связаны с изучением влияния личности на жизнедеятельность организаций и организационных форм, отсылающих в том числе к феномену нишевой идентичности.

Литература:

1. Baum J.A.C., Singh J.V. Organization-environment coevolution // *Evolutionary Dynamics of Organizations* / Ed. by J. Baum, J. Singh. N.Y.: Oxford Univ. Press. 1994. P. 379–402.
2. Carroll G.R., Swaminathan A. Why the microbrewery movement? Organizational dynamics of resource partitioning in the U.S. brewery industry // *Am. J. Sociol.* 2000. Vol. 106. N 715. P. 62.
3. Dobrev S.D., Kim T.Y., Carroll G.R. The evolution of organizational niches: U.S. automobile manufacturers, 1885–1981 // *Admin. Sci.* 2002. Vol. 47. N 233. P. 64.

4. Hannan M.T., Freeman J. The population ecology of organizations // *Am. J. Sociol.* 1977. Vol. 82. N. 929. P. 64.
5. Hannan M.T., Freeman J. Structural inertia and organizational change // *Am. Sociol. Rev.* 1984. Vol. 49. N 149. P. 64.
6. Ebaugh H.R., O'Brien J., Chafetz J.S. The social ecology of residential patterns and membership in immigrant Churches // *Journal for the Scientific Study of Religion.* 2000. Mart. Vol. 39. N 1. P. 107–116.
7. Hutchinson G.E. Concluding remarks // *Cold Spring Harb.* 1957. Vol. 22. N 415. P. 27.
8. Mark N.P. Birds of a feather sing together // *Soc. Forces.* 1998. Vol. 77. N 435. P. 85.
9. Mark N.P. Culture and competition: homophily and distancing explanations for cultural niches // *Am. Sociol. Rev.* 2003. Vol. 68. N 319. P. 45.
10. McKelvey B. *Organizational systematics: taxonomy, evolution, classification.* Los Angeles: Univ. Calif. Press., 1982.
11. McPherson J.M. An ecology of affiliation // *Am. Sociol. Rev.* 1983. Vol. 48. N 519. P. 32.
12. Mohr J.W., Guerra-Pearson F. The duality of niche and form: the differentiation of institutional space in New York City, 1888–1917 // *How Institutions Change /* Ed. by W. Powell, D. Jones. Chicago: Univ. Chicago Press., 2007.
13. Neal Z. Building a blau urban space // *Sociol. Soc.* 2006. N 67.
14. Rotolo T., McPherson J.M. The system of occupations: modeling occupations in sociodemographic space // *Soc. Forces.* 2001. Vol. 79. P. 1095–1130.
15. Sørensen J. Recruitment-based competition between industries: a community ecology // *Ind. Corp. Change.* 2004. Vol. 13. N 149. P. 70.
16. Stern C. The evolution of social movement organizations: niche competition in social space // *Eur. Sociol. Rev.* 1999. Vol. 15. N 91. P. 105.
17. Swaminathan A. Resource partitioning and the evolution of specialist organizations: the role of location and identity in the U.S. wine industry // *Acad. Manag. J.* 2001. Vol. 44. P. 1169–1185.

К вопросу о предмете социологии элиты

Покатов Д.В.

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, Саратов*

В последние годы активно продолжается процесс дифференциации социологического знания. Возникают новые, достаточно специфические направления, к числу которых можно отнести и социологию элиты.

Само существование данной отрасли вызывает острые научные споры, что, конечно, весьма оправданно, если учитывать неоднозначность трактовки самой категории «элита». Вместе с тем, нельзя согласиться с полным неприятием и отрицанием существования данного слоя, особенно типичного для России, не преодолевшей все характерные черты мобилизационного типа развития, с присущим ему доминированием политических институтов и субъектов, во многом определяющих направления общественного развития. К числу таких субъектов, продолжающих играть значительную роль в обществе, относятся и различные элитные прослойки. Их более комплексному исследованию и призвана способствовать специальная научная отрасль знания.

Сами элитные слои достаточно давно находились в сфере внимания представителей научного гуманитарного знания. Одной из первых к анализу элитных слоев общества обратилась философия. Философское понимание элиты во многом исходило из моральной оценки определенных типов человеческой деятельности и ее определения как особого источника ценностей, которые поддерживаются и развиваются индивидами с высокими моральными качествами. Как наука о должном, философия, как правило, ориентировалась на нормативно-ценностный подход к изучаемым явлениям, вследствие чего при рассмотрении элиты главными являлись проблемы ее происхождения, роли в обществе с точки зрения аксиологических парадигм и подходов.

Значительно отличался от философского политологический подход к определению сущности элитных слоев. Политология, как наука о политике,

ориентируется на трактовку элиту как одного из ведущих субъектов политики, выполняющих функции управления и наделенных для этого соответствующими полномочиями и ресурсами. Рассматривая данную группу, политологи стремятся, прежде всего, выявить ее роль и место в принятии управленческих решений. При этом не затрагиваются не входящие в предметную область политологии достаточно важные проблемы социальных характеристик элиты, в том числе, ее социального состава, социальных механизмов формирования и функционирования.

Среди других наук, которые в той или иной форме затрагивали проблему элитных слоев, нельзя не вспомнить психологию, представители которой изучают, в первую очередь, психологические основы формирования элиты, дают характеристику тех социально-психологических черт и мотивов, которые, по их мнению, способствуют приходу индивидов в состав элиты.

Относительно молодой дисциплиной, в сравнении со всеми перечисленными выше отраслями, изучающими элитную проблематику, является элитология, сформировавшаяся как комплексное междисциплинарное знание, синтезирующее подходы многих наук, в том числе социальной философии и психологии, политологии, социологии. Как особая междисциплинарная отрасль знания, элитология стремится выявить и проанализировать общие и специфические (не только социальные) закономерности происхождения, функционирования и развития элитных слоев общества, дать характеристику их персонально-кадрового состава, особенностей воспроизводства на различных уровнях общества.

В отличие от всех названных выше наук, социология элиты, стремясь представить реальную картину происходящих в обществе социальных и политических процессов, во многом дистанцируется от аксиологического, либо нормативно-политического их видения, развиваемого целым рядом современных научных направлений. В многочисленных социологических исследованиях, посвященных элитной проблематике, определяется место элиты не столько в системе власти и управления различных уровней, но, прежде всего, в соци-

альной структуре общества. Элита анализируется как достаточно сложное и многоплановое социальное образование, имеющее сложную структуру и обладающее целым комплексом социальных показателей и выполняемых функций. Большое внимание отводится изучению различных типов и форм элит, образующих данную социальную группу, социальных механизмов их рекрутирования и особенностей функционирования в современном обществе. Таким образом, предмет социологии элиты представляет собой многогранное исследовательское поле, не сводимое к изучению только одной социальной группы, существенно влияющей на многие социально-политические процессы, а именно – политической элиты. В поле зрения данной отрасли входит именно социальный анализ происхождения, воспроизводства различных элитных групп, функционирующих в современном обществе, их роли в общественных процессах

В целом, социология элиты представляет собой относительно молодую, но динамично развивающуюся часть социологического знания, которая накопила значительный материал по исследованию различных элитных групп общества.

Информационное общество как основа для исчезновения статической иерархии

Полежаева Л.В.

Независимый консультант, Украина

XXI век на европейской части бывшего постсоветского пространства проявил себя двумя противоборствующими тенденциями. Во-первых, небывалым для данной территории практически неограниченным и не контролируемым доступом к информации через интернет и, во-вторых, наличием массовых неудачных попыток управления данным доступом на всех уровнях социальной организации. Это привело к значительным трансформациям в структуре человеческих организаций всех типов и изменению самого человека. Проводимый нами с помощью авторской методики, мониторинг зафиксировал также тенденцию исчезновения статической иерархии. Под понятием «исчезновение стати-

ческой иерархии» мы понимаем отказ членов группы от безусловного и безоговорочного подчинения официально закрепленному в социальной структуре постоянному лидеру. Проведенный эксперимент подтвердил наличие данной тенденции.

Респонденты в ходе эксперимента позиционировали себя по определенной схеме как участники нижних уровней в социальной иерархии следующих групп: микро-группы-диады (врач-пациент, учитель-ученик); мини- группы (семьи, производственные коллективы с численностью до 25 человек); больших реальных и условных групп.

Вопросы были сформулированы следующим образом. «Должен ли человек безоговорочно подчиняться врачу, преподавателю, главе семьи, непосредственному начальнику, руководителю предприятия, организации, города, страны?»; «Кому из перечисленных лидеров чаще всего сейчас подчиняетесь (не подчиняетесь) Вы лично сейчас и почему?»; «При каких условиях у Вас лично возникает желание выполнить (не выполнить) указание доктора, учителя, члена семьи, непосредственного начальника и.т.д.?».

Варианты ответов не задавались, генерировались респондентами произвольно, содержание первичных ответов уточнялось при помощи процедуры «лестница» до получения глубинных конструкторов, выражающих суть явления. Респондентам предлагалось по желанию приводить примеры.

Были получены следующие результаты: более 90% всех опрошенных считают, что безоговорочно подчиняться нельзя, около 10% не могут определиться с ответом на данный вопрос, ответ «Да» в данной выборке не был зафиксирован. Во второй части опроса данные оказались не столь однозначными. В условиях промышленного предприятия своему непосредственному руководителю подчиняются до 50% сотрудников, в организациях – до 80%. При этом примерно половина опрошенных из данной категории на предприятии и до 30% в организации подчиняются «потому, что руководитель хороший специалист и лучше знает, что и как нужно делать». Остальные – «просто потому, что он – начальник, я – дурак». Более 25% опрошенных были отнесены нами в группу

«партизаны». Они признались в том, что «молча игнорируют тупые указания и делают все тихо и правильно». Как видно, доля «неподчиняющихся» в разных формах весьма значительна. Третья часть исследования показала, что желание выполнить требование лидера появляется тогда, «когда ты согласен с ним», а согласие возникает «если его правота подтверждена независимыми источниками». Желание не подчиниться возникает, когда нет возможности проверить компетентность лидера с помощью независимых от него источников информации. Особенно, если лидер «скрывает или искажает информацию, отличную от своей и заставляет сомневаться в истинных причинах его приказа или рекомендации». Необходимо отметить, что выявленная тенденция сохраняется во всем диапазоне: от микро- до макро-групп, включая условные.

Приведенные результаты позволяют увидеть явные нарушения традиционных иерархических принципов, согласно которым нижние уровни социальной организации подчиняются высшим, а не проверяют их.

Особого внимания заслуживает следующий факт. Вторая часть опроса выявила наличие в реальных производственных структурах признанных лидеров. Причиной признания лидера подчиненными была названа его профессиональная компетентность. Но при анализе результатов деятельности и экспертного опроса выяснилось, что по критерию традиционного профессионализма данные руководители не лидируют в рейтинге. Зато все они имеют максимальный рейтинг по критерию сингулярности. Предложенное нами ранее понятие сингулярности личности – феномен многоплановый, выражающий тенденции динамики структуры личности, вызванные влиянием кардинальных изменений в социально-ролевой сфере, протекающих в современном постиндустриальном обществе. В данном контексте оно означает отказ от следования шлейфовой составляющей роли лидера при сохранении ее ядерных, т.е. функциональных свойств (в данном случае влияния на группу).

Представленные данные и выводы базируются на результатах опросов, в которых приняли участие 1 814 респондентов, из них 40% мужчин, 60% женщин, в возрасте 20–65 лет, образование от неполного среднего до высшего.

Среди испытуемых были: рабочие, инженерно-технические работники, руководящий персонал промышленных предприятий, сотрудники банков, а также реальные претенденты на данные должности.

Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI века

Полякова Н.Л.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Современная социологическая теория создается и функционирует в новом историческом контексте. Оформление этого контекста началось в 70-е годы XX века и было сопряжено с Третьей (информационной) промышленной революцией, осмысление которой породило дискурсы постиндустриализма и информационного общества, дискурс эндизма, затронувший все базисные проблемы, теории и понятийность классической и неоклассической социологии XX века. Социологической теории был вынесен диагноз кризиса, одновременно были предложены разработки серии программ выхода из этого кризиса.

Существенным компонентом общего процесса трансформации социологического знания стало также оформление постмодернистского дискурса, с соответствующим видением природы социальной реальности и построением социологической теории.

Эти два фундаментальных дискурса необходимо дополнить третьим, оформившимся в полной мере в 80–90-е годы – глобализацией, которая самым серьезным образом определила содержание современной социологической теории и методологические подходы к ее построению.

Именно эти три дискурса и определили трансформацию содержания и структуры современной социологической теории. Среди главных трансформаций следует назвать следующие:

– отказ от «контейнерной» теории общества, критика «методологического национализма» и переход к «барельефной» теории общества, «транснациональному государству» и «методологическому космополитизму», к «космополити-

ческой общественной науке, или новым началам социального и политического»);

– изменения в подходе к теории общества трансформируют исследовательское поле современной социологической теории, ее структуру. Рождаются «социология за пределами обществ», в рамках которой оформляются новые объекты социологического интереса и новая понятийность: «мобильности», «места проживания», «чувства», «виды времени». Интерес к обществу и его структуре в классическом смысле слова замещается изучением и интересом к различного рода современным сообществам и идентичностям, классическая теория класса трансформируется в теорию социального движения, структура – в сеть и т.д. и т.п.;

– существенным образом изменяется методология социологического исследования. Сужается сфера использования функционального и структурного анализа, большое значение приобретает конструктивистский подход, который очевидно выдвигается на передний план. Заявляется о необходимости использования различного рода методов сетевого анализа. Предпринимаются попытки создания «новых правил социологического метода» как некоего современного арсенала подходов к исследованию.

В общем и целом социология конца XX – начала XXI века демонстрирует постоянное усилие соответствовать реальным социально – историческим изменениям на основе пересмотра и корректировки теории, а также разработки новой понятийности, методологии и нового видения исследовательского поля социологической науки.

Литература:

1. Бауман З. Текущая современность. Спб.: Питер, 2008.
2. Бард А., Зондерквист Я. Немократия. Правящая элита и жизнь после капитализма. Спб., 2004
3. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
4. Бек У. Что такое глобализация. М., 2001.

5. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2001.
6. Гидденс Э. Трансформация интимности. Спб., 2004.
7. Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
8. Полякова Н. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX – начала XXI в.: отход от «социологической ортидоксии» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 76–93.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.
10. Урри Дж. Мобильности. М., 2012.
11. Урри Дж. Социология за пределами обществ. М., 2012.

**Территориальная активность населения в системе социального
управления городом**

Попкова А.А.

*ФГБОУ «Тюменский государственный нефтегазовый университет»,
Россия, Тюмень*

Трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе, актуализируют вопросы развития человеческого потенциала и возможности его использования в практике управления городскими территориями. Современная система управления городом расслаивается по причине двойственного содержания местного самоуправления в современной России: с одной стороны административно-хозяйственное управление территорией, направленное на обеспечение условий жизни горожан, а, с другой, неудовлетворенность нерешенными проблемами городского быта, заставляет все чаще проявляться населению, в качестве субъекта управления территорией. Возрастающая роль индивидов, сообществ в системе управления городом особенно остро ощущается на микро-территориях непосредственного проживания населения – жилых кварталах, микрорайонах, отдельных домах. Институализация таких форм организации жителей как территориальное общественное самоуправление, товарищества собственников жилья, квартальных и т.п. определила необходимость их вовлечения в процесс решения вопросов жизнедеятельности

населения на муниципальном уровне не стихийно и ситуационно, а системно. Но отсутствие конкретной технологии включения их деятельности в систему управления городом, привело к их формальности и безрезультативности на отдельно взятых территориях города. Процесс активного развития российских городов, освоение в связи с этим новых пространств невозможен без реальной функциональности данных форм активизации использования человеческого потенциала в решении вопросов местного значения. И в данном случае факторы, определяющие территориальную дифференциацию активности населения, являются очень существенными при исследовании этой проблемы.

В настоящее время понятие и видовые характеристики активности населения рассматривается через призму различных категорий и подходов. Активизация человеческого ресурса – это одно из главных направлений деятельности органов власти, особенно на местах, так как это позволяет добиться реального социального эффекта и снизить финансовые затраты, связанные с решением вопросов жизнедеятельности населения. Но остается открытым вопрос: как диагностировать данный эффект, факторы, влияющие на динамику активности и определить инструменты позволяющие использовать данную активность для решения проблем городского развития? Насколько свойства самой территории определяют данную активность? Все это привело к острой необходимости обоснования и разработки инструментария исследования активности городского населения в целом и территориальной активности в частности, а также построения технологии вовлечения активного населения в процесс решения вопросов местного значения.

Поэтому основополагающей целью социального управления городом является разработка муниципальной технологии управления территориальной активностью и исследование факторов определяющих эффективность ее реализации.

Определение тенденций и закономерностей, состояния и условий управления городом и самоуправленческой активности горожан происходит через синтез формационного, культурологического, цивилизационного, системного и

синергетических подходов.

Анализ представленных научных направлений и идей выявил, что пока не найдены механизмы адаптации системы муниципального управления к проявлению территориальной активности горожан, а социальная технология как механизм привлечения населения к процессу управления городом представлена фрагментарно и без четкого определения функциональной направленности ее применения.

Соответственно, исследование территориальной активности населения позволило определить, что:

- методика исследования территориальной активности может быть использована для диагностики активности горожан в городских округах и поселениях Российской Федерации;
- составление на основе методики диагностических карт территориальной активности, форм и направленности ее проявления позволит направить вектор муниципальной политики на снижение стихийной деструктивной активности и активизации самоуправленческой конструктивной деятельности городского населения;
- внедрение в практику местного самоуправления технологии управления территориальной активностью горожан позволяет привлечь дополнительные ресурсы для решения вопросов жизнедеятельности населения.

Комплексные методики исследования территориальной активности населения не разработаны и органы местного самоуправления сталкиваются с недиагностированными и неуправляемыми процессами, что снижает эффективность их деятельности по решению вопросов местного значения.

Компетентность современного руководителя образовательной организации: диагностический инструментарий

Попкова А.А., Третьякова О.В.

ГАОУ ВО «Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права», Россия, Тюмень

Оптимизация системы образования направлена на повышение его качества и востребованности за счет более эффективного использования материально-технических, кадровых, финансовых и управленческих ресурсов образовательных учреждений.

Коренная модернизация управления образованием предполагает обновление деятельности руководителей, что, в свою очередь, предполагает выстраивание индивидуализированной, конкурентоспособной образовательной политики. Руководители образовательных учреждений координируют, направляют, побуждают к деятельности и, соответственно, мотивируют труд педагогических работников.

В условиях системного реформирования растет неопределенность ситуации в функционировании образовательных учреждений, так что возникает настоятельная необходимость выработать новые формы поведения руководителей, усилить гибкость и стратегическую направленность управления. Задачи, стоящие перед руководителями, изменяются и значительно усложняются. Повышение уровня управленческой компетентности руководителей образовательных учреждений становится неременным условием инновационных процессов в образовании.

Руководители образовательных учреждений должны обладать навыками стратегического проектирования, мониторинга и системного моделирования процессов, протекающих в учреждении, организации эффективных межличностных и профессиональных коммуникаций в педагогическом коллективе, мотивации команды единомышленников на реализацию миссии учреждения и т.д.

Отсутствие необходимого уровня управленческой компетентности серьезно затрудняет адаптацию руководителей образовательных учреждений в новых условиях деятельности и успешное осуществление модернизации образования. Соответственно возникает необходимость в исследованиях уровня компетентности управленческого персонала образовательных организаций и инструментария для его измерения.

Теоретическими и методологическими основами для разработки автор-

ской методики послужили нормативно-правовые акты, определяющие требования к организации управленческой деятельности образовательной организации, а так же научные разработки российских исследователей по этой тематике.

Современное содержание управленческой деятельности позволяет систематизировать функционально-деятельностный подход к исследованию управленческой компетентности по каждому направлению. Обязательными структурами оценки компетентности является оценка знаний, умений и навыков руководителя.

Каждый из представленных компонентов должен быть диагностирован для каждой управленческой функции. Матрица управленческой компетентности заполняется значениями по результатам диагностики.

Компетентностные компоненты предлагаемого результата диагностики сформированы на основе квалификационных характеристик, установленных Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. N 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования».

Так как управленческая компетентность явление интегративное, то для всесторонней диагностики компетенции управленческого персонала необходим комплекс инструментов, способствующих выявлению уровня развития компетентности руководителей образовательных организаций, который представлен в авторской методике, предполагающей сочетание субъективной и объективной оценки.

Разработанная методика диагностики позволяет оценить компетентностный уровень руководителей образовательных организаций, выявить тенденции его развития. А использование данного инструментария в мониторинговом режиме позволит определить результативность проводимой государственной политики направленной на совершенствование подготовки управленческих кадров в сфере образования.

Социальная работа в России: проблемы и решения

Поплавская И.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Социальная работа появилась с момента возникновения и развития человеческого общества и, в определенных формах, разными или похожими методами, с разной отдачей и эффективностью, ведется во всех странах. Не следует считать, что социальная работа в России началась лишь с 90-х годов XX века.

В анализе опыта социальной работы прослеживаются две противоположные тенденции: его переоценка или нежелание использовать. В первом случае считается, что на Западе решены все социальные проблемы и следует только использовать разработанные модели социальной работы с данной категорией населения. Во втором случае утверждается, что у России свой путь, свои трудности, проблемы, традиции и особенности, и что не стоит изучать и использовать зарубежный опыт.

Однако, и на Западе, и в современной России действуют рыночные механизмы управления экономикой, последствия которых для социальной жизни и социальной защиты населения бывают негативными. На Западе научились средствами социальной работы ликвидировать или снижать негативные результаты этих последствий. Поэтому специалистам социальной сферы России необходимо знать, как могут решаться социально-экономические проблемы, каковы принципы, механизмы их решения, как используются сами рыночные отношения для решения социальных проблем.

Для сети социальных служб многих стран общими стали следующие принципы деятельности: всестороннее развитие «человеческого потенциала», изучение нужд и потребностей всех групп населения, содействие институциональным процессам для дальнейших социальных изменений, активность населения в решении своих проблем через участие в социальных проектах. Социальная работа активизируется в разных сферах жизнедеятельности, включая

школы, высшее образование, здравоохранение, армию, досуг и т.д. Традиционный подход в России, к сожалению, не выявляет влияние социальной работы на условия жизнедеятельности клиентов и продвижения их зависимости к свободе, экономической защищенности, естественному социальному функционированию и здоровому образу жизни. Российские реалии закономерно не позволяют в полной мере выявить всесторонние зависимости в социальной работе, отражающие эффективность возрождающихся народных приемов социальной поддержки социально ослабленных слоев населения.

На Западе бизнес широко используется в социальной сфере, основываясь на платформе строгого экономического расчета при выборе форм и методов социальной работы и определения ее эффективности. Финансируется и поддерживается лишь то, что в настоящем или будущем обещает социально-экономическую выгоду, где под социальным понимается снижение преступности, безработицы, уровня наркомании и т.д.

В связи с фактическим сокращением государственных расходов на социальные нужды, модель социальных служб следует трансформировать в сторону приватизации и децентрализации социального обслуживания, дополнять активным внедрением рыночных механизмов, расширением спектра платных социальных услуг и ориентацией на разветвленную систему социального сервиса, создавать частные агентства. Частная практика через патентованные формы социальной работы может стать важной и мощной альтернативой деятельности государственных социальных служб. В частном секторе социальные работники нанимаются на работу не агентствами, а самими клиентами. Они сами устанавливают и финансируют свои услуги и предоставляют тот же спектр услуг, что и государственные социальные службы. Социальные работники сами решают разноплановые проблемы: они могут заниматься административной работой и социальным планированием, поиском финансовых ресурсов для осуществления социальных акций и проектов. Многообразие направлений в социальной работе отражает спектр существующих проблем и путей их возможного решения совместными усилиями государства, общества и институтами со-

циальной работы.

Главное в социальной работе – правильный подход к решению проблемы.

Транспарентность информационного пространства как ограничительный фактор развития современной системы деловых взаимодействий

Попов А.В.

ФГБОУ ВПО «Иркутский Государственный Университет», Россия,

Иркутск

Обзор источников по исследованию транспарентности, а также степени ее влияния на современные социально-экономические системы, показывает научному сообществу актуальность и перспективы изучения данной проблематики.

Из исследований транспарентности в области социальных изменений, можно выделить произведения Д.В. Галкина, О.Н. Бушмакиной, Р. Барбрука, Э. Кэмерона, Ж. Бодрийяра, П. Вирильо, П. Каценстайн, Р. Кеохейн и С. Краснер.

В рамках политической науки и проблем власти, транспарентность рассматривалась в трудах Г.И. Пызиной, А.М. Литовских, В. Власовой, Д. Лассен, Д.М. Балкина, А. Шедлера, Д. Фокса, Р.Б. Митчелла, Д. Торнтон, Д.Л. Броз и др.

В анализируемых источниках, транспарентность (открытость, прозрачность) выступает как неотъемлемый атрибут, состояние, качество, которые являются необходимым условием эффективного функционирования современной системы деловых взаимодействий. Так, открытость систем на микроуровне – закрепляется в практике корпоративного управления, например, при ведении учета в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). Помимо этого, стейкхолдеры организаций, и интернет-консьюмериат в частности, создают сетевые сообщества, на действие которых корпорации вынуждены реагировать, выстраивая с ними системы динамической транспа-

рентности. В то же время, само существование прозрачного информационного пространства создает предпосылки к появлению ограничительных факторов развития самих деловых взаимодействий. Открытость, доступность и прозрачность информации в туристической отрасли для путешественников, стали одним из тех факторов, повлиявших на трансформацию бизнес-процессов, что привело к массовым банкротствам представителей индустрии на российском рынке. Возможность беспрепятственного входа в прозрачное информационное пространство конкурирующих организаций, и, например, иностранных государственных структур, строящих в нем свой диалог с открытыми организациями, может создавать ограничения к их непосредственному развитию. В этом случае, основной проблемой становятся методы и возможность верификации деятельности акторов в прозрачной системе деловых взаимодействий. К примеру, интернет-среда является источником развития т.н. фейк-пользователей и фейк-сообществ (от англ. fake – «подделка»), созданных по поручению конкурирующих компаний. Общение представителей организаций с поддельными клиентами (конкурентами), может влиять на процессы утечки корпоративной информации, и создавать бессмысленность самих деловых взаимодействий. Также, мы можем наблюдать такую систему, как «Великий Китайский Файрвол» (проект «Золотой щит» система блокировки сайтов и цензуры в Интернете в КНР), что является доказательством стремления в ограничении прозрачности информационного пространства уже на национальном уровне. Помимо процессов трансформации бизнес-процессов, верификации деятельности акторов в интернет-среде и национальных системах фильтрации доступа к интернет-источникам, к проблемам прозрачности информационного пространства в рамках ограничения развития деловых взаимодействий можно отнести следующие: глобальное управление и владение открытыми информационными источниками; создание прозрачных источников, обладающих информацией закрытых систем; борьба с закрытыми системами, не разделяющими ценности прозрачных систем; конфликты по поводу прозрачности информационного пространства сотрудников вне рабочего време-

ни и т.д.

Изучение кулинарного рецепта как способ исследования одной из форм коммуникаций в обществе

Попова О.Д.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Россия,
Рязань*

В процессе изучения механизмов коммуникации власти и общества не малую роль может принадлежать такому источнику как кулинарные книги, кулинарные рецепты. Выпуск кулинарных книг, публикация рецепта на страницах периодического издания, оформление меню в ресторане – отражает определенный механизм коммуникаций между членами общества, властью и обществом, а также особенности повседневной жизни. «Говорящим» является все – название рубрики, их периодичность, предисловие, комментарии редакции, непосредственно сам рецепт.

Наиболее ярким отражением механизма может быть «Книга о вкусной и здоровой пище», которая выдержала рекордное количество переизданий, начиная с 1939 года. Следует отметить, что книга была проводником определенного идеологического послания, пропагандой определенного образа жизни и социальных стандартов в массы. Последовательный анализ книг с 1939 года до конца 80-х годов XX века позволяет выделить механизм управления обществом, показать односторонний вариант коммуникаций по линии общество-власть. Например, в книге 1939 года рекламировались новые продукты, большое внимание уделялось пропаганде успехов пищевой промышленности, а также основам рационального питания, показывалось, как надо сервировать стол, использовать кухонную утварь. В стране, которая пережила гражданскую войну, голод, массовым потоком перебиралась из деревни в город, представление о культуре быта были довольно низкими, и людей надо было элементарно учить основам гигиены и рационального питания. В издании 1967 года – моделировался образ женщины, которая чудным образом сочетает выполнение обязанно-

стей по ведению домашнего хозяйства и трудовую деятельность. В книгах 80-х годов XX века уже видна попытка бороться с такими социальными проблемами в обществе как пьянство и ожирение.

90-е годы XX века дал совершенно новую форму коммуникации, которая выразилась наиболее активным обращением общества во власть, в прессу. В условиях политической демократизации редакции газет и журналов начали искать различные новые формы подачи материала. Одной из таких форм становятся различные хозяйственные рубрики, многие из которых стали отражением острых социальных проблем. Ряд изданий материал для своих публикаций собирали за счет читателей. Здесь уже народ рассказывал о своих стратегиях жизни. Очень часто такой диалог облекался в форму конкурса, которые создавали иллюзию тесного контакта между читателями и редакцией. В целом можно говорить об определенном социокультурном явлении – кулинарные конкурсы на страницах периодики. Последовательный анализ тематики, принципы поощрения участников, условия участия – все это позволяет проследить динамику социально-экономической жизни общества, выявить механизмы выживания народа в условиях сложных перестроечных реформ. Публикация многих рецептов показывает, что уровень жизни на тот момент был катастрофический. Показательными являются: «Яблоки с луком», «Блины на каждый день», «Котлеты из манки», «Икра из свеклы и моркови». Одновременно анализ региональной периодики показывает, что смелость различных изданий, привлекающих внимание, к уровню жизни населения была различной. Наиболее вольными были вновь создаваемые издания по инициативе местных городских советов народных депутатов. Например, газета «Одесский вестник» в 1993 году вместе с поздравлениями с наступившим Новым годом опубликовала рецепты конфет из хлопьев «Геркулес», халвы из манной крупы.

Такие конкурсы и хозяйственные странички пользовались огромным спросом у читателей и привели к тому, что появились специальные издания, которые не только публикуют рецепты, но и продолжают сохранять такую форму коммуникации как конкурс среди читателей. Наиболее показательным

является газета «Наша кухня», первый номер которой вышел 18 марта 1997 года и существует до сих пор. Редакция продолжает придумывать все новые и оригинальные темы кулинарных конкурсов, которые во многом обусловлены социально-экономической ситуацией. Ярко воссоздает нашу реальность конкурсы, которые предполагают рецепты быстрой еды из подручных продуктов. Их названия разные: «Ужин холостяка», «Дешево и вкусно», «Обед студента», но все они отражают не проходящую реальность нашего общества – не высокий уровень жизни населения, необходимость экономить время на приготовление еды.

Также не менее интересной формой коммуникации является подача меню в кафе и ресторанах. Часто это не просто перечень блюд, наиболее творческие хозяева в меню стремятся отразить национальные особенности, историю города, места, где расположено кафе.

Таким образом, публикация рецепта отражает механизмы коммуникации в обществе как между властью и обществом, так и внутри самого общества.

Совершенствование модели партнерства в профессиональной подготовке безработных граждан

Посохова Н.В., Мережко М.Е.

ГБУ ВПО «Белгородский государственный институт искусств и культуры», Россия, Белгород

Социальное партнерство представляет собой форму взаимодействия, которая позволяет участникам партнерства свободно выражать свои интересы и находить цивилизованные способы их реализации. Партнерские отношения направлены не только на снижение конфликтности. Важнейшим их результатом становится самореализация участников взаимодействия, налаживание сотрудничества с теми общностями и индивидами, от которых зависит воплощение внутреннего потенциала каждого субъекта.

Всплеск интереса к социальному партнерству в последние годы обусловлен рядом причин, имеющих как гносеологическую, так и социологиче-

скую природу. Важнейшей гносеологической составляющей социального партнерства является сравнительная новизна этого явления, как для отечественной науки, так и для социальной практики. К числу основных социологических причин, усиливающих интерес к социальному партнерству, его механизмам, законам и принципам функционирования, относят возникающие трансформационные феномены, самоорганизующие местные сообщества. В последние годы социальное партнерство начинает играть все большую роль в обеспечении политической стабильности, формировании новых человеческих отношений, определяя тенденции мирового общественного развития.

Перешагнув рамки трудовой сферы, социальное партнерство стало выступать инструментом стратегического планирования, комплексного развития территориальных образований, определяющих принятие управленческих решений. Именно такое осмысление в настоящий момент необходимо для решения проблем профессиональной подготовки безработных граждан. В данных условиях, возникает необходимость рассмотреть возможность применения новой модели взаимодействия основных участников системы профессиональной подготовки безработных, используя принципы социального партнерства.

Социологическое рассмотрение «профессиональной подготовки» отталкивается от определения безработицы как социально-экономического явления, состоящего в том, что некоторая часть экономически активного населения в какое-то время или постоянно не имеет работы или заработка.

Утверждение самоуправления, развития активного участия населения в различных формах управления, позволяют перейти к реализации принципа «социального участия», суть которого в делегировании государством части своих полномочий муниципалитетам, объединениям организаций, хозяйствующим субъектам. Действующим механизмом предотвращения негативных явлений в социально-трудовой сфере является социальное партнерство как элемент интегрального стратегического достижения согласия в обществе.

Предлагаемая нами модель социального партнерства применительно к переобучению безработных, представляет собой систему взаимодействия трех

субъектов: государства, работодателей и общности безработных. Определение «субъекта социального партнерства» предполагает, что олицетворять и реализовывать деятельность партнерства могут реальные социальные общности, группы людей, присущие этому обществу, а именно представитель государства (Федеральная служба по труду и занятости), работодатели, безработные.

Субъекты функционируют в пространстве, характеристиками которого выступают социальные, экономические и культурные особенности рынка труда. Рынок труда обеспечивает незанятому населению – работу, а работодателям – работников и согласовывает решения в области занятости. Партнерские отношения направлены не только на снижение конфликтности. Важнейшим результатом становится самореализация участников взаимодействия. Она достигается благодаря тому, что налаживается сотрудничество с теми общностями и индивидами, от которых зависит воплощение внутреннего потенциала каждого субъекта.

Семейный капитал как условие социальной мобильности в Ростовской области

Посухова О.Ю.

Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону

Социальное положение и будущее человека определяется в первую очередь исходной позицией жизненного страта, определяющаяся позицией родительской семьи в стратифицированной структуре общества, семейным капиталом которым она обладает, что впоследствии обуславливает жизненные ориентации, способности и профессию. Образование всегда был востребованным каналом социальной мобильности, являющееся стартовой площадкой для последующей профессиональной мобильности, но чтобы его получить в российском обществе, одного таланта недостаточно. Чтобы получить достойное, конкурентоспособное образование надо вкладывать и существенные финансовые ресурсы. Особенность получения образования, как условия первого шага на пути к

социальной мобильности, также заключается в том, что выбор вуза, в первую очередь, также обусловлен ресурсами и капиталом семьи: уровнем образования родителей, занимаемой должностью и материальным положением, а не желанием потенциального студента. Материальное благосостояние и высокий статус семьи позволяет выбирать конкурентоспособное и престижное по общероссийским меркам образование, именно поэтому дети предпринимателей получают образование в Ростовском международном университете экономики и управления (25%), Ростовском государственном экономическом университете (21%), Южно-Российском институте (филиале) РАНХ и ГС при Президенте РФ (20%), Ростовском институте управления, бизнеса и права (17%), Ростовском государственном медицинском университете (17%). При этом необходимо отметить, что доля студентов, чьи отцы являются руководителями предприятия, учреждения или структурного подразделения увеличилась до 12–15% в 2011 г., а число донских студентов из семей рабочих, в первую очередь, неквалифицированных остается стабильно низким [1].

После того, как получено образование, стоит очередной выбор – профессиональной ниши на рынке труда. Для увеличения семейного капитала, в первую очередь для своих детей жители области выбирают профессии несущие надежность, стабильность и социальную защищенность. Анализ полученных данных ЮРФИС РАН [2] позволяет говорить о том, что своих детей жители Ростовской области хотят видеть в армии и силовых структурах – 33,3%; 30,6% в торговле, ЖКХ и сфере информационных технологий, и 27,1% в социокультурной сфере. Немало жителей области мечтают о работе для своих детей (30,6%) в сфере информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день это стремительно развивающаяся отрасль, характеризующуюся престижностью, доходностью, востребованностью и творческим трудом.

Финансовая сфера, а также система государственного и муниципального управления у жителей области оказываются в зоне аутсайдеров по 4,2 и 8,3% соответственно, что может свидетельствовать с одной стороны об оздоровлении регионального рынка труда, семьи начинают думать о будущем рабочем

месте для детей уже на этапе выбора профессионального образования, а не следуя за сиюминутным порывом «модно сейчас», пополняя в дальнейшем ряды безработных, а с другой стороны закрытостью данных сфер для тех, кто не обладает необходимым социокультурным капиталом для трудоустройства и дальнейшего продвижения – связей.

Несмотря на необходимость сетевых связей для трудоустройства и профессиональной мобильности, для работодателя наличие достаточного уровня знаний и опыта еще никто не отменял. Развитие профессионализма возможно через улучшение имеющихся профессиональных навыков и компетенций, либо усвоения новых. Но и в данном случае мы можем наблюдать силу экономического семейного капитала: так например, если на компьютере умеют работать 73% граждан, то среди бедных россиян только 43%; три четверти бедных за последние годы никак не пополняли свои знания, а среди небедных число тоже не маленькое, но ниже – 46%, с той лишь разницей, что бедные не могут пополнить, а богатые, имея доступ к ресурсам, либо не думают об этом, либо у них в этом нет необходимости.

Востребованность разных форм семенного капитала обусловлена также наличием квазиоткрытой системы социальной и профессиональной мобильности. В данном случае можно говорить о клановости, землячестве, о профессиональных династиях, которые можно трактовать двойственным образом: как социальная монополия, способствующая социальной мобильности членов своей семьи, как социальная монополия, затрудняющая социальную мобильность «не-членов» семьи, и как «спасительный круг» в результате отсутствия иных ресурсов для социальной мобильности.

Литература:

1. Филоненко В.И., Лепин А.П. Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 73.
2. О чем мечтают жители Ростовской области. М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012.

Формирование транснационального социокультурного пространства российско-китайской приграничной зоны

Приворотная А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,

Санкт-Петербург

На сегодняшний день, один из актуальных вопросов – укрепление отношений России и Китая на международной арене. Современные практики межличностного взаимодействия акторов в условиях пересечения российско-китайской границы, формируют приграничное пространство. Реконфигурация социального пространства, повлияла на формирование физического пространства населенных пунктов, находящихся в непосредственной близости от КПП. Два города зеркально расположенные относительно границы испытывают на себе этот процесс, со стороны Забайкальского края это поселок Забайкальский, со стороны Внутренней Монголии – Маньчжурия. Ресурсная асимметрия проявляется в структуре социального пространства, на основе чего формируется физическое пространство приграничья – один населенный пункт становится сырьевым придатком, во втором развивается туристическая инфраструктура и промышленность.

В рассматриваемом пространстве уже существовали исторически сложившиеся долговременные связи, интерес представляет совокупность изменений, которые наблюдаются в трансформации социального и физического пространства современности.

Современность характеризуется процессом высвобождения социальных практик, их ориентацией не только на локальное пространство, а во многих случаях на пересечение границы локальности. Процесс поддержания связи, минуя границы национальных государств, характеризует феномен транснационального социального пространства.

Под транснациональным пространством нами понимается долговременная и достаточно плотная конфигурация социальных практик, символических

систем и артефактов, которая объединяет территорию, географическое пространство, по крайней мере двух национальных государств. Эта концепция была разработана Людгером Присом. Исследователь обращает внимание на следующие аспекты, ставшие теоретико-методологической основой исследования. Л. Прис выделяет три типа общественных пространств: модели действия и поведение в транснациональной повседневной жизни, транснациональные организации как локусы сотрудничества, транснациональные институты, как комплексы правил и норм, регулирующие общественную жизнь. Данное исследование основывается на изучении межличностного взаимодействия акторов пересекающих границу двух государств.

Единицами анализа в транснациональных исследованиях являются биографии, семьи, транснациональные институты и идентичности, объектом исследования являются практики пересечения границ. В исследовании рассмотрены следующие группы практик, формирующие стабильное транснациональное социальное пространство российско-китайской приграничной зоны: туризм-бизнес практики пересечения границы, студенческая мобильность, создание межкультурных семей.

В транснациональном пространстве актер сталкивается с необходимостью взаимодействия с представителями чужой культуры, результатом чего может стать трансформация модели культурной репрезентации. Л. Прис выделяет три модели культурной репрезентации: сохранение своей культуры в новом окружении; включение в свой культурный репертуар тех элементов, которые рассматриваются как ресурс; переосмысление своей культуры. Гибкость границы, постоянное ее пересечение предполагает выбор актерами стратегии репрезентации культуры, здесь необходимо учитывать следующие факторы: частота и длительность поездки, а также то, что большая часть взаимодействия происходит на территории Китая. Частые, но кратковременные коммерческие поездки забайкальских «туристов» предполагают сохранение своей культуры за границей и ориентацию на свою референтную группу, взаимодействие с китайцами предполагает поддержание определенного уровня доверия. Китайцы, за-

нимающиеся торговлей в Маньчжурии проявляют гибкость, включая в свой культурный репертуар изучение русского языка и других практик. Более длительные по времени практики образовательной мобильности, также предполагают ориентацию на референтную группу акторов, но при этом распространение контактности на другие студенческие группы и включение в свой культурный репертуар тех элементов, которые рассматриваются как ресурс.

Особым случаем социальных практик в рассматриваемом пространстве, являются межкультурные браки. В большинстве случаев здесь происходит ориентация супругов как на российскую, так и на китайскую культуру. Следствием чего становится двойная или трансграничная идентичность потомков смешанных браков, эти люди как правило ориентированы и на Россию, и на Китай, что позволяет сложившаяся ситуация плотного взаимодействия двух стран.

Изменяются функции приграничных населенных пунктов, меняется их статус, из периферии, они превращаются в центры взаимодействия. Происходит насыщение территории теми символами, которые характерны для двух социокультурных пространств, таким образом формируется особое транснациональное пространство пограничной зоны, ориентированное и на Россию, и на Китай.

Социологическая культура в регионе

Проказина Н. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Россия, Орел*

Одним из приоритетных направлений развития социологии в XXI веке является организация социологического «просвещения» населения с целью формирования социологической культуры у различных профессиональных групп, у населения в целом.

Социологическая культура – система ориентаций относительно восприятия социологии, социологических исследований и деятельности социологов; совокупность социологических взглядов, знаний, убеждений и социологическое воображение, проявляющиеся в поведении.

Для формирования представлений об уровне развития социологической культуры в регионе целесообразно выделить особенности интенционального компонента социологической культуры как системы ориентаций относительно восприятия социологии, социологических исследований и социологов.

На основании анализа заинтересованности, уровня доверия и оценки целесообразности проведения социологических исследований респондентами построена модель интенционального уровня социологической культуры региона⁸², включающая культуру «позитивной заинтересованности», «отрицания» и «сомнения».

Культура «позитивной заинтересованности» характеризуется наличием интереса к социологическим исследованиям (56,2%). Однако, лишь четвертая часть опрошенных (при наличии заинтересованности в социологических исследованиях и признании целесообразности их проведения) убеждена в том, что результаты исследования отражают реальные мнения граждан.

Можно выделить две основные причины подобной ситуации. Первая связана с отрывочными, поверхностными суждениями о социологических исследованиях. Население воспринимает социологию однобоко: как инициатора и организатора массовых опросов общественного мнения (в основном, в отношении электоральных вопросов и политики). В результате, прослеживается позитивное отношение к социологическим исследованиям, с одной стороны, и упрощенное отношение к социологии, с другой. Вторая причина обусловлена тем, что при недостаточном уровне социологического воображения индивиду достаточно сложно выйти за рамки восприятия действительности с точки зрения личного опыта. Поэтому и может возникнуть ситуация неуверенности в достоверности результатов социологического исследования.

Культура «отрицания» характеризуется отсутствием интереса к социологическим исследованиям (36,4%). Наблюдается убежденность в том, что ре-

⁸² Авторское исследование «Образ социологии в общественном мнении». Опрошено 1229 жителей г. Орла. Метод исследования: интервью по месту жительства. Январь 2010 г.

зультаты опросов не отражают реальные мнения граждан (20,6%). Для представителей этого типа характерно отсутствие интереса к информации о социологических исследованиях. Однако даже в группе с низким уровнем заинтересованности в социологических исследованиях преобладает уверенность в отражении результатами опросов реальных мнений граждан.

Для носителей культуры «отрицания», несмотря на отсутствие интереса к социологическим исследованиям, характерна определенная открытость к социологическим исследованиям, частично признание их достоверности и целесообразности.

Культура – «сомнения» определяется отсутствием убежденности в интересе к социологической информации, респонденты затрудняются в оценке своего интереса. Преобладающим фактором в этом типе культуры выступает затруднение при оценке достоверности результатов социологических исследований. Этот тип культуры характерен для очень незначительной группы регионального населения.

В целом анализ социологической культуры населения региона показывает, что преобладает культура «позитивной заинтересованности».

Распределение ответов на вопрос о целях проведения социологических исследований показывает, что треть респондентов убеждена в том, что их цель – узнать мнение простых людей для его использования при решении наиболее насущных проблем (30,7%). Население заинтересовано в том, чтобы его мнение учитывалось при решении наиболее насущных проблем, а социологические исследования воспринимает как один из инструментов их разрешения. Лишь незначительная часть населения убеждена в том, что цель социологических исследований – предоставление информации представителям органов власти, предпринимателям для повышения эффективности их деятельности (12,1%).

Незначительное количество опрошенных выделяют такие цели как: выполнение определенного заказа с целью заработка (6,5%), использование информации для оказания влияния на людей (5,8%), получение информации о личной жизни и имуществе для использования в корыстных целях (2,8%). Это

свидетельствует о том, что социология в глазах населения на региональном уровне не дискредитировала себя.

Таким образом, следует отметить достаточно благожелательное отношение, как к социологам, так и к социологическим исследованиям на региональном уровне. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для интенционального уровня социологической культуры на региональном уровне характерны доверие к социологическим исследованиям, надежда на активное использование результатов опросов общественного мнения для повышения качества жизни.

Особенности использования виртуальных социальных сред людьми с ограниченными возможностями по зрению

Гончарова И.В., Прончев Г.Б.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В последние годы для социальной интеграции и адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья все чаще используются мультимедийные возможности глобальной Сети [1]. Однако большинство этих технологий рассчитано на восприятие пользователем текстовой или графической информации с монитора компьютера, что является огромным препятствием для людей с ограниченными возможностями по зрению. Основными каналами связи для таких людей являются осязание и слух.

Поэтому для этой категории граждан необходимы совершенно иные информационные системы. Такие системы используют, как правило, программы синтеза речи и устройство, называемое брайлевский дисплей, позволяющее работать на обычном компьютере [2].

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы [3] создаются версии сайтов для слабовидящих людей, которые регламентируются ГОСТ Р 52872-2012, введенный 01 января 2014 года. В результате выполнения Программы, во-первых, сайты государ-

ственных организаций, во-вторых, сайты, предоставляющие услуги, например, образовательные, будут иметь специальные сервисы, позволяющие работать на них людям с нарушением зрения.

Большие возможности для вовлечения людей с нарушением зрения в виртуальные социальные среды дают специальные приложения для смартфонов и планшетных компьютеров, позволяющие делать звонки, отправлять sms-сообщения, входить в интернет, общаться в обычных и специализированных социальных сетях.

Оригинальный подход к созданию виртуальной социальной среды для людей с нарушением зрения продемонстрировал специалист по радиосвязи из Казани Артем Токранов. Созданная им телефонная социальная сеть «Небо (Не будь одиноким)» представляет бесплатный голосовой обменник сообщениями. Пользователям, позвонившим на бесплатный многоканальный номер, предлагаются голосовые подсказки, с помощью которых можно зарегистрироваться в сети, отправить сообщение, принять любую информацию, участвовать в форуме. Так как помимо общения слабовидящие вынуждены решать насущные проблемы, связанные, например, с оплатой ЖКХ и т.д., то в сети организуются юридические и психологические службы. На данный момент социальная сеть «Небо (Не будь одиноким)» объединяет 180 пользователей из Казани, Москвы и Санкт-Петербурга [4].

Как уже отмечалось выше, при посещении «обычных» социальных сетей в Интернете люди с нарушением зрения используют синтезаторы речи, призванные устранить визуальный барьер. Однако для нахождения нужной информации слабовидящим приходится «прослушивать» достаточно большое количество сайтов, что занимает много времени. Согласно ГОСТ Р 52872-2012 с помощью синтезатора речи инвалиды по зрению могут «просматривать» 90 слов за минуту. Тем не менее, популярна в России социальная сеть «ВКонтакте» (<http://vk.com>), включает 10 сообществ инвалидов по зрению: «Молодежное движение инвалидов по зрению», «Центр реабилитации инвалидов по зрению «Камерата»», «Инвалиды по зрению», «Дети инвалиды по зрению», «Спортив-

ный клуб инвалидов по зрению Ахиллес-ФСС», «Образ инвалида по зрению в СМИ», «Городское общественное объединение родителей детей-инвалидов по зрению». Наибольшей популярностью пользуются первые две группы.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на определенные успехи в вопросе социальной интеграции и адаптации людей с нарушением зрения посредством виртуальных сред (использование программ синтеза речи, брайлевских дисплеев) активность этой категории граждан в виртуальных средах невелика. Наиболее популярные социальные сети, как специализированные, так и обычные, активно используют лишь несколько сотен человек. Тем не менее, реализуемая в настоящее время Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» способствует появлению новых виртуальных социальных сред, учитывающих в своей работе «механизмы» доступа к ним людей с нарушением зрения. В перспективе, все государственные и муниципальные Веб-ресурсы должны обеспечить «свободный» доступ к своим ресурсам этой категории граждан

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-03-00431) и РФФИ (проект 13-01-00392-а).

Литература:

1. Муравьев В.И., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г. Современные Интернет-технологии как средство сглаживания социального неравенства в контексте взаимоотношений гражданского общества с государством // Образование и право. 2013. № 12 (52). С. 77–85.
2. Лоторева Е.В. Интеграция инвалидов по зрению в информационное общество // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 94–98.
3. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175.
4. Телефонная социальная сеть «Небо (Не будь одиноким)» // Интернет-

ресурс «Небо». URL: <http://nebo.ws> (дата обращения: 05.10.2014).

Транснациональный капиталистический класс и инструменты его исследования

Рахманов А.Б.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Одним из наиболее приметных явлений мировой социальной мысли конца XX и начала XXI века, призванным отразить реалии становления глобального общества, реалии глобализации, является концепция транснационального капиталистического класса. К числу ее создателей относятся британский ученый Л. Скляр, американские ученые У. Робинсон, Д. Харрис и др. Эта концепция предполагает, что возникновение в современную эпоху подлинно мирового производства, основанного на всемирном разделении труда, обуславливает формирование транснациональных экономических интересов, а, значит, и транснационального (глобального) капиталистического класса. Именно этот класс, владеющий транснациональными компаниями и командующий их деятельностью, является основным субъектом глобализации. В состав этого класса входят представители многих стран мира, но ядро его составлено из выходцев из Северной Америки, Западной Европы и Японии. В последние годы он все более интенсивно пополняется миллиардерами и мультимиллионерами из России, Индии, Китая, Бразилии, Южной Кореи, Турции, Индонезии и других развивающихся стран.

Принятие концепции транснационального капиталистического класса и стремление развивать ее приводит к постановке вопроса об инструментах эмпирического исследования этого класса. К ним в первую очередь относятся разнообразные статистические исследования богачей планеты, в том числе, рейтинги миллиардеров. Они предоставляют многообразную информацию о самых богатых людях планеты. Одним из самых известных являются рейтинги, которые составляются агентством Майкла Блумберга, американским журналом

Forbes и т.д. Большое значение имеет и то, что эти рейтинги имеют хронологическую развертку. Опираясь на анализ этих рейтингов, мы можем установить некоторые существенные характеристики транснационального капиталистического класса.

Модернизация семейно-домашнего образования и воспитания в контексте семейной политики Российской Федерации

Риммер К.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В нашей стране по закону родители имеют право давать образование своим детям самостоятельно, в форме семейного образования. Исследования в странах, где эта форма образования развита, показывают ее успешность и эффективность. Помимо этого, семейное образование – это способ укрепления семейных связей, а в дальнейшей перспективе, институт семьи в целом.

В Российской Федерации образование может быть получено вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в частности в форме семейного образования⁸³.

Согласно российскому законодательству, родители любого ребенка могут перейти на семейную форму обучения. Ребенок является учеником своей школы, проходит в ней аттестацию, но обучается дома. Формы аттестации и условия взаимодействия со школой определяются письменным договором между родителями и школой. Сегодня в российском образовании сложилась такая ситуация, когда семья имеет не только право выбора того или иного способа обучения своих детей, но и реальные ресурсы для его осуществления.

В статье 44 Закона “Об образовании” сформулировано: Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами.

⁸³ Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации.
URL:<http://минобрнауки.рф>

По данным сайта «Статистика российского образования»⁸⁴ на сегодняшний день в нашей стране около 100 тысяч семей в России ежегодно проходят обучение в форме экстерната, семейного образования или индивидуально на дому. С момента принятия действующего сегодня закона Российской Федерации «Об образовании»⁸⁵ опыт семейного обучения получили в общей сложности более 1,5 млн россиян.

Тем не менее, в нашей стране семейное образование является недостаточно развитой формой получения знаний, и потому большинство выбравших эту форму родителей, особенно в регионах, сталкиваются с непониманием и даже противодействием со стороны школьных педагогов и чиновников от образования.

Вместе с тем, практика показывает, что осознанно принявшие на себя педагогическую ответственность родители успешно справляются с этой задачей, перенимают опыт друг у друга. На волне семейно-домашнего образования в последние годы появлялись специальные публикации, методические материалы, разрабатываемые родителями, ставшими успешными экспертами-практиками в этой области.

Итак, семейное образование это как успешная форма образования, так и способ укрепления семьи.

Современный технологический прогресс и глобальная компьютеризация несут в себе возможность соединения дома и образования, возможность появления системы семейного или домашнего образования, разумеется, наряду с системой внесемейного, сугубо специализированного образования. Первые шаги этой системы за рубежом, первый опыт домашнего образования, когда родители становятся единственными учителями своих детей, дал прекрасные результаты. В нашей стране предпринимаются попытки учредить компьютеризированную школу на дому прежде всего для семей с детьми, характеризующимися

⁸⁴ Официальный сайт «Статистика Российского образования». URL: <http://stat.edu.ru>

⁸⁵ Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 №3266.

ограниченными возможностями и с детьми-инвалидами.

В той или иной степени общество, в частности семья, родители, пытаются экспериментировать в выборе и создании альтернативных способов обучения.

Этому способствуют как появление новых источников для самообразования, так и постепенная переориентация родителей и педагогов на иную образовательную парадигму: образование все больше становится непрерывным, вариативным и индивидуальным.

Следует отметить, что в определенных условиях семейно-домашнее образование действительно может быть предпочтительно по сравнению с иными, общепринятыми формами получения образования. Широкое распространение семейного образования в развитых странах мира и зарубежный опыт семейного образования дают основание считать эту форму достаточно эффективной и прогнозировать дальнейшее ее развитие, как за рубежом, так и в нашей стране.

Нам хотелось бы привлечь внимание к значимости семейного образования как к реальному и важному социальному явлению, затрагивающему многие стороны социальной жизни. Такая постановка вопроса не направлена на полную реформацию или замену существующей системы образования, а наоборот, способствует взаимному дополнению разных форм образования, их переориентации с сугубо профессиональной подготовки на гуманистические основы образования, на развитие индивидуальных способностей детей, их характера, на формирование социально и нравственно подготовленной личности.

Дискурс об объекте и предмете современной социологии

Романенко М.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

В истории развития социологии как науки существовали и ныне существуют различные, часто противоположные мнения, взгляды, концепты об объекте и предмете социологии, вплоть до отрицания предоставления ей статуса

самостоятельной научной дисциплины.

Наиболее типичные взгляды *на объект общей социологии* в научной литературе сегодня – это: а) «общество как социальная система» (Г.В. Осипов); б) «савокупность социальных отношений и взаимодействий, объединенных в различные формы социальной организации – группы, институты, организации, общности» (З.Т. Голенкова); в) «основы участия людей в жизни общества» (С. Тернер); г) «функционирование, организация, развитие и типы человеческих обществ» (Д. Джери). Иногда вообще отрицается объект общей социологии на том основании, что, мол, социология никогда не была единой наукой, распадаясь на ряд школ, департаментализаций (сейчас их насчитывается более 40), многие из которых претендуют на выражение сущности социологического знания или на представление социологии как науки в целом.

Наиболее распространенной точкой зрения отечественных и многих зарубежных исследователей (последние часто отождествляют объект и предмет социологии) является рассмотрение в качестве *объекта социологического исследования общество как надприродная, надиндивидуальная социальная реальность*.

Взгляды *на предмет социологии*, как и на ее объект, еще более многочисленны. Условно можно выделить *три главных подхода*:

1. Ученые материалистической ориентации (*материалисты*) понимают предмет социологии как *объективно* существующую социальную реальность, подлежащую научному изучению. Эти исследователи признают существование *объективных социальных законов*, которые нужно открыть, изучить механизмы их действия. Типичным в этом плане является взгляд профессора А.И. Кравченко, который определяет социологию, как «науку о законах становления, функционирования, развития общества в целом, социальных отношений и социальных общностей». Этот взгляд разделяют З.Т. Голенкова, В.И. Добреньков, Н.И. Лапин, Г.В. Осипов и другие отечественные ученые.

2. Исследователи реалистического направления (*реалисты*), в основном Европы и США, которые отрицают факт существования *объективных соци-*

альных законов и усматривают предмет социологии в социальной реальности: в «научном изучении общества и социальных отношений» (Н. Смелзер); в «изучении общественной жизни человека, изучении групп и общества» (Э. Гидденс); в «исследовании процессов общения» (С. Хилл); в описании «функционального общества и взаимоотношений людей» (В.А. Ядов).

Основной недостаток определений предмета социологии реалистов: а) отсутствие точного определения фрагмента социальной реальности, подлежащей изучению, б) склонность, а иногда и прямое отождествление предмета и объекта социологического познания, в) расширительное толкование предмета социологии, ведущего к отождествлению социологии и социальной философии, социальной науки вообще. И это обусловлено, прежде всего, отсутствием научно разработанной субстанциональной категории социологии *социальное (социальность)*, ныне понимаемом то как *особый вид общественных отношений*, который входит во все виды общественных отношений, но не включает в себя эти отношения и не сводится к их сумме, то как *особый аспект, сторона, свойство* экономических, политических и других общественных отношений.

Третью группу ученых в определении предмета социологии представляют *идеалисты* – конструктивисты. При определении предмета социологии они подчеркивают факт его существования только в сознании исследователя. В самой социальной реальности, с их точки зрения, не содержится никакого предмета социологии и что последний является лишь мысленным конструктом исследователя, вызванной осознанной потребностью позитивной адаптации к социальному миру. Социальная реальность, наделенная исследователем смыслом и ценностью, выступает предметом исследования в том виде, в каком она предстает сконструированной, пройдя фильтр оценочных суждений субъекта познания и действия (П. Уичмен). Д. Уолш, например, считает, что определить предмет социологии – это понять, сконструировать смысловое строение социального мира, в том числе, осуществить «анализ обыденного языка в структуре поведения людей».

Недостатком такого понимания является субъективизация как самого

процесса конструирования предметной области социологии в сознании познающего субъекта, так и релятивизация, вплоть до агностицизма, самого процесса познания, как структуры, так и функционирования, и развития социальных процессов.

Суммируя и обобщая многообразие современных взглядов по проблеме определения предмета социологии, и не претендуя на завершенность, предлагаю для обсуждения следующую дефиницию: *предметом социологии является изучение закономерностей становления, функционирования и развития **социальных отношений**, возникающих в совместных формах взаимодействия различных общностей людей во всем их многообразии.* (Социальные общности – это диады, группы, классы, этносы, толпа, аудитория, секты, касты... и все человечество).

Вследствие недостаточной научной разработки проблем общей социологии, ее философско-методологических оснований, существующего веера разнообразных подходов ни одно определение объекта и предмета социологии в отечественной и мировой научной литературе в настоящее время нельзя считать полностью удовлетворительным.

Социологические исследования конца XX века: основание для выявления тенденций процессов современной России

Ростегаева Н.И.

Институт социологии Российской академии наук, Россия, Москва

В 60-х гг. XX века в СССР социологическая наука получила мощный импульс для развития эмпирических исследований, что со временем привело к накоплению информации, отражающей мнения населения страны по широкому спектру проблем жизнедеятельности общества. Возникла необходимость сделать эти данные доступными для всего научного сообщества социологов и заинтересованных в них практических работников. Для ее разрешения в 1985 г. в Институте социологии СССР был организован банк данных социологических

исследований (БДСИ), который и в настоящее время продолжает выполнение своих основных функций. В Банке данных накоплен значительный фонд эмпирических социологических исследований, проводимых ведущими учеными страны, аспирантами и практическими социологами в течение длительного периода времени. Тематика исследований отражает практически все этапы и стороны жизни нашего общества с конца 60-х гг. XX века до начала XXI века, в том числе важные политические и структурные перемены, происходившие в нем в период «перестройки» и постперестроечные годы. Банк аккумулирует исследования по социальной напряженности, национальным конфликтам, по изменению социальной структуры современного российского общества, появлению в нем новых слоев и групп, по проблемам перехода страны к другому политическому и экономическому устройству. Обращение к материалам этих исследований – изучение содержания методик сбора данных в историческом контексте, сопоставление результатов анализа эмпирических данных исследований предыдущей эпохи и настоящего времени позволит исследователям более глубоко понять тенденции социальных процессов современной России.

Одним из важных направлений деятельности Банка в современных условиях является обеспечение возможностей для вторичного анализа и сопоставления исследований, проведенных в разное время и в разных культурно-региональных средах. В связи с этим возникает ряд проблем методологического характера для корректного использования данных Банка. Одной из них является проблема релевантности результатов сравнения исследований, вызванная разным уровнем их репрезентативности. Как один из вариантов подхода к решению этой проблемы можно классифицировать исследования по степени репрезентативности выборочной совокупности относительно генеральной совокупности объектов и в зависимости от класса репрезентативности использовать данные для адекватных содержательных и методических задач. Еще один подход был использован в Банке данных для решения проблем этого рода – создание базы данных исследований, объединенных одной проблематикой, выполненных в разных регионах и проводимых на протяжении длительного периода

времени. Так, например, на основе исследований социальной структуры и стратификации была создана база данных «Социострата». Содержание показателей этих исследований послужило методологической и эмпирической основой для создания рубрикатора, призванного систематизировать и каталогизировать индикаторы, наиболее часто встречающиеся при изучении этой проблематики. Включенные в БД исследования имеют блоки однотипных показателей структуры и мобильности, позволяющие строить динамические ряды и отслеживать характер и вектор изменений в сфере социальной стратификации. Конструкция БД «Социострата» расширяется за счет включения других исследований, собственно социальной структуры современного общества и исследований отдельных социальных классов, групп и слоев. Разработка рубрикатора позволяет сделать шаги в направлении построения тезауруса социологических показателей БДСИ, необходимого для автоматического индексирования исследований с целью облегчения пользователям поиска необходимой информации.

На сайт Института социологии РАН регулярно поступает информация об исследованиях, доступных пользователям. Осуществлен поиск исследований по ключевым словам. По запросу (образец запроса имеется на сайте) исследователь, нуждающийся в информации в научных целях, имеет право безвозмездно получить текст анкеты, файл эмпирических данных в формате SPSS или частотные таблицы исследования, представленного в интернете и указанного в запросе. Запросы поступают от исследователей, аспирантов и студентов России, а также от зарубежных коллег. По России география запросов весьма широка – от Камчатки до Калининградской области. Ученых из Германии, Великобритании, США, Чешской Республики интересуют в основном исследования, проведенные в 80-е годы: «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (1981, 1986 гг.); «Социальные проблемы семьи и быта» (1980 г.), «Социальная эффективность образования» (1984 г.) и др. БДСИ постоянно сотрудничает с Единым архивом экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.

Особенности функционирования общественных организаций Хабаровского края в оценках населения

Русова Т.В.

Дальневосточный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Хабаровск

Сегодня развитие российского гражданского общества, как общества свободной самоорганизации, зависит от участия населения в его социальных практиках – в деятельности негосударственных некоммерческих организаций и гражданских инициатив, в благотворительной деятельности, в совместном решении вопросов местного значения и др. В качестве основного катализатора развития гражданского общества выступают некоммерческие организации, так как их деятельность затрагивает производственные, культурные, политические отношения общества. Некоммерческие организации получили распространение по всей территории нашей страны: по состоянию на 18.11.2013 в России зарегистрировано 225306 некоммерческих организаций, из них 2581 – в Хабаровском крае. Наибольший удельный вес среди некоммерческих организаций края имеют общественные организации – 24,1 % (618 организаций).

Сегодня эффективность деятельности общественных организаций можно оценить различными способами: проанализировать официальные статистические данные об экономической и социальной активности общественных организаций, провести экспертные опросы среди руководства, персонала общественных организаций и представителей органов государственного и муниципального управления, провести опрос населения и выяснить степень информированности и вовлеченности жителей в деятельность общественных организаций. Последний способ представляется нам наиболее релевантным, поскольку он позволяет оценить реальные результаты работы общественных организаций с общественностью.

В 2013 году в Хабаровском крае было проведено социологическое ис-

следование «Социальная активность жителей Хабаровского края», в рамках которого на основе оценок жителей края были выявлены особенности функционирования общественных организаций края. Отбор респондентов – случайный на этапе отбора и квотный (в разрезе половозрастных, образовательных, профессиональных и поселенческих характеристик населения). Было опрошено 1000 жителей Хабаровского края. Статистическая погрешность не превышает 3,1%. Опрос был проведен в гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, а также в Амурском, Вяземском, Комсомольском, районе им. Лазо, Солнечном и Хабаровском муниципальных районах под научным руководством д.с.н., профессора Н.М. Байкова и к.с.н., доцента Ю.В. Березутского.

Результаты социологического опроса жителей края свидетельствуют о невысоком уровне информированности населения о деятельности общественных организаций. Лишь 4,4% опрошенных имеют хорошее представление об их деятельности, еще 43,0% – имеют некое общее представление, большинство населения края (53,6 %) ничего не знают об их деятельности.

В рамках опроса жителям края было предложено самостоятельно назвать общественные организации, которые действуют в их населенных пунктах. Большой известностью среди населения пользуются общественные организации (7,7%), политические организации (6,4%), молодежные организации (4,5%) и ветеранские (3,8%).

Подавляющее большинство жителей края (86,8%) не участвуют в деятельности общественных организаций. Остальные проявляют свою социальную активность, участвуя в работе политических партий, общественных организаций, профсоюзах, ТСЖ и др.

О системном характере низкой социальной активности свидетельствует тот факт, что и в гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, и в сельских поселениях края уровень включенности населения в работу общественных организаций одинаково низкий.

Несмотря на низкий уровень социальной активности, жители края считают необходимым и полезным для развития края деятельность общественных

структур. Лишь 16,4% опрошенных не видят в этом смысла.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о невысоком уровне доверия граждан общественным организациям. Лишь каждый третий опрошенный (28,2%) высказал им свое доверие, при том, что большая часть опрошенных (40,7%) высказали им свое недоверие. Высокая доля затруднившихся с доверием (31,0%), актуализирует повышение роли информационного присутствия в медиaprостранстве сведений о работе общественных организаций. Кроме этого, каждый четвертый респондент (24,3%) в качестве аргумента своего недоверия высказал отсутствие видимых и ощущаемых результатов их деятельности.

Таким образом, в ходе анализа результатов опроса населения были установлены четыре основные проблемы в функционировании общественных организаций:

- невысокая социальная активность общественных организаций;
- низкий уровень включенности граждан в деятельность общественных организаций;
- низкий уровень информированности населения о деятельности общественных организаций;
- невысокий уровень доверия граждан Общественным организациям.

Исходя из выше сказанного, взаимоотношения общественных организаций с населением можно характеризовать сохранением значительной социальной отчужденности.

Общекультурные компетенции как фактор эффективности организации

Рыбакова М.В., Зернова Л.П.

Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва, Московский физико-технический институт (технический университет), Россия, Долгопрудный

Стандарты вузовского образования европейских стран предполагают,

что помимо развития интеллекта и профессиональной компетенции, необходимо воспитание социальной ответственности выпускников и высоких нравственных качеств. Сформированные во время обучения в вузе общекультурные компетенции в дальнейшем способствуют становлению организационной культуры поведения, коммуникативной мобильности и толерантности.

Организационная культура сотрудников дает возможность организации влиять на эффективность управленческих решений, так как существует взаимозависимость между культурой организации и успехом ее деятельности.

Высококвалифицированные сотрудники, как правило, обладают особым стилем корпоративного поведения, который позволяет при возникновении проблем оперативно принимать необходимые решения.

Эффективно управлять людьми в современных организациях может только тот руководитель, который обладает базовыми знаниями психологии людей и коммуникативной компетентностью.

Новые образовательные технологии, заложенные в Российском стандарте ФГОС третьего поколения, представляют преподавателям гуманитарных дисциплин новые возможности использования интерактивных технологий обучения. Новые технологии требуют от педагогов постоянного изучения интересов и потребностей студентов, создания неординарных программ обучения, формирующих самостоятельность и гибкость мышления студентов. Такой подход позволяет каждому студенту выстраивать индивидуальную программу поведения и варианты контактов с преподавателем. Как показывает опыт, систематическое усвоение гуманитарных знаний является фактором высокой включенности выпускников вуза в общественные структуры и организации.

Исследований, посвященных роли гуманитарных дисциплин в формировании общекультурных компетенций будущих специалистов пока не достаточно и, как правило, мониторинг обратной связи осуществляется преподавателями вузов по итогам гуманитарных курсов по выбору.

С целью получения ответа на поставленный вопрос, авторами статьи были опрошены студенты естественно-научных факультетов РХТУ им. Д.И.

Менделеева, МГУ имени М.В. Ломоносова, Московского физико-технического института (МФТИ). Основное внимание было уделено отношению студентов к социально-гуманитарному образованию, оценке значимости компетенций, сформированных в результате посещения гуманитарных курсов по выбору.

Студенты технических вузов все больше понимают, что недостаточно быть узкими специалистами в своей сфере, стремятся понимать и самостоятельно осмысливать общественные изменения.

Тотально педагогизированное общество в свете социологического анализа знания

Рысакова П.И.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

В современном общественно-политическом дискурсе образование без сомнения признается ключевым компонентом национальной стратегии развития. Именно образованию отводится решающее значение в дискуссиях о глобализации и развитии экономики знаний. Новое переосмысление роли образования в современном обществе повлекло за собой и масштабные реформы, затронувшие и организацию учебного процесса. Результаты этих нововведений вызывают, впрочем, неоднозначные оценки. И это ставит под вопрос саму концепцию образовательной реформы, направленную на реализацию проекта «общества знания». Центральным вопросом оказывается следующий – общество какого знания будет реализовано в результате нынешней реформы образования?

Теоретико-методологическое развитие современной социологии образования разворачивается в направлении дальнейшего изучения статуса знания. Лидеры активно заявляющих о себе новых направлений, таких как «социальный реализм», видят своей задачей установление статуса знания. Такая постановка вопроса имеет прямое отношение не только к социологии знания, но и социологии образования, поскольку производство, реконтекстуализация и рас-

пространение знания составляет содержание образования и определяет его специфику как особой сферы жизнедеятельности общества. Необходимость изучения статуса знания обусловлена социально-политическим дискурсом об обществе знания, экономике знания, а также непрекращающимися реформами образовательных учебных планов в условиях глобализации и постиндустриального развития. Анализ внутренней организации знания, отношений между различными видами знания оказывается значимым не только для гносеологии, но и для социологического изучения современного общества и образования. Особенности функционирования знания отражают специфику социальных отношений в современном обществе. И тем самым исследование знания позволяет установить характерные черты функционирования образования в современном обществе.

Исходной точкой рассуждений о статусе знания выступает изначальное признание социального характера знания, которое и не может быть создано и функционировать вне социальной реальности, т.е. не может быть создано иначе, нежели социальными акторами, обладающими своими характеристиками – социальной принадлежностью, идеологическими установками. Однако знание обладает, тем не менее, статусом объективного, так как оно изначально интерсубъективно и эмерджентно, обладает определенной автономностью от знающего. В силу этого становится возможным изучение его сущностных характеристик – его структуры. Именно поэтому основное внимание исследователей должно быть направлено на концептуализацию внутренней структуры знания и выработку методологического инструментария для его изучения.

Такое понимание знания имеет прямое отношение к социологии образования, поскольку позволяет по-новому взглянуть на проблему учебного плана, содержание школьного образования, а также на общественно-политический и педагогический дискурс относительно содержания образования в условиях глобализации и требований «экономики «знания»».

Одной из центральных проблем современного образования, по мнению представителей социологического реализма, становится расхождение между

декларируемыми целями образования в условиях общества знания и реальными результатами обучения.

Современный глобальный дискурс об образовании постулирует важность непрерывного накопления знания, освоения нового, развития способностей к гибкому применению полученного знания в разных профессиональных ситуациях. Однако такая образовательная установка содержит и определенную двойственность.

Одним из первых на нее указал идейный и теоретический вдохновитель всего направления реалистической социологии образования Бернстайн. По его мнению, современное общество может быть охарактеризовано как тотально педагогизированное в том смысле, что практически все сферы жизни оказываются пронизанными идеей непрерывного обучения и усвоения нового. Способность к обучению (обучаемость) обретает решающее значение для социального успеха индивида. Но такая обучаемость ставит под вопрос связанность и непрерывность имеющегося социального опыта и знаний и по сути размывает их значимость, обесценивая их. Накопленное прежде знание оказывается отринутым как ненужное, не важное для понимания нового. И это порождает принципиально важные вопросы – какова логика накопления знания в современном обществе, как она реализуется в образовательном процессе, какие виды знания востребованы в современном образовании и какие социальные преимущества они дают.

Современный образовательный дискурс, призывающий к непрерывному обучению и развитию навыков, при ближайшем рассмотрении обнаруживает свою двусмысленность. Накопление знания оборачивается непрерывным расширением разрозненных навыков и умений, зачастую мало связанных друг с другом и не позволяющих осмысливать иные реальности.

Особенности деятельности государственной думы РФ в сфере борьбы с терроризмом

Савченко И.А.

Московский городской психолого-педагогический университет, Россия,

Москва

Особенности деятельности Государственной Думы РФ в сфере борьбы с терроризмом обусловлены содержанием работы депутатов, которая согласно ст. 94 и 97 Конституции РФ включает представительную и законодательную деятельность на профессиональной постоянной основе в соответствии с Конституцией РФ, основными положениями Федерального закона от 08.05.1994 N 3-ФЗ и Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Следует отметить активные корректировки регламентации депутатской деятельности на федеральном уровне, поскольку изменения указанного Регламента происходят весьма часто – 122 раза с апреля 1998 года (за 2013 год в Регламент внесено 7 изменений). Для сравнения, Регламент Совета Федерации с марта 2002 года корректировался 38 раз.

То есть, в целом деятельность депутатов Государственной Думы отличается нестабильностью, что, безусловно, отражается на непостоянстве законотворческой антитеррористической деятельности и представляется первой особенностью деятельности Госдумы РФ в сфере борьбы с терроризмом.

Представительная работа депутатов предполагает обеспечение обратной связи со своими избирателями, работой на местах в отдельности каждого депутата, а также деятельностью в целом аппарата Госдумы РФ по обращениям гражданам, которая в рассматриваемой сфере включает любые вопросы, относящиеся к проявлениям терроризма (экстремизма).

По данному поводу в ежемесячных отчетах Госдумы приводятся сведения о проделанной работе по обращениям граждан (избирателей) и других инициаторов. Например, за февраль 2014 года рассмотрено 4,8 тыс. обращений: граждан; трудовых коллективов предприятий; профсоюзных организаций; советов ветеранов войны и труда; других общественных объединений.

Наибольшее число обращений (59%) поступило от жителей Центрального федерального округа.

Большинство обращений в приемной Государственной Думы включало просьбы о помощи в решении коллективных и личных вопросов социально-

экономического характера.

Таким образом, второй особенностью деятельности Госдумы РФ в сфере борьбы с терроризмом можно отметить отсутствие эффективной обратной связи с гражданами (избирателями), а также с другими инициаторами (например, общественными организациями) в данном направлении.

Несмотря на то, что профильный Комитет Госдумы по безопасности и противодействию коррупции обладает внушительным объемом организационно-правовых полномочий для противодействия терроризму в России, в планах работы Комитета Госдумы 6-го созыва по безопасности и противодействию коррупции на 2013 и 2012 годы вообще не упоминается понятие терроризма. Согласно сведениям с официального сайта Комитета Госдумы РФ по безопасности и противодействию коррупции, среди 56 законопроектов, работа над которыми завершена в Комитете, нет документов, непосредственно регламентирующих конструкции профилактики (борьбы) с террористическими (экстремистскими) проявлениями. Из 31 законопроекта, подготовленных Комитетом и подписанных Президентом РФ, нет документов, непосредственно регламентирующих конструкции профилактики (борьбы) с террористическими (экстремистскими) проявлениями. Из 63 законопроектов, находящихся в марте 2014 года на рассмотрении Комитета, только 2 документа предусматривают обновление правовых конструкций противодействия терроризму (экстремизму):

- законопроект № 434186-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу уточнения признаков экстремистской деятельности»;
- законопроект № 295667-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” и отдельные законодательные акты РФ» (Комитет является соисполнителем).

Изучение деятельности другого профильного подразделения Госдумы, Комитета по международным делам, показало, что в его составе функционирует Подкомитет по законодательному обеспечению международного сотрудничества РФ в сфере противодействия терроризму, незаконному обороту нарко-

тиков, незаконной миграции, организованной преступности, а также реализации пограничной политики. Согласно отчету о работе указанного Подкомитета продолжают организационно-правовые мероприятия Госдумы 5-го созыва, которые способствовали ранее принятию Федеральных законов о ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма; Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма; Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма. Суть указанных международных документов заключается в активизации государственных усилий в части предотвращения терроризма.

Подытоживая, можно говорить о некоторой пассивности профильных комитетов Госдумы РФ 6-го созыва в законотворческой антитеррористической деятельности, которая отличается популистскими выступлениями о важности этой сферы руководства Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции, а также практическим отсутствием реальных законодательных мероприятий в сфере профилактики и борьбы с терроризмом.

Культурная активность российских студентов: социологический контекст

Сайко Е.А.

Научно-исследовательская лаборатория информационно-образовательных технологий социологического факультета МГУ имени М.В.

Ломоносова, Россия, Москва

Многообразие исследований, посвященных изучению культурных потребностей россиян в период общественных трансформаций, предполагающих значительные социокультурные изменения, не снижают в целом интерес к этой проблеме в пространстве современного социогуманитарного знания, активизировавшийся с 1990-х гг. Отсюда востребованность междисциплинарной методологии в осмыслении динамики культурных потребностей в аспекте наличия и мотивации «воли к эстетическому» (предпочтений в сфере искусства и литературы, интенции к творческой деятельности). Особого внимания с этой точки

зрения заслуживают культурные потребности молодежи, будучи мобильными по своей сути.

В связи с этим достаточно актуальной представляется задача анализа культурных потребностей студентов-социологов в пространстве культурных ориентаций современной российской молодежи, особенно в контексте динамики художественных интересов, эстетического вкуса, культурной активности в целом, проявляемых в процессе обучения в вузе.

Эффективным в этом смысле стал опыт проведения серии мониторингов на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (2012–2014 гг.) [1], а также анализ данных других социологических исследований, связанных с осмыслением динамики культурной активности российской молодежи.

В частности, результаты мониторингов свидетельствуют о том, что желание студентов удовлетворить свои культурные потребности (без финансовых затрат) становится закономерностью в период обучения в вузе и может быть реализовано посредством факультативных занятий, а также волонтерской деятельности, направленной на улучшение социально позитивного имиджа кафедры, факультета, вуза.

В свою очередь стремление студентов удовлетворить свои культурные потребности в процессе обучения на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова свидетельствует о том, что будущие социологи осознают важность наличия в компетентностной модели современного социолога ярко выраженной интенции к творчеству, обеспечивающей высокую конкурентоспособность молодого специалиста в жестких условиях рынка труда.

Особого внимания в аспекте исследования динамики культурных потребностей россиян и, прежде всего, студентов, заслуживает проблема чтения [2]. Ее актуальность обусловлена тем, что на книжном рынке мода, вкус и насущные потребности в образовании часто конфликтуют. И это атрибутивно для «общества потребления».

Уточним, что молодежная читательская аудитория в большей степени

подвержена изменениям, обусловленным перманентно расширяющимися возможностями интернета. Однако главный вопрос состоит не в том, каким носителем информации пользуется потребитель, а что читают и как осмысливают прочитанное? И это уже проблема востребованности книги как феномена в современном обществе и понимания чтения как первичного регулятора в процессе формирования национальной культурной идентичности, культурных потребностей личности, ценностный ресурс которых определяется уровнем и качеством эстетического (вкуса, восприятия, отношения и др.).

В целом эстетическое воспитание/просвещение может стать эффективным механизмом инновационных образовательных стратегий с точки зрения формирования «человека культуры», а именно таким в идеальной модели представляется современный специалист в поле социогуманитарного знания. Для социолога XXI столетия это является особенно значимым, хотя бы потому, что сегодня в реестре профилей подготовки специалистов по направлению «Социология» одним из ключевых понятий является «культура».

Литература:

1. Малахов Ф.В., Сайко Е.А. Основные тенденции образовательной стратегии студента-социолога // Социология образования. 2013. № 12. С. 91–107.
2. Сайко Е.А. О чтении и чтиве: тенденции и парадоксы современной литературной жизни // Искусство в начале XXI века: проблемы и тенденции: Сборник научных статей / Отв. ред. д. филос.н., проф. Е.А. Сайко. М.: ГИИ, 2013.

Протестный потенциал современного российского общества

Самсонова Т.Н., Гурылина М.В.

Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Модернизация политической системы и становление гражданского общества в современной России предполагают формирование социально-политического пространства, в рамках которого возможно привлечение граждан к управлению, что означает перераспределение политической власти. Эта задача может осуществляться через институты представительной демократии, независимые средства массовой информации, а также через другие каналы политической коммуникации. Включенность граждан в политические процессы обеспечивает ротацию политической элиты и сохранение социальной стабильности общества. При этом важнейшим ресурсом или, напротив, «барьером» на пути модернизации является политическая культура.

Россия в конце 1980-х – начале 1990-х гг. пережила время демократического идеализма под воздействием радикальных изменений всех сторон социально-политической жизни, вызвавших у граждан огромный интерес к вопросам политики, политическому участию и самоорганизации. Однако к середине 1990-х значительная часть россиян утратила веру в политические институты и потеряла интерес к политике. В начале 2000-х гг., в условиях экономической, социальной и политической стабилизации страны, индикаторы общественной и политической активности населения снизились.

В процессе демократических преобразований велика роль государства. Речь идет об осуществлении регулирования экономических отношений и снижении уровня социального и экономического неравенства в стране; о создании такой политической системы, в рамках которой граждане могли бы оказывать воздействие на процесс принятия решений. Иначе низовая активность граждан будет находить другие, не институциональные, а порой и не конвенциональные, каналы реализации их интересов. В России одним из факторов протестной активности населения является «неэффективность институтов представительной демократии, которые подчас не заинтересованы в агрегировании и выражении интересов различных социальных групп» [2, 70].

Протестное поведение проявляется в отказе индивидов и групп от конструктивного сотрудничества с существующими в рамках конкретного соци-

ально-политического и правового порядка структурами центральной и местной власти. Протестные настроения выражаются в различных формах: это протестный абсентеизм, протестное голосование, поддержка оппозиции, непосредственное участие в акциях протестах. В России массовые протестные акции происходят тогда, когда ограничения или ущемления в правах касаются граждан непосредственно. В качестве примеров можно привести акции протеста шахтеров «Распадской»; акции протеста против повышения транспортного налога в Калининградской области; волнения, вызванные непродуманной миграционной политикой, в разных регионах страны и др. При этом не прослеживается прямая зависимость между ростом протестных настроений и политической протестной активностью. Более того, политический протест не является актуальным для большинства населения страны.

Всплеск протестной активности в стране был отмечен в 2011–2012 гг. – большой общественный резонанс вызвали итоги выборов в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г. В настоящее время социологи отмечают снижение «протестного потенциала» россиян [3]. Согласно данным социологических исследований, около половины россиян (48%) считает, что волна протестного настроения спала и его возобновления пока не предвидится, а те, кто ожидает нового всплеска протестной активности, основной его причиной видят снижение уровня жизни (25%) [1].

Следует, однако, иметь в виду, что социологические исследования зачастую не выявляют такие формы протестного поведения, как протестный абсентеизм, протестное голосование и т.д. Но их наличие говорит о латентном протестном потенциале в российском обществе, который на данном этапе не находит каналов выхода.

Литература:

1. Глава ВЦИОМ: Протестный потенциал россиян рекордно снизился // Деловая газета «Взгляд». 2014. 24.01. URL: <http://vz.ru/news/2014/1/24/669496.html>

2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012.
3. Протестные настроения // Официальный сайт ФОМ. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11090>
4. Протестный потенциал // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/633/>

Трансформационный подход в социологии образования: методологические перспективы

Санникова О.В., Шумкова Е.А.

*ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Россия,
Ижевск*

Сложность и нелинейная динамика современного общества, с одной стороны, актуализирует роль социальных субъектов в общественных изменениях, с другой – делает результаты действий этих субъектов слабо прогнозируемыми. Действия субъектов в условиях «ограниченной рациональности» делают актуальными знания о человеке и обществе в рамках социально-гуманитарного образования.

Особое значение приобретает мировоззренческое, практическое и аксиологическое назначение профессиональной социогуманитарной подготовки в рамках высшего образования, поскольку готовит к особому виду деятельности, а также обеспечивает кадрами общее и профессиональное образование для реализации его социогуманитарной составляющей.

Однако современное состояние профессионального социогуманитарного образования оценивают как кризисное, представляя его зоной неопределенности и риска, поскольку однозначность ценностных ориентиров сменяется мировоззренческим плюрализмом, а требования интернационализации и рыночной ориентированности подрывают его функции трансляции молодежи базовых универсальных ценностей.

Особые претензии предъявляются к содержанию профессионального со-

циально-гуманитарного образования за его несоответствие запросам рынка, избыточность, инертность, неспособность учитывать скорость обновления знаний, смену ценностных приоритетов. При этом в условиях высокой ценностной динамики и многообразия ценностных систем у социально-гуманитарного образования возникает новая задача: не транслировать единственно правильный ценностный конструкт, а научить студентов ориентироваться в ценностном многообразии и сделать эти ориентиры предметом их собственной ответственности.

В соответствии с этим назначением изменения содержания социально-гуманитарного образования должны иметь трансформационный характер.

В контексте трансформационного подхода (в варианте Т.А. Заславской и В.А. Ядова) такое содержание можно рассмотреть как неравновесное, хаотичное, находящееся в стадии становления. Его изменения трактуются как сущностные превращения, имеющие системный характер, обусловленные социоструктурными и институциональными факторами, направленные на формирование субъектности обучающегося индивида. Такие изменения включают как модернизационные, так и традиционные аспекты, как действия субъектов образовательного процесса, так и влияния институционально-нормативных регуляторов.

Участие субъекта в преобразовании содержания образования делает процесс его (содержания) трансформации субъектно-ориентированным. Условием возникновения такой трансформационной активности субъекта является неопределенность ценностных, институциональных и социоструктурных факторов изменения содержания образования.

Эта установка позволяет включить трансформацию содержания профессионального социогуманитарного образования в предметность социологии образования, поскольку открывает перспективы для выявления механизма становления субъектов социальных трансформаций, носителей трансформационной активности.

В основе такого механизма лежит взаимодействие субъектов трансфор-

мации содержания образования по поводу его когнитивно-ценностной компоненты, формирующееся на основе интересов и потребностей в социально-гуманитарном образовании. Это взаимодействие происходит в нормативно-ценностных границах, определяемых спецификой социально-гуманитарного знания и институциональными нормами существования и реформирования российского высшего профессионального образования. Внешним средовым фактором этого механизма будут изменения в социально-профессиональной структуре общества, влияющие на индивидуальные стремления к получению профессионального социально-гуманитарного образования.

Таким образом, три основных компонента трансформирующейся системы (институциональный, социоструктурный и «человекомерный») будут связаны между собой в единый механизм трансформации содержания образования. Взаимодействующие субъекты соединят своей активностью компоненты трансформационного процесса и этим самым обеспечат социокультурные условия для становления и развития своей субъектности как особого типа трансформационной активности, снова влияющей на эти условия. Результатом действия этого механизма будет эффект самоорганизации как порождение субъектами образования условия для становления своей субъектности. Этот эффект вместе с актуализацией субъективного фактора является обязательным признаком трансформационного процесса.

Таким образом, трансформации содержания образования, рассмотренная в социокультурном, социоструктурном и институциональном контексте, становится элементом социологического знания, а теория социальных приобретает новые методологические перспективы.

Новая социальная политика в сфере ЖКХ в ракурсе современной социологии

Сарбаева И.Ю.

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», Россия, Самара

Данная статья посвящена проблеме изучения вектора новой социальной политики в сфере ЖКХ. Основной фокус внимания сосредоточен на этапах реформирования сферы ЖКХ, особенно в контексте современных трансформаций российского общества. Реформа жилищно-коммунального хозяйства продолжается уже несколько десятилетий, ее цель заявлена как изменение ситуации в ЖКХ, обеспечение доступности и улучшение качества услуг данной сферы, однако с точки зрения общественности картина коренным образом не улучшилась.

Внимание сосредоточено на работах отечественных ученых, изучающих современные российские преобразования, таких как В.А. Ядов, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, П.В. Романов, Н.М. Римашевская, и др. В целом интеллектуальный потенциал российской науки с 90-х годов был направлен на изучение условий экономических преобразований в стране. Проблематика была ориентирована на изучение и разработку экономических рычагов и механизмов, способствующих формированию либеральной экономики и ее высокой эффективности; на обеспечение создания условий, способствующих ее легальному и легитимному функционированию.

Процесс реформирования жилищно-коммунальной сферы по своей сути является трансформационным и его отличительные особенности – это глубина, динамизм и системность. Согласно социологу Т.И. Заславской, трансформации и модернизации современного российского общества протекают в трехмерном пространстве, где осями являются: эффективность общественных институтов, качество социально-групповой структуры и уровень человеческого потенциала.

Касательно вопросов становления социальной политики в постреформенной России, выделяется несколько этапов. Первый этап (начало 1990-х годов) – социальная политика концентрировалась на последствиях экономических преобразований и трансформировала институты социальной сферы, реагируя на экономические реформы, в основном на изменение принципов финансирования социальной сферы. В результате произошло

формирование масштабной неформальной экономики и бурное развитие неформальных отношений, пронизавших все социально-экономическое пространство. На втором этапе (на рубеже 1996–1997 гг.) отношение к социальной сфере изменилось, и начался целый ряд преобразований: новое трудовое законодательство, пенсионная реформа, развитие страховых институтов в здравоохранении, реформа образования и пр. Однако они не стали приоритетными в деятельности государства. Основное внимание было направлено на поддержание финансовой стабильности, реформе естественных монополий, дебюрократизации государственного управления и т.д. С 2005 г. социальные проблемы с политической периферии переместились в эпицентр социально-экономической программы и политики. Можно охарактеризовать этот продолжающийся период как воплощение новой социальной парадигмы в практические действия.

В России к 2005 году сформировались экономические, политические и идеологические факторы для перехода от социальной политики, выступающей механизмом стабилизации, к другой модели, способствующей интенсивному развитию. Разработка приоритетных национальных проектов стала частью этой стратегии, проявлением прагматичности современной нам социальной политики. Основными целями проектов заявлены повысить качество жизни россиян за счет качественного рывка в жизненно важных сферах (образование, здравоохранение, обеспечение жильем и развитие сельского хозяйства). При этом современные проекты отличает их особая цель – это создать экономически активную социальную среду.

При анализе нового социального законодательства и важных изменений в риторике социальной политики П.В. Романов констатирует, что новую социальную политику России определяет признание социальных проблем и становление их предметом публичного дискурса. Поскольку определение проблемы следует из понимания порождающих их социальных условий различными политическими силами, то разные определения социальных проблем становятся исходным пунктом для формулирования альтернативных

стратегий действия. В этих обстоятельствах традиционные рычаги социальной политики утрачивают свое значение, и делается акцент на человеческом капитале как ресурсе новой социальной политики.

Таким образом, в ходе реформ, проводимых российским государством, новая модель социальной политики продолжает корректироваться. Многие исследователи сегодня относят к ее отличительным особенностям спонтанность и бессистемность, сохранение во многом патерналистского характера, несмотря на предпринимаемые попытки сделать ее селективной и адресной. Стремление власти с помощью социальной политики нейтрализовать социальную напряженность постоянно отстают от складывающейся ситуации в обществе.

Ценностные основания гражданской идентичности: опыт регионального измерения

Садретдинова Э.В.

ФГБОУ ВПО Башкирский государственный университет, Россия, Уфа

Исходя из методологического посыла о том, что идентичность обладает сложной многоуровневой структурой, интерес представляет оценка степени выраженности определенных идентификационных факторов, соотношение различных видов идентичности в сознании личности.

В современном обществе в структуре идентификаций индивида, независимо от национальности, пола, возраста, наиболее актуализирована принадлежность к малым, реальным общностям с постоянными взаимодействиями (семья, родственники, друзья). При этом принадлежность к номинальным общностям, в частности этническая, региональная и государственная идентичности могут носить индифферентный характер.

Вместе с тем в условиях социальной трансформации наблюдаются изменения процессов идентификации. Так, на первом этапе социальных преобразований в российском обществе отмечался рост значимости этнической иден-

тичности как более древней и устойчивой формы информационного структурирования мира. К тому же на групповом уровне этническая идентичность обеспечивала политическую мобилизацию, выступая средством достижения групповых интересов. Однако начиная с 2000-х г.г. исследования фиксируют тенденцию формирования и развития новой государственно-гражданской идентичности («граждане России», «россияне»).

С целью определения динамики идентификационных маркеров в процессе исследования «Межнациональное общение и социальные проблемы в Республике Башкортостан» (опрос постоянно проживающего населения республики методом стандартизированного интервью в ноябре 2012 г.; выборка многоступенчатая, N – 1000 респондентов) респондентам было предложено оценить степень значимости своей принадлежности к различным социальным общностям, таким как семья, родственники, друзья, мой город/село, моя нация, религия, жители Башкирии, жители России, жители Европы, человечество. Для оценки использовалась ранговая шкала с показателями: «очень важно», «скорее важно», «скорее не важно», «не важно», «затрудняюсь ответить».

В целом общности, к которым принадлежит человек, разместились в следующей последовательности по степени снижения частоты упоминания их значимости для респондента (в целом по выборке с небольшими корреляциями в зависимости от национальности и места проживания): семья (96,2%), друзья (89,0%), город/село (81,2%), нация (80,0%), религия (67,0%), жители Башкирии (64,0%), жители России (62,5%), все человечество, жители Европы (45,3%).

Оценивая состояние гражданской идентичности, отметим, что исследование выявило ее многоуровневый характер: наличие локального, регионального, общегражданского (концепт «россияне») и глобального уровней (общность «жители Европы»). При этом очевидна взаимосвязь между показателем социальной дистанции и степенью выраженности уровня идентичности. Так, практически в одинаковой степени выражены государственная и региональная принадлежность: 62,5% и 64,0%, в то время как о значимости принадлежности к жителям Европы заявляют только 45,3%. Региональная идентичность оказа-

лась наиболее выражена у башкир (74,0%) и респондентов, определивших свою национальность как смешанный башкир и татарин (75,0%). Далее следуют татары, 64,9% которых относят себя к общности жителей республики. Из числа русских на данную принадлежность указали 57,6%. Жители села чаще отмечали свою региональную принадлежность (73,0%), чем жители Уфы (57,9%) и других городов республики (62,7%).

Закономерен вопрос о ценностных основаниях функционирования гражданской идентичности, ведь одного только факта территориальной, государственной принадлежности недостаточно.

На наш взгляд, необходимо дифференцировать понятия государственной и гражданской идентичности. Критериями государственной идентичности являются осознание принадлежности к стране, лояльность к государству. Гражданская идентичность требует гражданского самосознания. Условно в структуре идентичности принято выделять три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. И гражданская идентичность должна эффективно работать на каждом из данных уровней. В России же сегодня отмечается дисфункция не только на поведенческом уровне, но и на когнитивном. Ситуации, когда индивид ощущает себя россиянином, в большей степени носят пассивный кризисный характер, возникают как осознание единства перед реальными или вымышленными угрозами и не предполагают полноценного участия в управлении гражданским обществом.

Для оценки состояния гражданской идентичности респондентам был предложен вопрос о факторах единства россиян. Лидирующие позиции при ответах заняли: общая история соседства, совместного проживания народов России (84,6%); общая территория и экономика (82,9%); русский язык как средство общения (80,6%); центральная государственная власть (65,5%); многообразие национальных культур (65,0%). Также был задан вопрос о факторах разобщенности россиян. Результаты оказались следующими: разделение общества на богатых и бедных (75,1%); оторванность власти от населения (72,5%); межнациональные конфликты в прошлом (66,1%); миграция из Средней Азии и Закавказья

зья (62,9%); частная собственность на землю и природные богатства (61,4%); различие ценностных ориентаций молодежи и старшего поколения (56,3%); миграция из других регионов России (54,4%); непохожесть традиций, характеров народов (49,7%); различия в языках общения (49,6%); религиозные различия (48,9%); многонациональность России (44,6%); существование в России национальных республик (41,5%).

Перспективы развития современного российского среднего класса

Сачук Д.И.

Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Конец XX века в России отмечен масштабными социальными трансформациями. Коренные преобразования в экономической и политической сферах жизни российского общества такие, как переход к рыночной экономике, ориентация на демократические ценности вызвали кардинальное изменение стратификационной системы российского общества. После подобной значительной трансформации, прошедшей в сжатые временные сроки, важным ориентиром развития российского общества является процесс стабилизации стратификационной системы. Общеизвестно, что гарантом стабилизации в социальной структуре современного общества выступает развитый средний класс. Однако процесс становления среднего класса в российском обществе является незавершенным. Значимым становится вопрос перспектив развития российского среднего класса в современных реалиях.

При соотнесении основных тенденций развития стратификационной системы российского общества и традиций изучения российского среднего класса были выделены факторы, препятствующие становлению российского среднего класса. Нами были выделены проблема рассогласованности изучения и отсутствия единой системы поддержки российского среднего класса, а также проблема объективной разнородности, малочисленности и несогласованности социальных групп и общностей, составляющих современный российский средний

класс. Отдельным выявленным фактором стала региональная специфика развития российского среднего класса, обуславливающая объективные трудности в равномерном развитии данной прослойки в современной России. Наконец, ключевым фактором стали основные тенденции развития стратификационной системы российского общества. Подробный анализ показал, что стратификационная система российского общества и основные этапы ее развития не располагают к развитию массового среднего класса. Основные выделенные нами тенденции – поляризация населения и ее закрепление в общей структуре российского общества. В этой ситуации нам кажется ошибочным анализировать перспективы развития среднего класса без учета основных тенденций развития стратификации всего российского общества. Проблемы развития российского среднего класса кроются не в самом среднем классе, а в российском обществе, которое на сегодняшний день находится в переходном состоянии своего развития.

Категория труда в системе ценностных ориентаций молодежи

Саяхинурова Э.И.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Россия,

Уфа

Труд занимает важное место в жизни каждого человека; это деятельность, в процессе которой затрачиваются физические и психические возможности/способности в целях удовлетворения физиологических и моральных потребностей. Трудовое поведение личности определяется взаимодействием различных внутренних и внешних побудительных сил. Внутренними побудительными силами являются потребности и интересы, желания и стремления, ценностные ориентации, идеалы, мотивы [3, с. 514–517]. Трудовая деятельность во многом определяет вторичную социализацию, базовые диспозиции личности.

Одновременно труд – важнейший фактор социальной динамики и эволюции.

Развитие рыночной экономики и основанного на ней рынка труда в рос-

сийском обществе сопровождалось трансформацией системы базовых ценностей. Самой большой эрозии подверглись традиционные для российского человека качества – честность, доброжелательность, бескорыстие. В общественной жизни произошло значительное социальное расслоение.

Сегодня российская молодежь находится в условиях, когда социальные ценности «отцов» (коллективизм, патерналистская опека государства) утратили практическое значение и не наследуются «детьми». Молодым людям приходится самим решать, что ценнее – обогащение любыми средствами или приобретение высокой квалификации, безграничная свобода межличностных отношений или семья как оплот успешного существования.

В ходе общественного развития структура ценностных ориентаций личности (иерархия ценностей) может изменяться. Если в советское время ценность интересной работы у молодежи была на первом месте, ее выбирало не менее 2/3 респондентов, то в процессе рыночных преобразований (особенно на первом этапе реформирования) наблюдается тенденция падения социальной ценности труда, которая перемещается на четвертое место (после семьи, друзей и здоровья). Возросла доля тех, кто считал, что можно заниматься любой работой, лишь бы она давала хороший заработок (20,7%) [1, с. 41]. При обсуждении в фокус-группах роли и значения труда, характере и его содержании, удовлетворенности им, доминирующими оказывались ценности-средства, указывающие на значимость сугубо материальных соображений при его оценке [2, с. 88–95].

Неблагоприятным фактором в структуре ценностных ориентаций российской молодежи стало отсутствие четкой связи между работой и деньгами. При этом заметно проявлялась гедонистическая направленность личности (у 75%). В этом процессе особое место занимает явная и скрытая пропаганда гедонизма через рекламу и реально предложение товаров. Идет потакание человеческим слабостям через лозунги «Бери от жизни все!» и т.п. За идеал выдается образ жизни «Девушка в шоколаде», а в качестве жизненного приоритета – заработать денег как можно больше, быстрее и не ограничивая себя никакими

моральными нормами в средствах достижения цели. В результате 81% молодых людей на рубеже 1990–2000-х гг. стремились к высоким доходам; при этом лишь 44% были настроены служить другим людям, общему благу, даже в ущерб своим интересам, а заботу об обездоленных считали своим нравственным долгом всего 1/3.

Также отметим, что рынок труда в условиях характеризуется значительным переливом рабочей силы из государственного сектора экономики в негосударственный, который отличается определенной степенью криминализации, не всегда хорошим социальным обеспечением: отсутствием социального пакета, сложностью совмещения работы и учебы (не отпускают на сессию, занятость полный рабочий день).

Оценивая состояние категории труда в иерархии ценностей в настоящее время, отметим, что в ходе авторского социологического опроса среди старшеклассников Республики Башкирия в апреле–мае 2014 г. было выявлено, что 40% респондентов хотят вложить в труд все свои способности и знания, независимо от оплаты, только если это работа будет им интересна; еще 21,4% признались, что для них труд – это дело, чем больше заплатят, тем больше будут делать. 20,7% хотят вложить в труд все свои способности и умения, если это приносит пользу обществу (альтруистическая ориентация). 7,1% находят труд интересным, но не дают ему мешать остальным делам; еще 4,1% готовы вложить в труд все свои способности и умения, независимо от оплаты и содержания работы. И всего лишь 0,7% ответили, что труд – неприятная обязанность, если могли бы, не работали.

Полученные данные позволяют предположить, во-первых, амбивалентность сознания молодежи, в котором одновременно «уживаются» взаимоисключающие установки. Во-вторых, труд в системе ценностных ориентаций начинает перемещаться из категории исключительно инструментальных в группу терминальных ценностей.

Литература:

1. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 37–44.
2. Скутнева С.В. Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере // Социс. 2006. № 10. С. 88–95.
3. Молодой ученый. 2012. № 4. С. 514–517. URL: <http://www.moluch.ru/archive/39/4593/>

Ценностные ориентации русского бизнеса: социальные и управленческие аспекты

Свердликова Е.А.

*Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

История русского бизнеса начиная с XV–XVI веков – это борьба самобытных основ и ценностей русского хозяйствования с западными формами и представлениями об организации труда и хозяйственной жизни. Сначала западное влияние было незначительным, а затем, начиная с середины XIX века, многие известные экономисты игнорируют тысячелетний хозяйственный опыт и рассматривают его, как неотвратимое зло на пути преобразования России. В ходе борьбы двух начал были успехи и поражения в хозяйственном развитии России.

Рассмотрим некоторые самобытные ценности хозяйственного уклада исторической России, их влияние на трудовую и предпринимательскую активность народа и созидание русской государственности. На Руси долгое время экономика понималась по-иному, нежели на Западе. Там, на Западе, экономика учила как обогащаться любыми путями, постоянно наращивая объемы и виды товаров и услуг. В русской традиции, благодаря Православию, господствовало учение о другой разновидности наук о богатстве – экономии, или том, как удовлетворить насущные потребности человека в обустройстве окружающего мира, как вести дом (хозяйство), живя достойно человеческого призвания. Экономический процесс в традиционной России был направлен не на максимиза-

цию прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности. Об этом читаем в одной из ранних русских книг по экономике и этике хозяйствования – «Домострое». Книга состоит из свода житейских правил, которые разделены на три части: «О строении духовном (как веровать)», «О строении мирском (Как царя чтить)», «О строении домовном (Как жить с женой, с детьми и домочадцами). Согласно «Домострою» успех любой деятельности обусловлен благочестием хозяина и труженика. Фактически, в «Домострое» был сформулирован идеал трудовой жизни и обоснованы пути, которыми можно достичь этого идеала. Одним из главных принципов достижения идеала является развитие в человеке способности к самоограничению. Дух «Домосторя», ценности, заложенные в нем, фактически определяли русский хозяйственный уклад всегда, на всех этапах его развития. Этот дух породил и самобытные формы хозяйственного уклада: общинные и артельные формы труда, трудовую и производственную демократию, самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации, в виде преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными.

Середину XIX – начало XX века именуют русским экономическим чудом. Он связан с необычайным ростом промышленного производства, развивались не только существующие, но и новые виды индустрии. Несмотря на то, что в это время западнический строй мыслей одержал победу в русской политической и экономической элите, мы наблюдаем синтез народных основ и передовой техники и технологии. Россия обеспечила себе небывалый экономический успех соединением преимуществ традиционной хозяйственной культуры и преимуществ, связанных с внедрением новых технологий. Символом этого чуда является Великая Сибирская железная дорога, воплотившая все предыдущие хозяйственные достижения, в частности – артельные способы организации труда, а металл, рельсы, вагоны, паровозы – результаты освоения технических нововведений того времени. Все было освоено и произведено на русских заводах руками русских заводчиков и рабочих. В это время, наряду с подъемом промышленности, Россия переживала расцвет медицины, искусства, литературы, музейного дела, открывались общедоступные больницы, детские сады,

библиотеки, ремесленные училища. И всем этим Россия обязана своим труженикам – православным предпринимателям: фабрикантам-заводчикам, купцам и мелким хозяйчикам. Третьяковы, Прохоровы, Бахрушины, Алексеевы, Нечаев-Мальцов, Смирновы, Рябушинские, Морозовы, Солдатенковы, Хлудовы, Боткины, Щукины – сколько их было по большим и малым городам России! Как это стало возможным и в чем проявился синтез традиционных и новых форм предпринимательства в России, в начале XX века?

Прежде всего, отметим, что в России, бизнес носил семейный характер. И фабрики, и торговые фирмы оставались собственностью Семьи, которая их создавала. Члены семьи руководили, и тогда, когда предприятия, перед Великой Войной 1914 года были акционированы. Юридически, по форме организации бизнеса, предприятия имели форму паевых товариществ, но паи оставались в руках одной семьи. В уставе был параграф, затрудняющий возможность продавать паи на сторону. Правление или глава Семьи и его помощники, из членов семьи, сохраняли за собой право выкупать паи тех членов, которые хотели выйти из дела. Среди факторов, определяющих господство семейных форм организации русского бизнеса, можно назвать господство в промышленности текстильных фабрик, а в торговле – предприятий, торгующих оптом хлопчатобумажной мануфактурой. Но главное – хлопчатобумажная промышленность была малодоступной иностранному и банковскому капиталу. Только в Лодзи фабрики были оборудованы за счет германского капитала. В России – иностранный капитал (английский) в текстильной промышленности контролировал только одну отрасль – ниточную! Таким образом, в составе правлений были сами хозяева, их точка зрения часто не совпадала с мнениями служащих и даже – директоров-распорядителей. На многие вопросы хозяева смотрели с точки зрения интересов дела, не отвечая ни перед кем. Эта свобода помогала им гораздо легче идти на такие мероприятия, которые были финансово невыгодны: строительство больниц, школ и детсадов, техническая модернизация производства и т.д. Если бы на предприятиях главенствовали иностранные капиталы или назначенные банками лица, их интересовали, прежде всего, акции и цены на

них.

Следующим штрихом своеобразия системы управления русской промышленностью и промыслами был тот факт, что любая хозяйственная единица обычно могла много сделать для повышения культурного статуса региона. Например, поселения, регулярно и в большом объеме получали с фабрик налоги, что давало возможность земствам расширять круг своей деятельности.

Еще одна существенная характеристика русского бизнеса – отношение предпринимателя к своему делу. И оно было другим, нежели на Западе. Хозяин смотрел на свое дело, как на миссию, возложенную Богом. Богатство, говорили, дано Богом в пользование, за которое придется держать ответ. Отсюда – необычайная развитость в купеческой среде благотворительности. Ее рассматривали, как долг, назначенный свыше! В России не было культа богатых людей, как в Западных странах. В купеческих группировках, на бирже богатство не играло большой роли. Почти все руководители организаций были не очень богатые люди. При подобных назначениях всегда интересовались происхождением богатства. Не уважали тех, кто свое благосостояние нажил на «неплатежах», хотя русские законы того времени плохо защищали кредиторов: можно было безнаказанно перевести свое имущество на чужое имя, лишив кредитора возможности наложить на него арест.

Другой, по сравнению с Западной была и оценка успешности фирмы. Хорошей фирмой считалась та, которая торговала дешевле конкурентов, но не в ущерб оплаты персоналу. Хорошей фирма считалась тогда, когда персонал знал, что их положение лучше, чем у других и стремились остаться на ней, покидая, только при желании начать собственное дело. Те фирмы, в которых была текучесть персонала называли «проходной двор».

Заключительный момент оценки ценностей организаций русского бизнеса: особенности русского семейного и наследственного права влияли на отношение к богатству. В России у детей не было презумпции неопременного наследования в «законных» долях отцовского достояния. Хозяин мог делать с ним все, что хотел! К. Солдатенков, например, завещал большие суммы церк-

вам на колокола: «Пусть звонят в мою память»!...

Таким образом, проанализировав отдельные фрагменты истории русского хозяйствования и ценностные ориентиры предпринимательской активности, можно утверждать, что Россия была всегда самобытна и самодостаточна в своей хозяйственной практике, даже и тогда, когда дули западные ветра и временно утверждались совершенно несвойственные ее природе образцы экономического развития.

Литература:

1. Барков С.А. Постмодернизм в экономике и менеджменте: исторические предпосылки и социальный контекст // Трансформация общества и проблемы управления: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М.: Новый ключ, 2012.
2. Бурышкин П.А., Лепешинский П.Н. Москва торгово-промышленная // Московский гость: Сб. / Сост. В. Пронин. М., 2009. С. 134, 152, 162.
3. Платонов О.Н. Экономика русской цивилизации. М., 2008. С. 67–72.

Семейная экономика как вид экономической деятельности

Селезнева Л.М.

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Россия, Москва

Семья – сложное социокультурное явление. Специфика и уникальность семьи в том и состоит, что она фокусирует в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходит на все уровни социальной практики: от индивидуального до общественно-исторического, от материального до духовного.

Социологическое исследование семейной экономики и факторов, обуславливающих ее развитие, представляет собой научную задачу, решение которой предполагает использование междисциплинарного подхода и анализ теоретических и исследовательских подходов, существующих в современной социо-

логии семьи и экономической социологии, а также в демографии и экономике.

Семейная экономика как вид экономической деятельности является объектом внимания, как социологов, так и экономистов.

Имущество семьи, семейная собственность выступают важнейшим элементом богатства страны в целом, а рост достатка семьи – это неперенное условие увеличения богатства общества в целом. Осуществляя накопления денежных средств, семья выступает как источник инвестиционных ресурсов страны.

Семейная экономика в основном строится на принципах домохозяйства. Домохозяйство как объект экономической социологии представляет собой вид хозяйствующего субъекта в системе рыночных отношений и имеет ряд особенностей. Основной функцией семейного домохозяйства является организация быта и жизнеобеспечение членов семьи. Изучение домохозяйства в России в последнее время становится все более актуальным и не случайно появление многочисленных исследований как теоретических, так и эмпирических на эту тему. Одной из причин такого интереса является переход России к рыночным отношениям, с одной стороны, и большое количество исследований по проблемам домохозяйства в странах со сложившейся рыночной экономикой, с другой.

Важным аспектом анализа структуры домохозяйств является изучение ее динамики. В России зафиксировано 54,6 млн частных домохозяйств. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., средний размер домохозяйства составил 2,6 человека (в 2002 г. – 2,7 человек). Информация о составе семей и домохозяйств важна при изучении тенденций и факторов поведения индивидов на рынке труда, при характеристике уровня экономической активности населения, уровня занятости, безработицы, трудовой миграции.

Общепринятой формой организации семейной экономики является *семейный бюджет*, представляющий собой формирование доходов семьи, их использование, согласование доходов и расходов семьи. С экономической позиции жизнедеятельность семьи начинается с получения доходов. В условиях становления рыночной экономики источники, за счет которых формируется се-

мейный бюджет, стали более разнообразными.

Структура доходов семьи может быть представлена следующим образом:

- заработная плата;
- доходы от личного подсобного хозяйства, личных участков (в денежной и натуральной формах);
- доходы от собственности и ценных бумаг (арендная плата, в том числе доходы от сдачи внаем жилья, от вкладов в финансовые учреждения, дивиденды от ценных бумаг и пр.);
- доходы от предпринимательской деятельности (прибыль);
- выплаты и льготы из общественных фондов потребления (на государственном, муниципальном уровне и предприятиями);
- нелегальные доходы.

Семейная экономика позволяет наладить систему в денежном хозяйстве семьи, вести учет расходов и доходов, анализировать и планировать их, рационально делать покупки, приумножать сбережения, находить им достойное применение, жить экономно, надежно.

Ведение семейной экономики предполагает управление финансовыми средствами, что включает сберегательное и кредитное поведение. Организованные сбережения граждан являются источником внутренних инвестиций в национальную экономику. Помимо экономической роли, сбережения играют и важную социальную роль: они обеспечивают «запас прочности» в ситуации кризиса. Кредитное поведение, в свою очередь, влияет на объем внутреннего спроса, что способствует активизации экономической деятельности. Таким образом, чем сложнее и разнообразнее финансовое поведение населения, чем больше его включенность в сберегательные и кредитные программы, тем больший положительный эффект это оказывает на экономическую и социальную жизнь.

Актуальность данного исследования подтверждается важностью того факта, что семейное хозяйство, как правило, основано на общей семейной соб-

ственности, построено на организации совместного производства, что без сомнения оказывает большое влияние на всю современную экономику.

Социологическая рефлексия исследователя и ее роль в написании текстов в качественных научных исследованиях

Семина М.В.

*Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Рефлексия – от *reflexio* – в буквальном смысле означает «загибание; обращение назад». В современном мире существует несколько подходов к понятию рефлексии. В *бытовом* смысле рефлексия помогает осмыслить человеком совершенные поступки и действия. В *философском* смысле под рефлексией понимают теоретическое осмысление бытия и мышления человека, критический анализ философских оснований и ценностей, выработанных человечеством. В научном смысле рефлексия помогает критиковать знания, полученные научным путем. Попытка непредвзято взглянуть на ту или иную проблему. В данном выступлении мы бы хотели остановиться на понимании *социологической рефлексии*. Что это такое, как современные социологи трактуют понятие рефлексии.

Рефлексия очень четко связана с тем стилем, который превалирует в обществе при представлении данных исследований. Ранее считалось, что существует либо литературный, либо научный стили представления данных, при этом приветствовался научный стиль. Сегодня мы живем в эпоху постмодернистского стиля писания, когда нет жесткой привязки к научному стилю. Свои собственные мысли и переживания можно оформить в том виде, в каком они рождаются.

В качественных научных исследованиях огромную роль играет позиция самого исследователя: то, *какие теории* оказали воздействие на его формирование, *какие собственные мысли были у него* перед началом, в процессе и по окончании исследования. *Какие сложности он/она преодолевали* в процессе

проведения исследования.

Современные концепции написания текстов и понятие рефлексивности.

Наиболее важные мысли о написании современных текстов отражены в работе Лорель Ричардсон «Написание» 86. Важность этой работы состоит в следующем:

1. **Лорель Ричардсон** дает нам понимание современных подходов в работе с текстами. Одним из главных ее выводов есть вывод об отсутствии неравенства в методах. В современной реальности **нет одного довлеющего метода**:

«сегодня постмодернистский контекст подвергает сомнению все методы в равной степени. Ни один из методов не имеет привилегированного статуса. И сегодня брошен вызов и превосходству науки над литературой, равно как и наоборот – превосходству литературы над наукой. Постмодернистская позиция позволяет нам знать «что-то» без претензии на то, что мы знаем все»⁸⁷.

2. Описывая эпоху постмодернизма, она выдвигает тезис о том, что в настоящий момент качественные социологи «сняты с крючка», никто не ждет от них, что они будут описывать универсальное вечное знание (или истину в последней инстанции). Наоборот, согласно ее точке зрения, социологи могут создавать **«проблемные метанарративы которые также могут быть подвергнуты сомнению, и вместе с тем, все-таки, им будет что поведать в качестве ситуативных ораторов, субъективностей, вовлеченных в знание/рассказ о мире таком, каким они себе его представляют»⁸⁸.**

3. Сегодня, когда качественный социолог пытается рассказать о том, каким он видит мир, одним из самых важных составляющих этого повествова-

⁸⁶ Richardson L. Writing // Handbook of qualitative research / Ed. by Denzin. L.: Thousand Oaks. P. 516–529.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 518.

ния является **язык**. Согласно Ричардсон, язык производит смыслы и конструирует социальную реальность», он конструирует **наше чувство самоидентификации, или нашу «субъективность»**.

Из всего вышесказанного, для качественного социолога вытекают несколько важных выводов:

1. Понимание современной социологической *рефлексивности* состоит в том, что человек пишет **с определенной позиции**, на которой он стоит.

2. Современные тенденции в написании качественных текстов освобождают социологов от каких-либо канонов написания текста: **«Выращивание наших собственных голосов освобождает нас от какой-либо цензуры, устраняет влияние так называемого «научного написания». Написание, таким образом, расценивается как метод познания»⁸⁹**.

3. В качественных исследованиях порой именно **собственные мысли и чувства социолога** могут привести его к социологическим инсайтам – находкам исследования.

4. Отсутствие канонов не означает, что не может быть каких-то принципов, согласно Гитрцу могут **быть авторские моральные убеждения** (так называемый этос (*ethos*)).

Поясним на примере. Автор в 1998 году проводил исследование по стратегиям выживания одиноких матерей. На момент проведения исследования в литературе были представлены две позиции:

– представляющее женщину как жертву патриархального строя;

– представление женщин так, как будто «их судьба только в их руках».

Автору хотелось преодолеть эту дихотомию, представив *проблемный нарратив, в который вошли откровения одиноких женщин (их исповеди), а также переживания самого автора*. Автор пытался соблюдать «поливокаль-

⁸⁹ Там же. С. 519.

ность». Если бы автор вступил на путь «объективированного анализа в терминах всеобщих понятий, применяемых ко всем одиноких матерям», то это сделало бы позицию автора очень уязвимой, а исследование малоценным.

Социальные факторы инновационного развития села

Сергиенко А.М.

*Институт экономики и организации промышленного производства СО
РАН, Россия, Барнаул*

Современные тренды в социально-экономическом развитии села, формировании основ устойчивого развития сельских территорий зависят во многом от социального потенциала инновационного развития, отношения и готовности сельского населения, представителей бизнеса и местной власти к внедрению инноваций. Современной особенностью социально-экономического развития сельских сообществ является его невысокий социальный инновационный потенциал, падение мотивации сельского населения к инновационной деятельности, низкая эффективность взаимодействия властей и бизнеса по формированию инновационного потенциала. Актуальность исследования социального потенциала инновационного развития сельского социума предопределена также усилением влияния глобального фактора нестабильности, обострением проблемы продовольственной безопасности. Для анализа социальных факторов инновационного развития села нами использованы результаты социологических исследований в одном из российских аграрных регионов – Алтайском крае (2002, 2008, 2011, 2013 гг.).

С начала 2000-х гг. наблюдался слом негативных тенденций в социально-экономическом развитии села, который набрал силу к концу прошедшего десятилетия, что создало основу для коренных позитивных преобразований за последние пять лет. Кардинальное улучшение материального положения сельских жителей в период экономического роста проявилось в массовом сокращении обездоленности, формировании значительной части (около половины) относительно бедных и постепенном расширении более обеспеченных групп, а с

начала нового десятилетия усилился тренд пополнения состава экономически благополучных групп. Облик села постепенно меняется благодаря восстановлению и развитию инфраструктурного ядра социальной сферы, поддержке сохранения сельского хозяйства и других ключевых видов сельской занятости.

Вместе с тем село характеризуется сегодня неравномерностью и противоречивостью инновационного социально-экономического развития. С одной стороны, его во многом определяют сохраняющиеся проблемы низкой оплаты труда и безработицы, оттока молодежи из села, высокий уровень неудовлетворенности состоянием и переменами в социальной сфере, особенно в жилищном и коммунальном хозяйствах, здравоохранении. Но с другой стороны, растет осознание инновационных перемен и позитивного к ним отношения.

Инновационное развитие села сельские жители связывают в первую очередь с распространением новых информационных технологий, Интернета. Инновационную природу имеют многие изменения в сфере сельского образования и здравоохранения, главным образом связанные с развитием материально-технической базы и применением новых технологий. Благодаря реализации ряда государственных программ занятости на селе появились новые возможности в создании малых форм предпринимательства. Способствовать позитивным изменениям в развитии села, по мнению сельчан, будут в первую очередь создание квалифицированных рабочих мест, решение проблем в различных отраслях социальной сферы, внедрение новых технологий в сельском хозяйстве. Несмотря на сохраняющееся среди сельского населения преобладание негативного или равнодушного отношения к происходящим на селе переменам (около 60%), в последние годы появился перевес позитивных оценок над негативными (более 40% против 35%). Кроме того, активных участников перемен стало больше пассивных противников (тех, кто «ощущает отсутствие перспективы для села»): 11% против 7%. Активными участниками перемен на селе являются, по мнению сельчан, органы местной власти и сельхозпроизводители.

Позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии села повлияли на массовый подъем социального настроения и сужение миграционных устано-

вок преимущественно среди сельских жителей среднего и старшего трудоспособного возраста. Уже к середине 2008 г. настроение сельчан значительно улучшилось, доля уверенных оптимистов увеличилась до 26%, значительно меньше стало неуверенных в будущем (около 40%). Но все же сохранился значительный массив миграционных установок, тогда около 40% сельских жителей и более 60% сельской молодежи хотели сменить место жительства. К настоящему времени миграционный потенциал сельского населения сильно «растаял»: в 2013 г. желали уехать из села в город на постоянное место жительства только 15% сельских жителей, преимущественно молодежь. Вместе с тем постепенно набрала значительный вес маятниковая трудовая миграция. Так, по словам руководителей сельсоветов, близко расположенных к крупным городам сел, «каждое утро в город на работу выезжает от трети до половины жителей, села пустеют».

Таким образом, социальный потенциал инновационного развития села сегодня активно формируется, но крайне уязвим и зависим от внешней среды. Сельчане по-прежнему ожидают большей инициативы во внедрении инноваций от государства, особенно федеральных органов.

Супружество и семейные отношения в контексте семейной системы

Сизоненко З.Л.

ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», Республика Башкортостан, Уфа

Супружество означает появление очередной первичной группы, однако семьей эта группа в подлинном смысле еще не является. Это «предсемейная стадия»: она может трансформироваться в семью, а может так и остаться отношениями супружества, которые, в отличие от семейных, менее устойчивы в пространстве и времени. Отношения супружества следует отличать от семейных отношений. Супружеский союз может быть вовлечен в семейный образ

жизни – с общим домохозяйством, бюджетом и определенными принципами распределения благ и ресурсов внутри домохозяйства.

Отношения супружества устанавливаются между индивидами как исполнителями супружеских ролей. Следует отметить, что в современном обществе супружеские роли трансформируются в гендерно неопределенные, допускающие связи, например, между представителями одного пола. Супружеские отношения детерминируются внешними и внутренними силами: внешние – участвуют в укреплении отношений, если выбор участников супружеского союза сделан в соответствии с требованиями семейной системы: с соблюдением законов государства, традиций определенного этноса, потребностями и интересами ближайшего окружения и т.д. Внутренние силы являют собой феномены особой природы, поэтому описание их в терминах социологического дискурса довольно затруднительно. Речь идет о чувствах, которые могут испытывать супруги по отношению друг к другу: любовь, страсть, сексуальное влечение и т.д. Если социальная система задает в качестве норматива конформное поведение, то внутренние силы супружеского союза определяются наличием адаптивных, конформных характеристик его участников.

Супружеский союз может разрушиться естественным образом в случае физического ухода одного из супругов, либо под воздействием внешних и внутренних сил, не сдерживающих угрозу его распада. Это может произойти по психологическим причинам: угасание чувств, взаимная или односторонняя потеря интереса или переключение внимания на другого – потенциального брачного партнера. В терминах обыденного сознания это считается супружеской изменой (адюльтером). В этом плане супружеский союз, как правило, извне охраняется нормами общественного порядка, системой социального контроля: адюльтер традиционно осуждается, но санкции за данное нарушение дифференцированы в зависимости от пола, возраста, статусной позиции и самой модели брака. В большинстве обществ принято относительно лояльное отношение к измене со стороны мужчины, тем более состоятельного, наделенного властью и привилегиями (например, фаворитизм при монарших дворах). В полигамных

союзах, в отличие от моногамных, предполагаются более жесткие санкции за неверность, очевидно, поскольку круг сексуальных партнеров изначально предполагает некоторую «вариативность».

Все названные атрибуты семейной жизни (домохозяйство, брак) не гарантируют наличие семейных отношений, что, в свою очередь, и является собой семью в истинном ее смысле и проявлении. Это отношения, обуславливающие выполнение внешней и внутренней функции семейной системы. Как уже отмечалось, внешняя задана обществом как социальной системой, внутренняя – ориентирована прежде всего на личность или индивида (в данном контексте это не принципиально). В любом направлении речь идет о функциях удовлетворения потребностей, с одной стороны, социума, с другой – индивида, причем как в физическом, материальном, так и социокультурном плане. Наличие домохозяйства и легитимного признания сожителства позволяют удовлетворять первичные индивидуальные потребности в пище, жилище, безопасности, сексуальных контактах, в итоге – поддерживать жизнеспособность человеческих организмов и физически воспроизводиться, но не обеспечивают социокультурной преемственности поколений, позитивного развития социума, совершенствования социальной структуры. Последнее возможно лишь при формировании семейных отношений, обусловленных взаимным стремлением членов семьи к максимальному удовлетворению потребностей каждого. Целостность и жизнеспособность семейной системы обеспечиваются при наличии у ее элементов (членов семьи) материальных ресурсов, а также знаний, умений и навыков их добывания, содержания и приумножения, направленных на удовлетворение потребностей членов семьи, что, в свою очередь, тесно связано с социокультурной подсистемой семьи, включающей семейные отношения, детерминирующие их ценности, нормы и правила. Внешние и внутренние цели-функции семейной системы тесно взаимосвязаны: без жизнеобеспечения членов семейной системы невозможно воспроизводство системы более высокого порядка – социума и его структур.

Кризисное вмешательство и переживание острого горя

Сиротина Т.В.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

Смерть является заключительной стадией развития. В тоже время в современном обществе смерть является табуированной темой для многих людей. Л.Э. Хофф отмечает, что смерть не является кризисом сама по себе, но становится таковой для умирающего человека и его/ее близких вследствие широко распространенного отрицания смерти как конечной стадии развития [1].

Неспособность, отрицание принятия смерти является критическим моментом для всей кризисной работы, так как смерть является прототипом всех кризисных ситуаций. Большое число кризисов берет свое начало в смерти близкого человека. В то же время все кризисы несут в себе «смерть в миниатюре», так как опыт потери (имущества, статуса, здоровья и др.) является основным в кризисных переживаниях. Успешное преодоление кризиса, таким образом, напрямую связано с процессом принятия потери.

Помощь другим в процессе переживания потери, связанной со смертью, во многом зависит от того, насколько специалистам комфортно честно говорить на темы, связанные со смертью. Честное отношение специалистов к конечности своей собственной жизни является наиболее значимым помощником в поддержке умирающего человека и его/ее близких [2].

Кризисное вмешательство для человека, узнавшего о своем диагнозе неизлечимой болезни, должно начинаться с возможности выразить и понять свои чувства. Следующим важным моментом процесса помощи является понимание того, с чем придется столкнуться неизлечимо больному человеку. Э. Кюблер-Росс описала пять стадий умирания: отрицание и изоляция, злость, торг, депрессия, смирение и принятие [2]. Необязательно, что каждый неизлечимо больной переживает все эти стадии, данным стадиям так же не свойственен четкий фиксированный порядок наступления.

Понимание своих чувств специалистами, осведомленность о чувствах умирающего человека – основа ухода на протяжении кризиса безнадежной бо-

лезни и смерти. Данное понимание не менее важно в процессе кризисного вмешательства с семьей умирающего/умершего человека. Так как умирание в одиночестве – один из главных страхов умирающего человека, общение с близкими людьми, участие семьи очень важно. Члены семьи, близкие люди не должны быть исключены из финальной стадии жизни и не могут быть заменены медицинскими процедурами. Члены семьи, помогающие своим присутствием, с большей вероятностью обретут большее принятие по отношению к своей будущей смерти [1–3].

Э. Линдемманн подчеркивал, что продолжительность реакции горя определяется тем, насколько успешно индивид осуществляет работу горя, а именно выходит из состояния крайней зависимости от умершего, вновь приспосабливается к жизни без близкого человека и формирует новые отношения. Одно из самых больших препятствий, по мнению многих исследователей и практиков, в работе горя состоит в том, что многие люди пытаются избежать сильного страдания, связанного с переживанием горя, и уклониться от выражения эмоций. Однако принятие необходимости переживания горя открывает возможности для принятия и смирения с болью тяжелой утраты [4].

Работа с горем требует времени. Горе не является набором симптомов, требующих излечения, напротив, это процесс страдания, переживаемого человеком на пути к другой жизни без утраченного человека. Переживание тяжелой утраты включает в себя оцепенение и соматический дистресс (потребность оплакивать, потерю мышечной силы), томление, поиск, злость, депрессию, и, в конце концов, поворот к исцелению [4].

Современная теория и практика кризисного вмешательства в условиях паллиативного ухода основана на признании права умирающего человека достойно встретить свою смерть в настолько естественных условиях, насколько это возможно, и прав членов ближайшего окружения быть рядом с дорогим человеком в этот период. Честное отношение к смерти, ее принятие является мощнейшим фактором профилактики дальнейших кризисных ситуаций у членов ближайшего окружения умирающего человека. Э. Кюблер-Росс отмечала,

что возможность быть рядом с умирающим, заботиться о нем/ней, вместе разделять тревоги, честно говорить о смерти дает всем чувство, что они не одиноки в своей горе. Это чувство приносит утешение разделенной ответственности и общей скорби как умирающему, так и его/ее близким, постепенно готовит к неминуемому, помогает воспринимать смерть как часть жизни. Такой опыт обычно способствует успешному преодолению стрессовых событий, связанных со смертью и умиранием, дальнейшему взрослению и развитию каждого, вовлеченного в этот процесс.

Литература:

1. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. К., 2001.
2. Hoff L.A. People in crisis people in crisis: understanding and helping. San Francisco, 1995.
3. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. СПб., 2002.
4. Линдемманн Э. Клиника острого горя // Линдемманн Э. Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984.

Трансформация украинского общества. Ожидания и реальности

Смакота В.В.

Институт социологии Национальной академии наук Украины

Украина, Киев

Наиболее показательным итогом более чем двадцатилетнего реформирования украинского общества, одной из задач которого провозглашалась оптимизация экономических процессов и преобразование системы в эффективную по примеру высокоразвитых западных экономик, стала экспертная оценка способности последнего к продвижению в направлении нового этапа развития – инновационной экономики. В условиях «достаточной», по утверждению 60% экспертов, обеспеченности человеческими ресурсами, инновационный сцена-

рий развития украинской экономики в ближайшие 10–15 лет считали наиболее вероятным лишь 12% из них⁹⁰. Способность страны к инновациям в международном рейтинге [Capacity for innovation, The global competitiveness report, 2014: p. 376–377] – на 100-м месте из 148 (3,2 балла из 7 возможных). Процесс изменения сложившегося экономического уклада в Украине оказался практически неосуществим по ряду причин социального, экономического, политического и культурного характера. При этом социокультурному потенциалу экспертами нашего исследования был приписан один из самых высоких индексов в инновационном развитии экономики. Наиболее весомым по негативному влиянию фактором (наряду с существующей семейно-клановой системой и высоким уровнем коррупции в стране) была названа социально-экономическая дифференциация населения.

Неприятие высокой степени социальной поляризации и расслоения, а также их последствий (ограниченность к доступу основных социальных благ и возможностей для человеческого развития, отсутствие помощи для социально незащищенных слоев общества и т.п.) фиксируется и в массовых исследованиях, проводимых Институтом социологии Национальной академии наук Украины. В том, что Украине удалось за время независимости стать социальным государством, были более или менее уверены 8% опрошенных в 2013 г.; противоположной точки зрения придерживались почти две трети респондентов (61%). Количество недовольных своим положением в обществе составляет примерно половину и более опрошенных на протяжении всего периода исследований (начиная с 1992 г.); в 2013 г. их количество – больше половины (51%).

Причину устойчивости подобного общественного мнения необходимо искать не в проблемах функционирования государственного механизма, а намного глубже – в основных принципах построения общества, которое украинские граждане в большинстве своем не считают справедливым. В монито-

⁹⁰ Экспертный опрос проводился отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины в 2013 г. В опросе принимали участие ученые, специалисты академических институтов, занимающиеся теорией и практикой инновационных процессов.

ринговом исследовании 2013 г. в целом несправедливым нынешнее украинское общество назвали большинство опрошенных – 73%⁹¹, и это вполне адекватная оценка сложившихся социальных условий, если учесть, что более трети граждан данного общества (от 36 до 46%) в определении своего материального положения на протяжении более десяти лет признают себя бедными⁹². При этом в последнем мониторинге 2014 г. отсутствие значительного социального расслоения общества на богатых и бедных, высшие и низшие слои населения является важным для 74% населения, а создание в обществе равных возможностей для всех важным считают 83% опрошенных.

Вместе с тем, исходя из данных многолетних социологических мониторингов, с полным основанием можно сказать о специфических культурных особенностях восприятия (точнее – неприятия) украинским обществом основных компонентов капиталистического устройства. По сей день такие ценности рыночной экономики как частная собственность, обогащение, индивидуализм, стремление к личному успеху не воспринимаются практически половиной населения (48% опрошенных придерживались такой позиции по данным мониторинга 2013 г.; из них 17% однозначно не воспринимали названные ценности, 31% – скорее не воспринимали, четверть опрошенных (26%) не смогли определиться). Только каждый четвертый воспринимает новую систему ценностей как свою (в т.ч. 23% – скорее воспринимают, и лишь 3% – однозначно воспринимают).

Дополнительным фактором, говорящим о негативном эффекте внедрения новой системы ценностей, является стабильное количество опрошенных, испытывающих трудности в приспособлении к новым условиям жизни. Трети населения к 2014 г. не хватает умения жить в новых социальных условиях (треть за-

⁹¹ На вопрос «Можно или нельзя назвать современное общество, в котором Вы живете, справедливым?» по пятибалльной шкале 1 балл (совсем несправедливое) был выбран 37% респондентов, 2 балла – 36%, среднее значение составляло 1,9 балла.

⁹² При оценке своего материального положения по 5-балльной шкале (нищие-бедные-средние-состоятельные-богатые) в периоде с 2002 по 2014 гг.

труднились с ответом), и данные результаты стабильны на протяжении десяти лет исследований. На протяжении всего периода проведения опросов (начиная с 1996 г.) количество тех, кто признает себя неприспособленным к новым социальным условиям, было больше количества «приспособившихся»; от четверти до трети респондентов стабильно не могли дать четкого ответа на данный вопрос.

Что касается экономических преобразований (в частности, приватизации), то отношение к ним, будучи изначально позитивным, изменяется на противоположное. В наибольшей степени, начиная с 1992 по 2014 гг., возросло негативное отношение к приватизации земли (с 14 до 53%); при этом позитивное отношение сократилось с 64 до 22%. Доля сомневающихся при этом осталась такой же (22 и 25% опрошенных соответственно).

К приватизации крупных предприятий скорее негативно относились в 1992 г. 32% опрошенных (к 2014 г. – 54%), скорее позитивно – 25% (к 2014 г. – 20%). Доля сомневающихся при этом снизилась с 42% до 25%. К передаче в частную собственность малых предприятий отношение украинского общества более стабильное и позитивное – если в 1992 г. 56% «скорее за» (в 2014 г. – 43%), то «скорее против» 14 и 26% соответственно. Примерно треть стабильно затруднялись с ответом (30% в 2014 г. и 29% в 1992 г.). Таким образом, в украинском обществе наблюдается рост негативного восприятия как рыночного устройства экономики, так и капиталистических ценностей – двух основных компонентов, необходимых для преобразования общества по типу европейских. Результатом подобного неприятия становится неизменно высокий индекс неуверенности в будущем (как своем личном, так и в масштабах государства), возрастающий социальный негативизм и отторжение общественным мнением любых социальных преобразований.

Литература:

1. The global competitiveness report 2013–2014. Full data edition. World Economic Forum. URL: www.weforum.org/gcr

Проблема баланса экономической и социальной эффективности занятости в Белоруссии

Соколова Г.Н.

ГНУ «Институт социологии НАН Белоруссии», Белоруссия, Минск

В белорусской экономике к факторам, снижающим экономическую эффективность, относятся: наличие избыточной численности персонала на предприятиях, что сопровождается снижением производительности труда; сохранение дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы по профессионально-квалификационному составу; поддержание конкурентоспособности лиц, особо нуждающихся в социальной защите. Но эти же факторы прямо или косвенно, в кратко- и среднесрочной перспективе способствуют повышению социальной эффективности занятости, что выявлено по результатам республиканского социологического мониторинга (2012, 2013 гг.). По сути, мы имеем конфликт между необходимостью достичь экономической эффективности занятости и не допустить при этом снижения ее социальной эффективности. Поэтому возникает необходимость поиска таких способов приведения рынка труда в равновесное состояние, которые позволили бы соблюсти баланс между экономической и социальной эффективностью занятости.

Трудности в анализе проблемы состоят в том, что эти виды занятости определяются в принципиально разных сферах. Экономически эффективная занятость определяется на макроуровне средствами статистического анализа. Социально эффективная занятость определяется на микроуровне средствами социологического анализа. Поиск общего поля предлагается осуществлять в контексте совокупного рынка труда. При этом, совокупный рынок труда мы рассматриваем как поле стимулов, связанных с уровнем оплаты труда, содержанием работ, качеством социальной инфраструктуры и др. Возможности поля ограничиваются, с одной стороны, степенью насыщенности и полезности предлагаемых стимулов, с другой – установками и ценностными ориентациями разных социально-демографических групп занятого населения.

В соответствии с личностными интересами и приоритетами работники

воспринимают сигналы стимуляционного поля, вызванные ростом экономической эффективности занятости, и переводят их в мотивы повышения производительности труда, конкурентоспособности, стремления к непрерывному профессиональному обучению и др. Именно так действуют стимуляционно-мотивационные механизмы включения занятого населения в процессы модернизации экономики и формирования социальной эффективности занятости на основе общего повышения ее экономической эффективности. Отметим, что сейчас социальная эффективность занятости повышается, в основном, за счет патерналистской политики государства, в ущерб экономической эффективности занятости.

Постановка и решение вопросов, в рамках концепции взаимосвязи экономически и социально эффективной занятости, следующие. В какой мере экономическая эффективность занятости формирует стимуляционное поле для повышения социальной эффективности занятости? В какой мере социальная эффективность содействия занятости, рассматриваемая как результат патерналистской политики государства, способствует снижению экономической эффективности занятости? Ответы на эти вопросы требуют комплексного анализа взаимовлияния показателей, отраженных в государственной статистике, и социологических данных, полученных посредством проведения республиканского социологического мониторинга состояния занятости на рынке труда.

Основные векторы структурных изменений экономики обусловлены переходом к новым технологическим укладам, изменением соотношения в сферах рыночных и нерыночных услуг, диверсификацией различных форм хозяйствования. Ведущие экономисты России и Белоруссии выделяют два вида реструктуризации экономики: защитную, связанную с селекцией нерентабельных предприятий, и программную, связанную с системной реструктуризацией с помощью банкротства и ликвидацией нерентабельных производств. Соответственно, механизмы адаптации рынка труда к структурным изменениям многообразны и включают: количественную, ценовую, качественную и институциональную типы подстройки. Количественная подстройка означает изменение

объемов используемых трудовых ресурсов, которые могут быть измерены через численность работников или ресурсы рабочего времени. Качественная подстройка отражает функциональную и профессиональную мобильность рабочей силы, т.е. реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения экономики. Ценовая подстройка предполагает дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов экономической деятельности). Это обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обуславливает изменение ее структуры. Институциональная подстройка предполагает оптимизацию сравнительных издержек, которые сопровождаются названными механизмами адаптации. Элементами институциональной подстройки рынка труда являются: ставка минимальной заработной платы; индексация заработной платы; БПМ, МПБ и др. Использование механизмов подстройки рынка труда зависит от выбранной формы реструктуризации экономики.

Таким образом, достижение баланса экономической и социальной эффективности занятости является вопросом эффективности перехода экономических стимулов в социальные мотивы субъектов деятельности, выявленного средствами статистического и социологического анализа в поле совокупного рынка труда.

Пенсионная политика государства – условие социальной и экономической стабильности общества

Соловьев А.К.

Пенсионный фонд Российской Федерации, Россия, Москва

Решение проблемы материального (пенсионного) обеспечения граждан, утративших трудоспособность по старости, инвалидности, потере кормильца, является одной из важнейших целей пенсионной политики государства.

Для ее реализации каждое цивилизованное государство создает систему экономических механизмов, правовых и социальных институтов, организационных структур на всех (макро-, мезо- и микро-) уровнях государственного

управления. При этом сама пенсионная система общегосударственного масштаба должна учитывать интересы всех сторон – ее участниц (нынешних и будущих пенсионеров, страхователей и страховщиков).

Для этого пенсионная система должна решать как минимум следующие принципиально важные задачи:

- адекватно учитывать пенсионные права, заработанные ее участниками, и преобразовывать их в пенсионные выплаты, сохраняя при этом эквивалентность прав и обязательств;
- гарантировать материальное обеспечение пенсионеров на уровне не ниже минимального;
- оптимальным образом сочетать в пенсионной системе страховые и перераспределительные механизмы с тем, чтобы у застрахованных лиц всегда сохранялись стимулы к зарабатыванию пенсии, а не к нахлебничеству, которое возникает в тех случаях, когда объемы солидарного перераспределения средств от высоко- к низкооплачиваемым работникам превышают разумные пределы.

Таким образом, все функциональные звенья и экономические механизмы пенсионной системы должны быть направлены на достижение одной цели – адекватного материального обеспечения пенсионеров, в то время как интересы других участников данной системы имеют вторичный характер, и для их достижения государство создает иные экономические и правовые институты: для «прибыли» работодателей – налоговые режимы, для государственного страховщика – бюджетную систему и межбюджетные механизмы, для частных фондов – преференции на фондовом рынке и т.п. При этом должна обеспечиваться финансовая сбалансированность бюджета пенсионной системы в любых макроэкономических и демографических условиях.

В свою очередь пенсионная система как экономический и правовой институт находится в непосредственной зависимости от «внешних» по отношению к ней факторов, которые определяют условия выполнения стоящих перед

ней функций – это демографические, макроэкономические и социально-трудовые факторы.

Для российской пенсионной системы на протяжении всего периода ее существования в постсоветский период характерны проблемы, обусловленные влиянием не столько внутреннего неоптимального устройства системы, сколько внешних по отношению к ней факторов.

В частности, макроэкономические, социально-трудовые и демографические факторы являются причиной таких проблем пенсионной системы, как:

- долгосрочная финансовая несбалансированность, которая покрывается за счет постоянно увеличивающихся объемов трансфертов федерального бюджета;
- низкий уровень пенсионного обеспечения, как в абсолютном, так и в относительном выражении (по отношению к прожиточному минимуму пенсионера и к заработной плате работающего населения);
- неравенство условий формирования пенсионных прав (в частности, наемных работников и самозанятого населения; различных категорий наемных работников и т.д.);
- потеря пенсионных прав, в первую очередь, вследствие их «недоиндексации» и неадекватного учета (или неучета) страховых взносов, в частности, по солидарной части тарифа, и т.п.

В то же время, такие проблемы как уравнительность пенсий, отсутствие стимулов для активного и долговременного участия работников в формировании своих пенсионных прав, обусловлены «внутренними» факторами, к которым следует отнести неэффективность страхового механизма формирования пенсионных прав и критериев допустимого объема их солидарного перераспределения.

Пенсионная реформа-2015 проходит в России в соответствии со Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы (утверждена Правительством РФ в 2012 г.), которая существенно скорректировала все предшествующие

щие программные документы и нормативные акты по вопросам пенсионного обеспечения. При этом была сохранена приверженность курсу перехода пенсионной системы на страховые принципы.

Одним из целевых ориентиров пенсионной реформы на ее новом этапе является достижение достойного – социально-приемлемого – уровня жизни пенсионеров (гарантий прожиточного минимума и коэффициента замещения).

Главными индикаторами достижения этой цели установлены:

- доведение среднего размера трудовой пенсии по старости до 2 ПМП в 2020 г., и 2,5 ПМП в 2030 г. (против 1,7 ПМП в 2013г.);
- обеспечение общепринятых МОТ и ОЭСР уровней замещения трудовой пенсией утраченного заработка, т.е. 40%-го коэффициента замещения в период 2018–2020 гг.

Указанные мероприятия позволят обеспечить достойное материальное обеспечение пенсионеров на уровне общепринятых мировых стандартов, что, безусловно, должно стать одним из условий экономической и социальной стабильности государства и общества.

Основные факторы возникновения и развития протестных движений в современном мире

Соломатина Е.Н.

Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Доклад посвящен актуальной научной проблеме исследования современных протестных движений в рамках социологии, анализу основных теоретических подходов в изучении данной проблемы. Сущность протестных движений, изучение основных факторов возникновения и развития современных протестных движений, особенностей динамики и характера проявления в различных типах обществ, представляет несомненный научный интерес, а социологический анализ причин возникновения протестных движений в современном

российском обществе обуславливает научно-практическую значимость принятого исследования.

Теоретико-методологические аспекты исследования протестных движений раскрываются в рамках концепции коллективного поведения (Т. Гарр, Н. Смелзер), концепции рационального выбора (Б. Кландерманс), теории коллективного действия (мобилизации ресурсов) (Ч. Тилли, С. Тэрроу, Д. МакАдама), концепции «новых социальных движений» (Ю. Хабермас, А. Мелуччи, М. Кастальс).

Рассматривая природу протестного поведения, Н. Смелзер придавал значение анализу определенных социальных условий и поведения представителей власти. Социальный протест осуществляется с целью изменения социальной среды и включает общие (для коллективного поведения) элементы, которые объясняют его природу: массовые социально-политические волнения как основное благоприятствующее условие; разрушение доверия, враждебность в отношениях между определенными социальными субъектами и представителями власти; распространение в определенных социальных кругах убежденности во враждебном, предубежденном отношении властей к данному социальному субъекту; различные активизирующие факторы, ситуативные катализаторы (прецеденты) массовых выступлений; мобилизация к действию – процесс «собираания» социального субъекта («толпы»); неадекватный социальный контроль как реакция представителей властей, провоцирующая стихийное массовое поведение [1, с. 768–769].

В рамках конфликтологического подхода (К. Маркс, Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг, Р. Коллинз), протестные движения связаны с открытым столкновением социальных групп, реализующих противоположные интересы (политические, экономические). Развитию протестных движений способствует само несовершенство общественных отношений: социальная неоднородность общества, различия в уровнях доходов, власти, социальном престиже, доступе к образованию, религиозные и культурные различия. Анализируя объективные социальные противоречия, многие исследователи увязывают их с проблемой

неравенства возможностей людей в разных сферах жизни, поэтому притязания отдельных людей и групп считаются мощным источником конфликтов и протестов.

В современных обществах усиливается роль социокультурных факторов развития, которые вступают в противоречие с существующими традиционными ценностями, усиливают социальное неравенство, негативно влияют на структуру социального взаимодействия. С одной стороны, эти факторы направлены на внедрение и укрепление новой идеологии развития, связанной с западноевропейскими ценностями жизни, с другой, эти факторы связаны как с индивидуальной, так и национальной идеей развития. Усиление противоречия между этими процессами обуславливает неустойчивость и быструю смену общественных настроений, определяет направленность творческой деятельности и положение искусства и культуры в обществе. Действительно, согласно социологической концепции А. Турена, социальные субъекты постоянно борются за право овладеть историчностью, которое трактуется как «способность общества конструировать себя, исходя из культурных моделей и используя конфликты и общественные движения» [2, с. 9]. При этом историчность трактуется не как совокупность культурных ценностей, накопленных за определенное историческое время и интегрированных в структуры общества, а как совокупность инструментов, с помощью которых произошла эта интеграция, своего рода инструмент формирования различных общественных практик, востребованных в то или иное историческое время.

Литература:

1. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Одной из наиболее заметных демографических тенденций нашего времени является старение населения. Согласно самым пессимистическим прогнозам, в случае сохранения установившейся тенденции, к концу века доля жителей планеты старше 60 лет перевалит за треть [3]. Смещение демографического равновесия в сторону пожилой части населения порождает множество экономических и социальных проблем: от возрастания демографической нагрузки, до обострения межпоколенных конфликтов. Тенденция глобального старения не обошла стороной и нашу страну. К 2025 г. в России доля населения старше 65 лет составит около 18%, причем каждый шестой пенсионер потребует долгосрочного обслуживания. Это повлечет за собой значительные финансовые затраты, которые составят 4% валового внутреннего продукта, что сравнимо с расходами на национальную оборону, и потребует отвлечения дополнительных людей для ухода за престарелыми [2, с. 77].

Трудно не согласиться с тем, что сегодня российское общество не готово «встретить свою старость». Реализуемые в нашей стране стратегии противодействия последствиям постарения населения носят экстенсивный характер и направлены, преимущественно, на стимулирование притока молодой рабочей силы из-за рубежа. При этом возрастающая группа пожилых граждан не рассматривается как перспективный ресурс преодоления злободневных социальных проблем. Это, в частности, следует из Концепции демографического развития РФ до 2025 года. Между тем, современные условия диктуют необходимость поиска путей интеграции пожилых людей в общество, использования трудового, культурного и др. потенциала данной возрастной группы. Статистические данные свидетельствуют об установлении в Российской Федерации тенденций повышения экономической активности пожилых, улучшения состояния их здоровья, повышения уровня образования. По крайней мере, треть россиян старшего возраста (каждый двенадцатый житель страны) демонстрируют высокий уровень социальной активности, хорошее состояние физического и психиче-

ского здоровья. В условиях социальных трансформаций, связанных с демографическим старением общества, эта категория граждан представляется одной из целевых аудиторий, на которую должны быть направлены усилия государства по активизации задействованных ресурсов экономического и социального развития.

К сожалению, в нашей стране пока еще не сформирована «внятная политика» в отношении пожилых людей. Например, категоричные выводы ученых (экономистов, геронтологов, социологов и др.) о необходимости повышения пенсионного возраста россиян расходятся с фактической, зачастую популистской, политикой правительства. Старшему поколению по-прежнему отводятся второстепенные социальные роли. Актуальными являются проблемы дискриминации пожилых людей. Социальные институты российского общества взаимодействуют с геронтами, преимущественно, как с субъектами социальной защиты, тем самым, поддерживая бытующие в обществе стереотипы образа пожилого человека как иждивенца, неспособного приносить пользу обществу, формируя у самих представителей старшего поколения установки на пассивное и зависимое существование.

И, тем не менее, некоторые основания для оптимистического взгляда в наше смутное демографическое будущее все же имеются. В августе 2014 года президент РФ В.В. Путин отметил необходимость новой, адекватной современным требованиям политики в отношении людей старшего возраста, которая должна быть ориентирована на создание условий, обеспечивающих как активное долголетие, так и эффективную поддержку нуждающимся. Глава государства подчеркнул, что для реализации новой политики потребуются кардинальные изменения в работе не систем соцзащиты и здравоохранения и образования [1, с. 1].

Итак, современный мир стареет, этот процесс необратим. Значительное возрастание доли пожилых людей в обществе приводит к тому, что проблема места пожилого человека в современном социуме выходит за рамки этики и морали. Стабильное и устойчивое развитие общества уже в ближайшем буду-

щем будет определяться степенью интеграции пожилых людей в экономическую, политическую, культурную, образовательную и другие сферы жизни и деятельности. Это обстоятельство требует от общества повышения внимания к проблемам старшего поколения, создания условий для реализации профессионального, политического, творческого и др. потенциала пожилых граждан.

Литература:

1. Латухина К. Люди «Третьего возраста» // Российская газета (столичный выпуск). 2014. № 6447. С. 1.
2. Раменский С.Е. Вопросы использования квалифицированного труда пенсионеров на предприятиях // Раменский С.Е., Раменская Г.П., Раменская В.С. Третий возраст: старшее поколение в современной информационной среде: Материалы Всерос. междисциплинар. науч. конф. Москва, 30 января 2008 г. / Отв. ред. Л. М. Качалова. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 77–82.
3. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing. URL: <http://www.nature.com/nature/journal>

Социологический анализ отношения студенческой молодежи к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Стегний В.Н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

В связи с той социально-политической ситуацией, которая сложилась в Европе и в нашей стране, весьма интересным сегодня представляется социологический эмпирический замер состояния исторического сознания, т.е. отношения к истории нашей страны у современной студенческой молодежи. С этой целью было выбрано одно из ключевых исторических событий в жизни нашей страны в XX веке – Великая Отечественная война 1941–1945 годов (исследование проводилось автором в 2013 г. среди студентов 2 и 3 курсов Пермского национального исследовательского политехнического университета, опрошено

832 человека).

Взяв за основу исследования эмпирическими методами исторического сознания студентов, выявление того, как они трактуют содержание и характер Великой Отечественной войны, фиксируем в анализе:

- 1) осведомленность студентов о Великой Отечественной войне, которая характеризуется объемом информации;
- 2) избирательность студентов к событиям Великой Отечественной войны, которая характеризуется конкретным содержанием, направленностью информации о ней;
- 3) степень влияния информированности студентов о Великой Отечественной войне на их поведение, ценности, образ жизни, самосознание, мировоззрение.

В связи с этим возникает вопрос, связанный с тем, откуда студенты черпают информацию о Великой Отечественной войне? Социологический опрос позволил выявить следующий ранжированный ряд каналов получения данной информации:

- из школьного курса истории – 1 место;
- из художественных фильмов – 2 место;
- от родных и близких – 3 место;
- из СМИ – 4 место;
- из интернета – 5 место;
- из рассказов участников войны – 6 место;
- из специальной литературы о войне – 7 место;
- от своих друзей и знакомых – 8 место;
- из других источников – 9 место.

Студенты получают информацию не из одного источника, а из целой системы. Следовательно, у них фиксируется системный подход к анализу этого исторического события. Фактически больше чем половина опрошенных студентов получают данную информацию из школьного курса истории, художественных фильмов, от родных и близких, из СМИ, рассказов участников войны. Другие каналы получения данной информации также играют конкретную роль

в этом процессе, но значительно меньше.

Исходя из каналов информации, по которым студенты получают ее, им был задан ряд вопросов, связанных с исторической памятью, о том, что они знают о содержании войны. С этой целью им были заданы вопросы о сроках войны, основных битвах, героях, полководцах, руководителях страны того времени. От 60 до 90% опрошенных студентов правильно разобрались в данных вопросах, знают конкретные исторические события, факты.

В этой связи важно то, как молодежь понимает причины победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Причин победы студенты выделили множество и первая из них (более 84% ответов) – массовый героизм народа в целом, около 2/3 отметили мощь нашей армии, героизм солдат и офицеров, умелые действия полководцев, силу воли и мощь русского народа, а также тот мотив, что защищали свою Родину, своих родных и близких. Практически каждый второй (47%) указал в качестве причины победы на единство фронта и тыла, каждый пятый (около 20%) отметил дружбу народов нашей страны, а также роль антигитлеровской коалиции. Каждый десятый опрошенный студент указал на значение такого фактора, как роль промышленности и сельского хозяйства в победе над фашизмом.

В качестве итогового анализа студентам был предложен вопрос о том, какие чувства у них вызывает победа в Великой Отечественной войне. Ответ получился весьма интересным. Конечно, следует отметить, что молодежь такое событие связывает ни с одним каким-то чувством, а с целой их гаммой. Среди них от 70 до 80% отметили благодарность ветеранам войны, отстаившим нашу свободу и независимость, гордость за русский народ и народы нашей страны, горечь утраты миллионов наших людей, гордость за победу над гитлеровской Германией. От 30 до 40% респондентов посочувствовали об ущербе, нанесенном нашей стране, и выразили ненависть к любой войне. 26% указали на ненависть к фашистской идеологии. Каждый десятый студент выразил гордость за советскую социалистическую Родину, 4% указали на ненависть к немцам и т.д.

Эмпирический анализ позволил выделить среди студентов две группы с

разным содержанием и уровнем исторического сознания. Первая группа (70–80%) – те, кто объективно, правильно понимают значение победы в Великой Отечественной войне; во вторую группу (20–30%) вошли те, кто точно не знают основных событий Великой Отечественной войны.

В целом следует отметить, что, несмотря на противоречивость сегодняшнего исторического образования, студенты показали достаточно высокий уровень исторического сознания.

Совершенствование стратегии развития рабочей команды в условиях новой социальной перспективы

Стрельникова Т.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Санкт-Петербург

В современных социально-экономических и социально-политических условиях, которые представляют собой изменение, возрастает потребность в интернационализации. В обществе властвует экономика, фундаментальные конфликты возникают в сфере труда. В связи с этой тенденцией, еще большую актуальность приобретает исследование развития такой формы организации труда и совместного взаимодействия как рабочая команда, исследование команды как самоорганизующейся социальной системы, в ее единстве и разделенности – как формы и уровня социального участия в управлении. Системы, в которой все элементы функционируют и находятся в постоянном движении и взаимодействии для достижения единой цели имеют перспективу стать успешными. Возникает необходимость в равенстве всех элементов, что должно пронизывать все уровни управления, а особенно привлечение низового уровня к управлению. Идет речь о формировании рабочих команд – производственных команд.

Команда как социальное явление изучалось специалистами самых разных профилей, в истории фиксируется целый междисциплинарный коллектив. На пути реализации всех свойств данной формы встречалось

негативное воздействие различных компонент социального мира и, как следствие появление неудачных примеров работы команд. В поисках решения данного вопроса появлялись различные методики развития команды. В том числе в социологическом эмпирическом исследовании проведенном лично автором в производственной компании «Любимый край», где была проведена реорганизация на производстве, руководство перешло на командное управление, выявлены проблемы внедрения рабочих команд, где основная проблема – проблема коммуникативного характера, недопонимание, «некомандный» образ мышления, негативные стереотипы, недостаточный уровень образования в сфере управления.

Проблема заключается в необходимости создания такого метода, который бы соответствовал требованиям современных социальных условий, с точки зрения социологической интервенции и прогнозирования потенциальных вариантов социальных изменений.

Целью работы является проанализировать подходы к развитию команды, выявить достоинства и недостатки в контексте современной практико-прикладной деятельности. Определить проблемы, вызывающие социальные конфликты и дезорганизационные процессы с целью совершенствования методов развития, и при этом в балансе с социальной действительностью.

Результатом работы, определяющим ее уникальность, является разработка модели развития команды: «Модель эффективной рабочей команды», содержащую в себе стратегическую концепцию социальных изменений.

Данная модель эффективной команды отличается от остальных своей комплексностью:

- концептуальная модель, модель взаимоувязывает подходы, наглядно демонстрирует как взаимосвязаны существующие подходы, содержит комплексное концептуально-социологическое обоснование;
- результативная модель, содержит систему показателей и критериев

эффективной рабочей команды;

– модель социальных изменений. Четыре стадии, в которых описываются социальные характеристики эффективной команды, что позволяет проследить как изменяется в течении определенного времени команда, определить тенденции изменения, социальные механизмы развития.

Социологические аспекты подготовки профессионалов в сфере управления персоналом организации

Субочев Н.С.

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Волгоградский филиал, Россия, Волгоград

Анализ мирового и отечественного опыта свидетельствует о применении весьма широкого набора социологических методов и технологий в области управления персоналом. Для успешной реализации теоретического и методического арсенала современной социологии необходима соответствующая квалификация специалистов кадровых служб. Под этим углом зрения в докладе рассматриваются учебные планы и программы подготовки бакалавров и магистров управления персоналом.

Как самостоятельное направление подготовки профессионалов управление персоналом реализуется в нашей стране с 2000 года. В 2010 году был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки бакалавров и магистров 080400 «Управление персоналом» (далее – ФГОС). Накопленный опыт разработки и реализации учебных планов и программ этого направления позволяет обсудить роль и оценить место социологической науки в системе подготовки профессионалов этого направления.

В базовой части ФГОС на весь период бакалавриата в базовой части предусмотрены две дисциплины: «Социология» и «Экономика и социология труда», на которые отводится по 36 часов аудиторных занятий в первом и в

четвертом семестре. При таком подходе бюджет времени на социологическую подготовку бакалавров в области управления персоналом оказывается недостаточным для успешной практической деятельности. Определенные перспективы расширения социологической базы открывает магистратура. Здесь в базовой части предусмотрены также две дисциплины «Организация научно-исследовательской и педагогической деятельности в области управления персоналом» и «Современные методы социологических исследований», на каждую из которых отводится по 28 часов аудиторных занятий.

Между тем студентам приходится выполнять курсовые и выпускные квалификационные работы по управлению персоналом, в которых широко используются социологические методы сбора и обработки информации. При этом ощущается острый недостаток научных представлений об управленческих возможностях социологической науки. В этой связи предлагается включить в базовую часть ФГОС «Управление персоналом» дисциплины «Социология управления».

Не вызывает сомнения, что данная дисциплина удачно впишется в программу подготовки бакалавров и магистров управления персоналом деловых организаций, создаст непосредственную методологическую базу для их профессиональной деятельности. Как справедливо отмечает Ж.Т. Тощенко, «основными проблемами социологии управления являются: 1) проблема социального положения человека в процессе управления; 2) проблема управления человеком, опираясь на резервы и возможности, заложенные в его сознании и поведении; 3) проблема соучастия человека, его сопричастности к управленческим функциям; 4) проблема механизма воздействия на людей, т.е. тех методов и средств, которые адекватны объективным и субъективным потребностям; 5) проблема последовательности операций, которые необходимо осуществить, чтобы добиться эффективного достижения поставленных целей. Причем все эти компоненты социологии управления строятся на основе информации, идущей от людей (рядовых работников, специалистов, менеджеров, руководителей) т.е. на знании основных характеристик общественного сознания и поведе-

ния». [1, с. 396] Дополнительным аргументом в пользу такого подхода является то обстоятельство, что магистры поступают затем в аспирантуру для подготовки диссертационных работ по специальности 22.00.08. – Социология управления.

Профессиональная деятельность выпускников бакалавриата и магистратуры направления «Управление персоналом» предполагает активное использование адекватных методов социологического исследования, выбор и применение которых регламентирует специфика содержания деятельности деловых организаций, ограниченность их финансовых, временных и кадровых ресурсов. С этой точки зрения в докладе характеризуются возможности метода фокус-групп, ОСАИ для диагностики реального состояния и прогностики изменения рабочей ситуации в организации и ее культуры, фокусированного интервью, экспертных оценок, кейс-стади, action research, а также различных тестовых методик.

В качестве резюме в докладе отмечается, что социологическая подготовка профессионалов в сфере управления персоналом включает теоретические и методические аспекты трех специальных дисциплин: социологии управления, социологии личности и социологии организации. Представляется, что со временем этот симбиоз может оформиться в частную вспомогательную социологическую теорию, объектом изучения которой станет управление персоналом организации. Логичным следствием этого процесса может стать появление в рабочих учебных планах подготовки бакалавров и магистров дисциплины «Социология управления персоналом».

Литература:

1. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Гощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

Суровцева И.Ю.

Донецкий государственный университет управления, Украина, Донецк

Традиционно под магией подразумевают обряды, оказывающие воздействие на духовные или сверхъестественные сущности, для достижения определенных целей. Магия имеет свойство быть в большей степени «индивидуальной» деятельностью, осуществляемой колдуном или шаманом (Э. Гидденс). Вместе с работами П. Бурдьё социология восприняла метафорический дискурс «социальной магии», где социальные акторы участвуют в особых манипуляциях, последствия которых будут значимы для групповой динамики. Распространение новых религий или философских учений, войны, революции, создание и разрушение государств - таковы результаты воздействия этой «магической силы», нередко проявлявшей себя в социально-историческом процессе.

Исследованием и визуализацией причин динамических общественных явлений занимаются многие представители социально-гуманитарных наук, тоже выполняющих, по словам С. Московичи, эпистемологическую «колдовскую» функцию: они «связывают созидание, происхождение которого теряется в глубине времен, с неким редким, небывалым событием. Именно здесь находится конечная причина всего, что произошло и остается с тех пор действующим. Тот, кто исследует это происшедшее и следит за его перипетиями, испытывает каждый раз одно и то же впечатление колдовства, ибо он понимает все, кроме начала, сохраняющего свою тайну». Г. Эспинг-Андерсен отмечает значение социальной магии в формировании основ современной социологии: «Наш богатый концептуальный инструментарий развивается тогда, когда туман, окутывающий прошлое, рассеивается, и мы обнаруживаем нечто вроде стабильного равновесия, для которого характерна историческая неизменность, широкое распространение и, не в меньшей степени, причинно детерминированные влияния. Как социологи, мы видим, что некая сила влияет на людей, общества или нации. Есть что-то волшебное в том, когда мы видим настолько ясно, что можем выбрать рабочую идеальную модель того или иного феномена».

В своем докладе обозначим основные параметры понятия «социальной

магии» как процесса общественного развития, формирующего модель определенного поведения («процесса цивилизации, преобразования, прогрессивного видоизменения» у Н. Элиаса).

Появление понятия «социальная магия» традиционно связывается с работой П. Бурдьё «Социология политики», в которой автор демонстрирует примеры парадоксальности происходящих метаморфоз в политических институтах: на сцену выходят единичные акторы, обретающие коллективное существование. М. Маффесоли замечает, что «чудесное социальное» может заключаться в любом вообще коллективном действии, не подвластном институционализированному контролю.

Натурализм в социологии наделяет социальную магию свойствами химического вещества (*окутывает, растворяется, исчезает*). Н. Элиас видит, что процесс трансформации подобен тем химическим процессам, при которых в жидкости происходит, например, кристаллизация. Кроме того, социальные метаморфозы, приобретающие последовательность и повторяемость социальных законов, описаны у П. Бурдьё рядом «магических» метафор: *«корни иллюзии», «характер представительства основательно затемнен», «весь фокус в том...»*; Н. Элиас упоминает об *«однажды появившимся и упрочившимся ритуале»*, как будто бы невидимый актор порождает вовсе нерациональное действие».

Перформативная концепция (перформативность как формально деятельностное проявление речевых актов, материализация, воплощение) социальной трансформации указывает, что некоторые «речевые акты» могут создать значительные социально-политические результаты. Г. Лассуэлл в работе «Язык власти» указывал, что еще древние философы сравнивали политиков и государственных деятелей с прорицателями, чревовещателями и колдунами, «людьми, владеющими искусством магии, заклинаний и всевозможных фокусов, чьей вероломной хитрости очень трудно противостоять».

Сила социальной магии может быть иллюзорна. Примером «развенчания чар окружающего мира» было рождение протестантизма, представляющего со-

бой открытие трудного пути, пути непрерывного контроля жизни смыслов и эмоций. Развенчание иллюзий становится результатом длительной истории и феноменом цивилизации, – отмечает С. Московичи. «Мир разволшебствен» – считал Р. Арон, благодаря научно объясненной и технически освоенной природе.

Подводя итог, конституируем индикаторы «социальной магии»:

Участники (акторы, действующие лица): у М. Вебера – предприниматели, верующие, Н. Элиаса – моделирующие круги (придворные).

Время, охватывающее трансформации (метаморфозы). У Н. Элиаса «время перехода... трудно установить», но, однозначно, повсюду происходят небольшие подготовительные сдвиги... импульсы к трансформации».

Функция: инструмент социальной дифференциации, социализации, социальной интеграции, институализации.

Таким образом, социальная магия – это не обязательно отпечаток цивилизации, окультуривание, это придание человеку иного социального статуса, рождающегося из противоречивых экспектаций.

Демографические проблемы России: старение и здоровье населения России

Сулова Т.И., Хлопотникова В.Н.

*Томский государственный университет систем управления и радио-
электроники, Россия, Томск*

Демографические проблемы в последние годы выходят на первый план государственной внутренней политики Российской Федерации. Это обусловлено тем, что в последние годы «растут потери национального дохода вследствие смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта и диабета, становится очевидно, что государство, политики, да и простые люди не относят здоровье к числу приоритетов, средний россиянин готов им пожертвовать ради достижения каких-то материальных или социальных выгод» [1]. Проблема старения населения мира рассматривается в связи с прогнозированием будуще-

го комиссией ПРООН. Обратимся к реальным факторам старения человека.

Демографический аспект. Как показывают современные исследования, средняя продолжительность жизни землян постоянно растет, начиная с 1840 года, с конца XIX века (средняя продолжительность жизни 35 лет) до конца XX века продолжительность жизни увеличилась до 70–75 лет.

Согласно демографическому прогнозу ООН средний показатель 2050 г. будет продолжительность – 75,5 лет. А в Японии, Швеции и Израиле в 2045–2050 годах по прогнозам ожидается: 87,4, 85,7 и 86,3 лет.

Страны мира находятся в состоянии демографического глобального перехода, чем обусловлено глобальное старение населения. На факторы старения населения России повлияли особенности исторического развития страны. Ученые указывают, что это политические, социальные и военные катаклизмы XX века, которые «поглотили» человеческие ресурсы

Социально-экономический аспект. По мнению ряда ученых, на данном этапе эволюция заинтересована в приумножении старшей возрастной группы как носительнице интеллектуального капитала. Так, при общей занятости в России 70 732 тыс. человек, 2 984 тысяч занятых – люди в возрасте 60–72 лет. Значимость имеет квалификационный ресурс, профессионалы в области образования, культуры, здравоохранение и способность к инновационному развитию. Доля людей с высшим образованием среди занятых 60–64 лет наиболее велика. Их в 2011 году было в 1,5 раза больше, чем имеющих среднее (полное) общее и в 56,5 раз больше, чем не имеющих образование и занятых неквалифицированным трудом» [2, с.14]. По утверждению Министерства труда и социальной защиты, каждый восьмой россиянин (13%) – старше 65 лет. Согласно международным критериям население страны считается старым, если доля людей старше 65 лет превышает 7%.

Биомедицинский аспект. В наше время «медико-демографические данные в России свидетельствуют о кризисе здоровья населения», а его состояние определяется в том числе и условиями жизни, динамикой, и системой здравоохранения [3, с. 42].

Изменился и биологический возраст по возрастной шкале Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). От 25 до 44 – это молодой возраст, 44–60 лет – это средний возраст. 75–90 – это старческий возраст, а после 90 – долгожители. Четыре прошедшие в медицине революции, безусловно, продлили средний возраст человека уже на 40 лет: гигиена (XVII век); появление антисептиков (XIX век); вакцинация (XIX век) и открытие антибиотиков (XX век). Сейчас речь идет не просто о продлении жизни, а о необходимости качественного существования. При дряхлеющем теле продолжает и становится необходимым качественный мозг, интеллект и опыт. Численность старшей возрастной группы с 60 до 90 лет увеличивается в 4–5 раз быстрее, чем общая численность населения Земли. Статистика показывает, что некоторыми болезнями россияне страдают примерно так же как жители других стран, но умирают от них в несколько раз чаще. При этом в Москве смертность от ряда заболеваний ниже, чем в стране в целом, так как уровень здравоохранения в Москве на порядок выше. Россияне по-прежнему не дорожат здоровьем и заботу о нем перекладывают на государство.

Представляется, что экономически перспективно вкладывать средства в обеспечение продления работоспособности стареющего населения России, улучшение качества его жизни. А мониторинг и аналитика демографического состояния и здоровья населения страны становится одной из актуальнейших задач социологии.

Литература:

1. Степанова Г. Болевые точки здоровья россиян // Человек. 2008. № 1. С. 148.
2. Добрахлеб В.Г. Направления социально-экономической модернизации в условиях старения населения // Народонаселение. 2012. № 2.
3. Молчанова Е.В. Медико-демографическая ситуация в России, Республике Карелия и Финляндии // Народонаселение. 2012. № 1.

Олимпийские игры, как возможность построения инфраструктуры для развития волонтерства в России

Сухарькова М.П.

НИУ ВШЭ, Россия, Москва

Проведение Олимпийских игр сложная задача для страны – организатора, и требует мобилизации человеческих ресурсов. Разработка программы привлечения волонтеров для подготовки и проведения мега-событий традиционный метод, применяемый Организационными Комитетами. В нашей стране для подготовки и обучения волонтеров «Сочи-2014» была открыта сеть волонтерских центров, была развернута программа по работе с волонтерами. В докладе будет проанализированы перспективы и возможности использования построенной к играм инфраструктуры для развития института волонтерства в России.

Так же в докладе особое внимание будет уделено волонтерскому олимпийскому движению, сосуществованию альтруизма в условиях крупного коммерческого проекта.

Сущность и содержание протестного поведения и его особенности по отношению к молодежи

Сушко В.А.

*Социологический факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В современном мире все более заметным становится рост социального недовольства и напряженности, массовые протесты и левые движения обретают статус неотъемлемой характеристики мировой системы. Некоторые из этих движений выступают за коренное преобразование существующих социальных структур.

Социальный протест является одной из форм социального конфликта. Это, как правило, открытая реакция людей, направленная на защиту ущемленных прав, существующих свобод, материальных гарантий и др. Это способ выражения неудовлетворенности людей состоянием дел или ходом развития со-

бытий.

Социальный протест существовал всегда, однако в настоящее время он становится все более политизированным, так как в современной модернизирующейся стране именно государство считается ответственным за благосостояние своих граждан. В настоящее время протест является предметом анализа многих социально-гуманитарных наук: философии, истории, юриспруденции, политологии и социологии.

Необходимость исследования социального протеста продиктована как методологическими сложностями к определению самого понятия, так и методологическими основами изучения данного явления. Социальный и политический протест в современном обществе остается недостаточно изученным, интерпретации эмпирических результатов противоречивы, отражая как слабую методологическую проработку подходов к исследованию данного феномена, так и нередкое отсутствие у исследователей установки на проверку гипотез, вытекающих из теорий, выдвинутых в современной социологии. Необходимо не только более детально проработать проблему социологического анализа причин социальных протестов, но и рассмотреть их в более широком контексте проблемы модернизации.

Многие зарубежные и отечественные социальные мыслители прошлого оставили социологии обширные материалы, посвященные протестному поведению, но его социологическое изучение началось только на рубеже XIX–XX веков. Научно оформленные же представления о протестном поведении появляются лишь в XX веке. Разрабатывается ряд конкурирующих концепций социально значимого протестного поведения как протестного общественного движения. «Сигналом к изучению общественных движений послужили бушевавшее в Евразии и Америке революционное и разгоравшиеся в “третьем” мире национально-освободительные движения» [1]. В 1960-е годы в рамках западной социологии формируется концепция массового общества и коллективного поведения. Протестное поведение рассматривается как протестное общественное движение, которое понимается как «иррациональная реакция маргинальных

личностей на экономико-социальные проблемы» [1]. Акцент делается на политическое протестное поведение как вид протестного поведения.

В последнее время мы можем видеть, что различными исследовательскими центрами проводится достаточно много эмпирических исследований, в которых сделаны важные выводы относительно политического протеста и что именно молодежь преобладает среди участников этих акций. Например, проанализировав результаты опроса участников митинга 24 декабря 2011 года на проспекте Сахарова и шествия 4 февраля 2012 года, социологи приходят к следующим заключениям относительно основных характеристик протестующих: большинство образовала группа людей от 25 до 39 лет, вместе же с категорией людей от 18 до 24 лет она составила почти 60% от всех протестующих, то есть на этих двух митингах преобладала молодежь. Также интерес представляет содержание пресс-конференции «Протестное движение в России: взгляд социологов», опубликованной на официальном сайте ВЦИОМ 7 июля 2012 года [2], где одним из выводов было сказано, что по сравнению с декабрем и февралем средний возраст снизился, стало больше молодежи, люди в возрасте до 34 лет составляют две трети от общего числа участников митинга.

Данная проблема также особенно актуальна для нашего общества из-за того, что в условиях социальных трансформаций российского общества актуальным становится проблема социального самоопределения личности. Глобальные перемены в жизни российского общества создали уникальные механизмы формирования новых идентификаций в обществе, возросла потребность в отнесении себя к чему-либо, возросла способность формирования новых механизмов социогрупповых идентификаций.

Специфика социологического подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что она отличается своей социальностью, детерминированностью социальных процессов и взаимосвязей в жизнь современного российского общества.

Литература:

1. Ротмистров А. Общественные движения: опыт классификации социологических концепций // Социс. 2010. № 8. С. 46.

2. Протестное движение в России: взгляд социологов // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112874> (дата обращения: 02.04.2013).

**Особенности анализа социальной мобильности сельской молодежи:
основные параметры**

Сушко П.Е.

ФГБУН «Институт социологии РАН», Россия, Москва

Процессы урбанизации, индустриализации и информатизации общества усугубляют социальное неравенство между сельской и городской молодежью. Сельская молодежь в определенной степени дифференцирована, имеет различные стартовые условия для жизни; на это влияет отдаленность села от места получения образования, состояние производственной и социальной сфер, что ограничивает стартовые возможности сельских молодых людей. Молодежь села испытывает значительно больше сложностей в социализации, социальной адаптации, профессиональной ориентации и социальной мобильности, нежели городская.

Кроме того, очевидно, что социальная мобильность невозможна без предварительного решения о совершении каких-либо действий, без собственных смысло-жизненных ориентиров, отражающих ценностные ориентации и установки, без опоры на личную индивидуальную стратегию самореализации и самоутверждения. Поэтому от того, насколько выражена у молодого человека установка на изменения, уход или отказ от старых и традиционных схем самоактуализации, в какой степени делается акцент на оригинальные и нестандартные способы мышления, креативность и поиск нового, зависит мобильность этого человека. Индивид, стремящийся реализовать себя, занять более высокую позицию в обществе, должен быть уверенным, что его стратегия, направленная на реализацию этой цели, может принести реальные плоды.

Именно поэтому важно понимать масштабы и интенсивность социальных перемещений сельских молодых людей, иметь четкое представление о су-

ществующих факторах и каналах социальной мобильности, институтах, определяющих ее потоки и направленность, профессиональных установках и различных практиках молодежи, порождаемых такими передвижениями во всех измерениях социальной системы. Приходится с новых методологических позиций рассматривать социальное развитие сельской молодежи, которое, по мнению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, характеризуется изменчивостью и подвижностью, размытостью и диффузностью, следствием чего является неопределенность и непредсказуемость не только в деятельности, но и в отсутствии ясных представлений о будущем.

Сельская молодежь, оказавшись в новых, модифицированных социальных условиях, адаптирует свою мировоззренческую систему, усваивая новые ориентации и требования социальной среды, встраивая в нее иные, привнесенные ценности, чем, по сути, трансформирует свой социальный облик. Такие изменения, несомненно, ведут к образованию новых форм, факторов и каналов социальной мобильности, среди которых традиционные формы мобильности не всегда возможны или эффективны.

Однако при анализе социальной мобильности сельской молодежи важно учитывать, с одной стороны, не только степень социально-экономического развития конкретного аграрного региона, специфику и особенности рынка труда, доступность получения образования, уровень благосостояния и дохода семьи, национальность и т.д., но также понимать, с другой стороны, как и почему молодой человек использует либо игнорирует возникающие перед ним жизненные возможности и шансы, какое содержание он вкладывает в понятие жизненный успех, по каким критериям оценивает собственное социальное положение, какие ценностные и профессиональные установки имеют для него приоритетное значение.

Первая сторона в некотором смысле подразумевает объективные факторы (условия жизнедеятельности молодежи во взаимодействии с различными социальными институтами), в той или иной степени определяющие перемещения по социальной лестнице, вторая сторона раскрывает субъективный взгляд

на социальную мобильность непосредственно с точки зрения молодых сельчан, учитывая при этом личностные потребности, уровень и силу мотивации на достижение тех или иных целей. Все в большей степени сельская молодежь выстраивает свои жизненные стратегии по собственному замыслу, посредством саморегуляции через призму рационального понимания действительности.

Таким образом, проведение комплексного анализа стартовых возможностей сельских молодых людей в сфере трудовой деятельности, их миграционных установок, определение основных проблем, с которыми сталкиваются молодые сельчане при выборе профессий, анализ проблем самоопределения и самореализации сельской молодежи, выявление существенных характеристик, параметров и взаимосвязей, устойчивых практик, позволяющих индивидам ориентироваться в социальном пространстве и перемещаться по социальной лестнице, выделение основных каналов и факторов социальной мобильности сельской молодежи, несомненно, расширит понимание трансформационных процессов, происходящих на селе, даст возможность на основе полученного исследовательского комплекса управлять, моделировать и прогнозировать те или иные социальные изменения, что, несомненно, будет иметь большое значение и в сфере молодежной политики.

Особенности трансформаций социальных взаимодействий в современных социологических теориях

Тавадова А.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Отличительной особенностью современной социологии является то, что она более не питает надежд выработать сколь-нибудь универсальную картину социального бытия, благодаря которой было бы возможно поставить под контроль социальные процессы. Одной из характерных ее черт можно назвать «крах иллюзий... о существовании конца пути» [1, 131].

Ю. Хабермас и Н. Луман, рассматривающие взаимодействие с позиции

«коммуникативного действия» [6, 117], очерчивают мир, в котором на месте феноменологии бытия возникает феноменология коммуникации [3, 169].

Ж. Бодрийяр как представитель крайнего постмодернизма вообще отказывает «социальности» в онтологическом статусе («то, что когда-то существовало, но более не существует») [6, 542]. Не столь радикальный в своих взглядах Б. Латур не торопится безвозвратно отказаться от «социального» в объяснении специфики взаимодействия. «Социальное» не есть реальность *sui generis*, но принцип соединения. «Это не вещь среди других вещей, а некий тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными». Образованные в результате такого взаимодействия «узы» не похожи на регулярные «социальные связи», т.е. «социальное» – это не клей, а то, что «склеивается» [5, 12–17].

Б. Латур призывает сосредоточиться на «новшествах», «квантах изменений», живущих своей собственной жизнью. Поэтому для акторно-сетевой теории, понятие «общество» утрачивает былую привлекательность. Вместо этого АСТ выдвигает «коллектив» как основу определения «общего мира», а социология, в свою очередь, есть дисциплина, активно вовлеченная в «пересборку коллектива» [5, 340]. Б. Латур обрушивается с критикой на предшественников в том, что они подменяют изучение социальных связей политическим проектом [5, 27]. Вместе с тем, сам Б. Латур утверждает, что социология постсовременности выдвигают собственные «политические проекты». Социолог называет «исследованием социального» непрерывающуюся активность по «сбиванию» коллектива в спаянное целое [5, с. 348–354], что выглядит несколько противоречиво ранее заявленным попыткам уйти от социальной инженерии.

В тоже время современные теории Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Э. Гидденса, У. Бека не вычеркивают из предмета своего анализа «структуру».

Э. Гидденс утверждая, что современность представляет собой окончательный разрыв с традиционными образцами жизни («посттрадиционное общество»). Специфическими признаками разрыва современности являются темп и масштаб изменений, природа современных социальных институтов [4, 114–

117]. Характерной чертой современности предстает «высвобождение», механизмы которого подразумевают отношение доверия [4, 145].

Вклад социологии в конструирование «зрелой современности» Э. Гидденс видит в предложении альтернативных образцов будущего, которые учитывали бы рефлексивный характер современности, выступающих в качестве реальных тенденций социального развития, и «идеалы» нового социального порядка.

В исследовании проблематики «доверия» П. Штомпка еще более Э. Гидденса уходит в традиции «объясняющей социологии» [7, 260]. Для автора, сети, сосредоточенные вокруг определенного индивида, есть «сети доверенности и доверия». Но современность утрачивает «культуру доверия», что ведет к распространению недоверчивости, цинизма, беспокойства и страха, и глобализация не в последнюю очередь «ответственна за эрозию доверия».

Современная социология отличается разнообразием методологических подходов к исследованию трансформаций социального взаимодействия, вместе с тем можно выделить общие тенденции. Во-первых, «социальное» выделяется как нечто более широкое, чем подразумевалось в классической социологии. Во-вторых, изменения типов социального взаимодействия происходят такими темпами и в таких масштабах, что не возможно их более фиксировать в статичную систему, а приходится непрерывно заниматься «картографией» форм общего существования. В-третьих, возрастает проблема абстрактных систем и ассоциаций, в которых разворачивается, собственно говоря, это взаимодействие, меняя каждое мгновение формы своего выражения. В-четвертых, современные социологи в большей или меньшей степени стремятся участвовать в «политических проектах», правда их притязания в подавляющих случаях остаются неопределенными, что не позволяет установить консенсус по поводу границ этого «участия». В-пятых, на поиски новых форм взаимодействия социологов не в последнюю очередь подталкивает «кризис», имеющий место, как в самих взаимодействиях, так и в методах их исследования.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
3. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2012.
4. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
7. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2014.

Методологические особенности анализа организационной культуры

Тагибова А.А.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Проблема изучения российской деловой культуры интересна с двух точек зрения: а) динамики воздействия компонентов организационной культуры на саму организацию; б) текущего состояния деловой культуры в российских организациях.

Исследование российской деловой через призму ценностей необходимо для поиска способов бескризисного существования организаций в конфликтных ситуациях.

Уникальность характера организации определяет то, что ценно для этой организации, каковы стили ее лидерства, язык и символы, процедуры и повседневные нормы, как определяется ее успех. В связи с этим сегодня многие российские компании имеют специальные документы, в которых они детально описывают свои ценностные ориентации. В том числе различного рода внутренние кодексы, гимны, девизы, легенды, истории и др. символику, посредством которой ценностные ориентации «передаются» членам организации. В свою очередь ритуалы, коллективные установки межличностного общения и

другие подобные правила свидетельствуют о том, что поведение составляет ткань культуры организации.

Именно ценностная ориентация актуальна для России на сегодняшний день, поскольку в настоящее время в стране остро стоит проблема ценностей в деловой культуре, что вызвано отсутствием в обществе однозначного понимания стратегии многонационального развития и пути развития национальной идеологии.

Характеризуя российскую деловую культуру в целом, следует отметить ее эклектичность: что-то заимствуется с Востока (клановость, чиновничество, коллективизм, акцент на личные отношения, несоблюдение сроков), что-то с Запада (индивидуализм, самостоятельность, предприимчивость), некоторые черты сохранились с советского периода (централизация, высокая дистанция власти, опора на личные связи), что-то сформировалось, исходя из современных мировых стандартов бизнеса.

Все это побудило из множества типологий деловой культуры компаний, выделять те из них, за основу которых взят анализ культурных и поведенческих ценностей. В этой связи были проанализированы типологии прежде всего западных ученых, а также российских исследователей деловых культур.

Исследуя типологии деловой культуры, за основу которых взята совокупность ценностей, их множество было разделено на две категории: те из них, которые принимали во внимание ценностный конфликт и рассматривали его как естественное явление, и те, которые не выделяли конфликт ценностей.

При этом отмечено, что национальность (народность) означает национальную самобытность, духовную самостоятельность, базирующуюся на единстве государственной национальности. Национальность подразумевает единство власти и народа, их взаимное доверие и, соответственно, противостояние влиянию западной цивилизации, ее индивидуалистическим ценностям.

При этом стремясь к самобытности, не следует однозначно воспринимать конфликт как деструктивное явление. Напротив, при определенных условиях это один из главных процессов, служащих сохранению целого, его жизне-

способности и устойчивости.

Очевидно, что избежать межкультурных конфликтов помогает определенный путь, который является единым для организации или целой страны. И в данном случае немалую сложность составляет нахождение оптимального пути, поскольку сложно определить, чем одна культура в ценностном плане отличается от другой. Все типологии организационных культур исходят из существования ключевых ценностей, которые должны быть универсальными. Однако тогда они должны быть принимаемы и применимы во всех культурах.

Инвайронментализм как интегрированный подход в современном социологическом знании

Тарасова О.Н.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Чтобы объективно характеризовать изменяющуюся социальную реальность важно уловить предметный фокус направлений социального развития. Экология становится неотъемлемым элементом не только социокультурного, но и научного, и, в частности, социологического дискурса – профессиональным ответом на «экологизацию» современного общества.

Среди предпосылок отмеченных тенденций выделяются собственно экологические, представляющие, по мнению экспертов в соответствующей области, объективные изменения окружающей природной среды, как результат чрезмерной нагрузки, вызванной деятельностью человека. Когда решения ориентированы на предотвращение возникновения экологического кризиса, гармонизацию отношений между обществом и природной средой, становление человека, действительно преобразующей силой биосферы (В.И. Вернадский). Однако, особого внимания заслуживают социально-экологические предпосылки. Экология представляет собой глобальный тренд, требующий ответа, без которого возникает риск остаться за пределами масштабной модернизации. Страны Западной Европой всерьез заявили о намерении перехода к экологически безопасному – «устойчивому» развитию, которое обретает проявление на всех

уровнях социальной реальности и во всех сферах жизнедеятельности общества. «Экологичность» становится значимым критерием оценки товаров, услуг и качества жизни, в целом. Очевидно, оказавшись за границами данного направления, сложно будет конкурировать с эколого-идеологизированными товарами и рейтингами. Экология проникает в быт, политическую жизнь, социокультурную сферу, экономику и производство, образование и т.д.

Инвайронментализм заслуженно рассматривается как динамично развивающееся направление междисциплинарных научных исследований, в том числе, социологических. Хорошие примеры, социология риска (О.Н. Яницкий, Э. Гидденс, У. Бек и др.), концепция развития постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, социология средств массовой коммуникации и развития гражданского общества (М. Диани, Л. Стейн, М. Стоддарт, М. Гарсия Валинес и др.), изучение образа жизни (Ж. Лоренсен), особое место экологической безопасности уделяется в теориях поколений (К. Робертс, Х. Милнер и др.). Инвайронментальная социология упрочняет свои позиции как специальная социологическая теория.

Но, не смотря на имеющийся в социологическом знании задел, актуализируются новые вопросы, связанные с условиями экологизации современного общества для которого характерно интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, господство потребительских ориентаций и, при этом, становление ценностей пост-материалистических. Эти особенности одновременно порождают новые риски и перспективы для экологической модернизации. Так, информационные технологии могут служить предпосылкой новой эпохи зеленой экономики, которая будет способна коренным образом преобразовать социальную структуру. По словам Джереми Риффкина, сочетание интернет-коммуникации и возобновляемых источников энергии открывает дорогу третьей промышленной революции, которая изменит традиционную вертикальную организацию, характерную для экономической, общественной и политической жизни промышленных революций, в основе которых лежит ископаемое топливо, уступит место распределенным и горизонтальным взаимо-

действиям нарождающейся зеленой промышленной эры. Тем не менее, особенности современной информационно-коммуникационной среды несут и определенные риски экологической модернизации. Например, дигитализация социальных практик, не все исследователи полностью определились с тем, как появление онлайн-активизма отражается на систематическом участии граждан в социально-политической деятельности. С одной стороны, в онлайн-формате активизм более доступен (Civic Health Index), с другой – можно ли при этом говорить о системной интеграции экологической активности в повседневную жизнь относительно тех, кто предпочитает онлайн-практики эко-активизма (klick-tivism).

Следующая проблемная область – перспективы становления зеленой экономики в условиях «общества потребления», а именно то, что они могут обернуться символизацией экологичности, как следствие злоупотребления маркетинговыми технологиями применения «эко»-кодов для привлечения клиентов. К тому же, постматериализм, как наиболее соответствующая экологическим принципам система ценностей (Р. Инглхарт), накладываясь, а не сменяя укрепившиеся в современном обществе ориентации на безудержное потребление (К. Робертс), рискует существовать лишь как некий симулякр. Преодоление рискогенных факторов взывает к тщательному социологическому анализу системы «человек – общество – природа».

Таким образом, сформировавшиеся теоретические положения и предпосылки в области эмпирических исследований, актуализация потребностей в изучении социально-экологической проблематики позволяют рассматривать инвайронментализм, как актуальное интегральное направление в социологии.

Формы институционализации социальных конфликтов в современном обществе

Темнова Л.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Одной из функций конфликта является «группосохраняющая» (Г. Зиммель). В конфликте происходит выражение враждебности, тем самым предотвращается распад группы. Конфликт «очищает воздух», удаляет скопления подавленных враждебных эмоций, давая им свободный выход в действиях. Л. Козер развивает мысль Г. Зиммеля, разрабатывая идею институциализации этих «защитных клапанов».

Одним из видов таких институтов Л. Козер называет институт колдовства. Ученые, занимавшиеся изучением института колдовства, отмечают, что, многие обвиненные в колдовстве вообще не причиняли никакого вреда обвинителям и не вызывали у них враждебных эмоций, а просто желали посредством колдовства избыть враждебные чувства. Таким образом, колдовство также является каналом для смещения агрессии и облегчает эмоциональную адаптацию при минимальном разрушении социальных связей.

Примером косвенного выражения враждебности является остроумие «Остроумие позволяет нам сделать нашего врага смешным, выставив на вид то, что нельзя высказать откровенно и прямо ввиду наличия разных препятствий». (З. Фрейд). З. Фрейд говорит о замещении средств выражения враждебности. Он ясно показывает, что позитивная для индивида функция конфликта, отмеченная Г. Зиммелем, может осуществляться и косвенными средствами, одним из которых является остроумие.

Остроты дают возможность более слабым партнерам выразить свои чувства, не изменяя условия отношений. Подобное противостояние часто незаметно переходит в простое замещающее удовольствие, функционально равное снятию напряжения. Этим Л. Козер объясняет обилие политических анекдотов в тоталитарных государствах. Подтверждением этого тезиса может служить множество ходивших анекдотов в 1970–1980-е годы в СССР про Л. Брежнева, Г. Шеварнадзе, К. Черненко, про социализм и коммунизм, КГБ и др.

Театр и другие формы развлечений также могут служить замещающими средствами выражения враждебности, коренящегося в жестко стратифицированном обществе, что и позволяет последнему нормально функционировать.

Если обратиться к советскому времени, можно привести примеры пьес «Дракон» И. Шварца (Театр на Юго-Западе), «Смотрите, кто пришел» А. Арро (Театр им. Маяковского), «Хармс! Чармс! Шардам и школа клоунов» М. Левитина (Театр миниатюр) и др.

Существует специальный литературоведческий термин - подсоветская литература, который используется для указания на тот двусмысленный статус, которым обладали некоторые «советские» (по месту публикации) тексты. Чтобы было понятнее, о чем идет речь, приведем примеры подсоветской литературы – «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких (а потом и кинофильм «Чародеи»), в которых через переживания и действия персонажей происходила канализация непринятия существующего порядка, моральных устоев, выражение враждебных чувств по отношению к существующей власти.

Уникальным феноменом-«клапаном» советского периода явился Клуб самодеятельной песни – неформального социального движения, возникшего в 1960 году в СССР и объединившего любителей бардовской песни. Это движение было отражением «свободного» духа шестидесятников, нашедших форму выражения собственного несогласия с существующим строем.

Институтом, канализирующие выражение враждебных чувств, многие исследователи называют также массовую культуру как механизм «безопасного» высвобождения агрессивных побуждений, запрещенных в обществе. Огромная популярность боксерских матчей, боев без правил, телепоединков рестлеров до известной степени объясняется эмпатией зрителей, отождествляющих себя с любимым героем, когда он «бьет морду этому парню». Современная массовая культура служит средством освобождения от фрустраций, открывая возможности замещающего выражения табуированных волн враждебности.

Первые годы Перестройки ознаменовали себя появлением нового для постсоветского пространства явления – «Мыльных опер». На телеэкранах появились сериалы «Рабыня Изаура» (1988), «Просто Мария» (1989), «Богатые тоже плачут» (1993) и др. Миллионы зрителей (в большей части – женщины) с

нетерпением ждали начала очередной серии. А это были дни «безвременья», защиты Белого дома, совершенно пустых прилавков, годы девальвации устоявшихся ценностей. Это вело к снятию напряжения, возникшего в семейной жизни зрителей, на их работе, в результате внутриличностных конфликтов. Сюжеты телесериалов и сегодня заставляют зрителей включаться в судьбы героев, переживать вместе с ними.

Ярким примером психологического института-«клапана», канализирующего выход переживаний, агрессии, отрицательных эмоций, продуцируемых в процессе конфликтных ситуаций, является трудовоголизм. Человек с головой погружается в работу, отдавая ей по 10–18 часов в сутки. Как и всякая аддикция, трудовоголизм – это бегство от реальности посредством изменения своего психического состояния, в данном случае достигающегося фиксацией на работе. Л. Козер выдвигает предположение, что необходимость в институтах, выполняющих функцию «защитных клапанов», возрастает с усилением жесткости социальной структуры, т.е. по мере ужесточения запрета, налагаемого социальной системой на выражение диссидентских эмоций.

Здесь актуализируется проблема функционирования институтов, канализирующих враждебные чувства, предотвращающих проекцию этих чувств на непосредственный объект враждебности и тем самым способствующих сохранению социальной системы.

Место политики памяти в предметном поле социологии международных отношений

Терновая Л.О.

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, Россия, Москва

Память представляет собой важнейшую психическую функцию, включающую запечатление, сохранение, последующее узнавание и воспроизведение следов прошлого опыта. О неотъемлемости этого свойства для человека можно было судить уже по древнегреческому пантеону, где персонифицированной

Памятью выступала богиня Мнемозина, сестра Кроноса и Океана, олицетворявших первоначало всего сущего. Проблема механизмов формирования и использования коллективной памяти актуализировалась в XXI в., когда развернулись настоящие «исторические войны» внутри отдельных стран и в международных отношениях. Возникли новые подходы, механизмы и субъекты исторической политики, а политическое и геополитическое использование прошлого превратилось в реальное оружие [2]. Эти новации потребовали усилий от ученых по их анализу. П. Нора ввел понятие «место памяти», воплощающее единство духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти [3]. Смены «мест памяти» нации свидетельствует об изменении ее исторического самосознания и коллективной идентичности.

Изучение истории международных отношений в контексте политики памяти предполагает обращение к источникам, находящимся в закрытом, архивном хранении. Международное сотрудничество архивов помогает исследователям, политикам, обычным гражданам удовлетворять их интерес к истории, раскрытию ее тайн. Обнаружение в архивах подлинников документов способствует прояснению поведения сторон в прошлом и пониманию сложностей их современных отношений. Одной из основных тенденций развития архивного дела стало рассекречивание материалов. Архивные документы позволяют проследить шаги по формированию государств, укрепления правопорядка и демократии. Они же дают возможность увидеть, то, из чего складывалась идентичность индивидуумов и сообществ, выросло понимание прав и свобод человека. В 1992 г. создана программа ЮНЕСКО по защите Всемирного документального наследия «Память мира» (Memory of the World). В число документов этой программы входят важнейшие памятники, раскрывающие ключевые моменты истории международных отношений.

Политика памяти подчас приобретает характер «войн памяти», являющихся битвами с исторической памятью. Эти процессы особенно резко развернулись в странах, проходящих путь социальных трансформаций. В 2010–2013

гг. реализовался международный проект «Войны памяти» об отношениях между Россией, Польшей и Украиной, в истории взаимодействия которых есть большое количество противоречий. «Войны памяти» прокатились по территории бывшей Югославии, где в каждом из независимых государств сформировалась официальная политика памяти, влияющая на общественную и личную память, определяя, что и как нужно помнить из прошлого [5]. «Войны памяти» охватили огромное постсоветское пространство [1]. В них активно вовлекаются политические противники, использующие историю как аргумент своих электоральных притязаний. В качестве объектов столкновений могут выступать фигуры как давнего, так и относительно близкого времени, а история смешивается с религией или лингвистикой. Это не позволяет выделить общие для всего постсоветского мира этапы «войн памяти», но говорит о локальной обусловленности такого типа конфликта. Особо выделяется этнический компонент «войн памяти» [4].

Поскольку политика памяти является выражением «мягкой силы», то она опирается на инструменты такой силы. В новых культурно-информационных условиях важную роль играют интерпретации прошлого в медиакulturе, где формируются тренды общественного и индивидуального отношения к событиям национальной истории и истории международной жизни. Показателем переломного момента в понимании того, что мировое сообщество подошло к критической черте реинтерпретаций прошлого, стало присуждение Нобелевской премии в области литературы французскому писателю и сценаристу П. Модино с формулировкой «за искусство памяти, благодаря которому описал самые непостижимые человеческие судьбы и раскрыл жизненный мир оккупации». В его книгах сошлись кризисные точки памяти места и времени. Обнаружение и осмысление таких точек является необходимой частью политики памяти каждой страны, без чего невозможно написание не только ее истории, но и истории международных отношений.

Литература:

1. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: Книга по Требованию, 2013.
2. Историческая политика в XXI веке / Ред.: А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
4. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
5. Revizija proslosti na prostorima bivse Jugoslavije. Zbornik radova / Ed. by V. Katz. Sarajevo: Institut za istoriju, 2007.

Теории модернизации в современной социологии

Титаренко Л.Г.

Белорусский государственный университет, Белоруссия, Минск

Теории модернизации, несмотря на их противоречивость и неполноту, на протяжении долгого времени остаются востребованными как в зарубежной, так и отечественной социологии. Основной критерий отношения к этим теориям – принятие или непринятие нормативной модели современности. Современные политические элиты России используют риторику модернизации, представляя процесс модернизации как стратегию развития страны: модернизация выступает как панацея, позволяющая реализовать «скачок» в постсоветском развитии, достичь некие «универсальные нормативные требования» (сколь разными они бы не представлялись). В научных кругах преобладает достаточно критическое отношение к модернизации, вплоть до резко критических подходов к ней. Так, Иммануил Валлерстайн считает, что теория модернизации идеологически окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По Валлерстайну, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира (Валлерстайн, 2008). В этом смысле «общество модерна» – категория для обо-

значения фактического состояния современного общества.

На теоретическом фундаменте концепций модернизации базируются многие международные проекты, целью которых является выявление «магистрального пути развития», определение «уровня модернизационного развития» страны/региона, применение полученных результатов для объяснения особенностей развития страны и т.п. В этом смысле теория модернизации используется как универсальный паттерн, который позволяет определять этапы развития общества, тенденции его развития, делать прогнозы на будущее.

Теории модернизации имеют оба эти аспекта, научный и ценностно-идеологический. Поэтому теоретики модернизации могут предлагать интерпретации развития общества, в рамках которых одни общества будут выступать как образцы, а другие – как отстающие и «догоняющие». Такая теоретическая и одновременно идеологическая репрезентация превращает теоретический проект модерна в догму, канонизирующую один возможный проект развития и отрицающую его альтернативные проекты.

В российской социологии функционируют как собственно российские теории модернизации, сконструированные с учетом культурно-исторической специфики страны (Лапин, 2011), так и западные теории, включая адаптированные варианты. Поддержкой пользуется теория множественности путей модерна, разработанная Ш. Айзенштадтом (Eisenstadt, 2000), которая допускает наличие многих «паттернов» модерна и, следовательно, разнообразие путей модернизации. В отличие от эволюционистской трактовки модерна Парсонсом как закономерного этапа развития человеческого общества, где модернизация – общая парадигма социального развития, у Айзенштадта модерн – лишь один из конкретно-исторических типов общества, а не универсальная стадия человеческой эволюции. Айзенштадт показал в исследованиях незападных обществ (Япония, Китай, Индия), что модерн – не единая модель, а тип развития общества, имеющий варианты. Поэтому каждый вариант общества типа модерна может рассматриваться как отдельная цивилизация.

Широко известна в России теория модернизации Р. Инглхарта, поло-

женная в основу мировых исследований ценности (WVS). Инглхарт акцентирует внимание на внутренних механизмах социальной трансформации и выделяет в качестве их главного критерия рост ценностей самовыражения. Эмпирический замер этих ценностей позволяет автору определить, на какой ступени модернизации находится страна (Инглхарт, Вельцель, 2011:77). Автор делает вывод об обратимости процессов модернизации в случае смены доминирующих ценностей в обществе. Практическое использование теории Инглхарта в научной сфере в России осуществляется давно, поскольку Россия входит в WVS.

Упомянем идею «имперской модернизации» Й. Арнасона в рамках цивилизационного подхода (Arnason, 2000). Данный подход к модерну исходит из признания всякого общества особым вариантом цивилизации, что позволяет снять оценку западной цивилизации как единственной или образцовой: всякая цивилизация получает право на самостоятельность и разные пути модернизации.

Адаптация ряда зарубежных идей и механизмов модернизации, если они адекватны российским реалиям, может дать новые инновационные импульсы в осмыслении развития России и обогатить теоретический анализ проблем российской модернизации.

Литература:

1. Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее // Социология. 2008. № 2. С. 21–25.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
3. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 3–18.
4. Arnason J. Communism and modernity // Multiple modernities, special issue. Daedalus. 2000. Vol. 129. N 1. P. 61–90.
- Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. 2000. Vol.129. N 1. P. 1–29.

Реинжиниринг и качество жизни

Томских М.С.

Забайкальский государственный университет, Россия, Чита

В конце XX – начале XXI века в научный, обыденный, политический лексикон вошло новое понятие «качество жизни». В настоящее время проблемы качества жизни получили разработку в трудах отечественных и зарубежных ученых. В научном знании выделены этапы становления и формирования этой категории, разработаны модели качества жизни, определены методики оценки качества жизни, сформированы основные теоретические подходы и направления исследования качества жизни, много сделано и в плане обоснования и использования на практике технологий повышения качества жизни населения. Однако несмотря на большой объем научной литературы, посвященной проблематике качества жизни среди ученых нет единого мнения относительно содержания данной категории.

Достижение достойного качества жизни было объявлено приоритетным направлением развития современных государств, индикатором научно-технического и социального прогресса, благополучия людей в различных сферах жизнедеятельности. Это было обусловлено функциональной ролью качества жизни как основы разработки различных социальных программ и проектов, критерия эффективности их реализации. В связи с чем закономерно встал вопрос о технологиях управления качеством жизни, направленных на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, снижение социального неравенства, повышение доходов населения, обеспечение всеобщей доступности и качества базовых социальных услуг. Сегодня в Российском государстве получили свою реализацию такие инновационные механизмы повышения качества жизни как приоритетные национальные проекты: «Образование», «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», которые способствовали решению многих социальных проблем. Выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 23 мая 2014 года в Санкт-Петербурге «Укрепление доверия в эпоху пре-

образований» В.В. Путин, подчеркнул важность и значимость образования, здравоохранения как факторов, обеспечения достойного качества жизни, повышения производственной эффективности. Совершенствование системы управления качеством жизни в условиях развития инновационной экономики знаний, инвестиционных проектов и наукоемких технологий является одной из важнейших социально-экономических проблем. Необходимость совершенствования системы управления качеством жизни на современном этапе обусловлена постоянными и быстро меняющимися организационными и экономическими условиями развития государства. Изменения, происходящие в обществе, требуют адекватной реакции государства и, прежде всего, внедрения организационно-управленческих инноваций, включающих стратегическое планирование; систему сбалансированных показателей; всеобщий менеджмент качества; бюджетирование, ориентированное на результат; управление проектами; реинжиниринг бизнес-процессов и другие управленческие инновации. В настоящее время управление качеством жизни не успевает быстро и адекватно реагировать на изменения, происходящие в обществе. Это, на наш взгляд, детерминировано следующими факторами: негибкость и бюрократизм существующих систем управления; несоответствие структур и методов управления решаемым задачам; несогласованность целей и задач на разных уровнях управления; превалирование задач оперативного управления над задачами стратегическими; неэффективность внедрения управленческих инноваций. В этих условиях актуализируются проблемы использования реинжинирга в управлении качеством жизни. М. Хаммер и Д. Чампи определили реинжинирг как принципиальное переосмысление и радикальную перестройку бизнес-процессов для достижения кардинального улучшения показателей эффективности. Решение указанных проблем предполагает внедрение реинжиниринга в управление качеством жизни. Управление качеством жизни населения – это целостная система целенаправленных воздействий на различные сферы жизнедеятельности людей с целью максимально полного удовлетворения их потребностей и интересов. В этой связи необходимо разработать научно-обоснованные подходы к внедрению ин-

новационных методов управления, реинжиниринга управленческих процессов на различных уровнях управления. Несмотря на наличие работ, описываемых структуру и особенности применения инструментария реинжиниринга в современной литературе нет исследований, посвященных использованию реинжиниринга в системе управления качеством жизни. Большинство работ посвящено проблемам проведения реинжиниринга для промышленных предприятий, вопросы же возможности применения реинжиниринга в управлении качеством жизни отсутствуют. Между тем, применение инструментария реинжиниринга в процессе управления качеством жизни чрезвычайно актуально.

Работа выполнена в рамках реализации гранта ФГБОУ «Забайкальский государственный университет» по теме «Реинжиниринг в управлении качеством жизни»

Трудовая жизнь студентов города Саратов: основные характеристики

Труфанова Н.Н.

СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов

Реформирование системы высшего профессионального образования, включение России в Болонский процесс определили основные приоритетные направления в этой сфере, среди которых значительное место занимает проблема подготовки специалистов, владеющих не только необходимыми знаниями, но и набором профессиональных навыков и умений. В силу ряда причин современный студент довольно рано вступает в трудовые отношения. Зачастую этому способствуют притесненное материальное положение студента и его семьи, неспособной не только оплатить обучение в вузе, но и обеспечить необходимый уровень жизни. Кроме того, важным мотивирующим фактором выступает требование со стороны работодателя при приеме на работу наличия трудового опыта у вчерашнего выпускника вуза.

В 2012 году в городе Саратов было проведено социологическое исследование, проведенное методом анкетирования, целью которого было изучение

профессиональных стратегий студенческой молодежи (Общий объем выборки составил 200 респондентов в соответствии с квотно-стратификационной выборкой по четырем ведущим вузам города Саратов). В рамках данного исследования было изучено качество трудовой жизни студенческой молодежи города Саратова. Было выявлено, что на момент проведения анкетирования лишь 19% от общего числа опрошенных были трудоустроены. 63% респондентов находились в поиске работы, 18% не работали и желали в ближайшем времени ее искать. Наблюдается постепенный спад вторичной занятости, на что, вероятнее всего, повлиял экономический кризис в стране, что поставило под удар, в первую очередь, не имеющих стажа и опыта работы студентов.

Трудовую жизнь любого работника определяет ряд объективных и субъективных факторов, по которым и следует оценивать ее качество. Одним из таких критериев выступает профессия респондента. В ходе исследования было выявлено, что основная часть вторично занятых студентов являются рабочими (57%). Специалистами в различных организациях являлась одна четвертая часть респондентов. 16% подрабатывали служащими. И только 3% уже нашли свой путь на рынке труда и открыли свой бизнес. При этом средняя заработная плата студентов составляет 5001–10000 рублей в месяц.

При этом определено влияние должностного статуса на личный доход респондента. Самую большую заработную плату имеют студенты, работающие специалистами, доход рабочих чуть ниже, зарплата служащих в половине случаев составляет 3001–5000 рублей, что позволяет поставить данную категорию на третье место по уровню дохода. Студенты, имеющие свой бизнес, отказались говорить о своей заработной плате.

При анализе качества трудовой жизни необходимо изучить характер труда. Стаж работы является одной из характеристик, отражающих стратегические мотивы поиска и наличия работы. Однако у большинства респондентов стаж менее трех месяцев (31%), что подчеркивает преобладание тактических мотивов – с целью заработка, и невысокую заинтересованность работодателей в трудоустройстве студентов в своей организации. Одна четвертая часть всех

опрошенных работает от трех месяцев до полугода. От полугода до года стаж работы составляет у 21% студентов. Более года работают 24% опрошенных.

Наличие работы, однако, негативно влияет на получение студентом высшего образования, так как он не посещает занятия в университете в связи с занятостью. Этот тезис подтверждают данные о количестве часов в сутки, посвященных работе. Большинство студентов (56%) работают практически в полный рабочий день – от шести часов до десяти. 39% опрошенных работают от одного часа до пяти в день. Продолжительность рабочего дня составляет свыше одиннадцати часов у 5% опрошенных.

Результаты нашего исследования подтвердили выводы ранее проведенных о том, что студенчество не занимает самостоятельного места в системе производства, студенческий статус является заведомо временным, а общественное положение студента и его специфические проблемы определяются характером общественного строя и конкретизируются в зависимости от уровня социально-экономического и культурного развития страны, включая и национальные особенности системы высшего образования. При оценке качества трудовой жизни студенческой молодежи города Саратова было выявлено, что большая часть студентов в целом удовлетворена своей работой, их устраивают условия, предоставляемые работодателем, заработная плата, должностной статус, хотя уровень социальной защиты не достаточно высок, работодатель выполняет не все положения Трудового Кодекса. Однако чем выше заработная плата и уровень дохода, тем выше и уровень социальной защищенности. При этом работают респонденты преимущественно не по специальности. Основной стаж работы у многих студентов составляет не более трех месяцев, что является показателем временного трудоустройства с целью быстрого заработка, а не построения карьеры.

Гендерная стратегия развития как условие социальной безопасности российского общества

Тулузакова М.В.

Российская академия народного Хозяйства и Государственной

Службы при Президенте РФ, Россия, Москва

Международная система защиты прав человека первостепенное значение придает вопросам защиты от дискриминации по признаку пола.

Так, ст. 1 Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин определяет дискриминацию как любое ограничение, изоляцию или запрет, основанные на половых различиях, которые имеют своим результатом ограничить, или аннулировать признание, соблюдение или реализацию человеческих прав и фундаментальных свобод женщин в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой сфере, независимо от семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин⁹³.

В практике российской действительности проблема равноправия полов далека от логического разрешения, так как только в последние годы стала предметом серьезного обсуждения и решения. В прежние годы идея равенства полов не осуждалась, ибо была принята обществом, как догма, а миф о достигнутом равенстве женщин и мужчин жив и по настоящее время. И, если сейчас равенство в правах практически не оспаривается никем, то проблема равенства возможностей остается открытой. В России равенство полов не стало приоритетом национальной политики. Так, до сих пор нет государственных структур, которые целенаправленно отслеживали и анализировали бы данную проблему.

Примечательно, что, начиная с 1990-х годов, существует целый ряд структур, которые призваны защищать права женщин. Помимо уже названных, в их число в разные годы входили: Комиссия по делам женщин, семьи и демо-

⁹³ См.: Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18.12.1979 // Права человека. М., 1998. С. 327.

графии при Президенте РФ (ликвидирована в 2000 г.), Комитет по делам женщин, семьи и молодежи в Государственной думе, гендерная секция в Совете НПО при Председателе Государственной думы, Комиссия по делам женщин при Председателе совета федерации, Комиссия по вопросам положения женщин при Правительстве РФ. Судя по названиям этих структур и их преобладающему размещению в структуре исполнительной власти, можно утверждать, что в стране по-прежнему продолжает существовать «социалистический подход» к реализации равноправия и сведению идеи к концепции «улучшения положения женщин». Это доказывается фактом отсутствия собственной развитой инфраструктуры в регионах страны, а институциональная база Департамента по делам детей, женщин и семьи в Министерстве труда и социального развития существует не как самостоятельный орган, а подразделение при органах социальной защиты и социального обслуживания населения.

Практически вопросы равенства решаются только через специальные департаменты Министерства здравоохранения и социального развития, а равенство полов не стало приоритетом национальной политики. Комплексный подход требует, чтобы равенство полов достигалось именно в контексте осуществляемой социальной политики государства. Важность вопроса о равенстве прав и возможностей женщин и мужчин связана и с тем фактом, что в общественном сознании проблема неравенства и дискриминации по признаку пола не приобрела той значимости, которая позволяет бороться и протестовать против этого явления. Дискриминация как социальное явление настолько плотно вплетена в общую канву социальных отношений, что некоторые наши граждане вполне искренне не отдают себе отчет в том, что они подвергаются дискриминации или их ограничивают в правах и возможностях по признаку пола. Более того, в ежегодных докладах «О соблюдении прав человека в Российской Федерации» некоторые регионы, в том числе и Саратовская область, не включили в отчетные разделы вопрос о дискриминации по признаку пола.

В результате ослабевается или сводится на нет признание, использова-

ние или осуществление лицами обоего пола прав и свобод человека и гражданина.

Дискриминация по признаку пола ведет к снижению социального статуса человека, изменению социальных установок в конкретной ситуации развития социальных отношений. Это, в свою очередь, влечет за собой перемены в ролевых функциях. По совокупности все это является одной из форм насилия над личностью, а, следовательно, угрожает социальной безопасности России. Несмотря на обилие норм, запрещающих дискриминацию, ни в одном законе РФ не прописано понятие «дискриминация по признаку пола», а, следовательно, не существует механизма реализации санкций в борьбе с этим явлением.

Модель национального механизма интеграции интересов членов общества сформировалась лишь частично. Именно учет реального разнообразия исходных условий, интересов, традиций, установок поведения различных групп мужчин и женщин с разными доходами, образованием, семейным положением, родительскими, национально-культурными и поселенческими особенностями может активизировать механизмы социального государства и гражданского общества, сотрудничество власти и общественных организаций с опорой на инициативу, самодеятельность и самоуправление граждан обоего пола в решении социально-экономических проблем.

Товарный фетишизм как источник эколого-экономической опасности

Турдиев Т.И.

Филиал Российского государственного социального университета в г.

Ош, Кыргызская Республика, Ош

Колоссальное развитие производительных сил привело к резкому усилению антропогенного пресса на природу. Именно XX век оказался эпохой разительных экологических и социально-экономических изменений. За прошедшее столетие на Земле в несколько сот раз выросла глобальная хозяйственная си-

стема и в антропогенный оборот был вовлечен две трети территории планеты. Еще В.И. Вернадский отмечал, что с человечеством, взятое в целом, превратилось в мощную геологическую силу [1]. Это обусловило переход биосферы в качественно новое состояние. Уже сегодня истреблено 2/3 лесов планеты. Около 700 млн га некогда продуктивных земель нарушено эрозией, при всей площади возделываемых земель, равной 1400 млн га. Если в начале XX века в мире проживало 1 млрд человек, то в конце столетия – уже 6 млрд человек.

Основная причина ухудшения экологической ситуации в глобальном масштабе – это рост потребностей общества, который в современных условиях носит экспоненциальный, «взрывной» характер.

Так, исторически ключевой социально-экономической предпосылкой обострения проблемы экологической безопасности стала капиталистическая конкуренция. В жесткой капиталистической конкуренции главным мотивом людей стала нажива, польза, выгода. К. Маркс о культе выгоды пишет «...эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой» [2, с. 144].

Ныне, как считает Э. Фромм, доминирующим принципом существования общества стал принцип обладания; «...потребление – это одна из форм обладания, и возможно, в современных развитых индустриальных обществах наиболее важная» [3, с. 34]. Трудно не согласиться с мнением Э. Фромма о том, что всякое потребление вскоре перестает приносить удовлетворение и вынуждает человека потреблять все больше и больше.

Так система ценностей капитализма, «дух конкуренции» формируют потребительское отношение к природе, которое пронизывает всю совокупность экономических связей общества. Массовое производство и потребление превратились как бы в новую религию, стали как бы фетишью.

Другая важная причина возникновения экологической проблемы – это ущербная, природоразрушающая идеология хозяйствования людей, которая сформировалась и самовоспроизводится в условиях рыночной конкуренции, когда «все воюют против всех».

Таким образом, в деле достижения экологической безопасности общества наиболее «узким местом» остается человек, его поведение в процессе хозяйствования и потребительской активности. Доминирующая пока в обществе идеология (культура) хозяйствования людей, как показывает исторический опыт, сформировался на фоне хозяйственной экспансии и усиления власти человека над природой. Такая идеология хозяйствования в условиях роста вовлеченности факторов природы в процесс производства резонансно угрожает экологической безопасности и в силу двух взаимосвязанных аспектов. Во-первых, деятельность человека, отчужденного от природы, на фоне НТП приобретает масштаб геологических процессов; во-вторых, усиливается потребительское отношение общества к природе, вследствие фетишизации массового производства и потребления благ в условиях, когда субъекты хозяйства «рационально» ориентированы на максимизацию выгод при минимизации затрат.

Следует отметить и несовершенство технологических процессов, которое приводит, с одной стороны, к большим техногенным поступлениям веществ (отходов) в среду, значительно превышающих естественные и, с другой стороны, к образованию концентрации элементов и соединений в несвойственных природе сочетаниях. Такое «несовершенство» охватывает все звенья круговорота и вносит такие количественные и качественные изменения в круговороте веществ, что под угрозой оказываются и условия существования человека. В целом, также, наблюдается нравственное оскудение общества, сопровождаемое усилением отчуждения человека от своих природных корней.

Усиливаются экономические противоречия современного общества, обостряется социальная поляризация, в совокупности исключающие результативную экологизацию. Если после Второй мировой войны доходы верхних 20% населения планеты превосходили доходы 20% нижних слоев в 30 раз, то сейчас она превосходит в 60 раз (!). На рубеже XX и XXI веков 2,8 млрд человек проживало в состоянии бедности, получая менее 2 долл. в день, из них 1,2 млрд человек пребывало в состоянии крайней нищеты, имея доход менее 1 долл. в день. При этом проблема голода в мире (треть населения мира страдает от го-

лода и недоедания) порождена не столько истощением потенциала мирового сельского хозяйства, сколько социально-экономическими факторами. Например, развитые страны имеют настолько эффективный продовольственный комплекс, что проводят политику сокращения посевов зерновых и других культур для поддержания цен на высоком уровне, недоступном для стран третьего мира.

Оказываемая развитыми странами «помощь» странам «третьего мира» способствует не искоренению бедности, а служит, в сущности, инструментом консервации их отсталости. Автор известной книги «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинс убедительно раскрыл сущность такой «идеологии и помощи», по сути, действующей до сих пор [4].

Литература:

1. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. 348 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 139–169.
3. Фромм Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 330 с.
4. Перкинс Дж. Исповедь экономической убийцы: Пер. с англ. М.: Претекст, 2008. 363с.

Современные социологические теории при анализе дискриминации населения третьего возраста

Турдубаева Э.К.

Филиал Российского государственного социального университета в г.

Ош, Кыргызская Республика, Ош

Изучение различных аспектов жизнедеятельности населения третьего возраста в настоящее время позволило исследователям среди социальных патологий выделить дискриминацию, противоречия, затрагивающие интересы старшего поколения, умаление их прав по сравнению с представителями других возрастных когорт.

Основные выводы, положения относительно дискриминации старшего

поколения в теории и методологии социальных наук принадлежат зарубежным специалистам. Анализ заявленной темы возможен при применении социогеронтологических теорий: социального неравенства (М. Вебер), зависимости и утраты ролей (Р. Этчли, И. Розв), субкультуры, возрастной стратификации, разъединения (Дж. Розен, Б. Ньюгартен, Е. Камминг, В. Генри).

Статус пенсионера во многих странах в корне изменил стиль его жизни, расположив данную демографическую группу на низкой ступени вертикальной социальной стратификации, возросла зависимость пенсионеров от государства и проводимой социальной политики. Влияя на снижение качества жизни, распространение люмпенизированной и ухудшение социального самочувствия пенсионеров, дискриминация оказалась нежелательным явлением, препятствующим нормальному функционированию общества. Рост напряженности в среде пенсионеров, развитие патологических форм старения (преждевременное старение, девиантное поведение), деформации ценностей и традиций требуют срочного реагирования, общественного и административного вмешательства. Следовательно, своевременным является анализ дискриминации старшего поколения в рамках теории социальных проблем, ставший предметом общественного внимания и беспокойства, вследствие увеличения численности населения третьего возраста в социально-демографической структуре стран.

Современные концепции массового общества (Ж. Бодрийяр, А. Горц, Э. Розак, А. Турен) отражают реальную проблематику роли пенсионеров как единой массы в жизни общества, которая оказалась неспособной противостоять дискриминации и повлиять на события в обществе [1, с. 628].

Анализ дискриминации, основанный на учении социального конфликта Р. Дарендорфа наиболее полно объясняет, проявляемый временами (скрыто, открыто) социальный конфликт, заключающийся в различии социальных позиций и ролей старшего и младшего поколений в обществе. У молодого поколения в настоящее время есть власть и право управлять, у старшего поколения эти привилегии менее выражены и/или отсутствуют. Конфликту способствуют неодинаковый доступ к ресурсам, борьба за лидерство, престиж, диспропорция в

распределении власти и отсутствие свободных каналов перераспределения власти. Преодоление конфликта возможно при осознании собственных и противоположных интересов конфликтующих сторон (тех, кто у власти и в подчинении) и необходимости принятия мер для его разрешения, что приведет к позитивным социальным изменениям.

Особого внимания при анализе дискриминации старшего поколения заслуживает теория социальных рисков (С.А. Кравченко). Социальные риски возникают при выходе на пенсию, и проявляются в следующих аспектах: нормативном (изменения норм, ценностей и институтов, характерных для геронто-группы); ментальном (изменения идей, убеждений, взглядов, образцов); в социальных коммуникациях (выпадение из социальных сетей); в эмоциональных изменениях (культивируются определенные эмоциональные состояния, аффекты, агрессивные и пораженческие настроения, депрессии выступая ответной реакцией на дискриминацию).

Важное значение для анализа заявленной темы имеет теория девиантного поведения как симптома рассогласованности между целями, предписанными культурой, и социально структурированными средствами их достижения (Мертон). Согласие с новыми моделями поведения в пенсионном возрасте, самостереотипизация, восприятие дискриминации как нормы способствует девиантному поведению молодежи по отношению к старшему поколению.

Теория геронтологического эбьюзинга (жестокое обращение к старшему поколению) П.В. Пучкова отражает проблему взаимоадаптации и взаимоотношения старшего поколения с другими возрастными категориями населения [2, с. 175–178.].

Теория модернизации, импортирование традиционными обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформировавшихся в рамках западных демократий объясняет дискриминацию старшего поколения.

Концепция общественного мнения и спирали молчания (Э. Ноэлль-Нойманн), объясняет причину роста проявления дискриминации к старшему поколению, тем что, последние, чувствуя, что их мнение, поведение не соответ-

ствуем мнениям и поведению большинства ощущают себя изолированными, социально пассивны, открыто не выражают свои мнения, высказывая свои возмущения временами небольшой аудитории, отказываясь от поступков, которые могут быть восприняты другими людьми как неадекватные. Тогда как молодое поколение активно, открыто высказывает свое мнение, не боясь осуждения обществу, чувствует себя сильнее. Чем громче и активнее проявляет себя молодежь, тем слабее чувствуют себя первые, замыкаясь в себе, что сильнее закручивает «спираль молчания». Особенно четко данная ситуация наблюдается в среде людей пенсионного возраста, продолжающих трудовую деятельность.

Литература:

1. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 863 с.
2. Пучков П.В., Дамзаев С.С. Символический интеракционизм как объяснительная теория геронтологического эбьюзинга // *Общественные науки. Социология*. 2007. № 1.

Социально-исторические факторы вульгаризации сознания постсоветских обществ

Туренко О.С.

Донецкий юридический институт, Украина, Донецк

Одним из факторов многообразных форм социальной патологии современности является вульгаризация сознания и жизни. Под вульгаризацией автор понимает упрощение мировоззренческих представлений о базовых культурных стандартах и социальных коммуникациях, коллективное возвращение к выборочной ответственности и индивидуалистический отказ от «совместимости» с другим (Ж.Л. Нанси). Вульгаризация включает в себя пуэрилизм (Х. Хейзинга) – тинейджерскую позицию позерства как действия индивида, не соответствующего уровню разумности и сложности социальных процессов. Эта позиция является следствием отказа индивида постигать все многообразие социо-

культурных феноменов и отречение от суверенной зрелости. Вульгаризация сознания является одним из факторов и граней варваризации, или более откровенно, быдлоизации (С.И. Григорьев) общества, и несет за собой угрозу утверждения охлократических и диктаторских режимов, снижения общественной консолидации, разрушения основ цивилизованности социума.

Постсоветские общества имеют свои особенности и факторы развития вульгаризации сознания. В той или иной мере, эти факторы имеют три основы.

Первой основой является советское ментальное наследие, которое по своей сути остается мировоззренческим «каркасом». Представление о порядке коммуникации индивидов с политическими институтами остаются на уровне «казарменного социализма». В границах этого каркаса произошла аксиологическая подмена – место свободного выбора и индивидуальной совести заняла партийно-государственная целесообразность. Критерием единственно верного социального действия стала верность воли начальника. Индивид лишился публичного пространства свободы. За счет постоянного пребывания в казарменном пространстве, индивидуальное представление о мире, становилось поверхностным и упрощенным. Жизнь воспринималась как вечное пребывание в детстве (вспомним утопию Платона) – на все сложные вопросы были простые ответы, а все социально-экономические проблемы разрешались мудрыми руководителями. Многообразие форм и стилей жизни аннигилировалось.

Патерналистский стиль управления, выразившийся в грубых и иногда дилетантских решениях, привел к кризисным результатам: выхолащивание неординарных личностей, отказ от инициативы и массовый примитивизм в оценках другого, замкнутость и недоверие к «чужому» (все, кто не разделяет общепризнанного мнения, мог быть уничтожен или изолирован), равнодушие к будущему, категоричность и шаблонность суждений. Патернализм постсоветских государств консервировал казарменный каркас сознания – индивид отказался становиться зрелым человеком (И. Кант).

Постсоветский стиль управления мало чем отличался от предыдущего. Властная элита лишила индивида возможных социально-политических про-

странств – рыночная экономика приняла деформированный характер, а демократия получила признаки фиглярства и филистерства. Все здоровые стремления индивидов были абсорбированы ложью, пустословием новой номенклатуры. В этих условиях каждый предался поиску «теплого местечка», в котором за блага паразитирующей и сытой жизни, человек должен избавиться от права решать свою судьбу самостоятельно, отдав это право государству или корпорации. А рост значимости материальных ценностей и развлечений, поставили человека «в передморальную стадию развития» (Г. Йонас). Индивид отвергает идеальные образы усовершенствования, что приводит к отказу от рациональной самодисциплины – он становится субъектом манипуляции.

Вторая основа вульгаризации связана с развитием массового общества. Оно, достигнув невиданного раньше благосостояния, предоставляет безграничные шансы самопроявления, многочисленные возможности потребления, пробуждая у индивидов чувство всемогущества и самодовольства. С другой стороны, «втянуло в себя все слои населения (Х. Арендт), уравнивая и нивелируя ценности: богатство, культура, традиции, пол. Формируя свою гомогенность, массовое общество снижает уникальность человека, превращая его в одномерность, Это трансформирует человека в необузданного и балованного ребенка – потребителя впечатлений (Х. Ортега-и-Гассет). Своей вседоступностью массовое общество сняло большинство социокультурных границ, моральных норм, и тем самым сформировало внутреннюю безграничность желаний – искусственно породило ребенка-деспота. Сознание такого человека примитивизировано, оно отказывается от служения другому.

Третьей основой вульгаризации является инструментализм и механизация мышления постиндустриального общества. Политические, культурные, производственные и даже религиозные отношения пронизаны инструментальными технологиями и виртуализацией, что особо проявляется в СМИ и рекламе. Происходит социальная архаизация – упрощение экономических отношений, где работник умеет выполнять несколько не сложных операций, а его представления о мире и ответственность сведена до механизации конвейера или

компьютерной программы.

Самопрезентация китайского среднего класса в общественном мнении

У Яао

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

При обсуждении будущей социальной структуры, исследователи придают большое значение среднему классу. Принято считать, что средний класс – это те, кто владеет определенным интеллектуальным капиталом и капиталом престижа профессии, и в основном занимается умственным трудом. Представители среднего класса имеют высокое гражданское сознание, являются носителями общественной морали, и актуализирует активную политическую позицию.

В условиях доминирования коммунистической идеологии понятие «средний класс» считалось враждебным, а сейчас его часто используют в средствах массовой информации. И, может быть, этот термин станет самым популярным в китайском обществе в XXI веке. Даже сейчас, спустя 34 года после начала осуществления политики реформы и открытости, китайцы еще не привыкли к тому, что у них появился «средний класс», и испытывают огромное потрясение. В отличие от среднего класса на Западе китайский средний класс сформировался в процессе резкого социального изменения – перехода от системы плановой экономики к системе рыночной экономики. Многолетнее устойчивое и динамичное развитие страны создало условия для рождения среднего класса в Китае. Кроме того, доступное качественное высшее образование также обеспечивает рост среднего класса. Для определения среднего класса в социологии широко применяются критерии классификаций Райта и Голдторпа. На основе их классификаций в юго-восточной Азии социологи разработали свою программу исследования (ЕАМС Project) и предложили новый вариант социальной классификации для этого региона. Используя эти критерии и с учетом уникальных социально-политических

условий в Китае, социологи признают, что китайский средний класс имеет свою специфику по сравнению со средним классом в других регионах. Принято считать, что средний класс в Китае состоит из четырех слоев: предпринимательский слой, слой нового среднего класса, старший средний класс и крайний средний класс. По данным экспертов, среди четырех слоев предпринимательский слой занимает первое место по среднегодовым доходам, а крайний средний класс имеет самые низкие доходы по сравнению с другими слоями. Надо отметить такой интересный момент: большинство из тех, кого социологи относят к среднему классу, не считают себя носителями данного социального статуса. Они жалуются на то, что уровень их жизни не соответствует уровню жизни среднего класса. При этом эти жалобы и неудовольствия становятся стимулом для накопления материальных средств и улучшения жизненных условий. Действительно, за последние годы все больше и больше членов среднего класса входит в число богатых людей.

Увеличение доходов и рост численности членов среднего класса отражается в потребительских отраслях, прежде всего это касается приобретения жилья и автомобилей. Однако, с одной стороны, по мере снижения цены автомобилей нормативы для определения среднего класса усложняются; а с другой стороны, в связи с тем, что в 2006 году цена квартир значительно выросла, для некоторых представителей нового среднего класса купить квартиру уже не по карману. Молодые «белые воротники» считают, что цена квартиры является самым большим барьером для поступления в группу среднего класса. На самом деле, жилищная проблема становится ключевой проблемой «тревоги среднего класса».

Что касается роли и функции среднего класса, ученые относятся к этому абсолютно по-разному. Но в целом принято считать, что средний класс выполняет две главные функции: во-первых, средний класс считается мощной силой обеспечения социальной стабильности; во-вторых, он стимулирует демократию. С одной стороны, под влиянием нового либерализма все больше и больше членов среднего класса стремятся к осуществлению их полити-

ческих целей. Они используют все возможные способы (в том числе СМИ), чтобы выразить свои политические требования (что стало особенно заметно в последнее время). А с другой стороны, средний класс консервативно относится к политике. Они являются бенефициарами экономической реформы и надеются, что политическая ситуация сохранит свою стабильность, что соответствует их интересам. Кроме того, большая часть среднего класса в Китае является государственными служащими, это в целом приводит к тому, что средний класс, в общем, имеет тесную связь с государством. Еще одна причина – сильное влияние традиционной культуры (конфуцианство), ключевая его мысль – подчинение традиции и управляющему.

В исследовании «Отношение разных классов к политике» (Пекин, 2006) был проведен опрос по таким пунктам, как чувство безопасности, доверие к правительству, оценка данной социальной ситуации, насколько граждане признают государственный авторитет и т.д. Результаты исследования показывают, что даже внутри среднего класса между разными его слоями существуют различные общественные мнения. Низкий и крайний слой среднего класса имеют более радикальное мнение, что оказывает сильное влияние на общество.

**Методологические вопросы определения содержания категории
«социальный потенциал региона»**

Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф.

*Уфимский государственный авиационный технический университет,
Россия, Уфа*

Не вызывает сомнения что от уровня познания социально-экономического потенциала и разработки механизма эффективного его использования зависит научная обоснованность управления социально-экономической жизнью страны и ее регионов. Именно этим обусловлена актуальность изучения проблем потенциала общества. В связи с установлением различных санкций со стороны США и ЕС актуальность их изучения и реализация на совре-

менном этапе развития нашей страны резко возросла. Однако в научной литературе обнаруживается отсутствие единого методологического подхода к определению его сущности и содержания.

Сегодня под потенциалом обычно понимают либо возможности, либо способности, либо ресурсы. По нашему мнению нельзя отождествлять понятия, возможность, способность и ресурс с категорией «потенциал». Определяя потенциал как какую-то систему возможностей, мы расширяем объем этого понятия, а, отождествляя потенциал с системой способностей, наоборот, мы сужаем его содержание. Анализ соотношения понятий «потенциал» и «возможность» показывает, что определение потенциала как совокупности возможностей по меньшей мере логически некорректно. Возможность выражает наличие условий для реализации потенциала

Способность – это характеристика системы, позволяющая ей актуализировать, некое содержание самодвижения и воздействия на другие системы, она представляет собой систему способов действия реализации потенциала.

Ресурсное толкование сущности понятия «потенциал» также имеет методологические недостатки. Под ресурсами в литературе принято понимать некую совокупность носителей свойств и характеристик, имеющих значимость для функционирования той или иной системы и обеспечивающих ее существование. Потенциал же может и должен рассматриваться как атрибут какой-либо системы материального или идеального характера. В реальной действительности, где все взаимосвязано и взаимодействует, потенциал выступает прежде всего, как сила воздействия, как атрибут бытия.

По нашему мнению потенциал представляет собой совокупность взаимодействующих сил, заключенных в той или иной материально-духовной системе, вектор действия которых может быть направлен как на саму эту систему, так и вовне. Потенциал – это понятие, которым обозначается, прежде всего, система сил, действие которых актуально или может быть актуализировано при определенных условиях. Результатом их действия являются разноплановые, разнокачественные изменения.

Исходя из изложенного подхода, содержание понятия «потенциал» можно определить следующим образом: потенциал — это присущая материально-духовным системам (человеку, социальному институту образования, социальным группам, региону, науке и т.д.) феномен обеспечивающий наличие у этих систем определенных возможностей, способностей, ресурсов и т.д. для реализации ими тех или иных усилий, направленных на самосохранение и самодвижение, а так же на преобразование условий и характеристик среды. Что же касается социально-экономического потенциала региона то его следует определить как возможности и способности указанных систем региона за счет использования собственных региональных ресурсов обеспечить достижение в своей административно-территориальной границе долгосрочного, устойчивого развития, позволяющего гарантировать населению территории необходимый уровень и качество жизни, соответствующий стандартам развитых стран мира. Следует отметить, что в литературе преимущественно используется категория «социально-экономический потенциал». Действительно, социальный и экономический потенциалы тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Поэтому, их необходимо исследовать в диалектической взаимосвязи друг с другом. Но вместе с тем, как нам представляется, необходимо их и разводить. При этом социальный потенциал следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия. Социальный потенциал региона имеет достаточно сложную иерархическую структуру. В его составе целесообразно выделить производственный, трудовой, научно-образовательный, инновационный, организационный и другие потенциалы. Естественно каждый указанный потенциал является относительно самостоятельной системой и имеет большое количество своих составляющих элементов. В свою очередь все структурные элементы социального потенциала находятся во взаимосвязи и способствуют, во-первых, в случае гармоничного согласия повышения уровня социального потенциала региона в целом. Во-вторых, их соотношение определяет особенности потенциала региона в

целом. Поэтому при исследовании и разработке системы управления все структурные элементы социального потенциала должны рассматриваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Политический кризис как фактор политических изменений в механизме функционирования политических систем

Федоркин Н.С.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В истории мы не найдем, пожалуй, ни одного государства, в прошлом которого не были бы запечатлены периоды острых кризисных ситуаций, оказавших решающее влияние на качественное изменение политических институтов, форм правления и государственного устройства, политических режимов, социальной структуры обществ, доминирующих в них норм и ценностей. Именно в эти, пограничные периоды истории отдельных народов и государств, возникали социальные и политические учения, авторы которых пытались объяснить природу и сущность политических изменений, выяснить роль и место социально-политических конфликтов и кризисов в механизмах функционирования политических систем, определить, наконец, условия, которые могли бы обеспечить формирование устойчивых механизмов функционирования «правильных» форм правления. Эти учения возникали, как правило, в кризисные эпохи и часто совпадали с эпохами кризиса самого политического знания, приводившего к смене исследовательских парадигм. Поэтому проблема теоретического осмысления политических изменений и, в частности, политического кризиса, как структурного элемента политической динамики, его места и роли в механизме функционирования политических систем, включает в себя исторический, теоретико-содержательный и методологический аспекты.

В контексте рассматриваемой проблемы особое место в этом смысле занимает вторая половина XX века, которая характеризовалась известным кризисом в политической науке, вызвавшим поиск на основе «поведенческого под-

хода» некой гранд-теории и методологии, способной «охватывать и сравнивать политические системы любого типа, будь они примитивными или передовыми, демократическими и недемократическими, западными или нет»⁹⁴. Это широкое направление в западной и американской политологии и политической социологии стимулировалось также практическими потребностями необходимости объяснений и прогнозирования социально-политического развития десятков новых государств, появившихся на политической карте мира после второй мировой войны (теории модернизации). Ответом на эти поиски «научной», «всеобъемлющей» политической теории явились системный и структурно функциональный подходы в объяснении механизмов функционирования политических систем (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд и др.), вызвавшие одновременно полемику по поводу содержания самого механизма политических изменений, места и роли в нем конфликтов и политических кризисов. Особую роль в разработке именно этой части проблемы сыграл своими работами в области политического развития и политической культуры известный американский политический социолог Л. Пай. Ему принадлежит авторство классификации политических кризисов, обоснования их последовательности и разрешения, условий, при которых политическое развитие может оказаться затруднительным⁹⁵. Его исследования по проблемам политического развития, на наш взгляд, остаются значимыми в методологическом аспекте до наших дней в понимании общетеоретического контекста политических изменений, методологии сравнительного анализа механизмов функционирования политических систем.

Независимо от типа социально-политической системы, уровня ее развития, традиций и ценностей ее функционирование предполагает присущую ей

⁹⁴ См.: Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клигеманна. М., 1999. С. 312. Этот кризис наметился еще в начале XX века и получил свое развитие в 60-е годы в так называемой «поведенческой» революции», сформировавшей ныне доминирующую поведенческую парадигму в исследовании политического знания.

⁹⁵ С м. подробнее: Миронюк М.Г. Мир политической науки. Учебник. В двух книгах. Книга II. Персоналии. М., 2005. С. 348–354.

качественную характеристику – поддержание и сохранение политической стабильности как условия выполнения взятых на себя обязательств отдельными ее институтами и системой в целом. Поэтому важнейшей функцией политической системы является смягчение, «погашение» и разрешение социально-политических *противоречий, политических конфликтов и политических кризисов* в совокупности составляющих содержание политического процесса. Ее действия определяют возможные и неоднозначные для социально-политической системы варианты развития – от сохранения и поддержания системой политической стабильности, путь политических реформ, до революционного распада, смены политической системы. В структуре механизма политических изменений политический кризис занимает особое положение. С одной стороны он аккумулирует в себе потенциал всех происходящих в политической системе изменений, являясь их результатом, а с другой – развиваясь в условиях временной, частичной, либо на постоянной основе утере управляемости политической системой, становится определяющим фактором политических изменений, характеризует состояние и реальные возможности выхода системы из сложившейся политической ситуации.

Социально-экономические проблемы украинской сельской семьи

Фирсова Л.В.

Харьковский государственный технический университет сельского хозяйства им. П. Василенко, Украина, Харьков

Сельская семья является структурой, на которую ориентируется как отдельный индивид, так и сельский социум в целом. Оберегать и укреплять сельскую семью есть смысл, если существует желание развивать село.

Сейчас в сельской местности Украины проживает 14 миллионов человек, в городах – 31,2 миллиона⁹⁶. По европейским меркам, сельское население в Украине чересчур большое. Однако сейчас это оправдывается, в частности, тем,

⁹⁶ См.: <http://www.dsnews.ua/society/> (дата обращения: 27.10.2014).

что жизнь села прямо зависит от уровня автоматизации и механизации сельского хозяйства, который в Украине оставляет желать намного лучшего. Для работ, которые в ЕС выполняет один фермер, здесь привлекаются десятки человек. Примитивные орудия труда до сих пор применяются в подсобном хозяйстве. Получение урожая достигается путем больших трудовых затрат, поэтому ряд сельских жителей, особенно молодежь, не желают тратить время на подсобное хозяйство.

В стране насчитывается более 28 тысяч сельских населенных пунктов, работоспособная численность их жителей составляет порядка 8 миллионов человек, в сельском хозяйстве занято свыше 2 миллионов. При этом в течение нескольких последних лет число сельских жителей, выехавших работать за рубеж, возросло почти на 55 тысяч человек⁹⁷.

Если в ряде стран сельское население исчезает из-за развития промышленности, то в Украине оно уменьшается вследствие неблагоприятных социально – демографических факторов. С начала независимости в стране официально прекратили свое существование 601 село и 40 поселков. Однако последняя перепись населения проходила в 2001 году, и сейчас никто точно не знает, сколько населенных пунктов существует только на бумаге.

Одним из главных факторов уменьшения количества жителей сел является миграция. Она обусловлена отсутствием в родном селе работы, нормальных условий жизни; этот процесс стимулируют также сложности со сбытом продукции сельского хозяйства и др.

Современное состояние экономики и социальной инфраструктуры села не способствуют становлению и функционированию молодой семьи. Данное обстоятельство является важным фактором молодежной миграции. После свадьбы многие молодые супруги стремятся скорее переселиться в город, где рассчитывают на возможности успешно реализовать свои жизненные планы.

Село покидают в первую очередь квалифицированные специалисты, что

⁹⁷ См.: <http://novostiua.net/> (дата обращения: 20.07.2014).

отрицательно сказывается на качественном составе трудовых ресурсов. Наряду с этим утверждается тенденция старения сельского населения, что влечет за собой увеличение затрат на содержание нетрудоспособных граждан.

Дополнительным весомым аргументом для смены места жительства молодой семьи становится закрытие школ в сельской местности из-за недостатка учащихся.

Члены сельской семьи вынуждены рассчитывать главным образом на себя, а не на государство. Имеющихся в селе ресурсов достаточно для существования, однако не хватает для интенсивного развития.

Для значительной части семей основными экономическими источниками существования является натуральное хозяйство, заработки в других населенных пунктах и городах. К источникам существования жители сел относят также государственные предприятия промышленности, транспорта и связи, сферы туризма, услуг и т.д.

Сельские семьи сегодня выживают также за счет торговли, заработков за границей, частного бизнеса. Многие из них держатся на плаву благодаря приближенности к большим городам, курортам, торговле на оживленных трассах. Мелкому предпринимателю в настоящее время затруднительно за приемлемую цену продать на месте, например, овощи, картофель или мед. Весьма проблематичной является ситуация со сбытом продукции животноводства. Обычному селянину сегодня невыгодно держать в хозяйстве даже корову, которая всегда считалась кормилицей семьи.

Большинство селян не привлекает работа на сельскохозяйственных предприятиях в основном из-за низкой зарплаты. А дипломированных специалисты не стремятся работать в сельской местности даже при приемлемом уровне оплаты их труда из-за множества социальных проблем.

Для многих молодых членов семей сложно устроиться **на хорошую работу**. Кроме того, в селе практически нет возможности сделать карьеру, заняться бизнесом, обеспечить себе достойный уровень жизни⁹⁸.

Современное состояние украинского села требует осуществления эффективных организационно-экономических, технико-технологических, а также политико-правовых государственных мероприятий, направленных на коренные изменения в развитии сельской местности, на полную перестройку в сознании общества роли и значения сельского населения. Без всего этого не реализуется мощнейший ресурс Украины, являющейся второй страной в мире по объемам пашни и первой в Европе по сельскохозяйственному потенциалу.

Перспективные направления в развитии социологии в XXI веке

Фомичева Т.В.

Факультет социального управления и социологии Российского государственного социального университета, Россия, Москва

Говоря об основных перспективах развития теоретической социологии в XXI веке, необходимо отметить классификацию, предложенную А. Турэнном и развитую П. Ансаром, которую можно представить следующим образом: генетический структурализм; динамическая социология; функционалистский и стратегический подход; методологический индивидуализм [1].

Все чаще многими учеными отмечается потребность к интеграции социального знания [3], необходимость сотрудничества социологии с другими отраслями социального, гуманитарного и даже технического научного знания, формат глобализации и интернационализации социологического знания.

Основные тенденции трансформации современного социологического знания можно косвенно проследить с помощью анализа контента Всемирных социологических конгрессов.

Так, в частности, в контексте работы Всемирного конгресса социологов

⁹⁸ См.: <http://vu.ua/news/1381.html> (дата обращения: 15.06.2014).

в Австралии в русле проблематики методологии социологических исследований представляет интерес доклад академика Г.В. Осипова «Российская социология в XXI веке» [4]. В нем отмечается, что в российской социологии сложились и завоевали признание четыре социологические парадигмы: марксистская социологическая традиция (анализ структурных, классовых и личностных элементов социальной реальности), «понимающая социология» (М. Вебер), «социальных фактов» (Э. Дюркгейм) и «социального поведения» (Б. Скиннер). Анализируются также пять теорий, «бросающих вызов академической социологии». К ним Г.В. Осипов относит: «социологию глобализации» (А. Мартинелли), «социологию мировых систем» (Э. Валлерстайн), «постнаучную, ценностную социологию» (Р. Беллах), «социологию постмодерна» (З. Бауман) и «феминистскую социологию» (Д. Смит) [2].

Указанный подход, рассматривающий социологию как мультипарадигмальную науку, с опорой на сложившиеся парадигмы и инновационные методы, весьма плодотворен. Причем, к числу инновационных и актуальных направлений в теоретической социологии и социальной теории можно было бы отнести и некоторые другие подходы и концепции. Среди них: теории социального поля и габитуса (П. Бурдьё), социальных систем (Т. Парсонс, Н. Луман), символического интеракционизма (Дж. Мид), коммуникативного действия (Ю. Хабермас), обмена (П. Блау), «сетевой логики» (М. Кастельс) и другие [2].

На конгрессе в Йокогаме, проходящем под лозунгом: «Встреча с неравным миром. Вызовы для глобальной социологии», в июле 2014 г., одним из основных аспектов изучения современного социума было названо неравенство, вызывающее большинство «производных» проблем и конфликтов, включая: социально-экономическое неравенство, гендерное неравенство, возрастное неравенство, образовательное неравенство, и другие его аспекты.

К одним из выводов Всемирного социологического конгресса в Йокогаме можно отнести следующее: экономическое и социальное неравенство являются одними из важнейших проблем современного социума и девиантогенными факторами; а также тщательно методологически и методически обосно-

ванные эмпирические исследования – базис современной социологии.

Литература:

1. Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 137–138.
2. Ирхин Ю.В. Всемирные социологические конгрессы и международное сотрудничество социологов // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 2. С. 334–352.
3. Култыгин В.П. Мировое социологическое сообщество на рубеже тысячелетия // Социологические исследования. 1998. № 12.
4. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 8–10.

Местное самоуправление в современных российских условиях: ограничения и ресурсы развития

Фролова Е.В.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Финансовая необеспеченность местных бюджетов, а также деструктивная практика взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти относятся к наиболее значимым ограничениям развития современных российских муниципальных образований.

Объективные показатели финансовых ограничений, такие, как рост долговых обязательств местных бюджетов (увеличение в 2 раза за 5 лет), увеличение дефицита местных бюджетов (более чем в 2 раза) подтверждаются субъективными оценками руководителей местных органов власти, отмечающих высокий уровень бюджетной необеспеченности исполнения собственных полномочий, а также переданных государственных полномочий. Недопустимо завышенное количество запросов и проверок (в среднем 33,7 проверок, 82,1 запрос на один орган МСУ в год), проводимых органами государственной власти, инициирует высокий уровень отвлечения кадровых, организационных ресурсов

от действительно значимых проблем муниципального образования. Анализ экспертного опроса руководителей местного самоуправления позволил выявить проблему нерелевантности сделанных контрольно-надзорными органами предписаний об устранении нарушений фактическим возможностям муниципального образования, ресурсному обеспечению их выполнения. Финансовые ресурсы, необходимые для выполнения предписаний, зачастую в несколько раз превышают возможности годового бюджета муниципального образования.

Такая проблема, как высокий уровень влияния региональной власти на местное самоуправление инициирует ряд негативных тенденций. В условиях тотальной дотационности современных муниципальных образований, эффективность деятельности местных органов власти определяется не столько профессионализмом, привлечением инвестиций, работой с населением, внедрением инноваций в развитие инфраструктуры, сколько привлечением межбюджетных трансфертов из региона. Соответственно, руководители, в первую очередь, ориентированы на выстраивание договорных отношений с региональной властью, нежели на работу на своей территории. С этим связана девиация профессиональной роли муниципального служащего, формирование таких его качеств, как безынициативность, конформизм. Это нашло отражение в результатах опроса населения.

Как показали результаты исследований, сегодня почти половина опрошенных респондентов не доверяют органам местного самоуправления. Только каждый десятый опрошенный считает, что местная власть достаточно интересуется мнением своих жителей по наиболее важным вопросам обеспечения жизнедеятельности, еще меньший процент (4,1%) уверены, что руководители местных органов власти хорошо знают проблемы и потребности жителей. Более половины опрошенных респондентов считают, что местная власть ориентирована только на вышестоящее руководство, чувствуя перед ним ответственность, в то время, как только каждый десятый признает наличие у них ответственности перед населением. Анализ опросов населения выявил достаточно ограниченный спектр практик проявления общественной активности граждан.

Так, только каждый десятый опрошенный (11,6%) принимал участие в сходах граждан, 4,2% респондентов принимали участие в работе общественного совета, 4,3% – в собраниях жителей, 3,5% опрошенных подавали обращения в органы местного самоуправления [1]. При этом публичные слушания, деятельность общественного совета нередко воспринимается как формальная норма взаимодействия с гражданами, имитация демократических процедур. Признавая роль общественной активности, большинство не видит смысла в участии в самоуправлении, не веря в возможности своего реального влияния, и свыше 60% уверены, что они не смогут ничего сделать. Причинами недостаточного уровня муниципальной активности населения являются, с одной стороны, социальная пассивность, особенности ценностных ориентаций населения, дистанцированность от проблем территории; с другой стороны – информационная закрытость органов МСУ, отсутствие финансовых средств на реализацию эффективной информационной политики, низкий уровень информированности населения о возможных формах участия, недоверие к органам власти.

Таким образом, в современных условиях развитие местного самоуправления связано с решением таких системных проблем, как искусственная дотационность местных бюджетов, деструктивная практика взаимодействия с органами государственной власти, отчужденность населения от местной власти и проблем территории, социальная пассивность и низкий уровень доверия граждан к местной власти.

Литература:

1. Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем. Аналитический отчет о проведении количественного и качественного исследования. Исполнитель: Всероссийский Совет местного самоуправления // Сайт Всероссийского Совета местного самоуправления. URL: <http://vsmsinfo.ru> (дата обращения: 13.07.2012).

исследовательских университетов в их решении (на материалах КНИТУ)

Фролова И.А.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань

Россия переживает период социально-экономической модернизации, главным звеном которого является создание условий для реализации интеллектуального потенциала нации, в первую очередь, путем создания механизмов привлечения молодых специалистов в науку и инновационные виды деятельности.

Очевидно, что современные молодые ученые представляют собой мощный кадровый потенциал с достаточно высоким образовательным уровнем. В связи с развитыми технологиями и доступными информационными ресурсами, современные молодые кадры представляют собой социальную группу, особенностью которой является нестандартность мышления, высокий образовательный уровень, инициативность, умение быстро и эффективно адаптироваться в условиях рыночной экономики, а самое главное, желание использовать полученные теоретические знания на практике.

Сегодня молодой ученый – это не только специалист, в возрасте не старше 35 лет, владеющий профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и человек, научная деятельность которого позволяет реализовывать инновационные идеи, эффективно решать актуальные задачи своей страны. Как отметил В.В. Путин, выступая на церемонии вручения премий президента молодым ученым 11 февраля 2014 г., необходимо растить новых лидеров науки, причем мирового масштаба, формировать условия для того, чтобы сильные научные коллективы, наиболее талантливые молодые ученые получили лучшие возможности для работы в научно-исследовательской сфере [1].

Но и сегодня существует ряд проблем, с которыми молодым ученым приходится сталкиваться ежедневно. В силу специфики научного труда процесс становления ученого продолжается дольше, чем большинства других специалистов. Длительный процесс становления усиливает зависимость молодого учено-

го от государственной и социальной поддержки, направленной на создание условий для его развития [2]. Отсутствие таких условий порождает проблемы, связанные с обеспечением материальных условий жизни молодых ученых, их социально-профессиональной мобильности и самореализации, без которых подлинная отдача, особенно в сфере академической науки, не представляется возможной.

Неизменными остаются проблемы, связанные с низкой заработной платой, а так же низкой оснащенностью рабочих мест и ограниченным доступом к инновационным технологиям.

Решение сложившихся проблем заключается в формировании оптимальной системы развития исследовательской и инновационной деятельности в сфере высшего профессионального образования. Одним из таких шагов, принятых в 2009 году, стало решение о формировании в России новой категории вузов – национальных исследовательских университетов [3] (далее – НИУ) в качестве высших учебных заведений, одинаково эффективно осуществляющих образовательную и научную деятельность на основе принципов интеграции науки и образования.

Ярким примером системы развития исследовательской деятельности является Казанский национальный исследовательский технологический университет (далее КНИТУ). В КНИТУ Созданы и оснащены центры и научные лаборатории коллективного пользования уникальным оборудованием, соответствующим мировому уровню разработки и внедрения наукоемких материалов и новых прорывных технологий. Создана система управления интеллектуальной собственностью для эффективной коммерциализации научно-технологических разработок. Повышается квалификация и профессиональная переподготовка научно-педагогических работников и учебно-вспомогательного персонала. Развивается инновационная деятельность университета, создаются целевые страховые фонды для обеспечения финансовой устойчивости университета. Разрабатываются и реализуются международные научно-образовательные програм-

мы по ПНР университета, их международная аккредитация, интеграция университета в международное научно-образовательное пространство [4].

По данным рейтинга инновационного развития, составленного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Татарстан вошел в тройку лидеров по разработке и внедрению *инноваций* в России, в частности благодаря активной деятельности КНИТУ [5].

Все вышеизложенное – часть стратегии КНИТУ по привлечению молодых научных кадров и удержанию их в научно-исследовательской деятельности, которую важно сопоставить с развитием не только отдельного региона, но и страны в целом.

Литература:

1. Сайт ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/nauka/956916>
2. Сайт Российской Академии наук. URL: <http://www.yras.ru>
3. См. Справку по вопросу «О Концепции создания сети национальных исследовательских университетов» к заседанию коллегии Минобрнауки России 4 марта 2009 года.
4. Программа развития КНИТУ на 2010–2019 годы. URL: www.kstu.ru
5. Деловой квартал. URL: <http://kazan.dk.ru>

Социологические теории будущего в контексте глобального цивилизационного кризиса

Хабибуллин Б.Т.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Приоритетные направления развития социологии – науки об обществе – бесспорно, определяет сам объект изучения. Состояние общества, его проблемы, тренды развития диктуют ученым, что они изучают сегодня и будут изучать завтра. Чтобы обсуждать приоритетные направления развития социологии в XXI веке и современные социологические теории, нужно определиться, какие

аспекты современной социальной ситуации остаются проблемными, непонятными, требуют научного подхода для понимания и разрешения. Приоритетные направления развития социологии в XXI веке уже сегодня определяются теми глобальными вызовами, которые брошены современному миру.

Академик Геннадий Васильевич Осипов, выступая на II Всероссийском социологическом конгрессе в 2003 году, сказал, что в XXI веке социология будет играть все более возрастающую роль в оценке мирового и национального развития, выработке системы мер по предотвращению угроз современному миру. Он подчеркнул, что в течение ближайших нескольких десятилетий России и всему мировому сообществу предстоит найти ответы на глобальные вызовы современности.

Если мы начнем перебирать острейшие частные социальные проблемы современности, такие как проблема социального неравенства, проблема экологии, проблема демографии или обеспечения человечества ресурсами, то, разбираясь в причинах возникновения этих проблем, мы неизбежно придем к теме мирового цивилизационного кризиса, на пороге которого стоит современное общество.

О проблеме грядущего кризиса самые прозорливые мыслители начали говорить еще в XVIII веке. Однако тогда эта проблема обсуждалась в частных аспектах, в экономическом, в культурном, обсуждались абстрактные противоречия развития в рамках капиталистической экономической модели, закат Европейской цивилизации, кризис либеральных ценностей. Здесь и марксистская взгляды на будущее общественного развития, и Закат Европы Шпенглера, и суд истории Тойнби, и многое другое. Сегодня, когда мир стал глобальным и вестернизированным, эти проблемы переросли в угрозы общечеловеческого масштаба.

Начать хотелось бы с экономического аспекта. Сегодняшняя проблема началась в XVI веке с появлением капитализма. Инструментом развития экономики и общества стало углубление разделения труда и научно-технический прогресс. В XVIII веке Адам Смит, обсуждая экономическую модель капита-

лизма, сформулировал абстрактную тогда и насущную сегодня проблему: углубление разделения труда в замкнутой системе в какой-то момент неизбежно останавливается. Если посмотреть на экономическую историю последних 300 лет, то увидим, что исторически существовало несколько экономических систем разделения труда, которые постепенно расширялись, поглощая более мелкие, позже столкнулись в мировых войнах. Сегодня весь мир – одна система, в рамках которой механизмов развития больше нет. С этой точки зрения наиболее обстоятельно описал проблему Иммануил Валлерстайн, который в рамках своей теории мир-системного анализа описывает современный мир как систему иерархического перераспределения благ из зон мировой периферии и полупериферии в зоны ядра системы с целью бесконечного накопления капитала. Валлерстайн считает, что капиталистическая миросистема сегодня находится в стадии кризиса и скоро перестанет существовать. Основной причиной кризиса является все то же теоретическое противоречие модели развития, высказанное Смитом и воспроизведенное Валлерстайном – бесконечное накопление капитала не может продолжаться вечно в условиях ограниченности ресурсов. При этом Валлерстайн отмечает 4 основные фактора, приближающие конец современного миропорядка: разрушение сельского уклада жизни, экологические проблемы, демократизация и кризис института государства.

Здесь перейдем к обсуждению следующего аспекта – идейного фундамента современного миропорядка. Валлерстайн называл его геокультурой – «система ценностей и основных правил, которые, сознательно и бессознательно, управляют поощрениями наказаниями в обществе и создают систему иллюзий, которые должны убеждать членов общества в его легитимности». Таковыми сегодня являются идеи либерализма и всеобщей демократии, вера в линейное поступательное движение к некой конструкции идеального общества, вера в народ как носитель суверенитета, гарантом которого является государство. Сегодня утопия всеобщего демократического социального устройства и либеральных ценностей также переживает кризис. Эти идеи всеобщего равенства и постоянно растущего благосостояния (а также попытки их воплощения в

жизнь) в силу изначальной утопической природы все более очевидно перетекают в свою противоположность, превращаются в совокупность античеловеческих идей.

Рассмотренный в этих двух аспектах мировой цивилизационный кризис, на наш взгляд, диктует приоритетные направления развития социологической науки в XXI веке, подсказывает, какие социологические теории будут необходимы человечеству.

На сегодняшний день ведущие мировые и российские мыслители построили ряд гипотез, теоретически пригодных в ситуации преодоления глобального кризиса.

Экономический аспект. Считается, что главной ошибкой в развитии капиталистической модели экономики стало то, что концентрация ресурсов под развитие происходила во времени, за счет кредита. Мы брали будущее потребление, чтобы сегодня что-то построить. Но когда мы выходим в будущее, то потребления там уже нет, и развитие останавливается. Переход к концентрации ресурсов развития в пространстве («солидарное финансирование», как делал СССР в рамках Госплана – у всех брали по копейке и строили завод), теоретически представляется вполне жизнеспособным. Однако чтобы эта схема работала сама собой, нужно создавать невероятно сложные системы социальной организации. Таким образом, предполагается, что XXI посткризисный век станет веком социального прогресса, веком создания принципиально новых сложнейших социальных институтов, которые позволят сконцентрировать общие усилия на тех или иных направлениях. Такие социальные системы в чем-то будут напоминать социалистические общественные механизмы.

Идеологический аспект. Крушение либерально-демократической геокультуры означает крушение фундаментальных оснований современной картины мира. И в частности представлений, понятий о человеке и его месте в мире. Преодоление демократической утопии, вероятно, будет происходить под принципиально новым социально-антропологическим углом зрения. Принципиальное отличие будет состоять в кардинально противоположных представлениях и

подходах к пониманию человека как части социума. Эту проблему в контексте кризиса глобального развития обсуждал наш выдающийся русский мыслитель Александр Зиновьев. Он говорил про «мечту о новом человеке» как о социально ответственном существе.

Эти идеи, на наш взгляд достаточно четко определяют приоритетные направления развития социологии в XXI веке и рисуют контуры будущих социологических теорий. В этом же ключе трактует проблему Энтони Гидденс, приходя к аналогичным выводам в своих 10 тезисах о будущем социологии.

Институционализация концепции устойчивого развития в региональном управлении

Хайдуков Д.С., Тасалов К.А.

*Аналитический центр при Правительстве РФ, Россия, Москва, МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва*

Взаимосвязанные экономические, социальные и экологические проблемы в развитии регионов и городов, требуют скоординированной работы органов власти, бизнеса и общества. В докладе приведены результаты исследования практической реализации принципов устойчивого развития в Великобритании. На основе исследования зарубежного опыта авторами разработаны рекомендации по оптимизации деятельности региональных органов исполнительной власти, направленные на формирование комплексного подхода к решению вопросов устойчивого развития.

Архетипы в традиционной культуре сибирских татар

Хайруллина Н.Г.

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия, Тюмень

Традиционная культура порождает особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни и поведения. Самым значимым свойством

традиционной культуры является ее социальная и территориальная замкнутость, локальность. А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева апробировали подход к изучению традиционной культуры, состоящий в том, что объектом исследования выступает не этническая группа, а локальный культурный комплекс, объединяющий системно взаимосвязанные культурные компоненты, развивающиеся в сходных природно-географических условиях. Группы исследуемого населения могут относиться к разным этносам, иметь различное происхождение и язык, но они в совокупности обладают устойчивым во времени и пространстве, жестко взаимосвязанным комплексом культурных компонентов, который рассматривается как единый и целостный объект изучения [2, с. 21]. Такой подход позволяет изучить функционирование традиционного мировоззрения среди наиболее информированных групп населения, главных носителей традиционного знания.

Рассмотрим процесс трансформации мусульманских норм в сознании сибирских татар, находящихся в рамках традиционной культуры. В ходе опросов и наблюдений, проведенных А.Г. Селезевым, И.А. Селезневой в 1999–2002 гг., получены данные о духах-покровителях мест, стихий, различных видов промысловой и производственной деятельности: *ый иясе* (хозяин дома), *от иясе* (хозяин очага), *су иясе* (хозяин воды), *тоола иясе* (хозяин леса), *хура иясе* (хозяин хлева), *йельным хучасе* (хозяин ветра). Важную роль как помощник в охоте играет дух-хозяин леса *Урман Иясе*. Для обеспечения удачи перед промыслом мулле приносили деньги, молоко, яйца, хлеб, чтобы он помолился этому духу и попросил у него помощи для охотника. Если добыча после этого выдавалась удачной, часть добычи отдавали мулле.

Своеобразные мифо-ритуальные представления о рыбе и водоемах сохранились у сибирских татар [5], как и вера в существование хозяйки воды, реки, которую они называли *Су Анасы* или *Су Пицын*. Для того чтобы хозяйка воды послала удачу, рыбаку необходимо было раз в год, весной, во время ледохода, перед закатом солнца, прийти на берег и бросить в воду монетки. Таким об-

разом испрашивался хороший улов на целый год. Хозяина воды, водяного старика, водяного духа, называли *Су Иясе, Су Бабасы, Су Бари, Су Шайтанэ*. Для того чтобы его задобрить, необходимо было во время первой после ледохода переправы через Иртыш бросить в воду мелкие деньги. Покровителем крупного рогатого скота считается *Занге-ата, Занге-баба*. Наиболее отчетливо почитание этого образа выразилось в устраиваемом в его честь специальном обряде, который проводился сразу же после отела коров [2, с. 22]. В д. Эбаргуль Усть-Ишимского р-на Омской области сообщили, что после отела коровы молозиво отдавали старикам, сиротам, одиноким или *садака*. Для употребления в пищу молозиво варят в казане, отчего оно сгущается, и в таком виде едят с лепешкой [7, р. 186]. На трапезу приглашался мулла, который во время молитвы обращаясь к Санге-баба просил благополучия для только что появившегося на свет приплода. Термин «садака», обозначающий жертву во время разнообразных обрядовых действий, связанных с уходом за скотом, выходом в путь, погребальным обрядом и т.д., является арабским по происхождению и первоначально означал обязательный исламский оброк со скота, выплачивавшийся в натуральной форме; необходимость принесения такой жертвы-оброка была твердо установлена еще первым праведным халифом Абу-Бакром, безапелляционно заявившим, что без саадаки нет ислам а [4, р. 708–716]. Во время молитвы-обращения встречается слово «*ризеклер*» (в переводе с арабского языка означает что-либо дарованное, а также необходимую плату). В раннем исламе слово обозначало регулярную плату воинам, как денежную, так и натуральную [6, р. 567–568]. Данный термин активно функционирует в ритуалах и обычаях современных мусульман.

Другое обращение в честь *Занге-баба* зафиксировано во время во время специального религиозного обряда *теляк*. Обряд приурочивался к какому-нибудь религиозному празднику либо проводился просто по инициативе какой-либо семьи. Добавлю от себя, как автора данной статьи, что данный обряд регулярно проводится среди моих родственников. Перед обрядом забивают чаще

барана (можно корову, если на несколько семей что-то испрашивается или на всю деревню, например, в засушливое лето долгожданный дождь).

Сабантуй отмечают татары юга Тюменской области, заимствовав его у поволжских татар. Из старинных праздников отмечается праздник Карга путка (Карга туй). Он проводится перед началом посевных работ во время прилета грачей. Жители села собирают крупу и другие продукты по дворам, затем в большом котле варят кашу, остатки трапезы оставляют в поле. В засушливое летнее время проводится обряд вызывания дождя «шокрана», «кук корман-нык». Жители села во главе с муллой обращались к Всевышнему с просьбой о дожде. В жертву приносят животное, из мяса которого готовят угощение для участников мероприятия [3, с. 49].

В последние годы постепенно возвращаются из прошлого праздники народного календаря, обряды, церемонии, ритуалы, а также народные игры и песни. Традиции песенной культуры сибирских татар Тюменской области бережно сохраняются в Домах культуры населенных пунктов Юрмы, Аксурки, Большого Карагая, Тукуза. В Вагайском районе на протяжении многих лет большой популярностью пользуется фольклорный коллектив Тукузского сельского Дома культуры, участники которого исполняют древние мунаджаты, байты, народные песни. В Вагайском районе традиционно проводятся обрядовые праздники сибирских татар: календарные «Боз озату» («Боз карау»), «Амаль» (встреча Нового года), семейно-бытовые «Исем атату» («Имянаречение»), «Омэ» (совместное строительство дома с последующим угощением национальными блюдами). Возрождение календарных и семейно-бытовых праздников и обрядов сибирских татар способствует органичному «вплетению» в современную празднично-обрядовую культуру [3, с. 232–233].

У сибирских татар до нашего времени сохранилась вера в лесного духа Урман Хучасы – хозяина тайги. Он представлялся в образе черного всадника на черном коне, хотя мог превратиться и в белого всадника. Кроме того, среди сибирских татар было распространено представление о лесном духе Шурале, ко-

торый представлял в виде человека фантастического облика с длинными когтями на руках и на ногах, рогами на голове. Хозяина леса нужно было опасаться, так как он мог сбить человека с дороги, напасть на путника в лесу, защекотать его.

Поэтому, до их пор бытуют языческие обереги, в которых одновременно уживаются языческие и исламские традиции. К примеру, в обереги для детской колыбели, состоящих из множества подушечек из яркой ткани и предназначенных для отпугивания злых духов и защиты от сглаза, вшиваются выписки из мусульманских молитв [1].

Коренное население региона до периода оформления на этой территории государственности придерживалось архаичных верований. Именно их нормы, оформленные в ритуалы, обычаи и традиции, позволяли человеку жить в гармонии с природой. Исследователи отмечают, что последующее распространение ислама среди сибирских татар привело к появлению особого культурного феномена – мусульманско-языческого синкретизма, отразившегося и в феномене Астана [1].

В Вагайском районе традиционно проводятся обрядовые праздники сибирских татар: календарные «Боз озату» («Боз карау»), «Амаль» (встреча Нового года), семейно-бытовые «Исем атату» («Имянаречение»), «Омэ» (совместное строительство дома с последующим угощением национальными блюдами). Возрождение календарных и семейно-бытовых праздников и обрядов сибирских татар способствует органичному «вплетению» в современную празднично-обрядовую культуру [3].

В заключение следует отметить о существенной роли ислама, который трансформируясь и приспособляясь к местным представлениям и религиозным практикам, вплетен в традиционное мировоззрение сибирских татар, создав в их сознании цельный и нерасчлененный религиозный комплекс.

Литература:

1. Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Печатник, 2006.
2. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.
3. Татары Тюменской области: история и современность. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 310 с.
4. Sadaka // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1995. Vol. 8. P. 708–716.
5. Sadvoszky O.J. von. Fish, symbol and myth. Budapest. 1995.
6. Rizk // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 1995. Vol. 8. P. 567–568.
7. Taube Ja. Leonid Pavlovic Potapovs Materialien zur Kulturgeschichte der Usbeken aus den Jahren 1928–1930. Wiesbaden, 1995. P. 186.

Этнополитическая культура как приоритетное направление развития политической социологии в XXI веке

Халлисте О.В.

*Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет), Россия, Санкт-Петербург*

Политическая культура России формируется в сложных условиях построения новой политической системы российского полиэтничного общества и характеризуется своей чрезвычайно высокой степенью неоднородности. В связи с этим необходимо говорить о новом направлении исследований в политической социологии – исследований **этнополитической культуры**, определяемой как политическая культура конкретной этнической группы или групп.

Согласно классической теории политической культуры, ее формирование происходит в результате развития трех основных структурных компонентов: познавательного (когнитивного), эмоционально-оценочного (аффективного) и поведенческого. Исходя из данной типологии, можно выделить 10 основных показателей конфликтности этнических аспектов политической куль-

туры:

Когнитивные ориентации

1. Интерес к политике.

Согласно исследованиям, политическая культура современной России характеризуется деполитизацией российского населения, что в совокупности приводит к падению интереса к политической жизни общества.

2. Наличие «образа врага» в виде другой этнической группы или отдельных ее представителей.

Стереотипизация врага, конструирование его образа ведет к формированию статусной иерархии этносов, применяемой в конфликтогенных ситуациях. В результате мы получаем мигрантофобию и этнофобию.

3. Оценка национальными СМИ событий этнополитического характера.

Наиболее значимым механизмом формирования «образа врага» являются средства массовой информации, которые успешно осуществляют манипуляцию, основываясь на «однобокости» подачи материала, разжигании межнациональной ненависти, распространении ксенофобных настроений, этноцентризма и т.п.

4. Наличие в политической программе местных партий националистической риторики.

Риторика партий радикального толка типа «Бей жидов – спасай Россию» в особенности актуализируется, когда в обществе существует дискриминация, то есть лишения, ущемления прав малых этнических групп, либо возникает ограничение ресурсов (т.н. статусные конфликты). Данный критерий может порождать самые конфликтогенные формы политических субкультур.

Аффективные ориентации

5. Исторические условия формирования политической культуры.

Территориальная неоднородность распределения населения в соответствии с его этнической принадлежностью создает конфликтогенный потенциал нашей страны. Также особое место в политической культуре российского об-

щества занимает влияние православия. Сегодня вследствие миграционных процессов происходит региональная исламизация российского населения, что также может стать источником межэтнического конфликта.

6. Уровень доверия власти всех уровней.

Здесь интересны данные региональных социологических опросов, предполагающих выявление наличия разногласий различных этнических общностей в восприятии органов власти всех уровней управления, степени удовлетворенности осуществляемой ими политикой и выявление исторических обид, что дает существенную базу для анализа этнополитической культуры российского общества.

7. Основные ценностные ориентации, характеризующие политическую культуру.

Общероссийские исследования показывают, что демократические ценности пока так и не смогли заменить основы традиционного мировоззрения о сущности власти и стать базовым элементом формирующейся политической культуры российского общества.

Поведенческие ориентации

8. Электоральная активность.

Поведенческие ориентации и критерии их анализа ярко демонстрируют наличие в политической культуре российского общества, следуя терминологии С.М. Липсета и С. Роккана, так называемых расколов, наиболее остро проявляющихся между городом и деревней, между центром и периферией. Данный тезис подтверждает, в частности, электоральная география, в соответствии с которой в «центре» более высок уровень поддержки либеральных политических взглядов, в то время как на «периферии» – консервативных («идеологический раскол»).

9. Специфика участия данного этноса в политической жизни общества.

Практически каждый регион имеет собственные истоки, тот или иной преобладающий тип конфликтов, что актуализирует проблему анализа этнопо-

литической культуры российского общества на региональном уровне.

10. Уровень протестного поведения этнической общности

Также является важным индикатором мониторинга этнополитической культуры в качестве показателя удовлетворенности политической ситуацией, сложившейся в обществе.

Исходя из вышеизложенного, мониторинг описанных критериев должен включать в себя не только выявление тех или иных проблем в конкретной политической субкультуре, но и оценку степени ее конфликтогенного потенциала, а также прогнозирование эскалации и возможностей деэскалации открытого межэтнического конфликта с помощью методов моделирования. Учитывая современные реалии, эта область исследования сегодня чрезвычайно остро нуждается в новых наработках политической социологии.

Сурвивализм в современной России

Хвостов А.А.

Саратовская региональная общественная организация

«Центр социально-правовых и природоохранных инициатив»,

Россия, Саратов

В последнее время уровень и качество жизни большинства населения нашей страны оставляет желать лучшего. Вдобавок к этому, проблемы россиян еще усугубились и из-за военных событий в соседней Украине, в результате которых в Россию прибыли многочисленные потоки беженцев. А это очередная нагрузка на бюджеты регионов, которые по традиции и так невелики. Денег не хватает на социальные нужды коренного населения субъектов РФ, а теперь приходится ими делиться еще и с гражданами другого государства. Поэтому в ближайшие годы не следует ожидать какого-то особого улучшения жизни большинства россиян – инфляция, закрытия предприятий и учреждений, безработица, ухудшение окружающей среды, социальные болезни и прочие спутники мирового экономического (а теперь и политического) кризиса расширяют свои границы. Многие люди в нашей стране пополняют ряды тех, кто уже дав-

но ежедневно из года в год занят борьбой за свое существование (особенно в малых городах России). В связи с чем, изучение этих проблем имеет большое как теоретическое, так и практическое значение.

Сурвивализм (от англ. от survival – выживание) – одна из важных и актуальных тем на сегодняшний день практически для всей нашей планеты. Ведь во многих странах мира ощущается недостаток материальных и социальных ресурсов, из-за чего миллионы людей лишены возможности активного участия в жизни общества. К сожалению, Россия не является исключением. Здесь по многим причинам (как объективным, так и необъективным) не хватает средств для поддержания гигиенических норм жизни большинства граждан.

Современный сурвивализм берет свое начало с социального дарвинизма, при котором законы природы, выявленные Ч. Дарвином, распространяются на отношения в человеческом обществе. Подобные идеи были близки одному из родоначальников социологии – Г. Спенсеру. В своих работах «Прогресс: его законы и причины» (1857) и «Основные начала» (1860) он ввел понятие социального прогресса. Ему же принадлежит следующее известное выражение: «Универсальный Закон природы: существо, недостаточно энергичное, чтобы бороться за свое существование, должно погибнуть».

Само понятие «сурвивализм» появилось на свет в США в 70-х годах прошлого века, после того как Г. Рафф в 1973 году написал книгу «Голод и выживание в Америке» (в ней дано много советов, способствующих выживанию в условиях экономического коллапса), а К. Саксон стал издавать с 1975 года ежемесячный бюллетень «The Survivor» с аналогичным содержанием. После чего движение сурвивалистов довольно быстро распространилось в Западной Европе, а потом и на другие континенты (преимущественно в виде субкультуры).

С тех пор принято различать два типа сурвивализма: природный и техногенный. Издается много научно-популярной литературы. Наиболее известны, например, зарубежные произведения: Cresson Henry Kearny «Nuclear War Survival Skills» (1979), Пол Доусуэлл «Выживание в экстремальных условиях»

(1996), Коди Лундин «36,6 градусов. Искусство оставаться в живых» (2005), Джон «Лофти» Уайзман SAS. Руководство по выживанию (2005), Mark Sundeen «The Man Who Quit Money» (2012).

Отечественный опыт сурвивализма рассмотрен в таких работах как: В. Волович «Человек в экстремальных условиях природной среды» (1983), Ю. Сенкевич «Выживание в экстремальных условиях» (1993), С. Самыгин «Школа выживания» (1996), А. Ильин «Школа выживания в природных условиях» (2001), А. Ильин «Как избежать голодной смерти» (2002), А. Маслов «Способы автономного выживания человека в природе» (2004), Беркем аль Атоми «Мародер» (2006), А. Кашкаров «Бывший горожанин в деревне. Курс выживания» (2010) и многие другие. Из заголовков всех вышеприведенных книг понятно, что зарубежная и российская литература в основном наполнены классическими руководствами по выживанию в экстремальных и форс-мажорных обстоятельствах.

Вместе с тем, выживание необходимо рассматривать как основание всякой социальности. Ведь такие понятия как «естественный отбор» и «борьба за существование» присущи человечеству на протяжении всей его истории. На это в своих работах обращал внимание один из основоположников эволюционизма Г. Спенсер, который ввел выражение «survival of the fittest», переводимого как «выживание сильнейшего».

Сурвивализм является малоизученной темой в отечественной социологии, поэтому, на наш взгляд, для начала следует рассматривать его в качестве самостоятельной проблемы применительно к какому-либо одному российскому региону. На основе наблюдений и интервью с жителями этого субъекта РФ можно показать различные способы выживания людей в городской среде и в сельской местности и дать соответствующие рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления по применению эффективных средств и способов повышения уровня жизни населения данного региона и России в целом.

Развитие электроэнергетики как базовой отрасли хозяйства, обеспечивающей стабильное социально-экономическое развитие России

Химилонова И.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Значение электроэнергии как универсального энергоносителя в жизни современного человека и общества в целом велико. Электроэнергетика обеспечивает потребности в необходимой и оптимальной энергии бытовую и социальную сферу, производство, транспорт, связь, информатику, управление и оборону. Способность электроэнергии трансформироваться в световую, механическую, тепловую, звуковую виды энергии, ее коммуникативность, экологичность и регулируемость в использовании обеспечивают основу энергетической базы современной цивилизации.

Так как электроэнергетика это базовая отрасль хозяйства страны, обеспечивающая потребности экономики и населения страны в электрической и тепловой энергии, то процесс устойчивого и опережающего развития электроэнергетической отрасли, будет необходимым фактором успешного экономического и социального развития России.

Электроэнергетический сектор России – один из крупнейших в мире, работа которого во многом определяет конкурентоспособность и потенциал роста российской экономики, значительную долю которой составляют энергоемкие отрасли.

Однако за последние два десятилетия электроэнергетика России отстала от уровня развития энергетики передовых стран со всеми вытекающими последствиями. Эффективность электроэнергетического хозяйства страны резко снизилась. Новая структура хозяйственного управления затрудняет сохранение технологической целостности отрасли, а особенно – ее эффективное и надежное развитие.

Основные задачи, которые предстоит решить для оптимального разви-

тия электроэнергетического хозяйства:

- 1) обеспечение повсеместного перехода на энерго- и электросберегающие технологии, определение реальных потребностей страны и ее регионов в электроэнергии, с учетом максимальной экономии потребления электроэнергии;
- 2) осуществление модернизации энергетического оборудования;
- 3) выработка научных основ комплексной эксплуатации электростанций разных видов и мощностей;
- 4) реализация действенных мер по охране природы и рациональному природопользованию.

Необходимо решать вопросы тарификации электроэнергии и роли тарифов в экономике государства. Особое внимание следует уделить проблемам регулирования тарифов на электроэнергию для населения страны, с учетом интересов всех граждан, в том числе, малоимущих.

В условиях роста потребления электроэнергии во всех видах деятельности, в сфере услуг и быту. Россия нуждается в форсированном развитии электроэнергетики: увеличении объема вырабатываемой электроэнергии. Нарастание объемов производства новых электростанций и повышение мощностей уже существующих электростанций, что будет происходить, в частности, путем увеличения единичных мощностей и эффективности энеогопроизводящих агрегатов.

Негативная самоидентификация работающей молодежи как детерминанта негативной социальной солидарности в обществе

Химич В.Ю.

Институт социологии РАН⁹⁹, Россия, Москва

По официальным данным на 1 января 2013 года в России проживало около 31,6 млн молодых граждан, что составляло 22% от всего населения (143,3

⁹⁹ Научный руководитель – Воронин Геннадий Леонидович, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, доктор социологических наук.

млн. человек)¹⁰⁰. По прогнозу Росстата РФ с учетом тенденций рождаемости, смертности и миграции населения к 2031 году, несмотря на одинаковую представленность доли молодежи в структуре общества, количество молодежи снизится до 25 млн¹⁰¹. Проблема самоидентификации молодежи становится одной из ведущих, так как позволяет выявлять изменения в показателях, фиксирующих основные ценности, жизненные пути и социальные установки в социуме, определяющие характер мировоззрения самой большой и динамичной социально-демографической прослойки общества и варианты развития российского социума. Особый исследовательский интерес представляет работающая молодежь, так как она составляет четверть от всего экономически активного населения РФ.

Рассматривая роль и значимость молодежи в трансформации социума, необходимо учитывать, что она может нести не только прогрессивные перемены в обществе, но и мощный взрыв социальной нестабильности, так как 23,4 % молодых россиян живут за чертой бедности¹⁰², дифференциация в уровне жизни между различными категориями составляет свыше 10 раз. В связи с чем происходят негативные тенденции в общественном сознании молодежи. Нет однозначности в вопросе о том, инициатором каких перемен может стать в ближайшем будущем основная часть молодежи.

Данная проблематика, особенно актуальна, так как в конце 2011 – начале 2012 г. исполнилось 20 лет трансформационных процессов после распада СССР. За этот период молодежь стала не только объектом воздействия и воспи-

¹⁰⁰ В возрасте 16–30 лет. «Возрастно-половой состав населения Российской Федерации на 1 января 2013 г.» Федеральная служба государственной статистики. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_111/Main.htm

¹⁰¹ Демографический прогноз до 2030. Федеральная служба государственной статистики. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

¹⁰² Неравенство и бедность. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

тания, но и субъектом социально-экономических, политических и духовных изменений, что сказалось на существенных изменениях молодежных идеалов и менталитета. Молодежь развила собственные ценности, социальные и культурные нормы и компетенции, что делает ее главным агентом социальных изменений. В результате трансформаций современного российского общества, молодость в современном мире является решающим этапом жизни, в течение которой молодые люди должны принять те стратегические решения, которые будут иметь центральное влияние на всю их жизнь. Любой неудачный сценарий планирования жизни в молодости будет означать, что важные предпосылки для успешной профессиональной карьеры и биографические траектории целого поколения находятся под угрозой.

Анализ показателей самоидентификации работающей молодежи (экономической, политической, уверенности в завтрашнем дне и удовлетворенности жизнью) на социальные отношения (сотрудничество между бедными и богатыми, молодежью и старшим поколением, властными и безвластными) на эмпирическом материале «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ»¹⁰³ с 1996 по 2010 годы исследований на базе анализа 19 501 представителя работающей молодежи в возрасте 16–30 лет показал, что тип самоидентификации (с позитивными или негативными показателями) влияет на социальные установки (коэффициент корреляции Гамма состав-

¹⁰³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» – негосударственное лонгитюдное обследование домохозяйств. Он представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Это международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН. Начиная с 2010 года, проект получил новое имя «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) и его данные стали общедоступными для исследователей в России и за рубежом.

вил по всем показателям около 0,250, при значимости $p < 0,001$).

Так в среднем, негативное отношение к возможности сотрудничества между бедными и богатыми отметили 41% представителей молодежи, ощущающей себя бедной; 39% считающих себя бесправными; 36% неуверенных в завтрашнем дне; 38% неудовлетворенных жизнью. Негативное отношение к возможности сотрудничества между властными и безвластными в обществе отметили – 50% «бедных», 49% «бесправных», 35% неуверенных в завтрашнем дне; 33% неудовлетворенных жизнью.

С учетом, что группа представителей молодежи с негативной самоидентификацией и негативным отношением к социальной солидарности составляет в настоящее время в обществе около 20% можно оценить, какую степень риска для социального благополучия они представляют.

Международное усыновление и политика. Полемика вокруг «закона Димы Яковлева»

Ходырева Е.Б.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Национальный исследовательский университет, Россия, Нижний Новгород*

Практика международного усыновления является животрепещущей темой последнего времени, поскольку к самому вопросу международного усыновления детей из России постоянно приковано внимание как общественности, так и политиков и средств массовой информации. Этот вопрос имеет несколько аспектов. Во-первых, проблема зарубежного усыновления существует, исследуется, имеет свою статистику, историю, прецеденты и международные нормы. Во-вторых, в свете последних принятых в этой сфере законов, таких как так называемый «закон Димы Яковлева», налицо явное непонимание самой сути проблемы и последствий принятия этого закона как на уровне властных структур, так и среди обывателей.

Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод че-

ловека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [1] вступил в силу 1 января 2013 г. В своей *первой статье* закон определяет перечень мер, которые могут быть предприняты в отношении граждан США, подозреваемых в причастии к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, а так же прав и свобод граждан Российской Федерации. Во *второй статье* закон говорит о том, что списки граждан США, в отношении которых были приняты меры, ведется органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений, т.е. министерством Иностранных Дел Российской Федерации. Так же во второй статье определен перечень органов государственной власти, которые могут вносить предложения о внесении изменений в список, как то: сенаторами, депутатами Госдумы, уполномоченными по правам человека, политическими партиями, общественной палатой РФ и государственными органами. *Третья статья* закона вводит санкции в отношении общественных организаций и их руководства, которые участвуют в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и безвозмездно получают денежные средства и иное имущество от граждан (организаций) США или осуществляют на территории РФ деятельность, представляющую угрозу ее интересам. В *четвертой статье* закона депутаты вводят прямой запрет на усыновление или удочерение российских детей-сирот, а так же детей, оставшихся без попечения родителей, гражданам США и запрещают любую деятельность организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам США. *Пятая статья* определяет перечень вносимых поправок в существующее и действующее законодательство, связанное с порядком въезда и выезда из Российской Федерации. *Шестая статья* распространяет действие принятого закона на граждан других государств, которые приняли решение о запрете въезда граждан РФ на территории этих государств, и об аресте активов этих граждан по мотиву их причастности к нарушениям прав человека в РФ.

На первый взгляд все кажется понятным; вызывает вопрос лишь связь между усыновлением российских детей американцами и нарушением прав и свобод граждан Российской Федерации.

Вначале необходимо пояснить, на чем основывалось столь «тесное» сотрудничество в сфере усыновления между Российской Федерацией и США. Соглашение между РФ и США о сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения) [2] было подписано в Вашингтоне 13 июля 2011 г. и ратифицировано Федеральным законом от 28 июля 2012 г. №150-ФЗ «О Ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей» [3], причем, что немаловажно, инициатором внесения в Государственную Думу предложения о ратификации указанного Соглашения выступало Правительство РФ. А в части 2 статьи 4 «закона Димы Яковлева» предписывается «прекратить от имени Российской Федерации действие Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей от 13 июля 2011 г., что является прямым нарушением действующего Российского законодательства, поскольку предложения о приостановлении или прекращении действия международного договора, принятого в форме федерального закона, могут вноситься на рассмотрение Президентом или правительством РФ, но не рядом депутатов Государственной Думы РФ, в соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О Международных Договорах Российской Федерации» [4]. Иными словами, ГД РФ прямо вышла за пределы своих законных полномочий, приняв к рассмотрению и одобрив в трех чтениях документ, внесенный ненадлежащим субъектом законодательной инициативы.

Следующее, что привлекает внимание при внимательном изучении данного закона, это тот факт, что вводимые им в статье 4 ограничения на усыновление (удочерение), существенно сокращают возможность реализации своих прав и законных интересов несовершеннолетним гражданам РФ, оставшихся без попечения родителей, что прямо противоречит статьям 20 и 21 Конвенции о

правах ребенка [5], одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и вступившей в силу для нашей страны 15 октября 1990 г. Кроме того, существует и противоречие с Гаагской конвенцией [6] о защите детей и сотрудничестве в области иностранного усыновления (заключена в г. Гааге 29 мая 1993 г., вступила в силу 1 мая 1995 г. и подписана РФ 7 сентября 2000 г.) Хотя наша страна еще не ратифицировала Гаагскую конвенцию, но в соответствии со статьей 18 Венской конвенции о праве международных договоров [7] (от 23 мая 1969 г., подписана СССР и вступила в силу 29 мая 1986 г.), государство, подписавшее договор, не вправе совершать действия, противоречащие предмету и цели договора. Кроме того, с учетом положений части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации [8] статья 4 данного закона не может применяться как противоречащая акту более высокой юридической силы.

Представляется немаловажным и тот факт, что статья 4 данного закона фактически вносит изменения в семейное законодательство РФ, поскольку в настоящее время единственным специальным ограничением на усыновление российских детей иностранцами является предусмотренное статьей 124 частью 4 СК РФ: международное усыновление не допускается, если имеется возможность «передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам детей, независимо от гражданства и места жительства этих родственников» [9]. При этом, устанавливая запрет на усыновление именно американцами, в законе не предусматривается изменений в самом СК РФ, и данный запрет не распространяется на другие регулируемые российским законодательством отношения с иностранным элементом. Так, например, не запрещается усыновлять российских детей гражданами США, являющимися родственниками усыновляемых детей, что имеет приоритет перед иностранным усыновлением. В этой связи возникает озабоченность появления нового вида коррупции, связанной с выявлением у сирот «американских родственников». Возможен и иной мошеннический путь усыновления российских сирот американцами – через процедуру установления отцовства, фальсификация результатов которой не

является столь неразрешимой задачей в современных условиях и при существующем уровне коррупции. В таких условиях запрет на усыновление (удочерение) российских сирот гражданами США, установленный в части 1 статьи 4 «закона Димы Яковлева», с одной стороны *способствует развитию коррупции*, а с другой – *не имеет существенного значения для достижения целей*, поставленных законодателем.

Неизбежен вывод о том, что данный закон был принят государственными мужами в отместку американцам в ответ на принятый ими «недружественный» акт Магнитского, тем самым значительно снизив шансы сирот на обретение семьи. Наши законодотворцы оказались совершенно безграмотными в вопросе усыновления детей иностранцами, и во многом принятие этого закона стало результатом эмоционального воздействия средств массовой информации и высказываний отдельных политиков и общественных деятелей. Но с другой стороны, международное усыновление – не панацея от существующих проблем, невозможно оптимизировать систему призрения сирот, ее необходимо в корне модернизировать.

По статистике в настоящее время детские дома и интернаты наполнены вовсе не круглыми сиротами, оставшимися без родителей и попечения со стороны других членов семьи. В основном это социальные сироты, изъятые из неблагополучных семей и помещенные под опеку государства. Изъятие ребенка остается не чрезвычайным, а единственным инструментом работы с такой семьей. Никакой помощи тем, кто оказался в трудной ситуации и плохо справляется с родительскими обязанностями, государственные органы не оказывают. Когда встает вопрос об устройстве изъятого ребенка в семью, родная семья уже не имеется в виду – шанса измениться к лучшему система родителям не дает. Размещение в интернате не воспринимается как временная и экстренная мера: ребенок в детдоме считается «устроенным». Соответственно, нет института приемной семьи, где ребенок мог бы жить до усыновления. Налицо и серьезное семейное неблагополучие, и тяжелое социально-экономическое положение целых регионов, и полное отсутствие какой-либо профессиональной работы по

поддержки семьи. Те значительные суммы, которые ежегодно расходуются на материальную поддержку праздников для детских домов и косметический ремонт, следует вкладывать в системные реформы, в поддержку семей на местах. Детские сады, школы для детей с особенностями развития должны быть доступны каждой семье. Более того, как это ни парадоксально, но существующая система детских домов сопротивляется усыновлению: «в этих интернатах сейчас введено подушевое финансирование, и директор любого такого заведения заинтересован, чтобы детей никуда не отдавать. Ни в приемные семьи, ни в другие виды семейного устройства. В любом случае эта система детей в мир вообще не выпускает» [10]. К сожалению, за усыновление и грамотно выстроенную работу с приемными родителями и кровной семьей директора не получают того социального одобрения, которое распространяется средствами массовой информации, рисующих картину благоденствия сирот после проведенного в интернате или детском доме ремонта или получения подарков от местных органов власти. Ключевой же проблемой она назвала неготовность нашего общества принять семьи с такими детьми. «Наше общество не готово к их появлению – ни морально, ни профессионально, никак. Наверное, это то, что может начать делать сейчас каждый из нас. В этом смысле сиротство начинается от каждого из нас, потому что если мы к этой семье сможем отнестись по-другому – предложить помощь, найти организации, которые профессионально занимаются этой помощью, у таких детей будет шанс не стать сиротой», – подчеркивает эксперт [11]. *Общественная палата уже три года предлагает комплекс мер по реформированию интернатной системы в России и профилактике сиротства. Но все это время инициативы игнорировались Госдумой, которая сегодня призывает правительство «ускориться». Создается впечатление, что в данном случае «телега поехала впереди лошади»: депутаты запрещают американцам усыновлять российских детей еще до того, как наведен порядок с усыновлением внутри страны. Вместе с тем, в Думе уже давно существует лобби, которое заинтересовано в том, чтобы как можно больше сирот оставались в интернатах. Для них ребенок в детдоме – это, по всей видимости, ку-*

рочка, несущая золотые яйца. Не зря же столько лет народные избранники тормозили различные «детские» программы. По оценкам экспертов, содержание одного ребенка в детдоме (с учетом расходов на всевозможные чиновничьи аппараты, дорогостоящие ремонты, технику, транспорт и т.п.) обходится бюджету в 50 тысяч долларов в год. Если учесть, что в Америку мы передаем около тысячи детей в год, то получается круглая сумма – 50 миллионов долларов.

Сейчас наше общество расколото на сторонников и противников «закона Димы Яковлева», причем, к последним, как ни странно, относятся граждане, непосредственно связанные с решением проблем детей-сирот, а также целый ряд общественных и политических деятелей. Известно о мнении Детского Фонда ООН по этому вопросу: «Мы призываем власти разработать разумный план национальной соцзащиты, способствующий укреплению российских семей, - заявил исполнительный директор ЮНИСЕФ Энтони Лэйк. При этом, по его словам, одновременно «необходимо проработать альтернативные помещению детей в сиротские приюты варианты, включая постоянный патронат, усыновление на родине и межгосударственное усыновление». Благополучие детей, подчеркнул глава ЮНИСЕФ, является первоочередной задачей, и политические спекуляции вокруг него неприемлемы. С критикой законопроекта, запрещающего усыновление российских детей американцами, выступил, в числе прочих, и ряд высокопоставленных членов правительства РФ, включая и главу МИД Сергея Лаврова, министра образования Дмитрия Ливанова и вице-преьера Ольгу Голодец. Они в частности, указали, что этот законопроект противоречит международным соглашениям, подписанным Россией.

Литература:

1. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 25.10.2014).

2. Соглашение между РФ и США о сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения). URL: <http://www.usynovite.ru/documents/international/usa/> (дата обращения: 25.10.2014).

3. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. №150-ФЗ «О Ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей». URL: <http://www.rg.ru/2012/08/01/usinovlenie-usa-dok.html> (дата обращения: 25.10.2014).

4. Федеральный закон от 15 июля 1995г. №101-ФЗ «О Международных Договорах Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102036209&intelsearch=101-%F4%E7+1995> (дата обращения: 25.10.2014).

5. Конвенция о правах ребенка. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.10.2014).

6. Гаагская конвенция о сотрудничестве в области международного усыновления. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: http://www.usynovite.ru/documents/international/convention_int/ (дата обращения: 26.10.2014).

7. Венская конвенция о праве международных договоров. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 26.10.2014).

8. Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (дата обращения: 27.10.2014).

9. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162644/ (дата обращения: 27.10.2014).
10. Елена Альшанская, президент благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам». Интервью радиостанции Эхо Москвы от 22.12.2012. URL: <http://echo.msk.ru/guests/806123-echo/> (дата обращения: 27.10.2014).
11. Репортаж HRO.org: Сиротство начинается с каждого из нас. URL: <http://hro.org/node/15405> (дата обращения: 27.10.2014).

Социальная политика государства как результат общественного выбора

Холоденко Ю.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Общественный выбор – коллективная выработка, принятие и реализация решений, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением общественных благ. Общественный выбор – это выбор общества, у которого формируется определенная совокупность общественных потребностей. Для удовлетворения общественных потребностей государство и производит общественные блага.

Акторы общественного выбора – участники политического процесса: избиратели, политики, чиновники. Социальная политика государства, ее стратегические направления и приоритеты являются результатом взаимодействия всех участников политического процесса. При этом в условиях демократии основное влияние на формирование модели социальной политики государства оказывают политики и избиратели. Именно они определяют социальные приоритеты общества и государства, в то время как функция бюрократии состоит в выработке механизмов практической реализации данных приоритетов.

Однако следует подчеркнуть, что в процессе общественного выбора речь не идет о конкретной модели социальной политики. Она формируется в

результате постепенной, пошаговой реализации отдельных, иногда незначительных решений в сфере социальной политики. Важную роль при этом играют менталитет и этическая позиция избирателей, которые определяют их предпочтения. Именно на предпочтения своих граждан должно ориентироваться государство при выборе приоритетов социальной политики и механизмов их реализации. Предпочтения индивидов выявляются с помощью функции общественного благосостояния. Задача государства – агрегировать индивидуальные предпочтения таким образом, чтобы в конечном итоге определить предпочтения больших социальных групп и масштабы государственного перераспределения доходов.

Практическая реализация государственной социальной политики, как правило, не следует конкретной этической позиции, основанной на определенной функции общественного благосостояния. В ней отражены различные тенденции социального развития, ведущими среди которых следует считать поддержку социально незащищенных слоев населения, повышение эффективности институтов социального страхования, качества и доступности социальных услуг.

Внешнеполитические функции границ государства в социологии международных отношений

Цветкова О. В.

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

Вопросы политического регулирования внешнеполитических функций государства и изменения межгосударственных и межрегиональных границ имеют важное значение для социологии международных отношений. От оптимальности и правомерности решения вопроса о границах международных субъектов (акторов) зависит эффективность территориального развития во всем мире, устойчивость их экономической и политической интеграции, безопасность развития общества и государства.

Внешнеполитическая деятельность современных цивилизованных госу-

дарств основана на признании и уважении суверенного равенства всех стран: невмешательства в их внутренние дела, уважения территориальной целостности и нерушимости установленных границ, отказа от применения силы, уважения прав и свобод человека и т.д.

На современном этапе в полном объеме в сфере межгосударственных взаимоотношений не выполняются основные принципы суверенного равенства. Яркий пример атака на Сирию со стороны США. Нельзя забывать, что при распаде государств война гражданская может преобразоваться в войну между государствами. В настоящее время война на Украине заставляет содрогнуться все мировое сообщество.

На протяжении истории развития международных отношений особую значимость исследователи придавали перераспределению функций между границами государств разного уровня и их типа под влиянием процессов глобализации и интеграции. Особое внимание на современном этапе уделено системе границ между государствами. На наш взгляд в вопросах внешнеполитических функции границ, основная цель уйти от непроницаемых барьеров к линиям взаимодействия для формирования трансграничной пространственной системы для обеспечения безопасности границ международных субъектов. Для этого государства как акторы международных отношений должны способствовать развитию трансграничного сотрудничества.

Как известно, различаются функции контактные (связующие), фильтрующие (например, у таможенных границ) и барьерные (затрудняющие связь).

В системе международных отношений барьерная функция неразрывно связана с национальной безопасностью, которая обеспечивает стабильную обстановку в государстве. Восприятие безопасности конкретной границы зависит от ее символической роли и исторических традиций.

На современном этапе барьерная функция отделяет одну страну от другой с помощью границы. Барьерная функция включает в себя совокупность условий и факторов, затрудняющих трансграничное сообщение. Существуют государственные границы, совпадающие с контрастными этническими, куль-

турными и лингвистическими рубежами, такие границы выделяются сильными барьерными функциями и в основном носят конфликтный характер.

Барьерные и фильтрующие функции появляются у регионов, где отмечается этнополитическая нестабильность, когда вводится особый режим допуска на эту территорию.

На международном уровне общественные представления безопасности могут быть препятствием для трансграничных отношений. Примером выступает трансграничное сотрудничество между Россией и Казахстаном. Наблюдается тенденция считать границы с Казахстаном, Афганистаном, Пакистаном источником национальной и региональной безопасности (наркотики, терроризм, нелегальная миграция и т.п.), что усиливает барьерные функции границы.

С помощью фильтрующей функции границ страна проводит отбор товаров, людей, культурных ценностей, товаров, информации регулируя их потоки на свою территорию и во внешний мир. Граница-фильтр не отличается большой прозрачностью, через нее осуществляется взаимодействие, стороны развивают сотрудничество, но устанавливают на своих границах определенный контроль для минимизации нежелательного внешнего воздействия.

Таким образом, внешнеполитические функции теряют часть своих барьерных функций. Тем самым происходит передача государством своих функций региональным и международным организациям, так как ни одна страна не может быть абсолютно изолирована от соседей. В случае, когда у стран холодные взаимоотношения, соседние страны обычно заинтересованы в транзите, в стремительном росте трансграничном потоке людей, информации, товаров, капиталов, энергии, в развитии коммуникации, совместном использовании природных ресурсов и международных речных бассейнов. Однако следует учитывать, что качественное развитие трансграничного сотрудничества невозможно, когда участники находятся в неравных стартовых условиях. С точки зрения политологического аспекта существует проблема возможной зависимости приграничных территорий, входящих в состав еврорегионов, от их партнеров и участво-

шаяся практика навязывания невыгодных условий России (в основном, это касается торговых отношений: пошлин, таможенных ограничений).

Создание межгосударственных образований, таких, как Европейский Союз, поставило проблему пути по которому они будут развиваться. Все больший вес в этой связи получают идеи, связанные с построением межгосударственных союзов на принципах федерации.

В политике европейских структур – ЕС особое место занимает приграничное и трансграничное сотрудничество в разных его формах. Оно рассматривается как универсальное средство широко понимаемой европейской интеграции на основе подходов, вырабатываемых в евроструктурах на основе контактной функции государственных границ.

Таким образом, развитие внешнеполитических функции границ государства актуально в теоретическом и практическом плане.

Социология дипломатии, дипломатические системы и институты дипломатии в условиях новых вызовов и угроз глобализации XXI века

Циватый В.Г.

Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Украина, Киев

В современном глобализирующемся мире меняется и возрастает роль дипломатии и оценка действенности ее инструментария. Эволюция международных и дипломатических систем в глобальном пространстве XXI века существенно влияет на формы, методы и функции дипломатии.

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и ее институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства. Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии как в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.), так и в XXI веке занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, дипломатических систем, моделей ди-

пломатии и институтов дипломатии.

Понятие «институт»/«институт дипломатии» – одно из центральных в социологии дипломатии, поэтому изучение институциональных связей в дипломатических системах служит одной из основных научных задач, стоящих перед социологами в XXI веке.

Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое. Это процесс, этапами которого выступают: возникновение потребностей, удовлетворение которых требует совместных организационных действий; появление в ходе стихийного социального взаимодействия социальных норм и правил, а также принятие, применение этих норм и установленных санкций для их поддержания; создание системы статусов и ролей, охватывающих всех членов института; создание формальных и неформальных организаций, регулирующих и упорядочивающих функционирование социального института.

В сфере внешних сношений дипломатия является средством реализации внешней политики. Дипломатия – и ее институты – лишь один (хотя и наиболее типичный) мирный инструмент внешней политики государства, создаваемый в каждом государстве с определенными целями.

Среди основных задач современной дипломатии в условиях глобализации можно выделить такие как институциональные связи: 1) создание наилучших внешних условий для сохранения внутривнутриполитической стабильности и устойчивого экономического развития; 2) обеспечение территориальной целостности государства; 3) обеспечения мирных, стабильных отношений конструктивного партнерства с соседними государствами; 4) развитие взаимовыгодного сотрудничества с ведущими государствами мира.

Стоит отметить, что в начале XXI века ведущим государствам мира удалось в значительной степени повысить свой авторитет и влияние национальной дипломатии на международной арене. Для получения глобальных преимуществ

большинство государств стремятся действовать мягкими, опосредованными дипломатическими методами.

Таким образом, можно отметить, что дипломатия и дипломатические службы государств мира в условиях глобализации, ключевым и координирующим звеном которых есть МИД, как главный институциональный элемент дипломатической системы, имеет разветвленную систему центральных, региональных и заграничных органов, которые непосредственно занимаются развитием международного сотрудничества и защитой национальных интересов в отношениях с иностранными государствами.

Современные государства имеют профессиональных дипломатов, современную дипломатию и дипломатическую службу, эффективность которой однозначно доказана значительными успехами государства на международной арене в условиях глобализованного пространства XXI века. Украина и ее дипломатия принимают активное участие в международном сотрудничестве против новых угроз и вызовов XXI века, как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Социология дипломатии занимается изучением явлений, отношений, процессов и институциональных связей в дипломатической системе и ее среде. Среду мы понимаем как социальную организацию во внешней политике и дипломатической сфере деятельности.

Дипломатия, как и другие социальные системы или подсистемы, виды деятельности, профессии, организации, явления и т.д., не существует вне социальных рамок, то есть вне конкретного специфического общества, функционирующего в рамках национального государства, и в большей степени в рамках международного, т.е. глобального сообщества.

Современная дипломатия, в условиях глобального пространства, активно использует приобретенный в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутрипо-

литической стабильности своих государств в дипломатических системах и институциональных координатах современного мира.

Метод фокус-групп в исследовании восприятия социальной рекламы (на примере информационной кампании антитеррористической направленности)

Татаркина Ю.Н., Цыганенко Н.В., Бухнер Н.Ю.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Россия, Барнаул

Эффективное идеологическое, информационное противодействие терроризму на государственном и региональном уровнях возможно в том случае, если к нему присоединятся все население, общественные организации и движения. Активным субъектом такого противодействия могут стать СМИ как федерального, так и регионального масштабов.

Управление Алтайского края по печати и информации уделило большое внимание подготовке и верификации информационной кампании «112 – Антитеррор», смысл которой сводился к популяризации единого номера связи с экстренными службами и повышению уровня антитеррористической информированности населения. Данная кампания сопровождалась социологическим аудитом со стороны научной лаборатории «Сила» АлтГТУ. В ходе исследования предполагалось получить качественные данные, характеризующие ситуацию с доступностью информационных ресурсов и телекоммуникационной инфраструктуры для широких слоев населения Алтайского края, предстояло определить особенности восприятия визуальных средств: плакатов, эмбиентов, билбордов. Основным методом проведения исследования – фокус-группа.

Результаты фокус-группового исследования, проведенного по классической методике, свидетельствуют о том, что для большинства респондентов существует общее представление о терроризме и террористах, а также о целях и мотивах их поведения. Были выявлены следующие доминирующие тенденции восприятия терроризма, возможностей антитеррористической деятельности и

антитеррористической пропаганды:

1. Идеология терроризма является основой, сплачивающей отдельных людей в организацию единомышленников, а также оправдывающей террористическую деятельность путем создания и культивирования в террористической организации своих особых ценностей, подменяющих ценности: добра, справедливости, чести, живущие в сознании людей. Поскольку основой террористической идеологии выступают национализм, клерикализм, сепаратизм, экстремизм, религиозный фанатизм, необходимо опережающее реагирование на любые симптомы этих явлений, в том числе и на уровне информационного воздействия. Проявлением исламофобских и мусульманофобских настроений можно считать сформировавшийся стереотип респондентов о связи терроризма с исламом. Разрушение этого стереотипа должно вестись в форме информирования граждан о наднациональной и надконфессиональной сущности терроризма.

2. Важную роль в информационном противодействии терроризму выполняют социальные действия, направленные на формирование толерантности, как особенно важной ценности российского общества.

3. Особенно важны воспитательные меры по разоблачению антигуманной сущности и общественной опасности террористической деятельности, что будет способствовать формированию в сознании населения неприятия и отрицание подобных видов и способов выражения протеста, противодействия преступлениям террористического характера. В этом аспекте целесообразно задействовать потенциал учебно-воспитательных учреждений.

4. При разработке информационной кампании антитеррористической направленности целесообразно задействовать все возможные информационные ресурсы: телевидение; радио; печатные издания; интернет. Воздействие такой кампании должно иметь массированный характер. Все формы печатной социальной рекламы (плакаты, листовки и т.д.) должны быть выполнены в рамках единой концепции: общая цветовая гамма (предпочтительный цвет фона – красный с текстом белого цвета), общий запоминающийся короткий и емкий слоган, общие символы, рисунки, образы.

5. В результате анализа информации полученной методом фокус-групп было выявлено, что применяемые средства информационной антитеррористической пропаганды должны быть яркими, запоминающимися, обращающимися с одной стороны, к той информации, которая уже знакома человеку (например, картинки взрывов, терактов, с другой стороны, несущая информацию о том, как предотвратить подобные социальные явления, как вести себя в случае террористической угрозы, обнаружения посторонних предметов.

6. Наиболее приемлем для восприятия информации красный цвет. Он не пугает людей, а наоборот, концентрирует их внимание. Именно этот цвет респонденты назвали предпочтительным в качестве фона.

7. Желательна нестандартная, ломаная форма плакатов и эмбиентов. Форма, примененная для текста эмбиентов, признана респондентами более удачной, чем прямоугольная форма плакатов.

8. Необходимо сократить количество текстовой информации до слоганов, более лаконичных и сжатых формулировок, а также избегать противоречивых слоганов и призывов.

В целом результаты исследования свидетельствуют о высокой степени доступности для широких слоев населения региона предлагаемых образов, расширяемых с использованием разнообразных информационных ресурсов и различных средств телекоммуникационной инфраструктуры в рамках кампании «112-Антитеррор».

Ценности в либеральных подходах к анализу внешней политики

Цыганков П.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

Москва

Центральные положения, на которое опирается либерализм в его различных версиях в исследовании внешней политики, выражаются через такие понятия, как демократические *ценности*, как главный мотив внешнеполитического поведения международных акторов; *рыночные экономические отноше-*

ния, как причина разрушения монополии государства в определении внешнеполитических приоритетов и уменьшения роли военного фактора национального интереса в пользу социально-экономического; *международные институты*, как инструменты, способные обеспечить стабильность, а также экономическую и военную безопасность внешнеполитической среды.

Представители разных версий политического либерализма выдвигают на передний план то, или иное из этих понятий, поэтому их взгляды могут не совпадать. В то же время каждая из них обосновывает идею о тенденции к уменьшению доли конфликтов в приоритетах внешней политике в пользу сотрудничества, которое приносит государствам и людям больше выгоды и безопасности.

Ценности в области внешней политики сторонники либерализма связывают, прежде всего, с индивидуальными свободами, демократией и гарантией прав человека. Защита и распространение этих ценностей требуют «больше свободы» и «меньше государства». В отличие от реалистов либералы склонны либо отрицать значение понятия «интерес» как аналитической категории и мотива поведения политических акторов, либо трактовать его как вторичное по отношению к категории «ценности». Так, например, они считают, что по отношению к России «страны западной Европы больше расположены к широкому и стабильному партнерству, но не могут переступить через свои собственные ценности в области прав человека и политических свобод». При этом либерально-демократические ценности трактуются как абсолютные принципы, на основе которых должна быть основана внешняя политика и внутренний порядок, независимо от социального контекста и особенностей той или иной страны, той или иной культуры. С их точки зрения, только либеральная демократия по своим целям, политическим структурам, а главное – в силу самой своей природы, способна обеспечить создание фундамента международного мира. Именно поэтому ее необходимо ввести и гарантировать повсюду. Либералы признают, что некоторые культуры оказываются менее пригодными для создания общества, основанного на ценностях индивидуализма и свободного рыночного хозяйства.

Однако, по их мнению, важнее то, что в процессе распространения либеральных ценностей происходит падение политической и аналитической роли таких понятий, как «сила», «власть» и «интерес».

Ценности демократических идеалов оправдываются, с точки зрения либералов, в том, что «демократические государства не воюют друг с другом». Согласно этому положению, которое восходит своим содержанием к трактату И. Канта о «вечном мире» и убеждениям инициатора создания Лиги наций В. Вильсона, международная нестабильность связана с агрессивностью внешней политики недемократических государств. Как пишет один из авторитетных представителей теории демократического мира М. Дойл, «поскольку нелиберальные правительства находятся в состоянии агрессии по отношению к своим собственным народам, постольку их внешняя политика вызывает подозрение у либеральных правительств». После окончания холодной войны и падения коммунизма, вызвавших самовосхваление Запада, идея демократического мира легла в основу внешней политики Б. Клинтона. Она и сегодня служит самооправданием для действий США и их союзников на мировой арене. Однако достаточно быстро выявилась упрощенность этой идеи в теоретическом плане и дестабилизирующая роль в практике международных отношений. Ее теоретическое обоснование базируется, во-первых, на упрощенной, суженной трактовке понятию «демократия», во-вторых, на необоснованной презумпции враждебности и агрессивности нелиберальных государств, в-третьих, она не нашла статистического подтверждения, в четвертых, вошла в противоречие с практикой так называемых переходных государств, обнаруживших склонность к вооруженным конфликтам. В свою очередь, внешнеполитическая стратегия США, направленная на смену режимов, не отвечающих западным критериям демократии, обернулась хаотизацией не только отдельных стран (Ирак, Ливия, Сирия, Украина), но и ближневосточного региона.

Коммуникативная компетентность личности как фактор современности

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

Ввиду включенности России в современные глобализационные и информационные процессы представляется актуальным рассмотреть вопрос коммуникативной компетентности личности как важнейшего социального процесса современности.

Поскольку коммуникативной компетентностью сегодня интересуются практически все науки, исследующие область человеческих взаимоотношений – возникло предположение, что постановка вопроса имеет всеобщий характер и вызвана системными социальными изменениями, которые существенно влияют на способы взаимодействия во всех предметных сферах. Таким образом, актуальность коммуникативной компетентности вызвана изменениями в структуре общества, в структуре коммуникации, изменениями места и роли личности в социальной системе.

Анализ теорий, описывающих социальные взаимодействия (Т. Парсонс, Э. Гидденс, Н. Луман и др.), позволил сделать вывод, что системные свойства общества определяют способ коммуникации и коммуникативную компетентность личности. Способ совместной деятельности как раз является тем системным свойством, которое определяет коммуникативную компетентность личности, необходимую для определенного типа общества.

Соответственно, коммуникативно компетентным будет являться такое взаимодействие, которое приводит к сохранению и воспроизводству социальных связей, характерных для данного типа общества и обеспечивающих доминирующий способ осуществления деятельности – и благодаря этому сохранению общества в целом. Данный вывод приводит к необходимости исследования коммуникативной компетентности личности на уровне типов общественного развития, а характеристики коммуникативной компетентности участников коммуникации будут свидетельствовать о типе общественного развития, который они обслуживают.

Расслоение рынка образовательных услуг: проблема качества образования

Черезова А.С.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Создание современной системы образования, отвечающей потребностям общества, строится на приоритетах инвестиций в человеческие знания. Стратегическое значение знаний в информационном обществе придает лидирующую роль развитию образовательного сектора. Существующая образовательная система требует модернизации, которая во многом определяется становлением рынка образовательных услуг. Незрелость рынка образовательных услуг, отсутствие четкого механизма функционирования обостряет проблемы образовательного сектора, в числе которых снижение качества и конкурентоспособности образования, диспропорции рынков труда и образовательных услуг, недостаток высококвалифицированных кадров.

Рынок образовательных услуг представляет собой механизм взаимодействия субъектов в рамках образовательных услуг. В условиях современного общества требуются специалисты широкого профиля, готовые быстро адаптироваться к новым условиям труда, менять технологии, уметь быстро обучаться. Для подготовки таких специалистов образовательные организации должны становиться мобильными, способными быстро переориентироваться, а государство активно использовать инструменты регулирования для обеспечения взаимодействия разнообразных субъектов и их стимулирования.

Ориентация на «экономику знаний» стимулирует и спрос на высшее образование и его предложение. Повышение уровня своих навыков и знаний или освоение новых способствует сохранению конкурентоспособности при изменениях в сфере деятельности, а также повышению мобильности в смене рода занятий. Увеличение доли частных инвестиций в образование, рост числа студентов, обучающихся на платной основе, возрастание расходов населения на сопутствующие получению образования расходы говорит о растущем интересе к услугам высшего образования, о социальной ценности высшего образования

как фактора устойчивого социального положения индивида в обществе.

Современный российский рынок образовательных услуг характеризуется неоднородностью образовательных услуг, существенными различиями образовательных организаций, включающих как крупные университеты – федеральные, национальные исследовательские, так и небольшие техникумы, колледжи. Не смотря на большое количество образовательных организаций, качественное образование дает лишь малая их часть. Актуальность данной проблемы становится еще очевиднее на фоне расширения сферы платного образования. В настоящее время меняются ценности, цели обучения, получение все больше выступает элементом достижения определенного статуса в обществе, нежели знаний как таковых. Рынок труда формирует высокие требования к рынку образовательных услуг, поэтому для эффективности его функционирования, образовательные учреждения должны гарантировать качество предоставляемого образования.

Медиатизированное общество как перспективный объект социологии

Чудновская И.Н.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Маклюэновская многогранная формула «The Medium is the Message» в начале нынешнего века проявляется новой гранью и при множественности интерпретаций может в современном научном дискурсе истолковывать медиа и как послание, запрос, поручение наукам, изучающим общество и человека.

Человек и его социальные практики, характерные для девятнадцатого века, времени институализации социологии как науки, претерпели серьезные изменения к началу третьего тысячелетия. И дело здесь не только в исторической эволюции человека. Претерпела изменения вся жизненная среда человека: в природном, технико-технологическом, информационно-символическом и других отношениях – во многих случаях трансформировав-

шись в медиасреду. Общество, порождая новую среду, в свою очередь, не может остаться неизменным. Медиареальность стала конкурировать с действительной реальностью, формируя общие картины мира для больших групп людей, создавая им базу для ориентации в окружающей среде, контроля над ней, координации, формирования ценностей, передачи социального опыта последующим поколениям.

Естественно, что эта сторона социальной жизни вошла в предметную область социологии двадцатого века, начиная с исследований Чикагской школы и завершая институализацией социологии средств массовой информации. Однако если в первой половине двадцатого века фокус исследований был смещен прежде всего на содержательную сторону коммуникации, то во второй половине двадцатого и начале двадцать первого веков в поле пристального внимания социологов коммуникации вслед за Торонтской научной школой вошла совокупность социальных фактов и футурологических прогнозов, связанных с изменениями в самой информационно-коммуникационной платформе.

Через новую систему медиа человек локальный получил возможность расширить себя до человека глобального, способного в режиме реального времени принимать участие в событиях, происходящих в любом месте планеты, что не может не отразиться на когнитивном состоянии человека. Новый тип работы с информацией, удовлетворяющий информационно-коммуникативную потребность, меняет традиционные сложившиеся модели социальной коммуникации. Человек перестает быть реципиентом из трансмиссионной модели и перемещается в центр коммуникации, получив новые возможности свободы, самовыражения, самореализации.

Общество как коммуникативный организм стало иным. Новая информационно-коммуникационная платформа послужила основой не только для образования новых типов социальных общностей, не имевших аналогов в доцифровой истории коммуникации, но и отложила отпечаток на социальные практики подавляющего большинства современных социальных групп. Медиапотребление стало новой формой объединяющих ритуалов.

Интенсификация и экстенсификация медиатизации общества порождают новые социальные последствия, меняют как существование самого человека, так и устоявшиеся закономерности всего спектра социального взаимодействия. Медиатизированное общество, ставшее реальностью, требует комплексного осмысления современной социальной наукой, обогащенной новыми отраслями, оснащенными новыми категориями, методами, парадигмами.

Литература:

1. Коломиец В.П. Медиа социология: Теория и практика. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014.
2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
3. Чудновская И.Н. Коммуникация в эпоху цифровой революции // Социология. 2008. № 4.

Клиническая социология как инструмент научного познания социальной патологии в условиях трансформации общества

Шамонина О.П.

Социолог, Россия, Уфа

В истории социологической науки, выделяются разные точки зрения на социальную патологию (social pathology): по аналогии с больными и здоровыми биологическими организмами, когда состояние общества оценивается как нездоровое; как отклонения от нормы, ее среднего значения – «нормальное и аномальное состояние общества» (Э.Дюркгейм, 1895); собственно, патологические изменения, применительно к любой стороне или сфере, приводящие к фатальному исходу общества, направленные скорее не на интеграцию, а ведут к его дезинтеграции (функционализм); применение этого термина просто для обозначения разных действий людей, которые нарушают законы, либо не соответствуют общечеловеческим ценностям и моральным нормам. Следовательно,

в этом контексте можно говорить, что социальная патология имеет характерные черты и проявляется в таких явлениях, как: социальные болезни общества, аномальное или отклоняющееся от нормального функционирования общество или вредные привычки людей и их противоправное поведение.

Следует отметить, что при принципиальном расхождении в понимании феномена «социальная патология», отчасти, обусловленным недоверием к биологическим и медицинским аналогам, сомнением в правильности определения границ дозволенного и аномального, большинство этих точек зрения объединяет нечто общее, а именно то, что в обществе происходит что-то не так, отсутствует некая рациональность и логичность в его развитии. И здесь первостепенной задачей видится роль отечественной социологической школы, направленной на развитие собственной дефиниции этого понятия, с учетом истории, сложившихся традиций, культуры и самобытности народов, приложимой исключительно к российской действительности, отражающим происходящие в ней изменения и трансформацию общества в целом. Это связано с тем, что большинство представлений о социальной патологии разработаны в рамках зарубежных социологических течений, которые отражают иной, западный образ жизни. Поэтому, то, что приемлемо для людей с иным складом ума и поведения, может быть неприемлемо, либо отклонением для россиян и, наоборот, что считается само собой разумеющимся, может вызывать у западного человека неприязнь и отчуждение.

Важно отметить и тот факт, что исследование социальной патологии не вызывает особого энтузиазма у западных социологов, которых можно считать основоположниками этого направления. Негибкость и ограниченность данного понятия, исключает возможность применения традиционных методов исследования и, в большинстве случаев, приводит к дискуссиям и спорам в научных кругах. Примерно такое же отношение и к клинической социологии. Если изначально клиническая социология означала помощь социологов в работе психологов, психиатров и социальных работников с пациентами клиник как часть их терапевтической деятельности, с перспективой открытия социологических кли-

ник, направленных на «более широкий спектр социальных проблем» (Л. Вирт, 1931), то, в последующем, клиническая социология стала наделяться другими полномочиями, когда применяемые подходы, стали предполагать практическое или профессиональное вмешательство в социальную жизнь объекта, с целью решения возникающих социальных проблем. Но здесь возникает серьезная проблема, которая противоречит профессиональной этике социолога и методологии проведения социологических исследований. Социологи не могут оказывать влияния на оценку состояния окружающей среды и самостоятельно искать пути решения социальных проблем.

Необходимость в едином понимании социальной патологии и применяемых подходов к ее исследованию вытекает из необходимости применения адекватного социологического инструментария. Понятно, что методики диагностики и анализа социальных патологий существенно отличаются от методологии социологических исследований, применяемых к усредненным, обычным условиям социальной среды.

С другой стороны, возникает трудность в использовании клинической социологии в массовом масштабе, применительно к большим выборочным совокупностям, однако, если речь идет о таких видах исследований, как: фокус-группа, социометрия и опрос экспертов, то клиническая социология способна принести определенную пользу. Одним из перспективных направлений в этом аспекте, видится междисциплинарное взаимодействие клинической социологии и практической психологии.

Возможно в будущем, в процессе профессиональной подготовки социологов – клинических социологов, в образовательном стандарте по специальности, будут учтены особенности этой профессии, проявляющейся в необходимости владения знаниями и навыками социолога – как специалиста по изучению общественного мнения и психолога, владеющего основами психоанализа и гештальт-терапией.

Клиническая социология особо нуждается в разработке теоретических основ, методологического аппарата и внедрении их в практическую область,

поскольку имеющийся задел не в полной мере отвечает запросам сегодняшнего времени. Следует отметить, что новые отраслевые направления социологической, как и практически любой другой науки, начинают стремительно развиваться, когда возникают другие, малоизученные стороны и аспекты. В этом контексте, социальные патологии современного общества приобрели новое значение, поскольку стали мешать его развитию и вызывают негативную реакцию со стороны населения.

Современное общество и изучающие его социологи, столкнулись с проблемами, которые невозможно решить одномоментно, иногда требуются годы, десятилетия. Поэтому от современной социологической науки, требуется стремительное развитие в тех направлениях, которые являются наиболее приоритетными, и, в частности, преодоления социальной напряженности и конфликтов, бедности и расслоения общества, безработицы и преступности, нарастающей активности антисоциальных, ультраполитических и субкультурных движений.

О семейных ценностях в средствах массовой информации Республики Калмыкия

Шарманджиев Д.А.

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Россия, Элиста

Средства массовой информации: радио, телевидение, периодическая печать, интернет и т.д. как одни из основных форм системы человеческих коммуникаций, безусловно, оказывают влияние на формирование духовно-нравственных ценностей каждого человека и, прежде всего, молодого.

В системе духовно-нравственных ценностей индивидуума, семейные ценности занимают особое место и являются важнейшим фактором становления и формирования гуманной и жизнеспособной личности. Именно в семье у человека развиваются соответствующие черты характера и личностные качества. В то же время семейные ценности в наибольшей степени содержит «жи-

вую историческую народность» (К.Д. Ушинский), которая сохраняет и питает исторические и культурные традиции народа.

Изучая отражение семейных ценностей в медиапространстве Калмыкии, в первую очередь, нами рассматривались основные печатные средства информации: газеты «Известия Калмыкии», «Хальмг Унн», «Элистинский курьер». Меньше здесь представлены материалы Калмыцкого телевидения и из интернета.

В печатных СМИ нередко появляются материалы, раскрывающие важность и значимость семьи в жизни каждого человека, в том числе и молодого. К примеру, в статье Надежды Балакаевой «О ценностях семьи и не только» рассказывается о спектакле «Семья», поставленном на сцене Национального драматического театра им Б. Басангова по одноименной пьесе Боси Сангаджиевой. Н. Балакаева пишет, что в спектакле хорошо прослеживается главная мысль: семья самое ценное, что есть в жизни человека. «Как и автор пьесы, так и актеры, занятые в спектакле, уверены, что только в традиционной семье закладываются основы будущей личности. Именно в семье человек учится различать, что такое плохо и хорошо» [Балакаева, 2012 (1)].

День семьи, любви и верности, как праздник, отмечаемый в России с 2008 года, призван привлечь внимание к семье как хранительнице духовно-нравственных ценностей. В передаче, подготовленной Калмыцким филиалом ВГТРК (8 июля 2013 г.) рассказывалось о пяти семейных парах из Целинного района Калмыкии, удостоенных в этот день медалей «За любовь и верность». Все герои передачи прожили долгую супружескую жизнь, смогли не только сохранить духовность и традиции, но и передать их своим детям и внукам. Эти и другие примеры призваны показать, в первую очередь молодому поколению, воплощенные в жизнь ценности семьи.

В День семьи, любви и верности, в республике уже стало доброй традицией награждать медалью «За любовь и верность» семьи, которые стали олицетворением семейного счастья и преданности и где супружеский союз выдержал все испытания судьбы.

Важная роль в пропаганде семейных ценностей принадлежит буддистской церкви. На официальном сайте Центрального хурула Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» были помещены ответы Шаджин-ламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче (мирское имя – Эрдни Омбадыков, выходец из семьи калмыцких эмигрантов в США «первой волны») на вопросы, которые люди задают ламам, приходя в хурул в поисках действенных советов и психологической помощи в разрешении сложных жизненных обстоятельств.

В семейной жизни нередко возникают ситуации, к которым найти мудрое решение достаточно сложно. Люди справляются с проблемами в одиночку, в лучшем случае обращаются к психологу. Единого рецепта, как сделать семью счастливой, конечно, не существует, однако есть незыблемые общечеловеческие ценности, на которых и зиждется жизнь. Среди вопросов, на которые Тэло Тулку Ринпоче отвечает, есть и такие: Как научить молодежь уважать своих родителей? Считается ли недобродетелью, если дети отдают своих родителей в Дом для престарелых? На чем основывается счастливая семья? Отвечая на вопрос о счастливой семье, он, в частности, сказал: «Своим собственным примером или другими методами родители должны показывать детям путь добродетели, демонстрировать им свою любовь и сострадание, говорить о важности добропорядочного поведения. Если мы задумаемся, откуда у нас в сердце появились любовь и сострадание, то поймем, что эти качества – плод усилий наших родителей, плод их наставлений и воспитания. Эти же достоинства мы в свою очередь должны подарить своим детям: здесь большую роль играет примерственность. Благие качества, которые культивируются и передаются из поколения в поколение, становятся крепче и сильнее» (Официальный сайт Центрального хурула).

О роли театрального искусства, национальной литературы в процессе формирования духовно-нравственных, семейных ценностей молодого поколения, говорится в статье Надежды Балакаевой «Девичья честь». Публикация посвящена постановке Национального драматического театра им Б. Басангова по одноименной повести Санжи Балыкова, герои которой делают свой нравствен-

ный выбор в трагическое для истории калмыков время. Автор статьи подчеркивает: «...Режиссеру Василию Пектееву и актерам и в этот раз удалось очень точно передать исторический колорит эпохи и нравственную чистоту калмыцкого народа» [Балакаева, 2012 (2)]. Действие происходит в разгар империалистической войны, в 1916 году. К этому времени уже сформировалась новая интеллигенция, все больше людей получали образование. Герои повести «Девичья честь» тоже мечтали получить профессию, но это им не было суждено. Молодые влюбленные принимают решение уйти из жизни, чтобы не терпеть унижения и сохранить свою любовь.

В газете «Ордин зянг» Басанг Захаров, делясь впечатлениями об этом спектакле писал: «Короткая жизнь Бадни и Зиндмы, добровольно ушедших из жизни, чтобы сохранить свою честь и достоинство, душевные терзания красной командирши Цецени с ее пронзительными монологами о трагедии калмыков и раскаянием показательны для «белых» и «красных» калмыков того времени» [Захаров, 2012].

В целом, говоря о роли периодической печати, других средств массовой информации Калмыкии в освещении и пропаганде семейных ценностей, можно сделать вывод, что СМИ республики являются также одним из основных инструментов трансляции, как национальной культуры калмыков, так и других народов, проживающих на территории республики, способствуют формированию духовно-нравственных ценностей, в первую очередь, у молодого поколения нашего региона.

Литература:

1. Балакаева Н. О ценностях семьи и не только // Известия Калмыкии. 2012. 25 декабря. С. 4.
2. Балакаева Н. Девичья честь // Известия Калмыкии. 2012. 4 декабря.
3. Официальный сайт Центрального хурула Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни». URL: [http:// khurul.ru](http://khurul.ru)
4. Захаров Б. Девичья честь // Ордин зянг. 2012. 15 декабря.

Влияние внешних факторов на теорию российской электоральной социологии

Шевцов А.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

В докладе рассмотрена проблема влияния внешних факторов на формирование теоретических обоснований и объяснительных схем в области электоральной социологии с позиции современных отечественных ученых. В связи с небольшим объемом сообщения, автор ограничился наиболее принципиальными вопросами.

Изложение начинается с весьма популярной идеи рациональности электорального выбора. В самом общем виде пространственное моделирование электорального выбора можно представить как процедуру соотнесения политических позиций партий/кандидатов с политическими позициями избирателей. Обе позиции изображаются как объекты в n -мерном политическом пространстве. Измерениями последнего в классической модели выступают вопросы политической повестки дня и/или общие идеологии (левые – правые, консерваторы – либералы и т. д.), а в неклассической – шкалы интенсивности поддержки общих идеологий и/или конкретных политических курсов. Ориентированное на объяснение и прогнозирование результатов голосования в конкретных электоральных системах, пространственное моделирование строится на четко эксплицированном концептуальном фундаменте, затрагивающем принципиальные проблемы политической теории, прежде всего проблему электорального (и, шире, политического) выбора как такового, его механизмов, мотивации и т.д.¹⁰⁴

Противоположная тенденция связана с повышенным вниманием ученых к условным и ритуальным аспектам избирательного процесса. В этой удачно

¹⁰⁴ Подробнее см.: Ахременко А.С. Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы (I) // Полит. исслед. 2007. № 1. С. 153–155.

сочетаются наработки социальной антропологии и философские теории пост-модерна с символическим интеракционизмом.

Большинство работ, посвященных теоретическим и технологическим вопросам избирательных кампаний, написано людьми, непосредственно принимающими участие в работе с командами кандидатов, политическими консультантами; экспертами по имиджу партий и политических акторов; социологами-практиками, исследующими особенности электорального поведения социально-демографических или социально-территориальных групп¹⁰⁵.

Не меньшее воздействие на формирование объяснительных схем электоральной социологии оказывает доминирующая политическая идеология. Так, в рамках либерально-демократической теории предлагается следующая схема основных идеальных типов (моделей):

1) демократические выборы – политические акторы (прежде всего, партии) артикулируют свои позиции по имеющим публичное значение вопросам. Эти позиции конкурируют в публичном пространстве, и ожидается, что именно на этом основании избиратели делают выбор между партиями/кандидатами. Таким образом, происходит согласование и превращение в норму взаимных ожиданий. При условии, что победившая на выборах политическая сила будет проводить тот курс, который был ею заявлен в ходе выборов, можно считать, что граждане оказывают влияние на политику органов власти;

2) безальтернативные выборы («выборы без выбора») – здесь избирателю предлагается голосовать за единственного кандидата. Очень близко к этой категории стоят «псевдо-конкурентные» выборы, в которых участвуют несколько кандидатов, но реальные шансы на победу имеет только один, а остальные призваны лишь обозначать «конкуренцию» и их роль ни для кого не является тайной. Участие в выборах является, например, демонстрацией политической лояльности по отношению к власти, инструментом воспроизводства

¹⁰⁵ Подробнее см.: Бандорин К.В. Социальная организация избирательной кампании: Автореф. дис. ... кандидата наук; Философские науки: 22.00.08. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т. 1999. С. 2–3.

«единения» всего общества и т.д.¹⁰⁶

В заключении подведены итоги. В докладе речь идет о способах воздействия существующей парадигмы социально-гуманитарного знания на отечественную электоральную социологию и вариантах реагирования на данное воздействие. Научные дискуссии разворачиваются вокруг:

- признания/непризнания рациональности электорального выбора, и степени «рациональности-иррациональности» данного выбора;
- «реальности-виртуальности» избирательного процесса, меры и форм его ритуализации;
- соответствия реальных избирательных кампаний либерально-демократическому «идеалу», и способов приближения социальных практик к данному идеалу.

О необходимости формирования новой модели инновационного поведения педагогов общеобразовательных школ

Шелехова О.В.

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет», Россия, Иркутск

Рубеж XX и XXI веков ознаменовался для нашей страны мощными трансформациями, охватывающими все социальные сферы жизнедеятельности российского общества. Изменение потребностей личности, общества и государства к качеству современного общего образования, к модели выпускника общеобразовательной школы требуют от современного учителя изменения собственной профессиональной позиции, изменения модели его профессионального поведения, одним из важнейших компонентов которого является инновационное поведение. В связи с этим, обострился вопрос методологического и эм-

¹⁰⁶ Подробнее см.: Панов П.В. Выборы в России: институциональная перспектива // Полит. исслед. 2008. № 5. С. 102–104; Панов П.В. Электоральные практики на конкурентных и неконкурентных выборах в современной России // Рос. электорал. обозрение. 2009. № 2. С. 45–47.

пирического осмысления ценностных ориентаций современного педагога общеобразовательной школы и, как следствие, формирования новой модели его профессионального поведения.

Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, Профессиональный стандарт педагога – это нормативная основа изменения требований к профессиональному поведению современного учителя. Широкие полномочия педагога, которые определены в данных нормативных документах, предполагают готовность или сформированность у педагога новой модели поведения – инновационной. Понятие «инновация» достаточно давно обсуждается социологической и педагогической общественностью, обозначается ее актуальность для развития современного общества. Вместе с тем, готовность современных педагогов к формированию модели инновационного поведения остается на низком уровне.

От современного педагога требуется не простое воспроизведение имеющихся у них знаний обучающимся, но проектирование образовательного процесса, начиная с его содержания и заканчивая его контролем. Мы полагаем, что инновация как результат преобразования педагогических идей, новое или усовершенствованное решение психолого-педагогических ситуаций, возникающих в образовательном процессе школы, должна проявляться в повседневной профессиональной деятельности педагога.

Необходимо отметить, что понятие «инновационное поведение» является предметом междисциплинарного знания. В большей степени оно рассматривается в экономических науках и отождествляется с инновационным поведением предприятий и организаций, а также их сотрудников. В психологии фокус внимания акцентируется на изучении инновационного поведения личности. Инновационное поведение в педагогике определяется как необходимый элемент деятельности педагога и обучающегося. С нашей точки зрения, необходимо глубокое методологическое осмысление данного понятия в современной социологии с позиции изучения современного учительства как отдельной значи-

мой социально-профессиональной группы. Изменение ценностных ориентиров современного общества требует и изменения ценностных ориентиров современного учительства. Инновационно работающий учитель является ведущим субъектом развития инновационно мыслящего и действующего обучающегося и выпускника средней школы.

Возникает закономерный вопрос: инновационное поведение учителя – это его повседневная модель поведения или демонстрационная модель поведения в отдельные событийные моменты профессиональной деятельности (участие в конкурсах, конференциях, реализации инновационных проектов и т.д.). На наш взгляд, современный учитель – это субъект образовательного процесса, который реализует модель инновационного поведения в своей повседневной профессиональной деятельности. Мы не имеем ввиду, что в данном случае инновации должны носить какой-то глобальный характер, оказывающий влияние на систему образования в целом. Инновации, в нашем понимании, носят скорее локальный характер и определяют повседневную профессиональную деятельность педагога. Инновации современного учителя начинаются с разработки им его собственной рабочей программы, технологической карты урока, системы взаимодействия с обучающимися, их родителями и коллегами как субъектами образовательного процесса. Инновационное поведение педагога предполагает отказ от типизации профессионального поведения и внутреннего мира личности педагога, актуализацию свободного поиска, активного созидательного творчества.

Таким образом, инновационное поведение педагога общеобразовательной школы детерминируется причинной обусловленностью со стороны внешних и внутренних факторов, характеризуется целенаправленностью и мотивированностью педагога и проявляется во внешних формах позитивного преобразования им социальной действительности.

«Инвестиции в светлое будущее» или новый подход к финансированию образования и социальной мобильности

Шкатова А.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Статья раскрывает процессы изменения социальной динамики молодежи разных стран в постиндустриальном мире, где главной ценностью становятся знания, с позиции доступа к образованию и знаниям.

Анализируется ограничение доступа к обучению, в связи с его высокой стоимостью, обилие кредитов на образование и невозможность даже с наличием образования расплатиться по взятым кредитам, недостаточное количество программ для одаренных детей, как следствие замедление мобильности посредством института образования в современном обществе.

Рассмотрены связанные с данным явлением проблемы в экономике и организациях, когда не хватает узких специалистов, но имеется переизбыток ненужных и низко квалифицированных кадров.

С точки зрения постиндустриального общества, где знание главный ресурс и страховка от тех рисков, по Э. Гидденсу и У. Беку, которые продуцирует само общество, в нынешних условиях доступа к образованию, общество не в силах защитить себя от этих рисков.

В статье освещен проект компании Lumni, который идет в обход системы, сложившейся в современном обществе, и рыночной экономике, позволяя любому желающему продать «долю в своем будущем», за возможность получить высшее образование.

В статье рассуждается о возможности применения данного подхода в России и возможные осложнения.

Проблемы социальной адаптации первоклассников к школе

Шлыкова Д.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Россия, Нижний Новгород

Школьная жизнь ребенка протекает в сложно организованной разнообразной по формам и направленности среде. По своей природе эта среда соци-

альная, так как представляет собой систему различных отношений ребенка со сверстниками и школьниками другого возраста, педагогами, родителями, другими взрослыми, участвующими в школьном процессе.

Для успешной адаптации первоклассника к школе необходимо наличие различных взаимосвязанных факторов: физическое и психическое здоровье, уровень готовности к школе (интеллект, мотивация учения, желание учиться, умение общаться, адекватно вести себя и реагировать на ситуацию, организовывать поведение и деятельность, развитие школьно-значимых психофизиологических функций, уровень умственной и познавательной активности). Немаловажную роль в этом трудном процессе играют семья и учитель.

Возраст 6–7 лет в жизни ребенка – это рубежный, кризисный период в развитии личности как в социальном, так и в психологическом плане. Следовательно, необходим активный поиск средств выявления особенностей принятия ребенком своего возрастного статуса.

Некоторая часть первоклассников испытывает трудности, прежде всего в налаживании взаимоотношений с учителем и одноклассниками, что нередко сопровождается низким уровнем овладения школьной программой.

Для устранения трудностей, возникающих у ребенка в процессе вхождения в новую, незнакомую школьную среду, важным фактором служит поддержка родителей и педагогическая помощь учителей. Для анализа данной проблематики в 2012–2013 годах было проведено исследование среди родителей и опекунов первоклассников, классных руководителей и учителей группы продленного дня, а также с помощью методики «разноцветные странички» проанализировано эмоциональное отношение первоклассников к обучению в школе.

В ходе исследования первоклассники были разделены на три группы в зависимости от состава семьи: дети из полных, неполных и опекунских семей. Проанализировав результаты, заметна тенденция к тому, что от степени успешности процесса адаптации зависит формирование ребенка как личности.

В этой связи, бездействие или неосведомленность родителей о личностных проблемах ребенка, затрудняет процесс адаптации и порождает ряд про-

блем. Как правило, ребенок, не способный быстро адаптироваться в школьной среде, становится более замкнутым, менее общительным, чаще остальных имеет проблемы с усвоением школьной программы. Дезадаптированные дети подвержены стрессам и депрессии, вследствие чего в большей степени подвержены влиянию окружающих. С этой точки зрения адаптация является определенным барьером для воздействия на школьника: чем адаптация успешнее, тем влияние внешних факторов на него слабее, так как ребенок более независим и находится в комфортном положении.

В ходе исследования было выявлено, что дети из полных семей адаптируются успешнее, нежели дети из неполных и опекунских семей. Данный факт может быть объяснен тем, что дети в таких семьях остро переживают семейные трудности, следовательно, подвержены двойной психологической нагрузке. Данные группы детей можно отнести к потенциально насильственным, так как из-за собственных переживаний ребенок может стать агрессивным, обидчивым, замкнутым, что не способствует формированию положительных отношений со сверстниками и одноклассниками. Не зная как справиться со своими переживаниями, ребенок начинает выплескивать обиду на других ребят, или наоборот – замыкается в себе.

Ни для кого не секрет, что в неполных семьях родитель несет на себе огромную ответственность – он и родитель, и воспитатель, и кормилец. Как правило, такие родители из-за собственной занятости просто не замечают проблем ребенка. В опекунских же семьях существует тенденция давать ребенку шанс самому разобраться в себе, что зачастую приводит к усугублению ситуации.

С другой стороны трудность в адаптации детей к школе может зависеть от внутрисемейной ситуации. В современном обществе ярко проявляется тенденция к следующему: родители считают, что могут полностью распоряжаться своим ребенком, применяя для воспитания любые меры. Они забывают об уважении и чести по отношению к своим детям. Часто в таких семьях присутствует насилие. Насилие в семье становится трагедией для многих людей и разру-

шает фундамент безопасности общества. Ребенок, ставший объектом насилия, замкнут, унижен. Как правило, такие дети труднее всего адаптируются и социализируются в любых новых условиях.

О парадигмах и идеологии выхода из кризиса и модернизации России

Шмаков В. И.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современной политической жизни России в ситуации системного кризиса, в котором общество и государство находятся перманентно, начиная с 90-х годов XX в., многие слова, заявления, лозунги употребляются некритически в угоду тех или иных настроений масс, элит, политических лидеров и лишены строгого содержания и исторического смысла. Общественное сознание отвлекается от насущных, действительных проблем социально-экономической и политической жизни на бутафорию политиканства. Сегодня необходима объективная научная оценка социально-экономической и политической ситуации, научная дискуссия о причинах, возможных прогнозах и альтернативах выхода из кризисной ситуации, об обеспечении комплексной общественной безопасности и перспективах оптимизации общественной социально-экономической и политической системы российского общества.

В сложившихся социально-экономических, политических условиях в современной России, которая теперь остро ощутила себя составной частью мирового рыночного, социально-политического порядка, наступило время, когда на политическую арену должна выйти генерация новых политиков, никак не связанных со всеми прежними политическими партиями и движениями, свободных от прежних политических, государственно-административных и либерально-рыночных, грехов. Необходима действительно созидающая, именно российская по сути и духу, научно выверенная новая парадигма общественного развития. При этом важно определить, кто же те социальные и, в перспективе, политические силы, которые способны инициировать и поддержать соответству-

ющую идеологию и соответствующее ей социально-политическое движение?

Сегодня в нашей стране реально нет ни одной политической силы, партии, которая имела бы востребованную обществом, продуманную программу, концепцию и проекты выхода из кризиса и динамичного, перспективного и устойчивого развития России как передовой страны и державы хотя бы на ближайшие годы. До сих пор нет национально-государственной идеологии, отражающей ментальность, ценности и интересы российского народа и общества, а потому нет и правительства национального единения, как и многого другого. Следовательно нет необходимых основ для обозначенного сегодня курса обновленной модернизации страны и динамичного роста ее научно-технического потенциала.

Все это предполагает обсуждение широкого круга вопросов. Это, прежде всего, вопросы системного характера кризиса в России и возможного обострения и наступления второй волны кризиса в мире в целом, его последствий для государства и различных слоев российского общества. А главное – это понимание и прояснение того, что эти проблемы в рамках утвердившейся модели исторически отсталого, полукриминального олигархического «капитализма» решить невозможно.

И поэтому сегодня, когда в нашей стране в очередной раз объявлено о необходимости нового этапа реформ под лозунгами очередной модернизации, но в рамках данного строя, актуальными становятся вопросы поиска альтернативных нынешнему строю моделей общественного развития и путей выхода России из затянувшегося кризиса.

Советский Союз проиграл в глобальном, геополитическом мировом соревновании и был развален под грудой нерешенных проблем, и, прежде всего, проблем осуществления научно-технической революции и внедрения в народное хозяйство пятого технологического уклада, проблем затянувшегося перехода к обновленному, демократическому социализму. С тех пор, при господстве прорвавшихся к власти либерально-рыночных, компрадорских кругов, мы потеряли, частью просто уничтожили огромный потенциал, который мог бы по-

служить базой для быстрой модернизации страны при умелом руководстве и управлении. Сегодня отмечается повсеместно, с одной стороны, явная ностальгия большинства общества по тем, пусть даже не в должной мере проявившим себя, преимуществам прежнего (первого по форме) социализма, отвечавшим интересам трудового народа, а, с другой стороны, осознание преступности развала великой интернациональной державы, понимание тупиковости и кричащей несправедливости сложившейся с 90-х годов XX века либерально-консервативной, олигархической по сути и содержанию модели устройства Российского общества, сомнение в способности нынешней власти, при наличии в ней «пятой коррупционно-бюрократической колонны», в обозримый период решить огромную кучу назревших в стране проблем.

Одна из них, это – чрезвычайная по своим параметрам, воспринимаемая большинством населения как несправедливая, социальная дифференциация общества. В России коэффициент социального расслоения (так называемый, децильный, коэффициент) в 1992 г. резко подскочил и составил 1:9, а к 2000 г. он удвоился. Безработица в целом по стране по официальным данным составляет 8%. Фактически же она около 11–12%, а в ряде регионов, например Северного Кавказа, он достигает показателей 20–40%, что соответствует критериям определения данных регионов как депрессивных.

Все это означает, что в России сохраняются объективные условия для недовольства, социальной напряженности. Фактически подобные причины, вкупе с относительно высоким уровнем безработицы и явным игнорированием этих проблем правящей олигархической верхушкой, породили широкое недовольство масс и привели к известным событиям на Украине. В этом также одна из главных причин начавшегося в 90-е годы и продолжающегося поныне демографического кризиса. При этом все винят мировой кризис и никто в России ничего не делает для того, чтобы выяснить собственно российские причины кризиса страны и государства и хотя бы начать искать выход из кризиса, опираясь на свои силы и ресурсы, находить дружественные себе международные силы.

Обсуждая вопросы и проблемы выхода из кризиса и обеспечения комплексной безопасности, необходимо их выносить на широкую общественную дискуссию, важно формирование общественного, а не просто массового, мнения, чтобы утвердиться в следующих положениях.

1. Сегодня большие доходы и деньги, в том числе в казне государства, могут быстро иссякнуть, и встает вопрос, как обеспечить сохранение и рост бюджетных доходов и не сворачивать социальные целевые государственные программы.

2. Нынешние власти и большинство СМИ замалчивают или занижают масштабы кризиса, отвлекая от него, искажая факты и «забалтывая» проблему ложью, мифами и мелочами, чтобы скрыть правду. И именно эффективность и действенность мер по преодолению кризиса российского общества должны сегодня подтвердить правильность стратегических установок и определить итоговую оценку деятельности президента и правительства РФ, роль различных политических сил в обществе.

3. Необходимо признать, что главными причинами этой ситуации являются:

- коррупционная, бесконтрольная и неэффективная приватизация и последовавшее затем массовое разорение, банкротство и закрытие огромного числа предприятий промышленности и аграрного сектора, тупиковая политика «либерально-демократических реформ», проводимая в стране в 90-е годы до начала 2000-х, а временное улучшение ситуации после кризиса 2008 г. не должно никого вводить в заблуждение;
- разрушение, а не должное реформирование старой системы государственного управления и кадровой ее составляющей, неспособность создать эффективную новую систему государственного и общественного управления, в том числе игнорирование требований обязательного для любой системы управления планово-целевого, организационно регулирующего компонента (на основе апробированного в мировой практике индикативного планирования и стимулирующего контроля), Как следствие – неэффективная деятельность государственных ор-

ганов управления в сфере распоряжения государственными учреждениями и предприятиями (министерства не имеют полномочий по прямому влиянию на менеджмент данных предприятий), а также в сфере регулирования деятельности агентов рыночной экономики, что привело к таким ее болезням, как сырьевая зависимость, внутренние дисбалансы, скрываемые высокими ценами на нефть, высокий потребительский импорт, жесткий монополизм, диктат цен на энергоносители и жизненно важные товары, рост внешней корпоративной задолженности, недоверие населения к банкам, негативная динамика инновационной и инвестиционной активности. Зависимость России по импортным поставкам продовольственных продуктов более чем на 70%, а также по поставкам сельхозтехники, оборудования и комбикормов на такие же проценты несет угрозу безопасности страны и ведет к зависимости от реальных санкций со стороны западных поставщиков;

– шок от принудительной «приватизации», идейно-гуманитарный, мировоззренческий, духовно-культурный кризис российского общества, распад присутствующих российской культуре и ментальности системы ценностей и смыслов жизни, подмена их либеральными установками прагматического индивидуализма, тотальной разобщенности и конкуренции. По законам синергетики, в случае, если заложенные в основе социальной системы ценности культуры и морали разлагаются и заменяются иными, чуждыми, то данная система приходит в состояние деградации.

Сегодня нужно срочно и оперативно разрабатывать комплекс антикризисных мер, предпринимать решительные антикризисные шаги и как можно скорее уводить страну от воронки нынешнего системного кризиса.

Между тем всем людям в России давно уже ясно, что капитализм – система в том его нецивилизованном российском виде, в котором он существует в нашей стране, ни к чему, кроме бед, не приводит. Любые попытки его улучшить, реанимировать, реформировать – это исторически бесперспективная трата времени и ресурсов на поддержание всего старого, отжившего, продолжение разграбления национальных богатств. Необходимо прекратить эту политику.

Надо искать новые пути и механизмы глубоких качественных преобразований всех основных сфер экономики, производства, социальной жизнедеятельности.

Необходимо коренное обновление системы власти, которая должна поставить вопрос об отмене криминальной «приватизации», вернуть народу украденное богатство, выбрать оптимальную социально-экономическую модель общественного строя, начать подъем духовно-нравственных ценностей, одолеть депопуляцию, остановить вымирание народа, разработав и приняв новую Концепцию демографического развития России с патриотическими исходными положениями и целями, восстановить в форме эффективного народного хозяйства экономику, промышленность, науку, образование, культуру, военно-промышленный комплекс, дать новый импульс космонавтике, вооруженным силам, защитить народ от агрессии олигархов и их компрадорской политики.

Необходимо объединить усилия общества и государства по противостоянию всем угрозам безопасности, по защите глубинных национальных морально-духовных ценностей и идеалов от разлагающего влияния «вестернизации», укреплению и подъему нравов, по защите национальных геополитических интересов, по выработке объединяющей всех национальной идеи.

В связи с развернувшейся сегодня научной и политической дискуссией о причинах кризиса, о стратегических целях и задачах, перспективах и методах развития страны и государства необходимо подчеркнуть следующее. Процесса реиндустриализации и требуемого проведения комплексной научно-технической революции как не было осуществлено ранее, так нет и теперь. Сегодня при фактическом отсутствии собственного промышленно-индустриального базиса (так называемого 4-го уклада хозяйства) и очень малом заделе (10%) научно-технического современного технологического (5-го) уклада, преимущественно в сфере оборонного и космического комплекса, следует изыскивать рублевые инвестиции и начинать процесс новой промышленной индустриализации и создания собственного базиса производственно-экономической независимости и динамичного, устойчивого развития страны. И только вместе с этим процессом необходимо обеспечить разворачивание НТР

на основе развития 5-го уклада, в том числе проведения конверсии военного производства, и создания заделов 6-го технологического уклада на основе отечественных достижений современной академической, вузовской и прикладной отраслевой науки. Это требует новой кадровой, экономической и научно-технической и соответствующей инвестиционной политики.

И сегодня, прежде всего, необходимо в короткие сроки кардинально решить проблему обеспечения продовольственной безопасности, создания высококоразвитого, конкурентоспособного агропромышленного комплекса, способного дать импульс для развития других сфер и комплексов.

Особенности и проблемы осуществления организационных изменений в вузе

Шманцарь М.В.

Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург

Организационные изменения представляют собой процесс освоения организацией новых моделей поведения, переход из одного состояния в другое, результатом которого служит модификация ее элементов, приводящая к трансформации организации как целого.

В современных условиях развития системы высшего образования в вузах происходят масштабные изменения, касающиеся всех элементов внутренней среды (целей деятельности, структуры, технологий, человеческих ресурсов, культуры) и отношений с внешней средой. Вузы как образовательные организации выполняют социальную функцию воспроизводства профессионального капитала, что порождает необходимость рассмотрения специфики изменений, внедряемых в различные сферы деятельности вуза.

Организационные изменения в вузе являются планируемыми, причем нередко теми субъектами, которые находятся за пределами организации, но так или иначе заинтересованы в деятельности вуза. Инициатором организационных изменений в вузе изначально выступает государство, поскольку деятельность конкретного вуза отражает состояние всего образовательного пространства и

системы образования страны. Исполнителями служат академическое и административное звенья организации, которые транслируют «новые правила игры», от них зависит реализация изменения, т.е. признание новых практик в качестве нормы и их внедрение в деятельность вуза.

Отметим, что для вуза как социальной организации наиболее значительны изменения, связанные с образовательными технологиями, так как они непосредственным образом сказываются на особенностях и эффективности образовательного процесса и как следствие – на качестве «продукта» (т.е. профессиональных ресурсов).

В рамках структурных, управленческих изменений в вузах наблюдается неприятие новшеств со стороны профессорско-преподавательского состава по причине того, что преподавателям не ясны выгоды от внедрения инноваций в управлении, и отсутствует стимулирование заинтересованности ППС в осуществлении изменений.

Изменения организационной культуры сложнее всего поддаются изменениям, в особенности, в вузовской среде, где основу культуры составляет моральный этос общности преподавателей, их представлений о своих профессиональных функциях, о целях своей деятельности и средствах достижения этих целей.

Базовые ценности, на которых строится деятельность вуза:

- самосовершенствование и творческий рост;
- дух самостоятельности, независимости суждений;
- ответственность за улучшение общества.

Изменения в вузе имеют конструктивные последствия, если направлены на поддержание и развитие указанных базовых ценностей, так как успех трансформаций зависит от потребностей группы: если у членов организации не сложилось естественной необходимости и желания, осуществление изменений будет затруднительным.

Специфика изменений в вузе состоит в том, что, в конечном счете, реализация новшеств и их становление в качестве социальной практики зависит от

преподавателей. Именно они выступают ядром воплощения в практику изменений, поэтому если они видят несоответствие установок администрации и задач повышения качества образования, то декларируемая необходимость изменений не реализуется в запланированном виде, сталкивается с сопротивлением профессорско-преподавательского состава.

В данном контексте значительную роль играет коммуникация между административным звеном и ППС, поскольку при введении новшеств сотрудникам, прежде всего, необходима информация о сущности изменений. Проблема заключается в том, что преподаватели ставят под сомнение способность управленцев грамотно планировать изменения, в особенности те, которые касаются непосредственно образовательного процесса.

Можно сформулировать следующие причины сопротивления организационным изменениям в вузе: недостаток понимания между административными и академическими подразделениями, различия оценок и мнений и вытекающая из этого неопределенность последствий. Также следует отметить, что если инициатором внедрения новшеств в вузе выступает государство, у сотрудников возникает ощущение, что имеет место посягательство на самостоятельность вуза в принятии решений – это еще одна значительная причина сопротивления.

Следующая причина сопротивления – неопределенность, недостаток информации о предстоящих событиях, который вызывает страх перед неизвестным. Этот страх особенно остро проявляется у тех, кто не знает, какое воздействие окажут на них инновации, и беспокоятся, сумеют ли выполнить требования, связанные с новыми процедурами или применением новых технологий.

Таким образом, главная особенность организационных изменений в вузах заключается в необходимости учета мнения преподавателей как субъектов, отвечающих за содержательный аспект основного направления деятельности вуза – данный фактор является условием успешности как процесса, так и результатов организационных изменений.

Здоровьесберегающее поведение как категория социологии

Шматова С.С.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г.

Чернышевского», Россия, Саратов

Закономерный рост общественного интереса к здоровьесберегающему поведению населения современной России, определяется возрастанием потребности в социологическом осмыслении ценности здоровья, как важнейшего фактора развития социума, что делает актуальным перенос внимания с изучения болезни на анализ поведенческих характеристик человека.

«Личный» выбор, или модель поведения, может быть основополагающей причиной заболеваний, связанных с образом жизни. Выбор каждого человека происходит под сильным формирующим воздействием общественных групп, семьи, социальной среды и культуры общества. Потребность в здоровье, данная человеку на биогенном уровне в виде стремления к самосохранению, трансформируясь по мере социализации человека, получает свое развитие в здоровье сберегающем поведении.

Безусловно, не только биологические факторы определяют индивидуальное здоровье человека, активность и способность человека в достижении здоровья играют здесь, важнейшую роль. Зрелость личности и качество управления индивидуальными жизненными ресурсами может влиять на уровень здоровья человека в рамках биологически заданных границ, что позволяет рассматривать здоровьесберегающее поведение как особую активность человека по обеспечению качества жизни.

М. Вебер рассматривал социальное поведение как особый тип ориентации на поведение другого социального субъекта. Он выделял в своих работах четыре разновидности социального поведения: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное. При этом здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как особый вид целерационального поведения.

Противоположный к понимающей социологии, системный подход раз-

вивал Т. Парсонс. По его мнению, здоровье и болезнь, – это состояния индивидов, не только на личностном, но и на социальном уровнях, закрепляемые в культурах и социальных структурах общества. Здоровьесберегающее поведение, таким образом, выступает как функция отношения человека к ситуации, его социального опыта и истории поведения, как своего, так и окружающих людей. Оно может конструироваться только с учетом его собственных потребностей и возможностей.

В рамках феноменологической социологии А. Шюца здоровьесберегающее поведение может рассматриваться как ситуативное восприятие личностью повседневных практик.

Учитывая рассмотренные теоретические подходы можно определить здоровьесберегающее поведение как сложный социальный феномен, особый тип социального поведения, закрепляемый в повседневной реальности и представляющий собой ситуативное восприятие личностью социально-медицинского воздействия.

Здоровьесберегающее поведение – это практическая реализация сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности, что в повседневных поведенческих практиках включает в себя отказ курения, употребления спиртных напитков, применения диет и режима питания, занятий спортом, т.е. соблюдение основных принципов здорового образа жизни.

С целью анализа соблюдаются ли эти принципы населением России был проведен авторский опрос методом анкетирования среди граждан, находящихся на стационарном лечении в стационарах города Саратова. Всего было опрошено 800 респондентов.

Результаты опроса показали, что почти 70% респондентов курят, при этом 23% опрошенных курят до 1 пачки сигарет в день, 18,1% до 0,5 пачки в день, 11,5% курят не каждый день, 10,3% курят более пачки в день и 1,7% курят более 2 пачек сигарет в день. Среди опрошенных мужчин постоянно от полу-пачки до двух пачек сигарет в день курят 70% мужчин, среди женщин постоянно курят 28%.

На вопрос о частоте употребления спиртных напитков около половины ответили – только по праздникам, 22% ответили, что употребляют спиртные напитки 3,4 раза в неделю, 21% не употребляют вообще, 3,6% почти каждый день, 1% ответили – по настроению

На вопрос о частоте занятий физкультурой, значительная часть опрошенных ответили, что вообще не занимаются, 27% не занимаются, но хотели бы, 27% 1–2 раза в неделю делают зарядку, 7% занимаются физкультурой постоянно

Согласно опросу 35,7% опрошенных принимают пищу не менее трех раз день, значительное количество (почти треть) не придерживаются никакого режима питания, 26% пропускают завтрак или обед, 10,8% затруднились ответить.

Значительная часть опрошенных – 33,7% затрудняются ответить, что им мешает заботиться о здоровье, 28,8% сослались на недостаток материальных средств, 21,2% мешается нехватка времени, у 10,1% опрошенных отсутствуют соответствующие условия, 5,2% на неэффективное медицинское обслуживание.

Таким образом, по результатам проведенного опроса можно сделать вывод, что большинство больных не считает заботу о собственном здоровье и соблюдение норм здорового образа жизни необходимым и не торопятся внести изменения в существующий распорядок жизни. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что у населения России еще окончательно не сформировалась модель здоровосохранительного поведения.

Проблема одиночества в пожилом возрасте

Щанина Е.В.

Пензенский государственный университет, Россия, Пенза

Одна из наиболее общих современных социально-демографических тенденций в России – это увеличение численности и доли представителей старших возрастов в составе населения, т.е. идет процесс старения населения, который оказывает существенное влияние на процессы развития общества, затрагивает

многие стороны жизнедеятельности. В связи с этим, исследование проблем пожилых людей, в том числе и проблемы одиночества пенсионеров является весьма актуальным. С этой целью в 2014 году в Пензенском регионе нами было проведено исследование.

Наиболее сильным стрессом для людей пожилого возраста является одиночество в старости. У пожилого человека зачастую нет родственников, сверстников, друзей. Одиночество в старости может быть связано и с отдельным проживанием от молодых членов семьи. Так, по результатам опроса 60% респондентов проживают отдельно от своих детей и внуков. Однако, поддерживают связи с ними, 48% респондентов отметили, что дети и внуки оказывают им помощь в решении бытовых проблем, в уходе за ними в случае болезни (34%), оказывают им материальную поддержку (23,1%). В свою очередь, сами пенсионеры оказывают материальную помощь детям и внукам (48%), а также помощь по дому (17,4%), в виде ухода за внуками (35,4%), консультации по жизненным вопросам (23,1%). Но только половина (48,3%) опрошенных считают, что детям и внукам надо помогать при любых обстоятельствах, причем, помогая им 19,4% пожилых людей чувствуют себя нужными и полезными, а общаясь с внуками, только 16,3% получают много положительных эмоций.

Существенными в старости оказываются психологические аспекты (изоляция, самоизоляция), отражающие осознание одиночества как непонимания и безразличия со стороны окружающих. Особенно реальным одиночество становится для человека, живущего долго. В центре внимания, дум, размышлений пожилого человека может быть исключительно ситуация, породившая ограничение круга общения. Неоднородность и сложность чувства одиночества выражается в том, что, с одной стороны, человек ощущает увеличивающийся разрыв с окружающими, боится одинокого образа жизни; с другой стороны, он стремится отгородиться от окружающих, защитить свой мир и стабильность в нем от вторжения посторонних. Практикующие геронтологи постоянно сталкиваются с фактами, когда жалобы на одиночество исходят от пожилых людей, живущих вместе с родственниками или детьми, гораздо чаще, чем от пожилых,

живущих отдельно. Одна из очень серьезных причин нарушения связей с окружающим кроется в нарушении связей пожилых с молодыми людьми. Раньше престарелые, включенные в сеть тесных и многогранных семейно – родственных взаимосвязей, чувствовали себя востребованными в своей семье, не одиноко, внося незаменимый вклад в процесс социализации подрастающего поколения и социального контроля над ним. Сейчас происходит очень интересная ситуация в России: на смену демографически молодому обществу, где общественный авторитет и власть принадлежали старшему поколению, пришло демографически старое общество с доминирующим положением молодежи. Потеря социального статуса усугубляется психологической проблемой одиночества стариков. Ряд исследований, раскрывающих социальные, геронтологические, психологические особенности людей пожилого возраста (К. Висьневска-Рошковский, В. Климова, Н. Дементьева, Ф. Углова), показывают определенный интерес к этой малоизученной проблеме. Исследования, проведенные Перланом и его коллегами, вывели гораздо больше фактов одиночества среди пожилых людей, которые проживали с родственниками, чем среди других пожилых, которые жили одни. Оказалось, что социальные контакты с друзьями или соседями оказывают больше влияние на внутреннее благополучие пожилых людей, чем контакты с родственниками. Контакты с друзьями и соседями снижали их чувство одиночества и повышали чувство собственной пригодности и ощущение, что тебя уважают и другие.

Таким образом, следует формировать мнение о том, что одиночестве в пожилом возрасте нельзя рассматривать как естественное явление. Есть факторы, которые препятствуют наступлению одиночества в старости. Очень многое зависит от общественного мнения о пожилых. Однако еще большее значение имеет сохранение контактов с семьей, ведь именно эта сфера жизни является источником ресурсов и поддержки для пожилого человека, так как очень важно ощущать внимание, тепло, любовь и заботу со стороны родных людей. И вовсе не обязательно становиться для них обузой, что может быть неприятно обеим сторонам. Пожилой человек вполне может заниматься несложными домашними

делами или сидеть с ребенком. Во-первых, это является вполне адекватной деятельностью для данного возраста и дает возможность для самореализации, в результате которой появляется уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Во-вторых, он будет активнее включаться в семейные дела, что само по себе является основой для общения.

«Катастрофа» и «чрезвычайное положение» с точки зрения социологии повседневности

Щекотин Е.В.

Томский государственный университет, Россия, Томск

Доклад посвящен теоретической концептуализации предмета такой отрасли социологии как социология катастроф. Обилие нештатных ситуаций, которые заканчиваются катастрофическим исходом, делает такое исследование крайне актуальным. Предпринята попытка проанализировать концепты «катастрофа» и «чрезвычайное положение» теоретическими средствами социологии повседневности.

Повседневность конструируется на основе комплекса знаний, которое является типизированным, оно образует континуум повседневной жизни (А. Шюц). Рутинные практики конструируют «фон» повседневности, контекст в котором разыгрывается драма человеческой жизни (П. Бергер, Т. Лукман). Чтобы быть эффективными фоновые практики должны быть «неразрывными». Для человека – это привычный мир, это пространство, где исход событий и взаимодействий предсказуем, определен. Эти исходы укладываются в принятую и привычную схему, они составляют конечную и хорошую известную человеку из прошлого опыта область значений. А. Макинтайр говорит в этой связи, что актер обладает «теорией».

Когда происходит событие, которое не попадает в область ожидаемых исходов (расходящихся с «теорией»), нарушается непрерывность рутины. В ней образуются анклав опыта, который не типизирован и является проблематичным. Как правило, это непривычное, неординарное событие ставит нас в за-

труднительное положение, наши действия неопределенны и спонтанны. Оно заставляет нас осознавать механику рутины, которая в обычных условиях неосознаваема, не является предметом мысли.

С течением времени фоновые практики «латают» дыру, проделанную непредвиденным событием, рутенизируют неизвестное, переводя в известное и знакомое. Тем самым восстанавливается непрерывность повседневности. Однако, чем масштабнее событие, чем серьезнее последствия и тем сложнее затянуть образовавшуюся лакуну тканью рутинных действий.

С мелкими «поломками» рутинных практик мы сталкиваемся ежедневно: люди порой действуют не так, как вы ожидаете. Эти события снижают качество жизни, однако они не фатальны, с ними можно справиться, чего не скажешь о последствиях таких двух явлениях как катастрофа и чрезвычайное положение.

Рассмотрим два таких предельных случая. Природные и техногенные катастрофы разрушают не только материальные объекты, они поражают социальные процессы. Вещи разрывают привычную систему отношений, рутину, в которую они включены, нарушают «установленный» порядок взаимодействия с ними, выходят из-под контроля. Катастрофа – это резкая смена правил, регулирующих повседневность.

Другой концепт – это чрезвычайное положение. Чрезвычайное положение Дж. Агамбен понимает как ситуацию остановки действия правовых норм, как особое пустое правовое пространство, внутри которого не работают все юридические понятия. «Это пространство очень специфично – закон распространяется на это пространство, однако не действует внутри него. Складывается разрыв между существованием правовой нормы и возможностью ее реализации.

На первый взгляд, социологическая интерпретация чрезвычайного положения покажется проблематичной, однако если рассмотреть правовые нормы как правила повседневности, то станет ясно, что применение теоретических постулатов социологии повседневности здесь вполне допустимо. Правовые нор-

мы (в особенности, прочно укорененные в культуре – например, запрет на убийство или кражу) становятся типизированным опытом, который для нас является непроблематизируемым (мы не задумываемся над тем, что не совершаем кражу, однако размышляем когда собираемся ее совершить). Введение чрезвычайного положения (Дж. Агамбен связывает его с гражданской войной) останавливает действие определенного вида практик – правовых практик, которые укоренены в правовом сознании.

Можно провести параллели между катастрофой и режимом чрезвычайного положения с точки зрения социологии повседневности. Чрезвычайное положение является своеобразным эквивалентом катастрофы, только в правовом пространстве. Как катастрофа внезапно разрушает установленный порядок вещей, привычные формы жизни, так же установление чрезвычайного положения разрывает существующий правовой порядок. Катастрофа уничтожает материальные условия существования людей, чрезвычайное положение превращает юридические понятия в пустые бездейственные абстракции.

Брачный выбор современной студенческой молодежи: представления, мотивы, факторы.

Щербакова М.В.

Уральский федеральный университет, Россия, Екатеринбург

В современном мире значимой социальной проблемой является подготовка молодежи к браку. Это связано с постоянно происходящими трансформациями в сфере семейно-брачных отношений, в том числе: увеличивающемся числе разводов, незарегистрированных брачных союзов и т.д. вместе с этим, общество заинтересовано в стабильности создаваемых семей и ее социальной эффективности.

Таким образом, институт семьи переносит трансформации, которые закладываются и наиболее интенсивно проявляются в молодежных добрачных союзах и в молодых семьях.

Эмпирическую базу работы составил анкетный опрос молодежи города

Екатеринбурга. (N=200). Объектом исследования выступили девушки и юноши в возрасте от 18 до 22 лет – студенты 2 и 3 курса очного отделения Уральского Федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина.

Выбор брачного партнера непосредственно связан с представлениями молодежи о брачно-семейных отношениях, так как именно исходя из них, человек совершает наиболее приемлемый выбор среди прочих альтернатив. Большинство респондентов планируют вступление в брак в возрасте 24–26 лет, причем как юноши, так и девушки выбрали данный возраст как самый желаемый. Это говорит о том, что достаточная большая часть студентов считают самым подходящим возрастом для вступления в брак тот период, когда уже закончено обучение, найдена постоянная работа, то есть когда молодые люди уже «встали на ноги».

Кроме того, особого внимания заслуживают факторы стабильности брака, выделенные респондентами. Самым значимым оказался такой фактор как «взаимное уважение партнеров». Скорее всего, это также связано с представлениями молодежи об идеальной семье, так как брачные партнеры почти постоянно находятся в процессе совместной деятельности, а этот фактор касается именно межличностных, «внутренних» отношений супругов, он может регулировать возникающие конфликтные ситуации, помогает находить компромиссы.

Практически все решения семейных вопросов супруги должны принимать коллегиально. Вместе с тем, распределение функциональных обязанностей в семье выглядит вполне традиционно. Так, «материально обеспечивать семью» должен все-таки муж (47%). Однако и «распоряжаться семейным бюджетом» тоже должен мужчина. Отсюда, материальная и моральная нагрузки на мужа возрастает. Он должен заботиться о финансовом благополучии семьи и распределять материальные ресурсы. Студенты полагают, что функции женщины в семье – это «организация семейного досуга» и «забота о здоровье и благополучии членов семьи».

Говоря о мотивах вступления в брак, лидирующим оказался такой мотив как наличие взаимной любви у партнеров (77%). Это связано с возрастными

особенностями опрошенных. Среди других мотивов были названы страх перед одиночеством, потребность иметь наследника, улучшение материального положения, но они были выбраны совсем небольшой долей респондентов (менее 10%).

В целом, студенческая молодежь, в большинстве случаев, придерживается принципа гомогамности при брачном выборе. Это значит, что молодые люди будут выбирать себе партнера со схожими интересами, ценностями. Кроме того, для студентов, брачным кругом являются те люди, которые обучаются с ними в одном университете, живут на близкой территории и являются ровесниками. Как показало исследование, большинство молодых людей уже имеют четкое представление о своей будущей семейной жизни и о своем потенциальном брачном партнере.

«Золотой стандарт» публичной социологии в творчестве П. Сорокина

Щукина Н.П.

Самарский государственный университет, Россия, Самара

В данной статье сфокусировано внимание на одной из важнейших составляющих публичной социологии – актуальности знания, посредством которого коммуницирует публичный социолог с общественностью. При этом акцент сделан не только на значимости данной актуальности, но и на ее связке с другими аспектами публичной социологии – доступностью и диалогом. При этом обозначаются риски такой презентации социологических текстов общественности, включая риск популизма. Данная проблематика рассматривается в контексте наследия П. Сорокина, включая работы ученого как российского, так и американского периодов его творчества.

Бедность работающего населения как фактор формирования социальной напряженности

Юданова К.О.

Масштабы российской бедности весьма впечатляющие. По данным Росстата за чертой прожиточного минимума в 2014 г. находятся почти 20 млн человек. Однако эксперты утверждают, что официальная статистика далека от действительности и примерно четверть населения страны попадает в число бедных. Специфика российской бедности состоит в том, что половина наших бедных работает – 41,4%. Если традиционно бедными в России являлись многодетные и неполные семьи, инвалиды, пенсионеры, безработные, мигранты, то теперь появилась особая группа бедных – работающие («новые бедные»). Это люди в трудоспособном возрасте, получающие низкую заработную плату, или находящиеся в административном отпуске без оплаты, или занятые неполный рабочий день, или работающие на предприятиях, характерной особенностью которых является постоянная задолженность по выплате заработной платы. Парадокс заключается в том, что эти люди могут иметь высшее образование, заниматься высококвалифицированным трудом и иметь полную занятость, но при этом не в состоянии себя обеспечить, т.е. наличие работы не гарантирует россиянам дохода, достаточного для содержания семьи. Таким образом, необходимо признать, что занятость сама по себе не является гарантией от бедности, поэтому достаточно высокая доля занятых среди официальных бедных.

Бедность работающего населения определяют как особенность экономического развития России. Появление «новых бедных» в России связывают с серией реформ начала 1990-х годов, потому что официально признанной бедности в СССР не было, она не осознавалась в качестве постыдной проблемы. За чертой бедности оказалось не только возросшее число традиционно социально-уязвимых групп населения, но и экономически активные граждане, подавляющее большинство которых составляют трудоспособные члены общества. Увеличение доли работающих бедных объяснялось трудностями перехода к рынку, т.е. причины ее возникновения лежали в плоскости экономического развития страны и были связаны с новыми экономическими условиями. А именно: изме-

нившиеся требования на рынке труда; пересмотренная структура востребованных профессий; неравномерность получения доходов; снижение темпов роста заработной платы; сокращение рабочих мест; снижение темпов роста государственных пособий; а также неудачи в сфере предпринимательства и самозанятости.

При этом специалисты отмечают, что масштабы бедности работающего населения значительно отличаются в региональном разрезе. Обусловлено это особенностями экономического развития субъектов РФ, неудовлетворительной структурой занятости, а также сосредоточением нерентабельных предприятий, депрессивных секторов экономики в отдельных местностях.

Однако не только регион предопределяет риск бедности работающего населения, но и размер населенного пункта, его местонахождение по отношению к центру России, областному центру и близость к транспортным путям.

Предполагалось, что с экономическим ростом данную проблему можно решить. В настоящее время существующая модель экономического роста не устраняет основы бедности работающего населения России, среди них по-прежнему преобладают трудоспособные граждане, занятых в сфере услуг, системе образования, культуры и здравоохранения, которые являются основной массой уязвимых категорий людей, что представляет собой особенность российской действительности. Это является препятствием к формированию экономики и способствует лишению у многих людей стимулов к труду. Кроме этого проблема преодоления бедности работающего населения не относится к приоритетным направлениям социальной политики государства, так как признается, что наличие работы гарантирует приемлемый уровень жизни. Все это приводит к тому, что у работающего населения возникает чувство незащищенности, нестабильности, они испытывают тревогу и напряженность, ищут и не могут найти выход из проблем.

Таким образом, стратегия борьбы с бедностью такого профиля должна быть направлена на активизацию внутренних ресурсов человека для решения собственных проблем и создание благоприятных общественных условий для

достижения этих целей.

Современные подходы к измерению качества в образовании

Юрасова М.В.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Любой процесс, происходящий в обществе, вызывает определенную оценку. Мы можем говорить об изменении качества образования, но для этого обязательным условием является определение критериев оценки.

Попытки измерить образования предпринимаются давно, но лишь в последнее время этот процесс стал обязательным для организаций, заботящихся о своей репутации. Это могут быть как аттестационные и аккредитационные показатели, так и удовлетворенность самих обучающихся.

Сама процедура оценивания необходима образовательному учреждению, так как происходит развитие оценки качества подготовки выпускников. Эта работа стимулирует деятельность образовательных учреждений в области обеспечения гарантий качества профессионального и дополнительного образования, а также использование лучшего опыта и предложений по развитию систем качества образования. Происходящие изменения в образовательном процессе, направленные на повышение качества образования, взаимодействие с работодателями предъявляют требования к качеству управления этим процессом. Это общемировая тенденция, касающаяся не только образования, но и управления в целом.

Ключевым вопросом доклада является измерение. Измерить качество и измерить эффективность – это значит выразить их количественно. При этом всегда возникает вопрос о критерии мерности. Любую проблему или ситуацию можно измерить, главное на этом этапе – правильно выбрать критерий и определить исходную позицию, или основание. Правильно измеренная проблема влечет за собой создание адекватной программы изменений. Попытки научного

подхода к оценке качества предпринимались давно.

Квалиметрия (от сочетания латинских терминов «*gualitas*» – «качество» и «*metro*» – «мера») – отрасль науки, изучающая и реализующая методы количественной оценки качества.

Квалиметрия решает целый ряд задач: оценка вариантов услуг или товаров, которые наиболее целесообразно предлагать определенным рынкам сбыта; разработка политики продукта; выбор наиболее выгодных рынков для приобретения необходимых для функционирования фирмы объектов; отбор рынков для реализации (продаж) услуг или товаров; прогнозирование доли рынка, оборота, прибыли фирмы на основе сравнения конкурентоспособности продуктов-конкурентов; оценка и отбор кандидатур при приеме на работу, продвижениях по службе; отбор и оптимизация каналов рекламирования и др.

Возможны два подхода к оценке результата: с позиции экономической эффективности для субъекта, создающего качество (полезный экономический эффект для производителя, связанный с созданием и реализацией оцениваемого качества объекта); и с позиции полезного эффекта для потребителя от создаваемого и реализуемого качества. Окончательная оценка качества здесь осуществляется путем сравнения данного эффекта не с затратами создателя качества и его продавца, а с полными затратами потребителя данного качества, включающего в себя как цену купли-продажи, так и все затраты потребителя, связанные с использованием объекта по назначению.

Расчетные методы позволяют более точно оценивать уровень качества объектов, однако они могут быть применены для оценки так называемых жестких параметров (таких, которые могут быть измерены соответствующими приборами и рассчитаны на основе формул, отражающих объективные закономерности). Экспертные методы оценки уровня качества применяются для оценки так называемых мягких параметров качества (которые не могут быть измерены приборами и рассчитаны по формулам, отражающим объективные закономерности).

Определение критериев эффективности образовательных программ вызывает сложности у многих разработчиков. Под критерием эффективности в управлении обозначают показатель или систему показателей (а это измеряемые, то есть числовые величины), позволяющие определить достижение организацией (отдельными участниками процесса) целевых показателей. Целевые показатели для каждой отдельной программы могут быть разработаны специально. Например, для одной программы это охват слушателей, для другой – сдача квалификационного экзамена, для третьей – финансово-экономические составляющие. Выделяют показатели экономической и социальной эффективности. Показатели экономической эффективности характеризуют рациональное использование финансовых, кадровых и других ресурсов для достижения поставленной цели. К социальным показателям относят повышение образовательного уровня, степень освоения новых программ, развитие нового направления и другими частными критериями по образовательным организациям. Между социальным и экономическим эффектом в образовательных программах возникает противоречие, которое развивается при выборе приоритета развития организаций, особенно в ситуации жестких финансовых ограничений. Таким образом, под измерением эффективности рассматриваются выбранные организацией измеряемые показатели (сочетание экономических и социальных показателей), которые позволяют из множества альтернативных вариантов выбирать тот, который максимально обеспечивает достижение целевых показателей.

Измерение зачастую действительно помогает разобраться в ситуациях, с которыми приходится иметь дело и определить подходящие направления действий для достижения поставленной цели. В то же время нередко измерение само по себе приносит очень мало пользы, а то и вовсе оказывается бесполезным. Система измерения служит инструментом, позволяющим направить ограниченные ресурсы туда, где от них можно получить наибольшую выгоду.

Влияние региональных факторов в формировании системы качества жизни населения

Ягафарова Д.Г.

*ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований
Республики Башкортостан, Россия, Уфа*

В регионе система качества жизни обусловлена региональными условиями жизни. Данные условия, с одной стороны проецируют на себя процессы, происходящие в масштабе страны, придают фактичность ценностям, нормам, действиям, социальным образованиям, с другой стороны, модифицируют их исходя из специфики конкретного региона. Таким образом, региональные условия являются основанием характеристики изучаемого явления. Качество жизни населения региона представляет собой систему тесно взаимосвязанных элементов. Внешние факторы, такие как статус региона в государстве, внутренняя политика государства, система распределения денежных доходов, внешние инвестиции, межрегиональные связи и коммуникации, отношения на уровне государства и других регионов, оказывают влияние на региональную систему качества жизни. В свою очередь, факторы на уровне региона влияют на государство в целом.

Каждый регион, являющийся частью системы, специфичен, так как каждый представляет собой уникальный синтез культурных, национальных черт и характера развития социальных институтов в определенных условиях, преломляя общие для всех социетальные условия на локальном уровне. Безусловно, качество жизни населения региона как часть общей и единой системы подвержено влиянию изменений, происходящих в общей системе, и реагирует на них, опираясь на собственные человеческие, экономические, социальные ресурсы. Происходит взаимовлияние макроуровня (государства) на мезоуровень (регион): изменения в целостной системе влияют на условия в подсистеме, в то же время бифуркации в подсистемах трансформируют общие показатели.

Система качества жизни состоит из ряда компонент, каждый из которых получает конкретное воздействие от региональных факторов. Совокупность факторов в равной степени влияет на каждый компонент системы качества жизни. Изменения, происходящие с одним из факторов, качественно меняют

всю сложившуюся систему региональной модели качества жизни. Изменение одного фактора в структуре системы, например, занятости и рынка труда, влечет за собой изменения во всех аспектах – уровне доходов, соответственно уровне потребления благами и услугами, удовлетворенности теми или иными элементами. Влияние региональных факторов на уровень и качество жизни населения может быть различным: прямым и косвенным, может иметь различные последствия, как позитивные, так и негативные.

Можно выделить два первичных фактора, формирующих качество жизни населения: внешним фактором являются природно-географические условия региона, внутренним – исторически сложившиеся ценностные ориентиры населения региона. На базе влияния этих двух факторов постепенно образуются производственно-экономические структуры и отношения, социальная инфраструктура, происходит дальнейшее развитие системы. Совокупность этих основных региональных факторов формирует систему качества жизни населения региона: любые изменения, происходящие с каким-либо из факторов, оказывают непосредственное воздействие на всю единую совокупность региональных факторов и, в свою очередь, прямо или косвенно оказывают влияние на все компоненты модели качества жизни населения региона.

Природно-климатические и географические условия определяют направление экономического развития региона, что непосредственно влияет на формирование рынка труда, занятости, востребованности специалистов того или иного профиля, развитости социальной инфраструктуры. Это непосредственно отражается на уровне доходов населения, что становится основой социальной дифференциации, различий в уровне доступа к услугам здравоохранения, образовательных и культурных учреждений, различий социального статуса. Кроме этого, важен политический статус региона; его политико-управленческие особенности, меры и возможности регулирования социальных проблем определяют характер его функционирования. Таким образом, формируются условия для определенного уровня жизни населения региона. Качество жизни населения региона определяется сочетанием предоставляемых при-

родой и существующей на данной территории общественной организацией жизни и субъективной оценкой населения своей жизни в этих условиях. На это также в определенной мере влияет менталитет и совокупность ценностных ориентаций проживающего на данной территории населения.

Влияние новых коммуникационных технологий на онструирование идентичности в современном мире

Якушина О.И.

*Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

Эра глобальных массовых коммуникаций и технологий открыла новые возможности, изменила социальные структуры общества. Новые коммуникационные технологии (НКТ) проникают в суть человеческого опыта, превращая эмоциональное взаимодействие людей в единицы информации, в передачу изображений в считанные секунды по всей планете.

Ж. Бодрийяр показал, как потоки коммуникации, информации, изображений, идей и идеологий пронизывают все аспекты повседневной жизни. Центральное место занимает переход к постмодернистской концепции «гиперреальности». Мир насыщен образами СМИ, симуляцией, имитацией реальности. Жизнь круглые сутки в пространстве, в среде потоков массовой информации давит на человека, потому что люди сопереживают увиденному, испытывают стрессы, ужасы борьбы, насилия, которые воспринимают за признаки реального и пытаются преодолеть связанную с ними напряженность в действительности.

Д. Мейровиц анализирует, как НКТ меняют контекст идентичности, ослабляя связи между физическим и социальным местом, локализуя «Я» индивида в новых гибридных пространствах действий. Они представляют собой смесь публичного и личного, привлекают новыми вариантами представления и идентификации себя, в том числе формируя коллективные конфигурации. НКТ изменили границы коллективов: различия в возрасте, физических возможно-

стях, профессиональной принадлежности и т.д. теперь не столь жесткие как различие компьютерно-грамотных от безграмотных.

Д. Олзаиде обращает внимание на новые коммуникационные форматы: режимы выбора, организация и представление информации, которые создают условия для идентификации «Я», дают новые возможности и модели выбора. Эти новые форматы определяют социальную активность, могут изменить, ликвидировать существующую практику или способствовать появлению новой. Клавиатуры телефонов, компьютеров, банкоматов, терминалов открыли путь к принципиально новому взаимодействию, являя тип обратной социализации: сокращают дистанцию между детьми и взрослыми, работой и игрой. Новые виды коммуникации направляют форму и содержание социального взаимодействия индивидов. НКТ дают определенным лицам власть определять социальное положение других, намечает способы «блокировки» социального пространства и создания сценариев нового действия.

Медиа-объекты, по мнению Б. Ривз и С. Найз, способны задавать, также диктовать человеку модели построения идентичности, став сегодня своего рода «живыми», что отношения человека-машины «зеркалят» человеческие отношения. Например, люди вежливы к интеллектуальным устройствам, разговаривают с ними и др., размер и частота изображения экрана телевизора влияет на физические реакции и восприятие личного пространства, если изображение идентично движению в реальной жизни. И это относится не только к человеко-роботам, но ко всем другим интеллектуальным устройствам. Указанные исследователи полагают, что человеческий мозг еще не достаточно развит для восприятия все более быстро развивающихся технологий, и они считают, что знание должно улучшить создаваемые (будущие) технологические продукты. Тем не менее, сегодня медиа-объекты способны задавать, и даже диктовать человеку модели построения себя, своей идентичности.

Мир оказывается одним из мерцаний смоделированных событий, одно-разовых изделий, фантазий, отфильтрованной информацией: присутствуют лишь мимолетные знаки реального, транслируемые с экранов. Они являются

центральными блоками идентичностей, которые сами по себе фрагментированы и расколоты. Это тот мир, к которому следующее поколение получает доступ, причем, очевидно, с возрастающей легкостью с помощью новейших технологий. То, как быстро эта ситуация закрепляется в результате технологических новаций, – ключ к пониманию дилеммы идентичности, с чем современные индивиды сегодня сталкиваются по всему миру.

Трансформация организационной структуры современных МНК

Ясеновский А.А.

ФГБУН «Институт социологии РАН», Москва, Россия

В настоящее время многонациональные компании (МНК) значительно опережают множество национальных государств по экономическим показателям. Так, среди 250 крупнейших экономик мира на 2013 было 175 МНК и всего лишь 75 государств. Роль многонациональных компаний в мировой экономике и других процессах продолжает расти: «еще 60 лет назад бизнес за очень редкими исключениями не выходил за пределы одного континента. Но к 1990 году в мире действовали уже 30 тыс. многонациональных компаний, а в 2009 году их число удвоилось» [1, с. 52].

Вместе с этим, в условиях глобальных изменений, в МНК наблюдается формирование особой сетевой структуры, характеризующейся снятием различного рода барьеров (административных, информационных, территориальных и т.п.) и повышением производительности и конкурентоспособности. Примерно в 1960-е годы компании начали постепенный процесс децентрализации и федерализации. Такая реструктуризация корпораций была обусловлена тем, что в информационную эпоху, крупные пирамидальные организации оказались неспособны быстро реагировать на внешние изменения.

Однако изменение структуры не только повышает эффективность, но и ведет ко многим переменам в самой корпорации, в отношениях между людьми, в образах мышления и в стиле жизни. Кроме того, переход к сетевой организации связан непосредственно с трансформацией общества в целом. Прибегая к

теории одного из основоположников классической немецкой социологии, Фердинанда Тенниса, мы можем сказать, что на протяжении истории два способа организации людей: «община» (органическое единство, живая связь) и «общества» (конструкция мышления, механический артефакт) попеременно доминировали в западном обществе, которое для всего остального мира всегда являлось авангардом развития. Первый способ соответствует как раз сетевой структуре, а второй, – традиционной пирамидальной.

Теперь же мы можем говорить о возвращении к «общине», но к «общине» качественно нового уровня. Современный этап истории стремится к разрушению иерархии и централизации (всех соответствующих структур, например, национального государства и церкви). Мир превращается в глобальную деревню, в связи с уничтожением пространства, вновь начинают преобладать неформальные отношения, растет уровень естественных, органических объединений. Компании быстро схватывают эти тенденции и начинают перестраиваться под новую реальность и поэтому предпочитают сетевую структуру пирамидальной, создают множество маленьких практически независимых единиц вместо одной крупной и неповоротливой. Эти филиалы или дочерние компании наделяются свободой в действиях, в принятии решений и соответствующей ответственностью, а их незначительный размер необходим для создания неформальных отношений, которые повышают эффективность работы.

Пирамидальная и сетевая структуры организаций по-разному определяют образ и стиль жизни тех, кто в них вовлечен. Для первой характерно то, что отношения между людьми максимально формальны и строятся на власти и подчинении, свою жизнь человек рассматривает исключительно как линейный поступательный и восходящий процесс, для второй – это, прежде всего, увеличение свободы, а вместе с ней и личной ответственности, отношения между рабочими приобретают неформальный характер, который способствует сплочению и объединению усилий для достижения общей цели, жизнь для человека сетевой структуры является непредсказуемой, меняющейся и не имеет границ. В этой связи, сотрудник традиционной корпорации с пирамидальной структу-

рой и «портфельный» или «проектный» сотрудник организаций с сетевой структурой это совершенно два разных человека, у которых разные ценности, принципы, образ мышления и стиль жизни.

Между этими структурами и образами жизни идет противостояние, потому как старая пирамидальная структура не хочет уступать свое место. В лице национального государства и церкви как самых иерархических и централизованных организаций она продолжает борьбу за выживание. Это вполне нормально, любая система, когда на нее пытаются влиять извне – закрывается и противится всему внешнему. Свидетельством этого является рост национализма, который сейчас происходит во многих странах, а также рост религиозных настроений. Процесс полного перехода от одной системы к другой может быть очень длительным, мы можем говорить только о об определенных тенденциях. Это значит, что долгое время эти структуры будут сосуществовать, не отдавая пальму первенства какой-то одной. Люди, принадлежащие этим двум разным системам тоже будут постоянно взаимодействовать друг с другом, а их совершенно противоположные взгляды на устройство и организацию жизни и мира могут приводить к серьезным конфликтам и совершенно точно к непониманию.

Таким образом, крайне важным становится изучение того как формируется образ жизни современного наемного работника. В условиях растущего неравенства необходимо выяснить, как образ жизни работника меняется вследствие перехода к сетевой структуре организации.

Литература:

Мэйнуоринг С. Время действовать. Как сделать мир лучше, используя силу социальных медиа. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 52.

Научное издание

IX Международная научная конференция «Сорокинские чтения».

Приоритетные направления развития социологии в XXI веке.

К 25-летию социологического образования в России

Сборник материалов

Печатается в авторской редакции с оригинал-макета,
предоставленного заказчиком.

Подписано в печать 05.12.2014.

Электронное издание. Усл. печ. л. 48,0. Тираж экз.
Заказ .

Издательство Московского университета. 125009,
Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел.: (495) 629-50-91.
Факс: (495) 697-66-71. Тел.: (495) 939-33-23 (отдел реализации).

Е-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин: <http://msupublishing.ru>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).
Е-mail: izd-mgu@yandex.ru. Тел.: (495) 939-34-93